

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Кравченко Э.Е.

**Сидоровский археологический комплекс
на р. Северский Донец**

**№ 4
2020**

Кравченко Эдуард Евгеньевич**Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец***Книга рекомендована к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан***Главный редактор:**чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков***Ответственный редактор:**кандидат исторических наук *С.Г. Бочаров***Рецензенты:***доктор исторических наук М.Ю. Могаричев, доктор исторических наук Л.Г. Шепко,
доктор исторических наук И.Л. Измайлов***Ответственный секретарь:** А.С. Беспалова**Редакционный совет:****Г. Атанасов**, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Уде); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф., (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Анаик Самзун**, д-р (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).**Редакционная коллегия:****Е.В. Асташенкова**, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Казань); **И.О. Гавритухин** (Москва); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленева**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., профессор (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).**Э.Е. Кравченко. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец. Казань, 2020. 344 с.**

Монография представляет публикацию материалов исследований памятника салтово-маяцкой культуры – археологического комплекса у с. Сидорово (Славянский р-н Донецкой обл.). Памятник является крупнейшим из раннесредневековых поселений, расположенных в среднем течении р. Северский Донец. В результате многолетних раскопок был получен богатый и разнообразный материал, который даёт представление о фортификационном и жилищном строительстве, хозяйственной и торговой деятельности жителей этого крупного населенного пункта. Изучение некрополей, прилегающих к жилой части, позволяет получить представление о религиозных воззрениях его жителей, а также дает возможность поставить вопрос о миграциях в хазарское время в среднее течение Северского Донца групп населения с мусульманского Востока. Сравнение с материалами иных памятников рассматриваемой территории, показывает, что данные исследований Сидоровского археологического комплекса достаточно полно отражают не только историко-культурную ситуацию на этом археологическом объекте, но и дают общее представление об исторических, культурных и этнических процессах, происходивших в среднем течении Северского Донца.

Результаты антропологического анализа раннемусульманских некрополей Сидоровского археологического комплекса приведены в статье И.Р. Газимзянова.

ISBN 978-5-98946-332-9

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com**<https://www.evrzstep.ru>**

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2020

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2020

© Э.Е. Кравченко, 2020

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 4 2020

Eduard Evgenievich Kravchenko

Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,

Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive Editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei G. Bocharov**

Reviewer:

Doctor of Historical Sciences **Yuriy M. Mogarichev**, Doctor of Historical Sciences **Larisa G. Shepko**,

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbough**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocar**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Samzun, Anaick**, Dr. (Paris, France); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Juha Janhunén**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin** Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **Samzun Anaick** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Zvezdana V. Dode**, Doctor of Historical Sciences, (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko**, Candidate of Historical Sciences, (Simferopol); **Victor L. Myts**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Konstantin A. Rudenko**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Kazan); **Zufar G. Shakirov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

E.E. Kravchenko. Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River. Kazan, 2020. 344 p.

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evraststep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Кравченко Эдуард Евгеньевич

Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец

Введение	8
Глава 1. Историческая топография и хронология	16
§1.1 Описание городища и его окрестностей	16
§1.2. Хронология и основные этапы развития комплекса	22
§1.3. Фортификация городища	29
§1.4. Поселенческая структура городища и ее изучение	33
§1.5. Некрополи	47
§1.6. «Клады» железных предметов	63
Глава 2. Жилые и хозяйственные сооружения, культовые объекты	68
§2.1. Жилые постройки	68
§2.2. Наземные хозяйственные комплексы	75
§2.3. Хозяйственные постройки с углубленными помещениями	78
§2.4. Хозяйственные ямы	82
§2.5. Культовые комплексы	90
Глава 3. Ремесленные изделия и предметы торговли	93
§3.1. Керамический комплекс памятника	93
§3.2. Изделия из стекла	109
§3.3. Изделия из кости и рога	111
§3.4. Изделия из металла	114
§3.5. Изделия из камня	128
§3.6. Эпиграфика	129
§3.7. Нумизматика	131
Заключение	133
Источники и литература	149
Таблицы	164
Иллюстрации	180
Summary	310
Сведения об авторе	312
Приложение. Газимзянов И.Р. (Казань, Россия) Антропологическая характеристика материалов раннесредневекового мусульманского некрополя у с. Сидорово.	313
Список сокращений	344

CONTENTS

Eduard Evgenievich Kravchenko

Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River

Introduction	8
Chapter 1. Historical topography and chronology	16
§1.1 Description of the settlement and its surrounding area.....	16
§1.2. Chronology and main development stages of the complex	22
§1.3. Fortification of the settlement	29
§1.4. Settlement structure and its study	33
§1.5. Necropolises.....	47
§1.6. "Hoards" of iron items	63
Chapter 2. Residential and household structures, cult items	68
§2.1. Household buildings	68
§2.2. Ground household complexes.....	75
§2.3. Household buildings with embedded rooms.....	78
§2.4. Household pits	82
§2.5. Cult complexes.....	90
Chapter 3. Craft and trade items	93
§3.1. Ceramic complex of the site	93
§3.2. Glass items.....	109
§3.3. Bone and horn items	111
§3.4. Metal items.....	114
§3.5. Stone items.....	128
§3.6. Epigraphy.....	129
§3.7. Numismatics	131
Conclusion	133
References	149
Tables	164
Illustration	180
Summary	310
About the Author	312
Appendix. Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation) Anthropological characteristics of materials from an early medieval Muslim necropolis near Sidorovo village	313
List of Abbreviations	344

СИДОРОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА Р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

© 2020 г. Э.Е. Кравченко

Монография представляет публикацию материалов исследований памятника салтово-маяцкой культуры – археологического комплекса у с. Сидорово (Славянский р-н Донецкой обл.). Памятник является крупнейшим из раннесредневековых поселений, расположенных в среднем течении р. Северский Донец. В результате многолетних раскопок был получен богатый и разнообразный материал, который даёт представление о фортификационном и жилищном строительстве, хозяйственной и торговой деятельности жителей этого крупного населенного пункта. Изучение некрополей, прилегающих к жилой части, позволяет получить представление о религиозных воззрениях его жителей, а также дает возможность поставить вопрос о миграциях в хазарское время в среднее течение Северского Донца групп населения с мусульманского Востока. Сравнение с материалами иных памятников рассматриваемой территории, показывает, что данные исследований Сидоровского археологического комплекса достаточно полно отражают не только историко-культурную ситуацию на этом археологическом объекте, но и дают общее представление об исторических, культурных и этнических процессах, происходивших в среднем течении Северского Донца.

Результаты антропологического анализа раннемусульманских некрополей Сидоровского археологического комплекса приведены в статье И.Р. Газимзянова.

Ключевые слова: археология, салтово-маяцкая культура, Сидоровский археологический комплекс, Северский Донец, фортификация.

SIDOROVSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX ON THE SEVERSKY DONETS RIVER

E.E. Kravchenko

The monograph presents the publication of research materials on the monument of the Saltovo-Mayak culture - an archaeological complex near the village of Sidorovo (Slavyansky district, Donetsk region). The monument is the largest of the early medieval settlements located in the middle reaches of the Seversky Donets River. As a result of many years of excavations, a rich and diverse material was obtained, which gives an idea of fortification and housing construction, economic and commercial activities of the inhabitants of this large settlement. The study of the necropolises adjacent to the residential part allows us to get an idea of the religious views of its inhabitants, and also makes it possible to raise the question of migrations in the Khazar period to the middle course of the Seversky Donets of population groups from the Muslim East. Comparison with the materials of other monuments of the territory under consideration shows that the research data of the Sidorovsky archaeological complex sufficiently fully reflect not only the historical and cultural situation at this archaeological site, but also give a general idea of the historical, cultural and ethnic processes that took place in the middle reaches of the Seversky Donets.

The results of the anthropological analysis of the early Muslim necropolises of the Sidorovsky archaeological complex are presented in the article by I.R. Gazimzyanov.

Keywords: archaeology, Saltovo-Mayak culture, Sidorovsky Archaeological Complex, Seversky Donets River, fortification

*Светлой памяти
моей матери
Пономарёвой Лилии Павловны
посвящаю*

ОТ АВТОРА

Материалы исследований крупных памятников, расположенных в зоне распространения салтово-маяцкой культуры, публикуются нечасто, потому каждая новая такая работа является шагом к осмыслению культурно-исторического наследия, оставленного народами, проживавшими на территории степей Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья. Исследованиям археологического комплекса у с. Сидорово, находящегося в среднем течении Северского Донца, был посвящен ряд статей. В них рассматривались материалы раскопок раннемусульманских некрополей памятника (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998; Кравченко, 2005 а, б), а также результаты работ 2000–2003 гг., которые производились на его жилой части (Кравченко, Давыденко, 2001; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005). Отдельные работы были посвящены постройкам Сидоровского городища (Кравченко, 2011) и исследованиям его оборонительных сооружений (Кравченко, 2018 б). Несмотря на то, что в этих статьях были затронуты многие вопросы, связанные с материальной культурой и историей данного археологического объекта, ряд проблем остался за рамками публикаций. Кроме этого, в процессе исследований был получен дополнительный материал, позволяющий по-иному посмотреть на суть рассматриваемых вопросов. Частично эти данные были изданы в местных краеведческих сборниках, доступ к которым широкого круга исследователей ограничен. Основная же часть их нашла отражение только в научных отчетах.

Чтобы получить представление о том или ином памятнике, желательно ознакомиться со всеми материалами, полученными при его раскопках. Вопрос о полной их публикации не поднимался автором до тех пор, пока на археологическом комплексе продолжались работы. В 2014 г. его исследования на неопределенное время пришлось остановить. В связи с этим возникла идея написания книги, в которой делается попытка обобщить все данные, полученные в процессе многолетних раскопок памятника. Вне сомнений, вскрытая на нем площадь составляет небольшой процент по отношению к общим размерам археологи-

ческого комплекса. Тем не менее при раскопках таких крупных объектов изучить более или менее значительный процент площади поселения всегда представляется проблематичным и требует работ не одного поколения исследователей. Полученный же материал, по нашему мнению, отражает общую историко-культурную ситуацию не только на данном археологическом объекте, но и на территории обширного региона, в пределах которого он находится. На основании его мы можем сделать самые общие выводы, которые в процессе дальнейших работ на этом и других памятниках, расположенных в пределах рассматриваемой нами территории, могут быть откорректированы и уточнены.

В процессе многолетних исследований, проводимых на Сидоровском археологическом комплексе, сложился прекрасный коллектив. Личный состав экспедиции периодически обновлялся, однако большинство людей продолжало работать из года в год, в продолжение многих полевых сезонов. Автор пользуется возможностью поблагодарить всех, кто в течение этих лет питался вместе с ним из одного котла и делил нелёгкие экспедиционные будни. Сложная жизненная обстановка разделила этих людей, которые к концу работ практически составляли единую семью. К сожалению, в условиях мощного политического и идеологического давления далеко не все из них смогли сохранить свою честь и достоинство. Тем не менее для автора они были и остаются теми молодыми ребятами, с которыми он провел свои лучшие полевые сезоны.

Из сотрудников экспедиции в первую очередь хочется почтить светлую память двух человек, с которыми неразрывно была связана история исследований Сидоровского археологического комплекса.

С Гусевым Олегом Александровичем автор начинал работы на Сидорово. Фактически с его помощью была сформирована первая группа, которая в 1996–1997 гг. изучала могильник памятника. К сожалению, О.А. Гусев принимал участие только в раскопках раннемусульманского некрополя 1 и не дожил до самого интересного – исследований на

жилой части археологического комплекса. В 1999 г. он трагически погиб в Славянском районе во время работ экспедиции на поселении Казачья Пристань.

Петренко Александр Николаевич впервые появился в экспедиции в 1998 году. С 2000 по 2013 гг. он находился на нелегкой должности заместителя начальника экспедиции. Александр Николаевич фактически являлся душой коллектива, формирование которого проходило при его активном участии. Без помощи этого замечательного человека, прекрасного специалиста-полевика, педагога и организатора, всей душой любящего свой край, его историю и культуру, исследования данного памятника были бы существенно осложнены. Его преждевременная смерть (март 2020 г.) фактически подводит черту под большим этапом археологических исследований на территории Донецкого края.

Во время проведения работ неоценимую помощь оказывали жители с. Сидорово. Добрым словом хочется помянуть Николая Новикова, человека, который далекой весной 1975 г. рассказал автору о том, что у них возле села имеется городище. Тогда же вместе с ним автор впервые посетил и осмотрел Сидоровский археологический комплекс. Необходимо отметить Погорелова Александра Ивановича (дядю Сашу) и Стрюковского Андрея Ивановича, с которыми у автора данной книги и коллектива экспедиции с первых дней работ установились тесные дружеские отношения. Светлая память об этих прекрасных людях навсегда останется в сердцах тех, кто имел счастье быть знакомым с ними.

Ряд людей, начавших свою археологическую деятельность в Сидорово, и ныне работают в составе экспедиции Донецкого республиканского краеведческого музея. В числе ветеранов следует упомянуть Стребкова Виталия Николаевича, впервые попавшего в состав экспедиции в 2008 г. В течение многих лет он работал на Сидоровском комплексе,

вплоть до окончания исследований на этом памятнике. В 2013 г. в экспедиции появился Войтенко Виталий Александрович. После сложных событий 2014 г., вплоть до настоящего времени, эти два человека ежегодно принимают участие в археологических исследованиях, которые проводятся на территории Донецкой Народной Республики.

Теплые слова необходимо сказать в адрес настоятеля Свято-Георгиевского скита Свято-Успенской Святогорской Лавры архимандрита Феофана (Люкшина), который неоднократно оказывал помощь, духовное и дружеское содействие работникам экспедиции. Этот неординарный, глубоко увлеченный человек и ныне преданно служит Богу, своей Земле и Народу, историю которого он беззаветно любит.

Отдельно хочется поблагодарить художников: Зарубину Тамару Сергеевну, Мирошниченко Веру Витальевну и Чепигу Галину Геннадиевну, которые подготовили графические рисунки материалов раскопок. Большую работу выполнили и работники компьютерного отдела Донецкого республиканского краеведческого музея: Филатова Диана Владимировна и Фирисюк Ярослав Игоревич, подготовившие к публикации иллюстрационную часть работы.

Автор пользуется случаем поблагодарить всех, кто помог в выходе данной работы в свет. Особую благодарность хочется выразить рецензентам: зав. кафедрой социального и гуманитарного образования КРИППО, д.и.н., профессору Могаричеву Юрию Мироновичу, зав. отделом средневековой археологии ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, д.и.н. Измайлову Искандеру Леруновичу, профессору кафедры всемирной истории ДонНУ, д.и.н. Шепко Ларисе Георгиевне, а также к.и.н., доценту КФУ Бочарову Сергею Геннадиевичу, которые помогли автору своим авторитетным мнением и советами, а также высказали полезные замечания по тексту работы.

ВВЕДЕНИЕ

Человеку, приезжающему на север Донецкого края, бросается в глаза существенное отличие этой территории от бескрайней степи, которая тянется от самого Азовского моря. Уже за г. Славянском появляются чередующиеся со степью крупные лесные массивы, которые являются остатками древних лесов, некогда спускавшихся на юг с территории нынешней Харьковской области, в пределах которой пролегает граница лесостепной зоны. В отдельных местах их ширина достигает двух десятков километров. В среднем течении Северского Донца полоса леса опускается до Кременского и Попаснянского районов Луганской области¹. Южнее господствует степь, оживленная островками приречного леса и буерачными лесами, произрастающими в балках.

Исторические свидетельства XVII–XVIII вв. показывают, что в эпоху развитого Средневековья и Нового времени природно-географическая ситуация в среднем течении Северского Донца мало отличалась от нынешней (рис. 1–3). На левом берегу реки произрастал большой сосновый бор (Кириков, 1983, с. 32). Правый же берег был занят крупными лесными массивами – Теплинским и Маяцким лесами. В XVII в. Теплинским лесом владел

¹ Административная ситуация в пределах рассматриваемой нами территории к моменту написания работы представляется достаточно сложной. С 20-х гг. XX в. эти земли входили в состав УССР. После развала Советского Союза они вошли в состав Украины как Луганская и Донецкая области. В результате событий 2014 г. на этих землях были образованы ДНР и ЛНР. Летом 2014 г. часть территорий этих республик была занята украинской армией и вплоть до настоящего времени находится под контролем украинской военно-гражданской администрации, базирующейся в г. Краматорске. В 2019 г. Народным советом ДНР был принят закон «О государственной границе», рассматривающий границы республики в пределах всей территории бывшей Донецкой области. Аналогичный закон был принят и в ЛНР.

Работы, анализу которых посвящена настоящая книга, проводились до событий 2014 года. Дабы избежать путаницы, при указании административной принадлежности тех или иных населенных пунктов автор будет приводить название области (Донецкая или Луганская) в том случае, если к моменту написания эти территории по факту находились под юрисдикцией Украины. В тех же случаях, когда территории находятся под юрисдикцией ДНР или ЛНР, указывается их принадлежность республикам Донбасса.

Святогорский монастырь. Данные документов, связанных с территориальными спорами, свидетельствуют, что тогда этот лес, вероятно, намного превышал территорию нынешнего Теплинского лесничества. Так, в 1666 и 1679 гг. монахи Святогорского монастыря жаловались, что жители вновь построенных городов Тора (Соленого), Маяцкого и Царёва-Борисова рубят монастырский лес (Кулжинский, 2005, с. 153–154; Филарет, 2004). Упоминается Теплинский лес (как принадлежащий Святогорскому монастырю) и в документах 1772 г., связанных со спором о границах Войска Запорожского (Яворницкий Д.И., 1990, с. 49). Учитывая расположение упоминаемых в источниках поселений, а также то, что ближайший запорожский зимовник находился в районе г. Барвенково Харьковской обл., можно сделать вывод, что Теплинский лес занимал участок между перечисленными выше населенными пунктами. Упоминается в документах XVII в. и существующий ныне Маяцкий лес. Остатками этих древних лесов являются нынешние Краснопольское, Маяцкое и Теплинское лесничества, расположенные на территории Славянского р-на Донецкой области.

Соседство на рассматриваемом участке территории леса и степи обусловило обилие его природных ресурсов. Наряду с лисами, волками и зайцами здесь водились крупные звери: зубры, дикая лошадь, лоси, олени, дикие кабаны. Встречался и такой хищник, как бурый медведь, кости которого были обнаружены при раскопках средневекового поселения в урочище Панский Луг (Старица) (Приходнюк, Швецов, 1989). Свидетельства о проживании на этой территории медведей сохранились и в топонимах. Так, в Долгом лесу (между селами Богородичное и Сидорово Славянского р-на) имеется урочище, которое и ныне носит название «Вэдмэжэ». Реки были богаты промысловыми животными и разнообразной рыбой (Кириков, 1983, с. 33), ловля которой играла видную роль в хозяйстве населения края. Свидетельством этого являются рыболовные снасти, достаточно часто встречающиеся при раскопках средневековых поселений в среднем течении Северского Донца. Кроме этого, в культурном слое и заполнении хозяйственных ям на этих памятниках присутствует большое количество крупной рыбьей

чешуи и костей, в том числе от рыбы осетровых пород (Кравченко, 1992; 2000, с. 80; 2009 а, с. 260–261). Таким образом, рассматриваемый нами участок в плане своих природных ресурсов выгодно отличался от прилегающей к нему с юга степной территории. Одновременно он представлял собой своеобразный природный барьер, являясь южной границей буферной зоны между степью и лесостепью. Возможно, этим и объясняется появление именно здесь укрепленных поселений, отсутствующих в степной части региона.

В настоящее время в среднем течении Северского Донца (на участке от места впадения р. Оскол до места впадения р. Казенный Торец) известна группа городищ (рис. 4). Несмотря на то, что общая длина этого участка не превышает 50 км, на нем находилось не менее девяти укрепленных поселений: пгт Райгородок, пос. Донецкий (Осияньска Гора), с. Маяки, с. Сидорово, с. Татьяновка, г. Святогорск, с. Богородичное Славянского р-на; пос. Кировск/Заречное и с. Новосёловка Краснолиманского р-на Донецкой обл. (рис. 4: 1–9) Некоторыми авторами (Сибільов, 1950, с. 99–100) делалось предположение о наличии средневековых укреплений на горе Кремянец (у г. Изюм) и на территории городища Царёва-Борисова XVI–XVII вв. (у с. Красный Оскол Изюмского р-на Харьковской обл.). Основанием для этого служило то, что данные местонахождения являются ключевыми стратегическими точками, господствующими над перевозами через реку Северский Донец на Изюмской и Новой Посольской дорогах – крупных степных путях эпохи позднего Средневековья, пролегающих по рассматриваемому нами участку. Кроме этого, как на г. Кремянец, так и на территории Царёво-Борисовского городища ранее было обнаружено значительное количество находок, относящихся к эпохе раннего и развитого Средневековья. Вне сомнений, эта точка зрения заслуживает внимания, несмотря на то, что при археологических исследованиях, производимых на территории Царёва-Борисова, ранних слоев пока выявлено не было.

От городищ, расположенных выше и ниже по течению реки, донецкая группа отделена солидным расстоянием. Так, ближайшие лесостепные укрепленные поселения (Сухая Гомольша) отстоят к северу от донецкой группы более чем на 100 км. (рис. 4: 13, 14) (Плетнева, 1967, с. 192–194; Михеев, 1985, с. 110, рис. 1: 26, 28; Афанасьев, 1987, с. 171,

№ 63). Некоторыми авторами (Ляпушкин, 1958, с. 149, рис. 26: 12; Шрамко, 1962, с. 290, рис. 114; Krasilnikov, 1990, Karte; Свистун, 2014, с. 58–80) упоминаются городища, расположенные ближе, однако отношение этих памятников к эпохе Средневековья, в связи со слабой степенью их изученности, у ряда специалистов вызывает сомнения (Афанасьев, 1987, с. 88–89). Солидное расстояние отделяет донецкую группу и от типологически близких ей памятников, находящихся ниже по течению Северского Донца. Ближайшим из них является городище у г. Каменск-Шахтинский (Ростовская область), (рис. 4: 14). Не совсем понятно, имелись ли укрепленные поселения в пределах Луганской области и ЛНР, которая располагается между этими двумя участками течения реки. Данные, предоставляемые К.И. Краси́льниковым, говорят об отсутствии их на этих землях (Krasilnikov, 1990, карта; 2010, с. 19–21). Тем не менее наличие здесь крупных поселений, рядом с которыми расположены раннемусульманские некрополи (рис. 4: 10–11), а также особенности топонимики и топографии региона свидетельствуют в пользу того, что на этой территории могут иметься городища. Интерес представляет информация С.А. Локтюшева, который при раскопках на поселении у с. Петропавловка Верхне-Теплянского р-на Луганской обл. упоминает Рогаликское городище. «Оно расположено на высоком правом берегу р. Ковсуга (Евсуга). Вокруг городища местами усматриваются следы бывших земляных валов. От распашек на этом городище находят во множестве фрагменты глиняной посуды, типичной для культуры древних славян, затем алан хазарского времени, потом находят серебряные арабские деньги (диргамы) ... находят и следы жилищ. Судя по последним, они были глинобитными» (Локтюшев, 2009, с. 299–300). Таким образом, вопрос о том, существовала ли сплошная цепь городищ в среднем течении Северского Донца, пока что остаётся открытым.

Традиция сооружения городищ в среднем течении р. Северский Донец имеет длительную историю. Первые подобные поселения появляются здесь еще в гунно-сарматское время (рис. 4: 6–7). Их мощные укрепления, расположенные на участках, неудобных для жизни, зато занимающих господствующее положение на местности, имеют очень тонкий культурный слой, слабо насыщенный находками, что позволяет рассматривать эти городища либо как нежилые, либо как посе-

ления, которые функционировали непродолжительный промежуток времени. Оставлены они были группами населения, пришедшими из лесостепи (Кравченко, 2004а, с. 267; Кравченко, 2012а, с. 146–147). Топографическое расположение этих памятников, внушительные укрепления, сооруженные при максимальном использовании всевозможных природных барьеров, свидетельствуют о хорошем знакомстве их создателей с техникой строительства оборонительных сооружений.

Функционировали ли указанные городища до начала эпохи Великого переселения народов, когда в среднем течении Северского Донца появились неукрепленные поселения носителей пеньковской культуры, по имеющимся ныне данным сказать трудно. На некоторых поселениях (Старица – Панский Луг, Выдылыха) встречены как пеньковские древности, так и материалы предшествующего периода (Обломский, 1999, рис. 1, пункт 84; Хозин, 2007, с. 6–74).

Новый поток населения, пришедший из лесостепи в V в., также останавливается на крайней южной границе буферной зоны между степью и лесостепью. Крайним юго-восточным памятником пеньковской культуры пока что является небольшое поселение у оз. Красноярское (Краснолиманский р-н Донецкой обл.), которое находится на левой стороне Северского Донца, напротив места впадения в него р. Казенный Торец. Материалы пеньковской культуры, обнаруженные на поселениях, расположенных к югу от этой территории, крайне немногочисленны и невыразительны (Красильников, 2001 б, с. 317, рис. 10). Факт длительного существования пеньковских поселений непосредственно на границе со степью можно объяснить тем, что жившее на степном пограничье население находилось в мирных взаимоотношениях с кочевыми обитателями степи. В противном случае их немногочисленные неукрепленные селища вряд ли могли бы существовать здесь в такое смутное время, каким была эпоха Великого переселения народов. Таким образом, южные границы распространения памятников сарматского времени, памятников пеньковской культуры и группы городищ в среднем течении Северского Донца совпадают. Наиболее вероятно, это связано с тем, что именно здесь в сарматское время и раннесредневековый период заканчивалась полоса относительно крупных лесных массивов, спускающихся с территории лесостепи вниз по реке Северский Донец.

Основная часть городищ рассматриваемого нами региона (рис. 4: 1–5, 8–9) была сооружена в хазарское время. Они располагались цепочкой вдоль правого берега реки, на небольшом расстоянии друг от друга, редко превышающем 4–5 км. На левом берегу городища находятся близ места впадения в Северский Донец его притоков: рек Черный Жеребец (рис. 4: 9), Нитриус (рис. 4: 8) и, возможно, Оскол. Они чередуются с неукрепленными поселениями, разбросанными вдоль реки и возле многочисленных пойменных озер, расположенных на левом ее берегу. Большая часть городищ представлена небольшими по размеру укрепленными населенными пунктами. Неподалеку от заброшенного Святогорского городища и рядом с Теплинским городищем выросли неукрепленные поселения салтовомаяцкой культуры. Находки в пределах линий укреплений фрагментов салтовской керамики и отдельных вещей свидетельствуют, что жители этих поселений посещали обнесенные валами и рвами площадки на вершинах холмов. Тем не менее этот материал встречен здесь в столь небольшом количестве (Колесник, Подобед, Дедов, Литвиненко, 1989; Кравченко, Швецов, 1995), что говорить об использовании старых городищ в их прежней оборонительной функции или просто в качестве обжитой территории на основании только этих находок нельзя. Комплексов же хазарского времени при раскопках данных памятников пока выявлено не было.

В степи, на небольшом расстоянии от Северского Донца, не превышающем два водораздела, в хазарское время появляются памятники иного вида, в большом количестве известные как на Донецком Кряже, так и в Северном Приазовье. Ярким их примером может служить археологический объект у с. Грузское Добропольского р-на Донецкой обл. Материалы его раскопок показали, что он представлял собой сезонное пастушеское стойбище, используемое в весенне-летний период времени для выпаса скота. Близкие по топографическому расположению и материалам памятники у сёл Краснополье и Ивановка Славянского р-на расположены всего в 15–20 км к западу от таких крупных археологических комплексов, как Маяки и Сидорово на Северском Донце.

Крупные размеры городищ Донецкой группы и происходящий с них археологический материал обратили на себя внимание исследователей еще в конце XIX века. Первым

объектом такого типа долгое время оставалось городище у слободы Райгородок (ныне пгт Райгородок Славянского р-на Донецкой обл.) (Спесивцев, 1905, с. 155, Багалея, 1905, с. 56; Городцов, 1905, с. 260, 263). Примерно в это же время было обращено внимание и на другой не менее крупный памятник, расположенный в 9 км к северо-западу от Райгородка, у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. Судя по всему, В.А. Городцов о нем еще не знал. По крайней мере, в его работах имеется упоминание только о Райгородском городке золотоордынского времени.

В литературе фигурирует точка зрения, что Царино городище у с. Маяки, а также городища Теплинское и Сидоровское были открыты известным исследователем древностей Северского Донца Н.В. Сибилёвым (Сибилёв, 1930, с. 11). Тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о том, что первооткрывателем этих памятников был краевед из г. Славянска А.И. Абрамов (рис. 5).

Собирать материал на Маяках он начал задолго до Н.В. Сибилёва. Уже в 1925 г. группа артефактов с Маяцкого городища была передана им в Харьковский исторический музей (Михеев, 1963, с. 1). Эти сведения подтверждаются данными дневников и писем самого А.И. Абрамова, хранящихся в фондах Славянского и Донецкого краеведческих музеев (рис. 6). Согласно им, городище у с. Маяки было показано Андрею Ивановичу в 1924 г. местным жителем Л. Братерским. Собранный на памятнике материал А.И. Абрамов отправил двумя посылками в Ленинградский ИИМК (Колесник, Давыденко, Шамрай, 2010, с. 33). Вероятно, в это время он уже знал и о другом городище, которое находится в Теплинском лесу (у с. Богородичное), а также мог иметь информацию и о других крупных укрепленных поселениях, у с. Сидорово и Новоселовка, которые невозможно было не заметить. Одно из них находилось возле современного села, а второе (Новоселовское) вообще в пределах населенного пункта. Благодаря всему этому местное население хорошо знало об этих памятниках, о чем свидетельствуют и данные топонимики.

В 1928 г. произошла встреча А.И. Абрамова с Н.В. Сибилёвым (рис. 7), которому Андрей Иванович рассказал о находках, сделанных им на Маяках. Тогда же они вместе осмотрели Маяцкое и Теплинское городища. В дальнейшем Н.В. Сибилёв писал о донецких городищах как об открытых им объектах (Сибилёв,

1930, с. 10–11). Теплинское городище было переименовано им в Шаруканское в связи с тем, что исследователь считал указанные археологические памятники остатками летописных половецких городов – Сугрова, Балина и Шарукани (Сибилёв, 1950). В более позднее время так именовал эти городища и сам А.И. Абрамов, которого вопросы приоритета их открытия, вероятно, не сильно волновали.

Основное внимание Н.В. Сибилёв уделил городищу у с. Маяки. Последнее не удивляет, т. к. этот объект в течение многих лет интенсивно использовался жителями прилегающего к нему села в хозяйственных целях. На его поверхности, поврежденной многочисленными перекопами и вспашкой, встречалось огромное количество всевозможных находок, по богатству и разнообразию которых этот памятник резко выделяется среди прочих поселений, расположенных в среднем течении Северского Донца².

В 1928 г. Н.В. Сибилёв снял план городища у с. Маяки, который вплоть до 60-х гг. XX в. был единственным планом памятника. Вероятно, тогда же им были проведены на нем небольшие по объему раскопки. О них не сохранилось никаких данных, возможно, в связи с очень незначительным объемом этих работ³. О Сидоровском городище в книге «Древности Изюмщины», где Н.В. Сибилёвым были собраны материалы его исследо-

² Относительно недавно Киевским издательством САМ был выпущен каталог археологической выставки, посвященной материалам Маяков (Царино городища) (Матеріальна та духовна культура, 2017), снабженный многочисленными цветными иллюстрациями. При всей положительности этого события необходимо отметить, что в данном издании, наряду с подлинными находками, происходящими с памятника, присутствует большое количество материалов, никакого отношения к нему не имеющих. Указанный альбом, вне сомнений, требует пристального исследования, т. к. представленные в нем материалы, в том виде, в котором они есть, дают ложную картину об археологической и исторической ситуации не только на археологическом комплексе у с. Маяки, но и на территории Донецких степей в целом.

³ В каталоге, со ссылкой на дневник А.И. Абрамова (Матеріальна та духовна культура, 2017, с. 11), указывается, что непосредственно перед Великой Отечественной войной Н.В. Сибилёв произвел на городище у с. Маяки небольшие раскопки, результаты которых не были опубликованы. Когда именно эти работы производились не ясно. По рассказам местного населения, в 20-х гг. на городище работало три археолога. Вероятно, здесь шла речь о раскопках Н.В. Сибилёва и А.И. Абрамова на этом памятнике.

ваний, упоминаний нет (Сибилёв, 1930, с. 10–11). Тем не менее в более поздней работе, где оно интерпретируется как остатки летописного Сугрова, достаточно точно дано его описание и определена площадь (около 100 га) (Сибільов, 1950, с. 101, 110), что свидетельствовало об интересе ученого к рассматриваемому нами памятнику

В 1936 г. в среднем течении Северского Донца работала экспедиция Сталинского/Донецкого краеведческого музея под рук. Г.Г. Афендика, который в это время являлся его директором. Несомненно, он был яркой личностью. Этот человек стал первым исследователем, начавшим археологическое изучение донецких городищ. Как и в предшествующих случаях, его внимание привлекло Царино городище.

Деятельность Г.Г. Афендика изучена слабо. Практически все, что мы о нем знаем, было скрупулезно собрано сотрудником Мариупольского краеведческого музея Л.И. Кучугурой. В течение длительного времени (с 1930 г.) он принимал участие в экспедициях, работавших на всей территории Донбасса. Экспедиция 1936 г. была наиболее крупной из них и наименее отраженной в архивных материалах, т. к. её результаты в довоенное время опубликованы не были. Возможно, этому помешал вынужденный уход Г.Г. Афендика с поста директора музея, после чего информация об этом человеке вообще исчезает. Результаты работ экспедиции 1936 г. вначале были отложены в ящик стола, а в дальнейшем, как и вся деятельность Г.Г. Афендика, преданы забвению. Немалую роль в этом сыграла начавшаяся война. В послевоенное время, в 1949 г., директор Донецкого краеведческого музея В.С. Евсеев упоминает о работах на Маяках, однако каких-либо оценок этих работ не дает. В настоящее время нет ни одного достоверного портрета Г.Г. Афендика, в связи с чем на сохранившихся экспедиционных фотографиях его определяют предположительно (рис. 8). В 1962 г. директор Донецкого краеведческого музея Г.А. Гусинский даже не смог правильно назвать фамилию своего предшественника (см. письмо от 10.03.1962) (рис. 10). Обрывки отчета о работах экспедиции 1936 г. и отдельные фотоматериалы сохранились в фондах Мариупольского краеведческого музея и были частично опубликованы только в 2014 г. в местном краеведческом сборнике (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014).

Основной целью экспедиции 1936 г. были раскопки курганной группы, находящейся на площадке плато правого берега Сидоровского яра, к югу от городища. В том же 1936 г. Г.Г. Афендик провел раскопки на Царином городище у с. Маяки, которые положили начало его археологическому изучению. Об этих исследованиях известно немного, т. к. та часть дневника, в которой производилась их фиксация, не сохранилась. Тем не менее отдельные чертежи свидетельствуют, что в 1936 г. на Царином городище проводились не только раскопки нескольких захоронений, как утверждает в письме Г.А. Гусинский, но и велись достаточно масштабные работы на жилой части памятника. Кроме чертежей, об этом свидетельствуют ящики с археологическим материалом, сохранившиеся в фондах Мариупольского и Донецкого краеведческих музеев.

Трудно сказать, был ли знаком Г.Г. Афендик с А.И. Абрамовым, однако о существовании городища у с. Сидорово он знал. Судя по сохранившимся материалам, каких-либо исследований на территории расположенного за яром памятника в 1936 г. им не производилось. Изучение ограничилось общим осмотром и, возможно, сбором подъемного материала. Кроме этого, было сделано несколько фотографий (рис. 9) и рисунок пастелью, довольно точно передающий вид археологического комплекса с южной стороны (рис. 11).

Война прервала изучение средневековых городищ среднего течения Северского Донца. Их расположение, выгодное в стратегическом плане, привело к тому, что практически все эти памятники были превращены в мощные огневые рубежи. Серьезные повреждения были нанесены и археологическому комплексу у с. Сидорово, на территории которого весной – летом 1943 г. шли активные боевые действия. Изучение средневековых памятников археологии Донецкого края вновь активизируется только в послевоенное время.

Начало его ознаменовалось выходом ряда обобщающих работ, в которых использовались ранее накопленные данные. Памятник у с. Сидорово упоминается в большинстве из них. Однако в связи с отсутствием точных сведений об этом археологическом объекте о нем практически всегда пишется вскользь. Допускаются и неточности. Так, И.И. Ляпушкин в работе, посвященной древностям салтово-маяцкой культуры Донского региона, определил объект у с. Сидорово как неукрепленное

поселение. При этом была указана площадь памятника, намного меньшая, чем реальная (Ляпушкин, 1958, с. 96). По всей видимости, за его размеры И.И. Ляпушкин принял площадь участка, ограниченного внутренней линией укреплений городища.

В 1956 г. городища в среднем течении Северского Донца были осмотрены С.А. Плетневой (рис. 12). В монографии, вышедшей в 1967 г., она, характеризуя «городища с земляными валами», основное внимание уделяет памятнику у с. Маяки, указывая на большое значение этого археологического объекта для науки (Плетнева, 1967, с. 22). При этом в списке памятников салтово-маяцкой культуры под № 85 фигурирует и Сидорово. В отличие от И.И. Ляпушкина, С.А. Плетнева правильно охарактеризовала его как «городище с селищем» (Плетнева, 1967, с. 192). Каких-либо дополнительных сведений в книге не дается, что было связано с полным отсутствием информации об этом памятнике.

В 1960 г., во время проведения археологических разведок, городища у с. Маяки, Сидорово и в Теплинском лесу были осмотрены Б.А. Шрамко. Памятники, существенно отличающиеся по своей фортификации от городищ скифского времени, не произвели на него впечатления. В своем отчете он отнес объекты у сел Маяки и Сидорово к числу неукрепленных поселений (Шрамко, 1960, с. 18). Сидоровский комплекс он описал следующим образом: «Сидоровское поселение. Большое и Малое городище – местные топонимы! Остатков укреплений нет. Местность для городища совсем не подходящая». Лишь в памятнике, находящемся в Теплинском лесу, он признал наличие городища, и то, с известной степенью сомнения. Последнее представляется вполне закономерным, так как именно Теплинское городище, наряду со Святогорским, существенно отличается по своей фортификации от укрепленных поселений хазарского времени, расположенных в среднем течении Северского Донца. Эти отличия обусловлены тем, что указанные памятники датируются ранним железным веком, и в эпоху раннего Средневековья не функционировали (Кравченко, 2004а; Кравченко, 2012а).

В 1963 г. в среднем течении Северского Донца начинает работы Средневековая экспедиция ХГУ под рук. В.К. Михеева (рис. 13). Объектом ее исследований стала донецкая группа городищ. В качестве основного памятника В.К. Михеев выбрал археологический

комплекс у с. Маяки, на котором им велись раскопки в 1963–1966 и 1968 гг. (Михеев, 1963, 1964; 1965; 1966; 1967; 1968; 1985, с. 12–18). В исследованиях Маяков 1963–64 гг. принимал участие А.И. Абрамов, который приехал на памятник с группой школьников (Михеев, 1963, с. 1; 1964, с. 1). На другие городища было обращено меньше внимания (Михеев, 1985, с. 19–22). Исследования большинства из них (Татьяновское, Новоселовское, Святогорское городища) ограничились внешним осмотром, снятием планов и шурфовкой. На двух памятниках (Теплинское и Сидоровское) были произведены небольшие по объему раскопки.

Впервые на Сидоровском городище экспедиция ХГУ появилась в 1964 г., во время проведения археологических разведок, целью которых было «уточнение местонахождения и плана городища салтовской культуры» (Михеев, 1964, с. 2). В 1971 году В.К. Михеев провел здесь раскопки, которые являлись первыми стационарными исследованиями этого памятника. Раскопы 1971 г. были сосредоточены на территории Малого Городища, т. е. на участке, находящемся в пределах внутренней линии укреплений (в тех границах, в которых определял её В.К. Михеев). Здесь было заложено 6 раскопов общей площадью 200 кв. м. На различных участках памятника была зафиксирована разная мощность культурного слоя (Михеев, 1985, с. 19–20). Не меньший интерес представляют данные, полученные в результате изучения оборонительных линий городища. В целом археологические исследования, произведенные Средневековой экспедицией ХГУ, дали немногочисленный, но очень важный материал. Была уточнена площадь археологического комплекса, снят план укрепленной его части, получен выразительный материал, дающий представление о характере поселения, произведены разрезы линий укреплений. Погребения, выявленные на территории городища, дали В.К. Михееву основание сделать вывод, что населенный пункт погиб от военного разгрома (Михеев, 1985, с. 19–20). Данные, полученные в результате этих исследований, позволили автору отнести городище к памятникам салтово-маяцкой культуры, к категории «городищ с земляными валами» или «деревянными стенами». Вплоть до конца XX в. раскопки в пределах археологического комплекса не производились и сведения, полученные В.К. Михеевым, представляли собой единственную информацию о рассматриваемом нами памятнике. При этом данные

раскопок 1971 г. в полном объеме нашли отражение только в отчете (Михеев, 1971). В обобщающей работе были даны лишь краткие, самые общие сведения о работах этого полевого сезона (Михеев, 1985, с. 18–20).

Ряд выводов, сделанных В.К. Михеевым, в дальнейшем не подтвердился, что было связано с небольшим объемом работ, которые производились на крупном памятнике. Так, группу захоронений, обнаруженную в пределах внутренней линии укреплений, он охарактеризовал как некрополь поселения. На основании наличия отдельных находок эпохи развитого Средневековья в подъемном материале на поверхности городища был сделан вывод, что населенный пункт существовал вплоть до золотоордынского времени (Михеев, 1971, с. 13–14). Все эти данные в дальнейшем были существенно откорректированы и дополнены (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998; Кравченко, Давыденко, 2001; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005 и т. д.).

После 1971 г. территория городища периодически осматривалась различными исследователями (В.К. Михеев, В.Ф. Клименко, А.Г. Копыл, С.И. Татаринцев) и местными краеведами (В.В. Давыденко, А.В. Шамрай, А.И. Духин). Тем не менее стационарных раскопок на археологическом комплексе у с. Сидорово не производилось.

Активизация строительной и хозяйственной деятельности, которая началась после Великой Отечественной войны, привела к росту с. Сидорово, территория которого увеличилась почти в 3 раза. На отдельных участках усадьбы вплотную подошли к Маяцкому лесу, в котором сохранились оборонительные линии, ограждающие памятник с севера и запада. Были застроены оба берега Выслы Балки, нижняя часть Среднего Яра и северо-восточная часть археологического комплекса. В северной его части, рядом с могильником 1, выросли сооружения хозяйственного двора колхоза «Украина». При их строительстве была разрушена северная окраина селища и полностью уничтожена юго-западная часть раннесредневекового мусульманского некрополя. Расширение территории современного населенного пункта к западу и юго-западу нанесло археологическому памятнику сильный урон. Участки, находящиеся рядом с селом, подверглись интенсивной распашке; на склонах городища появились современные мусорные ямы, а также небольшие карьеры,

в которых жители села добывали глину и мел для своих нужд. В результате активной хозяйственной деятельности на памятнике обнажились археологические комплексы, в том числе и захоронения.

В 1982 г. при осмотре группы разрушенных погребений, который производился В.В. Давыденко (рис. 14), был обнаружен крупный могильник, прилегающий к жилой части памятника с севера (далее – могильник 1). В.В. Давыденко верно определил его датировку и отнес некрополь ко времени существования городища. В 1989 г. во время земляных работ, производимых жителями села на правом склоне Среднего Яра, им же был обнаружен еще один могильник (могильник 2) (Горбов, Усачук, Гриб, 1989).

В 1994 г. археологическая экспедиция ДОКМ под рук. А.В. Колесника (рис. 14) начала исследования позднепалеолитической стоянки, расположенной в Выслы Балке, к западу от с. Сидорово. Параллельно с ними производились охранные исследования, в процессе которых на территории могильника 1 было расчищено 4 погребения (погр. 1–4). В 1996–97 гг. отрядом этой же экспедиции изучение раннесредневекового некрополя было продолжено (Колесник, Кравченко, Гусев, 1996; Колесник, Кравченко, 1997; Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998). После двухлетнего перерыва экспедицией Донецкого краеведческого музея под руководством автора были начаты работы на жилой части памятника. С этого момента исследования на археологическом комплексе у с. Сидорово приобрели систематический характер.

В целом же характер городищ хазарского времени четко свидетельствует в пользу того, что вся донецкая группа укрепленных поселений представляла собой единый комплекс, где каждый объект играл свою роль. Так, рядом с крупным памятником, городищем у с. Маяки (Царино городище) (рис. 4: 3), имеется маленькое укрепление – Осиянская Гора (рис. 4: 2). Оно могло охранять подходы или служить укрепленным маяком, с которого передавались световые сигналы. Такое же название имеет еще одна возвышенность, расположенная к югу от Сидоровского комплекса⁴. Подобную функцию,

⁴ При обследовании её площадки каких-либо средневековых культурных отложений выявлено не было. Тем не менее наличие на небольшом участке течения реки, на расстоянии 4–5 км друг от друга двух таких, вне сомнений, древних топонимов представляет интерес.

вероятно, выполняло укрепление, располагавшееся к востоку от археологического комплекса у с. Сидорово. В качестве маяков могли использоваться площадки древних Святогорского и Теплинского городищ (рис. 4: 6–7), господствующие над Северским Донцом. По крайней мере следов постоянного проживания населения салтово-маяцкой культуры на этих памятниках пока не обнаружено. Татьяновское городище (рис. 4: 5), могло представлять собой укрепленную пристань на Северском Донце (Кравченко, 2004 а, с. 262–263).

Особо интересны крупные археологические комплексы, общая площадь которых (с прилегающими к ним селищами и могильниками) составляет 60–120 га. Таких городищ на рассматриваемом нами участке известно четыре. Два из них – Кировское и Новоселовское – расположены на левом берегу Северского Донца (рис. 4: 8–9). Изучены они крайне слабо. Кировское городище (рис. 4: 9) имеет площадь в пределах 60 га (Кравченко, 2004 а, с. 263). Ныне практически полностью застроенное Новоселовское городище (рис. 4: 8), с

прилежающим к нему селищем, также представляло собой крупный памятник. Судя по имеющимся данным, площадь его, с прилегающими к нему поселениями, могла достигать 100 га (Кравченко, 2016 б, с. 224–226, рис. 2).

Два других городища (рис. 4: 3–4) доминируют на правом берегу реки. Эти памятники, расположенные у сел Сидорово и Маяки Славянского р-на, являются наиболее изученными. Они резко выделяются на фоне остальных объектов своими крупными размерами и многочисленным ярким археологическим материалом. Исследованиями установлено, что на археологическом комплексе у с. Маяки (рис. 4: 3), занимающем площадь около 70 га, жизнь продолжалась в течение всей эпохи Средневековья. Еще более крупным является археологический комплекс, расположенный у с. Сидорово (рис. 4: 4). Без сомнения, эти два памятника доминировали над окружающими их поселениями и представляли собой крупные торгово-ремесленные и административные центры. Характеристике одного из них посвящена данная работа.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

§1.1. Описание городища и его окрестностей

Село Сидорово расположено в среднем течении Северского Донца, на севере Донецкой обл. В месте нахождения населенного пункта высокие холмы коренного правого берега реки как бы отступают, образуя огромный луг, граничащий с усадьбами старой части села. Чуть выше домов начинаются крутые склоны меловых холмов коренного берега реки, на которые взбираются отдельные строения (рис. 15).

Начало населенному пункту положил хутор, основанный в сер. XVIII в., который располагался в северо-восточной части нынешнего села. К концу XIX в. этот хутор увеличивается в размерах, благодаря чему у старого русла реки формируется небольшое поселение. Местность, на которой оно появилось, в древности была хорошо обводнена. Кроме собственно Северского Донца, здесь имелась группа небольших степных речек и родников, оставивших серию крупных балок, прорезающих склон высокого коренного правого берега реки (рис. 17; 21). Удобное расположение участка, наличие водных источников, близость Маяцкого леса (являющегося остатком древнего лесного массива), присутствие мощных выходов высококачественного кремня на окрестных меловых холмах сделали эту территорию привлекательной для древнего населения края.

Окрестности нынешнего села изобилуют памятниками археологии различных эпох, наиболее ранние из которых относятся к финальному палеолиту. В 5 км к западу от населенного пункта, в месте разветвления Выслой Балки на три крупных яра (Жорытний, Терновий и Шульгин), была обнаружена позднепалеолитическая стоянка (рис. 17: 1), исследования которой производились в 1994–1996 гг. археологической экспедицией ДОКМ под рук. А.В. Колесника (Высла Балка, 2002)⁵. Разведками на прилегающей к стоянке территории был выявлен ряд местонахож-

дений, относящихся к эпохе камня и бронзовому веку (рис. 17: 2).

Еще одна стоянка рубежа позднего палеолита и мезолита (зимовниковская культура) исследовалась в 2002–2004 гг. на участке, прилегающем к южной части села (рис. 17: 3) (Кравченко, Цимиданов, 2000; Кравченко, 2001; 2002; 2004). Выявленные здесь материалы были представлены кремневыми орудиями и отщепами, которые залежали в слое между предматериком и лессовидным суглинком (рис. 18: 1) (Коваль, Колесник, 2011). В целом раскопами 2, 5, 7, 14 (2000–2004 гг.) были локализованы южная, западная и восточная границы распространения находок. Судя по ним, стоянка имела небольшие размеры (приблизительно 100×50 м) и занимала верхнюю часть мысовидного выступа, ограниченного с восточной стороны спуском в пойму, а с северной стороны – глубокой балкой – Средним Яром (рис. 21) (Кравченко, 2004, с. 3; Кравченко, Петренко, Шамрай 2010, с. 6). На противоположной стороне Среднего Яра, в пределах т. н. «Большого городища» также было выявлено скопление обработанного кремня (рис. 17: 4), которое, скорее всего, маркирует место нахождения еще одной стоянки. Материал с этого местонахождения представлен в основном отщепами. Исследования объекта не производились, и каких-либо дополнительных сведений о его характере и датировке нет.

Густо заселена была эта территория и в неолитическое время. В окрестностях с. Сидорово известен ряд памятников этого периода. На северной его окраине при разработке песчаного карьера была разрушена мастерская, где производилась обработка кремня (рис. 17: 5). Ряд мастерских находится на площадке плато, между селами Сидорово и Маяки. Несколько местонахождений было выявлено между селами Сидорово и Пришиб Славянского р-на (рис. 17: 6).

Интересным представляется неолитическое поселение, обнаруженное в пределах средневекового городища. Памятник располагается в 200 м к югу от описанной выше стоянки зимовниковской культуры (рис. 17: 7). Здесь, на коренном берегу, у склона, имеется высокая площадка, господствующая над

⁵ Памятник был обнаружен в 1991 г. славянским краеведом А.П. Седых. Собранный на памятнике многочисленный материал был им интерпретирован как позднепалеолитическая стоянка, а затем передан автору данной работы, который в 1992 г. отдал эти находки А.В. Колеснику, показав ему местонахождение.

обширными пойменными лугами, прилегающими к городищу с востока. В раскопах 9–10, разбитых на этой площадке в 2003–2004 гг., были выявлены культурные напластования различных эпох. В нижней части культурного слоя залежали материалы днепро-донецкой культуры⁶ (рис. 18: 2). Чуть выше их было встречено небольшое количество фрагментов керамики эпохи бронзы (бабинская и срубная культура), кремневый наконечник стрелы (рис. 19: 3) и два сосуда раннего железного века, которые, судя по их расположению и уровню залегания, первоначально стояли на днищах на древней дневной поверхности (рис. 16; 19: 1–2). Небольшое количество керамики относилось к гунно-сарматскому времени (рис. 19: 4). В целом материалы, обнаруженные на данном участке, достаточно интересны и необычны. Так, неолитический слой содержит большое количество фрагментов керамики при практически полном отсутствии кремня. На площади раскопов, превышающей 1000 кв. м было обнаружено всего одно незначительное скопление кремневых отщепов, что не характерно для неолитических памятников рассматриваемого нами региона. Предметы иных периодов (эпохи бронзы, раннего железа, гунно-сарматского времени) представлены здесь небольшим количеством находок, рассеянных по площади раскопов 9–10.

Расположение разновременных материалов на древней дневной поверхности, в виде небольших скоплений, отсутствие каких-либо стационарных сооружений, относящихся к энеолиту, эпохе бронзы или раннему железу, равно как и топографическое положение площадки, открытой всем ветрам, свидетельствует в пользу того, что находившиеся на ней поселения носили сезонный характер. Если в зимнее время жить на указанном месте без углубленных в землю жилищ было невозможно, то в весенне-летний период эта площадка обладала серьезными преимуществами перед территориями, расположенными внизу, на кишасщем комарами сыром заливном лугу. Она прекрасно продувалась, и с нее на большое расстояние просматривались просторы пойменных лугов. Нам представляется, что данное место в течение длительного периода времени использовалось как населением, проживавшим на этой территории, для соору-

жения временных пастушеских стойбищ, при выпасе скота в пойме реки, в теплое время года (Кравченко, 2013, с. 282–284; Колесник, 2013, с. 34–35).

Группа памятников, расположенных в окрестностях с. Сидорово, относится к эпохе бронзы. Поселение срубной культуры было выявлено к западу от села на террасах Выслой Балки (рис. 17: 8). Вполне возможно, какой-то пункт находился на правом берегу Сидоровского яра, на площадке водораздельного плато, где, чуть ниже курганов, раскопанных Г.Г. Афондином в 1936 г. (рис. 17: 9), присутствует скопление керамики срубной культуры. Керамика эпохи бронзы встречается и на террасе в северо-восточной (старой) части с. Сидорово, которая в эпоху бронзы, несомненно, была заселена. Фрагмент сверленного каменного топора был подобран на селище 1 средневекового археологического комплекса. Эта часть памятника изучена относительно слабо, и однозначно говорить об отсутствии или наличии здесь слоя бронзового века нельзя. Более того, топография указанного участка, особенно его восточной части, вполне подходит для подобных поселений. В 2012 г. на территории селища 1 был выявлен медный статер боспорского царя Рескупорида V (240/242–276 гг.) (рис. 215). Учитывая факт обнаружения к югу от этого участка керамики гунно-сарматского времени, можно предположить, что в начале нашей эры в пределах территории, на которой позже возник крупный средневековый объект, могло существовать небольшое поселение (Кравченко, Петренко, Спинов, Шамрай, 2012, с. 4). Оно могло находиться в восточной части селища 1, на территории, застроенной усадьбами современного села.

В целом же количество и датировку поселений, находящихся в границах нынешнего населенного пункта, установить проблематично. Четко фиксируется многослойное поселение, расположенное у места впадения старого русла в реку Северский Донец. Верхние слои этого памятника относятся к золотоордынскому времени (рис. 17: 10). Группа поселений была выявлена между селами Сидорово и Пришиб. Часть их относится к бронзовому веку (рис. 17: 11). Одно (рис. 17: 12) содержит древнерусскую керамику и может датироваться как позднекочевническим (XI–XIII вв.), так и золотоордынским временем. Еще два поселения расположены в пределах с. Пришиб. Одно из них (рис. 17: 24),

⁶ Любезное определение заведующего отделом охраны памятников археологии ДРКМ С.М. Дегерменджи.

относящееся к хазарскому времени, располагалось на южной, а второе – на северной окраине этого села (рис. 17: 25). Указанный памятник содержал древнерусскую керамику. Ныне он почти полностью уничтожен дачным строительством.

Кроме поселений в окрестностях с. Сидорово имеется значительное количество курганных насыпей. По свидетельствам местного населения, которые подтверждаются находками при земляных работах отдельных захоронений, до Великой Отечественной войны курганов здесь было намного больше. В настоящее время на площадке плато между г. Святогорском, селами Богородичное, Пришиб и Сидорово присутствует несколько курганных групп (рис. 17: 19–23, 26). Ряд курганов расположен в непосредственной близости от села. Часть их объединена в 3 курганные группы, две из которых находятся к северу от средневекового археологического комплекса. Одна группа из трех курганов располагается в 0,7 км к северо-востоку от хозяйственного двора бывшего колхоза, а затем КСП «Украина» (рис. 17: 13). Вторая, размещенная к северу от старой части села, близ песчаного карьера, также состоит из трех курганных насыпей (рис. 17: 14). В пользу того, что ранее курганов в ней было больше, свидетельствует факт находки при разработке карьера сосудов, происходящих из разрушенных захоронений бронзового века (Давыденко, Кузин-Лосев, 2001).

Особый интерес представляет группа курганов, находившаяся на вершучке водораздельного плато к югу от городища (рис. 17: 15). Они расположены к юго-западу от нависающей над поймой реки плоской площадки коренного правого берега, носящей у местного населения название Осиянская Гора. В 1936 г. в этой группе было 4 невысоких насыпи, вытянутых цепью по вершине водораздела (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014, с. 68). От трех из них сейчас на поле остались едва заметные следы, а место четвертой ещё недавно маркировал, ныне срезанный, триангуляционный знак. Указанная курганная группа осенью 1936 г. исследовалась экспедицией Донецкого областного краеведческого музея под рук. Г.Г. Аффендика.

Согласно данным дневника, курганы находились друг от друга на расстоянии не менее 40 м и в 1936 г. уже были сильно распаханы. При этом, все поле «было изрезано буграми», которые, по мнению исследователя, также

могли представлять собой остатки «распаханных насыпей». Исследованиям подверглись три из четырех входящих в группу курганов (кк. №№ 1, 3, 4). Значительная часть обнаруженных в них погребений относилась к эпохе Средневековья (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014, с. 68–71). Все они представляли собой классические курганные захоронения позднекочевнического времени, встречающиеся в среднем течении р. Северский Донец. Если предположение Г.Г. Аффендика верно, вполне вероятно, что на данном участке плато присутствовал курганный некрополь, часть которого могла относиться к позднекочевническому времени. Эти курганы появились в то время, когда жизнь на археологическом комплексе VIII–X вв. прекратилась, и некогда густонаселенный жилой пункт превратился в нежилое городище.

Кроме курганных групп в окрестностях села присутствуют одиночные насыпи, которые венчают вершучки мысов коренного берега, нависающих над поймой р. Северский Донец. Один такой курган находится на северо-восточной окраине села и занимает верхнюю точку мыса, отрезанного от плато ярами (рис. 17: 16). Второй расположен к юго-востоку от южной окраины городища. Его насыпь венчает край вытянутого мыса, образованного с восточной стороны крутым склоном в пойму, а с западной – глубоким древним оврагом (рис. 17: 17). Южной своей стороной он прилегает к площадке Осиянской Горы. В 90-х гг. XX в. местное население с целью поиска раритетов вскрыло блиндажи и траншеи, прорезавшие эту курганную насыпь. В их бровках автором и В.В. Цимидановым были обнаружены остатки 6 погребений, относящихся к эпохе меди-бронзы (одно погребение ямной культуры, 2 – катакомбной; 2 – срубной, 1 – бабинской культуры).

Оба описанных выше кургана располагались на удобных в стратегическом отношении местах. С них просматривалась практически вся долина реки в окрестностях археологического комплекса. Последнее обусловило то, что их активно использовали в качестве оборонительных рубежей во время Великой Отечественной войны.

Выше указывалось на вероятность использования в эпоху раннего Средневековья указанных курганных насыпей, равно как и возвышенностей, на которых они стояли, для сооружения сторожевых постов, или вышек-маяков, контролировавших подходы к крепо-

сти. Кроме этого, один из сторожевых постов мог находиться на возвышенности с плоской вершиной, расположенной близ северной окраины нынешнего села (рис. 17: 18). С западной и восточной сторон этот участок плато ограничен глубокими оврагами, а с юга – крутым склоном в пойму Северского Донца. Местные старожилы называли эту маленькую площадку, находящуюся на верхушке холма, «городищем» и указывали, что ранее она была отрезана от плато невысоким валом, ныне полностью распаханном. При осмотре остатки валов уже не были визуальными различимы. На пашне зафиксированы единичные фрагменты причерноморских амфор. Раскопки на площадке не производились.

Основным и наиболее значимым объектом в районе с. Сидорово является крупный раннесредневековый археологический комплекс, состоящий из городища, двух селищ и как минимум четырех могильников. Памятник располагается на высоком коренном правом берегу Северского Донца, полого понижающемся с юга на север (рис. 20). В месте его нахождения коренной берег прорезан тремя глубокими балками, вытянутыми по линии запад-восток (рис. 21). У местного населения они носят названия Сидоровский Яр (рис. 22), Средний Яр и Высла Балка (рис. 23) (перечисление ведется с юга на север). Все эти балки расположены параллельно друг другу и как бы рассекают площадку коренного берега реки на три части. Высла Балка и Сидоровский Яр ограничивают жилую часть археологического комплекса с севера и юга. По свидетельствам местных жителей, еще в 60-х гг. XX в. по Выслоу Балке протекала небольшая речка, которая, пересекая заливной луг, впадала в Северский Донец. Ныне ее русло наполняется водой лишь ранней весной, в период таяния снегов.

Рядом с холмом, на котором расположено городище, ранее находилось крупное озеро, соединяющееся протоком с Северским Донцом. У местного населения оно называлось «заливом». На планах XVII–XVIII вв. это озеро фигурирует под наименованием «затон» или «Малый затонец». Оно было осушено во 2-й пол. XX в. и ныне представляет собой серию глубоких канав, расходящихся в виде многолучевой звезды, которые соединены с Северским Донцом участком старого русла. К северу от озера также идет понижение, вытянутое по лугу вдоль городища, которое в весенний период заполняется водой (рис. 28).

Благодаря наличию описанных выше древних притоков русло Северского Донца располагается на значительном расстоянии от коренного берега, на котором находится средневековый памятник. Между ним и нынешним руслом реки имеется обширный заливной луг (2,3×2,8 км), обязанный своим возникновением деятельности древней речной системы (рис. 26, 28, 32). На огородах, расположенных в его пределах, часто встречается керамика, что свидетельствует о том, что в хазарское время этот луг интенсивно использовался для хозяйственной деятельности. Остатки расположенных на лугу стариц свидетельствуют, что в древности ситуация мало отличалась от нынешней: ближайшее из старых русел отстоит от коренного правого берега реки на расстояние не менее чем на 800–1000 м (рис. 21). Только ранней весной, во время разлива, воды Северского Донца накрывают полностью луг и плещутся у самого подножия холма, на котором расположено городище (рис. 24, 30). В это же время в балках, пересекающих территорию археологического комплекса, вновь начинают функционировать русла древних степных речек.

Городище занимает крайнюю южную, наиболее высокую часть холма коренного правого берега р. Северский Донец. Наивысшая его точка возвышается на 54 м над уровнем пойменного луга. Площадка, на которой оно расположено, с трех сторон отрезана от плато естественными преградами (рис. 21). Эта часть памятника носит у местных жителей название *Малое городище* (рис. 27, 31). С южной стороны она отсечена глубокой балкой – Сидоровским Яром (рис. 22). Характерное уплощенное дно этого яра и наличие в глубине его террас свидетельствуют, что он представляет собой русло ныне пересохшей небольшой речки или ручья. Вполне вероятно, что эта речушка впадала в описанный выше «затонец». С северной стороны территория городища также ограничена глубокой балкой, отделяющей укрепленную часть памятника от прилегающего к ней поселения. У местных жителей она имеет название Средний Яр. Известно, что в 60-х гг. XX в. в балке существовал колодец, из которого вытекал родник. С восточной стороны холм, на котором расположено городище, ограничен склоном в пойму реки Северский Донец, крутизна которого усилена ступенчатым эскарпом (рис. 21; 25; 27; 30). Не доходя до Среднего Яра, эскарп понижается и обрывается на

прорезающей склон глубокой древней балке (рис. 21, 25, 30).

В целом площадка городища имеет уклон к северу таким образом, что разница в высотах между его крайней южной точкой и участком у Среднего Яра составляет около 30 метров (рис. 21). С западной – напольной и, соответственно, наиболее уязвимой стороны, располагались две линии рвов и валов, находящиеся на расстоянии 120 м друг от друга, которые отрезали площадку городища от плато (рис. 21). Описание их, наряду с прочими оборонительными сооружениями, будет дано в соответствующем разделе.

Основной въезд на городище располагался с его северо-восточной стороны. Здесь находится пологий затяжной спуск, ныне занятый усадьбами современного села. До настоящего времени сохранилась древняя, врезанная в склон дорога (нынешняя ул. Подлесная), которая пересекала территорию городища и выходила через пробел между валами на самую высокую его часть, ограниченную внешней линией укреплений. Его В.К. Михеев называл «въездом» (Михеев, 1971, с. 3; 1985, с. 19).

Еще одна древняя дорога находилась к юго-западу от археологического комплекса. Она огибала прилегающее к городищу урочище, которое носит у местного населения название Макартет, представляющее собой яр овальной формы, в центре которого расположено курганообразное возвышение с перемычкой, соединяющей его с одним из склонов (рис. 29). Согласно рассказам местного населения, у которого с Макартетом связаны легенды о ведьмах и происходящих на этом месте шабашах, в послевоенное время один из местных жителей стесал бульдозером верхушку возвышения и нашел там древнюю саблю. Далее дорога спускалась в Сидоровский Яр по направлению к склону городища. Согласно свидетельству А.И. Погорелова, раньше продолжение этой дороги визуально фиксировалось на склоне. К северу от укрепленной части памятника расположено обширное селище 1, отгороженное от городища Средним яром, на склоне которого находится один из раннемусульманских некрополей (могильник 2).

Селище 1. У местных жителей носит название Большое городище (рис. 31). Происхождение этого топонима неясно. Возможно, что эта часть памятника ранее имела какие-то укрепления. По крайней мере к ней направлена линия из двух рядов валов и рвов, отхо-

дящая от внешней линии укреплений. Она хорошо фиксируется в глубине Среднего Яра и на его северном склоне, однако при выходе на площадку селища исчезает. Насколько распространялось селище 1 на север неясно. Вне сомнений, оно местами выходило на левый берег Выслы балки и достигало мусульманского могильника 1. В связи с тем, что исследования на этой части памятника носили локальный характер, говорить о границах поселения здесь можно лишь предположительно. Так, в сер. 80-х гг. XX в. земляными работами, производимыми на территории хозяйственного двора колхоза «Украина», был уничтожен ряд комплексов, имеющих отношение как к могильнику, так и к жилой части памятника. В южной части хозяйственного двора (350–400 м к западу от границы могильника 1 при постройке одной из мастерских было выявлено пять стоящих в ряд крупных груболепных пифосов. При рытье дренажных канав на этом участке был зафиксирован культурный слой, содержащий фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры и колотые кости животных. Шурф, заложенный здесь в 1996 г., попал в котлован постройки. К востоку от указанного участка, на площадке между Большим городищем и южной границей некрополя культурных напластований выявлено не было. Не было найдено культурного слоя и на территории расположенных здесь усадеб. Наиболее вероятно, что селище 1 постепенно росло на север, в сторону некрополя 1, и в процессе этого роста, на позднем этапе истории памятника, были застроены только отдельные участки террасы левого (северного) берега Выслы Балки, прилегающей к раннемусульманскому некрополю 1.

Восточной границей селища 1 является край террасы, постепенно понижающейся к северу, к руслу Выслы балки (рис. 21; 23). Здесь, на территории, застроенной частными усадьбами, известны многочисленные находки керамики и прочих вещей, свидетельствующие о наличии на этом участке хорошо насыщенного культурного слоя. Согласно свидетельствам местного населения, при земляных работах здесь встречались и отдельные захоронения. В связи с тем, что раскопки здесь не производились, каких-либо дополнительных сведений о данном участке памятника не имеется. Западная граница селища 1 также определяется приблизительно (по распространению подъемного материала на пахотном поле и в огородах). Судя по ним,

ширина селища по линии запад-восток остав- ляла не менее 800–900 м и, таким образом, общая его площадь превышала 90 га. Близкую к этой площади (около 100 га) для территории Большого городища называл и В.К. Михеев (Михеев, 1985, с. 19).

Селище 2 занимает надпойменную терра- су, которая с севера ограничивает полосу заливных лугов, прилегающих к реке Север- ский Донец (рис. 21, 32). Оно застроено усадьбами современного села, и точную его площадь установить невозможно. Шурфов- ка на данной части памятника показала наличие здесь культурного слоя (мощность 0,35–0,4 м), хорошо насыщенного материала- ми салтово-маяцкой культуры. Скорее всего, это селище занимает значительный участок в старой части с. Сидорово. Осмотр много- численных обнажений показал, что участок с культурными напластованиями находится на террасе, чуть отступая к югу от гряды холмов правого берега р. Северский Донец. Собствен- но, и характер расположения усадеб нынеш- него села обусловлен активным функциони- рованием яров, прорезающих прилегающие с северной стороны к террасе крутые скло- ны холмов коренного правого берега реки. В целом ширина террасы, на которой присут- ствуют культурные напластования, не превы- шает 80–100 метров. Территория селища 2, скорее всего, не доходила до рукава старого русла Северского Донца, который находится на восточной окраине современного населен- ного пункта. Разведками установлено нали- чие на этом участке еще одного небольшого многослойного поселения, материалы которо- го датируются периодом от эпохи бронзы до золотоордынского времени. Происходящие с этого памятника монеты датируются 2-й пол. XIV в., т. е. тем периодом, к которому относ- ятся большинство золотоордынских поселений, выявленных в пределах рассматриваемого нами региона (Кравченко, 2007, с. 73; 2015).

Кроме селищ в состав археологического комплекса входят могильники, которых ныне известно четыре.

Могильник 1 (рис. 33). Граничит с север- ной окраиной Большого городища. Он хорошо изучен и является самым крупным некро- полем археологического комплекса (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998; Кравченко, Давыден- ко, 2001; Кравченко, 2004 а; 2005 а; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005).

Могильник 2 находится между Малым и Большим городищами на южном склоне

Среднего Яра (рис. 33). Наиболее вероятно, указанное кладбище имело отношение к горо- дищу. Тем не менее оно прилегает и к южной окраине селища 1.

Могильник 3 был выявлен В.К. Михее- вым при раскопках памятника в 1971 г. Груп- па захоронений располагалась в пределах внутренней линии укреплений городища (рис. 34). В.К. Михеев считал его основным кладбищем памятника (Михеев, 1971, с. 3–7; 1985, с. 20).

Могильник 4 выявлен в 2013 г во время исследований на правом склоне Среднего Яра, при въезде на городище. Здесь, в раско- пе 20, зафиксирована постройка, серия стра- тифицированных хозяйственных ям и группа инвентарных захоронений (рис. 35).

В целом же выяснение количества и точных размеров некрополей археологического комплекса у с. Сидорово требует дополнитель- ных исследований. До проведения их можно сказать, что при населенном пункте находи- лось не менее 4 могильников, два из которых (раннемусульманские некрополи №№ 1 и 2) имели значительные размеры. В состав археоло- гического комплекса могли входить и иные, пока не выявленные, некрополи. Так, в 80-х гг. XX в. в северной части хозяйственного двора колхоза «Украина» при строительстве элеватора была разрушена группа погребений. Количество их и детали погребального обряда неизвестны. Информации же, полу- ченной со слов очевидцев, для характери- стики этого объекта явно недостаточно. Скорее всего, погребения, обнаруженные при стро- ительстве элеватора, представляли обосо- бленную группу, которая являлась отдельным кладбищем, находящимся на значительном расстоянии (около 400 м) от могильника 1. Отдельные могильники могли располагаться на западной и северо-западной части археоло- гического комплекса, ныне заросшей лесом, существенно затрудняющим их поиски. Вполне вероятно, что должно было существовать кладбище, прилегающее к селищу 2. В пользу этого свидетельствуют сообщения местных жителей о находках выше этого селища «захо- ронений с горшками», которые вымывало тальными водами со склона. Отдельно следует упомянуть ряд погребений, выявленных на жилой части археологического комплекса, на характеристике которых мы остановимся ниже. Указанные погребения располагались поодиночке и были разбросаны практически по всей площади памятника.

В целом описанные выше объекты занимают площадь, превышающую 120 га. Таким образом, археологический комплекс у с. Сидорово является наиболее крупным

средневековым объектом в среднем течении Северского Донца, выделяясь на фоне прочих памятников этой территории своими размерами.

§1.2. Хронология и основные этапы развития комплекса

Находки, обнаруженные при исследованиях археологического комплекса у с. Сидорово, позволяют сделать вывод о времени существования этого населенного пункта. Как видно из анализа материалов, выявленных при раскопках памятника, предметов, относящихся к раннему этапу салтово-маяцкой культуры, на нем было найдено мало. Большинство их представлено находками монет, которые локализируются в пределах или возле внутренней линии укреплений. Только одна половинка дирхема была обнаружена за пределами этого участка, и то в непосредственной от него близости – в пойме реки, у подножия городищенского холма.

Как указывалось выше, на памятнике было найдено три византийских монеты. Две из них представлены солидами, рамки бытования которых как будто являются более узкими, чем у восточной серебряной монеты (Семенов, 1978, с. 180–183; 1993, с. 94–95; Semenov, 1994, с. 83–85). Представляется, что в рассматриваемом нами регионе местное население слабо ориентировалось в борьбе между представителями различных идеологических течений, которая происходила в пределах Византийской империи. В результате всего этого солиды императоров-иконоборцев, однажды попавши в область, занятую памятниками салтово-маяцкой культуры, могли обращаться здесь более продолжительное время, чем на территории собственно Византии. В результате чего в землю они могли попасть как во второй пол. VIII в., так и в его конце.

Весьма ограниченными являются и датирующие возможности восточных серебряных монет, встреченных на рассматриваемом нами памятнике. Подавляющее большинство их относится к концу VIII в. Поверхность монет имеет многочисленные царапины, выбоины, сильную потертость (иногда до такой степени, что на них невозможно разобрать надписи). Судя по состоянию, эти монеты находились в обращении продолжительный промежуток времени⁷. Такая же картина наблюдается и с

монетами, найденными на территории лесо-

Вопрос, являлись ли куфические монеты на этих землях средством денежного обращения, является дискуссионным (Тортика, 2006, с. 450–458). По нашему мнению, присутствие среди находок значительного количества монетных обрезков свидетельствует об использовании этих монет в качестве денег. Об этом же говорит малое количество украшений, сделанных из монет, на поселениях рассматриваемого нами региона. Собственно, наличие украшений, сделанных из монет, не является показателем. Они широко использовались у многих народов от древности вплоть до этнографической современности. В погребениях украшения из монет встречаются гораздо чаще. В пользу использования восточного серебра именно в качестве платежного средства свидетельствуют находки в захоронениях половинок или четвертинок дирхема, выполняющих роль своеобразного «обола Харона». Так, в погр. 44 могильника Маяки половинка дирхема была зажата в руке погребенного (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 130); в погр. 11 могильника Дроновка 3 четвертинка дирхема находилась у запястья правой руки умершего (Дадашов, Татаринов, 2009, с. 12). Полное отсутствие на данной территории монетных кладов, скорее всего, объясняется слабой её изученностью. Так, в 2010 г. на археологическом комплексе у с. Маяки, на склоне отрога Ложникова Яра, было выявлено скопление монет, представляющих собой остатки размытого клада, содержащего драхму, группу аббасидских дирхемов и их обрезков (хранятся в Славянском краеведческом музее). По неофициальным сведениям, в 2014 г. крупный клад дирхемов был обнаружен грабителями на посадке Новоселовского городища. Вероятно, часть его (174 целых монеты) была экспонирована в 2016 г. на выставке в г. Святогорске, где эти монеты были представлены как клад, найденный на Царином городище у с. Маяки (Матеріальна та духовна культура, 2017, с. 17, 74; рис. 16, 211). Показательно, что присутствующие в составе клада драхмы (как и дирхемы, все целые!!!) отличаются по цвету от основной части монет (Матеріальна та духовна культура, 2017, с. 74; илл. 16, 212). Не вдаваясь в вопрос о точном месте находки и изначальном количестве монет в указанном кладе (там, вне сомнений, должно было присутствовать гораздо большее количество обрезков, чем целой монеты), укажем, что подобные находки на территории рассматриваемого нами региона есть. В любом случае, они не идут ни в какое сравнение с северными территориями и землями вдоль Волжского пути, в функционировании которого значительную роль играли купцы скандинавского происхождения. Огромное количество кладов, выявленных на этих

⁷ Следует сделать отступление о характере использования куфической монеты в зоне распространения салтово-маяцкой культуры.

степи, к северу от рассматриваемого нами региона. Здесь мы видим такой же набор типов (с более высоким процентом омейядских выпусков). Состояние большинства находок не отличается от монетной подборки, происходящей с территории Сидоровского комплекса (Лаптев, 2013, с. 93, табл. 3, илл. 2–4). Вероятно, после того как южный путь поступления куфического дирхема в Восточную Европу был закрыт (Кропоткин, 1978, с. 111–116; Комар, 2010–2011, с. 135; Тортика, 2006, с. 430–443), население рассматриваемого нами региона доступ к дорогам, связанным с торговлей по Волжскому пути, не получило. В результате этого монеты, попавшие ранее в бассейн Северского Донца, продолжали здесь обращаться. Сколь длителен был период их бытования на этой территории, сказать сложно. По нашему мнению, их вполне могли использовать вплоть до середины IX в. Факт, что монетные находки концентрируются в пределах одной части памятника, может свидетельствовать в пользу того, что именно эта его часть была самой ранней. Вполне может быть, что здесь, в центральной части поселения, и в дальнейшем производились торговые сделки. Кроме этого, следует учитывать, что более чем в трех сотнях археологических комплексов (построек, хозяйственных ям, захоронений), исследованных на рассматриваемом поселении, не было обнаружено ни одной восточной монеты. Все их находки связаны исключительно с культурным слоем памятника.

Близкая ситуация наблюдается и с металлическими изделиями, найденными на археологическом комплексе у с. Сидорово. Абсолютное большинство их имеет широкую датировку в рамках салтово-маяцкой культуры. К досалтовскому или раннесалтовскому времени можно отнести единичные предметы (фрагмент фибулы гапоновского типа, двукольчатые удила, булавку с волютовидным навершием и т. д.). Таких находок настолько мало, что появление их на памятнике проще объяснить случайным попаданием, чем наличием в VII–VIII вв. какого-либо поселения на его территории. Основная же часть находок металла относится к IX в. Этим време-

нем датируется подавляющее большинство наконечников стрел, некоторые виды пряжек, железное перекрестие сабли, накладки лука, встреченные на дне помещения 5. К концу IX в., может, началу X в. относятся умбоны, которые находят ближайшую (но не полную) аналогию в древнерусском слое Белой Вежи. На салтовских памятниках они не встречаются, и в этом плане археологический комплекс у с. Сидорово, в пределах которого было выявлено целых три таких предмета, является уникальным.

Достаточно поздний облик имеют детали поясной гарнитуры, датировка большинства которых также укладывается в рамки IX в. К тому же времени относится большая часть украшений, костяная обойма с прочерченным трилистником из хоз. ямы 2 (1998 г.), языческие амулеты. Вероятно, IX – нач. X вв. датируются железные кресты, найденные на территории городища.

Говоря о датировке стеклянных предметов Сидоровского археологического комплекса, следует обратить внимание на то, к какому времени относили аналогичные находки на территории лесостепи. В свое время, обрабатывая материалы лесостепных могильников (Красная Горка, Червонная Гусаровка), где также содержались крымские импорты, харьковские исследователи датировали комплексы со стеклянными сосудами 2-й пол. VIII – нач. IX в. (Аксенов, Михеев, 1998, с. 353; Аксьонов, Михеев, 2000, с. 57; Аксьонов, 2007, с. 16; Аксенов, 2017 а, с. 68). Основанием для такой датировки послужило присутствие в этих захоронениях ранних предметов, в том числе характерной поясной гарнитуры (Аксенов, Михеев, 1998, с. 347–349). Распространение крымских импортов в лесостепи авторы связывали с активизацией контактов между Хазарией и Византийской империей именно в это время (Аксенов, 2017 а, с. 68). Данный процесс был зафиксирован историческими источниками и отражен в литературе, посвященной истории каганата (Артамонов, 2001, с. 323–358). С их выводами (применительно к лесостепным памятникам) можно согласиться. Тем не менее, на поселениях, расположенных в степной зоне, мы видим несколько отличную картину. Все материалы, происходящие с археологического комплекса у с. Сидорово, однозначно свидетельствуют о том, что распространение крымских импортов здесь происходит в более поздний период, чем на поселениях лесостепной зоны. Фрагмен-

территориях, вероятно, обусловлено тем, что сокрытие сокровищ в землю у данной группы населения было связано не только с практической необходимостью, вызванной постоянной военной угрозой, но и с бытовавшими в их среде идеологическими воззрениями (Гуревич, 2009, с. 420–421).

ты стеклянных сосудов выявлены в составе археологических комплексов, которые достаточно четко датируются по содержащемуся в них богатому и разнообразному материалу. Обращает внимание присутствие среди находок фрагментов кувшинов с плоскими ручками, обломков крышек с пестовидными ручками, фрагментов амфор II типа, медной монеты 1-й четверти IX в. (Кравченко, 2011, с. 275). Таким образом, время распространения стеклянных сосудов на археологическом комплексе у с. Сидорово мы можем отнести к сер. IX в., что вполне согласуется с тем фактом, что именно в этот период начинается расцвет указанного поселения. Вероятно, когда поток крымского импорта в лесостепь сократился, в степной зоне наоборот наблюдается его интенсификация. Объяснение этим процессам, по всей видимости, надо искать в политических катаклизмах, потрясших Хазарский каганат в IX в., которые, вероятно, отразились на динамике культурных и торговых связей между отдельными территориями, входившими в состав этого государства.

Особый интерес в плане датировки рассматриваемого нами объекта представляет его керамический комплекс. Если не считать лепные пифосы и жаровни, которые, учитывая их правильную форму, равномерную толщину стенок, отсутствие перекосов при достаточно крупных размерах, не являлись объектом домашнего производства, а изготавливались ремесленниками-мастерами, можно сказать, что среди керамики, выявленной при раскопках Сидоровского городища, лепная посуда практически отсутствует. Её находки представлены единичными фрагментами стенок кухонных горшков. Вотивные сосуды, фрагменты лепных светильников, вотивных фигурок (или игрушек) также немногочисленны. Практически полное отсутствие лепной посуды на памятнике может объясняться тем, что населенный пункт возник и существовал уже в то время, когда керамическое производство на поселениях салтово-маяцкой культуры было достаточно развитым, и основная часть керамики изготавливалась руками ремесленников.

Кухонная посуда имеет достаточно развитый вид, сближающий материалы Сидоровского комплекса с керамикой таких крупных центров, как Саркел и Тмутаракань, на которых представлены культурные напластования IX – X вв. Близкие параллели ей можно найти и в материалах балкано-дунайской культуры.

Среди привозной посуды в плане датировки интересна амфорная тара. Абсолютное большинство ее находок представлено II типом «причерноморских» амфор. Типология и хронология этих сосудов разработана недостаточно хорошо. Большинство авторов (Зинько, Пономарев, 1999, с. 199; Якобсон, 1951, с. 332–334; 1979, с. 30–31; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 76–77; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995) указывали, что они абсолютно преобладают на памятниках Восточного Крыма со 2-й пол. IX по 1-й пол. X в., хотя фиксируются уже в 1-й пол. IX века. Обращает внимание, что амфоры класса 24, датируемые 1-й пол. IX в. (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 50–52, табл. 20–22) на данном памятнике представлены единственной находкой. Амфоры же класса 42 (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 66–68, табл. 28, 33; Майко, 2001, с. 119–120) и амфоры с «воротничковым» венчиком, которые появляются во 2-й пол. X в. (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 68–69, табл. 34; Майко, 2001, с. 118; Зеленко, 2001, с. 84), на рассматриваемом нами поселении отсутствуют полностью.

Интерес представляют и находки кувшинов с плоскими ручками. Указанная группа тарной посуды присутствует далеко не на всех памятниках салтово-маяцкой культуры. Так, ее практически нет на территории лесостепи и на ряде поселений в среднем течении Северского Донца. Тем не менее на Сидоровском комплексе эта категория керамики встречается, хоть и в относительно небольшом количестве. Время бытования кувшинов с плоскими ручками исследователями определялось по-разному. Так, А.Л. Якобсон считал, что сосуды этого типа одновременны причерноморским амфорам, и хронологические рамки их функционирования не выходят за пределы IX–X вв. По его мнению, до XI в. кувшины доживают только в Саркеле и на Тамани (Якобсон, 1951, с. 337–338; 1970, с. 41–42, рис. 9). В более поздней работе автор расширил хронологические рамки их бытования до кон. VIII – нач. IX, ещё шире – X, указав при этом, что они «доживают до XI в.» (Якобсон, 1979, с. 32). С.А. Плетнева в работе, посвященной керамике Саркела, датировала его кувшины с плоскими ручками IX–X вв., указывая, что ранний тип может датироваться и кон. VIII – нач. IX в. (Плетнева, 1959, с. 249, рис. 33–34). Здесь же исследовательница указывала, что в городах Северного Причерноморья их находят в слоях

IX–XI в., в Херсонесе – IX–X в., а в Тмураки – IX–XI в. (Плетнева, 1959, с. 249 – подстрочник). Подобным же образом она датировала указанную категорию находок в работе, посвященной керамике Таманского городища (Плетнева, 1963, с. 54). В более поздней работе автор несколько изменила хронологические рамки бытования этих сосудов (кон. IX – кон. XI в.) (Плетнева, 1981 а, с. 74). Этим же временем датирует аналогичные находки из Партенита Е.А. Паршина (Паршина, 1991, с. 80, рис. 6). Несколько иная датировка кувшинов с ленточными ручками предлагалась И.А. Барановым. Ссылаясь на находку в бухте Нового Света близ Евпатории остатков кораблей, в которых кроме описанных кувшинов содержались поливные сосуды, автор датировал кувшины с плоскими ручками 2-й пол. IX – X в. (Баранов, 1990 а, с. 23, рис. 7: 1). К более раннему времени относил появление этих сосудов В.Н. Чхаидзе (Чхаидзе, 2008, с. 161–173), опираясь в основном на материалы Таманского городища, в керамическом комплексе которого кувшины с плоскими ручками представлены множеством разновидностей и составляют значительный процент. Екатеринбургские авторы в своей коллективной работе на основе анализа широкого круга материалов византийского Херсона относят данный вид посуды ко 2-й пол. – последней трети IX – кон. XI в. (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63–64, №№ 135–136; Рыжов, Седикова, с. 318–319). По материалам византийского Херсона они датируются «...от второй половины или последней трети IX в. до конца XI в.».

Все фрагменты кувшинов с плоскими ручками, выявленные на Сидоровском археологическом комплексе, представлены одним типом, который имеет сходство с сосудами из Саркела (Якобсон, 1979, с. 32–33, рис. 14: 2, 4), I типом кувшинов византийского Херсона (последняя треть X – 1 пол. XI в.) (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 64) и V видом сосудов с Таманского городища (Чхаидзе, 2008, рис. 91). Этот тип близок кувшину (Баранов, 1990 а, рис. 7: 1), который данный автор относит ко 2-й пол. IX – X векам. И.А. Антонова и группа авторов датировали близкий тип кувшина X–XI вв. (Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук, 1971, рис. 20, а). Кувшины подобного типа находились в заполнении цистерны № 5 (X в.) квартала X «Б» Северного района Херсонеса (Рыжов, Седикова, рис. 5: 5–6).

Согласно классификации, предложенной С.А. Плетневой (Плетнева, 1963, с. 54), тип, представленный на Сидоровском городище, сочетает в себе признаки обеих, выделенных ею, хронологических групп. В плане датировки этих находок особый интерес представляет факт присутствия фрагментов стенок такого кувшина в нижней части заполнения помещения 16 на археологическом комплексе у с. Сидорово. В котловане указанной постройки, наряду с прочими материалами, была найдена сероглиняная тонкостенная амфора (рис. 194: 5) и сильно истертый медный фоллис императора Льва V. К этому следует добавить, что к северу от рассматриваемой нами территории, на памятниках VIII – нач. IX вв., находки кувшинов с плоскими ручками отсутствуют вовсе (Лаптев, 2013, с. 93). Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что данный тип посуды в среднем течении Северского Донца (в том числе и на археологическом комплексе у с. Сидорово) появляется около сер. IX в.⁸

Среди керамики археологического комплекса у с. Сидорово есть еще одна группа материала, редко встречающаяся на памятниках салтово-маяцкой культуры. Это лепные и гончарные крышки с пестовидными ручками. Их находки встречены в основном на крупных памятниках, имеющих слои 2-й пол. IX – нач. X века. Крышки с пестовидными ручками хорошо представлены в керамике Волжской Болгарии, где они фиксируются с начала X в. (Хлебникова, 1984, с. 95, 98, рис. 28: 9–11). Исследователи рассматривали датировку и

⁸ Придатировка раннесредневековых комплексов такими категориями материала, как монеты (особенно из драгметаллов) или керамическая импортная тара крымского и таманского производства, понятие «сер. IX в.» – дата относительная, которая подразумевает 850 год ± как минимум 15, а то и 20 лет. О проблемах с датировкой керамической импортной тары крымско-таманского производства писалось выше. Монеты же из драгметаллов на рассматриваемой нами территории могли использоваться продолжительный промежуток времени. Ярким примером этого является обращение на этих же землях европейских серебряных монет, выпущенных в начале и 1 трети XVII в., которые были изъяты из оборота только к 1718 г., в период правления Петра I. Даже на медных монетах следует учитывать степень их истертости, свидетельствующую о более или менее длительном нахождении в обращении. По нашему мнению, с подобными поправками следует подходить и к вопросам датировки деталей поясной гарнитуры, которая также могла использоваться как минимум на протяжении 1 поколения.

происхождение данной категории материала по-разному. А.Х. Халиков связывал эти изделия, «не имеющие аналогов в салтово-маяцкой культуре», со средневековой керамикой Хорезма (джетыасарская культура) и поселений городского типа Южного Казахстана (Халиков, 1976, с. 45, рис. 12). Т.А. Хлебникова, напротив, считала крышки с высокими вертикальными ручками формой, восходящей «к крышкам кочевнической группы керамики салтово-маяцкой культуры», приводя в качестве аргумента находку такой крышки в материалах Саркела (Хлебникова, 1984, с. 95, 98). В целом же она датировала крышки более широкими хронологическими рамками, чем А.Х. Халиков, считая, что они существуют в продолжение всего домонгольского и раннезолотоордынского времени (Хлебникова, 1988, с. 95, 97, рис. 71: 21–24). Компромиссной точки зрения придерживалась Н.А. Кокорина, которая считала, что уже во 2-й пол. XI в. в керамике Биляра количество крышек с высокой ручкой уменьшается в 10 раз. Собственно, и до этого времени рассматриваемые крышки, по подсчетам А.Х. Халикова, составляли очень небольшую в процентном отношении группу – всего 0,03% от общего количества посуды. К концу домонгольского времени, по мнению Н.А. Кокориной, данный вид крышек полностью исчезает (Кокорина, 2002, с. 72–73).

Так или иначе наличие более или менее значительного количества фрагментов крышек с пестовидными ручками среди материалов салтовского памятника представляет существенный интерес в плане его датировки или, по крайней мере, датировки тех комплексов, в которых указанная категория материала была встречена. Именно присутствие рассматриваемых крышек на Сидорово подтолкнуло в свое время автора данной работы относить верхнюю границу существования этого поселения к X столетию. Тем не менее такая датировка может быть верной лишь в том случае, если указанная керамическая форма появляется и формируется на территории Волжской Болгарии, а не где-либо в другом месте. Выше приводились точки зрения на происхождение крышек с пестовидными ручками, высказанные А.Х. Халиковым и Т.А. Хлебниковой. К этому необходимо добавить, что на территории распространения салтово-маяцкой культуры пункты, в пределах которых были выявлены эти ручки, вне всяких сомнений, являются более ранними, чем поселения на

территории Волжской Болгарии, на которых присутствует эта же категория археологического материала. Если учесть точку зрения А.Х. Халикова про хорезмийские истоки этой формы, факт местного производства крышек, зафиксированный при раскопках на Сидоровском комплексе, и среднеазиатское, вероятно, хорезмийское происхождение мусульман, проживающих на данном населенном пункте, версия Т.А. Хлебниковой о формировании крышек с пестовидными ручками на позднесалтовских памятниках приобретает вполне реальные очертания. В связи с этим не следует исключать вариант, что в начале X в. данная керамическая форма проникла на территорию Средней Волги именно с носителями салтовской культурной традиции.

Суммируя все выше сказанное, можно предположить, что поселения, давшие начало археологическому комплексу у с. Сидорово, появляются здесь не ранее конца VIII в. Населенный пункт функционирует в продолжение всего IX в., материалы которого составляют подавляющее большинство находок, выявленных при исследовании памятника, и прекращает свое существование в начале X столетия. Собственно, и находок, которые можно с уверенностью отнести к X в., очень немного. Материалов же, относящихся к периоду после X в., на памятнике вообще крайне мало (бронзовый крестик с распятием, медные бубенец и пул, фрагмент стенки красноглиняного сосуда с зеленой поливой, стенка чугунного котла, ручка керамического котла). Самыми яркими среди них являются находка медного креста с грубым изображением распятия и фигурка всадника (весьма сомнительного происхождения). Оба этих предмета находят аналоги на памятниках XI века.

Процесс формирования рассматриваемого нами поселения, вероятно, был сложным. Наблюдение за материалами, встреченными в раскопах, расположенных на разных участках памятника, показывает, что на территории археологического комплекса имеются участки со стратиграфией и без таковой.

Участки со стратиграфией встречены в пределах внутренней линии укреплений городища (раскопы 9–10, 16, 18). В этих раскопах были выявлены материалы, относящиеся ко всем этапам истории памятника. Близкая ситуация наблюдалась на северо-западной окраине селища 1 (раскоп 17) (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 13–16). Такая же картина прослеживается при въезде на горо-

дище (раскоп 20) и, наиболее вероятно, на прилегающей к этому въезду части селища 1. Хронологические рамки существования жилых и хозяйственных сооружений раскопа 20 определить достаточно трудно. Ясно, что вначале здесь находились жилые постройки, после запустения которых эта часть памятника была занята погребениями языческого могильника. В пользу более поздней датировки захоронений некрополя по отношению к постройкам свидетельствуют стратиграфические данные и поздний вид горшков из погребений. С другой стороны, каких-либо откровенно ранних материалов в пределах данного раскопа также выявлено не было. Наиболее вероятно, время существования жилых сооружений, находившихся при въезде на городище, укладывается в рамки IX века. Учитывая достаточную мощность и интенсивность культурного слоя в шурфах, вполне реально, что стратиграфия будет наблюдаться и на территории селища 2, где по объективным причинам исследования не проводились.

Участки без стратиграфии. На отдельных частях памятника практически всплошную были вскрыты большие площади. При этом в пределах расположенных здесь раскопов случаев стратиграфии выявлено не было. Ярким примером является площадка у въезда на городище, вскрытая раскопами 2, 5, 7, 14. Расположение комплексов, зафиксированное в её пределах, однозначно свидетельствует о том, что здесь мы имеем единовременную застройку, которая существовала непродолжительный промежуток времени.

Все комплексы, выявленные в раскопе 2, расположены компактными группами, находящимися друг от друга на некотором расстоянии. Вне сомнений, здесь могли располагаться и одновременные сооружения (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236–237), однако эти временные различия были столь незначительными, что не допускали возможности наложения одного комплекса на другой. Датировка указанной группы сооружений определяется по многочисленным находкам, содержащимся в комплексах. Показательно присутствие среди них кувшинов с плоскими ручками и крышек с пестовидными ручками. В заполнении горновой ямы гончарной мастерской также были выявлены необожженные фрагменты таких же крышек. В хоз. яме 9 раскопа 2 был обнаружен умбон от щита. В целом суммарная датировка описанных выше предметов позволяет отнести основную часть

застройки на этом участке к последнему этапу истории городища.

Близкая ситуация наблюдается и в раскопах 5, 7, 14, расположенных на этой площадке. О датировке выявленных здесь сооружений свидетельствует многочисленный и разнообразный материал, представленный фрагментами горшков, кувшинов, амфор, кувшинов с плоскими ручками, а также предметами из железа, кости и стекла. Подавляющее большинство амфор, обнаруженных в комплексах раскопа 7, относятся ко II типу (Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 76, 77). Среди железных предметов выделяются пряжка лировидной формы, близкая найденным в захоронениях IV типа могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203, табл. 89, 59), и умбон от щита, найденный в заполнении помещения 14. Кроме прочих материалов, следует упомянуть фрагменты блюдцеподобного светильника, крышек с пестовидной ручкой, гончарных клейм, идентичных происходящим из мастерской. Таким образом, застройка в пределах указанных раскопов современна застройке раскопа 2 и, скорее всего, производилась во 2-й пол. IX – нач. X века. Вряд ли является исключением и помещение 16, содержащее среди прочего материала монету Льва V, которая могла попасть в заполнение ямы и после оставления указанной постройки, в процессе заполнения котлована слоем, содержащим культурные остатки предшествующего периода.

В целом мы имеем наличие в пределах одного памятника площадок, где прослеживается существование поселения на всех этапах его истории, и участков с единовременной застройкой, производимой в последний период его функционирования. Нам представляется, что эта ситуация отражает картину постепенного формирования крупного населенного пункта на базе существовавших здесь ранее более мелких поселений или групп жилищ. Таких участков на территории памятника было не менее трех или четырех. Один из них (вероятно, самый ранний) располагался на холме и положил начало городищу. Второе поселение могло находиться в восточной части «Большого городища». Южная его граница могла простираться до въезда, на котором был разбит раскоп 20. И, наконец, еще одно поселение занимало террасу правого берега Выслой Балки, в 1 км к северу от городища (там, где был заложен раскоп 17). Вполне вероятно, что и в пределах территории селища 2 могло также

существовать небольшое поселение. Если попытаться локализовать площадки, на которых зафиксирована стратиграфия, у нас получится следующая картина (рис. 215).

Существенно дополняет эти наблюдения анализ материалов, полученных в ходе изучения оборонительных сооружений. Он свидетельствует, что две линии укреплений памятника представляют собой разновременные объекты, среди которых более ранней являлась внутренняя линия, периметр которой составлял около 1,2–1,3 километра. О времени строительства внутренней линии укреплений свидетельствует материал, обнаруженный в её валах. Он достаточно однороден и представлен фрагментами керамики и колотыми костями животных. В срезке у рва (раскоп 18) была найдена бляшка, украшенная стилизованным лотосовидным орнаментом (рис. 209: 16) (Кравченко, Петренко, Спинов, Шамрай, 2012, рис. 11: 7). Подобные бляшки, широко представленные в материалах салтовских могильников, обычно относят к IX в. (см. Плетнева, 1989, с. 77, 81, рис. 36: 8; Комар, 1999, с. 130, табл. IV/III:). Есть они и в катакомбах Старосалтовского могильника, верхнюю дату которых В.С. Аксенов определяет 1-й пол. IX в. (Аксенов, 1999, с. 139, 141; рис. 6, 29). Присутствуют они и в материалах могильника Красная Горка (2-я пол. VIII – нач. IX в.) (Аксенов, Михеев, 1998, с. 350, рис. 3, 31). В обобщающей монографии С.А. Плетнева датирует поясные наборы с указанными бляшками, происходящие из катакомб Дмитриевского могильника, 1-й пол. IX в. (Плетнева, 2000, рис. 14).

Среди керамики, встреченной в золистой линзе, лежащей в основании вала (раскоп 19), выделяются немногочисленные фрагменты кувшинов с плоскими ручками. Ручка такого кувшина, обнаруженная в основании вала, имеет на поверхности наколы, нанесенные до обжига (рис. 197: 10). Подобного рода метки, назначение которых не совсем ясно, достаточно часто встречаются на средневековой таре (Тесленко, 2001, с. 126–127, рис. 3). Кувшины с абсолютно идентичными наколами на ручке были выявлены среди находок на месте кораблекрушения у поселка Новый Свет, которое, судя по анализу происходящей с него тарной посуды, произошло в X–XI вв. (Зеленко, 2001, с. 83–84, рис. 6: 1, 4). Известны такие же знаки и на кувшинах с плоскими ручками, происходящими с территории Крыма, где их датируют IX–XI вв. (Якобсон, 1979, с. 75,

78). На основании изложенных выше соображений о датировке кувшинов с плоскими ручками можно сделать вывод, что внутренняя линия укреплений памятника была построена в сер. IX в. или в период, близкий к этому времени.

В конце IX века на поселении вновь интенсифицировались строительные работы, связанные с сооружением новой (внешней) линии укреплений. Её остатки сохранились в западной, заросшей лесом, части поселения и на нераспаханных участках. Судя по сохранившейся части, эта линия, как и внутренняя, состояла из двух рядов рвов и валов. На южной окраине городища убирают палисад, что хорошо прослежено в материалах раскопа 18, где заполнение ровика было прорезано хозяйственной ямой, а в верхней его части был захоронен клад железных вещей. Новая линия укреплений пролегла по ранее незаселенным участкам. Грунт для ее сооружения брался с прилегающих площадей, в связи с чем, в валах отсутствуют находки археологического материала (Михеев, 1971, с. 12). Периметр новой линии составлял не менее 2,5 километров (рис. 21). Функционировала ли одновременно с ней старая (внутренняя) линия рвов и валов сказать трудно. Так как северные границы внешней и внутренней линий совпадают, можно сделать вывод, что северная ее часть существовала вплоть до прекращения жизни на поселении.

Описанное выше грандиозное строительство было связано с резким ростом населенного пункта. В этот период застраивается территория между ранее существовавшими группами строений, объединяя их в единое целое. Вероятно, в это же время у юго-восточного края городища достраивается эскарп и сооружаются два ряда рвов и валов, которые пересекали Средний Яр, с целью вывести новую оборонительную линию на площадку селища 1 («Большого городища»). Наиболее вероятно, таким образом была сделана попытка создать единую линию обороны, которая должна была охранять городище и прилегающее к нему селище. Эта линия так и осталась недостроенной в связи с гибелью населенного пункта. К последнему этапу относится и ряд захоронений, выявленных на жилой части археологического комплекса. Часть их была произведена во время осады, часть же – сразу после прекращения жизни на памятнике.

§1.3. Фортификация городища

Городище археологического комплекса у с. Сидорово типологически относится к «городищам» или «поселениям» с земляными валами (Плетнева, 1967, с. 22–24). В свое время С.А. Плетнева, выделяя эту категорию памятников, считала, что они «не являлись приграничными крепостями» и причины их возникновения кроются в процессах, «которые протекали внутри феодализирующегося общества Хазарского каганата» (Плетнева, 1967, с. 24). Таким образом, появление указанных поселений было увязано ей с социальным развитием хазарского общества. Позже, в пределах соседнего, лесостепного, варианта салтово-маяцкой культуры, Г.Е. Афанасьев выделил 4 типа городищ, три из которых он отнес к категории общинных городищ-убежищ, а четвертый – к опорным пограничным пунктам Хазарии (Афанасьев, 1987, с. 132–142). Следует указать, что расположенные в среднем течении Северского Донца памятники столь сильно отличаются от городищ, описанных Г.Е. Афанасьевым, что, используя его типологию, отнести их к конкретному типу проблематично. Г.Е. Свистуном была предложена типология городищ лесостепной зоны, причем ряд рассматриваемых им объектов находится за пределами лесостепи, близко к рассматриваемой нами группе памятников, расположенной в среднем течении Северского Донца (Свистун, 2014).

Исследователь донецких городищ В.К. Михеев, как и С.А. Плетнева, относил эти объекты к категории «поселений с земляными валами», иногда называя их «городища с деревянными стенами». Наиболее яркие из них, такие, как Маяки, он считал «крупными экономическими центрами» (Михеев, 1985, с. 24). По всей вероятности, к категории «центров» следует отнести и археологический комплекс у с. Сидорово.

В отличие от соседних лесостепных городищ, где достаточно часто (хотя и не всегда) в крепостном строительстве применялись меловые или известняковые блоки (Свистун, 2014), в среднем течении Северского Донца в конструкции стен их не зафиксировано. При этом мел-целик в избытке присутствует на этой территории, да и месторождения известняка находятся в непосредственной близости к рассматриваемым нами археологическим объектам. Одно из них расположено в 4 км к

северу от памятника, на территории нынешнего с. Татьяновка. Второе – в 6–7 км к западу от городища, у нынешнего с. Хрестыще Славянского р-на. В обоих случаях известняковые пласты выходят на поверхность, благодаря чему этот вид строительного материала был доступен средневековому населению края в открытой разработке. Более того, он использовался для сооружения корпусов печей-каменок. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что отказ от использования мела и известняка при строительстве крепостных стен был связан с традициями, которых придерживались строители.

Описывая оборонительные линии Сидоровского городища, В.К. Михеев сравнивал их с укреплениями соседних Маяков, которые в это время были наиболее исследованным памятником. В самом деле в фортификации этих двух объектов наблюдается много общего. В Сидорово, как и на Маяках, при строительстве укреплений широко использовались всевозможные естественные преграды, в частности – балки. Со стороны реки оба городища были укреплены ступенчатым эскарпом, наличие которого делает их склоны труднодоступными и в настоящее время. Тем не менее Сидоровское городище, в отличие от Маяков, имело две линии укреплений, расположенных на значительном расстоянии друг от друга (рис. 21).

Оборонительные сооружения памятника В.К. Михеев описывал так: «Искусственные оборонительные сооружения в виде земляных валов расположены в юго-западной части плато.

Первый вал находится в 560 м от вершины треугольного плато. Концы вала подходят к обрыву плато со стороны Северского Донца и балки Средней, где находится ул. Капшучина⁹. Этот вал и ров перед ним хорошо сохранились в лесу. На поле вал сильно распахан и выделяется небольшой всхолмленной грядой и коричневым цветом. По центру вала заметен вход в городище. Площадь городища, ограниченная этим валом, равна 17,9 га. В 121 м от внутреннего описанного вала, параллельно ему, проходят внешний вал и ров. Они замет-

⁹ Жители с. Сидорово объяснили, что ул. Капшучина реально не существует. Это народное название одной из улиц Подлесных, которых в селе имеется целых три. Улицы с этим названием местное население отличает друг от друга по номерам усадеб.

ны лишь в юго-западной части плато, в лесу. Однако на площади распаханного поля их следы теряются» (Михеев, 1971, с. 3). Автор раскопок назвал эти оборонительные линии «внутренней» и «внешней» линией укреплений (Михеев, 1985, с. 19). В раскопе VI, заложенном между ними, был выявлен культурный слой и котлован полуземлянки, что свидетельствовало о том, что территория между этими двумя линиями была заселена (Михеев, 1971, с. 10–12; 1985, с. 19).

Исследования укреплений Сидоровского городища, которые производились в 1971 г., ограничились разрезами валов внутренней и внешней линий (РВ-I и РВ-II соответственно) (рис. 62: 1–2). Они производились траншеями, имевшими ширину до 1 метра. Оба разреза находились на участке памятника, покрытом лесом. Выбор места был обусловлен тем, что именно на этой территории укрепления сохранились лучше и были четко различимы. Валы же внешней линии вообще сохранились только на заросшей лесом части городища.

В месте, где производился разрез внутренней линии укреплений (РВ-I), перепад высот между вершущей вала и дном рва составлял около метра (рис. 62: 1). Ниже рва, на склоне, был обнаружен *еще один ровик*, шириной 1,25 м. Автор раскопок сделал вывод, что линии обороны городища были проложены «...по границе естественных балок, которые были превращены во рвы. Дно балки при сооружении внутреннего рва искусственно углубили на 2,2 м, а внешнего – на 2,4 м» (Михеев, 1985, с. 19). Во рвах были зафиксированы обломки горелых бревен и плах. Остатки обгорелых деревянных конструкций были обнаружены и в насыпи вала (Михеев, 1985, с. 19, рис. 4–5). К сожалению, малая ширина траншей, которыми были прорезаны линии укреплений, не дала возможность четко установить, какой вид имели выявленные конструкции. Информация об укреплениях памятника длительное время оставалась на уровне сведений, полученных в 1971 году. Наиболее полно она была отражена в отчете (Михеев, 1971, с. 2–3, 11–12). В сокращенном виде эти материалы опубликованы в монографии (Михеев, 1985, с. 19).

Осмотры археологического объекта, которые производились в течение многих лет, позволили добавить к имеющимся данным существенные штрихи. Было установлено, что внутренняя линия укреплений доходила до Среднего Яра только в западной части

памятника. Далее, вплоть до въезда на городище, она визуально не прослеживается. Эти наблюдения были подтверждены в 2000 г., когда в раскопе 1, разбитом на этой территории, рвы и валы не были обнаружены. Более того, анализ вещественного материала показал принадлежность хозяйственных комплексов раскопа 1 к постройке, находящейся в раскопе 2, расположенном на площадке холма, в пределах жилой части памятника (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 239–240). Судя по всему, ров шел не вдоль Среднего яра (как считал В.К. Михеев), а отклоняясь от него к югу, пролегал по площадке «Малого городища» (рис. 63).

Интересная деталь была прослежена В.К. Михеевым на расположенных в лесу укреплениях. Это наблюдение не было отражено в описаниях памятника, однако было зафиксировано на его плане (Михеев, 1971, табл. 2,1). В месте поворота внутренней линии укреплений к востоку валы изгибаются, выступая наружу. Осмотр участка показал, что к востоку от раскопа 19 линия укреплений визуально прослеживалась только на небольшом промежутке (20–25 м). У выхода из леса она теряется, зато на этом участке фиксируется слабо различимый поворот рва к югу, в ту сторону, где В.К. Михеевым в раскопе II в 1971 г. были расчищены остатки траншеи, которую он проследил на протяжении 39 м (Михеев, 1971, с. 7–9).

Своей длинной осью эта траншея была направлена в сторону балки на восточном склоне холма, у которой начинается эскарп. Таким образом, в северо-западном углу внутренней линии укреплений зафиксирован дугообразный выступ, напоминающий куртину. Еще один такой же выступ вала имеется к югу от этого места. Вполне возможно, что таких изгибов было больше, но проследить их мы можем только на той части памятника, которая ранее не подвергалась распашке, т. е. в лесу или у склона в пойму. Вышеперечисленные данные могут являться свидетельством наличия башен, которые, скорее всего, находились на углах и у въезда на городище. К сожалению, многолетняя распашка и смыв грунта привели к тому, что на основной части памятника рвы и валы в настоящее время либо не фиксируются вовсе, либо имеют размытые, аморфные очертания.

Внутренняя линия укреплений завершается древней балкой, прорезающей восточный склон городища (рис. 64). К югу от неё

начинается эскарп, ограждающий площадку городища с восточной стороны. Он тянется на уровне 1/3 высоты склона холма и имеет ступень, ширина которой достигает 8–10 м. В южной части городища эскарп упирается в балку, маркирующую место расположения южного края внутренней линии укреплений. Здесь, на середине высоты между эскарпом и площадкой городища, появляется дополнительный уступ, делающий склон круче (рис. 74). За балкой эскарп продолжается и у поворота холма к югу, у Сидоровского Яра, исчезает.

За описанной выше северной балкой эскарп отсутствует (рис. 64). Здесь были расчищены врезанные в склон постройки, которые в сочетании с данными раскопов 5, 7, 14, расположенных на площадке холма, свидетельствуют, что в древности эта площадка, равно как и прилегающий к ней склон в пойму, были густо заселены.

Кроме этого, установлено, что пологий спуск с городища в пойму (одна из нынешних улиц Подлесных с. Сидорово) представляет собой древний въезд на городище, который выходил на пойменные луга.

Этот выступ в древности был эскарпирован, в пользу чего свидетельствуют наблюдения при ведении работ на раскопе 20. У места его выхода на площадку холма визуально прослеживаются остатки вала (высота 0,8 м), который отрезал выступ-въезд от плато (рис. 65). Скорее всего, он представлял собой дополнительную оборонительную линию, преграждавшую свободный проезд на укрепленную часть памятника. Подобные валы имеются на многих городищах салтово-маяцкой культуры (Афанасьев, 1987, рис. 64; Свистун, 2014, с. 63, 65, 74). В пределах рассматриваемого нами региона ими был укреплен въезд на Кировское городище (Кравченко, 2004 а, с. 263–264, рис. 8).

Еще один участок линии укреплений, представляющий полосу из двух параллельных рядов рвов и валов, находится на склоне Среднего Яра, в западной части памятника. Эта линия ответвлялась от внешней линии укреплений, пересекала яр, поднималась вверх по его северному склону яра к площадке, на которой расположено селище 1, где, не доходя до плато, обрывалась. Визуальный осмотр этого участка создает впечатление, что укрепления здесь не были построены.

Вышеперечисленное свидетельствует, что оборонительные линии Сидоровского

комплекса представляли собой более сложную систему укреплений, чем ранее предполагалось В.К. Михеевым. Несмотря на общее сходство с фортификацией соседних укрепленных поселений, они имели от них отличия.

Работы по изучению оборонительных сооружений Сидоровского городища производились в 2012–2013 гг. В качестве объекта была выбрана внутренняя линия укреплений памятника. Исследования проводились на двух участках. На одном из них, в юго-восточной части городища, была изучена площадка, находящаяся к югу от рва и вала. На втором, в Маяцком лесу, была разрезана собственно линия укреплений. Указанные участки были прорезаны раскопами, пересекающими оборонительные линии и выходящими на городище, где находились постройки.

Раскоп 18 (площадь 168 кв. м) (рис. 66) был заложен в юго-восточной части городища. Здесь валы и рвы внутренней линии укреплений заметны только на участках, где ранее не производилась распашка. На территории, занятой полем, они были слабо различимы и в лучшем случае фиксировались в виде аморфных возвышений и понижений. Раскоп был заложен на краю поля перпендикулярно линии укреплений памятника. Он имел вид траншеи шириной 4 м, вытянутой длинной осью по линии север – юг. На участке, где были зафиксированы остатки оборонительных сооружений (рис. 62: 5), раскоп был расширен до десяти метров. В пределах вскрытой площади выявлены остатки распаханного невысокого возвышения (вала?) (ширина 7 м), участок рва (длина 10 м) и группа хозяйственных ям, расположенных по обе стороны от линии укреплений.

Остатки оборонительных сооружений находились в центральной части раскопа.

Срезка грунта непосредственно прилегала ко рву с южной, внешней, стороны. Она представляла собой котлован, углубленный в материк на 0,3–0,4 м (рис. 67). Он имел абсолютно ровную отвесную южную стенку и начинался в квадратах Б-6-7 в виде углубления с почти прямыми стенками. Срезка пересекала площадь раскопа и уходила в его восточную бровку. Черное заполнение этого комплекса фиксировалось сразу под пахотным слоем. Оно имело вид воронкообразной в поперечном сечении линзы абсолютно чистого, лишённого находок гумуса, которая в центральной своей части достигала мощности

0,25–0,3 м. Она размещалась как надо рвом, так и над котлованом срезки, который прилегал ко рву с южной стороны. Ниже линзы котлован был заполнен гумусно-глинистым грунтом темного цвета. Находок в его заполнении было выявлено мало. Основная часть их была представлена единичными фрагментами керамики салтово-маяцкой культуры, которые находились на дне сооружения. Кроме этого, у дна была выявлена железная гирька (рис. 208: 14), нож и бронзовая бляшка от поясного набора (рис. 209: 16). Судя по всему, указанный котлован составлял единое целое со рвом, который располагался к северу от него. Возможно, из этой срезки брали глину для сооружения возвышения, остатки которого читались в виде линзы из суглинисто-гумусного грунта, тянущейся вдоль рва параллельно ему.

Ров пересекал раскоп по линии запад – восток (рис. 67; 69). Его заполнение прослеживалось сразу под пахотным слоем. В верхней части шла гумусная линза, которая подстилалась слоем осветленного глиной гумуса (мощность 0,5–0,7 м), смытого с расположенного рядом валобразного возвышения (рис. 71). В осветленном гумусе содержалось большое количество археологического материала: колотых костей животных, фрагментов амфор, серолощенных корчаг, груболепных пифосов, гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу, грузило, выточенное из песчаника. Нижняя часть рва (0,5–0,7 м) была заполнена суглинком. Это был слой замыва, в котором содержалось незначительное количество находок, количество которых увеличивалось у дна (рис. 68; 70).

Участок рва, расчищенный в пределах раскопа 18, имел ширину 1–1,3 м. В западной части раскопа ров клинообразно сужался книзу (рис. 67–68). Здесь глубина его достигала 1,69–1,7 м от современной поверхности. У дна ширина рва не превышала 0,15–0,2 м. В квадратах АХУ-7-8 его конфигурация начинает меняться. Уже в восточной части квадратов А-7-8 ров у дна расширяется в северную сторону (рис. 69–70). В соседнем квадрате Х-7-8 и далее, вдоль северной стенки, образуется подбой, углубленный в стену на 0,4 м. Здесь ров имеет наклон от ограждаемой им площадки городища. Длина участка с подрубкой в стену составляет 2,5 м. Далее северная стенка рва выравнивается. На этом участке его заполнение прорезано заполнением хоз-

ямы 4 (рис. 67). Через 0,7 м начинается новая подрубка, глубина которой достигает 0,5 м. Она, как и прежняя, произведена в северной стенке рва и уходит в восточную бровку раскопа (рис. 70). Таким образом, ров в восточной части раскопа имел наклон наружу. При такой конфигурации он не мог долго стоять открытым. Указанное предположение подтвердилось, когда во время работы экспедиции пошли ливневые дожди. Практически сразу расчищенный участок рва начал заполняться суглинком, а стенка в районе подрубки обрушилась. Кроме этого, следует учитывать, что благодаря небольшой ширине и глубине этот ров не мог представлять серьезного препятствия для нападающих. Наиболее вероятно, что он служил для установки щитов из заточенных кольев, часть которых была наклонена наружу.

Таким образом, наружная часть линии укреплений представляла собой какое-то подобие «палисада». За ним на расстоянии 30–40 м находились ров и вал внутренней линии укреплений. Место их расположения видно на непаханом участке, расположенном к северо-востоку от раскопа за лесозащитной полосой (рис. 73). Вероятно, обнаруженный в РВИ (1971 г.) ровик, который располагался за основным рвом, на склоне, также представлял собой следы от такого же сооружения. Если это так, вполне вероятно, что «палисадом» изначально могла быть ограждена вся внутренняя линия укреплений памятника.

Остатки валобразного возвышения представляли собой аморфное возвышение, которое было зафиксировано к северу от ровика. На данном участке сразу под пахотным слоем шел грунт, отличающийся по своей консистенции от осветленного гумуса, присутствующего на соседних участках раскопа. Он представлял собой светлую глинисто-гумусную линзу, насыщенную кротовинами. Она лежала непосредственно на материке, что свидетельствует в пользу того, что первоначально она была уложена на материковую площадку, на которой предварительно была произведена срезка грунта. Слой содержал значительное количество археологического материала. Находки располагались на различных уровнях и были представлены колотыми костями животных, фрагментами керамических сосудов, нижней челюстью человека, фрагментами жаровень и т. д. Керамика, обнаруженная в глинистом развале, достаточно разнообразна (фрагменты причерноморских амфор, гончар-

ных горшков с полосчатым рифлением по корпусу, корчаг, груболепных пифосов) и не отличается от керамики на других участках поселения. В целом указанный глинисто-гумусный слой представляет собой развал распаханного сооружения, которое прилегло к рову с северной стороны. Вполне вероятно, оно являлось валом, насыпанным из грунта, взятого с котлована и перемешанного со слоем с культурными остатками. Ширина его на данном участке составляет 6–6,75 м при толщине сохранившейся его части 0,3–0,45 м.

Второй разрез был произведен в пределах *раскопа 19*, расположенного в западной части памятника, покрытой Маяцким лесом (рис 21; 75). Как выше указывалось, этот раскоп южной стороной прилегал непосредственно к раскопу I (1971). В южной части был выявлен котлован небольшой хозяйственной постройки (помещение 24). Далее раскоп пересекал территорию, на которой были расчищены захоронения могильника 3, расплывшийся, но хорошо различимый визуально вал, и расположенную к северу от него западину, которая являлась остатками замытого рва. Чуть севернее, в верхней части склона Среднего Яра, на участке за пределами раскопа находится еще одна западина, являющаяся следами второго замытого рва, близкого малым рвам, прослеженным в РВ I (1971) и в раскопе 18 (2012). Как указывалось выше, этот ров, наиболее вероятно, служил для установки кольев палисада. Большой ров был вскрыт на ширину 4 м, а вал, прилегающий к нему с южной стороны, на ширину 8 м (рис. 72).

К моменту раскопок в пределах исследуемого участка вал был замечен в виде возвышения, расположенного у края склона. Перепад высот между его вершиной и западиной на месте заплывшего рва составлял 1–1,2 м. Остатки расплывшегося вала читались в квадратах АБ-9-13 и αβ 7. Здесь сразу под слоем дерна (мощность 0,1–0,15 м) шел слой осветленного гумуса с кротовинами, глинистыми и золистыми линзами (рис. 78). Указанный слой имеет наибольшую мощность (до 1 м) в квадратах АБ-11 и Г-12, а к югу и северу от них он становится тоньше. Этот слой, представляющий остатки расплывшейся насыпи вала, выделялся на фоне иных участков раскопа, где под дерном шел достаточно мощный слой жирного глинистого гумуса (достигающий местами мощности 0,8 м), который плавно переходил в темный материковый суглинок. В заполнении вала достаточно часто

встречаются золистые включения, кусочки печины, угольки, колотые кости животных и фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры. Количество находок резко увеличивается в нижней части вала, где с уровня 0,6–0,8 м начинается золистая линза, сильно насыщенная углями, кусочками печины и археологическим материалом.

Мощность ее составляет 0,2–0,25 м. Указанная линза лежит непосредственно на слое гумуса мощностью 0,2–0,4 м, плавно переходящего в глинистый материк. Эта линза представляет собой своеобразную «подушку», на которую был уложен вал. На ее поверхности были расчищены остатки лежащей поперек вала обгорелой плахи. Ниже золистой линзы слой гумуса был насыщен белым тленом, напоминающим тлен от разложившейся органики (рис. 72). Он присутствует только под центральной частью развала вала, исчезая на его краях. Судя по всему, гумус с тленом представляет собой слой погребенной почвы, ширина которого соответствует изначальной ширине сооружения. Наличие «погребенки» позволило уточнить первоначальные параметры конструкции. Если ширина развала вала составляет 5,5–6 м, то его первоначальная ширина не превышала 4,5–5 м. Далее, между валом и рвом находилась ровная площадка шириной 1,6–2 м. К северу от вала расчищен участок рва. В верхней части, на уровне материка (0,8–1,1 м от современной поверхности), его ширина достигала 2–2,4 м. Далее ров конически сужался книзу, причем нижние 0,8 м имели почти вертикальные стенки. Ширина рва в нижней его части составляла 0,6 м (рис. 62: 3–4; 77–78). В целом по своей конфигурации указанный ров напоминает рвы некоторых памятников лесостепной зоны (Афанасьев, 1987, рис. 59).

Верхняя часть рва была заполнена гумусом, насыщенным углями, кусками печины и золой. Здесь присутствовало и значительное количество археологического материала, который, судя по всему, сполз в ров вместе с частями размытого вала. Кроме колотых костей животных, фрагментов керамики и прочих находок, здесь был найден нож с долем на лезвии (рис. 202: 1). Гумусная часть заполнения завершалась ниспадающей вниз прослойкой углей, которая была прослежена в ряде квадратов. Наиболее вероятно, она представляла собой остатки горелых деревянных щитов, из которых состояла крепостная стена (рис. 62: 3–4; 76). Нижняя часть рва

была заполнена чередующимися гумусными и песчанистыми линзами. Находок в этом слое почти не было. Нижние 0,1–0,15 м имели заполнение из отфильтрованного чистого песка, в котором встречено несколько мелких фрагментов керамики салтово-маяцкой культуры.

Анализ материалов, полученных в ходе изучения оборонительных сооружений Сидоровского археологического комплекса, позволяет сделать некоторые выводы.

1. Две линии укреплений на городище представляют собой разновременные сооружения. В пользу того, что внутренняя линия является более ранней, свидетельствует ряд наблюдений, в частности за стратиграфией раскопа 18. Здесь остатки вала и заполнение ровика были прорезаны хозяйственной ямой 4. В квадратах Б-7-8 на уровне 0,5 м от современной поверхности был выявлен клад железных вещей (Кравченко, 2012 б, с. 16, рис. 10). То, что он залегал в верхней части заполнения ровика, показывает, что к моменту его захоронения ровик уже был засыпан. В целом же стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что палисад, ограждавший внутреннюю линию укреплений, был заброшен, в то время как поселение продолжало существовать.

2. Внутренняя линия укреплений состояла из двух параллельных рядов валов и рвов, из которых внешний, более узкий ров, служил для установки кольев «палисада». Как на Маяках, так и на Сидорово параллельно строительству рвов и валов, по всей видимости, велось сооружение ступенчатого эскарпа, усложняющего доступ на площадку городища со стороны поймы реки. Устройство эскарпа не совсем ясно, т. к. раскопки на его ступени не производились. Вполне резонно предположить, что на ней также мог находиться «палисад», усложняющий подъем на площадку городища. Периметр внутренней линии укреплений составлял около 1,2–1,3 км.

3. Городище имело два въезда, один из которых располагался в северо-восточной его части. Этот въезд, как и линия валов на данном участке, ныне визуально не прослеживается. О его присутствии в этой части памятника свидетельствует наличие древней дороги, которая была прослежена в раскопе 2. Второй въезд, о котором писал В.К. Михеев, располагался на южной окраине городища (Михеев, 1971, с. 3).

4. До сооружения укреплений населенный пункт существовал какой-то промежуток времени, достаточный для возникновения слоя с культурными остатками. Наличие в валах внутренней линии большого количества находок говорит о том, что для их сооружения был использован культурный слой, срезанный с прилегающих к валам участков. В раскопе 19 вал не только содержал большое количество материала, но вообще был сооружен на «подушке» из золы, углей и бытовых отходов, в которой встречены фрагменты кувшинов с плоскими ручками. Показательно то, что на соседнем археологическом комплексе у с. Маяки В.К. Михеевым была зафиксирована близкая ситуация: грунт, выброшенный из рва, был уложен непосредственно на культурный слой, насыщенный материалами хазарского времени (Михеев, 1985, с. 12).

Вне сомнений, и на первичном поселении могли быть какие-либо оборонительные сооружения. Как они выглядели, по имеющимся в настоящее время данным установить невозможно, т. к. визуально различимых следов на поверхности памятника они не оставили. Вполне вероятно, это был частокол или какая-нибудь ограда. Так или иначе, первичный памятник, возникший на территории городища в кон. VIII – нач. IX в., мог представлять поселение на площадке плато, близкое крупным селищам 3 группы, описанным К.И. Красильниковым (Красильников, 2010, с. 20–21). Размеры этого раннего поселения, скорее всего, превышали границы участка, который в дальнейшем был окружен внутренней линией укреплений.

5. Городище имело деревянные стены, о наличии которых свидетельствуют остатки «обгорелых бревен», зафиксированные в 1971 г. в валах и заполнении рва (Михеев, 1971, с. 12, табл. VI, 1; 1985, с. 19, рис. 3, 4). Позднее, анализируя полученные данные, В.К. Михеев предполагал, что городища описанной группы «были защищены деревянными стенами, которые сооружались двумя параллельными рядами и закреплялись с помощью вертикальных столбов. Стены образовывали внешний и внутренний панцири, а пространство между ними забутовывалось на определенную высоту. Низ внутреннего и внешнего панциря присыпался снаружи грунтом» (Михеев, 1985, с. 23). Указанное предположение вполне вероятно. С ним согласуется факт находок обгорелой деревянной балки, лежащей поперек вала на золистой линзе, в его основании

(раскоп 19) и выявление остатков обугленного панциря из досок в заполнении рва. Таким образом, укрепления раннесредневековых городищ среднего течения Северского Донца,

вероятно, были близки укреплениям городков, появившихся на этой территории во 2-й пол. XVII в.

§1.4. Поселенческая структура городища и ее изучение

В результате многолетних работ на рассматриваемом нами памятнике, была вскрыта площадь около 6500 кв. м (из них 4600 на поселении и около 1900 кв. м на могильниках). Благодаря этому археологический комплекс у с. Сидорово ныне входит в число относительно хорошо изученных средневековых памятников рассматриваемого нами региона. В его пределах изучены котлованы 27 полуземлянок жилого и хозяйственного назначения, остатки как минимум двух наземных построек, 95 хозяйственных ям, группа наземных сооружений (которые могли быть санузлами, очагами, коптильнями), клад железных вещей, отдельные захоронения. Произведены разрезы рвов и валов. Кроме этого, были проведены большие работы на некрополях памятника.

Большинство раскопов 1971 г. было сосредоточено в северо-западной части «Малого городища» (рис. 36: 1). За его пределами находился только небольшой раскоп III и, возможно, столь же малый раскоп IV. Проводить исследования на других участках памятника В.К. Михеев не имел возможности в связи с тем, что основная часть его территории была распаханна и засеяна. Раскопки производились за пределами пахотных полей и на покрытом лесом участке.

Раскоп I (1971) был заложен в северо-западном углу городища. В отчете точная его площадь не указана. Судя по визуальным различиям следам (рис. 34), она составляла не менее 70 кв. м. Юго-западной своей стороной раскоп прилегал к валу. Здесь, неподалеку от вала, была выявлена группа из 8 захоронений (могильник 3). В северо-восточной части раскопа, которая располагалась на площадке городища, в стороне от укрепления, была расчищена хозяйственная яма. В пределах вскрытого участка зафиксирован хорошо насыщенный культурный слой, мощность которого не превышала 0,4 м.¹⁰ Основная часть выявленных матери-

алов относилась к салтово-маяцкой культуре, и лишь отдельные находки, которые залежали ниже, датировались эпохой бронзы (Михеев, 1971, с. 3–7).

Раскоп II (1971) был разбит к юго-востоку от раскопа I, на пахотном поле (рис. 36: 1). Первоначальная его площадь составляла 10 кв. м, в дальнейшем делались прирезки. Общая площадь в отчете не указана. План отсутствует. Тем не менее, учитывая то, что этим раскопом было вскрыто 39 м «траншеи» (Михеев, 1971, с. 9), его площадь была достаточно большой. Судя по всему, В.К. Михеев, зафиксировав траншею, уходящую на территорию пахотного поля, далее двигался по ней. В пределах раскопа им был обнаружен культурный слой мощностью 0,8 м с материалами салтово-маяцкой культуры. Из комплексов выявлена «траншея с овальным полом» и группа расположенных в ней захоронений (три погребения, «впущенных в ров или рядом с ним») (Михеев, 1971, с. 7–9). Место расположения, параметры и характер заполнения «траншеи», свидетельствуют, что она, наиболее вероятно, являлась рвом внутренней линии укрепления.

Раскоп III (1971) был разбит на северо-западном краю городища (рис. 36: 1). Представлял собой траншею 1×10 м., в которой был зафиксирован маломощный культурный слой. Никаких археологических комплексов выявлено не было. Как покажем ниже, этот раскоп располагался за пределами внутренней линии укрепления.

Раскоп IV (1971), согласно текстовой части отчета, был заложен рядом с раскопом III (Михеев, 1971, с. 10). Тем не менее на прилагаемом к отчету плане памятника он изображен на восточной окраине городища, рядом с раскопом V (Михеев, 1971, табл. II, 1) (рис. 36: 1). Визуальных следов этого раскопа на восточной окраине городища выявлено не было. Участок, где располагался раскоп III, в настоящее время распахан, и его следы не прослеживаются. Так или иначе, в раскопе не было вскрыто ничего примечательного. Он представлял собой траншею площадью 10 кв.

¹⁰ Здесь и далее при описании раскопов 1971 г. мощность культурных напластований указана по отчету В.К. Михеева. Рассуждения по вопросу мощности культурных напластований на указанном памятнике приведены в конце раздела.

м, в которой был зафиксирован маломощный культурный слой.

Раскоп V (1971). Согласно текстовой части отчета, представлял единственный из раскопов, который был разбит на противоположной части городища, у его «восточного края» (рис. 36: 1). Площадь раскопа составляла 10 кв. м. Следы от него сохранились в пределах внутренней линии укреплений, к югу от раскопов 9–10 (2003–2004 гг.). Раскоп находился за лесозащитной полосой, на той части памятника, которая ранее не подвергалась распахке. В.К. Михеев предположил, что культурный слой здесь «почти полностью смыт». На площадке в окрестностях указанного раскопа было выявлено значительное количество археологического материала, который происходил из обнажений грунта и кротовин. Здесь же визуальнo читается понижение – следы крупной древней промоины, в которой и был разбит раскоп. К югу от указанного участка четко различим хорошо сохранившийся вал внутренней линии укреплений, а к северу – площадка с культурными напластованиями, на которой были разбиты раскопы 9–10. Все это свидетельствует в пользу того, что разрушения культурного слоя на восточной окраине городища носили локальный характер. Данное предположение было подтверждено шурфовкой, производившейся на этой части памятника в 2010–2011 годах.

Раскоп VI (1971) (рис. 36: 2). Располагался в западной части городища между внутренним и внешним валами укреплений. Площадь вскрытого участка составляла 68 кв. м. Слой с культурными остатками имел мощность 0,4–0,5 м. В пределах раскопа визуальнo фиксировалась небольшая западина, которая оказалась котлованом жилой полуземлянки (Михеев, 1971, с. 10–11).

После возобновления изучения жилой части памятника исследования на нем велись в продолжение 11 полевых сезонов (2000–2004, 2006, 2009–2013 гг. на жилой части памятника). В это время на «Малом городище» был заложен ряд раскопов: раскопы 1–2 (2000); раскопы 3–6 (2001); раскоп 7 (2002); раскопы 9–14 (2003–2004, 2006, 2009); раскоп 16 (2010–2011); раскоп 18 (2012) и раскопы 19–20 (2013). Некоторые из них (раскопы 2, 5, 7, 12, 14, 20) находились в пределах холма «Малого Городища», однако вне пределов территории, ограниченной внутренней линией укреплений памятника. На многих раскопах работы велись в течение нескольких

полевых сезонов. Наряду с территорией т. н. «Малого городища» исследования производились на склонах холмов и в пределах Большого городища. В целом раскопы кон. XX – нач. XXI вв. нумерованы арабскими цифрами с указанием года ведения раскопок.

Раскоп 1 (2000). Был заложен на северной окраине Малого городища, на склоне Среднего Яра. Основной целью работ, производимых на этом участке, было изучение захоронений могильника 2, а также попытка выявления остатков оборонительных сооружений, которые, по мнению В.К. Михеева, должны были здесь находиться. Раскоп имел площадь 140 кв. м и был вытянут длинной осью по линии север – юг (рис. 37). Большая его часть располагалась на склоне, а северный край выходил на площадку плато. В пределах раскопанной площади были обнаружены 11 погребений могильника 2 и 6 хозяйственных ям, которые имели отношение к жилой части поселения. На хоз. яме 6 ряд захоронений обрывался, что свидетельствовало в пользу того, что хронологическая разница между погребальными и хозяйственными комплексами была незначительной. В хозяйственной яме 3 были зафиксированы фрагменты трехручного кувшина (рис. 190: 1), обломки которого находились в конструкции очага помещения 4, располагавшегося в 90 м к юго-востоку, в пределах раскопа 2. Укреплений на данном участке выявлено не было и, вероятно, их здесь не было вовсе. Все это свидетельствует в пользу того, что валы и рвы внутренней линии укреплений располагались в другом месте. Как нам представляется, они находились к югу от Среднего Яра, и городище имело несколько иную конфигурацию, чем ранее предполагал В.К. Михеев (Кравченко, Цимиданов, 2000, с. 3–13; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 239–242).

Раскоп 2 (2000). Являлся основным раскопом, на котором велись работы в 2000 г. Заложен на площадке, используемой в качестве пахотного поля (рис. 39). Восточной стороной он граничил с лесозащитной полосой, в которой позже были разбиты раскопы 5, 7, 14 (рис. 43). Таким образом, раскоп 2 положил начало изучению крупного участка в северо-восточной части «Малого городища», у древнего въезда на памятник, вне пределов внутренней линии укреплений.

Раскоп имел подпрямоугольную форму и был ориентирован своими сторонами по сторонам света (рис. 38). Площадь вскрыто-

го участка составляла 1070 кв. м. В ее пределах присутствовал равномерный культурный слой, мощность которого не превышала 0,25–0,3 м, который был полностью уничтожен распашкой и эрозийными процессами. Раскопом вскрыты котлованы двух полуземлянок (помещения 2 и 4), производственный комплекс (помещение 3 с горнами 1 и 2), 19 хозяйственных ям и одно погребение (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 235–239).

Практически все комплексы в пределах раскопа 2 группируются на двух участках, один из которых расположен в западной его части. Здесь были выявлены помещения 4, хозяйственные ямы №№ 4, 5, 6, 8, 12, 13, 14, 18, основная часть которых (кроме ям №№ 6, 8) составляла компактную группу археологических объектов. случаев стратиграфии между указанными комплексами не было и они, судя по всему, представляли единовременную застройку. Вторая группа объектов располагалась в восточной и юго-восточной частях раскопа. Здесь находились жилая полуземлянка (помещение 2) и комплекс сооружений гончарной мастерской, вокруг которых концентрировались хозяйственные ямы (№№ 2–3, 7, 9, 10–11, 15). К востоку от этой группы комплексов, на расстоянии 4–6 м от них, находилась еще одна группа ям (№№ 1 и 3, раскопанных в 1998 г. и ямы №№ 16, 17, 19). Эта группа уходила в лесозащитную полосу, где ее сооружения продолжались в пределах площади расположенных там раскопов. Каких-либо случаев стратиграфии на этом участке зафиксировано не было.

Центральная часть раскопа была лишена археологических объектов (рис. 38), причем расстояние между двумя участками, в пределах которых находились комплексы, составляет не менее 10 метров. Лишенная сооружений полоса пересекает площадь раскопа по линии север – северо-восток – юг – юго-запад по направлению к юго-западной части городища, где располагался въезд. Суммируя эти данные, мы получаем следующее:

- раскоп 2 находится у въезда на городище со стороны поймы реки;
- описанная выше пустая полоса продолжает линию дороги, идущей от въезда.

Таким образом, описанная полоса, лишенная сооружений, представляет собой участок древней улицы – дороги, которая пересекала территорию памятника от одного въезда к другому. Ширина ее составляла не менее

10 м, а по обе стороны от этой дороги располагались усадьбы.

Говоря о времени возникновения сооружений, выявленных в раскопе 2, следует обратить внимание на отсутствие случаев стратиграфии. Более того, все выявленные здесь комплексы расположены компактными группами, находящимися друг от друга на некотором расстоянии, что свидетельствует о том, что они представляют собой единовременную застройку. Если в пределах ее имелись разновременные сооружения, то хронологический разрыв между ними был незначительным.

Датировка указанной группы сооружений определяется по многочисленным находкам, содержащимся в комплексах, раскопанных на площади раскопа. Показательно присутствие среди них кувшинов с плоскими ручками, кувшинов с ойнохоевидным устьем и крышек с пестовидными ручками. Интерес представляет факт, что в заполнении горновой ямы гончарной мастерской были выявлены необожженные фрагменты таких крышек, которые производили на территории памятника. Судя по всему, выявленные в раскопе сооружения относились к последнему этапу истории городища.

Раскоп 3 (2000). Разбит на покрытой лесом северо-западной окраине городища, в 150 м к юго-западу от крайних домов села (рис. 21). Западный угол раскопа находился у внутренней линии укреплений. Южная его стенка примыкала к северной части раскопа I (1971 г.) (рис. 34). Площадь раскопа составляла 36 кв. м. Раскоп располагался у склона Среднего Яра, близ места впадения в него глубокой балки, использованной строителями городища при сооружении внутренней линии укреплений. Проведение исследований в этом месте планировалось в связи с необходимостью дополнения данных о могильнике 3, который был выявлен в раскопе I (1971 г.). По чистой случайности (остатки рва, засыпанные отвалами раскопа I 1971 г., визуально не фиксировались) раскоп был разбит за пределами линии укреплений памятника. Верхний слой (до ур. 0,5 м от современной поверхности) здесь был представлен гумусом с культурными остатками, смытым с расположенной выше по склону площадки городища. Ниже уровня 0,5 м начинается плотный глинистый гумус, который постепенно светлеет книзу и на уровне 0,8–1 м подстилается материковым суглинком. Кроме края рва линии укреплений, ушедшего в бровку раскопа, никаких

комплексов в его пределах выявлено не было (Кравченко, 2001, с. 2–3).

Раскоп 4 (2001). Был заложен в пределах внутренней линии укреплений, в 200 м к югу от раскопа 2, в лесозащитной полосе, окаймляющей распаханый участок памятника. Он имел площадь 16 кв. м и был ориентирован сторонами по странам света (рис. 40: 1). Сверху в раскопе идет слой намыва, перекрывающий культурные напластования. Ниже (0,3–0,6 м) шел собственно культурный слой памятника, который содержал основную часть выявленных в раскопе находок, представленных колотыми костями животных и керамикой салтово-маяцкой культуры. Он подстилался слоем плотного гумуса, без материала (0,6–0,8 м), который плавно переходил в материковый суглинок.

В раскопе 4 было вскрыто две хозяйственных ямы, которые были впущены из гумусного слоя, находящегося под слоем намыва. На бровках они фиксировались с уровня 0,45 м. В заполнении обеих ям встречены фрагменты кувшинов с плоскими ручками (Кравченко, 2001, с. 3–4).

Раскоп 5 (2001–2002). Был заложен в лесозащитной полосе, которая тянется вдоль восточного края городища, в 20 м к востоку – северо-востоку от раскопа 2 (рис. 21). Площадь его составляла 106 кв. м (рис. 41). В пределах раскопа были выявлены: слой мезолитической стоянки, котлован полуземлянки (помещение б), три хозяйственных ямы и одно погребение. Средневековые комплексы со стратиграфией в раскопе отсутствовали. Верхний слой был представлен намытым горизонтом, содержащим современный мусор, измельченные фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры и единичные кремневые отщепы, которые попали в него из нижележащих слоев. С уровня 0,4 м начинаются культурные напластования средневекового времени, залегающие в слое гумуса со значительным количеством золы. Все археологические комплексы раскопа 5 были впущены именно с этого слоя. Ниже (0,6–0,75 м) залегает слой подпочвы – осветленный глиной гумус. Материалы, встреченные на этом уровне, представлены многочисленными кремневыми отщепами, нуклеусами и обломками кремневых пластин. Согласно определению Ю.Г. Ковалья и А.В. Колесника они относились к располагавшейся на этом участке мастерской зимовниковской культуры (Коваль, Колесник, 2011, с. 32–33, рис. 1–5). Кремневые изделия залегали на

уровне подпочвы, а также в нарушенных отложениях, заполняющих позднейшие перекопы. Большинство находок выявлено на глубине 0,5–0,7 м, причем значительная их часть была переотложена. Несколько иная картина наблюдалась в юго-восточной части раскопа. Здесь было обнаружено небольшое скопление кремневых отщепов, основная часть которых залегала на глубине 0,55–0,75 м. Количество находок увеличивается в восточной части раскопа. Ниже уровня 0,8 м указанный слой светлеет и плавно переходит в лессовидный суглинок, не содержащий археологического материала.

Хозяйственные ямы, выявленные в пределах раскопа, были вытянуты в ряд по линии север – юг. К югу от них располагалось жилое помещение б – котлован прямоугольной формы, ориентированный стенами по сторонам света. В верхней части он был заполнен чистым гумусом, практически не содержащим находок. В целом комплекс сооружений, обнаруженный в раскопе 5 в 2001–2002 гг., очень интересен. Изучение памятника показало, что на данном поселении обвалившиеся котлованы помещений, погребя и зерновые ямы обычно использовали для сброса мусора. Из трех хозяйственных ям, выявленных в раскопе 5, две не содержали материала. Хоз. яма 2 представляла собой зерновую яму или обвалившийся погреб, заполненный гумусно-глинистым замывом, что свидетельствовало о том, что данное сооружение длительное время простояло открытым. Отсутствовали находки и в заполнении помещения б. Дополняет картину погребение, расположенное рядом с жилыми и хозяйственными сооружениями, которое было совершено в культурном слое хазарского времени. Вполне вероятно, что все эти сооружения могли датироваться последним этапом жизни Сидоровского городища.

Раскоп 6 (2001) (рис. 42). Был разбит на юго-восточной окраине городища, у валов внутренней линии укреплений. Общая его площадь составляла 180 кв. м. Участок, на котором расположен раскоп, в течение многих лет подвергался распашке. До уровня 0,25–0,3 м шел пахотный слой, содержащий незначительное количество измельченных фрагментов салтовской керамики и мелких костей животных. В восточной части раскопа находки в верхнем слое вовсе отсутствовали. Ниже пахотного слоя зафиксирована тонкая (0,1–0,2 м) прослойка подпочвы – жирного гумусированного суглинка, постепенно пере-

ходящего в плотную материковую глину, в которую были углублены нижние части ям.

Все археологические комплексы, обнаруженные на раскопе 6, были впущены с уровня пахотного слоя, который на этом участке городища представляет культурный слой средневекового памятника. В пределах раскопа были выявлены четыре хозяйственных ямы, служившие для сброса мусора. В западной его части был расчищен котлован постройки (помещение 5), которая располагалась рядом с валами внутренней линии укреплений городища и была вытянута длинной своей осью параллельно им. Вполне вероятно, она представляла собой служебное помещение, игравшее в силу особенностей своего расположения определенную роль в фортификационной системе крепости. Слоистое заполнение котлована свидетельствовало о том, что после того, как помещение было оставлено, его использовали в качестве сбросной ямы (рис. 43). Среди находок в его заполнении были выявлены фрагменты крышек с пестовидными ручками, что свидетельствует о том, что котлован был заброшен не ранее кон. IX в. (Хлебникова, 1984, с. 152; Кокорина, 2002, с. 72–73).

Анализ материалов, выявленных в комплексах раскопа 6, показывает, что постройка и выявленные на этом участке хозяйственные ямы не одновременны. Более ранней была постройка, которую, наиболее вероятно, соорудили во время строительства внутренней линии укреплений. Возможно, в период ее функционирования появились некоторые из хозяйственных ям (№№ 3–4). В более позднее время, когда постройка была заброшена, здесь появляются еще две хозяйственные ямы. В это же время производится засыпка мусором заброшенного котлована ранее бывшего на этом месте строения (Кравченко 2001, с. 6–10; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 264–266).

Раскоп 7 (2002, 2004, 2006). Был разбит в лесозащитной полосе между раскопом 5 и раскопом 2 2000 г. Площадь, вскрытая им, составила 446 кв. м (рис. 46). Сложная конфигурация раскопа, вытянутого длинной осью по линии север – юг, обусловлена его нахождением в лесозащитной полосе (рис. 21). Участок, на котором он располагался, имел такую же стратиграфию, как и смежный с ним раскоп 5. Средневековые материалы залежали скоплениями, зафиксированными на уровне 0,2–0,4 м. В квадратах А-8-9 и Б-11 наблю-

далось скопление фрагментов груболепных пифосов. В квадратах Х-8-9 также располагалось крупное скопление керамики, в котором содержались обломки лепной жаровни, груболепного пифоса, крупные фрагменты амфор и гончарных горшков (рис. 44). Какой-либо ямы на этом участке зафиксировано не было, что свидетельствовало о том, что это скопление представляло отмопку, сооруженную из фрагментов битых сосудов. На уровне 0,45–0,7 м слой со средневековыми остатками подстилается подпочвой (гумус с суглинком), содержащей кремневую индустрию.

В процессе работ на раскопе 7 были вскрыты котлованы 5 полуземлянок, 10 хозяйственных ям и один комплекс, который, наиболее вероятно, представлял собой санузел. Как и в соседних раскопах 2 и 5, случаев стратиграфии зафиксировано не было. Комплексы располагались группами, расположенными на некотором расстоянии друг от друга, и представляли единую застройку (рис. 46). Таких групп зафиксировано не менее трех (в северной, центральной и южной частях раскопа). Кроме прочих объектов, в пределах раскопа 7 были выявлены две крупных хозяйственных ямы (№№ 7 и 9), глубина которых достигала 3 метров. Одна из них входила в состав помещения 14 (Кравченко, 2005 а; Кравченко, 2002, с. 5–10; Кравченко, 2004, с. 2–10; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 266–269).

Раскоп 8 (2002). Разбит в верхней части склона левого берега Среднего Яра у места его перехода в плато (рис. 21). Раскоп находился на южной окраине «Большого городища», т. е. на территории селища 1, в пределах частной усадьбы (рис. 45). Имел площадь 25 кв. м. Культурный слой на указанном участке отсутствовал. Верхние 0,2–0,3 м были представлены смытым с плато гумусом, содержащим фрагменты керамики салтовомаяцкой культуры, куски колючей проволоки, гильзы времен Великой Отечественной войны и культурные остатки, связанные с функционированием современного села. Ниже него шла чистая материковая глина, в которой были выкопаны ямы средневековых сооружений.

В пределах раскопа выявлены котлован постройки (помещение 7) и хозяйственная яма (рис. 40: 2–3). Керамический комплекс представлен фрагментами причерноморских амфор 2-го типа (идентичных большинству амфор, обнаруженных в сооружениях раскопов 1, 2, 5, 7) и кухонной керамикой, боль-

шинство которой составляют фрагменты гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу. Лощеных сосудов (стенки кувшинов и сероглиняных крупных корчаг) относительно немного (Кравченко, 2002, с. 10–12).

Раскопы 9–10 (2003–2004). Располагались на «Малом городище», в пределах внутренней линии укреплений. Были разбиты у склона в пойму, на ровной площадке, находящейся в 200 м к югу от яра, где начинается северная граница этой линии (рис. 21; 48: 5).

Площадка представляла собой естественное возвышение, с которого на большое расстояние просматривалась пойма Северского Донца. Этот фактор способствовал активному использованию её для нужд обороны во время Великой Отечественной войны. Восточная часть участка была сильно повреждена блиндажами, линиями окопов (в полный профиль) со стрелковыми гнездами, вытянутыми цепью вдоль гребня холма, у самого склона в пойму. Оборонительная линия военного времени огибала площадку под прямым углом. Кроме этого, от нее ответвлялся отрезок траншеи с крупным блиндажом, который фактически служил разделителем между раскопами (рис. 47). Исследования участка показали, что кроме визуально различимых линий окопов в пределах вскрытой площади находился ряд более мелких одиночных окопов, углубленных до 1 м, траншей и воронок, прорезавших культурные напластования.

Работы на раскопах 9–10 велись в течение двух полевых сезонов. В процессе их на раскопе 9 была вскрыта площадь 920 кв. м, на которой были расчищены котлованы двух хозяйственных построек (помещения 9–10), 20 хозяйственных ям и 1 захоронение в слое. Кроме этого, здесь были выявлены кострище и 2 скопления археологического материала. На раскопе 10 было вскрыто 205 кв. м площади, в пределах которой выявлены санузел и три хозяйственных ямы. В целом двумя раскопами был вскрыт участок площадью 1125 кв. м.

Стратиграфическая ситуация на данном участке представляет интерес, т. к. он ранее не подвергался распашке (рис. 48: 1–4). В пределах раскопа 9, расположенного дальше от края склона, под слоем дерна (0,1 м) шел слой гумусированной супеси (0,5–0,6 м), который разделялся на две прослойки, фиксирующиеся над древними ямами и отличающиеся друг от друга оттенками темно-серого цвета. Верхняя прослойка (мощность 0,2 м) содержала гильзы и прочие предметы времен Великой Отече-

ственной войны. Все окопы, обнаруженные на территории раскопов 9–10, были впущены именно с этого уровня. Таким образом, верхняя часть гумусированной супеси представляет собой слой с культурными остатками XX в., в формировании которого были задействованы эрозийные процессы. Ниже уровня 0,25 м в слое гумусированной супеси начинают встречаться находки средневекового времени, представленные единичными фрагментами керамики, колотыми костями животных и отдельными железными предметами. Иногда на уровне 0,25–0,40 м попадаются фрагменты керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа, кремневые отщепы и керамика эпохи неолита – энеолита, поднятые средневековыми перекопами из слоев более раннего времени. Фактически с нижней частью слоя гумусированной супеси связаны материалы эпохи Средневековья, а также отдельные находки гунно-сарматского времени и эпохи поздней бронзы (рис. 20: 1–2, 4). Показательно, что находки гунно-сарматского времени и керамика бронзового века залегают на одной глубине (0,45–0,50 м). Немногочисленность этих находок, отсутствие скоплений их на площади раскопа свидетельствует о том, что до появления на этом месте раннесредневекового памятника господствующая над поймой возвышенность посещалась населением сезонно. Ниже гумусированной супеси шел слой подпочвы – осветленный глиной гумус. В верхней его части, на уровне 0,6–0,7 м от современной поверхности, встречены материалы неолитического времени, представленные фрагментами керамики, орнаментированной горизонтальными композициями, выполненными при помощи гребенчатого штампа и наколов (рис. 18: 2), кремневые отщепы, пластины и орудия. Находки эти встречаются неравномерно и концентрируются пятнами на отдельных участках раскопа. Ниже осветленного глиной гумуса, на уровне 0,7–0,8 м, идет материк. В южной и западной частях раскопа он представлен суглинком. В северо-восточной его части материком является мел, залегающий сразу под тонким слоем глины. Единственным отличием стратиграфии раскопа 10 было то, что на основной части его площади гумус подстилался меловым материком. Так, в восточной части раскопа сразу под слоем гумуса, достигавшем мощности 0,5–0,6 м, шел меловой материк, на котором лежал выкид из хоз. ямы 1. Все это свидетельствовало о том, что участок у склона на краю городи-

ща либо подвергался планировке в хазарское время, либо все культурные напластования в его пределах были смыты и перемешаны. В ряде квадратов встречены фрагменты неолитической керамики, кремневые орудия и отщепы, которые находились на одном уровне (0,2–0,4 м) с находками хазарского времени. Слой предматерика (мощность 0,3 м) сохранился только в западной и южной частях раскопа 10.

Археологические комплексы, выявленные в пределах раскопов 9–10, представлены исключительно сооружениями хозяйственного характера (рис. 49). Наряду с многочисленными ямами и санузлом здесь были расчищены котлованы двух хозяйственных построек. Исключением являются два скопления материала, расчищенные в слое раскопа 9, которые, судя по всему, являлись остатками наземных сооружений. Одно из них в качестве отопительного сооружения имело открытый очаг. Показательно, что указанные наземные помещения представляли наиболее ранний пласт построек на данном участке. В пользу этого свидетельствует то, что оба скопления были прорезаны хозяйственными ямами более позднего этапа существования городища.

Таким образом, на рассматриваемой нами площадке были выявлены культурные напластования разных эпох. В ранний период (на рубеже неолита и эпохи меди, в конце эпохи бронзы и в сарматское время) здесь существовали небольшие сезонные поселения. В эпоху Средневековья на этой площадке появляются стационарные наземные сооружения, остатками которых является очаг в северной части раскопа 9 и скопление материала, выявленное в южной части раскопа. В дальнейшем вдоль края городища появились постройки и ямы хозяйственного назначения, прорезавшие остатки наземных сооружений, ранее существовавших на этом месте. Жилые полуземлянки находились на площадке городища, дальше от края плато. Показательно, что и на других участках памятника (в раскопе I (1971) и раскопах 6, 18, 19), расположенных у валов, рядом с линиями укреплений были расчищены только сооружения хозяйственного назначения (Кравченко, 2003, с. 2–11; Кравченко, 2004, с. 10–16; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 271–276).

Раскоп 11 (2003). Был разбит в юго-западной части могильника 1. В этом раскопе (площадь 110 кв. м) было расчищено 54 захоронения (Кравченко, 2003, с. 11–23; Кравчен-

ко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 276–283). Показательно то, что основная часть их представлена могилами детей.

Раскоп 12 (2003) был заложен на восточном склоне городища, в 30–40 м к северу от того места, где начинается ступенчатый эскарп (рис. 21). Ранее здесь находился небольшой карьер, вырытый местными жителями на склоне (рис. 64). В 1998 г. в нем был расчищен котлован врезанной в склон полуземлянки (помещение 1). В 2000 г. в 10 м к северу от него была вскрыта хозяйственная яма. Весной 2003 г. на расстоянии 4 м к западу от остатков этой ямы обнажился развал печи-каменки. С целью исследования этого комплекса к карьере был прирезан небольшой раскоп, ориентировка и размеры которого были обусловлены характером местности, представляющей крутой склон (рис. 48: 5). Фактически это была ориентированная север-северо-восток – юг-юго-запад прирезка к западной стенке карьера. Общая её площадь составила 16 кв. м.

Стратиграфическая ситуация на данном участке была следующая. Ниже дернового слоя (0,1 м) до уровня 0,6 м шел слой гумуса, находки в котором были представлены единичными фрагментами керамики салтово-маяцкой культуры. На уровне 0,6 м гумус начинал светлеть и на уровне 0,8 м плавно переходил в материковый суглинок.

В пределах раскопа было выявлено помещение 11, которое представляло собой полуземлянку, ориентированную стенами перпендикулярно направлению склона (рис. 50). Таким образом, указанный склон, как и левый склон Среднего Яра, входил в пределы жилой части памятника. Он был застроен жилыми постройками, врезанными в склон, рядом с которыми располагались хозяйственные комплексы. Наиболее вероятно, заселение этих склонов производилось на последнем этапе существования археологического объекта. Об этом свидетельствует как их расположение (возле тех участков, которые заселялись в последнюю очередь), так и факт наличия на полу помещения 11 захоронения, произведенного в постройке после (или во время) того, как она была оставлена (Кравченко, 2003, с. 23–25; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 283–284).

Раскоп 13 (2004). Был заложен в пределах «Большого городища» на краю левого берега Среднего яра, в верхней части склона, при переходе его в плато, в 50 м к северо-востоку

от раскопа 8 (2002 г.) (рис. 21). Раскоп имел прямоугольную форму и был ориентирован длинной осью по линии север – юг. Площадь его составляла 80 кв. м (рис. 48: 6). Культурный слой на рассматриваемом нами участке либо отсутствовал, либо был смыт, о чем свидетельствуют фрагменты керамики с сильной степенью окатанности. Каких-либо ям на вскрытой площади обнаружено не было (Кравченко, 2004, с. 16–17).

Раскоп 14 (2009). Был разбит в лесозащитной полосе на территории «Малого городища», за пределами внутренней линии укреплений (рис. 21). Прилегал к южной части раскопа 7. В связи с наличием на данном участке крупных деревьев его площадь была ограничена небольшим прямоугольным участком, на котором к моменту раскопок произрастал кустарник. В северной части раскопа стратиграфическая ситуация не отличалась от раскопов 5 и 7. Верхний слой (0,3 м) представлял собой гумус с корнями деревьев, который был распахан во время насаждения лесозащитной полосы. Находками в нем являлся бытовой мусор, связанный с жизнедеятельностью современного села. Под пахотным слоем находился слой осветленного гумуса. Этот слой постепенно светлел книзу и на уровне 0,55–0,6 м плавно переходил в лессовидный суглинок. В нижней его части и в верхней части лессовидного суглинка в очень небольшом количестве встречался кремь, представленный отщепами верхнепалеолитического времени. Последнее является свидетельством того, что где-то в этом районе пролегал южная граница стоянки, материалы которой представлены в раскопах 5 и 7. Интересным представляется, что (по определению Ю.Г. Коваля) среди кремня встречено достаточно много более позднего, неолитического материала. По всей видимости, эти находки имели отношение к неолитической стоянке, материалы которой были выявлены в нижнем слое раскопов 9–10, располагавшихся к юго-востоку от этого участка.

Была вскрыта площадь 62 кв. м, в пределах которой расчищен котлован помещения 16 (рис. 51), занимающий большую часть площади раскопа.

Раскоп 15 (2010). Разбит в пределах Большого городища (селища 1), на северной окраине памятника, в пределах территории частной усадьбы, расположенной по ул. Садовая, 20 (рис. 21). Осмотр участка показал, что он находится в низине, фактически в тальвеге

Выслой Балки у места ее впадения в пойму р. Северский Донец. Раскоп (площадь 16 кв. м) имел квадратную форму и был ориентирован своими сторонами по сторонам света (рис. 48: 7).

Каких-либо признаков наличия культурных напластований на данном участке зафиксировано не было. Единичные находки фрагментов керамики свидетельствуют о присутствии рядом памятника, расположенного к западу и к югу от отводимого участка. Близкая ситуация наблюдалась и на противоположной стороне улицы (территория усадьбы по ул. Садовая, 5). Здесь также не было выявлено культурных напластований, что связано с тем, что практически вся эта территория располагается на площадке, занятой древним частично замкнутым, частично же засыпанным яром, который представлял собой естественный водосток с площадки плато.

Раскоп 16 (2010–2011). Имел площадь 490 кв. м. Разбит в центральной части городища, ближе к его восточному краю, на площадке, которая в течение многих лет использовалась в качестве пахотного поля (рис. 21; 52). Он находится в 70 м к западу от раскопов 9–10 (2003–2004 гг.) и в 170 м к юго-западу от раскопов 2, 5, 7, 14. В пределах раскопа были выявлены 11 хозяйственных ям, 5 котлованов помещений (помещения 17–20, 23) и четыре наземных комплекса, представляющих собой санузлы, очаг и тандырообразное сооружение (рис. 53). Малая глубина их залегания послужила причиной того, что все эти сооружения были сильно повреждены вспашкой.

Стратиграфия на различных участках раскопа имела несущественные отличия, связанные с естественным уклоном площадки, на которой он располагался (рис. 57: 1–2). Верхние 0,3 м представлены гумусом, который в течение длительного времени подвергался распашке. Он содержал небольшое количество находок: единичные металлические предметы (две гирьки, серебряная застежка, бронзовая поясная бляшка с растительным орнаментом, панцирная пластина, бляшка от поясного набора), мелкие фрагменты горшков, амфор и измельченные кости животных. Концентрация находок увеличивалась на участках, в пределах которых находились котлованы построек и ямы. Все археологические комплексы были впущены из пахотного слоя. Таким образом, на площади раскопа 16 культурный слой был полностью уничтожен. Начало его разрушению положили естественные эрозийные

процессы, а завершено все было многолетней распашкой участка. Как и на соседних площадках, где культурные напластования сохранились лучше, они располагались в верхней части слоя гумуса (наиболее вероятно, верхние 0,3 м, которые представляли собой пахотный слой). Ниже пахотного слоя по всей площади раскопа шел слой гумуса, который плавно светлел книзу. В восточной и северо-западной части раскопа мощность его не превышала 0,20–0,25 м. Этот слой местами утолщался, скорее всего, фиксируя неровности древней дневной поверхности. Находок в нем не было. Формирование этого горизонта происходило до времени появления средневекового поселения. В северной части раскопа слой гумуса постепенно утолщается вниз по склону. На уровне 0,5–0,6 м от современной поверхности в нем иногда встречаются тонкие песчаные линзы (рис. 54). Таким образом, в этой части раскопа как пахотный слой, так и лежащий ниже него гумус представляли собой горизонт, который формировался за счет смыва грунта с вышележащей площадки городища. Слой гумуса по всей площади раскопа подстилался осветленным гумусом, который на различных участках раскопа имеет одинаковую мощность (0,2–0,3 м). Этот слой плавно светлеет книзу и постепенно переходит в материковый суглинок, уровень залегания которого на различных участках раскопа колеблется от 0,55 до 0,8 м от современной поверхности. Ни в слое осветленного гумуса, ни в суглинке в пределах раскопа никаких археологических материалов выявлено не было.

Археологические комплексы, найденные в пределах раскопа, были представлены жилыми и хозяйственными сооружениями. Планиграфически они концентрировались на трех участках (рис. 53). В южной части раскопа располагалось жилое помещение 17, к которому прилегал комплекс 2, представляющий собой наземное тандырообразное сооружение, и связанная с ним выгребная яма (хоз. яма 4). Чуть далее к северу находились хоз. ямы 1 и 3, которые также вполне могли входить в единый комплекс сооружений.

Вторая группа сооружений располагалась в западной части раскопа. В нее входил котлован жилого помещения 19 и прилегающие к нему с северо-востока хозяйственные ямы 10 и 11. Судя по конфигурации и характерному заполнению, одна из них (хоз. яма 10) первоначально являлась погребом или зерно-

вой ямой. Неглубокая хоз. яма 11 изначально использовалась в качестве выгребной.

Особый интерес представляла группа комплексов, обнаруженная в северной части раскопа. В число их входили три помещения (хозяйственное помещение 18, жилое – 23 и, скорее всего, также хозяйственное помещение 20) (рис. 55–56). Вокруг и рядом с ними находились многочисленные хозяйственные ямы, часть которых (№№ 2, 5, 6) представляли погребов или зерновые ямы. Некоторые ямы (хоз. ямы 7–8), вероятно, изначально использовались как выгребные. Кроме этого, в данную группу входили два наземных комплекса. Один из них (комплекс 3) представлял кострище, огражденное с северной стороны стенкой крупного пифоса. Второй (комплекс 1) являлся санузелом. Скорее всего, для слива нечистот использовалась и лишенная археологического материала хоз. яма 9. Ряд комплексов, расположенных в северной части раскопа, имел стратиграфию. Так, южная стенка котлована помещения 20 была срезана котлованом пом. 23. Центральная часть котлована помещения 20 была разрушена крупной зерновой ямой 5, а однотипная ей хоз. яма 6 фактически соприкасается с северной стенкой котлована постройки. Кроме этого, рядом с юго-восточным углом помещения 23 находится северо-западный угол котлована хозяйственного помещения 18. Минимальное расстояние между этими постройками, составляющее 0,2 м, свидетельствует о том, что указанные помещения также не существовали одновременно.

Таким образом, описанный выше комплекс представлял собой группу сооружений, которые отражали несколько строительных горизонтов (не менее трех) на данном участке. Наиболее ранним из них являлось помещение 20 (рис. 56). В дальнейшем, когда его котлован был засыпан, рядом с ним была сооружена небольшая полуземлянка – помещение 23. После того, как и она была заброшена, ее котлован был засыпан, и на этом месте построили хозяйственные сооружения (2 зерновые ямы – хоз. ямы 5 и 6).

Вполне возможно, к этому же, последнему, строительному горизонту относится и постройка хозяйственного назначения – помещение 18. В пользу такого вывода может свидетельствовать как ее планиграфическое расположение по отношению к хоз. ямам 5–6 и помещению 23, так и тот факт, что ее заполнение фиксировалось прямо из-под пахотно-

го слоя (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2010, с. 10–15; Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 4–13).

Датировка комплексов усложняется невыразительностью встреченного в них материала. Находки из помещений 18 и 23, а также хоз. ям 5 и 6 представлены небольшим количеством керамики (фрагменты гончарных кухонных горшков, причерноморских амфор, тарных серолощенных сосудов). На дне помещения 20 (самого раннего из комплексов) находилась ручка крупной красноглиняной амфоры, идентичная которой происходит из котлована помещения 5. Более разнообразен и богат материал из хозяйственных ям. Так, в заполнении хоз. ямы 4 была обнаружена копушка в виде стилизованного дракончика (рис. 210: 14). В заполнении комплекса 3 (кострище или коптильня) был выявлен трехлопастный наконечник стрелы (рис. 207: 7). В хоз. яме 8 были найдены венчик котла с внутренними ушками (рис. 173: 5) и фрагмент крышки с пестовидной ручкой (рис. 170: 4). В помещении 19 был встречен крупный фрагмент красноглиняной кружки крымского производства (рис. 197: 7).

Характерной особенностью раскопа 16 является наличие значительного количества фрагментов небольших тонкостенных амфор с черепком серого или розовато-серого цвета, которые в соседних раскопах встречаются гораздо реже. Они зафиксированы в слое, хозяйственных ямах 8, 9, 10, 11 и в котлованах помещений 18 и 19. Указанного типа амфоры отличаются от абсолютного большинства находок на памятнике, являющихся продукцией мастерских Крыма и Тамани. Наиболее вероятно, они были произведены в византийских центрах Греции или Малой Азии. Концентрация этих сосудов, вероятно, привезенных издалека и имевших, соответственно, более дорогое содержимое, на участке, где расположен раскоп 16, может быть связана с расположением указанного раскопа в центральной части городища.

Раскоп 17 (2011). Был разбит в пределах Большого городища (селище 1), на северной окраине археологического комплекса, застроенной нынешним населенным пунктом. Он располагался в нижней части склона террасы левого берега Выслой Балки. Склон на этом участке достаточно крут (перепады высот составляли 0,8–0,9 м на 10 м) (рис. 21). Работы были связаны со строительством жилого дома по ул. Садовая, 40. К началу работ указанная

усадьба была заброшена. На поверхности её, даже под слоем мусора, визуальными были различимы следы прежней активной строительной деятельности: западины котлованов, старые фундаменты, срезы грунта. Неповрежденным оставался участок склона, на котором видимых нарушений не наблюдалось. Именно на нем и был разбит раскоп. Он имел прямоугольную форму и был ориентирован своими сторонами по сторонам света. Общая площадь раскопа составляла 100 кв. м. Кроме средневековых комплексов в его пределы попали срезка грунта, два котлована и столбовая яма, относящиеся к современному периоду.

Стратиграфическая ситуация на раскопе была следующая. Под слоем современного мусора (до 0,7 м) шел гумус (0,2 м), формирование которого было связано с функционированием ранее существовавшей здесь современной усадьбы. Ниже шел слой гумуса, в котором до уровня 0,45 м встречались материалы эпохи Средневековья. Он подстилался осветленным гумусом, на уровне 0,8–0,9 м плавно переходящим в светлую материковую глину, в которую были углублены котлованы средневековых полуземлянок.

В пределах раскопа 17 были расчищены котлованы двух стратифицированных помещений (рис. 57: 3; 58), из которых наиболее ранним являлось помещение 21, занимающее южную часть раскопа. Северная стена котлована была частично срезана южной стенкой помещения 22, которое, в свою очередь, также было повреждено более поздними сооружениями, связанными с функционированием на этом месте современного населенного пункта.

Таким образом, несмотря на небольшие размеры раскопа 17, выявленные здесь материалы представляют существенный интерес. Наличие на данном участке стратиграфии свидетельствует, что он был заселен в течение продолжительного периода. Судя по характеру материала (наличие причерноморских амфор 2-го типа, характерная профилировка горшков, отсутствие лепной посуды), поселение на этом участке функционировало в IX–X вв. (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 13–16).

Раскоп 18 (2012). Был разбит на южной окраине Малого городища (рис. 21) с целью исследования внутренней линии укреплений памятника. Раскоп располагался так, что он должен был пересечь внутреннюю линию укреплений городища. Его площадь составляла

ла 168 кв. м (рис. 66). В нем были вскрыты остатки вала, ровик, вырезка грунта у ровика и 6 хозяйственных ям, расположенных с обеих сторон от линии укреплений. Описание будет дано в разделе, посвященном оборонительным сооружениям памятника. Здесь же следует сказать, что в пределах раскопа 18 были выявлены стратифицированные комплексы (хоз. ямы 2–3) (рис. 59), хоз. яма 4 и клад железных предметов (Кравченко, Петренко, Спинов, Шамрай, 2012).

Раскоп 19 (2013). Располагался к востоку от раскопа 3 (рис. 21). Южным краем он прилегал к восточной части раскопа I (1971). Площадь раскопа 19 составляла 156 кв. м (рис. 72). Кроме захоронений могильника 3, рва и вала внутренней линии укреплений в его пределах был выявлен культурный слой (мощностью 0,3–0,4 м) и котлован помещения 24 – полуземлянки хозяйственного назначения (рис. 60), который находился в южной части раскопа. В целом в пределах раскопа 19 культурные остатки концентрируются на двух участках: в районе валов и на участке, где находятся постройки. Вероятно, на прилегающих в валу участках склона люди не селились, а в дальнейшем, во время строительства укреплений, грунт с культурными остатками (которые, несомненно, должны там были присутствовать, уже хотя бы вследствие эрозийных процессов) был срезан. Следы этой срезки является широкая и неглубокая западина, расположенная между площадкой, на которой были выявлены хозяйственные комплексы, и валами. В пределах этой западины находились погребения могильника 3.

Раскоп 20 (2013). Был разбит на северо-восточной окраине Малого городища, на правом склоне Среднего Яра, у эскарпированного языкообразного мыса-въезда, по которому пролегла дорога, ведущая на укрепленную часть поселения (рис. 21). Раскоп был заложен в пределах заброшенной усадьбы, на склоне, ранее занятом огородом. Он имел Г-образную форму и был ориентирован длинной осью по линии север – юг. Общая площадь раскопа составляла 164 кв. м (рис. 61). В его пределах выявлены захоронения могильника 4 (погр. 1–6) и строения усадьбы: котлованы жилой и хозяйственной построек и 9 хозяйственных ям.

Стратиграфическая ситуация на разных частях раскопа имела существенные отличия. В центральной и северной части сверху шел слой осветленного гумуса (0,2–0,3 м),

содержащего современный мусор. Этот слой был отделен от лежащего ниже лессовидного суглинка четкой границей, что свидетельствовало о том, что он представлял собой насыпной грунт, привезенный на огород современной усадьбы. Ниже гумусного слоя (0,4–0,6 м) шел лессовидный суглинок с примесью частичек мела. Верхняя часть его была рыхлой и содержала материалы салтово-маяцкой культуры и единичные переотложенные кремневые отщепы. Ниже уровня 0,8 м от современной поверхности шел слой плотного лессовидного суглинка, в верхней части которого встречались материалы позднепалеолитического времени, которые залежали не потревоженными.

В восточной части раскопа наблюдалась иная ситуация. Здесь под насыпным грунтом шел гумусный слой, содержащий колотые кости животных и керамику салтово-маяцкой культуры. Судя по его консистенции, он также был перемешан. Указанные слои разделялись между собой прерывистой золистой прослойкой, которая образовалась в результате добавления золы на поверхность огорода с целью повышения плодородности почвы. Слой гумуса на данном участке постепенно светлел книзу и на уровне 0,8–1 м подстилался темным материковым суглинком.

В южной части раскопа археологические комплексы отсутствовали. При этом, в квадратах АБ 5-7 было зафиксировано корытообразное понижение с нечеткими контурами. Оно было заполнено темным грунтом, в котором встречались колотые кости животных и керамика салтово-маяцкой культуры. С юго-западной стороны понижение плавно переходило в четко различимую яму, которая являлась верхней частью ярка, засыпанного темным грунтом. Показательно, что нынешний дневной горизонт, как собственно и дневная поверхность эпохи раннего Средневековья, представляли собой абсолютно ровную поверхность, с перепадами высот не превышающими 0,05–0,1 м.

Описанные выше наблюдения свидетельствуют, что на участке производилась планировка. Вероятно, она была связана со строительством въезда на городище и сопровождалась эскарпированием склонов, а также выравниванием языкообразного мыса, по которому пролегла древняя дорога. Именно этим объясняется наличие на склонах рыхлого лесса, содержащего керамику салтово-маяцкой культуры вместе с переотложенными

кремневыми отщепами. Об этом же свидетельствуют следы засыпанного ярка и отсутствие четко выраженных слоев с неперемешанными культурными остатками. Эти слои были сняты и использованы на тех частях участка, где требовалась подсыпка. В пользу того, что данная площадка подвергалась эскарпированию, свидетельствует и ее «правильная» форма, каких обычно не бывает в природе.

До строительства въезда на участке в течение продолжительного времени жили, о чем свидетельствует наличие стратифицированных комплексов. Выше указывалось, что все выявленные сооружения группировались в центральной и северной частях въезда. Отсутствие их в южной части вполне может объясняться наличием здесь древнего ярка.

Вещественный материал раскопа 20 достаточно многочисленный и в основном представлен керамикой (фрагментами горшков с полосчатым рифлением по корпусу). Достаточно часто встречаются фрагменты груболепных пифосов и сероглиняных крупных тарных сосудов. В заполнении помещения 26 был выявлен фрагмент лепного котла с внутренними ушками (рис. 173: 6). Особенно интересным представляется тот факт, что в пределах этого раскопа фрагменты амфор встречаются намного реже, чем в пределах городища или на селище 1. Абсолютно отсутствуют фрагменты ойнохой, кувшинов с плоскими ручками, сероглиняных тонкостенных амфор. Вся амфорная керамика, встреченная на данном участке, принадлежит сосудам крымского производства. Фрагментов крышек с пестовидными ручками в раскопе 20 найдено не было.

Археологические комплексы, выявленные в раскопе 20, группируются вокруг двух построек: жилой (помещение 25) и хозяйственной (помещение 26). Из них наиболее ранней являлось помещение 26 и связанные с ним ямы (№№ 1–4). Возможно, помещение 25 и помещение 26 могли какое-то время сосуществовать, но, вне сомнений, хозяйственное помещение 26 было заброшено раньше, после чего его котлован использовался для сброса мусора. В его заполнении содержалось большое количество колотых костей животных, фрагментов керамики, кусков печины, золы и углей. Некоторые хозяйственные ямы заполнялись мусором одновременно с этой постройкой (в хоз. ямах 1, 2 и 3 были выявлены фрагменты тех же сосудов, что и в котловане помещения 26).

Несколько иная ситуация наблюдается в котловане жилого помещения 25. В восточной своей части оно прорезало хоз. яму 4, относящуюся к более раннему горизонту. Вокруг жилой постройки возникает серия ям, последовательно сменявших друг друга. По мере обрушения они засыпались мусором. К ним относились хозяйственные ямы (№№ 5–9). Из них хоз. яма 6 имеет форму, близкую к цилиндрической, а ямы 7–9 первоначально представляли собой классические ямы с колоколообразным расширением в нижней части. Наиболее ранней из них является хоз. яма 6. В северо-восточной части ее пересекает хозяйственная яма 7, которую в свою очередь прорезала хозяйственная яма 8. Наиболее поздними были ямы 5 и 9, в заполнении которых находилось небольшое количество археологического материала, концентрирующегося у дна. Без сомнений, к различным стратиграфическим горизонтам относятся обломки вертикально стоящего пифоса (который, судя по остаткам кострища на его дне, мог использоваться в качестве наземного очага) и хоз. ямы 5 (подбой в ее нижней части находится под остатками описанного выше сосуда).

После того, как помещение 25 было заброшено, территория усадьбы стала поглощаться могильником 4, который рос снизу вверх по склону. Восточную часть ямы 8 пересекло погребение 4, западный край которого был впущен в заполнение уже засыпанной ямы. В целом захоронения могильника 4, а также скорченное погребение, произведенное в котловане заброшенного помещения 25, и лежащий там же человеческий череп являются самыми поздними комплексами в этом раскопе.

Раскоп 21 (2013). Был заложен на могильнике 1. В пределах раскопа (общая площадь 62 кв. м) выявлено 7 захоронений и прослежена северная граница раннемусульманского некрополя.

Завершая описание, хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, которые представляются важными.

Во-первых, о мощности культурного слоя на рассматриваемом нами археологическом объекте. В отчете 1971 г. В.К. Михеевым приводятся сведения о культурных напластованиях в раскопах I (0,6 м) и II (0,8 м). Эти данные настораживают, т. к. в первом случае ниже лежали материалы эпохи бронзы, а во втором – за культурные напласто-

вания вообще могло быть принято заполнение древней траншеи.

Сведения, приведенные нами выше, убедительно показывают, что на различных участках памятника мощность средневекового культурного слоя не превышает 0,3–0,4 м. Шурфовка на селище 2 показала, что здесь также содержится культурный слой хазарского времени мощностью 0,4 метра. Близкие результаты дала шурфовка 2013 г. на площадке селища 1, где культурные напластования не превышали 0,3–0,4 метра. Во всех случаях, где слой хазарского времени залегал ниже, на бровках более или менее четко читается перекрывающий его слой намыва, иногда содержащий переотложенный археологический материал. Ярким примером могут быть данные, полученные в раскопах 4, 9 и северной части раскопа 16, где культурные напластования хазарского времени были перекрыты слоем грунта, смытым с вышележащих участков. В связи с тем, что там также располагалось поселение, в намывом слое встречались единичные вещи и фрагменты керамики, иногда окатанные.

Говорит о том, что малая мощность культурного слоя свидетельствует о слабой интенсивности жизни на памятнике, нельзя. Вне сомнений, мы не можем сравнивать культурные напластования городищ среднего течения Северского Донца с такими яркими памятниками, как Саркел, где имелось кирпичное строительство. Тем не менее и там культурный слой хазарского времени достигал 0,5–0,6 м, отличаясь, правда, очень высокой степенью насыщенности археологическим материалом (Плетнева, 1996, с. 8). Кроме этого, необходимо помнить, что основная часть Сидоровского археологического комплекса существовала непродолжительный промежуток времени, а также учитывать специфику этого памятника, не имевшего каменных построек. Подавляющая часть сооружений в его пределах делалась из дерева, что исключало интенсивный рост слоя за счет накопления строительных остатков (щебня, кирпичной крошки и т. д.).

Еще одним фактором является то, что основная часть памятника расположена на более или менее крутых склонах, что способствовало активизации интенсивных эрозийных процессов, многократно усиленных регулярной распашкой, которая производилась на территории поселения в течение многих лет. Ярким примером является ситуация на соседнем археологическом комплексе у с. Маяки. На городище этого памятника, который, судя по его материалу, был крупным ремесленным центром и, вероятно, существовал дольше, чем Сидорово, присутствует культурный слой такой же мощности, как на Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 8). В то же время на территории селищ, расположенных под холмом и на берегу Северского Донца, напластования хазарского времени достигают мощности 0,9–1 м и более. Эта разница обусловлена тем, что в процессе формирования культурного слоя селищ значительную роль играл такой фактор, как смыв грунта с более высоких участков (Швецов, Кравченко, 1990; Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 4–6; Кравченко, Цимиданов, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2005, с. 7–9).

Следует учитывать и то, что в пределах памятника для сброса мусора активно использовались все углубления. Кроме вырытых специально ям, мусором заполняли все неровности почвы, в том числе котлованы заброшенных построек, обрушившиеся зерновые ямы и погребя. Понятно, что в этих условиях нарастание культурных напластований шло намного медленнее, чем на селищах эпохи бронзы, где мусор выбрасывался на территорию поселения, прямо под ноги. В целом же наличие на отдельных участках памятника стратиграфии, где комплексы налагаются друг на друга в 2–4 яруса (раскопы №№ 9, 16, 17, 18, 20), свидетельствует о том, что на этих участках поселения длительное время наблюдалась интенсивная жизнедеятельность.

§1.5. Некрополи

Могильник № 1. Изучение археологического комплекса у с. Сидорово началось с могильника № 1, находящегося на северном склоне Выслой Балки. Она имеет достаточно крутой равномерный уклон (не менее 20–25°) к западу и югу.

Верхний слой грунта (0,35–0,8 м) на этом участке представлен рыхлым гумусом или мелкой меловой крошкой. В северной части он подстигается плотным мелом-целиком. В центральной части кладбища под верхним слоем находится меловая брекчия. В южной же части некрополя материком явля-

ется лессовидный суглинок с примесью меловой крошки. Таким образом, во всех случаях нижние части могильных ям были вырублены в плотном материковом грунте. Сами же могилы имели рыхлое заполнение. Этот фактор в сочетании с расположением некрополя на склоне послужил причиной интенсивного разрушения захоронений на участках, где дерновый слой был поврежден. Этому способствовала и крутизна склона, на котором располагался могильник. К началу исследований территория некрополя была сильно повреждена. Разрушения были обусловлены наличием возле него хозяйственного двора бывшего колхоза «Украина», в пределах которого регулярно велись хозяйственные работы. Так, во время строительства зданий коровников был уничтожен западный край некрополя. Согласно сообщениям местного населения, при срезке грунта здесь было выявлено большое количество человеческих костей. Значительная часть территории некрополя была завалена мусором, вывозившимся из хозяйственного двора.

Разрушениям способствовало и то, что через территорию могильника пролегают грунтовые дороги (рис. 79). Одна из них шла через всю территорию некрополя, пересекая его по линии северо-восток – юго-запад. В связи с тем, что эта врезанная в склон дорога была ориентирована длинной осью строго по склону, она превратилась в водосток, прорезавший площадку до материкового мела. К моменту раскопок на ее поверхности четко читались темные пятна могильных ям (рис. 80). Именно на этой дороге были прослежены юго-западная и северо-восточная границы могильника. В западной части описанную выше дорогу пересекала еще одна грунтовка, идущая от села к хозяйственному двору. В 2003 г. на ней был разбит раскоп 11 (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 277–283). Восточную часть могильника пересекает широкая, глубоко врезанная в склон грунтовая дорога, соединяющая села Сидорово и Татьянавка, при прокладке которой было повреждено и уничтожено большое количество могил. Раскопки этого участка позволили установить южную и северную границы распространения погребений. К югу от погребений на указанной дороге был зафиксирован ров, который являлся границей выделенного под захоронения участка. К западу от этой дороги расположен небольшой карьер, в котором в 1982 г. были выяв-

лены первые захоронения. Еще одна дорога была прорезана в 2008 г. при установке опор высоковольтной ЛЭП. В 2013 г. на ней был разбит раскоп 21 (рис. 82).

Интенсивное разрушение и сильная поврежденность территории некрополя обусловили методику его исследования. Наряду с разбивкой раскопов на неповрежденных участках производилось изучение площадок с полностью снятым верхним слоем, а также расчистка разрушенных погребений на пролегающих через некрополь грунтовых дорогах. Работы на могильнике 1 велись в 1996–1997, 2003 и 2013 гг. В процессе их было заложено 6 раскопов и произведена зачистка грунтовых дорог. Общая площадь участков, вскрытых на этом кладбище, составляла более 1500 кв. м¹¹. На этой площади расчищено 214 погребений. Раскопы 1996–1997 гг. имеют отдельную нумерацию. Во избежание путаницы к номерам этих раскопов будет добавлен год проведения раскопок.

Раскоп 1 (1996) разбит в северной части могильника, у карьера, в котором были выявлены первые погребения (рис. 79). Первоначально он имел форму прямоугольника, вытянутого длинной осью перпендикулярно направлению склона (северо-восток – юго-запад). Далее к нему производились прирезки. Северо-западный край раскопа граничил с карьером, в южной части которого были выявлены первые 4 захоронения. В северной части карьера могильные ямы отсутствовали, что дало возможность предположить, что она находилась за пределами территории средневекового кладбища. В дальнейшем это предположение было подтверждено работами на раскопе 21 (2013) и раскопе 4 (1997, 2003). Восточный край раскопа прилегал к дороге Сидорово – Татьянавка. Южная его часть упиралась в дорогу, идущую от песчаного карьера к хозяйственному двору. Вскрытый участок имел площадь 150 кв. м, в пределах которой были расчищены 29 погребений.

Верхний слой раскопа был представлен гумусом с меловой крошкой, который подстилался мелом-целиком. Отсутствие срезов и прочих повреждений позволило проследить на данном участке характер заполнения верхней части могильных ям. В слое гумуса были

¹¹ В связи с тем, что производилась зачистка дорог и прилегающих к ним срезанных участков, которые вскрывались сплошную, иногда с прилегающими площадями, общая раскопанная площадь может быть указана только приблизительно.

встречены единичные фрагменты гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу.

Погребения в раскопе были вытянуты параллельными рядами, ориентированными по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Основным видом погребального сооружения была яма с заплечиками. На стенках ям, вырубленных в мелу-целике, удалось проследить следы орудий, при помощи которых рылись могилы. В захоронениях прекрасно сохранились деревянные конструкции.

Раскоп 2 (1997). Площадь 110 кв. м (рис. 79). Был разбит в 30 м к юго-западу от раскопа 1. Основная его часть располагалась на неповрежденном участке склона. Материк здесь представлен меловой брекчией, в которую были углублены нижние части могильных ям. Характер материка обусловил форму погребальных сооружений. В раскопе 2 намного чаще, чем на других частях могильника, встречаются ямы с прямыми стенками, что было связано с невозможностью оставить заплечики в рыхлом грунте. Здесь было расчищено 39 захоронений, которые располагались неровными параллельными рядами, вытянутыми вниз по склону. Ряды были образованы погребениями взрослых. Детские захоронения (количество которых составляло 53% от общего числа вскрытых на раскопе могил) иногда находятся в общих рядах, иногда же просто рядом с ними. В целом на данном участке наблюдается высокая густота погребений, что вполне объясняется расположением раскопа в центральной части кладбища.

Раскоп 3 (1997). Был разбит в 20 м к юго-западу от раскопа 2 у места пересечения грунтовых дорог (рис. 79). Он имел прямоугольную форму. Вытянут длинной осью по линии север – юг. Площадь 20 кв. м. Характер напластований в раскопах 2 и 3 был идентичен: под слоем гумуса с меловой крошкой шла меловая брекчия, в которой были вырублены нижние части могильных ям. В раскопе выявлено 5 погребений, причем в южной его части этот ряд оборвался, и далее захоронений обнаружено не было.

Раскоп 4 (1997, 2003). Располагался к востоку от раскопа 1 в месте пересечения дороги Сидорово – Татьянаовка с дорогой, идущей от песчаного карьера к хозяйственному двору (рис. 79). На перекрестке дорог образовалась площадка треугольной формы, сильно поврежденная промоинами и срезками (площадь более 105 кв. м). В 2003 г. исследования на данной территории были продолже-

ны. Фактически они были ограничены зачисткой полотна дороги к югу от раскопа 4.

Материк на данном участке представлен мелом-целиком, благодаря чему здесь прекрасно сохранились нижние части могильных ям, прослежена их конфигурация, а на стенках погребальных сооружений зафиксированы следы орудий. Хорошая сохранность древесины позволила проследить конструктивные особенности перекрытий. В захоронении 47 выявлено гробовище (деревянная рама без дна).

В раскопе 4 было расчищено 28 погребений. Зачистка полотна грунтовых дорог, которые прилегали к нему с севера, юга и востока позволили определить границы распространения захоронений на этом участке. Кроме этого, значительное количество захоронений было расчищено на отрезке дороги, идущей от перекрестка, на котором располагался раскоп 4 к хозяйственному двору. Там же была прослежена и западная граница могильника.

Таким образом, в 1996–1997 гг. границы некрополя были в основном определены. Открытым оставался вопрос с локализацией северной его границы, которая была прослежена только в восточной части кладбища (на дороге и в находящемся поблизости карьере) (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118, рис. 1). Эти данные были конкретизированы в 2003 и 2013 гг., когда исследования некрополя возобновились.

Раскоп 11 (2003) разбит на грунтовой дороге, пересекающей южную часть некрополя. Раскоп имел форму вытянутого прямоугольника с прирезками и был ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. В его пределах (площадь 110 кв. м) были расчищены 54 погребения (рис. 79). До 70% от общего их количества составляют детские захоронения. Ямы располагались достаточно часто, иногда на расстоянии 0,1–0,5 м друг от друга. Два погребения (погр. 169 и 190) содержали бедный инвентарь. Кроме ям с заплечиками (абсолютно преобладающих) и единичных ям с прямыми стенками, здесь было выявлено детское захоронение (погр. 195) в яме с подбоем. Кроме этого, был зафиксирован случай стратиграфии (погр. 173 прорезало погр. 194) (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 277–283).

В 2013 г. был изучен участок некрополя, расположенный в восточной его части и поврежденный дорогой, проложенной при строительстве высоковольтной ЛЭП.

Раскоп 21 находился в 10 м к западу от раскопа 1 (1996) и в 40 м к востоку от раскопа 11 (2003). Своей конфигурацией он повторял контур дороги и имел форму прямоугольника, вытянутого длинной осью по линии север – северо-запад – юг – юго-восток. Общая площадь раскопа составляла 62 кв. м. В южной части раскопа было расчищено 7 погребений. Северная его часть была свободна от ям, что свидетельствовало о том, что могильник на данном участке заканчивался (рис. 82). Как и на вышеописанных раскопах захоронения располагались рядами, вытянутыми по линии северо-восток – юго-запад. Из семи погребений, расчищенных в пределах раскопа, пять взрослых были произведены в ямах с заплечиками вдоль длинных сторон, у одного (детского) сохранилась нижняя часть ямы, которая, вполне возможно, также представляла собой яму с заплечиками. Одно детское захоронение было произведено в яме с неглубоким подбоем вдоль северо-восточной стенки.

Данные, полученные в результате исследований, позволяют с достаточной степенью точности определить границы некрополя. Он располагался полосой, вытянутой вниз по склону на 200–220 м по линии юго-запад – северо-восток. В восточной части ширина участка, занятого могилами, не превышала 50 м (рис. 79). Тем не менее в 2013 г. здесь был зафиксирован ров, который располагался намного южнее (рис. 80). Близкий аналог ему прослеживается на Лысогоровском могильнике, где таким рвом мусульманский некрополь был отделен от языческой его части (Красильников, 2010, с. 27). В Сидорово же, судя по всему, ров являлся границей мусульманского некрополя, отделяя его от находящегося ниже по склону поселения. Наличие рва, ограничивающего территорию кладбища, свидетельствует в пользу того, что участок под некрополь отводился заранее. Распространение могил на юго-восток – ко рву – было остановлено гибелью населенного пункта. Учитывая то, что между рвом и крайними захоронениями имелось не занятое могилами пространство шириной не менее 50 метров, наиболее вероятно, что общая ширина выделенного под могильник участка составляла не менее 100 м. В южной части полоса, занятая могилами, достигала ширины 70 м. Таким образом, можно предположить, что изначально под этот некрополь отводилась площадка до 220 м длиной и до 100 м шириной.

Некрополь рос с запада на восток, от жилой части поселения. Вероятно, изначально кладбище занимало естественное всхолмление на склоне балки, ограниченное с северной стороны древним расплывшимся яром. По всей видимости, это была самая старая его часть, в пользу чего свидетельствует высокая густота захоронений на этом участке, наличие здесь 2 погребений с вещами и единственный случай стратиграфии на некрополе. В дальнейшем же захоронения стали производить к югу, северу и востоку от указанного участка. В 150–200 м к юго-западу от него, в пределах нынешнего хозяйственного двора, начинались сооружения жилой части памятника.

Изучение могильника 1 дало большой материал, позволяющий датировать указанный объект и охарактеризовать идеологические воззрения населения, оставившего это кладбище. Раскопки различных его участков показали, что захоронения располагались рядами, вытянутыми вниз по склону, на небольшом расстоянии (в среднем до 2 м) друг от друга. Абсолютное большинство могил было ориентировано длинной осью запад – восток со значительным отклонением к северу, иногда достигающем 30° (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005; Кравченко, 2005 б). Погребения, ориентированные строго по линии запад – восток или с отклонением к югу, единичны (рис. 79; 83). Близкая ситуация, зафиксированная на мусульманском могильнике 2 Сидоровского комплекса и на захоронениях Лысогоровского могильника (Красильников, Красильникова, 2005, с. 214), представляется интересной. Для широты, на которой расположены рассматриваемые нами кладбища, правильным будет направление лица погребенного строго к югу. Таким образом, не отдельные погребения, а полностью некрополи ориентированы с существенным отклонением от положенной нормы.

Стабильная ориентировка большинства могил говорит о том, что население, оставившее могильник, копировало обряд, принесенный с территории, где именно такое положение покойника было правильным. Это были те земли, откуда в среднее течение Северского Донца был принесен ислам. К таковым регионам относится Средняя Азия, в частности Хорезм (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 155, рис. 20–22), где наблюдается такая же ориентировка захоронений, как на Сидорово, Лысо-

горовке и других некрополях рассматриваемого нами региона.

Несмотря на высокую густоту и большое количество могил, сконцентрированных на относительно небольшой площади могильника, случаев стратиграфии почти нет. Последнее может свидетельствовать в пользу того, что места захоронений каким-то образом отмечались на поверхности. Это могли быть знаки, которые, наиболее вероятно, были сделаны из мела или дерева. Обломков от надмогильных плит, обнаруженных на кладбище золотоордынского Азака (Волков, 1989, с. 8, рис. 1) или известных в находках золотоордынского времени в Северном Приазовье (Волков, 2008, с. 489–495) и на Северском Донце (Сибилёв, 1926, с. 10, табл. XL, 3), в пределах могильника найдено не было. Собственно, надмогильные плиты, по-видимому, не были характерны для раннемусульманских кладбищ Восточной Европы. Надгробий этого типа не было обнаружено на раннемусульманских некрополях Волжской Болгарии (Халикова, 1986, с. 97). В то же время они широко распространены на этой территории в XIII–XIV вв. (Хакимзянов, 1978, с. 25). Наиболее ранними из них (XI в.) являются, по-видимому, каменные надгробия Дагестана, которые вначале появляются в районе Дербента, откуда распространяются по территории Северного Кавказа. Тем не менее подавляющее большинство их относится к более позднему времени, чем период, в который функционировали раннемусульманские кладбища, расположенные в среднем течении Северского Донца (Шихсаидов, 1984, с. 322–324).

Если наличие деревянных или меловых знаков на могилах Сидоровского комплекса мы можем только предполагать, то глинистые и меловые отмостки над погребениями здесь зафиксированы археологически (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118, рис. 5: 1; 6: 4; 7: 1). В пользу их существования свидетельствуют наблюдения над отдельными захоронениями, выявленными в пределах раскопа 1 (1996), где верхняя часть слоя была перекрыта намывом, законсервировавшим древнюю дневную поверхность (рис. 83). Так, в погребениях 31 и 33 зафиксированы просевшие в ямы глиняные и меловые отмостки (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118, рис. 6: 4; 7: 1). Подобного рода сооружения над погребениями известны в пределах мусульманского мира.

Основным и практически единственным видом погребального сооружения на могильнике 1 Сидоровского археологического комплекса является яма с заплечиками. Из 214 раскопанных на нем захоронений только 3 детских погребения (№№ 71, 195 и 208) были произведены в ямах с подбоем, который в двух случаях был вырублен в южной, а в одном (погр. 208) – в северной стенке могильной ямы. Большинство могил имело заплечики вдоль длинных сторон погребальной камеры. В отдельных случаях зафиксированы заплечики вдоль длинных и одной короткой или вдоль всех четырех сторон могилы (рис. 85). Обычно заплечики вдоль коротких сторон имели меньшую ширину, чем заплечики вдоль сторон длинных. Незначительный процент составляют и ямы с прямыми стенками, которые группируются на тех участках некрополя, где невозможно было оставить заплечики из-за рыхлого сыпучего грунта. По всей видимости, абсолютное преобладание ям с заплечиками было обусловлено не столько требованиями обряда (земля не должна лежать на покойном), сколько традицией.

Если грунт достаточно прочный, необходимо вырыть яму с подбоем или заплечиками (Китаб-ал-джанаиз, 1998, с. 14). Если же грунт не позволял сделать этого, можно поставить гроб в обыкновенной яме с прямыми стенками. В раскопе 2, где материк представлял собой непрочный грунт (меловая брекчия), было зафиксировано укрепление нижней части ям досками, благодаря чему формировалась своеобразная погребальная камера с заплечиками по сторонам (погр. 93). В то же время на участке могильника, где материком был мел-целик, гробовища (рамы без дна) в погр. 31, 47, 111 также были поставлены в яму с заплечиками, которая фактически представляла здесь лишней, абсолютно не нужный с точки зрения обрядности, элемент.

На уровне заплечиков погребальные камеры имели перекрытие, зафиксированное во многих могилах (рис. 84). Вероятно, оно присутствовало во всех захоронениях на рассматриваемом нами некрополе. В абсолютном большинстве случаев оно представляет поперечные плашки или продольные доски, уложенные на заплечики. В ряде случаев зафиксировано перекрытие из продольных досок, уложенное на два или три поперечных бруска, которые располагались на заплечиках в головах и ногах погребенного. Иногда для установки этих брусков в заплечиках выре-

зались специальные пазы, благодаря чему доски лежали на одном уровне с заплечиками и плотно закрывали погребальную камеру, препятствуя попаданию в нее земли (рис. 85: Д, Е, Ж).

Камера погр. 53 имела двускатное перекрытие, близкие аналоги которому зафиксированы на кладбище Саркела – Белой Вежи (Артамонова, 1963, с. 110, 132, 134, 151, 152, 170, рис. 32, 77). Отличием являлось то, что в этом погребении не было гробовища, роль которого выполняли стенки могильной камеры. В данном случае доски перекрытия нижним своим краем опирались о заплечики, а верхним – на горизонтальный брус, вставленный в восточную и западную стенку могильной ямы (рис. 85: З).

В западной части у многих камер имелись невысокие материковые уступы, на которые укладывалась голова погребенного. Иногда вместо них производилась меловая подсыпка, образующая своеобразную «подушку» (рис. 93). Только в одном случае (погр. 111) роль подушки выполняла плоская плитка мела, уложенная под голову погребенного. В некоторых могилах присутствовали элементы неглубокого подбоя в коротких или длинных стенках.

Гробовища, зафиксированные на могильнике (рис. 85: И), представляют собой деревянные рамы без дна. Этот тип гроба широко распространен на некрополях хазарского времени, расположенных на Дону, Северском Донце и Осколе. Он зафиксирован на Покровском (Плетнева, 1967, с. 92), Волоконовском (Плетнева, Николаенко, 1976), Дмитриевском (Плетнева, 1989, с. 255, рис. 115: 1), Нетайловском (Жиронкина, Цитковская, 1996, с. 354–355), Красногоровском (Аксенов, 2002б, с. 8–15) могильниках, а также присутствует на некрополе Червоная Гусаровка (Аксенов, Тортика, 2001, с. 211, рис. 3: 1; 7). Есть такие гробовища на кладбищах Крыма (Тепсень, Кордон-Оба) (Баранов, 1990 б, с. 74, 81–82, табл. 1–2, рис. 3, 7) и в Поволжье (Большетарханский и Танкеевский могильники) (Геннинг, Халиков, 1964, с. 10).

Практически все погребения рассматриваемого нами некрополя безынвентарны. Единичные предметы содержались всего в трех могилах (рис. 86; 87). У погр. 28 в изголовье стояла чернолощенная кубышка. В погр. 190 на тазовых костях лежал почти вертикально не бывший в пользовании абразив. Оба погребенных были уложены на спине

лицом вверх. В погр. 169 за головой ребенка находилась группа амулетов. Судя по положению зубов, его череп был развернут лицевой частью к югу. Предметы – черная пастовая бусина, инкрустированная желтыми глазками, крупный бубенчик и три змеевидных подвески-амулета, вырезанных из тонкой медной пластины, – находились за затылочной костью почти полностью разложившегося черепа ребенка, который, судя по положению зубов, был развернут лицевой частью к югу. Близкие аналоги им присутствуют на памятниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989, с. 107, 111, рис. 58). Подвески такого типа были зафиксированы в погр. 38 Мандровского могильника в Поосколье (Винников, Сарапулкин, 2008, с. 22, 39; рис. 29: 1–3). В целом указанные предметы представляют набор амулетов, близкие которым фиксируются и ныне у некоторых тюркоязычных народов. Так, у туркмен и у других народов Средней Азии сильнейшим средством от сглаза считались черные бусы с белыми глазками; очень сильными амулетами являлись изображения змеи, которые делались из пестрой ленты, и бубенцы, звон которых должен был отгонять злых духов. Обычно подобные амулеты нашивались на головной убор ребенка (Васильева, 1986, с. 184, 190, рис. 1). Трудно сказать, находились ли в нашем случае амулеты на головном уборе, были вплетены в волосы или являлись деталью наконечника.

Судя по отсутствию остатков костяных или металлических деталей костюма и украшений, покойники были уложены в могилу без одежды. Обращает внимание стабильное положение рук, которые находятся в нижней части корпуса, что сближает указанные погребения с могилами мусульманских некрополей Биляра (Халикова, 1986). На многих скелетах наблюдается характерное положение костей, свидетельствующее, что покойник подвергался пеленанию. Большинство погребенных было уложено на спине или с более или менее сильным разворотом на правый бок и направлением головы в западный сектор (рис. 83, 88–89, 91, 95). При этом в 90% случаев голова покойника была развернута лицевой частью в южную сторону. Такое ее положение является для данного могильника нормой. Только у 10% погребений имеются отклонения от нее, выражающиеся в развороте лицевой части черепа вверх (рис. 86–87; 92–93) или к северу (рис. 90). Таким образом, в 90% погребений на могильнике 1 выполнены основные требо-

вания мусульманских погребальных канон (Китаб-ал-джанаиз, 1998; Хисматуллин, Крюкова, 1997), что дает основания определять указанный некрополь как мусульманский (табл. 1¹²).

Присутствующие на кладбище захоронения с отклонениями от мусульманского погребального обряда практически не отличаются от могил безынвентарных салтовских кладбищ. Кроме этого, на памятнике зафиксировано несколько могил, содержащих разрушенные скелеты (рис. 94). Практически все эти захоронения сосредоточены в пределах раскопа 1 (1996) или на прилегающих к нему участках, т. е. в восточной, поздней, части некрополя. В одном из них сохранился неповрежденным череп, развернутый лицевой частью к югу. Вероятно, первоначально погребенный был уложен согласно требованиям мусульманской обрядности. По нашему мнению, разрушение верхней части скелета в данном случае не было связано с обрядовыми процедурами, которые производились над останками умершего, как это зафиксировано на могильниках Северного Кавказа и лесостепной зоны (Флеров, 2000; Аксенов, 2002 а). Наиболее вероятно, что указанные погребения представляют собой могилы, разрушенные при попытке грабежа или с целью осквернения останков покойного. Учитывая их расположение в поздней части могильника, вполне можно предположить, что разрушение могло производиться после гибели памятника.

В целом же влияние языческой обрядности в захоронениях могильника 1 Сидоровского археологического комплекса ощущается слабо. Процент погребений с отклонениями от требований мусульманской обрядности на ранних некрополях обычно достаточно высок. Не являются редкостью и находки отдельных вещей и деталей одежды в раннемусульманских могилах. Они присутствуют в могильниках Волжской Болгарии (Халикова, 1986, с. 58; Казаков, 1978, с. 61). Керамическая кружка была встречена в одном из захоронений на раннемусульманском кладбище Дербента, погребения которого отличались достаточно строгим выполнением мусульманских канон (Кудрявцев, 1985, с. 126). Содержали вещи многие захоронения Лысо-

горовского могильника (Красильников, 2006, с. 324; 2010, с. 27). На их фоне могильник 1 Сидоровского археологического комплекса, в котором на 214 погребений встречено всего три могилы с вещами выглядит даже слишком ортодоксальным.

Могильник 2 расположен на южном склоне Среднего Яра (рис. 21). Склон, на котором находится кладбище, задернован; значительная его часть застроена усадьбами современного села. Наличие на участке современных усадеб не позволило произвести детальное обследование некрополя. В связи с этим точные его размеры неясны. Вне сомнений, он занимал лишь часть склона, в пользу чего свидетельствуют наблюдения за обнажениями грунта. Северная его граница пролегла, по-видимому, близ дна яра, который в древности вполне мог быть обводнен. Западная граница находилась менее чем в 130 м к юго-западу от раскопа. Здесь, в ярке, пересекающем склон, могил уже не было. Неясно, насколько далеко простиралось кладбище на восток, где склон яра застроен. По свидетельствам местных жителей, при различных земляных работах во дворах, расположенных на южном склоне Среднего яра, неоднократно находили человеческие кости. Однако отнести их к захоронениям именно этого некрополя нет оснований. Тем более что в раскопе 20, разбитом на этом же склоне (130 м к северо-востоку от могильника 2), была выявлена группа захоронений совершенно иного обряда (могильник 4). Находили скелеты и на противоположном (северном) склоне Среднего Яра. Однако во время раскопок в верхней части этого склона были зафиксированы жилые постройки, что свидетельствует в пользу того, что рассматриваемый склон входил в жилую часть памятника. Скорее всего, обнаруженные здесь захоронения близки погребениям, выявленным на территории средневекового населенного пункта. Касательно южной границы некрополя ясно, что могильник не выходил на плато, где находилось поселение. В верхней части склона была расчищена группа хозяйственных ям, на которых ряды могил обрываются.

Первые захоронения некрополя были обнаружены при прокладке грунтовой дороги, прорезавшей южный склон яра. В 1989 г. В.В. Давыденко с В.К. Грибом расчистили здесь три погребения. Еще две могилы были разрушены при выборке грунта в нижней части склона яра, в 50 м к северо-западу от

¹² Примечание к таблицам 1–3 о данных погребального обряда: заплечики - +2, 3, 4 – наличие вдоль 2, 3, 4 сторон могилы; 3-СЗ+ - 3СЗ ориентировка; ребенок-взрослый - + подросток; на спине-на правом боку + - полуразворот на правый бок.

карьера. В 2000 г. в районе этого карьера был заложен раскоп 1 (площадь 140 кв. м) (рис. 37). В его пределах было расчищено 11 захоронений, вытянутых рядами вниз по склону. Все могилы были ориентированы длинной осью по линии запад-восток с достаточно сильным отклонением к северу. Как и на могильнике 1, во всех случаях, когда удалось проследить могильную яму, это были прямоугольные могилы с заплечиками вдоль длинных сторон и узкой погребальной камерой, в которой находился покойник. Подавляющее большинство погребенных было уложено на правый бок, с разворотом черепа лицевой частью к югу. Типы перекрытия могильных ям на обоих могильниках абсолютно идентичны. Во всех погребальных камерах в западной части оставлены материковые уступы, на которые облобочена голова погребенного, ряд могил имеет элементы подбоя в коротких или длинных стенках. В целом погребальный обряд могильника 2 (Таблица 2) свидетельствует о конфессиональной принадлежности населения, которое его оставило: захоронения здесь, как и на описанном выше могильнике 1, были произведены по мусульманским канонам (Хисматуллин, Крюкова, 1997; Яблонский, Герасимова, Рудь, 1987; Халикова, 1986).

В целом раннемусульманские кладбища Сидоровского комплекса имеют настолько много сходства, что можно с уверенностью говорить об их одновременности. Они примыкают к жилой части памятника (в одном случае к селищу 1, а в другом – к городищу). Отличия, выражающиеся в отсутствии на могильнике 2 гробовищ-рам и шатрового перекрытия, могут объясняться слабой изученностью указанного некрополя и малым количеством вскрытых на нем захоронений.

Могильник 3. В 1971 г. в пределах раскопа I В.К. Михеев обнаружил группу захоронений, которые определил как основной могильник памятника (Михеев, 1971, с. 3–7; 1985, с. 20). Погребения группировались в юго-западной части раскопа. Первоначально было обнаружено три захоронения, а затем, в прирезке, – еще пять. В связи с относительно небольшой глубиной их залегания (0,45–0,9 м) и достаточно мощным слоем чернозема на данном участке ямы в большинстве случаев зафиксированы не были. Исключение составляет погр. 5, произведенное в обыкновенной простой четырехугольной яме размером 0,7×2 м. и глубиной 0,9 м. Абсолютное большинство захоронений было без инвен-

таря. Только в погр. 4 перед лицевой частью черепа стоял кухонный горшок. Детское погр. 2 сохранилось настолько плохо, что трудно установить даже позу погребенного. Погр. 5 уложено на правом боку с вытянутыми вдоль туловища руками. Все остальные скелеты были вытянуты на спине и ориентированы головой в западный сектор. Согласно данным отчета, погр. 5, 6, 8 были уложены головой на запад; погр. 1–3, 7 – головой на запад с более или менее сильным отклонением к северу; в погр. 4 наличие или отсутствие отклонения не указано. Обращает на себя внимание нестабильное положение рук. В погр. 1, 4, 6 правая рука вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте и лежит на грудной клетке. В женских¹³ захоронениях 3 и 7 кисти вытянутых вдоль туловища рук были сложены в нижней части живота. В погр. 8 руки просто были вытянуты вдоль туловища.

В 2000 г. с целью получить дополнительные данные об этом некрополе на смежном участке был заложен раскоп 3, прилегавший к северной стенке раскопа I (1971). Каких-либо археологических комплексов в нем выявлено не было, что было связано с тем, что раскоп 3 был разбит за пределами линии укреплений памятника. В 2013 г. к востоку от раскопа 3 (2000 г.) и к северу от раскопа I (1971 г.) был разбит раскоп 19, материалы которого позволили откорректировать и уточнить имевшиеся ранее сведения. В северной части этого раскопа были обнаружены вал и ров; в южной же его части выявлен котлован небольшой хозяйственной постройки, а между ними – группа из 7 захоронений, которые относились к могильнику, открытому В.К. Михеевым (рис. 72). Указанная группа располагалась на некотором расстоянии как от рва с валом, так и от хозяйственной постройки. В связи с достаточно толстым слоем гумуса, который начинал светлеть ниже уровня 0,7 м, контуры могильных ям частично или полностью были прослежены только у некоторых погребений.

В связи с расположением могильника на части памятника, заросшей лесом, а также относительно небольшой глубиной, на которой были произведены захоронения, состояние остеологического материала было неудовлетворительным. Кости отдельных скелетов (особенно детей) сохранились плохо и рассыпались. Тем не менее общая поза погребенных в большинстве случаев восста-

¹³ Определение пола указано в отчете В.К. Михеева.

наливается. В связи с тем, что захоронения, выявленные в пределах раскопа 19, относятся к тому же некрополю, который изучал в 1971 г. В.К. Михеев, сохранена общая нумерация. Вторая цифра – это первоначальные номера захоронений в 2013 г., данные им при раскопках участка.

Погребение 9 (1). Произведено в яме четырехугольной формы (длина – 1,4 м; ширина – 0,45 м в головах и 0,35 м – в ногах погребенного). Дно находилось на уровне 0,65 м от современной поверхности. Контур нижней части ямы был прослежен в предматерике (уровень 0,6 м). Яма была ориентирована длинной своей осью по линии северо-запад – юго-восток (угол отклонения составлял 15–20°). Скелет уложен головой в западный сектор. Раздавленный череп повернут лицевой частью в южную сторону. Левая рука вытянута вдоль корпуса, кисть лежит на костях таза. Правая – также вытянута вдоль корпуса, параллельно погребенному. В целом верхняя часть скелета имеет разворот на правый бок. Иная картина наблюдается с нижней его частью. Кости таза и ноги погребенного лежат прямо. Стопы завалены назад. Судя по положению костей стоп, позвоночника и таза, погребенного все-таки пытались уложить вытянуто на спине. Характерное положение верхней части скелета объясняется наличием физического недостатка – сильного искривления позвоночника. Наличие горба обусловило характерное положение рук и верхней части скелета погребенного. Тем не менее нельзя исключить и то, что разворот черепа в южную сторону мог производиться преднамеренно. Каких-либо вещей при погребенном обнаружено не было.

Погребение 10 (2) (детское). Произведено в яме вытянуто овальной формы (1,0×0,35 м), вытянутой длинной осью по линии запад – восток со слабым отклонением к северу. Дно ямы находилось на уровне 1,24 м. В связи с перепадом материка на данном участке, несмотря на достаточную глубину, на фоне темного суглинка контур ямы читался в виде аморфного пятна. Погребенный был уложен на спине с сильным завалом на правый бок. Кости ног и сохранившаяся часть таза также завалены вправо. Череп развернут лицевой частью к югу (рис. 96). Безынвентарен.

Погребение 11 (3). Произведено в яме неправильно овальной формы (1,7×0,5 м), вытянутой длинной осью по линии запад – восток. Глубина ямы достигала 0,82 м. Зафик-

сирована была ее нижняя часть. Погребенный был уложен вытянуто на спине с разворотом на правый бок. Череп развернут лицевой частью к югу. Руки вытянуты вдоль корпуса и прижаты к нему. Ноги вытянуты, сведены вместе в коленях. Берцовые кости лежат рядом, параллельно друг другу. Стопы сведены вместе и завалены вправо. В целом, судя по характерному положению костей, погребенный был спеленан и уложен на спине с небольшим разворотом на правый бок (рис. 97). Инвентаря нет.

Погребение 12 (4). Произведено в яме, ориентированной длинной осью по линии запад – восток с отклонением (около 10°) к северу. Зафиксирована нижняя часть ямы (судя по всему, погребальной камеры). Она имела длину 1,7 м. Ширина в западной части составляла 0,35 м, а в районе ног – 0,2 м. Скелет был уложен на спине с сильным разворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль корпуса и находилась под скелетом. Левая – слегка согнута в локтевом суставе. Кости кисти лежали на правом крыле таза. Стопа правой ноги была завалена назад, а левой – лежала на правом боку. Судя по положению костей, погребенный был спеленан (рис. 98). Инвентаря нет.

Погребение 13 (5) (детское). Произведено в яме, ориентированной длинной осью по линии запад – восток, на глубине 0,84 м от современной поверхности. Контур ямы прослежен частично. Скелет ребенка сохранился плохо и сильно поврежден кротовинами. Судя по костям верхней части скелета, погребенный был уложен с разворотом на правый бок. Череп развернут лицевой частью к югу. Безынвентарен.

Погребение 14 (6). При расчистке верхнего слоя над указанным захоронением был обнаружен бегунок от ручной мельницы, который лежал рабочей частью кверху (рис. 99). Захоронение было произведено в яме, вытянутой длинной осью по линии запад – восток. Яма имела форму неправильного четырехугольника (1,4×0,3 м) со скругленными углами. В центральной части яма слегка расширялась, и ширина ее здесь достигала 0,38 м. Учитывая характерные параметры погребального сооружения, а также то, что была зафиксирована лишь нижняя часть ямы, наиболее вероятно, указанная яма представляет собой погребальную камеру ямы с заплечиками. Скелет лежал вытянуто на спине головой на запад. Руки вытянуты. Правая рука лежат на костях таза,

левая – вдоль корпуса (рис. 100). Инвентарь при погребенном отсутствовал.

Погребение 15 (7). Произведено в яме подпрямоугольной формы (1,6×0,4 м) с заокругленными углами, вытянутой длинной своей осью по линии запад – восток с небольшим (до 10°) отклонением к северу. Дно ямы находилось на уровне 0,98 м от современной поверхности. Погребенный был уложен на правый бок. Череп повернут лицевой частью к югу. Ноги сложены вместе, слегка согнуты в коленных суставах. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе и лежит на корпусе. Правая вытянута вдоль корпуса. Кисти сложены вместе у тазовых костей. Судя по положению скелета, погребенный подвергался пеленанию (рис. 101). Каких-либо вещей в данном захоронении обнаружено не было.

Таким образом, установлено, что захоронения не только располагались внутри линии укреплений, но и были привязаны к ней. Они были вытянуты двумя параллельными рядами, вдоль валов, с внутренней их стороны, на небольшом расстоянии от жилых и хозяйственных сооружений поселения. Размеры указанного кладбища неизвестны. Вполне возможно, оно распространялось и на территорию, где линия валов и рвов поворачивает на юг. В пользу такого вывода свидетельствует то, что здесь, неподалеку от раскопа 1, В.К. Михеевым производился разрез внутренней линии укреплений, в котором также было выявлено погребение. Скелет лежал на правом боку, головой на северо-запад (Михеев, 1971, с. 12). Насколько тянулось указанное кладбище на восток, не совсем ясно. Так или иначе, в 150 м к северо-востоку от раскопа 19 имеется глубокий яр, прорезавший склон. Чуть далее находится еще один такой же яр. Обследование их показало отсутствие захоронений на этом участке. По всей видимости, могильник 3 был ограничен территорией от поворота линии валов к югу, до нынешней границы лесного массива, покрывающего западную часть памятника. Т. е. его длина вряд ли превышала 100 м.

В пределах небольшого количества захоронений, выявленных на указанном могильнике, наблюдалась существенная вариабельность погребального обряда (таблица 3). Наряду с инвентарным захоронением (№ 4), которое не отличается от погребений могильников зливкинского типа, здесь присутствуют погребения №№ 5, 9, 10, 11, 12, 15, не отличимые от захоронений вышеописанных раннемусуль-

манских кладбищ. Остальные погребения близки безынвентарным захоронениям, выявленным на могильниках хазарского времени соседнего археологического комплекса Маяки, которые В.К. Михеев определял как захоронения населения, погребальная обрядность которого подверглась унификации «под влиянием мировых религий (христианство, ислам)» (Михеев, Копыл, 1989, с. 53). Среди них отдельно следует упомянуть погребение 14, над могилой которого был положен верхний камень жернова ручной мельницы, что является свидетельством бытования в среде населения каких-то языческих верований. Покойник в этом захоронении был уложен на спине лицом кверху. Использование мельничных камней в погребальной обрядности зафиксировано у северокавказских аланов и их потомков. Так, близкий обычай относился к числу обрядов, распространенных у осетин Северного Кавказа. Здесь обычно жерновом закрывали вход в катакомбу либо укладывали его на могилу, где был погребен последний представитель рода. «Следующим архаическим погребальным обрядом, ведущим свое происхождение также от алан, является обряд, по которому на могилу последнего представителя мужского пола семьи или рода клали мельничный жернов. Существование этого обряда... засвидетельствовано не только фольклором, но и археологическими раскопками аланских катакомб в станице Змейской, где обнаружено значительное количество жерновов, поставленных у входов в катакомбы. В фольклоре этот обычай отразился в проклятии: ... «Чтоб ваши жернова вертелись вхолостую» – пожелание гибели всему роду» (Куссаева, 1961, с. 53; Кузнецов, 1961, с. 66, 96, 101; Калоев, 2004, с. 331).

Датировка указанного кладбища не может быть более ранней, чем датировка линии укреплений памятника, к валам которой прилегают ряды погребений. Появление и функционирование этого могильника, скорее всего, было связано с какими-то экстремальными событиями в жизни населенного пункта, когда хоронить на кладбищах, расположенных вне крепостных стен, не было возможности. Такие некрополи известны на других территориях, в том числе и на древнерусских землях (Довженко, Гончаров, Юра, 1966, с. 67–68), где они появились во время осады этих поселений.

Могильник 4 был обнаружен на правом склоне Среднего Яра при въезде на городище. Представлял собой небольшую группу из 4

захоронений, которые находились неподалеку от жилых и хозяйственных строений (помещение 25, помещение 26), рядом с прилегающими к ним многочисленными хозяйственными комплексами. В этой части раскопа сразу под тонким слоем гумуса (0,2–0,25 м) шел слой лессовидного суглинка, в котором и были вырублены могильные ямы. Учитывая то, что впоследствии эти ямы были заполнены лессом, контуры их читались плохо, а иногда не прослеживались вовсе. В таких случаях контур могилы можно было определить только в ее нижней части.

Погребение 1 (рис. 102). Выявлено в северо-восточной части раскопа. Покойник был уложен в прямоугольную яму с закругленными углами, ориентированную длинной осью по линии запад – восток с сильным (до 20°) отклонением к югу. Восточная часть ямы и нижняя часть ног погребенного были обрезаны современной хозяйственной ямой. В целом ширина ямы погребения 1 составляла 0,5 м. Длина сохранившейся ее части 1,55 м. Судя по всему, первоначальная длина могилы не превышала 1,7–1,8 м. Глубина могильной ямы составляла 0,55 м. Каких-либо дополнительных элементов, как заплечики, ступеньки и проч., в указанной яме зафиксировать не удалось.

Погребенный лежал вытянуто на спине и был направлен головой в западный сектор. Положение черепа свидетельствует в пользу того, что голова покойника была уложена на какое-то, скорее всего, земляное возвышение. Руки вытянуты вдоль туловища. Кисть правой руки находится под костями таза. Под правым крылом таза находился разложившийся маленький железный нож. Лучевые кости левой руки лежат на костях левого крыла таза. Ноги сведены в коленных суставах и лежат вытянуто. В головах погребенного были поставлены два керамических сосуда: кувшин (слева от черепа) и кухонный горшок, украшенный полосчатым рифлением по корпусу и многорядной волнистой линией на плечиках. Днище горшка имеет след слабо выраженного кольцевого поддона (рис. 105: 2). Кувшин имеет корпус в виде уплощенного шара и широкое горлышко со сливом и раструбом в верхней части (рис. 105: 1). На дне кувшина имеется клеймо.

Погребение 2 (рис. 103). Находилось в 2 м к северо-западу от погребения 1. Было произведено в яме неправильной формы. Она имела длину 1,9 м и была вытянута длинной своей

осью по линии юг – юго-запад – север – северо-восток. В головах погребенного, в своей южной части могила достигала ширины 0,55 м, а в ногах – резко сужалась. Дно могилы находилось на уровне 0,92 м от современной поверхности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой в южный сектор. Череп завален на правый бок, однако, вероятно, изначально он лежал лицевыми костями вверх. Правая рука вытянута вдоль корпуса. Кости кисти лежат под правым крылом таза. Там же, под правым крылом таза – остатки маленького железного ножа. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе. Кости кисти лежат на костях таза. Ноги вытянуты, сильно сведены в коленях (скорее всего, были связаны). Кости стоп лежат вместе. Слева от черепа погребенного стояли кувшин и кухонный горшок (рис. 105: 3–4).

Кувшин имеет небольшие размеры, корпус в виде уплощенного шара и относительно высокое широкое горлышко. Корпус сосуда украшен проложенными линиями, образующими косую сетку (рис. 105: 3). Дно носит следы затертости от долгого использования. Горшок имеет приземистые пропорции, относительно узкое дно, широкие плечики и резко отогнутый наружу венчик. Украшен полосчатым рифлением по корпусу (рис. 105: 4). На плечиках, у перехода в корпус прямо поверх рифления нанесена однорядная волнистая линия. На доньшке фиксируются следы слабо выраженного кольцевого поддона. В центральной части находится клеймо.

Погребение 3 (детское). Яма погребения четко не зафиксирована. Ее неясный аморфный контур читался местами в виде слабых потемнений грунта. Судя по остаткам костей и находящимся в погребении вещам, размеры могилы составляли не менее, чем 1×0,3 м. Кости находились на глубине 0,65 м от современной поверхности. От погребенного сохранились части черепа, плечевая кость левой руки, кости правой ноги и берцовая кость левой ноги. Судя по ним, скелет был уложен на спине, головой на юг – юго-запад. В головах, с левой стороны от черепа, находились кувшин и кухонный горшок с полосчатым рифлением по корпусу. Кувшин изготовлен из серой глины. Имеет каплевидный корпус и широкое горлышко с носиком-сливом. На дне кувшина четко выраженное рельефное клеймо (рис. 105: 5). Горшок имеет широкое доньшко и вытянутые пропорции. Резко отогнутый наружу венчик плавно утоньшается к краю

(рис. 105: 6). В ногах погребенного лежали ножки овцы, сложенные кучкой, на которые был уложен череп животного.

Погребение 4 (рис. 104). Произведено в яме вытянуто овальной формы (1,7×0,45 м), ориентированной длинной своей осью по линии юго-запад – северо-восток. Юго-западная часть ямы прорезала заполнение хозяйственной ямы 8. Судя по всему, к моменту произведения захоронения заполнение ямы еще было рыхлым, благодаря чему произошла просадка верхней части корпуса погребенного, которая оказалась в ее пределах. Глубина ямы составляла 0,7 м от современной поверхности.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой в юго-западный сектор. Череп слегка завален лицевой частью влево. Руки вытянуты вдоль корпуса, чуть согнуты в локтевых суставах. Кости кистей сложены вместе на костях таза. Ноги вытянуты, чуть согнуты в коленях, лежат прямо. Стопы также лежат прямо. В головах, справа от черепа, стоял кухонный горшок с полосчатым рифлением по корпусу. Горшок имел широкое дно и укороченные пропорции. Дношко плоское со слабо выраженной закраиной. Поверхность сосуда орнаментирована рифлением, нанесенным мелкозубчатым штампом. Отогнутый наружу край венчика украшен по ребру косыми насечками, выполненными гребенчатым штампом (рис. 105: 7). У берцовой кости правой ноги находился еще один сосуд. Он представлял собой небольшой лепной горшочек с широким, чуть вогнутым в центральной части дном, шарообразным корпусом, резко сужающимся к шейке, которая плавно переходит в прямой, слегка отогнутый наружу венчик, украшенный пальцевыми защепами (рис. 105: 8). Близкого типа сосуды имеют достаточно широкое распространение. Они известны в материалах Большетарханского могильника на Волге (Геннинг, Халиков, 1967, табл. 7), могильника Сухая Гомольша в лесостепи (Михеев, 1985, рис. 6: 6) и на памятниках, расположенных в среднем течении Северского Донца (Krasilnikov, 1990, Taf. 1, 2).

Так как могильник был прослежен только в границах раскопа 20, а на соседних участках производить исследования не было возможности, говорить о его размерах мы можем только предположительно. Имеющиеся в распоряжении данные о взаимном расположении объектов, выявленных в пределах данного раскопа, позволяют сделать некоторые выводы. Все

захоронения, выявленные в пределах раскопа 20, тяготели к его северо-восточной части (рис. 61). Остальная часть была занята жилым помещением 25, хозяйственной постройкой (помещение 26) и прилегающими к ним хозяйственными сооружениями (хоз. яма №№ 1–8). Указанные сооружения имели стратиграфию, что свидетельствует в пользу того, что данная территория была обжита в течение длительного времени.

Захоронения могильника расположены рядом и не пересекают друг друга. При этом захоронение № 4 прорезало хозяйственную яму 8, которая, судя по стратиграфическим наблюдениям, в свою очередь, является самой поздней из группы расположенных здесь ям (№№ 6–8). Является ли эта группа западным краем инвентарного некрополя памятника, который находился при въезде в городище, без проведения дальнейших исследований на смежных участках установить невозможно. Так, небольшая траншея, заложенная в 40 м к югу от раскопа 20, показала наличие на этом участке только хозяйственных сооружений. Исследовать же участки, прилегающие к раскопу 20 с северной стороны, в настоящее время нет возможности, т. к. эта территория занята усадьбами. Датировка указанных захоронений определяется как по содержащемуся в них материалу, так и по находкам из расположенных здесь же хозяйственных ям, с которыми данные захоронения имеют стратиграфию.

В погребениях №№ 1–3 наблюдается стандартный обряд: покойника укладывали вытянуто на спине, с одинаковым положением рук и практически с одинаковым инвентарем. В погр. 1–2 находится стандартный набор вещей: кухонные горшки, кувшины и железные ножички (рис. 105). В ногах погр. 3 присутствуют кости овцы, что сближает его с захоронениями могильника Зливки и прочих могильников «зливкинского» типа (Швецов, 1991, с. 113, рис. II: 1). Кувшины относятся к типам, широко представленным в древностях салтово-маяцкой культуры (Krasilnikov, 1990, Taf. 7: 1; Parchomenko, 1990, Taf. 8: 2; Михеев, 1985, рис. 15; Швецов, 1991, рис. II: 2). Кухонные горшки по некоторым признакам (наличие кольцевого поддона, резко отогнутый наружу утоньшенный венчик) относятся к достаточно позднему времени в рамках салтово-маяцкой культуры.

В целом датировка этой группы захоронений является достаточно поздней. По

нашему мнению, они были произведены в конце IX или начале X вв. на участке, ранее занятом средневековой усадьбой, которая к моменту появления (или распространения на эту территорию) могильника была заброшена.

Жилую постройку данной усадьбы после запустения использовали для совершения погребений 5–6, которые были произведены в котловане заброшенного жилища. Указанные погребения относятся к группе, которая будет рассмотрена ниже.

Захоронения в котлованах заброшенных построек и хозяйственных ямах

За время исследований на памятнике, было обнаружено три таких комплекса.

Погребения в котловане помещения 25.

Погребение 5 (рис. 107–108). Было зафиксировано при расчистке котлована помещения 25. Так, как в пределах этого раскопа находились захоронения могильника 4, нумерация рассматриваемых нами погребений продолжает нумерацию захоронений этого некрополя. Захоронение было произведено в северо-восточном углу котлована на глубине 0,7 м от современной поверхности. Никаких контуров ямы прослежено не было. Судя по всему, умерший был уложен в частично засыпанную полуземлянку, кровля которой еще не обрушилась. Тем не менее к моменту произведения захоронения помещение уже было заброшено и использовалось для сброса мусора, в пользу чего свидетельствует слой грунта мощностью 0,2–0,25 м под скелетом и значительное количество находок колотых костей животных и керамических фрагментов в заполнении. Погребенный лежал скорченно на правом боку. Ноги согнуты в коленях, стопы лежат рядом. Колени подтянуты так, что находятся напротив нижней части грудной клетки. Руки согнуты в локтях. Кисти сложены вместе и лежат у лицевой части черепа. Инвентаря при погребенном не было.

Погребение 6 (рис. 107) представляет череп взрослого человека, который лежал в центральной части котлована. Череп стоял на основании, крышкой кверху. Лицевая часть и нижняя челюсть отсутствовали. Каких-либо иных костей в заполнении котлована помещения выявлено не было.

Погребение в котловане помещения 3

Комплекс был обнаружен при раскопках помещения 3, которое являлось гончарной мастерской. Она находилась в 200 м к югу от раскопа 20, в котором было выявлено помещение 25. Обе постройки располагались вдоль

древней дороги, идущей от въезда на площадку городища. Погребение было зафиксировано при расчистке котлована постройки, которая после того, как была оставлена, использовалась для свалки мусора. Учитывая тот факт, что захоронение располагалось в слое заполнения на 0,2 м выше дна котлована, можно предположить, что к моменту его совершения стены и кровля постройки еще не успели обвалиться. Скелет уложен головой на северо-восток – восток в сильно скорченном положении на левом боку с согнутыми в локтях руками¹⁴. Лицевой частью череп погребенного был фактически развернут в сторону входной ямы гончарного горна, встроенного в стену постройки. Какого-либо вещевого материала при нем не было.

Погребение в хоз. яме 1 (раскоп 7)

Комплекс был обнаружен при расчистке хоз. ямы 1, расположенной в 25 м к юго-востоку от остатков гончарной мастерской. Указанная хозяйственная яма имела почти круглую форму 1,8×1,65 м глубиной 1,2 м. Прослеживалась из-под пахотного слоя по мешаному заполнению, содержащему большое количество суглинка и золы. В заполнении ямы на разных уровнях встречено значительное количество колотых костей животных, фрагментов керамики и кусочков печины. В нижней части (с уровня 1 м) находки прекращаются, и начинается суглинистое заполнение, которое идет вплоть до дна ямы. На поверхности этой прослойки было обнаружено погребение (рис. 106). Скелет уложен головой к югу, на левом боку с небольшим завалом на живот, в сильно скорченном положении¹⁵. Левая рука согнута в локте, кости кисти находятся ближе к лицевым костям. Правая рука также сильно согнута в локтевом суставе. Кисть располагается у кисти левой руки. Ноги сложены вместе. Правая – вывернута в тазобедренном суставе, сильно согнута в колене, так, что кости стопы упираются в позвонки чуть выше таза. Левая нога согнута под острым углом. В районе шеи группа позвонков смещена. Возможно, позвоночник был сломан. Череп раздавлен. Под скелетом прослежено несколько небольших пятен древесных углей. Одно из них имеется в районе фаланг пальцев рук. Угольки встре-

¹⁴ По определению И.Р. Газимзянова, скелет принадлежал подростку (девочке?) в возрасте около 14 лет.

¹⁵ По определению И.Р. Газимзянова, скелет принадлежал подростку 14–16 лет.

ны в районе стоп и таза. Инвентарь при погребенном отсутствовал.

Судя по тому, что погребение лежит на подстилающем дно лишенном находок слое и перекрывается мусорным заполнением, отличающемся от суглинистой прослойки как по цвету, так и по высокой концентрации археологического материала, видно, что покойника положили на подстилку, а затем засыпали мусором. Захоронения описанного выше типа встречаются на ряде поселений салтово-маяцкой культуры. Так, близкую позу (скорченно на правом боку с восточной ориентировкой) имело погребение в керамической мастерской, раскопанной у с. Подгаевка на Луганщине. Показательно, что данное захоронение также было произведено в заброшенной постройке (Красильников, 1976, с. 277, 278, рис. 6). Погребения в хозяйственных ямах известны по материалам Саркела (Артамонов, 1958, с. 27, рис. 15; Артамонова, 1963, с. 11–20), на Маяцком селище (Винников, Афанасьев, 1991, с. 118–130), при раскопках посада городища у с. Маяки (Царино городище) (Кравченко, Швецов, 1990), в среднем течении Северского Донца, неподалеку от Сидоровского археологического комплекса.

О том, что некоторые погребенные были уложены, а не просто брошены, свидетельствует положение скелетов. Особенно показательны в этом плане захоронения в хозяйственных ямах, имеющие в нижней части глинистую подсыпку, в которой отсутствует археологический материал (Артамонова, 1963, с. 19). Тем не менее поза, в которой лежал скелет в хоз. яме 1 раскопа 7 (собственно, как и ряд скелетов на могильнике Саркела), свидетельствует, скорее всего, в пользу насильственной смерти этих погребенных. Так, захоронение, выявленное в 1990 г. на селище 3 археологического комплекса у с. Маяки (Кравченко, Швецов, 1990), было просто брошено в яму, где и находилось среди бытового мусора. Погребение, также брошенное в яму, вероятно, с признаками насильственной смерти, было расчищено на селище Пятницкое 1 на Харьковщине (Квитковский, 2012). С.А. Плетнева первоначально относила подобные захоронения к беднейшим слоям населения (Плетнева, 1967, с. 97). В более поздней работе, указывая на комплексы, опубликованные А.З. Винниковым и Г.Е. Афанасьевым (Винников, Афанасьев, 1991, с. 118–130), она связывает их с обрядовыми действиями, возможно, имеющими отношение к «огненному производству»

(Плетнева, 1996, с. 85–86). Подобным образом трактовались указанные погребения и автором данной работы (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 237). С обрядовыми действиями (ритуальной казнью) связывал такое погребение, обнаруженное на селище Пятницкое 1, В.И. Квитковский (Квитковский, 2012, с. 28–29).

На Сидоровском комплексе, кроме захоронения в заброшенной гончарной мастерской, мы имеем близкие по типу погребения в хозяйственной яме, а также парное захоронение в заброшенной жилой постройке. Во всех этих комплексах наблюдается определенное сходство. Так, все погребенные (за исключением погр. 6 из помещения 25, где присутствовал один череп) лежат скорченно. Судя по останкам, все они были молоды, имели небольшой рост, грацильные кости. Вполне вероятно, что все эти захоронения могли принадлежать женщинам.

Обращают внимание вывернутые конечности и неестественность поз этих погребенных. Вполне вероятно, что умершие, перед тем, как их уложили или бросили в яму, были связаны. Интересным представляется и факт захоронения в заброшенном помещении 25, на одном уровне со скорченным погр. 5, поставленного на основание черепа мужчины (погр. 6). Учитывая все это, вполне можно предположить, что здесь мы имеем дело с захоронениями изгоев общества. Вполне вероятно, что такой вид захоронения мог применяться к людям, которых хоронить на обычном некрополе не разрешалось. Причиной могла быть или необычная смерть (например, самоубийцы) или прижизненные поступки покойного (преступник, неверная жена).

Захоронения на городище

Кроме вышеописанных погребальных комплексов в пределах памятника выявлен ряд захоронений. В большинстве случаев они представлены одиночными погребениями, совершенными на поселении. К этой же группе, скорее всего, относятся три захоронения, выявленные В.К. Михеевым в 1971 г. в раскопе II, которым был вскрыт участок траншеи (ширина 1,1 м при глубине 1,45 м, длина вскрытого участка составляла 39 м), вытянутой длинной осью по линии запад – восток (Михеев, 1971, с. 7–9). Наиболее вероятно, она являлась рвом внутренней линии укреплений. От одного из погребенных сохранились кости ног, согнутые в коленных суставах (Михеев,

1971, с. 8). Второе сохранившееся полностью захоронение представляло скелет взрослого мужчины, лежавший на спине, с приподнятыми и подогнутыми в коленных суставах ногами. От третьего захоронения также сохранились только кости ног, изогнутых в коленях, и нижняя челюсть. В отчете о работах экспедиции В.К. Михеев считал, что эти погребения связаны с расположенным западнее могильником (могильник 3). В дальнейшем он пересмотрел указанную точку зрения и определил эти «разрозненные погребения, расположенные вне компактной группы погребений могильника», как погребения погибших в результате взятия памятника, сравнивая их с аналогичными захоронениями, выявленными при раскопках соседнего археологического комплекса у с. Маяки (Михеев, 1985, с. 20).

В процессе изучения памятника был выявлен еще ряд захоронений. Несмотря на то, что эти комплексы отличаются от вышеописанных, они также относятся к этой группе.

Погребение в раскопе 5 (2001)

Было произведено в черноземном слое на уровне перехода золистого гумуса в почву (0,47 м). В результате этого яма не фиксировалась. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Характерное их положение может свидетельствовать о том, что, наиболее вероятно, хоронили раздутый, начавший разлагаться труп. Кости ног слегка сведены вместе в коленных суставах. Череп раздавлен, однако, судя по положению затылочной его части, нижней челюсти и прочих костей, покойник был уложен лицом вверх. У левой височной кости находилась серьга, сделанная из скрученной в трубочку тонкой серебряной (?) пластины (рис. 110).

Погребение в раскопе 9 (2004)

Найдено в южной части раскопа. Залегало в гумусном слое на глубине 0,72 м от современной поверхности. Несмотря на то, что захоронение прошло через бровку квадратов, каких-либо следов ямы в черном гумусном слое зафиксировать не удалось. Скелет лежал вытянуто на правом боку, головой на запад – северо-запад (рис. 111). Голова запрокинута лицевой частью вверх, а центральная часть позвоночного столба дугообразно изогнута. Это объяснялось физическим дефектом: погребенный имел горб.

Череп лежал на правом боку. Правая рука вытянута вдоль корпуса. Кости запястья лежали на головке бедренной кости правой

ноги. Левая рука согнута в локте под тупым углом. Кости запястья лежали у костей запястья правой руки. Ноги вытянуты и сложены вместе. Кости правой ноги лежали прямо, кости левой были развернуты вправо. Стопы лежали вместе и были развернуты на правый бок. Инвентарь при погребенном отсутствовал.

Все детали обряда свидетельствуют в пользу того, что данное погребение было произведено по мусульманским канонам. Положение ключиц, костей ног, рук свидетельствовало о пеленании умершего перед положением в могилу. При погребенном отсутствовал инвентарь; он был развернут лицом на кыблу. В целом указанное погребение не отличается от захоронений мусульманских кладбищ археологического комплекса у с. Сидорово. Тем не менее оно не входит и в состав могил какого-либо не известного ныне кладбища, т. к. площадь, вскрытая вокруг этого погребения, довольно велика, и на ней, вне сомнений, были бы обнаружены другие захоронения. Таким образом, от погребений мусульманских кладбищ памятника рассматриваемый нами археологический комплекс отличается находением его вне могильника и слишком малая глубина залегания. Следует сказать, что культурный слой хазарского времени на данном участке начинается с уровня 0,2 м, а оканчивается на различных участках раскопа на уровне 0,45–0,55 м. Таким образом, яма, в которую был уложен погребенный, не превышала 0,5 м в глубину от древней дневной поверхности.

Погребения в котловане постройки, раскопанной в 1971 г.

В котловане полуземлянки, раскопанной В.К. Михеевым, среди прочих находок были обнаружены человеческие кости (два черепа). Один из них находился на полу жилища среди прочих находок, представленных хозяйственным мусором. Автор раскопок не указывает, как лежал этот череп, что, вероятно, объяснялось его плохим состоянием. Второй череп лежал в заполнении котлована постройки (Михеев, 1971, с. 11)

Погребение в помещении 11 (раскоп 12)

Обнаружено в котловане постройки, выявленной на склоне в пойму, в нижней его части. Помещение 11 представляло собой жилую полуземлянку, врезанную западной частью в склон холма, на котором расположен памятник. Отопительным сооружением служила печь-каменка, расположенная в севе-

ро-восточном углу. Вход в постройку располагался с южной стороны. Восточная ее часть выходила на поверхность склона. Двускатная кровля опиралась на два мощных столба (диаметр ям достигает 0,3 м), которые располагались вдоль центральной оси помещения и были углублены в пол на 0,6–0,68 метра. У западной стенки котлована, в его заполнении на 0,4–0,5 м выше уровня пола, начали встречаться разрозненные кости человека: нижняя челюсть, фрагменты крышки черепа, бедренные кости ног, лучевые кости рук, обломки крыльев таза. Собственно, это были те кости, которых не хватало у скелета, лежавшего ниже, на полу котлована постройки. Здесь, у западного столба была обнаружена центральная часть человеческого скелета, которая лежала в анатомическом порядке. Шейные позвонки погребенного находились на уровне восточного края столбовой ямы. Положение позвоночного столба, грудной клетки, костей рук с лопатками позвонков и ключиц свидетельствовало о том, что первоначально покойник был уложен вдоль матицы и облоочен головой о столб (рис. 109). В дальнейшем, когда котлован уже начал обваливаться, части тела человека были растащены зверьем. Причем параллельно с этим шел процесс разрушения котлована и обвала его стен.

Несмотря на внешнее несходство описанных выше комплексов, они имеют много общего. Так, погребение раскопа 5 находилось между группы сооружений, среди которых имелось и жилое помещение. Покойник был уложен на небольшой глубине (менее 0,5 м), т. е. фактически присыпан землей. Вполне понятно, что это могло быть произведено лишь в том случае, когда на этом участке жить не собирались.

Близкая ситуация наблюдается и в случае с погребением раскопа 9, которое было произведено на небольшой глубине. Учитывая нахождение данного захоронения на жилой части памятника внутри (и близ) линии укреплений, вполне реально предположить, что человек был захоронен в период нестабильности, вероятно, в военное время, когда кладбища, расположенные за пределами населенного пункта, использовать было невозможно.

К последнему этапу существования городища относится и погребение, выявленное в помещении 11. Захоронения в заброшенных постройках, которые производились в экстремальной обстановке, известны у разных народов. Подобный обычай существовал у языче-

ских народов Сибири (Косарев, 2003, с. 192) и специально оговаривается в мусульманской погребальной обрядности: «Если закопать покойника в землю не представляется возможным, можно вместо погребения положить его тело в какое-нибудь строение» (Хисматуллин, Крюкова, 1997, с. 77; Положение 614).

Таким образом, все описанные выше погребения, несмотря на отличия, относятся к последнему этапу жизни памятника, связанному с его оставлением. Захоронения, выявленные В.К. Михеевым в раскопе 2 (1971 г.), представляли собой скелеты убитых, которые были сброшены в ров. Вероятно, после этого их даже не присыпали землей. Степень сохранности зависела от того, насколько хорошо был укрыт землей тот или иной покойник (т. е. могли или не могли до него добраться звери-падальщики).

Подводя итог описанию погребений, выявленных при изучении археологического комплекса у с. Сидорово, следует указать, что все некрополи памятника относятся к достаточно позднему периоду в рамках салтовомаяцкой культуры. Так, хозяйственные ямы, прилегающие к погребениям могильника 2, вряд ли могут датироваться ранее сер. IX века. В пользу этого свидетельствует наличие в них фрагментов кувшинов с плоскими ручками. Собственно, и широкое распространения ислама в среде населения Хазарского каганата происходило именно в это время, о чем свидетельствует анализ многочисленных сообщений современников (Новосельцев, 1990, с. 121–122, 148, 151; Заходер, 1962, с. 154–161; Быков, 1974, с. 63). Могильник 1 также прилежит к поздней части памятника. Могильник 3, как описывалось выше, привязан к внутренней линии укреплений, в валах которой были выявлены материалы, свидетельствующие о том, что она была сооружена не ранее сер. IX в. Языческий могильник 4 представлен захоронениями, которые также вряд ли датированы более ранним временем, чем кон. IX в. В пользу этого свидетельствуют материалы раскопа 20, а также данные стратиграфии, в которых захоронения этого некрополя являются самыми поздними комплексами.

Тем не менее ряд находок, выявленных на археологическом комплексе, свидетельствует в пользу того, что поселение здесь существовало и в более раннее время. Наиболее вероятным представляется, что кладбища, относящиеся к раннему периоду истории памятника,

еще не выявлены. Они могли располагаться на покрытой лесом части городища или на территории нынешнего села, в пределах жилой застройки. Имеется информация о находках на территории частных усадеб погребений с кувшинами или горшками. Вполне возможно, что захоронения раскопа 20 представля-

ют собой крайние, наиболее поздние могилы этого языческого некрополя, основная часть которого может размещаться на застроенном современными усадьбами въезде на городище или на пологом восточном склоне селища 1. Ориентировочные границы указанного некрополя представлены на рис. 21.

§1.6. «Клады» железных предметов

Подобного рода комплексы известны на памятниках салтово-маяцкой культуры в среднем течении Северского Донца. Они были выявлены В.К. Михеевым на городище у с. Маяки (Михеев, 1963, с. 7; 1965, с. 18; 1966, с. 5–6, 9). Часть скоплений находилась в ямах, часть же залегала компактными группами в культурном слое памятника. Автор раскопок обычно относил их к скоплениям находок в пределах жилых и хозяйственных сооружений (Михеев, 1985, с. 14). Тем не менее часть их могла вполне относиться к рассматриваемой нами категории. В целом же до недавнего времени абсолютное большинство скоплений железных изделий концентрировалось на территории археологического комплекса у с. Маяки.

Рассматривая указанную категорию находок, представляется целесообразным коснуться материалов этого типа, обнаруженных на территории региона, граничащего с донецкими городищами. В последние годы здесь было найдено несколько средневековых «кладов» железных предметов. Группа скоплений, охарактеризованных как «клады», была обнаружена частными лицами и сотрудниками Славянского краеведческого музея на археологическом комплексе у с. Маяки. Условия находки (большая часть вещей была собрана на участках с потревоженными культурными напластованиями, иногда при помощи металлодетектора), отсутствие должной фиксации, да и сам характер данных скоплений в большинстве случаев не позволяет без сомнений отнести эти комплексы к рассматриваемой нами категории материала.

Отдельно стоит остановиться на крупных группах железных предметов, выявленных в последние годы в пределах находящихся в регионе лесных массивов.

В 2013 г. в Донецкий краеведческий музей поступила группа железных вещей, обнаруженных анонимным «жителем с. Сидорова»¹⁶

¹⁶ Предметы были переданы автору сотрудником Славянского краеведческого музея А.В. Шамраем. Имя

на склоне Поренского яра, расположенного в 2 км к западу от Сидоровского археологического комплекса. Согласно легенде, вещи были собраны при помощи металлодетектора на мысообразной площадке, находящейся в глубине Маяцкого леса (между селами Сидорова и Хрестыще). Среди предметов присутствовали детали тяжелого плуга (лемех и чресло), косы, серпы, сломанная дужка от котла, а также несколько стремян, часть которых была представлена полуфабрикатами изделий. По сообщению А.В. Шамрая, все эти вещи лежали рядом и, соответственно, являлись «кладом». Даже беглый осмотр этого поступления четко свидетельствовал, что данный «клад» состоит как минимум из двух групп, отличающихся друг от друга хронологически. Большинство вещей датируются хазарским временем, в то время как арочные стремяна (с прорезью для путлица в верхней части дужки) и соответственно их заготовки относятся к эпохе развитого Средневековья. Близкая степень коррозии свидетельствует, что их все же нашли в пределах одного памятника, который, судя по всему, являлся средневековым многослойным поселением. Вполне вероятно, что одна из этих групп (хазарская) в самом деле могла относиться к категории «кладов». Тем не менее обстоятельства находки не позволяют говорить об этом с полной степенью уверенности.

В хронологическом плане более однородно выглядят находки с поселения, расположенного в ур. Государев Яр (Теплинский лес, между селами Богородичное и Еремовка) (Давыденко, Гаврилова 2011, с. 20–31). На памятнике было выявлено 6 скоплений железных вещей, среди которых преобладали предметы сельскохозяйственного назначения. Наряду с целыми вещами в большинстве рассматриваемых комплексов присутствовали сломанные и деформированные предметы. Авторы отнесли комплексы к разряду «погребально-поминальных» (Давыденко,

находчика он назвать отказался.

Гаврилова, 2011, рис. 3–7). Указанные скопления, залегавшие компактными группами на глубине 0,5 м от современной поверхности, вполне могли являться и «кладами», и чем-то иным. К сожалению, исследования на этом интересном памятнике ограничились натурным осмотром и шурфовкой, в процессе которой были выявлены остатки углубленной постройки салтово-маяцкой культуры, также должным образом не зафиксированной. В 2014–2016 гг. поиски на данном объекте были продолжены. Они производились уже другой группой лиц с применением металлодетектора. В результате этих «работ» было выявлено большое количество находок железных предметов. Все они происходили из таких же «кладов» или «скоплений». В данный момент благодаря этим работам памятник можно считать полностью уничтоженным, и информацию о нем фрагментарной и неполной. В целом же указанный археологический объект был достаточно интересным. По своей топографии он имеет сходство с памятником у пгт Кочеток Харьковской обл., также уничтоженном грабителями (Свистун, 2012, с. 79–84, илл. 1). Однако на памятнике у с. Кочеток присутствовали и кремационные захоронения, в то время как предметы, найденные в Государевом яру, не несут на своей поверхности следов воздействия огня.

Кроме вышеописанных объектов в интересующем нас регионе к «кладам» можно отнести еще несколько находок.

Археологический комплекс Маяки, 1981 год. «Клад» был выявлен автором данной работы на территории селища 3, расположенного на берегу Северского Донца. Указанное селище представляет собой многослойное поселение, которое прилегает к основной части археологического комплекса с востока. Как выше сообщалось, ранее на этой части памятника скопления железных предметов уже находили. «Клад» был обнаружен в обрыве берега, на глубине 0,8 м от современной поверхности. Вещи, сложенные компактной кучкой, находились, по всей видимости, в ямке, которая была вырыта в слое зольника эпохи бронзы, благодаря чему ее контур проследить не удалось. В состав «клада» входило 2 тесла-мотыжки, 2 серпа, 2 стремени (разных размеров), 2 втульчатых долота, крупный рыболовный крючок, замок, наконечник копья с листовидным лезвием, мотыга. Кроме этого присутствовало несколько тонких железных колец плохой сохранности (судя по обломкам, не менее

5–6 экз.) и пряслице, выточенное из черного сланца (рис. 163). До 2014 г. указанный «клад» в разрозненном виде находился в экспозиции зала средневековой истории Донецкого краеведческого музея. Ныне он хранится в фондах ДРКМ.

«Клад» из г. Николаевка, 2009 г. Был выявлен в южной части города при рытье ямы под опору освещения. Место, где был обнаружен данный «клад», находилось на краю площадки водораздельного плато у склона в долину небольшой степной речки, именуемой у местного населения Бычок (правый приток р. Казенный Торец, бассейн р. Северский Донец).

Памятники салтово-маяцкой культуры поблизости от места находки неизвестны, тем не менее тот факт, что у реки встречались фрагменты керамики хазарского времени, позволяет предположить, что рядом с этим участком могло быть поселение. По свидетельству находчика, вещи лежали компактной группой. Каких-либо костей или углей при них обнаружено не было. Все предметы имеют идентичный характер окисления и лишены следов воздействия огня. Большинство вещей, входящих в данное скопление, были отданы находчиком в Славянский краеведческий музей.

Вещи «клада» представляют рядовые предметы, обычно встречаемые в комплексах подобного рода. Часть их была поломана, часть являлась заготовками. Среди них выделяются детали конской сбруи: фрагменты 4 удила с пальчатыми псалиями (рис. 164: 1–4), 7 стремян (рис. 164: 7–8, 10, 13–16), заготовка (рис. 164: 9), крупная пряжка (рис. 164: 12). Скорее всего, к убранству коня относилась и небольшая круглая выпуклая бляха (рис. 164: 5).

Указанная бляха, вероятно, крепились в центральной части кожаной основы нагрудника лошади при помощи пластины. Обломки такой пластины (разогнутого куса полосы с отверстиями для заклепок) также входили в состав клада (рис. 164: 6). Кроме деталей конской сбруи в кладе присутствовали несколько колец (рис. 164: 11), тесло-мотыжка (рис. 165: 1), сломанное втульчатое орудие (рис. 165: 2), обломки молота (рис. 165: 5), фрагмент серпа (рис. 165: 3), скребло (?) (рис. 165: 4) и втульчатое долото, которое осталось у находчика. В целом, судя по содержащимся в составе «клада» деталям конской упряжи, он датируется временем не ранее IX – нач. X в. Так, все удила относятся к

одному типу: ассиметричные, двуколычатые с петлями для псалиев и поводя, располагающимися перпендикулярно друг другу. Стремена арочные с прямой или слегка вогнутой подножкой средней ширины и выделенной пластинчатой петлей в верхней части. Петля имеет в плане овальные очертания. Указанные стремяна близки стремянам типа IA-2 (по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006, с. 15–17), Б-II (по Г.А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 14, рис. 1) или VI тип по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973, с. 49). Их датировка у разных авторов колеблется в рамках IX–X вв. (Армарчук, 2006, с. 17). Круглая бляха (вероятно, от конского нагрудника) абсолютно идентична бляхе из поминального комплекса, обнаруженного на городище у с. Маяки, который по имеющимся в составе материалам датировался временем не ранее 2-й пол. – кон. IX века (Кравченко, Шамрай, 2014, с. 184, 186, илл. 6, 8).

«Клад» из Теплинского леса (Выдылыха) (2008 г.). Еще одно скопление железных вещей было обнаружено при помощи металлодетектора в Теплинском лесу, в урочище Выдылыха, рядом с многослойным поселением, на котором присутствуют напластования салтово-маяцкой культуры. Вещи были переданы находчиками в фонды Донецкого краеведческого музея. Все предметы лежали компактной группой на глубине 0,5–0,6 м. Вероятно, они залежали в неглубокой ямке, контуры которой в темном грунте не фиксировались. В состав «клада» входили целые, сломанные предметы и заготовки. Среди них: два стремяна (рис. 166: 1), серп (рис. 166: 8), фрагмент лезвия серпа (рис. 166: 7), коса-горбуша (рис. 166: 6), ключ (рис. 166: 3), пробоец или клин (рис. 166: 5), резец (рис. 166: 4) и орудие непонятного назначения (возможно, бурав) (рис. 166: 2). Стремяна, входящие в состав клада, отличаются как по размеру, так и по типу. Одно из них относится к типу IA-2 (по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006, с. 15–17). Второе же имеет грушевидную форму с выгнутой наружу подножкой. В верхней части, при переходе от стремени к овальной пластине, в которой прорезано отверстие для ремня, имеется слабо выраженная шейка. Это стремя близко (хотя и не идентично) стремянам типа IA-3 (по Е.А. Армарчук), которая датирует их IX, а в основном – X в. (Армарчук, 2006, с. 17–18, рис. 5: 5).

Таким образом, общий обзор «кладов» железных вещей, выявленных в пределах рассматриваемого нами региона, позволяет выявить некоторые общие черты, обычные для комплексов этого типа:

1. все они содержат детали конской упряжи; достаточно часто встречаются сельскохозяйственные орудия;

2. практически все «клады», наряду с целыми, содержат сломанные предметы, а также заготовки;

3. подавляющее большинство их относится к IX в. и, скорее всего, попало в землю не ранее середины этого столетия.

Детально рассматривать вопрос о том, с какой целью закапывались указанные предметы, в данной работе не имеет смысла. Нам представляется, что эти цели могли быть разными. Часть «кладов» могла являться какими-то обрядовыми комплексами (поминальниками, пожертвованиями и проч.). Показательно, что большинство таких скоплений было выявлено именно возле памятников, население которых занималось кузнечным ремеслом. Часть же могла реально являться вещами, спрятанными в минуты опасности, т. е. кладами.

Вероятно, к числу таковых относится *клад, выявленный на археологическом комплексе у с. Сидорово*. Этот клад, единственный на данном памятнике, резко отличается по своему характеру от вышеперечисленных групп предметов. Он был обнаружен в 2012 г. во время работ на раскопе 18. Клад залежал в верхней части заполнения внешнего рва, внутренней линии укреплений (в котором, по нашему мнению, устанавливались колья палисада) на уровне 0,5 м от современной поверхности. Вещи лежали компактной кучкой (по всей видимости, они были завернуты в кожу или ткань и уложены в неглубокую ямку), контуры которой в темном грунте проследить не удалось (рис. 167). В состав клада входили кузнечные инструменты (рис. 168: 1–3), удила (рис. 168: 5) и пара стремян (рис. 168: 4, 6). Показательным является факт отсутствия сломанных предметов или кузнечных заготовок. Учитывая датировку деталей конской упряжи, наиболее реально предположить, что клад попал в землю не ранее IX – нач. X вв. Арочные стремяна относятся к VI типу (по А.Н. Кирпичникову), который данный автор датировал широкими хронологическими рамками в пределах VII–IX вв. (Кирпичников, 1973, с. 49). Более узкую датировку этому типу

стремлян (IA-2) предложила Е.А. Армарчук. По ее мнению, время их бытования укладывается в рамки кон. IX – X в. (Армарчук, 2006, с. 15–17, рис. 2: 1–2). Не противоречат такой датировке и обнаруженные в кладе удила (двусоставные, двукольчатые, ассиметричные, с прямыми стержневидными псалиями). Петли для псалиев и поводка расположены перпендикулярно друг другу. Этот тип является наиболее распространенным и достаточно поздним в древностях хазарского времени. Удила близкого типа были выявлены в Чистяковском погребении (по мнению А.В. Комара, относится к 840–880 гг.) (Тахтай, 1999, с. 166, рис. 1: 1). В.С. Аксенов обращал внимание на то, что подобного рода удила характерны для кремаций середины – 3-й четверти IX в. (Аксенов, 2005 б, с. 358). На псалиях имеются слабо выраженные, сглаженные, поперечные каннелюры, которые имели орнаментальное значение. Близкого вида украшение псалиев имеется на удилах из кат. 126 Дмитровского могильника (Плетнева, 1989, рис. 38), датировка которой, наиболее вероятно, укладывается в рамки IX в. Присутствуют находки удил с подобного рода псалиями и в Юго-Восточном Крыму (Майко, Гаврилов, Гукин, 2009, с. 244–245, рис. 5: 1). Особо интересно наличие в составе клада кузнечного инструментария, представленного двумя клещами (большими и малыми) и ножницами по металлу. Эта категория находок встречается достаточно редко. Так, при раскопках Саркела кузнечные клещи были выявлены только одни, и то, в славянском слое памятника (Сорокин, 1959, рис. 8: 1–4). Идентичные клещи и ножницы по металлу обнаружены на ряде салтовских поселений. Они найдены на городищах Правобережном Цимлянском (Артамонов, 2001, с. 426; Плетнева, 1994, с. 324, рис. 49: 1) и Большая Гомольша. Известны также находки и на селищах Мохнач-II в Харьковской обл., Государев Яр Донецкой обл. и Тау-Кипчак, в Крыму (Михеев, 1985, с. 89, рис. 35; Колода, 2002, с. 75, рис. 2, 6, 7; Колода, Колода, 2008, с. 208–209, рис. 3, 2; 2012, с. 32, илл. 4, 3, 5; 2013, с. 76, илл. 6: 6; Баранов, 1990 а, с. 81). Такие же клещи и ножницы происходят с археологического комплекса у с. Маяки (Михеев, 1985, с. 86–90, рис. 35, 23–29).

Подводя итог, следует указать, что наличие на памятниках кладов, по всей видимости, маркирует поселения, жители которых занимались кузнечным ремеслом. Особый

интерес представляют находки с «лесных» поселений. Несмотря на то, что эти памятники ныне совершенно не изучены, происходящие с них материалы очень красноречиво свидетельствуют, что поселения, расположенные в черте древних лесов, были как-то связаны с черной металлургией и кузнечным промыслом. Обилие на них находок железных предметов, присутствие в комплексах, кроме целых, сломанных вещей или полуфабрикатов свидетельствует, что в данном случае мы имеем дело с поселениями, на которых находился значительный контингент кузнецов. Вполне вероятно, этому способствовало наличие рядом с селищами мощных лесных массивов, значительное количество деревьев которых было представлено твердыми породами, в том числе дубом, что давало возможность выжигать на месте необходимый для производства металла древесный уголь.

Концентрация таких комплексов на городище у с. Маяки также вполне объяснима. На этом памятнике неоднократно находили железные молоты, наковальни, клещи, ножницы по металлу, пробойцы и иные орудия, связанные с кузнечным ремеслом. Кроме огромного количества находок железных изделий, здесь было обнаружено множество полуфабрикатов и заготовок, сломанных орудий и инструментов (Матеріальна та духовна культура, 2017). Вообще такое количество и разнообразие железных предметов можно встретить только на нескольких поселениях салтово-маяцкой культуры, что делает археологический комплекс у с. Маяки в этом отношении уникальным памятником. Показательно то, что до 8% найденных здесь металлических предметов составляют инструменты кузнечного и ювелирного производства (Михеев, 1985, с. 15–16). Данный населенный пункт, по-видимому, являлся крупнейшим кузнечным центром, мастерские которого обслуживали не только это поселение, но и прилегающий к нему значительный регион. Вполне вероятно, что в число поселений, которые обслуживались кузнецами Царина городища, входил и археологический комплекс у с. Сидорово. Единственный клад, найденный на его территории, без сомнений, был оставлен кузнецом, что свидетельствует о наличии кузницы в пределах рассматриваемого нами поселения. Такие мастера, скорее всего, были на каждом крупном населенном пункте. Тем не менее наличие мастеров-одиночек не свидетельствует о присутствии на памятнике

крупных групп ремесленников. В пользу чего железных предметов, обнаруженных на археологическом комплексе у с. Сидорово. свидетельствует приведенный ниже анализ

ГЛАВА 2. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ, КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ

§2.1. Жилые постройки

Среди комплексов, выявленных в процессе археологических исследований, значительное место занимают остатки жилых и хозяйственных сооружений. Эти объекты, расчищенные на различных участках памятника, отличаются существенным разнообразием. Среди них имеются жилые постройки, помещения хозяйственного назначения и производственный комплекс.

Абсолютное большинство выявленных построек (27) представлено котлованами углубленных в грунт сооружений. Показательным является то, что т. н. «юртообразных» или «круглоплановых» построек, широко представленных на памятниках салтово-маяцкой культуры (Флеров, 1996), на рассматриваемом нами поселении выявлено не было. Судя по всему, на жилой части памятника существовали и наземные сооружения, в пользу чего свидетельствует факт наличия на непоханных ранее участках очагов, сопровождаемых скоплениями археологического материала. В связи с тем, что эти остатки залегают в слое гумуса, размеры, характер указанных сооружений определить сложно. Тот же факт, что на основной части памятника культурный слой уничтожен многолетней распашкой, не дает возможности даже приблизительно указать, сколь многочисленными были постройки этого типа.

Остатки наземных построек были зафиксированы вдоль восточного края городища, на территории, ранее не подвергавшейся распашке. На участках, где размещалось основное количество раскопов, культурный слой был поврежден. Так, раскопы 2, 6, 13, 16 находились на площадке городища, которая в течение многих лет использовалась в качестве пахотного поля; раскопы 3, 4, 5, 7, 14 – в прилегающей к пахотному полю лесозащитной полосе, которая также подвергалась распашке во время посадки деревьев. Раскопы 8, 12, разбитые на склонах, занимали площадь, не намного превышающую размеры вскрытых в них сооружений. Раскопы 17, 20 были разбиты на территории частных усадеб, сильно поврежденных земляными и строительными работами. Соответственно, во всех перечисленных выше раскопах были обнаружены только ямы, котлованы углубленных в

грунт построек и нижние части сооружений, которые, скорее всего, представляли собой тандыры или санузлы. На участках, где верхний слой почвы не был ранее поврежден, находились только раскопы 9–10. Именно в них и были обнаружены компактно залегающие скопления археологического материала (керамики и костей животных), которые маркируют места ранее располагавшихся здесь наземных сооружений (Кравченко, 2004, с. 10–12, 17).

Так, в культурном слое северной части раскопа 9 было расчищено кострище, которое, судя по практически полному отсутствию под золой прокаленного грунта, использовалось непродолжительный промежуток времени. В южной части раскопа 9, на участке размером 13×8 м, огражденном группой хозяйственных ям, наблюдалось резкое увеличение в слое количества находок, представленных керамическими фрагментами и колотыми костями животных. Основная часть их находилась на глубине 0,25–0,3 м от современной поверхности. Местами они встречаются в виде небольших скоплений, представляющих развалы крупных фрагментов гончарных сосудов (пифосов, двух и трехручных кувшинов) (Кравченко, 2004, с. 17).

Вполне вероятно, что описанное выше скопление материала маркирует место расположения какого-то крупного наземного сооружения, четкие границы которого в гумусном слое проследить не удалось. Очаг на данном участке выявлен не был, что свидетельствует о том, что постройка либо имела хозяйственное назначение, либо отапливалась при помощи переносных керамических жаровен, обломки которых в значительном количестве содержались в заполнении расположенных поблизости хозяйственных ям.

Говоря об остатках наземных сооружений, следует упомянуть о т. н. «зольниках», известных на соседнем археологическом комплексе у с. Маяки. Судя по описаниям, они представляли собой хорошо различимые на распаханной поверхности памятника пятна золистого грунта круглой или овальной формы, насыщенные археологическим материалом. В 1963 г. на распаханной площадке городища Маяки четко фиксировались два параллельных ряда из 10 «зольников»,

вытянутых по линии запад-восток. Ранее этих зольников, которые местное население называло «землянками», согласно рассказам, было больше (Михеев, 1968, с. 2–3, табл. 1). Раскопки их ранее не производились и ныне остатки этих комплексов полностью уничтожены вспашкой. Специалистами выдвигались разные предположения об их назначении. Так, В.С. Флеров считал их зольными кучами, расположенными на свободных от застройки участках поселения (Флеров, 2005). В.К. Михеев также характеризовал их, непременно указывая при этом, что расположение «зольников» имело определенную систему (Михеев, 1985, с. 12–13). В 2008 г. автором данной работы на городище Маяки был заложен раскоп 32. Он находился на участке, где ранее располагался зольник (или в непосредственной близости от него). В этом раскопе (площадь 116 кв. м) был выявлен ряд комплексов, большинство которых относилось к хазарскому времени. Среди них – группа хозяйственных ям с горелым заполнением и котлован полуземлянки с безстолпной конструкцией стен, несущей следы сильного пожара (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 8–12). Вполне вероятно, что указанное сооружение представляло собой углубленную часть крупной наземной постройки, остатки которой были полностью уничтожены распашкой. Таким образом, «зольники» Маяков, равно как и скопления материала Сидоровского комплекса, могли являться остатками наземных сооружений, которые находились на площадке городища наряду с углубленными в грунт постройками жилого и хозяйственного назначения. Учитывая крупные их размеры, которые варьировали от 15 м в диаметре до 20×50 м (Михеев, 1968, с. 2–3), вполне вероятно, что каждый такой зольник представлял собой группу сожженных сооружений (как наземных, так и углубленных), которые входили в одну усадьбу.

В целом имеющийся в распоряжении материал подтверждает присутствие на археологическом комплексе у с. Сидорово наземных построек. Делать же выводы о характере этих сооружений, их размерах и назначении в связи с малым количеством и фрагментарностью сохранившихся остатков не представляется возможным.

Полуземлянки. Основная часть выявленных на памятнике построек представлена котлованами жилых и хозяйственных сооружений. К настоящему времени здесь

расчищено 27 котлованов помещений, отличающихся значительным типологическим и функциональным разнообразием. Среди них имеются жилые, хозяйственные постройки и производственный комплекс. Основная часть углубленных в грунт построек представлена полуземлянками, которые иногда достигают крупных размеров (площадь до 36 кв. м). Вполне возможно, что некоторые из относительно небольших помещений могли иметь прилегающую к котловану наземную часть, что существенно увеличивало площадь постройки.

Большинство полуземлянок (помещения 1–2, 4, 6–8, 11–13, 15–17, 19, 21–23, 25 и помещение, раскопанное в 1971 г. В.К. Михеевым) (в общем 66,6%) представлено жилыми постройками, определяемыми по факту наличия в котловане отопительных сооружений. Часть их располагалась на плоскости городища и имела котлованы прямоугольной формы. Часть же была врезана в склоны и отличалась от прочих своими конструктивными особенностями.

Жилые постройки, врезанные в склоны, представляли собой жилища комбинированного типа, сочетающие элементы полуземлянки и наземной постройки с жердевой или столбовой конструкцией стен. К их числу относятся помещения 1 и 11, расчищенные на восточном склоне городища, и помещение 7, которое было выявлено на склоне Среднего Яра.

Помещение 1 сохранилось фрагментарно. Его остатки свидетельствуют, что постройка представляла врезанную в склон полуземлянку с уступами – нарами, располагавшимися вдоль двух её стен. Восточная стена выходила на склон, на уровень древней дневной поверхности. В качестве отопительного сооружения, скорее всего, использовался открытый очаг, расположенный в центральной части жилища. Обращает внимание факт отсутствия в сохранившейся части котлована столбовых ям.

Сохранившиеся полностью постройки существенно отличаются друг от друга. Так, помещение 11 (рис. 116: 5) (размеры 3,5×3,5 м) имело двускатную кровлю, в пользу чего свидетельствует наличие ям, расположенных вдоль центральной оси котлована, в которых ранее стояли два мощных столба, служившие для крепления матицы. Отопительным сооружением была печь-каменка, которая находилась в северо-восточном углу, у не углубленной в грунт стены, выходяв-

шей на склон. Наиболее вероятно, она была направлена входом поперек входа в постройку.

Помещение 7 (рис. 40: 2–3; 116: 1; 118). Котлован его имел прямоугольную форму и относительно небольшие размеры (3,6×4,1 м). Три его стены были врезаны в склон. Четвертая, южная, стена имела жердевую конструкцию, от которой сохранился ряд небольших столбовых ямок. Пол помещения находился на уровне 1,5 м от современной поверхности в северной части сооружения и 0,1–0,15 м в южной его части. Таким образом, южный край котлована выходил на древнюю дневную поверхность.

Углубленная часть постройки имела столбовую конструкцию стен, в пользу чего свидетельствовало наличие в полу котлована ям. У северо-западной его стенки находились остатки материкового уступа, сильно поврежденного в процессе разрушения сооружения. Особый интерес представляет южная стена котлована. Здесь, вдоль края расположены четыре ямки, в которых, судя по малому диаметру (0,1–0,14 м), находились жерди или колья, употребленные в конструкции южной стены. Наиболее вероятно, что в постройке, наряду со столбами, держащими стены врезанной в склон части сооружения, использовались жерди, употреблявшиеся для оформления не углубленного в землю фасада. Отопительное сооружение представлено открытым очагом, расположенным в центральной части помещения. К югу от материкового уступа находился комелек (расширяющаяся книзу яма с прокаленными стенками диам. 0,5 м). Еще один комелек был обнаружен у восточной стены. Он представлял собой яму с обожженными стенками и углисто-золистым заполнением, имевшую диаметр 0,45 м в верхней и 0,75 м в нижней части.

Жилые постройки, расположенные на плоскости городища и на селище 1. Большинство котлованов жилищ (помещения 2, 4, 6, 8, 12, 13, 15, 16, 17, 19) было расчищено на плоскости городища и на территории селища 1 (помещения 21, 22, 23, 25). Выявленные на памятнике полуземлянки представлены как сооружениями небольших размеров, так и крупными постройками, отличающимися по своим конструктивным особенностям существенным разнообразием (столбовая или бесстолпная конструкция стен, расположение очага или печи, присутствие дополнительных отопительных сооружений). Отлича-

ются они и по типам присутствующих в них отопительных сооружений (открытые очаги, очаги с пристенной выкладкой, комельки, печи-каменки, тандырообразное сооружение). Некоторые жилища имели несколько отопительных сооружений (2 очага, очаг с комельком, печь с комельком). Показательным является высокий процент (29,6%) жилых полуземлянок с печами-каменками (помещения 8, 11, 12, 13, 17, 19, 21, 25), выявленных на различных участках памятника (городище, въезд, селище). В некоторых полуземлянках (№№ 12–13), каменки были расположены при входе и развернуты устьем поперек входа в постройку. В целом отличий в конструктивных особенностях полуземляночных жилищ настолько много, что представляется целесообразным дать их краткое описание.

Помещение 2 (рис. 113: 1) имело котлован прямоугольной формы (4,7×3,5 м) при глубине 1 м. Вдоль восточной и северной его стен находился материковый уступ. Отопительное сооружение (овальный очаг) располагалось в центральной части котлована. У северного и южного края очага расчищены столбовые ямки от рогачей. Входной коридор не сохранился, и место расположения его выяснить не удалось.

Помещение 4 (рис. 113: 2) – полуземлянка прямоугольной формы (4×3,5 м, глубина 1,1 м от современной поверхности). В постройке было два очага: круглый (у восточной стенки) и квадратный в центральной части. Пристенный очаг был завален кусками известняка, представлявшими собой остатки каменной выкладки, предохранявшей от возгорания располагавшуюся за очагом деревянную стену. Близкие ей конструкции зафиксированы на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 60; Винников А.З., 1984 а, с. 115, табл. 2, 3; Шрамко Б.А., 1962, с. 69), где известны и постройки с двумя очагами (Афанасьев Г.А., 1987, с. 63). Пятно очага, находящегося в центральной части помещения, имело квадратную форму. Участок с сильно обожженной поверхностью был овальным. Центр этого отопительного сооружения был перекрыт нижней частью груболепного пифоса, перевернутой вверх дном.

Помещение 6 (рис. 114: 5; 115) имело почти прямоугольную форму (3×2,2 м). Дно находилось на уровне 1,27 м от современной поверхности. Отопительным сооруже-

нием был открытый очаг, который располагался у восточной стены. В полу котлована было прослежено три ямки. Две из них – в северо-западном углу прямоугольной формы (0,18×0,15×0,2 м), в юго-западном углу котлована овальной формы (0,14×0,16×0,2 м) – вне сомнений, относились к конструкции помещения. В них стояли столбы, которые держали односкатную кровлю постройки. Третья ямка, перекрытая остатками очага, скорее всего, была связана с обрядовой практикой (Кравченко, 2002, с. 4).

Помещение 8 (рис. 116: 3; 117) имело котлован подквадратной формы (3,5×3,7 м). Вдоль восточной стенки его находилось небольшое возвышение. В центральной части северной стенки был сделан нишеобразный выступ, в котором стояла печь-каменка круглой формы, сложенная из кусков известняка в сочетании с фрагментами керамических сосудов. Среди камней свода встречены фрагменты обожженной обмазки. Судя по всему, свод снаружи, а возможно, частично и внутри был обмазан глиной.

Помещение 12 (рис. 120: 2; 121) представляло собой полуземлянку квадратной формы (3,2×3,25 м при глубине 1,6 м). Вход находился у восточной стенки. Постройка имела двускатную кровлю, в пользу чего свидетельствуют две столбовые ямы, расположенные друг напротив друга в центральной части западной и восточной стен котлована, как бы врезанные в эти стены. Отопительное сооружение находилось в северо-восточном углу постройки у входа и представляло собой сложенную из кусков известняка печь-каменку, развернутую устьем поперек входа в жилище. Вдоль восточной стены котлована от печи шла невысокая выкладка, сделанная из кусков известняка. Свод печи был сложен из небольших известняковых камней. Вместе с известняковыми обломками в его конструкции применялись фрагменты керамических сосудов. Таким образом, помещение 12 представляло собой полуземлянку с двускатной кровлей и печью-каменкой, развернутой устьем поперек входа. Конструкция стен неясна. Скорее всего, она была фахверковой или срубной.

Помещение 13 (рис. 120: 1) представляло собой полуземлянку прямоугольной формы (3,2×2,9 м). Дно котлована находилось на уровне 1,46 м от современной поверхности. Вход в виде узкого языкообразного коридора находился в центральной части южной

стены. Во входном коридоре четко читались три оплывших ступеньки, спускающиеся во внутреннюю часть помещения. Помещение имело двускатную кровлю, в пользу чего свидетельствуют две столбовые ямы, расположенные друг напротив друга в центральной части северной и южной стен котлована. Стоящие в них столбы держали матицу, на которую опиралась кровля постройки. Помещение имело два отопительных сооружения: печь-каменку и открытый очажок, которые были расположены друг напротив друга.

Очажок находился слева от входа в юго-западном углу постройки. Он имел форму неправильного овала 0,38×0,4 м. Печь-каменка находилась в юго-восточном углу, у входа в постройку. Ее устье было развернуто поперек входа в помещение. Печь была сложена из кусков известняка в сочетании с фрагментами керамики крупных и средних размеров (рис. 122). В полу постройки находилось три небольших углубления, заполненных золой с угольками, мелкими фрагментами керамики и косточками. Судя по всему, в них помещалась зола, которая выгребалась из печи и очага.

Помещение 15 (рис. 123: 2; 124) представляло собой крупную полуземлянку (5,75×5,5 м), углубленную в грунт на 1,2 м, кровля которой опиралась на два параллельных ряда столбов, пересекавших постройку по линии запад – восток. Каждый из рядов насчитывал по 4 ямки. Все 8 столбовых ям располагались друг напротив друга на расстоянии 1,25–2 м. Некоторые из них были неглубокими (0,1–0,15 м) и практически представляли собой упоры, на которые опирались столбы. Другие отличались глубиной (0,4–0,5 м). Как правило, наиболее глубокими были столбовые ямы, расположенные у стен котлована.

Судя по всему, стоящие в них столбы являлись несущими опорами, на которых держалась конструкция. Одна неглубокая ямка располагалась у южной стены котлована, приблизительно в ее центральной части. Скорее всего, в ней стоял столб, на котором крепилась дверь. В полу котлована находились две неглубокие ямы, заполненные золой из отопительного сооружения. У северной стенки котлована, практически в ее центральной части, размещалось отопительное сооружение, врезанное в стену котлована постройки. Оно представляло обыкновенный груболепной пифос, вкопанный наклонно, почти лежа, в стену котлована помещения и подпертый

камнями (рис. 125). Перед устьем пифоса находилась вымощенная камнями и фрагментами керамики, обмазанная глиной предпечная площадка неправильно-овальной формы.

Помещение 16 (рис. 126; 127: 1) представляло собой крупную полуземлянку (5,8×6,4 м, глубина 1,3–1,4 м) с большим (1,25×1,5 м) открытым очагом, расположенным в центральной её части. Обращает внимание факт полного отсутствия в полу котлована столбовых ям. Единственная столбовая яма располагалась у входа в постройку и представляла собой яму для столба, на котором держался дверной косяк. Вход находился в юго-западном углу и представлял собой пологий коридор с пятью ступеньками (длина – 2,3 м, ширина – 0,8–1,6 м). На дне постройки найдены фрагменты византийской амфоры, обломки двух- и трехручного кувшинов, стенки крымских амфор и кухонных горшков, украшенных полосчатым рифлением по корпусу.

С правой стороны, у входа в помещение, располагалась большая прямоугольная яма, наиболее вероятно, подвал (2,9×1,5–1,6 м). Она была углублена в пол котлована на 1 м. У дна ямы был обнаружен византийский фоллис Льва V (Sear, 1974, p. 269, № 1636) и мелкие фрагменты стеклянного сосуда (Кравченко, Петренко, 2010, с. 44).

Помещение 17 (рис. 127: 3; 131) представляло собой полуземлянку прямоугольной формы (3,35×4,2 м), углубленную в грунт на 1,3 метра. Постройка имела столбовые ямы, две из которых находились в центральной части ее восточной и западной стен. Стоявшие в них столбы держали матицу, на которой крепилась двухскатная кровля. Одна небольшая столбовая яма располагалась в центральной части северной стены. Как и прочие, она была врезана в стенку котлована и фактически находилась за его пределами. Вход располагался в юго-восточном углу постройки, в пользу чего свидетельствуют подрубки на стене котлована, которые держали лестницу. Отопительным сооружением являлась печь-каменка, которая находилась в северо-восточном углу котлована и была направлена челюстями в центральную его часть (рис. 132). Напротив печи на полу располагались два камня, на которых ранее, скорее всего, крепилась деревянная лавка.

Помещение 19 (рис. 129) являлось двухкамерной полуземляночной постройкой (основное помещение – 3,5×2,8 м; пристройка – 2,7×1,4 м). Оно было углублено в грунт менее

иных расчищенных на памятнике полуземлянок (1,15 м). Вполне вероятно, это объясняется находением данного сооружения на относительно высоком участке, на котором верхняя часть грунта была смыта. Постройка имела Г-образную форму и была ориентирована перпендикулярно склону площадки городища (практически по сторонам света). В центральной части котлована находились три неглубоких столбовых ямки-упора, вытянутых вдоль его оси. По всей вероятности, в них находились столбики, поддерживающие двускатную крышу помещения. Отопительное сооружение располагалось ближе к северо-восточному углу постройки и представляло собой печь. От него сохранилась топочная яма (0,6–0,75 м), углубленная в грунт на 0,2 м. Печь была разобрана в древности (рис. 130), тем не менее сохранившиеся ее детали свидетельствуют, что она имела оригинальную конструкцию: верхняя ее часть была сооружена из обломков груболепных пифосов. Большая часть их представлена днищами и нижними частями сосудов. К сожалению, степень сохранности указанного отопительного сооружения не позволяет четко представить себе его вид. Наиболее вероятно, оно было близко печам-каменкам, расчищенным на данном памятнике. Южная часть постройки представляла собой уступ-нары, отделенные от остальной ее части деревянной перегородкой. Они возвышались над уровнем пола основного помещения на 0,3 м. Перегородка четко фиксировалась по неглубокой канавке, которая отделяла друг от друга части помещения. В заполнении канавки находились остатки деревянной доски, направленной волокнами вдоль направления стены. Вход в постройку, скорее всего, располагался с восточной стороны. Здесь у места соединения входного коридора с котлованом помещения сохранились остатки оплывшей ступеньки и подрубка, в которой ранее, наиболее вероятно, находилась доска.

Помещение 21 (рис. 57–58) было расчищено на селище, примыкающем к территории памятника с северной стороны. У местного населения этот участок археологического комплекса носит название «Большое городище». Входило в состав стратифицированной группы построек (помещение 21 и помещение 22), являясь более ранним комплексом. Постройка была врезана в пологий склон террасы правого берега Выслои Балки – небольшой степной речушки, пересекающей

территорию Большого городища в северной его части.

Это была глубокая полуземлянка (углублена в грунт на 1,65 м) подквадратной формы (2,8×3,2 м), ориентированная своими сторонами практически по сторонам света. Отопительное сооружение представлено печью-каменкой, сложенной из известняковых плиток и камней. Внутренняя поверхность топки печи была обмазана глиной и выложена фрагментами керамики. Печь располагалась у северной стены, ближе к северо-западному углу постройки. В пределах котлована не было зафиксировано крупных столбовых ям. Сохранившиеся неглубокие ямки предназначались для столбов-упоров. Наиболее вероятно, рассматриваемая нами постройка имела конструкцию стен, где крупные столбовые ямы не требовались.

Помещение 23 (рис. 55; 133) входило в состав стратифицированной группы построек, представляющих три периода строительной деятельности на данном участке памятника. Котлован помещения относился ко второму этапу. Своей северной стеной он обрезал южную часть котлована помещения 20. Небольшой котлован имел почти квадратную форму (2,4×2,6 м) и был ориентирован сторонами по сторонам света. Вход располагался с восточной стороны и имел вид коридора с тремя оплывшими ступеньками. У края нижней ступени зафиксированы две прямоугольные столбовые ямки, которые держали дверь. Еще две ямки располагались у северной стены котлована постройки. В центральной части была неглубокая яма, скорее всего, от столба-упора, который держал кровлю помещения.

Отопительное сооружение располагалось в юго-западном углу и представляло собой глинобитную печь, которая была вмонтирована в угол котлована (рис. 134). Внутри печи, под остатками свода, были зафиксированы фрагменты горшка и куски разбитого жернова, которыми, наиболее вероятно, были выложены свод и топка отопительного сооружения. В противоположном – северо-западном углу котлована находилось пятно углей, золы с включением кусочков керамики и обожженных колотых костей животных. Наиболее вероятно, сюда выбрасывалась зола из печи.

Помещение 25 (рис. 107). Было выявлено в 2013 г. в пределах раскопа 20, расположенного у въезда на городище. Представляло собой полуземлянку подтрапециевидной в

плане формы. Ее котлован был ориентирован стенами по линии север – северо-запад – юг – юго-восток, что было обусловлено характером направления склона на данном участке. Размеры котлована составляли 2,9×2,7 м., а в южной части – 2 м при глубине 0,9 м от современной поверхности. Столь небольшая глубина была, по всей видимости, обусловлена тем фактором, что указанная постройка располагалась на слоне, где верхние слои подвергались смыву. В пользу этого может свидетельствовать и малая глубина залегания погребений, выявленных в пределах этого же раскопа. Пятна всевозможных углублений хорошо читались на дне котлована. Тем не менее следов столбовых ям в его пределах выявлено не было, что было связано с конструкцией стен данной постройки. Входа также не было зафиксировано, хотя наиболее вероятным представляется его расположение у юго-восточного угла. В северо-западном углу находилась печь-каменка, размеры которой достигали 0,8×0,6 м (рис. 135). Тыльная ее стена была практически встроена в стенку котлована и располагалась в небольшой нише, вырубленной в углу.

Возможно, именно с этим и связана подтрапециевидная форма котлована постройки, который имеет расширение именно в той его части, где находится печь. Печь была выложена из кусков известняка. Сохранившаяся высота свода составляла 0,4–0,45 м. Под был прокален на 0,05 м. У противоположной от печи стенки, прямо от юго-восточного угла постройки, находилось углубление (0,35 м). Оно имело овальную в плане форму (1,7×0,6 м) и было заполнено грунтом с большой примесью углей, золы, мелких кусочков пачины и измельченных фрагментов керамики. Судя по всему, на этой площадке, заполненной сухим, листовым грунтом, выброшенным из печи, располагался вход в постройку. Погребения, выявленные в указанном помещении, находились в слое заполнения котлована, на некотором уровне над его полом, и отношения к указанному жилому сооружению не имели. Судя по всему, они были произведены уже после того, как постройка была заброшена.

Еще одно жилое помещение было расчищено В.К. Михеевым в раскопе VI (1971 г.) (Михеев, 1971, с. 10–11; 1985, с. 19–20). Оно представляло собой полуземлянку прямоугольной формы (3,4×3,6 м), углубленную в грунт на 1,2 м от уровня современной поверх-

ности. Отопительное сооружение располагалось в северо-восточном углу котлована. Оно было представлено печью прямоугольной формы (0,5×1,2 м), стенки которой (высота 0,6 м) были сделаны из глины и «тщательно заглажены». Под печи был «завален камнями», среди которых находились обломки не менее 17 кухонных горшков. «Возле устья печи стоял разбитый глиняный таз диаметром 40 см, изготовленный из слабо обожженной глины с примесью шамота и органических веществ» (Михеев, 1971, с. 10–11). В нем находились древесные угли, зола, камни и куски средневековой амфоры. Таким образом, свод указанной печи, скорее всего, был сложен из камней (порода камня в отчете не указана) и выложен изнутри фрагментами керамических сосудов. Создается впечатление, что и здесь мы имеем дело с комбинированным сооружением, содержащим в своей конструкции элементы как печей-каменок (конструкция свода), так и глинобитных печей. По всей видимости, близкое по типу отопительное сооружение мы видим и в помещении 23, где в развале печи присутствовали куски жернова и обломки горшков, которые первоначально были вмазаны в верхнюю часть свода.

Производственный комплекс представлен постройкой, в стену которой был встроен гончарный горн (рис. 112: 2; 113: 4; 114: 2–3) (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 235–237, рис. 5–7). Вместе с расположенным рядом еще одним горном (рис. 114: 1) она составляла комплекс сооружений гончарной мастерской. По всей видимости, наряду с основным назначением (производственный комплекс) это помещение могло использоваться и в качестве жилой постройки, в пользу чего свидетельствует присутствие отопительного сооружения в центральной его части.

Помещение 3 представляло собой полуземлянку неправильной формы размером 4,8×3,4 м, углубленную на 1,1 м от современной поверхности. Она была ориентирована стенами по линии север – северо-восток – юг – юго-запад. Коридор входа (длина 2,4 м) примыкал к южному углу котлована. При входе находилась невысокая ступенька, справа от которой была столбовая ямка. На дне котлована помещения имелись две неглубоких ямы, одна из которых (яма 2) находилась в юго-западном углу. Эта яма, углубленная в пол на 0,04–0,05 м, имела овальную форму (диам. 0,9–1 м) и была заполнена красноватой

глинистой массой. Вторая яма имела овальную форму (0,9–1,2 м) и была углублена в дно котлована не более чем на 0,05 м. Располагалась она у северо-восточного угла. В центральной части котлована, напротив входа в помещение, находился открытый очаг неправильно овальной формы с углубленной прямоугольной центральной частью. Восточная стена котлована помещения 3 имела подтреугольный выступ 2,8×1 м, который завершался входом в горн 1. Конфигурация котлована и равномерный характер его заполнения свидетельствуют, что собственно котлован и прилегающий к нему горн 1, вне всяких сомнений, представляли единый комплекс. В пользу этого свидетельствует и наличие на дне котлована и в заполнении горна 1 фрагментов одних и тех же сосудов.

Горн 1 имел почти круглую форму диаметром до 1 м. Устье овальной топочной камеры горна (1×1,2 м) располагалось на уровне пола помещения 3 и хорошо фиксировалось благодаря прокаленности грунта до коричнево-красного цвета. Топочная камера находилась ниже уровня пола помещения 3 на 0,35 м и была вырезана в материковой глине вместе с сохранившейся частью свода. Перемычка между топочной и обжигательной камерами достигала толщины 0,15 м и была прокалена до ярко-красного цвета. Она имела семь продухов-люфтов (шесть по периметру и один в центре), диаметр которых достигал 6–8 см. Обжигательная камера сохранилась на высоту 0,4 м. Свод не сохранился. Стенки горна были прокалены до 0,1–0,12 м.

К югу от помещения 3 и горна 1 располагался горн 2. Его предпечная яма имела круглую форму с диаметром в верхней части 1,5 м. Книзу яма колоколообразно расширялась. У дна ее диаметр составлял 2–2,1 м. Подтрапецевидное устье топочной камеры находилось в северной части предпечной ямы. Топочная камера, вырубленная в материковом грунте, имела каплевидную, почти круглую, форму (до 1,3 м в диаметре). Стенки ее были прокалены на 0,1–0,15 м. Она находилась на 0,10 м ниже уровня предпечной ямы. К северу дно топочной камеры несколько повышалось. Топочную и не сохранившуюся обжигательную камеру горна 2 разделяла перемычка (до 0,5 м толщиной) с семью круглыми продухами-люфтами, из которых шесть находились по периметру, а один – в центральной части. Диаметр их достигал 0,06–0,09 метра.

Особый интерес представляют стратиграфические наблюдения за комплексом сооруженной гончарной мастерской. Так, предгорновая яма горна 2 имела двухслойное заполнение. В нижней части – это золистая линза с фрагментами сосудов, в том числе и необожженных. Там же найдены два доньшка с клеймами, идентичными находкам из горна 1. Этот слой перекрывала стерильная глинистая линза мощностью 0,1–0,2 м, выше которой шло заполнение хоз. ямы, содержащее фрагменты тех же сосудов, что и на дне помещения 3. Фрагменты необожженных сосудов, найденные в заполнении обоих горнов, представлены обломками горшков и маленьких горшочков с полосчатым рифлением, крышек, лощеных горшков с петлевидными ручками и кувшинов. Сопоставление фрагментов обожженной и необожженной посуды свидетельствует, что основная часть керамики раскопа является продукцией указанной мастерской.

Двухслойным было и заполнение помещения 3. В придонной части шла тонкая прослойка с включениями углей, мелких костей животных и фрагментов керамики. Выше нее находилась стерильная глинистая линза мощностью 0,1–0,3 м – слой, образовавшийся после запустения помещения. Показательно, что среди найденного в заполнении котлована керамического материала было обнаружено 5 доньшек от горшков с клеймами, идентичными обнаруженным в заполнении горнов и в близлежащих хозяйственных ямах. Всего в раскопе найдено 15 таких клейм (из 18, найденных на памятнике). Вероятно,

этот тип являлся клеймом данной гончарной мастерской.

Согласно стратиграфическим наблюдениям, на исследуемом участке первоначально функционировал горн 2. Через некоторое время рядом с ним построили помещение мастерской с горном 1, которое одновременно служило и жилой постройкой. Судя по расположению и наличию в заполнении идентичных клейм, оба горна относились к одной мастерской. Какой-то период времени они функционировали вместе, а затем горн 2 забросили, и его предпечная яма использовалась жителями помещения 3 в качестве мусорной. Через некоторый период времени прекратила существование и мастерская, после чего её котлован стали использовать как сбросную яму. Тогда же в его заполнении было произведено погребение. Присутствие в заполнении котлована керамических клейм, идентичных обнаруженным в горнах и на дне постройки, может свидетельствовать в пользу того, что мастерская продолжала работать и после того, как помещение 3 было заброшено. Близость форм и типов посуды, системы орнаментации обожженных и необожженных сосудов, найденных в горнах, на дне помещения 3, а также в свалке, заполняющей котлован заброшенной постройки, свидетельствуют, что мусор выбрасывали из какого-то одного помещения, не попавшего в площадь раскопа. Функционирование его представляло собой еще один этап работы все той же гончарной мастерской.

§2.2. Наземные хозяйственные комплексы

Были зафиксированы в раскопах 7, 9, 10, 16, 18, 20. Относительно небольшое количество связано с тем, что территория памятника в течение длительного времени подвергалась регулярной распахке, уничтожившей его культурные напластования и объекты, которые выходили на уровень древней дневной поверхности или находились в культурном слое. Несмотря на то, что все они дошли в поврежденном состоянии, видно, что эти сооружения отличались типологическим разнообразием. В тех случаях, когда их назначение можно более или менее четко определить, среди указанных комплексов выделяются наземные очаги, тандырообразные сооружения, остатки санитарных сооружений.

Наземные очаги встречены в раскопах 9, 16, 18. Во всех случаях они были сильно повреждены эрозийными процессами (раскоп 9), или распахкой памятника (раскопы 16, 18).

Кострище раскопа 9 располагалось в небольшом углублении, аморфной формы, размеры которой составляли 1,7×1,4 м. Границы его фиксировались по заполнению нижней части ямы (мощность 0,01 - 0,03 м.), в котором, наряду с золой, присутствовали мелкие пятнышки прокаленного грунта. На поверхности золистого слоя находилось несколько фрагментов стенок раннесредневековой амфорной посуды. Как указывалось выше, это кострище, было отопительным сооружением наземной постройки.

Еще одно *кострище* было выявлено в *раскопе 18* (рис. 154, 1). Комплекс был обнаружен в

северной части раскопа, сразу под пахотным слоем. Он представлял линзу золистого грунта (0,4×0,5 м) в слое вокруг которой наблюдалось скопление археологического материала. Остатки кострища имели форму неправильно овала, вытянутого длинной осью по линии север-юг. Золистая линза подстилалась слоем прокаленного докрасна грунта, мощность которого составляла 0,1 м. К западу и востоку от прокаленного участка, на уровне 0,28-0,29 м от современной поверхности, расчищены фрагменты стенки груболепного сосуда, кость животного и фрагмент гончарного горшка. Судя по компактному их расположению, практически на одной глубине, глубина залегания указанных находок отбивает уровень древней дневной поверхности. Вероятно, ранее находок могло быть больше, т.к. верхняя часть сооружения повреждена распашкой.

Достаточно интересный комплекс (комплекс 3) был выявлен в северной части раскопа 16. Ниже уровня пахотного слоя (с уровня 0,29-0,32 м от современной поверхности), в северо-восточной части квадрата были зафиксированы крупные куски стенок груболепного пифоса (рис. 154, 3; 155). Расчистка показала, что фрагменты залегали компактной группой, и представляли собой развал крупного куска сосуда. В лабораторных условиях указанные куски были склеены, благодаря чему установлено, что они являются крупным фрагментом сосуда, представляющим сектор его, равный 1/3 части целого. Днище сосуда отсутствовало. На внутренней его поверхности сохранились следы воздействия огня в виде трещин и копоти. Судя по расположению обломков, первоначально стенка сосуда была установлена на венчик, вертикально, внутренней частью к югу и внешней частью к северу. Она ограждала небольшую яму, заполненную грунтом с мелкими угольками, которая располагалась к югу от сосуда. В дальнейшем, в процессе разрушения, обломки пифоса просели вниз и перекрыли уже заплывшую яму. В верхней части ямы был встречен трехлопастный наконечник стрелы с согнутым черешком (рис. 207, 7). Яма имела овальную форму (0,3×0,25 м) и была ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Она была выкопана в слое темного предматерика, нижняя ее часть находилась на уровне материкового суглинка (0,85 м от современной поверхности) (рис. 155). В заполнении ямы кроме наконечника стрелы и нескольких мелких косточек животных никакого археологического

материала выявлено не было. Не было выявлено на дне и следов прокала. Наиболее вероятно, указанный комплекс представлял собой наземный очаг или (что наиболее вероятно) коптильню.

Санузлы. Еще одна группа комплексов представлена однотипными сооружениями. Это нижние части крупных сосудов, вкопанных в землю, на уровне древней дневной поверхности.

Один из них был выявлен в пределах раскопа 7 (кв. X-8-9, А-8-9 и Б-11) (рис. 156). Здесь, на уровне 0,2-0,4 м зафиксирован вкопанный вертикально крупный фрагмент нижней части груболепного пифоса с выбитым дном. Вокруг него, на уровне его верхней части находилось скопление керамических фрагментов: обломки пифосов, лепной жаровни, амфор и гончарных горшков. Отмостка из фрагментов керамики ранее вплотную прилегала к вертикально вкопанной нижней части пифоса, и лишь впоследствии была прорезана окопом времен Великой Отечественной войны.

Близкое по типу сооружение было выявлено в пределах раскопа 10. Комплекс, вошедший в отчет под названием «скопление 1» (рис. 154, 2; 157) был расчищен в восточной части раскопа (кв. А-1). Здесь на уровне 0,3 м от современной поверхности зафиксирована верхняя часть груболепного пифоса, которая стояла горизонтально на венчике. Вокруг нее, отбивая уровень древней дневной поверхности, были уложены фрагменты стенок сосудов. Судя по сохранившимся фрагментам, все обломки, найденные на этом участке, представляли куски верхней трети сосуда (рис. 157). К востоку от пифоса лежали части большого красноглиняного кувшина, украшенного зигзагом, нанесенным при помощи гребенчатого штампа, в нижней части горлышка (рис. 190, 4). Кроме этого в скоплении были найдены фрагменты стенки гончарного пифоса и обломок венчика гончарного горшка с полосчатым рифлением по корпусу. Все описанные выше фрагменты находились на одном уровне, близком уровню залегания верхней части пифоса. Вполне вероятно эта верхняя часть пифоса облицовывала сливную яму, вокруг которой была сооружена небольшая площадка, вымощенная фрагментами посуды.

Функцию санузла мог выполнять и комплекс, расчищенный в северной части раскопа 16. От описанных выше он отличался тем, что здесь вместо пифоса была использо-

вана крупная амфора (комплекс 1 раскопа 16) (рис. 154, 5; 158). В квадрате В-13, на уровне 0,25 м от современной поверхности, в пахотном слое и на границе пахотного слоя и гумуса стали встречаться фрагменты крупной красноглиняной амфоры крымского производства. Часть обломков располагалась к северу от основного скопления, что свидетельствовало в пользу того, что указанный комплекс был поврежден в процессе распашки памятника. Сохранившаяся не потревоженной часть представляла собой раздавленную, крупную амфору, которая была вкопана вертикально. Дно амфоры отсутствовало (рис. 194, 10). Судя по характерным сколам на внешней поверхности, его выбили, нанеся удар изнутри, наиболее вероятно, когда амфора уже была вкопана. В верхней части сосуда также имелись старые мелкие сколы, свидетельствующие, что верхняя часть амфоры была сбита в древности на уровне крепления нижней части ручек, а верхний её край выровняли при помощи сколов. Из находок внутри амфоры зафиксированы лежащее горизонтально ребро крупного рога-того скота и фрагмент днища чернолощеного кувшинчика.

Говоря о функциональном назначении указанной группы, следует обратить внимание на некоторые характерные особенности. Во всех случаях мы имеем дело со вкопанными вертикально в землю частями крупных сосудов, у которых отсутствует дно. В двух случаях – это фрагменты груболепных пифосов, в одном же случае (раскоп 16) для этой цели использована крупная амфора, также без дна и с отбитой верхней частью. Вокруг некоторых таких, вкопанных в землю, сосудов, на уровне древней дневной поверхности имеется отмостка из керамических фрагментов. Указанная отмостка, судя по всему, должна была препятствовать образованию луж и грязи вокруг неглубокой ямы, облицованной стенками вкопанного сосуда. Отсутствие внутри сосудов мусорного заполнения, равно, как и сам характер заполнения (равномерный комковатый грунт без каких-либо твердых включений) свидетельствуют в пользу того, что стоящие в ямах сосуды без дна служили для сливания жидкости. Таким образом, не исключено, что описанные выше археологические комплексы, представляют собой сооружения, типологически близкие сануздам «ташнау», широко представленным на среднеазиатских средневековых памятниках и городищах золотоордынского времени, где

этот тип сооружения также представлял собой заимствование из Средней Азии.

Кроме этого на городище встречена группа оригинальных печей, сделанных из обломков крупных сосудов. Чаще всего для их изготовления использовались груболепные пифосы местного производства, которые наряду с низкой стоимостью, обладали высокой термостойкостью, благодаря тому, что в их тесте в значительном количестве содержалась примесь крупного шамота.

Один из таких комплексов (комплекс 2) был выявлен в южной части раскопа 16 (рис. 154, 4; 159). Сооружение представляло собой вкопанную в землю нижнюю часть груболепного пифоса, заполненную золой, обгорелыми мелкими колотыми костями животных, фрагментами керамических сосудов. Верхняя часть указанного сосуда была зафиксирована сразу под уровнем пахотного слоя, причем, обломки его выходили в пахотный слой. Часть мелких фрагментов была обнаружена к северу от сосуда, что свидетельствовало в пользу того, что комплекс был поврежден распашкой. По всей видимости, ранее сосуд был выше, и верхняя его часть возвышалась над древней дневной поверхностью. С северо-западной стороны в нижней части сосуда было пробито отверстие, рядом с которым на фоне гумуса читалось золистое пятно, уходящее в бровку соседнего квадрата (рис. 154, 4). На прилегающей к комплексу соседней бровке квадрата Г-3, равно, как и на южной бровке квадрата Г-4 читалась заполненная золистым грунтом яма. Она имела вытянуто-овальную форму (0,7×0,5 м). В ее заполнении присутствовали кусочки пачины, угольки, зола, обожженные кости животных и фрагменты керамики. Поперечный разрез пятна показал, что яма углублялась по мере приближения к пифосу. Судя по всему, указанное сооружение представляло собой наземную печь, которая располагалась рядом с котлованом жилого помещения (помещения 17). Печь была изготовлена из вкопанного в землю пифоса, у которого в нижней части было пробито отверстие. К этому отверстию, представляющему собой вентиляционный канал, была прорыта небольшая наклонная овальная яма, для обеспечения тяги. Она же служила для выгребания золы из печи. Зола и хозяйственный мусор из этого сооружения сбрасывались в расположенную неподалеку хозяйственную яму (хоз. яма № 4), которая, скорее всего, была предназначена для этой цели изначально.

Еще один комплекс такого рода был расчищен в пределах раскопа 20 (рис. 137). Он также представлял собой нижнюю часть груболепного пифоса, которая была вкопана на небольшую глубину. Говорить о наличии в данном комплексе каких-либо дополнительных деталей (например – вентиляционных каналов) нет возможности, т.к. с восточной стороны он непосредственно граничил с крупной хозяйственной ямой (хоз. яма 5). Расчистка показала, что стенки и днище сосуда несли следы воздействия высокой температуры, а в заполнении находились угли, зола и обожженные косточки животных.

В целом, функциональное назначение указанных комплексов ясно, однако, не совсем понятно, как выглядели эти сооружения изначально. Вне сомнений, они представляли собой наземные печи, расположенные рядом с постройками, и используемые в летний период времени. Могли они использоваться и для выпечки лепешек, как тандыры, выявленные К.И. Красильниковым (Красильников, 1986). Печи Сидоровского археологического комплекса не являлись идентичными этим сооружениям, хотя выполняли те же функции. Собственно, у К.И. Красильникова приводятся данные по строительству тандыров уйгурами, где в качестве основы для отопительного сооружения используется обыкновенная корчага с выбитым дном (Красильников, 1986, с. 48). Фактически, на примере описанных выше комплексов мы имеем дело с такими же печами. Интерес представляет факт находки на городище фрагмента груболепной крышки с примесью в тесте травы и мелкозернистого шамота, поверхность которой была покры-

та отгисками пальца (рис. 171, б). Подобные предметы К.И. Красильников связывает с приспособлениями, имеющими отношение к тандырам (Красильников, 2001 б, с. 310, рис. 6, 3-4).

Подводя итоги, следует сказать, что немногочисленные наземные сооружения, расчищенные на Сидоровском комплексе, представляются очень важными и интересными археологическими объектами. Так, зафиксированные на рассматриваемом нами памятнике санитарные сооружения, в виде вкопанного в землю сосуда с выбитым днищем, для ареала распространения памятников салтовомаяцкой культуры нехарактерны. Не часты и наземные тандырообразные сооружения, сделанные из груболепных пифосов. В статье, посвященной публикации тандыров, выявленных в среднем течении Северского Донца, К.И. Красильников связывал их появление с восточными влияниями на население салтовомаяцкой культуры этого региона (Красильников, 1986, с. 48; 2001 б, с. 311; 2001 а). Показательно, что поселения Луганской области, на которых были зафиксированы тандыры, также сопровождаются раннемусульманскими могильниками.

После гибели Хазарского каганата и салтовомаяцкой культуры строительство тандыров и санузлов, близких тошнам, на данной территории прекращается. Вновь сооружения подобного типа появляются лишь на поселениях золотоордынского времени. При этом их появление снова же связывается с влиянием азиатской культурной традиции (Егоров, 1985, с. 77, 79; Федоров-Давыдов, 1981, с. 235).

§2.3. Хозяйственные постройки с углубленными помещениями

Расчищенные на Сидоровском археологическом комплексе хозяйственные постройки отличаются разнообразием. Среди них присутствуют как крупные строения, так и небольшие сооружения. Как и жилые постройки, они выявлены были в пределах городища, на въезде и на территории селища 1 «Большое городище».

Помещение 5 (рис. 114: 4) представляло собой котлован крупной полуземлянки подквадратной формы (5,4×5,3 м) глубиной 1,9 метра. На полу котлована помещения было расчищено 5 столбовых ям. Одна из них располагалась у центральной части южной стены и, скорее всего, служила для крепления

двери. Четыре столбовых ямы были вытянуты в ряд вдоль восточной стены котлована. Судя по их конфигурации, стоявшие в них столбы, квадратные в поперечном сечении (0,2×0,2 м), были под одинаковым углом (около 80°) вбиты в край котлована. Глубина этих ям достигает 0,2–0,4 м.

Помещение 9 (рис. 116: 2). Котлован прямоугольной формы (4×2,5 м, глубина 1,35 м) с крупной хозяйственной ямой, которой завершалась его южная часть. Площадь постройки делилась на две части материковой перемычкой, которая отходила от южной стены котлована. Западную часть котлована постройки занимала яма диаметром в верхней части –

2,2 м, а в нижней – 2,4 м, которая колоколовидно расширялась книзу. Дно ее находилось на уровне 1,9 м от современной поверхности. У южной стены находились 2 столбовые ямки, которые, скорее всего, были связаны с конструкцией входа в помещение.

Помещение 10 (рис. 116: 4; 119). Полуземляничная постройка прямоугольной формы (3,2×1,85 м), в северном углу которой находилась хозяйственная яма круглой в плане формы с расширяющимися книзу стенками. Яма была врезана в стенку котлована. На ее дне лежала зернотерка. Постройка имела столбовую конструкцию стен. Две глубокие столбовые ямки, слегка наклоненные внутрь, находились друг напротив друга в восточных углах постройки. К западу от них, вдоль северной и южной стен, располагались две подрубки вытянуто-прямоугольной формы, подтреугольные в поперечном сечении. Западнее находились две ямы от столбов, расположенных друг напротив друга. Еще далее к западу располагались две неглубоких ямки, скорее всего, от столбов-упоров. В юго-западном углу находилась еще одна столбовая яма, а в месте границы помещения и хоз. ямы располагалась прямоугольная подрубка. Остатки гвоздей и железных скреп могут свидетельствовать в пользу того, что данная постройка могла иметь дощатый пол.

В целом же расчищенные близ склона в пойму (выше эскарпированного склона) помещения 9 и 10, скорее всего, представляли собой хранилища, которые вполне могли быть связаны с обслуживанием оборонительной системы памятника.

Помещение 14 (рис. 123: 1) представляло две расположенных рядом ямы, одна из которых имела прямоугольную форму (2,6×1,7 м). Вторая крупная яма имела форму неправильного круга (2,4×1,8 м) и несколько сужалась ко дну (1,9×1,6 м). Расположенные рядом комплексы получили название помещения 14 и хоз. яма 9 соответственно. Тем не менее наблюдения за бровками свидетельствуют, что обе ямы были связаны друг с другом и, скорее всего, находились внутри неглубокого котлована, контур которого прослеживался в толстом слое гумуса по характерному заполнению, отличающемуся от окружающего грунта за счет присутствия в слое пятнышек глины.

Помещение 18 (рис. 12: 2; 128) представляло собой котлован прямоугольной формы (2,2×2,6 м) с несколько расширяющимися

книзу стенами. В восточной стене котлована была вырублена ниша (1×0,6 м), уходящая за его пределы и несколько углубленная ниже уровня пола. Наиболее вероятно, указанная постройка представляла собой небольшой погреб, который после обрушения стенок использовался в качестве сбросной ямы.

Помещение 20 (рис. 55–56) входило в состав стратифицированной группы сооружений, выявленной в раскопе 16, в центральной части памятника. Они представляли как минимум три периода строительной деятельности на данном участке. Котлован помещения 20 относился к самому раннему из них. Комплекс сохранился фрагментарно. Северная его часть была повреждена крупной хозяйственной ямой № 6. Южная сторона и центральная часть постройки была обрезана котлованом помещения 20 и крупной хозяйственной ямой № 5. Плохое состояние котлована не позволяет точно отнести его к какому-либо определенному типу. Наиболее вероятно он представлял собой небольшое помещение (2,9×2,2 м), углубленное в грунт на 1,1 м, с хозяйственной ямой в северо-западном углу.

Помещение 22 (рис. 58) входило в состав стратифицированной группы построек, выявленных в раскопе 17, разбитом на территории «Большого городища». Котлован постройки обрезал северный край котлована помещения 21. Раскоп 17 был разбит на территории частной усадьбы, в той части памятника, которая застроена современным селом. В связи с этим постройка сохранилась фрагментарно, т. к. ее котлован был обрезан с востока ямой подвала постройки, относящейся к этнографической современности, а северной стороны – крупной срезкой, представляющей собой перекоп сер. XX в. Тем не менее ее размеры и внешний вид восстанавливаются практически полностью. Она представляла собой хозяйственную полуземлянку (3,2×3 м), в южной части которой находилась хозяйственная яма. Котлован постройки был ориентирован поперек склона террасы – север – северо-восток – юг – юго-запад. Углублен в грунт на 1,8 м. Каких-либо следов отопительного сооружения в данном помещении зафиксировано не было, а утраченные его части имеют столь небольшие размеры, что предполагать его нахождение на утраченном участке маловероятно.

Помещение 24 (рис. 60). Было выявлено в пределах раскопа 19 в 2013 году. Котлован постройки располагался в южной части раскопа, у линии укреплений памятника.

В его заполнении были выявлены фрагменты амфоры класса 24 (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 50–52, табл. 21), что позволяет отнести данную постройку к раннему этапу существования населенного пункта. Котлован имел прямоугольную форму (2,3×1,4 м) и был ориентирован стенами почти по сторонам света (длинной осью по линии запад – восток, с небольшим отклонением к северу). Его ровное дно находилось на уровне 1,25 м от современной поверхности. Оно было густо посыпано золой и древесными угольками, благодаря чему имело черный цвет. Каких-либо столбов, следов отопительного сооружения и иных конструктивных особенностей в пределах котлована постройки выявлено не было. В заполнении, начиная с уровня 0,15 м и почти до уровня дна (1,2 м), встречались фрагменты керамики (горшков с полосчатым рифлением, описанной выше амфоры и груболепного пифоса), которые группировались в центральной и восточной части котлована. Судя по бессистемному расположению, они попали в котлован постройки в то время, когда заброшенное сооружение использовалось для сброса мусора.

Помещение 26. Было выявлено в раскопе 20 в 2013 году. Котлован сохранился фрагментарно, т. к. его северо-западный угол был обрезан строением, относящимся к этнографической современности (рис. 61). Судя по его остаткам, постройка имела размеры не менее 2,5×3,5 м и была углублена в склон на 0,55 м. Вполне вероятно, ранее ее глубина была больше, т. к. склон мог подвергаться эскарпированию и эрозийным процессам. Котлован имел мусорное заполнение, содержащее большое количество колотых костей животных и фрагментов керамики. Судя по всему, после того, как постройка была заброшена, она использовалась в качестве сбросной ямы.

Таким образом, наряду с наземными постройками, на Сидоровском археологическом комплексе имелось значительное количество углубленных в грунт полуземлянок (Кравченко, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2006, с. 4–5; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 235, рис. 4: 3). Характерной особенностью данного памятника является наличие врезанных в склоны построек комбинированного типа. Скорее всего, они покрывали как восточный склон холма в пойму, там, где не было эскарпов, так и верхнюю часть склонов Среднего Яра, отделяющего городище от прилегающего к нему поселения. В пользу

присутствия здесь подобных построек свидетельствуют расположенные пятнами скопления археологического материала, выявленные на огородах, в пределах современных усадеб, и наличие здесь же пятен котлованов, которые читаются на разрезах. Указанные постройки, несмотря на общее сходство (врезанные в склон полуземляночные помещения, у которых тыльная стена, скорее всего, по самую крышу находилась в земле, две – были вкопаны в землю частично, а одна – выходила на склон и полностью находилась на поверхности), существенно отличались друг от друга по особенностям своей конструкции. Их отопительные сооружения также отличаются разнообразием (открытый очаг, печь-каменка). Иногда наблюдается комбинация нескольких отопительных сооружений в одном помещении (два очага или очаг и каменка, очаг с комельком). При выражении динамики распространения тех или иных отопительных сооружений в процентах получается следующая картина. Всего на поселении было расчищено 27 котлованов полуземлянок, из которых 9 представлено помещениями хозяйственного назначения и 18 – жилыми постройками. Одно из жилых помещений использовалось в качестве производственного сооружения – гончарной мастерской. Отопительные сооружения содержались в 18 котлованах (100%). Из них в семи помещениях (помещения 1, 2, 3, 4, 5, 8, 16) отопительным сооружением служил открытый очаг (ок. 39%), в 1 – тандырообразное сооружение (около 5%), а в 10 помещениях (55%) отопительные сооружения были представлены печами. При этом в 2 постройках (помещение 1971 г и помещение 23) это были глинобитные печи, а в 8 помещениях (№№ 7, 11–13, 17, 19, 21, 25) отопительное сооружение представляло собой печь-каменку. Столь высокий процент печей-каменок, имевших в этот период широкое распространение на славянских землях (Максимов, Петрашенко, 1988, с. 12–39, 52–59) весьма показателен. О наличии отопительных сооружений этого типа в жилищах салтово-маяцкой культуры (как на территории лесостепи, так и в степной зоне) неоднократно сообщалось исследователями (Чернигова, 1998, с. 52–58; Апареева, Красильников, 2001, с. 297–301; Красильникова, 2001). Обращает внимание тот факт, что в некоторых полуземлянках (помещения 12, 13, 19) печи-каменки расположены при входе и развернуты устьем поперек входа в постройку, что сближает их с жилищами

широко распространенными в рассматриваемое время на территории расселения славян. Вполне возможно, что широкое бытование печей указанного типа может быть связано либо с присутствием на указанном поселении выходцев из славянских земель (возможно, женщин), либо имеет более давние традиции и уходит корнями в связи с ранее проживавшим на этих территориях населением пеньковской культуры.

Печи-каменки Сидоровского археологического комплекса достаточно оригинальны. Изредка (помещения 11 и 19) основную часть материала, из которого сооружалась печь, составляли фрагменты крупных керамических сосудов. Чаще же корпус печи изготавливали из кусков или плиток известняка. На подобное устройство печей-каменок лесостепной зоны обращал внимание Г.Е. Афанасьев. Указывая на то, что печи лесостепных городищ также были сложены из материала с очень низкой термостойкостью – писчего мела, он предположил, что указанные печи не являлись каменками, а представляли собой пристенные очаги с каменной конструкцией, предохранявшей расположенную рядом с очагом стену от возгорания (Афанасьев, 1987, с. 60). Тем не менее анализ имеющихся в распоряжении данных показывает, что печи Сидоровского комплекса в подавляющем большинстве случаев являются именно печами-каменками. Разборка отопительных сооружений показала наличие внутри них топочной камеры, обмазанной глиной. Кроме этого, характерной деталью конструкции печей-каменок Сидорова является то, что наряду с камнями в их конструкции присутствует значительное количество фрагментов керамики (чаще крупных сосудов) (рис. 121–122; 132). Обычным местом их нахождения является топка и верхняя часть свода отопительного сооружения. То есть внутренняя часть топки обмазывалась глиной и выстилалась фрагментами керамических изделий. В печи помещения 13 верхняя часть отопительного сооружения была изготовлена из крупного куска стенки груболепного пифоса (рис. 122). Последнее ставило целью предотвратить разрушение верхней части отопительного сооружения, наиболее подверженной воздействию высокой температуры.

Интерес представляет факт наличия на поселении глинобитных печей (рис. 134), широко представленных на русских землях в более поздний период. Подобного рода отопи-

тельные сооружения были встречены и на соседнем городище у с. Маяки (Михеев, 1965, с. 7; Кравченко, Швецов, 1990, с. 7). Показательно, что на Маяках помещение с глинобитной печью, выявленное в 1990 г. в стратифицированном комплексе, относилось к самому раннему горизонту. Таким образом, на обоих этих памятниках постройки с глинобитными печами (по имеющемуся в данный момент материалу) относятся не к последнему этапу их существования.

Характеризуя единственный производственный комплекс, расчищенный на памятнике, следует указать, что подобного рода мастерские, в которых горн непосредственно прилегает к жилому помещению, на территории распространения салтово-маяцкой культуры встречаются редко. Остатки такой мастерской (горн с частью котлована) были обнаружены А.Г. Николаенко на Ютановском селище (Афанасьев, 1987, с. 83). Известны жилые полуземлянки с пристроенными к ним гончарными горнами и на древнерусских памятниках более позднего времени (XII–XIII вв.) (Гончаров, 1950, с. 52, 53, 117). Горны мастерской относятся к типу, хорошо представленному на степных (ст. Суворовская, с. Подгаевка) и лесостепных (Роганинский комплекс, Ютановское селище, Столбище I и II) памятниках салтово-маяцкой культуры (Ляпушкин, 1958, с. 351–334; Красильников, 1976, с. 267–278; 1980, с. 60; Афанасьев, 1987, с. 83–86; Колода, Колода 2000; Колода, 2001, с. 219–224; Смиленко, 1988, с. 73–78). В степи горны близкой конструкции использовались вплоть до кон. XIV в. (Перевозчиков, 1990, с. 161–163, рис. 1; Галкин, 1975), а в Средней Азии они доживают до этнографической современности (Екимова, 1959, с. 357–359).

Хозяйственные постройки также отличаются сильным разнообразием. Так, помещения 9, 10, 14, 18, 22 и, скорее всего, 20 представляли собой обыкновенные полуземлянки, служащие для хранения припасов. Иную функцию выполняло помещение 5. По всей видимости, полуземлянка, расположенная у внутренней линии укреплений, представляла собой специализированную постройку, которая так или иначе была связана с воинским контингентом. В пользу этого свидетельствуют находки на дне котлована предметов вооружения (накладки лука, кистень). Вход в эту постройку, наиболее вероятно, находился в южной части, со стороны расположенной рядом оборонительной линии. От него оста-

лись оплывшие уступы и яма, служившая для столба, на котором могла крепиться дверь. Особый интерес вызывают 4 ямы, оставшиеся от вбитых наклонно столбов, которые располагались через равные промежутки вдоль восточной стены помещения. Функциональная их принадлежность не определена. Если эти столбы являлись опорой стены, то восточная стена постройки должна была бы иметь наклон в 80° во внутреннюю часть помещения. Если же стены располагались вне пределов котлована, наклонно стоящие столбы могли использоваться в качестве опор для подвешивания (возможно, для дыбы). Таким образом, это была специализированная постройка, которая могла использоваться как тюремный каземат или караульное помещение. Этому не противоречит и ее расположение у внутренней линии укреплений памятника.

В целом рассмотрение построек археологического комплекса у с. Сидорово позволяет сделать некоторые выводы.

На памятнике, наряду с обычными для поселений салтово-маяцкой культуры полуземляночными жилищами малых и средних размеров, присутствуют крупные жилые полуземлянки, размеры которых, равно как и происходящий с них материал, свидетельствуют о достаточно высоком социальном статусе их обитателей.

Практически все котлованы построек ориентированы стенами по сторонам света или имеют небольшие отклонения, связанные с наклоном местности на том или ином участке либо являющиеся сезонными. Сопоставление

ориентировки построек с топографическими характеристиками местности, где располагались раскопы, в которых эти сооружения были выявлены, свидетельствует в пользу того, что постройки обычно строили так, чтобы они стояли стенами поперек склона с площадки городища. Наблюдения же за планиграфическим расположением построек на участках, вскрытых большой площадью (раскопы 2, 5, 7, 9–10), свидетельствуют, что строения на памятнике располагались не хаотично. Так, в раскопах 5 и 7 четко виден ряд построек, вытянутый вдоль края площадки городища, близ крутого спуска в пойму. А в раскопе 2, прилегающем к этому участку с западной стороны, различима древняя дорога, идущая от въезда на городище. Наблюдается определенная система и в расположении построек, находящихся на склонах яров. Несмотря на то, что их расчищено немного, остатки помещений, не подвергавшихся раскопкам, но зафиксированных в обнажениях грунта и по пятнам на пашне, свидетельствуют, что и здесь мы имеем дело с рядами построек, вытянутыми перпендикулярно линии склонов. Таким образом, в расположении сооружений на памятнике наблюдается система, присутствие которой также свидетельствует о статусе указанного памятника по отношению к окружающим его неукрепленным поселениям. Типологическое разнообразие построек Сидоровского комплекса показывает использование его жителями различных строительных традиций, обусловленных сложным этническим составом населения этого памятника

§2.4. Хозяйственные ямы

Представлены значительным количеством комплексов, расчищенных почти во всех раскопах, расположенных на жилой части памятника, а также на склонах городищенского холма, за пределами линии эскарпа. За время проведения исследований было расчищено 97 хоз. ям, которые по ряду признаков (форма, глубина, размеры, характер заполнения), обусловленных различиями в функциональном назначении тех или иных объектов, можно разделить на несколько групп. Десять ям (10% от общего числа) были повреждены срезками грунта и эрозийными процессами, что не дает возможности без сомнений отнести их к определенному типу. Из оставшихся было выделено 5 основных типов хозяйственных ям.

1. Ямы с колоколовидным расширением в нижней части

За время проведения исследований было расчищено не менее 29 таких комплексов, два из которых находились внутри котлованов хозяйственных помещений (9–10). В целом их количество составляет чуть более 28% от общего числа выявленных ям. Отношение к этой группе тех или иных сооружений сопряжено с проблемами, т. к. абсолютное большинство комплексов имеют признаки вторичного использования, выражающиеся в двухслойном (или слоистом) характере их заполнения, который свидетельствует о том, что после обрушения верхней части стенок в ямы обычно сбрасывался мусор. В таких случаях на разрезах четко читается слоистое

заполнение, верхняя часть которого представляет гумусную или гумусно-глинистую засыпку мусорной ямы. В ней содержатся золистые линзы и более или менее значительное количество вещественного материала. Между указанным слоем и дном ямы часто присутствует прослойка суглинка без находок. Иногда этот грунт по своей фактуре не отличается от стенок ямы, что является свидетельством того, что он образовался в результате обвала первоначального сооружения. Как правило, под ним находится плотное дно, на котором встречаются угольки и отдельные находки. В таких ямах подрубка под стены прослежена только в нижней части. Иногда она неглубокая, иногда же имеет более или менее значительные размеры, которые напрямую зависят от того, сколь сильно та или иная яма была повреждена. Характер обрушения ям этого типа связан с их формой. Сужающаяся к устью верхняя часть была неустойчивой и достаточно быстро обваливалась, после чего указанная яма более не могла использоваться по своему первоначальному назначению.

Ямы рассматриваемого типа были обнаружены на территории большинства раскопов, расположенных как на городище, так и на селище. В плане они чаще всего имеют круглую или овальную форму и большую глубину. Размеры их в верхней части колеблются от 0,6 до 2 м. В нижней же части они достигают диаметра 2,5 м. Глубина ям варьирует от 0,7 до 2,05 м от уровня залегания материкового суглинка. Собственно, малая глубина отдельных комплексов может быть связана с их расположением на склонах или участках, где верхние слои грунта были смыты. Таким образом, первоначальная глубина ям могла быть более значительной.

Ярким примером ям этого типа являются две крупных хозяйственных ямы, которые были расчищены в раскопе 16 (рис. 135: 3–136).

Хозяйственная яма 5 (рис. 135). Входила в состав группы стратифицированных сооружений. Относилась она к самому верхнему хронологическому горизонту. Пятно ямы начало проявляться на уровне 0,45–0,5 м, однако его контуры четко удалось проследить только на уровне материка (0,9 м). Здесь диаметр ямы составлял 1,7 м. Книзу яма расширялась. У дна она имела диаметр 2,1–2,15 м. С западной и восточной сторон к яме прилегали небольшие ниши овальной в плане формы (0,95×0,8×1,36 м и 1×0,75 м соответственно).

Дно ямы находилось на уровне 1,96 м. На уровне 0,75–0,95 м заполнение было перекрыто мощной линзой, содержащей прослойки древесных углей и золы, в которой находился практически весь археологический материал, содержащийся в заполнении ямы, представленный колотыми костями животных и фрагментами керамики. Ниже, вплоть до уровня 1,85 м, яма имела равномерное светлое слоистое гумусно-глинистое заполнение, не содержащее находок. Придонная ее часть (1,85–1,95 м) имела песчаную подсыпку. Ближе к стенкам местами встречались следы обмазки дна глиной. На дне выявлено несколько косточек, мелкие фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры и оловянная бусина (рис. 208: 26).

Хозяйственная яма 6 (рис. 136) находилась на расстоянии 0,6 м от края хоз. ямы 5. Имела овальную в плане форму (1,7×2 м) и была вытянута длинной своей осью по линии север – юг. В нижней части она расширялась и здесь ее размеры составляли 2,1×2,2 м. Дно находилось на уровне 1,75 м от современной поверхности.

Заполнение ямы было зафиксировано на уровне 0,45–0,5 м благодаря наличию линзы грунта более светлой консистенции. Эта линза конически расширяется книзу и на уровне 1,2–1,3 м полностью оконтуривает всю площадь комплекса. На уровне 1,2–1,4 м в яме присутствует темная прослойка, насыщенная золой и угольками, в которой находился археологический материал. Ниже нее заполнение светлеет и вплоть до дна представляет собой слоистую глинистую засыпку, лишенную находок. Лишь на дне ямы было встречено несколько колотых костей животных и мелких фрагментов стенок горшков салтово-маяцкой культуры.

Интересная группа объектов рассматриваемого нами типа была расчищена в пределах раскопа 20 (рис. 61). Все они группировались вокруг котлована жилой постройки (помещение 25) и, судя по всему, представляли собой ямы, относящиеся к одной усадьбе. К востоку от постройки находилось еще три ямы этого типа (№№ 1, 5, 9).

Хозяйственная яма 1 имела круглую в плане форму. В верхней ее части присутствовала коническая шейка, которая сужалась книзу (диаметр вверху достигал 1,5 м, а у места расширения составлял 1,2 м). В нижней части яма расширялась до 1,7–1,8 м. Дно находилось на уровне 1,23 м от современной

поверхности. Хорошо насыщенная археологическим материалом (фрагменты керамики и кости животных) верхняя часть заполнения была глинисто-гумусной с примесью угольков и кусочков пачины. Ниже уровня 1 м, вплоть до дна, яма была заполнена лишенным находок суглинком, который представлял собой слой, образовавшийся в результате обвала стенок.

Хозяйственная яма 5 (рис. 137) имела круглую в плане форму. Диаметр верхней ее части составлял 1,2 м. В нижней части яма расширялась до 1,4 м.

Слоистое глинисто-гумусное заполнение содержало небольшое количество находок, представленных фрагментами керамики и колотыми костями животных. Все находки были сконцентрированы в верхней части ямы. Судя по всему, первоначально указанная яма имела более узкую верхнюю часть, которая приобрела свои нынешние очертания после обвала стенок. Именно благодаря этому обломки нижней части груболепного пифоса, используемого в качестве наземной печи, оказались прямо у края ямы (рис. 137). Дно ямы находилось на уровне 1,69 м. Судя по небольшому количеству находок, указанная яма после обвала стенок мусором не засыпалась.

Хозяйственная яма 9 хорошо сохранилась, благодаря чему можно получить представление об её первоначальных размерах. Она имела круглую в плане форму. Диаметр ее верхней части составлял 0,8 м. Далее яма 9 конически расширялась книзу, достигая в нижней части 1,5 м в диаметре. Она была заполнена чистым суглинком, практически полностью лишенным находок. В нижней части (с уровня 1,4 м) в суглинке начинают встречаться древесные угли, колотые кости животных и фрагменты керамики. Все находки концентрируются у дна ямы, которое находилось на уровне 1,65 м от современной поверхности. Судя по всему, яма в качестве сбросной функционировала непродолжительный промежуток времени, после чего была полностью заброшена.

Три ямы (№№ 6–8) располагались к северу от котлована и были связаны между собой стратиграфией. В отличие от описанных выше, они имели относительно небольшую глубину, что объяснялось их расположением на склоне. Наиболее ранней из них была *хозяйственная яма № 6*. Она имела овальную в плане форму размерами 1,7×1,8 м в верхней части. Яма слегка расширялась книзу, где

имела размеры 1,7×1,9 м (рис. 138). Верхняя часть гумусно-глинистого заполнения ямы, насыщенного древесными угольками и золой, содержала большое количество вещественного материала, представленного колотыми костями животных и фрагментами керамических сосудов. У дна количество находок резко уменьшается. Дно ямы находилось на уровне 0,71 м от современной поверхности. Судя по всему, после того, как обвалились ее стенки, указанная яма использовалась для сброса мусора.

Хозяйственная яма № 7 прилежала к хозяйственной яме 6 с северо-восточной стороны, прорезавши её нижний край. С восточной стороны нижняя часть этой ямы была прорезана хозяйственной ямой 8 (рис. 141). На бровке верхняя её часть имеет диаметр 0,6 м и затем круто расширяется книзу (рис. 139). Контур ямы был прослежен на уровне материка. Здесь она имела круглую в плане форму, и её диаметр составлял 1,25 м. У дна её диаметр достигает 1,6 м. Таким образом, яма расширялась в придонной части практически на метр по отношению к её горлышку. Верхняя часть ямы (0,3–0,7 м) имела глинисто-гумусное заполнение, хорошо насыщенное вещественным материалом. На уровне 0,7 м находилась углисто-золистая линза, имеющая мощность до 0,1 м, которая перекрывала центральную часть комплекса. В ней содержалось значительное количество находок, представленных колотыми костями животных и фрагментами керамических сосудов. Ниже линзы, вплоть до дна, которое находилось на уровне 0,85 м от современной поверхности, шел слой золы с небольшим количеством находок. Таким образом, яма после того, как была заброшена, использовалась для сброса мусора.

Самой поздней в данной группе ям являлась *хозяйственная яма 8* (рис. 140–141). Она прорезала нижнюю часть заполнения хозяйственной ямы № 7 и, в свою очередь, была прорезана инвентарным захоронением (погр. 4), которое было произведено на этом участке после того, как усадьба прекратила свое существование. Темное, гумусно-глинистое заполнение ямы, с многочисленными золистыми линзами в верхней части, четко читалось на фоне материкового суглинка уже на уровне 0,4 м от современной поверхности. Здесь её диаметр составлял 1,35 м. Оно было хорошо насыщено археологическим материалом (колотыми костями животных и фрагментами керамических сосудов). В нижней части ямы

(0,75–0,95 м) находки исчезают. Здесь идет равномерное гумусно-глинистое заполнение, насыщенное частицами золы и кусочками угля. Дно ямы находилось на уровне 0,95 м от современной поверхности.

Иногда ямы такого типа являются конструктивными элементами хозяйственных построек. Так, в помещении 9 яма с колоколовидным расширением в нижней части занимала практически всю западную часть котлована и была отгорожена от остальной его части оставленной в материке перегородкой (рис. 142). Подобного типа яма была встроена в западную стенку котлована помещения 10. На её дне была выявлена зернотерка, относящаяся к числу достаточно редких находок на данном памятнике.

У некоторых ям зафиксирован прямой или слегка изогнутый коридор либо ступенька, расположенная у одной из ее сторон. Вполне вероятно, что они не рылись специально, а могли являться вытоптанymi дорожками, ведущими к той или иной хозяйственной яме. Ярким примером является хоз. яма 18, выявленная в раскопе 2. Она располагалась к востоку от котлована помещения 4 и, вероятно, относилась к нему. Яма имела круглую форму (в верхней части диаметр её составлял 1,5 м) и расширялась книзу до 1,8 м. К западному ее краю примыкало понижение грунта, которое практически соединяло яму с котлованом жилой постройки. В заполнении комплекса содержалось незначительное количество находок (куски известняка со следами действия огня, фрагменты керамики и колотые кости животных). Все они были привязаны к темной прослойке с угольками, находящейся на уровне 1 м. Дно находилось на глубине 1,4 м.

Имеются ямы, где коридор-вход явно был специально прорыт. Такая ситуация наблюдается в хоз. яме 3 раскопа 18 (рис. 59). Яма имела практически круглую форму (1,6×1,7 м). К ее восточному краю прилежала ступенька-вход (1,2×1,35 м), вытянутая по линии запад – восток. У дна (1,1–1,25 м) она сужалась, и ее ширина достигала 0,85–0,95 м. Своим восточным краем ступенька пересекала западную часть заполнения соседней хозяйственной ямы 2, которая также имела у дна колоколовидное расширение. Далее шел спуск в яму, у северо-восточной стенки которой (уровень 1,45 м) находилась сегментовидная ступенька, плавно понижающаяся к центральной части ямы. В заполнении содержалось много нахо-

док (фрагменты керамики, кости животных, обрезки железных листов). Количество находок увеличивалось книзу, причем наибольшая часть их была выявлена в золистой линзе, которая находилась на глубине 0,9–1 м от современной поверхности, по всей ее поверхности. Эта линза перекрывала заполнение ямы и входа. Ниже нее, вплоть до дна ямы, шло равномерное черное гумусное заполнение, лишенное каких-либо находок. Контур ямы в плане удалось четко прочесть на уровне золистой линзы. С южной и западной сторон яма расширялась у дна. Дно находилось на уровне 1,45 м от современной поверхности. В придонной части и на дне ямы находки археологического материала отсутствовали.

Обособлено в этой группе сооружений стоит хоз. яма 9 раскопа 16 (рис. 143: 2–144). В отличие от вышеописанных комплексов она имела относительно малые размеры. Ее контур в плане удалось проследить на уровне предматерика (0,75 м от современной поверхности). Пятно ямы имело форму неправильного овала, вытянутого длинной осью по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток. Основная часть сооружения представляла собой углубленный коридор-вход (1,9×1 м, глубина 0,9 м), который шел к собственно яме. Яма имела круглую форму (диам. верхней части 0,8 м). Стенки ее слегка расширялись книзу, и на дне ее диаметр составлял 0,85–0,9 м. Дно находилось на уровне 1,4 м. Начиная со дна входного коридора (0,9 м) и до дна яма была заполнена рыхлым осветленным гумусом, не содержащим археологического материала. На уровне 0,4 м в заполнении начали появляться включения мелких древесных угольков. С этого уровня в заполнении комплекса встречаются находки, представленные колотыми костями животных, фрагментами горшков и амфор. Ниже (0,7–0,8 м) заполнение ямы светлеет за счет наличия в нем частиц глины. С этого уровня количество находок археологического материала постепенно уменьшается, а с уровня 1 м и вплоть до дна они не встречаются вовсе.

Вне сомнений, ямы указанного типа имели какие-то наземные конструкции, которые располагались над ними. Они могли быть как деревянными и иметь вид шалаша, устроенного над ямой, так и обмазанными глиной или выложенными из самана. В абсолютном большинстве случаев их следов не сохранилось, что в немалой степени связано с уничтожением культурного слоя памятника распашкой.

2. Ямы с прямыми стенками (цилиндрические ямы)

К этому типу ям относится 38 комплексов. Они встречены практически на всех участках памятника, и количество их составляет около 37% от общего числа выявленных. Это ямы круглой или овальной в плане формы, иногда слегка сужающиеся в нижней части. У дна иногда присутствуют ступеньки, уступы, небольшие, углубленные в стену ниши. Одна их таких ям (хоз. яма 1 раскопа 7) содержала захоронение (рис. 106).

Ямы имеют разную степень сохранности. Часть их была обнаружена на участках, где производились земляные работы или шел смыв верхней части слоя. Как правило, такие ямы имеют небольшую глубину, что не свидетельствует о том, что изначально их глубина была столь же малой. В целом размеры указанных ям достигают 2 м в диаметре, при глубине до 1,9 м. Многие из них имели следы вторичного использования. После того, как стенки обрушивались, ямы засыпали мусором. Как правило, факт вторичного использования комплекса четко различим по присутствию в яме двухслойного заполнения, верхний слой которого содержит гумус с примесями углей и золы. Обычным является наличие в этом слое значительного количества находок, представленных колотыми костями животных, фрагментами керамических сосудов и прочими культурными остатками.

Классическими примерами ям этого типа являются хозяйственные ямы №№ 2 и 10, обнаруженные в раскопе 16.

Хозяйственная яма 2 (рис. 145; 146: 2) имела круглую форму диаметром 1,8 м. Она была зафиксирована сразу под пахотным слоем благодаря черному заполнению. Оно имело вид гумусной линзы, утолщающейся в центральной части (мощность 0,5 м). Ниже шла линза суглинистого грунта мощностью 0,3 м. Ниже нее шел слой замыва (0,3 м), который у дна ямы подстилался гумусным слоем с угольками (0,1–0,15 м). В заполнении ямы находки почти полностью отсутствовали и были представлены мелкими косточками животных. Её плотное дно, чуть углубленное в центральной части, находилось на уровне 1,56 м от современной поверхности. На дне, в восточной части ямы (1,52 м), находилось компактно расположенное скопление плохо сохранившихся колотых костей животных.

Хозяйственная яма 10 имела круглую форму диаметром 2 м (рис. 146: 1). На уровне

0,7 м с южной ее стороны находился небольшой уступ (1,4×0,25 м), углубленный до уровня 1 м. Книзу яма сужается, благодаря чему у дна ее диаметр составляет 1,5 метра. У дна в юго-восточной стенке вырублена небольшая ниша, углубленная в стену на 0,25 м. Дно ямы находилось на уровне 2,1 м от современной поверхности. На уровне 1,3–1,4 м в яме находилось несколько крупных золистых линз, насыщенных археологическим материалом. Ниже этого уровня характер заполнения меняется. На глубине 1,4–1,8 м от современной поверхности яма заполнена перемешанным осветленным гумусом с большой примесью глины и песка. Нижние 0,2–0,3 м, у дна ямы, были заполнены чистым песком. Как в осветленном гумусе, так и в находящемся под ним слое песчаной засыпки никакого археологического материала выявлено не было.

Как в случае с ямами с колоколовидным расширением в нижней части, цилиндрические ямы также имели над собой какие-то наземные конструкции. Большинство из них, вероятно, были сделаны из дерева или прутьев. В одном случае (раскоп 9, хоз. яма 17) зафиксировано наличие над ямой остатков конструкции из самана. Эта яма (рис. 143: 3; 147) фиксировалась с уровня 0,25 м по гумусному заполнению с примесью древесных угольков. Уровень ее впуска был четко виден на бровке, т. к. заполнение было светлее окружающего грунта. На уровне 0,57 м была зафиксирована мощная линза глины светло-желтого цвета (саман?) (мощностью до 0,2 м), обожженная в западной части ямы. При зачистке ее поверхности было обнаружено несколько фрагментов керамики салтовомаяцкой культуры и фрагмент верхней части тонкостенного сосуда, изготовленного из светло-зеленого стекла, орнаментированного на шейке тоненьким валиком. Линза полностью перекрывала яму, чуть заходя за ее края. Внутренняя ее часть просела внутрь ямы. Вся эта конструкция располагалась в небольшом углублении прямоугольной формы (2,5×1,9 м при глубине 0,68 м), ориентированном сторонами по сторонам света. Собственно яма имела круглую в плане (диаметром 1,7 м) и цилиндрическую в поперечном сечении форму. У западной ее стенки на уровне 1 м находилась материковая ступенька. В заполнении, ниже уровня глинистой прослойки, были обнаружены колотые кости животных, человеческий крестец, мелкие фрагменты стенок причерноморских амфор и

гончарных горшков с линейным рифлением по корпусу.

Судя по всему, яма представляла погреб, имеющий на поверхности саманную конструкцию прямоугольной формы, которая являлась своеобразной кровлей и впоследствии просела в его заполнение. Вход находился в западной части ямы, в пользу чего говорит наличие здесь обожженного участка (скорее всего, он был обожжен с целью придания прочности входному отверстию) и находящейся в яме материковой ступеньки. Не исключено, что описанная выше конструкция располагалась внутри прямоугольного легкого помещения или шалаша, предохранявшего саман от осадков.

3. Ямы-холодильники (?)

Близки описанным выше ямам с цилиндрическими стенками, от которых они отличаются крупными размерами. Таких ям на памятнике встречено всего две (ок. 2%). Показательно, что обе они находились в раскопе 7 на небольшом расстоянии друг от друга.

Хозяйственная яма 7 (рис. 127: 4) имела вид неправильного овала (4,5×2 м) и была вытянута длинной своей осью по линии северо-восток – юго-запад. Верхняя часть ее заполнения была глинисто-гумусная. Она содержала большую примесь древесных углей, многочисленные золистые линзы и была хорошо насыщена находками (колотыми костями животных и фрагментами керамики). Ближе к дну, начиная с уровня 2,40 м, яма имела глинистое заполнение, практически лишенное какого-либо материала. В нем было выявлено несколько мелких единичных костей животных и фрагментов керамики. Дно находилось на уровне 2,85 м. Каких-либо находок на нем выявлено не было.

Яма 9 (рис. 123: 1) входила в комплекс из двух ям, расположенных внутри понижения прямоугольной формы (помещение 14). В плане она имела форму неправильного круга (2,4×1,8 м); в профиле несколько сужалась ко дну (1,9×1,6 м). Контур ямы четко фиксировался на уровне материка. С уровня 0,5–0,7 м в ее гумусном заполнении интенсивно встречались находки (фрагменты керамики, кости животных). Ниже гумус светлеет и превращается в гумусированный суглинок, который подстилается слоем золы с углями (мощность 0,7–0,9 м). В этом слое была сконцентрирована основная часть обнаруженного в яме материала (кости животных, куски горелой обмазки, фрагменты керамических сосудов,

жаровен, предметы из стекла, кости, железа, меди). В нижней части золистого заполнения ямы среди костей довольно часто встречались коровьи астрагалы, три из которых имеют процарапанные на щитках знаки. Особенный интерес представляют два обреза оленьего рога, один из которых имел процарапанную руническую надпись. Кроме этого, в заполнении ямы были выявлены обломки от керамических фигурок, близкие находкам из Приазовья (Гриб, Швецов, 2019). Золистый слой подстилался слоем гумуса без находок (мощность 0,3 м). Под ним шла глинистая прослойка (0,1–0,15 м), в нижней части которой были обнаружены крупный фрагмент амфоры, разбитый на мелкие куски. Нижняя часть ямы (уровень 2,6–2,95 м от современной поверхности) была заполнена осветленным гумусом, в котором содержалось небольшое количество находок (мелких обломков амфор, костей животных и птицы).

4. Ямы прямоугольной формы

Составляют около 16% от общего количества выявленных комплексов. К этой категории можно отнести и прямоугольные ямы с закругленными углами. В большинстве случаев ямы этого типа имеют следы вторичного использования, т. е. после обвала стенок в них сбрасывался мусор. В отдельных ямах присутствуют ступеньки и нишеобразные углубления в какой-либо из стенок. Показательно, что стенки у большинства ям в нижней части имеют расширение. Вполне вероятно, что присутствие подрубок в нижней части ям свидетельствует в пользу того, что над этими ямами ранее имелись шалашеобразные деревянные конструкции или стены их могли быть облицованы деревянными щитами.

Характерным примером ямы этого типа является хоз. яма 2, расчищенная в 1998 г., к востоку от участка, на котором впоследствии был заложен раскоп 2. В плане яма имела прямоугольную форму (1,9×1,2 м) и была ориентирована своими сторонами по сторонам света. Ее стенки расширялись ко дну, в результате чего в нижней части размеры ямы составляли 2,1×1,55 м. Заполнение с пятнами углей и мелкими включениями кусочков печины имело черный цвет. Местами в нем присутствовали линзы глины, которые образовались в процессе осыпания стенок ямы. Наряду с линзами золы, кусочками древесных угольков и печины содержало значительное количество колотых костей животных и фрагментов керамики, в том числе и фрагмент верхней части

кувшина с плоской ручкой. Дно хозяйственной ямы № 2 находилось на уровне 1 м от современной поверхности, что было связано с тем, что слой на участке, где был выявлен указанный комплекс, был смыт.

Еще одна яма прямоугольной формы была расчищена в раскопе 14, в полу помещения 16, часть конструкции которого она составляла (рис. 148). Яма имела размеры 2,9×1,6 м и была ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Стенки ее слегка расширялись книзу. Дно его было ровное и находилось на глубине 1 м от пола котлована (2,4 м от современной поверхности).

Близка к интересующему нас типу хозяйственная яма 1 раскопа 16 (рис. 149; 150: 1). Ее темное заполнение было прослежено на уровне 0,3–0,4 м. Яма имела подквадратную форму (1,5×1,9 м) и была ориентирована сторонами по линии юго-запад – северо-восток. На уровне 0,7–0,9 м от современной поверхности в ее заполнении прослежена прослойка осветленного глиной гумуса, образовавшаяся при обвале стенок. Ниже прослойки заполнение имело более темный цвет и содержало мелкие частички древесного угля. Здесь же были встречены фрагменты чернолощеного кувшинчика. Дно ямы находилось на уровне 1,6 м от современной поверхности. Находки в придонной части представлены двумя фрагментами керамики и зубами козы-овцы. Наиболее вероятно, что указанная яма представляла собой погреб-хранилище, заброшенный после того, как обвалились его стенки.

Некоторые ямы имели деревянные крышки, расположенные на уровне древней дневной поверхности. В этом плане особый интерес представляет хоз. яма 18 раскопа 9, где были прослежены уступы, на которые эта крышка ложилась (рис. 143: 1). Указанная яма имела подтрапцевидную форму (1,9×1,2×1,6 м) и была вытянута длинной осью по линии запад – восток. На глубине 1 м от современной поверхности вдоль трех сторон (северной, южной и западной) яма имела неширокие заплечики. В нижней части у дна она расширяется. Черное гумусное заполнение содержало мало находок, представленных угольками, колотыми костями животных, фрагментами керамики салтово-маяцкой культуры. Дно ямы находилось на уровне 1,85 м от современной поверхности. Трудно сказать, имелась ли над этой ямой какая-то деревянная конструкция. В принципе, подобная яма

вообще могла находиться и внутри наземного сооружения.

5. Неглубокие ямы с мусорным заполнением

Еще один тип ям, встречаемых на памятнике, представляют неглубокие ямы с мусорным заполнением. Обычно эти ямы доверху наполнены археологическим материалом (колотыми костями животных, фрагментами керамики, кусочками печины, обожженными камнями от печей и прочим бытовым мусором). Их количество достигает чуть менее 7% от общего числа изученных комплексов. В связи с тем, что ямы этого типа обычно имеют небольшую глубину (до 1 м или чуть более), они не всегда врезаны нижней своей частью в материк, благодаря чему их контуры иногда установить проблематично. В тех случаях, когда это удавалось, ямы в плане имели круглую, овальную, иногда подпрямоугольную или неправильную форму. Характерным примером ям этого типа являются следующие комплексы.

Хозяйственная яма 4 раскопа 2. Была зафиксирована сразу под пахотным слоем по гумусно-глинистому заполнению с большой примесью золистых включений и древесных угольков. Заполнение ямы фиксировалось на фоне предматерика в виде аморфного пятна. Яма содержала большое количество вещественного материала, представленного в основном керамикой и костями животных. Нижняя её часть была углублена в материковый суглинок на 0,15 м. В целом дно указанной ямы находилось на уровне 0,65–0,7 м от современной поверхности.

Хозяйственная яма 2 раскопа 6. Четкий контур ямы в плане проследить не удалось в связи с небольшой глубиной (0,7 м) указанного комплекса и значительной толщиной предматерикового темного суглинка на данном участке. Судя по прослеженным на бровках границам, хоз. яма 2 имела овальную форму (1×1,5 м.) Находки представлены фрагментами керамики и колотыми костями животных. Дно ямы находилось на поверхности материковой глины.

Хозяйственная яма 3 раскопа 16. Пятно ямы фиксировалось под пахотным слоем по перемешанному светлому заполнению, насыщенному большим количеством древесных угольков, мелких кусочков печины, колотых костей животных и фрагментов керамики (рис. 150: 3; 152). Нижняя часть ямы, углубленная в материк, имела подпрямоугольную форму (2×1,1 м). Она была вытянута длинной

своей осью по линии запад – восток. Находки в ней представлены единичными костями животных. Дно находилось на уровне 0,97 м от современной поверхности.

Хозяйственная яма 4 раскопа 16 (рис. 150: 2; 153) имела овальную в плане форму (1,4×1,8 м) со стенками, которые слегка сужались в нижней ее части. Ориентирована была длинной своей осью по линии запад – восток. Дно находилось на уровне 0,95 м от современной поверхности. Яма имела черное заполнение с очень большой примесью золы мелких частичек печины и древесных угольков, насыщенное находками, которые равномерно встречались от верху до дна ямы. Основная часть их представлена фрагментами керамики, колотыми костями животных и кусками печины. Металлических предметов немного. Это два ножа и медная, разломанная на две части, копоушка, выполненная в виде фигурки дракона. Расположение указанной ямы рядом с комплексом 2, который представлял собой наземную печь, свидетельствует, что она являлась выгребной ямой, куда выбрасывался мусор из этой печи.

Хозяйственная яма 1 раскопа 18 (рис. 151: 1). Пятно ямы зафиксировано прямо под пахотным слоем раскопа благодаря его характерному светлому заполнению, насыщенному золой и мелкими угольками. Местами в заполнении содержались золистые линзы. Верхняя часть ямы была разрушена вспашкой. Заполнение было насыщено фрагментами керамики и колотыми костями животных. Большая часть находок группировалась в золистом слое в средней и нижней части ямы, на уровнях 0,32–0,46 м от современной поверхности. Дно ямы было чуть углубленное центральной частью в материк и находилось на глубине 0,5 м. В связи с небольшой глубиной ямы контуры ее на фоне слоя фиксировались нечетко. Судя по результатам зачистки бровок и плана, яма имела овальную в плане форму (1,8×1,3 м) и была вытянута длинной осью по линии север-юг.

Хозяйственная яма 5 раскопа 18 (рис. 151: 2). Была выявлена в южной части раскопа, в квадратах Б-2-3. Заполнение ямы фиксировалось под пахотным слоем, отличаясь от окружающего гумуса своим более темным цветом и примесью древесных угольков. Так как указанная яма не была врезана в материк, четкие ее контуры установить не удалось. Границы читаются по заполнению, насыщенному археологическим материалом: колотыми

костями животных и фрагментами керамики. На фоне предматерика в плане и на восточной бровке квадратов Б-2-3 яма читалась в виде аморфного темного пятна размером 1,2×1,3 м, которое было вытянуто длинной осью по линии север – юг. Дно находилось на уровне 0,6 м от современной поверхности и было чуть углублено в материк центральной своей частью.

Подводя итоги, следует сказать, что близкие типы ям находят параллели на памятниках различных периодов, в том числе и в материалах, относящихся к этнографической современности. Наиболее показательны в этом плане ямы с колоколовидным расширением в нижней части. Они широко известны начиная с эпохи бронзы. Часто встречаются ямы этого типа на памятниках раннего железного века и средневекового времени. Присутствуют они и на средневековых поселениях, оставленных, по мнению авторов публикации, кочевым населением Северного Приазовья (Гриб, Швецов, 2016а, с. 204). Исследования последних лет показали, что значительная часть этих памятников к кочевому населению отношения не имеет. На поселениях, расположенных на Азовском побережье, несомненно, проживало население оседлое, в пользу чего свидетельствует наличие стратиграфии между комплексами, характер жилых и хозяйственных сооружений, находки земледельческого инвентаря, а также следы ремесленной деятельности на некоторых из них (Кравченко, 2016 а, с. 209–210; 2018 а).

Ямы с колоколовидным расширением в нижней части в интересующий нас период широко распространены и на землях, заселенных славянами (Максимов, Петрашенко, 1988, с. 86). Известны они и на территории Украины, а также у греков Приазовья, где до недавнего времени использовались в качестве ям для хранения зерна¹⁷. Показательно, что в яме с колоколовидным расширением у дна, которая находилась в углу помещения 10, была выявлена зернотерка (Кравченко, 2003, с. 7). Г.Е. Афанасьев предполагал, что некоторые такие ямы могли использоваться в качестве водосборных (Афанасьев, 1987, с. 55). Это вполне вероятно для ям, вырубленных в меловом материке. В частности, на Сидорово в качестве водосборной могла использоваться яма, находящаяся в котловане помещения 9.

¹⁷ Любезное сообщение с.н.с. Донецкого республиканского краеведческого музея Л.А. Лыгановой.

Однако абсолютное большинство комплексов, вырытых в глине (даже в плотной), для такой роли вряд ли были пригодны.

По всей видимости, большинство ям 1 типа, изученных на археологическом комплексе у с. Сидорово, первоначально использовались именно в качестве ям для хранения зерна и припасов, и лишь после обвала стенок в них начинали сбрасывать мусор. По крайней мере, как зерновые могли использовать крупные ямы с колоколовидным расширением в нижней части. Более мелкие, в том числе ямы с коридорами-входами, имели другое назначение. Часть их была погребями для хранения продуктов. Комплексы типа хоз. ямы 9 р. 16 и, вероятно, хоз. яма 4 раскопа 2, наиболее вероятно, представляли собой санузлы, в пользу чего свидетельствует их характерное заполнение. Время функционирования комплексов указанного типа в качестве зернохранилищ и погребов, по всей видимости, было непродолжительным. В пользу этого свидетельствуют наблюдения за объектами раскопа 20, где были обнаружены хозяйственные ямы, которые располагались возле котлованов полуземлянки (помещение 25) и хозяйственной постройки (помещение 26). Три ямы, находящиеся к северу от жилой постройки, имели стратиграфию, что свидетельствовало о том, что они последовательно сменили друг друга. Группа из трех ям, которые также не были одновременными, находилась к востоку от неё. Одна из них была засыпана мусором только в нижней части, одна же имела земляное заполнение, что свидетельствовало о том, что данная яма стояла некоторое время открытой и была замята. Таким образом, расположение этих ям однозначно свидетельствовало в пользу того, что они входили в комплекс единой усадьбы и функционировали в период ее существования. Если учесть факт недолговечности полуземляночных жилищ с деревянными конструкциями, срок функционирования каждой из ям с колоколовидным расширением у дна также был ограни-

чен. Наиболее вероятно, он не превышал 2–3 года. Далее обвалившуюся яму превращали в сбросную.

Большинство ям 2-го типа (с прямыми стенками), по всей видимости, также использовалось в качестве погребов. В пользу этого свидетельствует наличие вытопанных входов, идущих к некоторым из них, присутствие над ними остатков наземных конструкций, а также нахождение на дне отдельных ям компактных групп костей животных, несущих на себе следы тепловой обработки. Собственно, использование их могло быть более широким, учитывая то, что в одном из таких комплексов было выявлено захоронение. Наиболее вероятно, в качестве погребов использовались и ямы 4 типа (прямоугольной формы). В одной из таких ям (хоз. яма 3 раскопа 10) были выявлены металлические предметы.

Не совсем ясно назначение глубоких ям (3 типа). Они могли использоваться и в качестве холодильников и для иных целей, вплоть до содержания в них заключенных. Так или иначе, после обвала стенок их также использовали для сброса мусора.

И, наконец, ямы 5 типа однозначно являлись выгребными. Говоря об их функциональном назначении, следует обратить внимание на несколько деталей. Во-первых, все они имеют произвольную в плане форму и небольшую глубину. Как правило, в материковую глину были углублены лишь немногие из них. Создается впечатление, что люди, сооружая ямы этого типа, не планировали создавать комплекс, который должен был существовать более или менее продолжительный промежуток времени. Во-вторых, заполнение всех этих ям, набитое золой, углями, фрагментами битых сосудов и колотыми костями животных, трудно охарактеризовать иначе, чем мусорное. Наиболее вероятно, часть ям 5 типа могла использоваться очень непродолжительный промежуток времени либо быть вообще одноразовыми.

§2.5. Культурные комплексы

В процессе раскопок была выявлена немногочисленная группа археологических комплексов, которые были связаны с отправлением населением памятника каких-то языческих обрядов. Основная часть их была зафиксирована при расчистке котлованов полуземляночных помещений и выбор-

ке хозяйственных ям. Некоторые комплексы несут достаточно четкую смысловую нагрузку, что позволяет связать их с конкретными обрядовыми действиями.

Один из них был выявлен при расчистке котлована *помещения 4*. Очаг, расположенный в центральной части котлована этой полу-

землянки, был перекрыт придонной частью большого груболепного пифоса, которая была сверху придавлена крупными кусками известняка, уложенными на дно сосуда (рис. 160). На дне и стенках пифоса прослеживался слой углисто-смолистой массы мощностью до 0,04–0,05 м. (рис. 161) Вне сомнений, сосуд был поставлен на очаг преднамеренно. В пользу такого вывода свидетельствует как его положение, так и расположение камней, сложенных на его дне. Создается впечатление, что в сосуде вначале что-то сожгли, а затем, перевернув, накрыли им очаг. Учитывая символику разбитого перевернутого сосуда (Пошивайло, 1993, с. 40, 257, 283, 307, 306, 309) и вылитого на очаг его содержимого (Пошивайло, 1993 с. 237), указанный объект можно отнести к разряду помещений со следами обрядовой деятельности, связанной с оставлением жилища. Горшок с кашей, сваренной на затопленной в последний раз печи старого, оставляемого дома, фигурирует в обрядах, связанных с переселением в новый дом у славянских народов. С той лишь разницей, что в описанном случае горшок переносится на новое место жительства, где каша доваривается (Байбурин, 1983, с. 113). Если же строительства нового дома не предвиделось (например, в случае оставления этой территории или если умер последний представитель рода), то вполне вероятно, обряд мог завершаться так, как было прослежено в рассматриваемом нами комплексе.

Еще один комплекс был зафиксирован в *помещении 6*. Здесь, у очага, была выявлена небольшая яма подтрапцевидной формы (0,2×0,3 м при глубине 0,25–0,27 м), перекрытая остатками размытого отопительного сооружения. Объяснить ее присутствие можно либо двумя этапами функционирования помещения: первоначально как хозяйственной постройки, кровля которой крепилась на трех столбах, а затем – как жилого помещения с односкатной крышей, либо тем, что яма у отопительного сооружения, не являясь столбовой, имела иное предназначение. Находок в заполнении этой ямы не было. Не зафиксировано в ней и следов древесных углей или разложившейся древесины, что свидетельствует против ее использования в качестве столбовой ямы. Вряд ли она служила для установки рогача, на котором крепился котел (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 235, рис. 4: 1). Против этого говорят как слишком большие ее размеры, так и отсутствие парной

ямки у противоположной стороны отопительного сооружения. По нашему мнению, ямка имела отношение к обрядам, связанным с почитанием домашнего очага. Подобные ямки у очага или под очагом зафиксированы этнографически. Так, на Северо-Восточном Кавказе существовал обычай, согласно которому в ямке под очагом зарывался послед новорожденного (Кобычев, 1982, с. 131).

Интерес представляет *находка в хоз. яме 9* раскопа 7 обломков грубо изготовленных *керамических фигурок*, вероятно, антропоморфных фигурок (рис. 172: 4). Фрагменты вместе с другим материалом лежали в слое золы и углей, что свидетельствовало о том, что указанная золистая линза представляет собой выброс из очага. Показательно наличие в нем обрезка рога с надписью, выполненной т. н. «кубанским» руническим письмом (Кравченко, 2005 а, с. 211–214). Близкие аналоги этим фрагментам фигурок происходят из хоз. ямы 22 на поселении Безыменное I (Северное Приазовье). Указанные находки В.К. Гриб относит к предметам, связанным с обрядовой практикой (Гриб, 2019, с. 166–168).

В ряде комплексов (в слое, заполнении котлованов построек, в хозяйственных ямах) были обнаружены *скопления астрагалов*. Одно из них было зафиксировано в заполнении помещения 5. Здесь была расчищена группа коровьих астрагалов в количестве 15 штук, залежавших компактной кучкой на скоплении древесных угольков, которое представляло остатки небольшого костерка, горевшего в воронке, образовавшейся над засыпанным котлованом (рис. 162). Смысловая нагрузка, которую несет данный комплекс, не совсем ясна. Наиболее вероятно, он был связан с какими-то обрядовыми действиями, производившимися в котловане заброшенной постройки.

Одна группа астрагалов была найдена в юго-западном секторе хоз. ямы 8 раскопа 7. Астрагалы (19 коровьих и 3 бараньих) лежали компактной кучкой у дна ямы в юго-западной ее части. Показательно, что в восточной части этой же ямы идет линза пережженной глины с горелыми костями и фрагментами керамики, несущими на себе следы воздействия огня. Несколько астрагалов имелось и в восточном секторе ямы. Три коровьих астрагала несут на себе изображение. На одном – это тамгообразная фигура, вырезанная на щитке острым инструментом (рис. 199: 19). На другом – продольную часть щитка пере-

секает полоса "елочки", заключенной между двумя линиями (рис. 199: 12). Третий астрагал на боковой поверхности несет изображение прочерченной П-образной фигуры (рис. 199: 13). Маленький астрагал имеет на щитке процарапанное изображение креста (рис. 199: 3).

Еще одно скопление астрагалов было обнаружено в кв. О-1 раскопа 9. Коровьи астрагалы лежали компактной кучкой в культурном слое раскопа на уровне 0,38–0,5 м от современной поверхности. Вероятно, первоначально они находились в неглубокой ямке. Состояние костей плохое, как и прочего остеологического материала на этом участке раскопа. Общее сходство указанного комплекса с группами коровьих астрагалов, найденных в заполнении помещения 6 (2001 г.) и в хоз. ямах раскопа 7 (2002 г.), позволяет отнести этот комплекс к раннесредневековому времени.

Скопление коровьих астрагалов зафиксировано и в хоз. яме 9, входившей в комплекс хозяйственного помещения 14. Оно также находилось в нижней части золистого заполнения ямы. Три из них имеют на щитках процарапанные знаки.

Астрагалы представляют достаточно интересную категорию находок. Они выступали в роли фишек в игре, которая дожила до этнографической современности, а также использовались в ритуальных целях и для гадания (Кейпер, 1986, с. 98–99; Нахапетян, 1989; Флерова, 1997, с. 55–56, 59; 2001 а, с. 108–111). Использование астрагалов в сакральной сфере фиксируется с эпохи бронзы (Цимидапов, 2001; Усачук, Панасюк, 2014). Они являются достаточно частой находкой в курганных захоронениях катакомбной, срубной и иных культур, бытовавших в бронзовом веке на территории степей Восточной Европы. Достаточно часто их скопления встречаются на средневековых памятниках. Такие находки известны в Подонье (Артамонова, 1963, с. 72, 97–99, 108, 112, 113), Волжской Болгарии

(Давлетшин, 1990, с. 34) и на иных территориях. Связка бараньих астрагалов (шалтырак) вместе с пуповиной привязывалась к колыбели с целью укрепить скелет ребенка (Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 60). У тувинцев считалось, что бараньи астрагалы приносят счастье и способствует размножению скота. С целью содействия этому бараньи астрагалы закапывали в загонах для овец (Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 68). Набор астрагалов был встречен в составе поминального комплекса, найденного на городище у с. Маяки в среднем течении Северского Донца, где они находились внутри медного котла вместе с амулетами, обломком сосуда из белого металла и прочими вещами. В наборе содержалось 35 астрагалов, причем четыре предмета имели на щитках прочерченное изображение (Кравченко, Шамрай, 2014, с. 184). В свете вышесказанного находки скопленных астрагалов на археологическом комплексе у с. Сидорово представляются явлением, связанным с языческими верованиями, бытовавшими у какой-то части его жителей.

Приведенные материалы свидетельствуют, что на жилой части поселения присутствуют следы исполнения его населением всевозможных обрядовых действий. Среди них мы наблюдаем обряды, связанные с оставлением жилища, почитанием очага, вполне вероятны ритуальные захоронения. Вне сомнений, что эти действия не имели никакого отношения к нормам мусульманской или христианской обрядности. К этому необходимо добавить факт присутствия на данном поселении языческих амулетов (Михеев, 1985, рис. 17, 14; Кравченко, 2012 б, с. 15, рис. 5А; Кравченко, Спинов, 2013, с. 42, рис. 6) и языческого могильника. Все это свидетельствует в пользу того, что население рассматриваемого нами населенного пункта было пестрым в плане своего мировоззрения (при главенстве мусульманской общины, которая была наиболее крупной и влиятельной).

ГЛАВА 3. РЕМЕСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ПРЕДМЕТЫ ТОРГОВЛИ

В процессе исследований археологического комплекса у с. Сидорово было выявлено большое количество разнообразного вещевого материала. Среди находок керамика, монеты, предметы из камня, кости, рога, стекла, черных и цветных металлов. Указанные предметы характеризуют жизнь и хозяйственную деятельность проживавшего на памятнике населения и позволяют сопоставить полученные сведения с материалами иных

синхронных памятников, расположенных на смежных территориях. Отдельные категории (керамика, монеты, предметы импорта) дают возможность проследить направление торговых и культурных связей жителей рассматриваемого нами региона. Как и на всех прочих памятниках салтово-маяцкой культуры, наиболее массовой и многочисленной категорией вещественного материала является керамика.

§3.1. Керамический комплекс памятника

Керамика археологического комплекса у с. Сидорово достаточно разнообразна. Она делится на две крупные группы: керамику местного изготовления и привозную посуду.

Керамика местного изготовления

Наиболее многочисленная группа керамических изделий, составляющая до 65% от общего количества находок. В ней присутствует как лепная, так и гончарная посуда, которая в количественном отношении абсолютно преобладает.

Лепная посуда

В керамическом комплексе рассматриваемого нами поселения лепная посуда не отличается типологическим разнообразием. Подавляющая ее часть представлена обломками груболепных пифосов и жаровен.

Фрагменты груболепных пифосов встречаются практически во всех комплексах и относятся к числу распространенных находок. При большом количестве обломков сосудов данного типа полностью реконструировать удалось только один (помещение 15) (рис. 169: 1). Последнее объясняется тем, что эти сосуды были очень хрупкими, что связано как с характерным тестом, из которого они изготавливались, так и со слабым (скорее всего, костровым) обжигом. Тесто сосудов содержит большую примесь крупнозернистого шамота. Судя по сохранившимся частям, большинство пифосов имело орнаментацию, которая иногда покрывала всю их поверхность. Обычным украшением этих сосудов было сплошное или зональное рифление, нанесенное крупнозубчатым гребенчатым штампом. Иногда их корпус украшали параллельными или косыми рядами вертикальных или горизонтальных линий, которые образовывали сетку, покрывающую всю поверх-

ность сосуда (рис. 169: 1–5, 7–8). В заполнении помещения 3 был зафиксирован венчик груболепного пифоса, на котором, кроме прочерченного орнамента, присутствовали выпуклые кольцевые налесты на плечиках (рис. 169: 8). Венчики пифосов обычно украшались косыми насечками или пальцевыми вдавлениями (рис. 169: 1–3, 5).

Сосуды указанного типа служили для хранения припасов. Зачастую они устанавливались стационарно в жилище (Шрамко, 1962, с. 275; Красильникова, 2001, с. 325). Об использовании их в качестве элементов интерьера свидетельствует тот факт, что на внешней поверхности большинства фрагментов пифосов имеются следы побелки, зачастую многократной. Вероятно, часть этих сосудов вкапывалась и за пределами жилых сооружений, возможно, в пределах каких-то наземных построек. Выше указывалось, что в 70-х гг. XX в. группа из 5 вкопанных вертикально, в ряд, сосудов этого типа была выявлена на территории хозяйственного двора колхоза «Украина».

Кроме прямого назначения (в качестве тары), зафиксированы случаи употребления этих сосудов или их частей в качестве строительного материала. В частности, они использовались при сооружении печей (рис. 116: 5; 122, 125, 130). В помещении 13 верхняя часть печи-каменки была перекрыта крупным фрагментом стенки пифоса, который образовывал плиту (рис. 122). В конструкции печи помещения 11 широко применялись фрагменты груболепных пифосов, а печь помещения 17 была полностью сооружена из обломков этих сосудов (рис. 130). В помещении 15 в качестве отопительного сооружения был использован целый пифос, вкопанный под углом

в северную стену котлована жилища (рис. 125). Крупные куски пифосов применялись для сооружения коптилен (рис. 155), санузлов (рис. 156–158), наземных отопительных сооружений, которые были выявлены в раскопах 16 и 20 (рис. 159). Обломки стенок этих сосудов использовались при строительстве всевозможных отмопок.

Жаровни встречаются реже. Вероятно, они являлись переносными отопительными сооружениями, которые использовались в постройках наряду со стационарным очагом или печью. Похожие предметы описаны В.И. Козловым на памятниках балкано-дунайской культуры в междуречье Днепра и Дуная. По мнению исследователя, жаровни служили «дополнением к печам-каменкам». Он указывает на факт находки жаровни в жилище 5 на поселении Этулия VII, где она была выявлена в районе развала печи. Реконструированные размеры данной жаровни составляли 60×80 см при толщине 4 см и высоте бортиков 5–6 см (Козлов, 2015, с. 110). Судя по сохранившимся фрагментам, жаровни Сидоровского комплекса имели близкие размеры. Целых жаровен на памятнике обнаружено не было, что связано с хрупкостью этих изделий.

Жаровни изготавливались в домашних условиях, отличаясь от пифосов пористым тестом с большим содержанием органики (травы или соломы). Как правило, черепок этих сосудов, даже прокаленный до желтого или красного цвета, был непрочным, рыхлым и мажущимся. Судя по сохранившимся остаткам, жаровни представляли собой какое-то подобие сковороды овальной или прямоугольной формы с невысоким, иногда чуть наклонным внутрь венчиком (рис. 174: 7–8).

Большинство их, по всей видимости, обжигалось уже в процессе использования. Крупный фрагмент жаровни (высушенной, но не обожженной) был выявлен в заполнении хоз. ямы 3 раскопа 18 (рис. 170: 5). Обломки жаровен, наряду с фрагментами пифосов, использовались в качестве строительного материала при сооружении печей и отмопок.

Крышки. Еще одной категорией находок на памятнике являются крышки, среди которых встречаются как грубо вылепленные вручную предметы (рис. 171: 3), так и качественные изделия, изготовленные при помощи гончарного круга. Основная часть их представлена фрагментами крышек с пестовидными ручками. Из этой серии резко выделяется одна находка.

Это крышка, изготовленная при помощи гончарного круга, которая была зафиксирована в заполнении котлована помещения 16 (рис. 170: 3). Она была сформована из хорошо отмученного светло-серого керамического теста, близкого по виду тесту крупных лощеных кувшинов. Крышка имеет очень толстые стенки и маленькую вертикальную ручку. Обжиг качественный, сквозной. Прямых аналогов ей автору найти не удалось. На рассматриваемом памятнике крышка указанного типа также была встречена в единственном экземпляре. По форме предмет имеет отдаленное сходство с поздними крышками из «русского» слоя Саркела (Плетнева, 1959, рис. 14, 17), отличаясь от них большой толщиной стенок и характерным (черным, матовым) цветом внешней поверхности изделия.

В целом находки крышек немногочисленны. Крышки и ручки от них встречены в подъемном материале на городище (рис. 170: 1–2; 171: 1–2, 6–7), в заполнении комплексов, выявленных в раскопах 2 и 3 (рис. 171: 3), 6, 7, 16 (рис. 170: 4; 171: 4, 9). Необоженные ручки найдены в заполнении горна 2 (рис. 197: 8) вместе с глиняными вальками (рис. 171: 5), из которых они, вероятно, изготавливались, что свидетельствует в пользу местного их производства (Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 21: 6). Некоторые крышки (рис. 171: 7) имеют черный цвет, что связано с тем, что при обжиге в горн бросались смолистые вещества. Т. е. использовалась технология, применяемая при изготовлении сероглиняной столовой керамики. При всем этом полностью покрытых лощением крышек выявлено не было. Только на ручках некоторых из них при помощи лощения был нанесен орнамент в виде поперечных полос. Ручки у крышек встречены двух видов: цельные и с каналом внутри, который, скорее всего, предназначался для вывода пара или вентиляции закрытого крышкой сосуда. Поверхность крышек орнаментировалась кольцевыми поясками параллельных линий, нанесенных гребенчатым штампом при вращении предмета, пальцевыми вдавлениями по краю, радиально расходящимися от центра косыми насечками. На некоторых крышках орнаментация отсутствует. В целом же крышки на памятниках салтово-маяцкой культуры представлены другой разновидностью и встречаются редко (Плетнева, 1959, с. 230, рис. 14, 15–20). Исключением является ручка крышки рассматриваемого нами типа,

найденная среди керамики Саркела (Хлебникова, 1984, с. 95).

Светильники. К достаточно редким находкам относятся светильники. Обломки лепных плоских, крышек или светильников (из-за небольшого размера фрагментов их форму точно определить затруднительно) были выявлены в заполнении хоз. ямы 9 раскопа 7, относящейся к позднему периоду истории памятника. Венчик такого же светильника был найден в заполнении помещения 20, которое, судя по стратиграфии, относилось к раннему пласту построек (рис. 172: 3). По своему виду эти фрагменты несколько напоминают обломки лепных светильников из Саркела (Плетнева, 1959, рис. 7, 8, 9). Известны светильники близкого типа и в среднем течении Северского Донца. Их находки описаны у К.И. Красильникова (Красильников, 1999, с. 176, рис. 10: 1–5). К какому из подтипов (А или Б), предлагаемых автором публикации, относились сидоровские находки, установить проблематично, т. к. в нашем случае все эти находки представлены фрагментами изделий.

Особо интересен крупный фрагмент светильника, обнаруженный в хоз. яме 7 раскопа 7 (рис. 172: 1). Светильник имел форму блюдца с высокими, наклоненными наружу бортами. На одной из его сторон был сформирован носик, обожженный в процессе использования. Предмет изготовлен на гончарном круге с малыми оборотами. Поверхность грубо заглажена. В тесте значительная примесь мелкого шамота (то есть керамическое тесто данного сосуда не совсем характерно для основной части керамики, встреченной на данном памятнике). Снаружи на боках в нижней части сосуда видны следы ножа, при помощи которого выравнивались стенки предмета. Подобные сосуды (но без носика; либо носик мог находиться на несохранившейся части) присутствуют на поселениях Луганщины (Krasilnikov, 1990, Taff. 13, 3, 5). В работе К.И. Красильникова они фигурируют под наименованием «Shalen» «блюдца?» (Krasilnikov, 1990, p. 205–206, Taff. 13).

Кроме этого, в заполнении столбовой ямы помещения 5 был выявлен фрагмент интересного гончарного сосуда, который имел высокий поддон или состоял из двух частей, разделенных между собой перемышкой. Внешняя поверхность предмета была лощеной и имела рифление, выполненное крупнозубчатым штампом (рис. 172: 2). Небольшой его размер

не позволяет определить, как выглядел предмет изначально.

Котлы с внутренними ушками характерны для памятников степной зоны, где они составляют значительный процент археологического материала. Встречаются котлы и на поселениях в среднем течении Северского Донца (Krasilnikov, 1991, p. 215–217, Taf. 25–26). На городищах, расположенных на этой территории, они попадаются реже (Михеев, 1985, с. 15). Котлы археологического комплекса у с. Сидорово представлены как лепными, так и гончарными сосудами. Вообще в сидоровских материалах данная категория керамики выглядит скромно. Во время раскопок было найдено всего 6 фрагментов венчиков сосудов этого типа. Обломки лепных котлов были зафиксированы: в заполнении хоз. ямы 2 раскопа 1 (рис. 173: 1), в хоз. ямах 9 и 12 раскопа 2 (рис. 173: 2–3), помещениях 3 и 26 (рис. 173: 6).

В заполнении хоз. ямы 8 раскопа 16 был обнаружен фрагмент котла, изготовленного при помощи гончарного круга (рис. 173: 5). Кроме этого, ушко котла было обнаружено в подъемном материале (рис. 173: 4). Обращает внимание находка в подъемном материале на памятнике плоской пластинчатой ручки, вероятно, тоже от какого-то котлообразного сосуда (рис. 173: 7). Она имеет сходство с ручками котлов, происходящих с территории Волжской Болгарии (Кокорина, 2002, рис. 56: 1–6), однако не идентична им. Вполне вероятно, что эта ручка относится к более позднему периоду и, наряду с иными материалами золотоордынского времени, попала на поселение случайно. В большинстве комплексов, где присутствовали фрагменты котлов, были встречены крышки с пестовидными ручками и кувшины с плоскими ручками, которые датируются достаточно поздним временем в рамках салтово-маяцкой культуры. Этот факт может свидетельствовать в пользу того, что находки котлов с внутренними ушками на археологическом комплексе у с. Сидорово также относятся к позднему этапу истории данного памятника.

Горшки. Обломки лепных горшков представлены единичными фрагментами (рис. 174: 1–5). По своему виду и составу керамического теста они близки сосудам, встреченным на степных памятниках (Кравченко, 2013, с. 286). Форма их разнообразна. Так, в помещении 3 встречен фрагмент верхней части лепного сосуда с прямым, отогнутым под небольшим

углом высоким венчиком и выпуклыми, чуть ли не заостренными плечиками (рис. 174: 1). Лепной сосуд из верхнего слоя раскопа 3 (рис. 174: 3) по своей форме и орнаментации копирует гончарные горшки салтово-маяцкой культуры. Венчик лепного горшка был встречен в заполнении помещения 22 (рис. 174: 4).

Оригинален небольшой горшочек, фрагменты которого были встречены в заполнении хоз. ямы 2, расчищенной в 1998 г. на участке между раскопами 2 и 5, 7. Судя по сохранившейся части, его корпус имел шарообразную форму с резко отогнутым наружу невысоким прямым венчиком, срез которого был украшен косыми насечками (рис. 174: 5). В котловане помещении 26 (раскоп 20) был обнаружен полный профиль маленького толстостенного горшочка (рис. 174: 6). Судя по всему, он был изготовлен вручную и впоследствии подправлен на гончарном круге. Целый лепной горшок, орнаментированный пальцевыми вдавлениями по краю венчика, (рис. 105: 8) был найден в погребении 4 могильника 4. Указанный сосуд типологически близок горшкам, которые встречаются на грунтовых могильниках салтово-маяцкой культуры как в степной зоне, так и в лесостепи (Аксенов, 2017 а, рис. 6, 5; 9, 15, 13, 2; Винников, Сарапулкин, 2008, с. 30, рис. 40: 7). Известны близкие формы и на территории Волжской Болгарии (Геннинг, Халиков, 1964, табл. VIII, 8–9).

Вотивные сосудики. Особняком стоит небольшая группа (10 экз.) маленьких лепных сосудиков (рис. 175). Эти предметы, достаточно разнообразные по своей профилировке, были обнаружены в раскопах 1, 2, 5, 7, 14, 16 (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 243; рис. 11: 1–6). Среди них встречаются формы с орнаментом, подражающим салтовским горшкам с полосчатым рифлением по корпусу (рис. 175: 6). На днище одного малого горшочка, обнаруженного на археологическом комплексе у с. Сидорово, присутствует клеймо (рис. 183: 19), идентичное клеймам, встречаемым на гончарных горшках. Последнее говорит в пользу того, что лепные маленькие сосудики могли производиться специалистами-гончарами, и то, что их делали от руки, по нашему мнению, свидетельствует, что подобная посуда просто не нуждалась в гончарной обработке. Большинство же предметов (рис. 175: 1–3, 4–5, 7, 9) имеет сходство с миниатюрными сосудиками, встречаемыми на поселениях пеньковской культуры рассматриваемого нами региона, где они являются достаточно частой находкой

(Приходнюк, Швецов, 1989). Представлены они и в керамике салтово-маяцкой культуры среднего течения р. Северский Донец.

Функциональное назначение указанных предметов не совсем ясно. К.И. Красильников считал их детскими игрушками и относил к типу VI керамики, вылепленной от руки (Krasilnikov, 1990, S. 197–198, Taf. 1, 2–3, 5, 7). Вполне возможно, они являлись стопками или солонками. Обращает на себя внимание то, что практически все целые формы и крупные обломки были выявлены при расчистке хозяйственных ям и достаточно редко встречаются в котлованах помещений. Как правило, целые сосудики залежали в золистых прослойках, среди прочего материала, представленного горелыми предметами, колотыми костями животных, фрагментами посуды. Вполне вероятно, что описанные выше сосуды могли использоваться как вотивы и иметь отношение к каким-то обрядовым действиям. В пользу этого свидетельствует факт наличия в этих же ямах скоплений астрагалов, обрезка рога с рунической надписью, обломков керамических фигурок.

Гончарная посуда

Составляет основную часть керамического комплекса. Выделяется несколько групп гончарной керамики: кухонная, столовая и тарная.

Кухонная керамика

Достаточно многочисленна. В различных комплексах количество ее варьирует от 30 до 60% от общего количества выявленных фрагментов. Так или иначе, кухонная посуда составляет не менее 50% материалов, выявленных в процессе раскопок археологического комплекса у с. Сидорово.

Горшки. Большая ее часть представлена горшками. Гончарные кухонные горшки разнообразны и отличаются друг от друга размерами, профилировкой, орнаментацией и составом теста.

Большинство горшков изготовлено из хорошо вымешанного теста. Среди примесей доминирует мелкозернистый речной песок. Благодаря этому стенки сосудов достаточно качественно обработаны, гладкие и имеют малую толщину, достигающую 0,4–0,6 см. Среди крупных примесей в тесте зафиксированы шамот, крупнозернистый песок, реже кусочки толченого известняка или мела. Фрагменты с такими примесями составляют ничтожно малый процент среди кухонной посуды Сидоровского комплекса. Так, примесь

шамота, характерная для кухонной керамики лесостепных памятников, встречается очень редко (Плетнева, 1989, с. 139; Винников, Плетнева, 1998, с. 152). Добавка дресвы замечена в тесте всего нескольких фрагментов. Один из них, выявленный в помещении 21 (рис. 181: 10), либо является верхней частью миски, либо представляет собой фрагмент широко открытого горшка, близкого по профилировке древнерусским гончарным сосудам этого же периода (Максимов, Петрашенко, 1988, рис. 10: 2; 26: 2). Небольшое количество фрагментов содержит в тесте примесь мела или толченого известняка.

Среди горшков Сидоровского комплекса присутствуют сосуды с овальным удлинённым корпусом, характерные для лесостепных регионов (рис. 176: 3; 177: 1–3, 6; 180: 2–3, 18; 181: 1–3, 6, 13–14; 182: 7). Обычно сосуды этого типа представлены горшками крупного или среднего размера.

Крупные горшки представляют собой сосуды высотой более 20 см (у ряда экземпляров до 28–30 см.) при диаметре в месте наибольшего расширения сосуда более 25 см. Собственно, наличие крупных относительно тонкостенных горшков является чертой, отличающей керамику археологического комплекса у с. Сидорово от материалов окрестных поселений, где такие сосуды встречаются редко. На археологическом комплексе у с. Сидорово горшки крупных размеров представлены большим количеством находок. Практически все они изготовлены из хорошо вымешанного теста с примесью мелкозернистого песка. Толстостенные сосуды с примесью шамота в тесте (рис. 180: 2–3) единичны.

Обычной орнаментацией горшков этого типа (как и прочих горшков) является полосчатое рифление, выполненное гребенчатым штампом, которое покрывает большую часть поверхности сосудов, от плечиков до нижней части корпуса (рис. 176: 2–3, 6; 177: 2; 178: 1–4, 6; 179: 1–5; 180: 1–4; 181: 1–6). Иногда оно бывает зональным, т. е. чередуются орнаментированные и неорнаментированные участки (рис. 176: 3; 177: 2; 178: 2–3; 180: 3–4; 181: 8). Крайне редко в качестве дополнительного элемента орнаментации корпус крупных горшков бывает украшен вертикальными или наклонными линиями, идущими поверх рифления (рис. 180: 3). Этот вид орнамента чаще присутствует на сосудах с грубыми примесями. Иногда, наряду с полосчатым рифлением, в верхней части плечиков

сосуда имеется многоядная волнистая линия (рис. 176: 9; 179: 1; 181: 2; 182: 7), образующая наклонную или прямостоящую «волну».

Венчик крупных горшков обычно плавно отогнут наружу, что придает ему характерный S-видный профиль. Тем не менее изредка встречаются горшки с практически прямым венчиком, отогнутым под более или менее значительным углом (рис. 178: 5–6; 179: 2, 5; 180: 3; 181: 2). Край венчика крупных горшков обычно гладкий (рис. 176: 2–3, 5–6; 177: 2, 6; 178: 1–3, 5–6; 179: 5–6; 180: 1; 181: 2–6). Изредка он украшался как край венчика корчаг: пальцевыми вдавлениями (рис. 177: 10; 179: 1–4; 181: 1; 182: 6–7), косыми насечками или оттисками косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 180: 2–4).

Горшки среднего размера представляют наиболее многочисленную категорию материала (рис. 176: 17; рис. 177: 35; рис. 178: 19, 26; рис. 179: 8, 10, 15–16, 28–29; рис. 180: 37–39). Это сосуды высотой до 20 см при диаметре в месте наибольшего расширения менее 25 см.

Основная часть их выполнена из теста с примесью мелкозернистого песка. Тем не менее именно в тесте горшков среднего размера изредка встречается примесь толченого известняка, мела или камня, напоминающего дресвяные примеси. Обработка внешней поверхности сосуда обычно качественная. Горшки средних размеров разнообразны по своим пропорциям. Большинство этих сосудов имеют приземистые очертания: высота их обычно равна или меньше, чем диаметр в месте наибольшего расширения горшка. Корпус таких сосудов достаточно резко сужается к относительно небольшому дну (рис. 176: 17; 178: 19; 179: 8; 180: 7–8, 10; 181: 11, 14). Тем не менее, наряду с этими горшками, характерными для степных территорий, встречаются и вытянутые, яйцеобразные горшки (рис. 176: 3–4; 178: 15; 179: 16, 28; 180: 18, 37, 39), близкие сосудам, происходящим с территории лесостепи. У некоторых горшков присутствует относительно высокая, четко различимая шейка (рис. 176: 4; 177: 9, 13–15; 178: 15; 179: 10, 15; 180: 7). Как правило, в этом случае сосуд имеет классический S-видный профиль. У ряда горшков шейка более низкая или почти незаметная (рис. 177: 11; 178: 19; 179: 14; 180: 15). У некоторых форм она практически полностью отсутствует и резко отогнутый наружу венчик сразу переходит в корпус сосуда (рис. 177: 21, 32; 178: 12–13; 179: 12, 19–20; 180: 9, 23; 181: 16). Дно

сосудов обычно узкое по отношению к горловине (рис. 176: 1, 16–17; 178: 15, 19, 26; 179: 8; 180: 7–8; 181: 10, 13–14). Тем не менее в коллекции Сидоровского комплекса иногда встречаются сосуды с более широким днищем (рис. 177: 13; 178: 19, 26; 181: 7). Выше указывалось, что большинство горшков имеет плавный изгиб профиля. При этом встречаются горшки с резкой профилировкой (рис. 176: 11; 177: 20, 22, 26; 180: 25). Обычно в этом случае на плечиках присутствует слабо выраженное сглаженное ребро, а венчик иногда достаточно круто отогнут наружу или завершается мощным валиком. Как правило, у этих горшков наблюдается тенденция к усложненной профилировке венчика, край которого имеет тенденцию загибаться назад (рис. 177: 37; 178: 7, 10, 13; 180: 11, 14–15; 181: 14). У некоторых сосудов на внешней стороне венчика намечается формирование слабо выраженного манжета (рис. 177: 21; 178: 7; 180: 15, 20, 29). На днищах таких горшков иногда присутствует слабовыраженный кольцевидный уплощенный выступ (рис. 182: 27). Нам представляется, что описанный выше тип сосудов относится к позднему периоду истории археологического комплекса, что в общем подтверждается фактом находок горшков с резкой профилировкой верхней части в ямах и котлованах построек вместе с фрагментами крышек с пестовидными ручками и кувшинов с плоскими ручками. В частности, эти типы посуды были хорошо представлены в заполнении котлована помещения 3 и в ямах горнов гончарной мастерской, раскопанной на памятнике.

Обычной орнаментацией кухонных горшков среднего размера является полосчатое рифление по корпусу (часто зональное), иногда дополненное многорядной волнистой линией на плечиках (рис. 176: 1, 17–21; 178: 19; 179: 7–8, 10; 180: 6–17; 181: 11–19; 182: 2–3, 5–6). Тем не менее орнаментация их более разнообразна, чем у крупных горшков. У ряда сосудов поверх линейной орнаментации нанесены волнистые или дугообразные линии (рис. 179: 18; 180: 16). Обращает внимание присутствие в комплексе фрагмента горшка, орнаментированного сглаженной «растянутой» волнистой линией на плечиках (рис. 180: 34). Близкую орнаментацию мы видим на сосуде из Прикубанья (Тарабанов, 1997, с. 77, рис. 2, 9). Собственно, однорядная волнистая линия поверх полосчатого рифления часто встречается и в керамике балкано-

дунайской культуры (Kozlov, 1990, p. 181; Taf. 4, 5, 10–11), а также на сосудах Таманского городища (Плетнева, 1963, с. 23–24, рис. 12: 9, 12). Указанные детали орнаментации, по нашему мнению, также характерны для поздних сосудов. Изредка на плечиках горшков фиксируется орнамент из соединенных между собой дуг (рис. 178: 19; 180: 28; 182: 5). Иногда многорядной волнистой линией или оттисками гребенчатого штампа украшалась внутренняя сторона венчика венчиков или их срез (рис. 177: 21; 179: 18–20; 180: 26). При всем этом данный тип орнаментации венчика на рассматриваемом нами памятнике встречается относительно редко.

Некоторые горшки имеют на плечиках и шейке небрежно нанесенные дугообразные черточки, напоминающие орнаментальные «запьяты» древнерусской керамики (рис. 177: 26; 181: 5). Нерегулярность их расположения свидетельствует, что в данном случае они вряд ли имели орнаментальную функцию, а скорее всего, образовывались во время проверки ровности стенок горшка или его расположения относительно центра круга.

Высота горшков малого размера составляет менее 15 см при диаметре до 20 см в месте наибольшего расширения корпуса. Самые малые формы имеют высоту до 10 см. Большинство этих сосудов имеет укороченный корпус, который приближает форму их к шарообразной (рис. 176: 17; 177: 35; 178: 26; 180: 37, 39). Тесто с примесью мелкого песка позволяло делать их стенки достаточно тонкими. Тем не менее толщина стенок большинства горшочков не отличается от горшков крупных размеров. Показательно, что ряд таких горшков имеет венчик усложненной формы, а также ребра при переходе плечиков в корпус сосуда. Иногда срез венчика сосуда украшался косыми оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 177: 33; 178: 25).

Орнаментация малых горшков отличается разнообразием. Наряду с обычным рифлением (рис. 180: 37–39) в сочетании с многорядной волнистой линией (рис. 177: 33–35) встречаются вертикальные оттиски крупнозубчатого штампа (рис. 178: 24, 32). На некоторых горшочках присутствует лощение (рис. 177: 35–36; 178: 24, 32). Изредка на плечиках встречается орнамент из параллельных рядов наколов, нанесенных косо поставленным мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 177: 24–25, 39; 178: 17, 21, 33; 179: 24). Тот факт, что в заполнении горна 2 имеется необо-

жженный фрагмент такого сосуда, а также то, что большинство таких горшочков было встречено в окрестностях гончарной мастерской, позволяет предположить, что все они изготавливались на месте и относятся к позднему этапу истории памятника. Среди мелких форм есть группа шарообразных горшочков со слегка отогнутым наружу толстым прямым венчиком и широким дном. Орнаментированы они полосчатым рифлением, иногда в сочетании с волнистой линией (рис. 177: 35–36). Фрагменты их встречены как в обожженном, так и в необожженном виде в ряде комплексов раскопа 2. Близкий по форме и характеру орнаментации сосуд был обнаружен в погр. 5 могильника на юго-восточной окраине Фанагорийского городища. От описанных горшков с. Сидорова он отличается лишь несколько большими размерами и наличием в тесте толченой раковины. А.Г. Атавин относил его к VIII–IX вв., указывая на принадлежность данного сосуда к «южному варианту болгарской кухонной посуды» (Атавин, 1986, с. 262, рис. 2: 2). В двух случаях малые горшки имели ручку, расположенную в верхней части сосуда (рис. 177: 30). Небольшие их размеры свидетельствуют об использовании их в качестве кружек.

Описание горшков, происходящих с археологического комплекса у с. Сидорова, вероятно, будет неполным, если не указать на присутствие на данном памятнике схожих с ними по форме и орнаментации тарных сосудов – корчаг.

Корчаги – крупные горшкообразные сосуды S-видного профиля (рис. 182). Они имеют то же тесто, что и горшки, с той разницей, что в нем чаще встречаются крупные примеси (крупнозернистый песок). Корпус сосудов шершавый. Фактически корчаги этого типа по своему внешнему виду напоминают крупные кухонные горшки. Орнаментация их также имеет близкий облик: корпус сосудов по всей поверхности украшен рифлением, иногда зональным; на плечиках, реже – на плечиках и в центральной части корпуса, на них присутствует многорядная волнистая линия (рис. 182: 3). Венчики горшкообразных корчаг достаточно часто украшались пальцевыми защепами (рис. 182: 2), оттисками гребенчатого штампа или косыми насечками (рис. 182: 1), реже – многорядной волнистой линией, идущей по срезу. Изредка встречаются корчаги с обыкновленным валикообразным венчиком, лишенным дополнительной орна-

ментации (рис. 182: 3). Основным отличием горшкообразных корчаг от горшков является большая толщина их стенок (до 1 см) и крупные размеры. Фактически этот вид сосудов представляет собой крупноразмерные горшки, которые в отличие от сосудов меньшего размера употреблялись не для приготовления пищи, а использовались в качестве тарных сосудов. Имеются промежуточные формы, которые, вероятно, также использовались как тара (рис. 183: 4, 7).

Клейма на днищах сосудов на жилой части поселения встречаются достаточно редко. Они однообразны в типологическом плане. Большинство их представлено простыми фигурами: крест, крест в круге, крест в двойном круге (рис. 183: А–Г), триквестр (рис. 183: Д). Тем не менее встречаются и более сложные типы, находящие параллели как на территории степи, так и в лесостепной зоне. Одно из клейм, выявленное в заполнении хоз. ямы 3 раскопа 1 (рис. 183: 29), аналогично клейму из материалов лесостепного Роганинского комплекса, относящегося ко 2-й пол. IX – X вв. (Колода, 2001, с. 225, рис. 4, 8). Такие же клейма известны и на керамике балкано-дунайской культуры (Kozlov, 1990, Taf. 1, 2). Один из сосудов (хоз. яма 2 1998 г.) по своему тесту (с примесью крупного песка), профилировке и характерной орнаментации находит параллели среди горшков, происходящих с поселений Приазовья и памятников Донецкого Кряжа (Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 15: 3).

Кроме этого, среди кухонной керамики присутствуют единичные фрагменты тонкостенных прекрасно обожженных горшков, сделанных из сильно запесчаненного теста, поверхность которых обычно лишена орнаментации. Они встречены в ряде комплексов (помещение 3, хоз. яма 4 раскопа 2, хоз. яма 17 раскопа 2) и культурном слое памятника. В котловане помещения 3 вместе с прочей керамикой обнаружен фрагмент венчика такого сосуда (рис. 177: 15), по профилировке находящий близкие формы среди поздней керамики Таманского городища (Плетнева, 1963, рис. 15). Указанные сосуды по своему виду, характеру теста и обжига имеют сходство с керамикой, встречающейся на памятниках хазарского времени в Крыму.

В целом кухонная керамика Сидоровского городища находит параллели в керамическом комплексе Таманского городища (Плетнева, 1963, с. 20–24, рис. 11, 12) и Саркела – Белой

Вежи (Плетнева, 1959, рис. 9), т. е. на памятниках, относящихся к позднему периоду существования салтово-маяцкой культуры. Близкие формы, которые К.И. Красильников относит к нижнедонским материалам, имеются и на территории Луганщины (Красильников, 1976, рис. 3; Красильников, 1999, с. 177, мал. 6, 7, 8).

Столовая керамика местного изготовления

Составляет не менее 13–15% от общего количества сосудов. Типологически группа эта чрезвычайно разнообразна. В ней присутствуют несколько типов сероглиняных кувшинов, кружки, кубышки (с ручками или без ручек), горшки с петлевидными ручками и т. д. Форма и орнаментация их обычны для керамических комплексов салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989, рис. 68–76, Михеев, 1985, рис. 13, 15 и др.), однако есть и редко встречающиеся типы. Как правило, все эти сосуды обжигались с применением всевозможных смолистых веществ, благодаря чему их поверхность имеет цвет, варьирующий от насыщенного черного до желтовато-серого и серого. Поверхность большинства сосудов подвергалась лощению. Иногда сосуд обрабатывался лощением целиком, что придавало его поверхности красивый гляцевый блеск. Чаще же лощение наносилось на отдельные его участки (например, на горлышко и придонную часть кувшина), либо вся поверхность покрывалась пролощенным орнаментом. Орнаментальные композиции в большинстве случаев представляли собой различные варианты параллельной штриховки, вертикальной (рис. 184: 1, 2, 7; 185: 5; 186: 1, 7, 9–12; 187: 1, 4, 7), косой (рис. 187: 5) или сетчатой (рис. 184: 4, 8; 185: 6), которая целиком или частично покрывала поверхность сосуда. Встречаются различные геометрические фигуры (рис. 184: 6; 185: 1–2), стилизованные цветы (рис. 185: 4), спиралевидные завитки (рис. 189). На некоторых сосудах орнамент, выполненный при помощи лощения, дополнен прочерченной орнаментацией и гребенчатыми наколами. Ряд сосудов лощению не подвергался. Эти сосуды имеют матовую шероховатую черную или серую поверхность и украшены прочерченным орнаментом (рис. 186: 6). То есть при их производстве применялся обжиг тот же, что и при изготовлении лощеной посуды. Особенно это характерно для гончарных тарных кувшинов и корчаг, описание которых будет дано в соответствующем разделе. Тем

не менее подобным образом иногда орнаментировались крышки, небольшие кувшины и кубышки.

Кувшины, обломки которых встречены на памятнике, достаточно разнообразны. Большинство их представлено фрагментами. По имеющимся в распоряжении более или менее целым формам можно выделить не менее четырех основных типов кувшинов. Реально же их, вероятно, было больше. Так, в захоронениях могильника 4 находились кувшины трех типов (рис. 105: 1, 3, 5), идентичных типам, происходящим с памятников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, с. 115–116; Плетнева, 1989, с. 123, 136, рис. 68–76; Krasilnikov, 1990, p. 201–203, Taf. 7–9). Кроме типов 1–3 (по С.А. Плетневой) (Плетнева, 1967, с. 115–116), среди археологически целых форм зафиксирован еще один тип кувшина (рис. 187: 4). Некоторую близость (по профилировке) к указанной форме имеет малый кувшин (Untertyp H) (Krasilnikov, 1990, p. 202, Taf. 8: 3), происходящий со среднего течения Северского Донца. По своим параметрам и орнаментации он близок кувшинам (тип I-4), выявленным при раскопках Большетарханского могильника на Средней Волге (Геннинг, Халиков, 1964, с. 38, табл. I, 4). На интересующей нас территории этот тип встречается редко. Во время раскопок археологического комплекса у с. Сидорово было выявлено всего два таких кувшина. Один из них происходил из хоз. ямы 3 раскопа 1 (рис. 187: 8). Второй же был выявлен в хоз. яме 5 раскопа 7 (Кравченко, 2002, с. 8, рис. 32: 1). Корпус указанного сосуда был украшен пролощенным орнаментом в виде косой сетки (рис. 187: 4).

Орнаментация кувшинов богата и разнообразна. На абсолютном большинстве сосудов она нанесена пролощенными линиями, и лишь небольшая часть имеет сочетание прочерченного орнамента с лощением (рис. 185: 2; 187: 3) либо просто прочерченный орнамент (рис. 186: 6). Ручки обычно украшались поперечными (рис. 184: 4; 185: 2, 4), иногда зигзагообразными (рис. 185: 12) пролощенными линиями, хотя встречаются экземпляры с продольным лощением. Иногда у основания ручки имеются дополнительные элементы орнамента, например, прочерченная Ж-образная фигура (рис. 185: 2). В верхней части ручек у некоторых сосудов присутствует архаичная деталь: уплощенные круглые налепы, расположенные у места крепления ручки к горлышку (рис.

186: 5). Этот орнаментальный элемент нечасто встречается в среднем течении Северского Донца, зато он является характерной чертой сарматской, раннесредневековой северокавказской и раннеболгарской керамики Среднего Поволжья (Шепко, 1987, с. 171, рис. 2: 2; Виноградов, Маммаев, 1979, с. 62; Семькин, 1996, с. 69, рис. 4: 1). Встречается он и в лесостепи.

На днищах кувшинов, происходящих с территории поселения, клейма встречаются редко и большинство их представлено простыми типами (крест). Тем не менее в заполнении помещения 15 было выявлено сложное оригинальное клеймо (рис. 183: 30). В целом же на фоне многочисленных материалов, происходящих с других памятников, коллекция клейм Сидоровского археологического комплекса выглядит достаточно бедно. Вполне возможно, обычай клеймить днища сосудов, который считается характерным для памятников салтово-маяцкой культуры (Флёрв, 1979, с. 94–102), не был характерен для столовой керамики Сидорова. На фоне практически полного отсутствия клейм на кувшинах с территории поселения привлекает внимание тот факт, что на прилегающем к памятнику инвентарном могильнике 4 два из трех кувшинов несли клейма на днищах. На днище крупного кувшина (наибольший диам. корпуса 22 см, высота – 20 см, диам. дна – 15 см) (рис. 105: 1) из погр. 1 слабо читается затертое клеймо в виде креста, заключенного в круг. На кувшине из погр. 3 также присутствует близкое по типу клеймо (рис. 105: 5). Учитывая то, что большинство целых керамических форм происходит не с поселений, а из захоронений прилегающих к ним инвентарных кладбищ, можно поставить вопрос о том, насколько клейменные кувшины характерны для жилой части поселений вообще.

Кубышки встречаются реже, чем кувшины, тем не менее они также достаточно многочисленны. Под понятием «кубышка» автор данной работы склонен видеть горшкообразный небольшой сосуд *без ручки*, с широким дном и зауженным горлышком. Некоторые типы кубышек (т. н. кубышки с ручками), приведенные в работах исследователей (Плетнева 1989, с. 136, рис. 70, 71, 72, 74; Винников, Сарапулкин, 2008, с. 33), по всей видимости, использовались как кружки. Большинство сидоровских кубышек имеет небольшие размеры (наибольший диам. 12–14 см. при высоте 11–14 см), но встречаются и относи-

тельно крупные сосуды (наибольший диам. достигает 20–21 см при высоте 15–16 см). Украшены они в основном пролощенными вертикальными линиями или сетчатым орнаментом, покрывающим центральную часть корпуса (рис. 184: 2; 185: 6; 187: 5). Полностью реконструирующихся кубышек найдено немного. Одна из них была обнаружена в погр. 28 могильника 1 (рис. 86). Этот сосудик имел черное лощение и был орнаментирован по корпусу пролощенными вертикальными линиями (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, рис. 21: 1). Наибольшее количество фрагментов кубышек зафиксировано в расположенных рядом раскопах 2 и 7, что, по-видимому, было связано с наличием на этой территории гончарной мастерской. Слабо обожженные полуфабрикаты этих сосудов, встреченные в заполнении горновых ям, а также в помещении 3, свидетельствуют о том, что указанные сосуды производились на месте. Особый интерес представляет крупная целая кубышка, выявленная в заполнении хоз. ямы 4 раскопа 7 (Кравченко, 2002, с. 7) (рис. 187: 5). Аналогии сосудам указанного типа широко представлены на памятниках салтово-маяцкой культуры как в среднем течении Северского Донца (Михеев, 1985, рис. 15: 9; Krasilnikov, 1990, p. 204–205, Taf. 11; 12, 6), так и на иных территориях (Плетнева, 1967, с. 118, рис. 29: 10; 1989, с. 136, рис. 70, 74, 76).

Кружки. Еще реже встречаются кружки, количество которых невелико. Археологически целые экземпляры были выявлены в хоз. яме 7 раскопа 9 (рис. 186: 9) и хоз. яме 1 раскопа 6 (рис. 186: 1). В целом обломки кружек зафиксированы практически во всех раскопах. Фрагменты их отличаются разнообразием, что свидетельствует о том, что мы имеем здесь обломки сосудов различных типов (рис. 186: 17, 19). Тем не менее малое количество фрагментов и целых форм не позволяет сравнивать кружки Сидоровского комплекса с материалами известных могильников, где этот тип сосудов представлен в избытке. Так, в материалах Дмитриевского могильника кружки по своему количеству занимают второе место после кувшинов (Плетнева, 1989, с. 123).

Сероглиняные горшки с поверхностью, покрытой лощением, также не являются частой находкой на данном памятнике. Количество их невелико, археологически целых форм нет. Цвет поверхности сосудов варьирует от желтовато-серого до насыщенного черного. Судя по сохранившимся фрагмен-

там, среди горшков выделяется не менее двух типов. Один из них представляет собой горшкообразные сосуды S-видного профиля, орнаментированные в верхней или центральной части корпуса прочерченным орнаментом. Иногда эта орнаментация дополнена вертикальными пролощенными линиями, покрывающими верхнюю часть или весь корпус сосуда. Отличительной частью сосудов данного типа является наличие в центральной части корпуса двух петлевидных ручек (рис. 188: 11). В целом по своей форме указанные сосуды напоминают корчаги, отличаясь от них гораздо меньшим размером. Указанная деталь, по всей вероятности, послужила причиной тому, что у В.С. Флерова сосуды этого типа охарактеризованы как «корчаги» (Flörov, 1990, с. 132–135). В пользу производства части этих сосудов на рассматриваемом нами памятнике свидетельствует тот факт, что фрагменты их были найдены в заполнении помещения 3 и горна 2, как в обожженном, так и в необожженном виде. Сосуды, близкие описанным, имеют многочисленные аналоги на соседнем Царином городище у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. (Михеев, 1985, рис. 15), в материалах Верхнесалтовского могильника (Семенов-Зусер, 1952, рис. 3: 1; Ляпушкин, 1958, рис. 9: 6), на Дмитриевском комплексе (Плетнева, 1989) и других памятниках салтово-маяцкой культуры.

Второй тип встречается реже. Обломки сосуда этого типа зафиксированы в заполнении помещения 8. Тонкостенный горшок, выполненный из хорошо отмученного светло-серого теста с примесью мелкозернистого песка, имел шаровидный корпус и невысокое прямостоящее горлышко, которое слегка сужалось кверху. Поверхность сосуда была покрыта блестящим черным лощением. На плечиках в полосе, ограниченной двумя врезанными сглаженными линиями, располагался горизонтальный фриз из соединенных между собой дуг (рис. 187: 3). Нижняя часть сосуда не сохранилась. Наиболее вероятно, данная форма была близка по профилировке лесостепным лощеным горшкам с поселения Жовтневое (Parchomenko, 1990, р. 295–296, Taf. 10, 9–10), отличаясь от последних составом керамического теста, а соответственно, малой толщиной стенок и орнаментацией. Указанный сосуд имеет некоторое сходство с гончарной посудой, встречаемой на памятниках вольтинцевской культуры (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 97: 20–21).

Тарная черно- и серолощенная гончарная посуда местного изготовления

На памятниках салтово-маяцкой культуры тарные гончарные сосуды местного изготовления обычно являются достаточно частой находкой (Плетнева, 1967, с. 121). На археологическом комплексе у с. Сидорово керамики этого типа немало, тем не менее она встречается реже, чем, например, на соседнем археологическом комплексе, расположенном у с. Маяки, где указанный тип керамики составляет значительный процент от обнаруженных на памятнике материалов (Кравченко, 2009 б, с. 138). Большинство выявленных форм представлено пифосами, двухручными и трехручными кувшинами.

Пифосы и достаточно разнообразны по своей форме и системе орнаментации (Плетнева, 1967, с. 118, 121; Flörov, 1990, с. 123–132). Сидоровские пифосы изготовлены из серого или желтовато-серого, хорошо отмученного теста с тонкими примесями (мелкозернистый песок, иногда с мелко истолченной слюдой). Сосуды имеют S-видный профиль, вытянутый яйцеобразный корпус, более или менее резко сходящийся к венчику, и относительно небольшое плоское дно (рис. 188: 9; рис. 191: 1, 3–4, 9). В месте наибольшего расширения корпуса, на противоположных сторонах сосуда, обычно присутствуют две овальных в поперечном сечении петлеобразных ручки. Оформление края венчика чаще всего имеет вид отогнутого наружу валика, иногда уплощенного в верхней части. Изредка встречаются корчаги с вертикально стоящим уплощенным венчиком (рис. 188: 6). Внешняя поверхность сосудов покрыта лощением (цвет колеблется от черного до оттенков желто-серого, которые преобладают). Лощением нанесен и орнамент, обычно представленный вертикальными линиями, покрывающими корпус или часть его поверхности. В районе ручек часто присутствует орнаментальная полоса, украшенная многорядной волнистой линией, косо поставленными оттисками гребчатого штампа, многорядными дугами. Среди материалов имеется значительное количество фрагментов относительно небольших горшкообразных сосудов, украшенных пролощенным орнаментом (рис. 191: 2, 7–8, 10). Фрагментарная сохранность их не позволяет определить принадлежность к определенному типу. Вполне вероятно, это были горшки с петлевидными ручками или небольшие *корчаги*.

Кроме корчаг на памятнике присутствуют сосуды для хранения жидкостей и сыпучих продуктов, представленные двухручными и трехручными кувшинами. Их фрагментов найдено мало, а реконструируемые формы вообще единичны (рис. 189–190).

Двухручные кувшины имеют как крупные (рис. 188: 1, 4; 190: 2, 4), так и относительно небольшие размеры (рис. 188: 2–3, 6; 190: 5), и встречаются чаще. Это сосуды с цилиндрическим или коническим невысоким горлышком, переходящим в корпус, который бывает как относительно узкий, вытянутый (рис. 188: 1–2), так и достаточно широкий (рис. 188: 6; 190: 2, 4). К верхней части кувшина крепятся две ручки, которые от венчика спускаются к плечикам.

Орнаментация отличается разнообразием. Кроме обычного лощения, которое встречается не на всех сосудах, в верхней части, на плечиках, присутствует полоса, заполненная прочерченным волнистым орнаментом (рис. 188: 1, 4, 6). Иногда встречаются пояски, выполненные пролощенным орнаментом в виде «сетки» или оттисков косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 190: 3–4). Фрагменты кувшинов этого типа были встречены во многих комплексах (хоз. яма 3 раскопа 1, помещение 4; хоз. яма 2э; хоз. яма 9 раскопа 2; хоз. яма 4 раскопа 9; помещение 16; хоз. яма 6 раскопа 20). В целом типология указанных сосудов была, по-видимому, достаточно разнообразной. Тем не менее малое количество археологически целых форм позволяет рассматривать их суммарно.

Трехручные кувшины. Намного реже встречаются большие трехручные кувшины, имеющие многочисленные параллели среди керамики салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1959, с. 214–218; 1989, с. 138–139, рис. 79; Ляпушкин, 1958; Flörov, 1990, Taf. 4, 5). Сосуды этого типа встречены всего в нескольких комплексах. Фрагменты их были зафиксированы в хоз. яме 3 раскопа 1, помещении 4, а также в хоз. яме 1 раскопа 2, и в котловане на северной окраине памятника, и на дне котлована помещения 16. Скорее всего, находок фрагментов сосудов этого типа было больше, однако фрагментарность материала не позволяет с полной определенностью отнести ряд фрагментов к сосудам рассматриваемого нами типа. Одна из реконструируемых форм (хоз. яма 3 раскопа 1, помещение 4) представлена кувшином удлинённых пропорций с вытянутым корпусом яйцевидной формы и

плечиками, полого переходящими в горлышко (рис. 190: 1). На корпусе в месте наибольшего расширения находятся две овальные в поперечном сечении ручки. Орнаментация расположена у ручек в центральной части сосуда. Наиболее вероятно, что ранее корпус по всей поверхности также мог быть покрыт лощением. Третья ручка крепилась на плечиках сосуда и в верхней части его горлышка. Характер слива неясен, т. к. эта часть кувшина не сохранилась. В целом по своему виду указанный кувшин имеет некоторое сходство с кувшином с Карнауховского поселения (Ляпушкин, 1958, рис. 8), отличаясь от последнего более узким корпусом. Еще одна более близкая параллель данному сосуду имеется в материалах Саркела (Плетнева, 1959, с. 217, рис. 6: 2).

Вторая форма (выявлена в яме помещения 16) достаточно сильно отличается от вышеописанной (рис. 189). Это чернлощенный кувшин с относительно широким плоским днищем и корпусом, наибольшее расширение которого приходится на верхнюю часть сосуда. Корпус переходит в плечики, круто сужающиеся к горлу. Кувшин имеет широкий слив, чуть задранный вверх. Две ручки, подпрямоугольные в поперечном сечении, находятся в верхней части корпуса, в месте его наибольшего расширения. Еще одна ручка такого же сечения прикреплена к горлышку и плечикам. Кувшин богато орнаментирован. Нижняя часть корпуса вплоть до плечиков покрыта вертикальными пролощенными линиями. Выше идет полоса, заполненная оттисками косо поставленного гребенчатого штампа. Еще выше, на плечиках, вплоть до перехода к горлышку, размещена полоса спиралей, нанесенных лощением и отделенных друг от друга вертикальными линиями. Горлышко также украшено пролощенными вертикальными полосами. Прямых аналогов данному сосуду автору выявить не удалось¹⁸.

Привозная керамика

На Сидорово привозная посуда довольно многочисленна. В некоторых комплексах количество её достигает 40% от общего числа фрагментов. В целом же по памятнику привозная посуда составляет до 35% от общего количества керамики. Основная ее часть представлена фрагментами амфорной тары. Тем

¹⁸ В августе 2014 г. при обстреле здания музея украинской армией указанный сосуд, хранившийся в его фондах, был сильно поврежден. Сохранилась его нижняя и частично центральная часть. Верхняя часть сосуда ныне отсутствует.

не менее встречаются кувшины с плоскими ручками, небольшие кувшины с ойнохоевидным устьем, баклажки, кружка. Показательным является то, что большинство привозных сосудов являются продукцией мастерских Крыма или Тамани.

Фрагменты амфор являются самой массовой категорией привозной посуды. Среди найденных материалов имеется ряд целых или реконструируемых форм (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 244–246, рис. 20: 1–4; 24–26; 45: 2; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, рис. 37–38; 39: 2). Друг от друга они отличаются керамическим тестом, характером обработки поверхности, профилировкой края венчика и пропорциями. Абсолютное большинство амфор – это небольшие сосуды с узким невысоким горлышком, имеющие 45–50 см высоты, при наибольшем диаметре до 25 см. Венчик завершается валикообразным утолщением, реже имеет фигурную профилировку. Овальные в плане ручки, с одним или двумя сглаженными ребрами, крепятся на горлышке сразу под венчиком; далее, изгибаясь под прямым углом, опускаются на плечики сосуда. Корпус амфор, в большинстве случаев имеющий овальную или слегка вытянутую форму (рис. 192: 1–8; 193), покрыт желобчатым рифлением, иногда зональным. Оно бывает четко выраженным, иногда несколько сглаженным, но в абсолютном большинстве случаев присутствует. Цвет черепка колеблется от розового до кирпично-красного. Значительная часть сосудов имеет относительно толстый черепок (до 0,5 см) и более или менее грубые примеси в тесте (толченый известняк, шамот). Иногда корпус амфор покрыт частым, четко проработанным рифлением (рис. 192: 2; 193: 7). Обычно амфоры этого типа имеют более крутые плечики, тонкий черепок и примесь в тесте мелкозернистого песка и/или слюды. Цвет этих сосудов также колеблется от розового до кирпично-красного.

Амфора, несколько отличающаяся от основной группы, была найдена в заполнении хозяйственной ямы 2, расчищенной на эскарпе городища. Она имела тонкие стенки и укороченный яйцевидный корпус с невысоким горлышком. Ручки отходили из-под венчика и плавно опускались на плечики. Тесто, содержащее примесь мелких блесков слюды, имело коричневатый цвет (рис. 192: 9)¹⁹. Еще одна

¹⁹ Указанная амфора сохранилась фрагментарно. На рисунке (рис. 192: 9) представлена графическая

амфора, обломки которой были зафиксированы в помещении 3, имела относительно толстые стенки коричнево-красного цвета и вытянутый корпус, покрытый широким слабо выраженным рифлением (рис. 192: 1). В тесте сосуда содержалось большое количество песка, что делало его внешнюю поверхность шероховатой. Близкий аналог ей известен на территории Юго-Западного Крыма и отнесен автором раскопок к типу амфор, бытующих в 1-й трети IX в. (37 класс?). При этом сам аналог был обнаружен в комплексе, датированном XI в. (Яшаева, 1999, с. 354, рис. 8: 1).

В целом же большинство описанных выше амфор относятся к так называемому 2-му варианту (или II типу) «причерноморок», которые, по мнению исследователей, производились в мастерских Крыма и Тамани (Якобсон, 1951, с. 332–334; 1979, с. 30–32, рис. 13: 1–3; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 76). Данный тип, выделенный и довольно нечетко датированный А.Л. Якобсоном, вероятно, объединяет в себе большое количество разновидностей (а скорее всего, и типов) амфор, которые являются продукцией различных центров, существовавших в пределах Черноморского региона. Признаками, маркирующими эти отличия, могут являться различия в форме корпуса, характере обработки поверхности, составе керамического теста.

Намного реже на археологическом комплексе у с. Сидорово встречаются амфоры т. н. I типа (или варианта). Это крупные сосуды с высоким горлышком и массивными ручками, которые крепятся на плечиках. Указанные амфоры имеют черепок кирпично-красного цвета с грубыми примесями в тесте. Благодаря этому черепок имеет достаточно большую толщину (до 0,8–1 см). На корпусе сосудов присутствует слабо профилированное сглаженное рифление (рис. 194: 2, 4, 9, 10; 196: 7).

Внешняя поверхность шероховатая, неровная, достаточно часто встречаются фрагменты стенок, деформированные до обжига. В целом по сравнению с описанными выше амфорами 2 типа сделаны они достаточно небрежно. Целых экземпляров таких амфор на памятнике найдено не было. Наиболее крупный фрагмент (почти целая амфора) был выявлен в раскопе 16 (комплекс 1), который представлял

реконструкция, точность которой остается на совести художника. Проверить ее в настоящее время нет возможности, т. к. фрагменты находятся среди материалов, не разобранных после обстрела лета 2014 года.

собой амфору этого типа со сбитым верхом (рис. 194: 9). Крупные фрагменты и ручки были обнаружены в ряде комплексов. Показательно, что в тех случаях, когда имелаась стратиграфия, комплексы с фрагментами амфор рассматриваемого нами типа были самыми ранними (помещение 20). Тем не менее фрагменты подобной амфоры зафиксированы и в заполнении помещения 5 (рис. 194: 2), где, кроме всего прочего, находились и фрагменты крышки с пестовидной ручкой, что свидетельствует в пользу достаточно поздней датировки указанного комплекса. Впрочем, не исключен вариант, что в заполнение указанного котлована фрагменты данной амфоры могли попасть и из какой-либо ранней разрушенной ямы или со слоя.

Интерес представляет находка в помещении 24 обломков крупной амфоры, близкой к сосудам класса 24 (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 50–52, табл. 21). Амфоры близкого типа широко представлены на поселениях степного Приазовья (Кравченко, 2013, с. 282, рис. 8: 3; 9: 3). Известны они и на соседнем археологическом комплексе, расположенном у с. Маяки. На интересующем нас памятнике амфоры этого типа не встречаются. Описанная выше находка (рис. 194: 10) пока что является единственной.

Кроме указанных типов, на памятнике присутствуют фрагменты небольших тонкостенных амфор с корпусом, украшенным рифлением. Цвет черепка таких амфор варьирует от серого или желтого до оранжевого цвета. В ряде случаев зафиксировано покрытие внешней поверхности белым или серым ангобом (рис. 193: 11; 194: 5; 195: 3–13; 196: 1, 5, 9). От остальных амфор указанная группа отличается очень тонкими стенками, прекрасным сквозным обжигом и высоким качеством обработки поверхности. Обломки таких сосудов в небольшом количестве встречены в заполнении практически всех комплексов, расчищенных на памятнике. Наиболее часто они попадают в материалах раскопов 16 и 18, расположенных в центральной части городища, где в некоторых комплексах количество их близко или равно количеству фрагментов крымских амфор. Полностью удалось восстановить несколько таких сосудов. Судя по их остаткам, это были небольшие сосуды (близкие по размерам причерноморским амфорам 2 типа). Местом производства такой тары, возможно, была территория Византии. Немногочисленность находок указанных

амфор и локализация их в центральной части памятника говорит о том, что содержимое их представляло достаточно дорогой продукт. Возможно, византийскими были и толсто-стенные амфоры, сделанные из хорошо отму-ченного теста без крупных примесей, небольшое количество обломков которых было обнаружено на памятнике (рис. 192: 8; 194: 1; 195: 2). По общему своему виду и пропорциям они незначительно отличаются от основной группы амфор, встреченных на поселении. Массивные ручки, как правило, имеют на внешней поверхности двойной валик. Цвет этих сосудов колеблется от светло-розового до желтого. Общая высота их неизвестна, т. к. ни одного полностью реконструирующегося экземпляра обнаружено не было. В целом же процент обломков этих сосудов по отношению к амфорам, произведенным на территории Крыма, невысок.

В ряде случаев зафиксировано вторичное использование амфор. Так, в заполнении помещения 3 было выявлено оббитое и обточенное широкое горлышко амфоры, которое могло использоваться в качестве лейки (рис. 193: 6). В хоз. яме 3 раскопа 1 выявлены фрагменты практически полностью восстанавливаемой амфоры, у которой были отбиты горлышко и ручки, затем на месте излома заглажена поверхность, а на месте ручек просверлены отверстия для веревки-дужки (рис. 193: 13). Таким образом, предмет можно было использовать в качестве ведра. Подобный способ вторичного использования зафиксирован С.А. Плетневой на Таманском городище (Плетнева, 1963, с. 52). Еще одна амфора со следами вторичного использования была выявлена в хоз. яме 9 раскопа 9. Она представляла собой практически целый сосуд с отбитым дном (рис. 194: 3). Отверстия в придонной части свидетельствуют, что к дну что-то крепилось. Вполне вероятно, это была ткань, благодаря чему указанная амфора могла использоваться как цедилка. Ряд практически целых амфор имеют сбитое горлышко, причем забитость концов на изломе свидетельствует о том, что они использовались вторично. В раскопе 16 было выявлено санитарное сооружение, изготовленное из вкопанной вертикально крупной амфоры с выбитым доннышком и сбитым горлом (комплекс 1 раскопа 16). На стенках многих амфор имеются отверстия для скреп, что также свидетельствует о вторичном использовании указанных сосудов (рис. 194: 9). Кроме этого, следует

указать на большое количество находок пряслиц (рис. 196: 19–24) и т. н. «лощил», сделанных из обточенных стенок и ручек амфор (рис. 196: 11–18). Указанные предметы были встречены как в подъемном материале, так и практически во всех раскопах, разбитых на территории памятника.

Кувшины с плоскими ручками. Представлены небольшим количеством находок. Обломки сосудов этого типа, наряду с амфорами, присутствуют в целом ряде археологических комплексов (рис. 197: 1–6). В целом на Сидорово количество фрагментов кувшинов невелико и не идет ни в какое сравнение с числом находок их на таких памятниках, как Саркел (34%) (Плетнева, 1959, с. 249), Таманское городище (50%) (Плетнева, 1963, с. 52) или Херсон (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995; Рыжов, Седикова, 1999, с. 318–319). Впрочем, на соседних городищах (за исключением Царина у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл., где также были найдены фрагменты данного вида посуды) их обломки крайне немногочисленны либо вообще отсутствуют.

Все фрагменты кувшинов с плоскими ручками, встреченные на Сидоровском городище, относятся к одному типу. Это тонкостенные сосуды с относительно невысоким горлом (высота до 10 см) и венчиком диаметром до 9–10,5 см. У края венчик имеет подтреугольный или овальный валик (рис. 197: 1–4). Широкие ручки, прямоугольные или сегментовидные в поперечном сечении, достигают ширины 4,5–5 см. Орнаментация ограничена рядами горизонтальных широких неглубоких врезанных линий на шейке и плечиках сосуда. Тесто плотное с примесью мелких известковых включений и песка. Цвет поверхности сосуда колеблется от оранжевого до коричневатого. На внутренней поверхности иногда встречается черный смолистый налет. Полностью реконструированных сосудов на памятнике выявлено не было, тем не менее доньшки тонкостенных красноглиняных кувшинов со следами срезки шнуром, присутствующие среди находок, наиболее вероятно, относятся к кувшинам рассматриваемого нами типа.

Баклажки. Небольшим количеством находок представлены и красноглиняные баклажки. Собственно, сосуды этого типа не являются частой находкой на поселениях, что связано либо с тем, что сосуды указанного типа выпускались непродолжительный промежуток времени, либо количество баклажек, попадающих на поселения, было ограниченным

(Кравченко, Шамрай, 2000). Показательно то, что и на крупных памятниках баклажки также встречаются нечасто. Так, на Маяках суммарное количество баклажек и кувшинов с плоскими ручками не превышало 3% от общего количества посуды (Михеев, 1985, с. 15). Несколько чаще их фрагменты встречаются на поселениях, расположенных в степной части региона. Основная же часть находок целых форм сосудов этого типа происходит из инвентаря курганных погребений. Так, крупная баклага находилась в разрушенном погребении у старого Славянского кирпичного завода (Кравченко, Шамрай, 2000). Баклажки входили в состав инвентаря захоронений у хут. Бурлацкий в Великоновоселковском р-не и у шахты № 19 близ г. Торез (Чистяково). В состав инвентаря последнего входили причерноморская амфора и половинка солида Константина V (Тахтай, 1999). Указанный тип сосудов производился в мастерских, расположенных на территории Крыма (Якобсон, 1979, с. 39, рис. 19; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001), и, по всей видимости, пользовался большим спросом у степного кочевого населения (Плетнева, 1959, с. 247, 249). По мнению П.А. Ларенка, данная, весьма специфическая форма сосудов, производилась в расчете на «кочевнический рынок» (Ларенок, 1993, с. 137).

На Сидоровском археологическом комплексе обломки баклажек были зафиксированы только в раскопе 9 (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 272, рис. 39: 5–6) в скоплении археологического материала, которое наиболее вероятно, представляло собой размытые остатки наземной постройки, относящейся к раннему этапу истории памятника (рис. 197: 9). Целых форм пока не выявлено, да и количество сосудов этого типа столь невелико, что говорить об их широком распространении на данном поселении вряд ли можно. Последнее вполне может объясняться тем, что баклажки могли иметь распространение в период, когда рассматриваемый нами населенный пункт еще был небольшим поселением.

Кувшины с ойнохоевидным устьем. Единичными фрагментами в комплексе представлены обломки доньшек и стенок привозных красноглиняных кувшинов с ойнохоевидным устьем. Реконструируемый экземпляр такого кувшина (рис. 197: 8) был найден в заполнении хоз. ямы 4 раскопа 2 (Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 15: 5). Судя по фрагментам,

высота сосуда составляла чуть более 20 см при наибольшем диаметре 14 см. Диаметр дна не превышал 10–12 см. Сохранившиеся части от иных сосудов этого типа свидетельствуют, что все эти кувшины были однотипными и представляли собой небольшие тонкостенные сосуды с невысоким горлышком. Близкие по размеру ойнохой (высотой 15–18,5 см.) присутствуют в ряде захоронений могильника у с. Червоная Гусаровка Харьковской области (22 экз.) (Аксенов, 2017 а, с. 53). Известны они в материалах Верхнесалтовского IV могильника (кат. 53), Красногоровского (погр. 161) (Аксенов, Михеев, 1998, с. 346), Нетайловского (погр. 43) (Пархоменко, 1983, с. 76, рис. 2: 1), Волоконовского (погр. 20) (Плетнева, Николаенко, 1976, рис. 6, 5), Крымского (погр. 51) (Савченко, 1986, рис. 3, 9), Больше-Тарханского (погр. 75) (Геннинг, Халиков, 1964, табл. 1, 5) могильников. Два кувшина близкого типа были выявлены в кремациях могильника у с. Кицевка на Харьковщине, которые авторы публикации материалов датировали сер. VIII – сер. IX вв. (Лаптев, Аксьонов, 2012, с. 107, рис. 3: 1–2). Присутствуют они и на территориях, занятых славянским населением (курганы Лысогорского и Белогорского могильников) (Винников, 1984 б, рис. 16: 4; 23: 13). Фрагменты кувшина близкого типа найдены и на крупном городище у с. Новоселовка Краснолиманского района Донецкой области. Наибольшее количество ойнохой указанного типа было встречено в Крыму, где они и производились. В частности, их много в захоронениях VIII–IX вв. Скалистинского могильника (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191).

Кружка. К числу редких находок на рассматриваемом нами поселении относится красноглиняная кружка (рис. 197: 7), обнаруженная в заполнении котлована помещения 19. Аналоги указанному сосуду имеются на памятниках Крыма, где они датируются VIII–IX вв. (Якобсон, 1979, с. 62, рис. 34: 1). Близкого типа кружки были встречены в захоронениях могильника Красная Горка (2 экз.) (Аксенов, Михеев, 1998, с. 347, рис. 1, 5–6) и Червоная Гусаровка (6 экз.) на Харьковщине (Аксенов, 2017 а, с. 53–54, рис. 3: 5; 8: 24; 12: 7; 14: 17; 17: 2; 39: 28). В.С. Аксенов датировал материалы последнего рубежом VIII–IX вв., вплоть до первых десятилетий IX в. (Аксенов, 2017 а, с. 69–71).

В подъемном материале на памятнике встречены несколько мелких фрагментов *белоглиняных поливных сосудов*. Все они

имеют плохую сохранность и небольшие размеры, благодаря чему сопоставить их с аналогичными находками на других территориях проблематично.

Подводя итоги, следует сказать, что керамика археологического комплекса у с. Сидорово при общем сходстве с материалами окрестных больших и малых поселений салтово-маяцкой культуры (в ней присутствуют те же группы посуды, как привозной, так и местной) имеет существенные отличия. К числу их относится соотношение некоторых групп сосудов на различных участках памятника (на городище и на селищах). В комплексах раскопов 16 и 18 мы наблюдаем ситуацию, характерную для всех раскопов, расположенных на городище, в пределах внутренней линии укреплений. Здесь присутствует очень высокий процент фрагментов амфорной тары (до 40% и более). Наряду с продукцией Крыма и Тамани довольно часты находки фрагментов амфор, вероятно, византийского производства, не встречающихся на малых поселениях. Кроме этого, обращает на себя внимание присутствие в материалах памятника баклаг, ойнохоевидных кувшинов, кувшинов с плоскими ручками, кружек.

Иная картина наблюдается на прилегающих к городищу селищах. Так, в материалах раскопа 17, напротив, амфорных фрагментов на порядок меньше (до 30%), зато здесь абсолютно доминируют фрагменты гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 13–16). Подобная ситуация наблюдается и в материалах раскопа 20 (у въезда на городище), где процент горшков был также достаточно высок. Усредненная пропорция наблюдается в раскопах 2, 4, 7, 14, которые находятся на площадке городища, за пределами внутренней линии укреплений. Показательными являются материалы помещения 14 и входящей в него хозяйственной ямы 9, которые имеют довольно поздний облик в рамках салтово-маяцкой культуры. В указанном комплексе более 50% от общего их количества находок составляли колотые кости животных. Второе же место по численности занимали фрагменты керамики, до 15% которых было представлено кусками груболепных пифосов и жаровен. Реально процент этих керамических изделий мог быть намного меньшим, т. к. фрагменты лепных пифосов отличаются хрупкостью и в яме могли лежать измельченные обломки одного и того же сосуда. Кроме этого, в заполнении

были обнаружены обломки керамических фигурок, целый и фрагментированный вотивный сосудик. Среди обломков гончарных сосудов не менее 30% составляли фрагменты горшков крупных, средних и малых размеров. Выделяется серия фрагментов лепного профилированного горшка, аналоги которому имеются в керамике салтово-маяцкой культуры лесостепной зоны (Parchomenko, 1990, S. 292, Taf. 4, 8). Лощеной посуды относительно немного (чуть более 10%). Кроме этого, в заполнении помещения 14 находились обломки крупного сероглиняного гончарного пифоса, орнаментированного на плечиках косыми оттисками гребенчатого штампа. Амфорная тара (более 35% от общего количества керамики) представлена обломками тонкостенных и толстостенных сосудов. Кроме этого, среди керамики имеется несколько фрагментов стенок кувшинов с плоскими ручками, а также обломки двух крупных гончарных крышек с пестовидными ручками, сделанных из теста с примесью мелкозернистого шамота. До 10% керамических фрагментов составляли мелкие обломки сосудов, которые отнести к какой-либо керамической группе было невозможно.

На основании имеющихся в распоряжении материалов трудно указать, какой процент посуды производился в пределах Сидоровского археологического комплекса, на территории которого найдена только одна керамическая мастерская. На различных участках памятника были вскрыты большие площади, в пределах которых каких-либо следов керамического производства зафиксировано не было. Изучение производственного комплекса показало, что в горнах обжигались кухонные горшки, кувшины и кубышки, украшенные лощением, а также крышки с пестовидными ручками. Некоторые хозяйственные ямы, расположенные поблизости от мастерской, содержали полуфабрикаты сосудов и керамический брак, что давало возможность связать их функционирование с деятельностью указанного производственного комплекса. Тип клейма, зафиксированный в пределах гончарни (рис. 209: А 15–19), является достаточно частой находкой на поселении и встречается на значительном удалении от места расположения горнов. Некоторые сосуды, полуфабрикаты которых встречены на прилегающей к гончарне территории, имеют характерную форму, размеры и орнаментацию, благодаря чему они отличаются от типологически близких им сосудов, происходящих с окрестных поселений. Тем

не менее даже беглое сопоставление клейм и фрагментов керамики, выявленных в пределах гончарной мастерской, с основной массой материалов, встреченных на иных участках памятника, свидетельствует против того, что все обнаруженные на поселении сосуды являлись её продукцией. Учитывая это, можно предположить, что какая-то часть встреченной на памятнике посуды все же ввозилась извне.

Ещё одной особенностью керамики археологического комплекса у с. Сидорово является очень малый процент лепной посуды. Тем более важно, что абсолютное большинство найденных лепных сосудов представлено фрагментами пифосов и жаровен. Обращает внимание практически полное отсутствие лепных горшков и котлов с внутренними ушками, которые встречаются на соседних памятниках, в том числе и таких крупных, как Маяки. Все остальные формы (светильники, фигурки) вообще представлены единичными находками и крайне немногочисленны. Исключение составляет небольшая компактная группа вотивов, которые использовались, скорее всего, при каких-то обрядовых действиях. В целом же все вышеперечисленное свидетельствует, что население археологического комплекса было хорошо снабжено сосудами, являвшимися продукцией ремесленного производства. Количество их было вполне достаточным, чтобы практически полностью вытеснить из обихода жителей поселения примитивную лепную посуду, господствующую в рассматриваемом регионе в предшествующий исторический период.

Кухонная посуда рассматриваемого нами поселения имеет качественную выделку и достаточно широкий ассортимент. Довольно часто встречаются горшки, характерные для более позднего времени. Многочисленны горшки крупных размеров, которые также являются достаточно редкой находкой на окрестных поселениях. В материалах Сидоровского комплекса присутствуют некоторые оригинальные типы орнаментации сосудов, редко встречающиеся на соседних памятниках салтово-маяцкой культуры. Среди них украшение горшков на плечиках дугами, косыми оттисками зубчатого штампа, многорядной волнистой линией с прокруткой сосуда и т. д. В целом формы горшков, характер их орнаментации и изготовления находят параллели на крупных памятниках

ках позднего этапа существования салтово-маяцкой культуры таких, как Саркел и Таманское городище. Достаточно широкий ассортимент имеет и сероглиняная столовая керамика.

Обращает на себя внимание присутствие в комплексе некоторых разновидностей посуды (например, крышки с пестовидными ручками), которые вообще не встречаются на поселениях рассматриваемого нами региона, а

§3.2. Изделия из стекла

Одной из категорий археологического материала, встречающегося на памятниках салтово-маяцкой культуры, являются предметы из стекла. Они представлены бусами, вставками для перстней, а также фрагментами стеклянных сосудов. Показательным является то, что если бусины не являются редкой находкой, то со стеклянными сосудами наблюдается совершенно иная ситуация. Находки их, как правило, связаны именно с крупными памятниками. Представлены эти сосуды фрагментами колб, бокалов, стопок и флаконов (Плетнева, 1981а; Аксенов, Михеев, 1998; Аксьонов, 2007), которые в большинстве своем были изготовлены в мастерских Крыма (Айбабин, 1976, с. 27, 29) и Тамани (Сорокина, 1963, с. 143). В значительном количестве указанные предметы известны лишь в регионах, граничащих с местами их производства. На памятниках, находящихся на значительном расстоянии от этих территорий, они встречаются редко. Так, в катакомбах Дмитриевского археологического комплекса, наряду с многочисленным и разнообразным материалом, было найдено всего три стеклянных предмета, не считая многочисленных находок бус (Плетнева, 1989, с. 106, 109). Несколько сосудов из стекла обнаружено в богатых захоронениях Верхне-Салтовского (Покровский, 1905, с. 475; Аксьонов, 2007, с. 7–12) и Рубежанского катакомбных могильников (Аксенов, 2001, с. 12), а также в ямных захоронениях могильника Красная Горка (Аксенов, 2007, с. 12–15). В работах, посвященных находкам стеклянных сосудов на лесостепных могильниках хазарского времени, В.С. Аксенов объяснял столь редкую встречаемость этих изделий их хрупкостью и дороговизной (Аксенов, 2007, с. 15), с чем невозможно не согласиться.

Из рассматриваемой нами категории материала на памятниках салтово-маяцкой культуры достаточно часто встречаются лишь

характерны для материалов таких отдаленных территорий, как Средняя Волга.

Дополняет картину наличие в комплексе поливной керамики, редко встречающейся на поселениях этого времени. Все это сближает керамику Сидоровского комплекса с материалами крупных населенных пунктов Хазарии. Собственно, и прочие находки, происходящие с этого памятника, свидетельствуют о том, что он не был рядовым поселением.

стеклянные бусы. Так, более 5000 разнообразных бусин и бисерин было выявлено при раскопках Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, с. 121). В катакомбах могильника Маяцкого городища бус было значительно меньше, что обусловлено присутствием на этом некрополе большого количества захоронений, разрушенных обрядом обезвреживания. Тем не менее и здесь в некоторых захоронениях было зафиксировано до 74 бусин (Флеров, 1984, с. 165–166). Достаточно часто встречались бусы в катакомбах Верхнего Салтова (Покровский, 1905, с. 474–475, табл. XXI, 78–80; Семенов-Зусер, 1952, с. 279, рис. 4). Большое количество разнообразных бус было выявлено при раскопках Саркела (Львова, 1959, с. 323) и в захоронениях могильников зливкинского типа (Городцов, 1905, с. 254, 257; Швецов, 1991, с. 113; Красильников, 1991, с. 65, 71, 74).

Как видим, основная часть бусин происходит из погребальных комплексов. На жилой части поселений их находки, как правило, немногочисленны (Львова, 1959, с. 325–326). Так, на одном из наиболее крупных памятников интересующего нас региона – археологическом комплексе у с. Маяки, исследования которого производились в течение многих лет (Кравченко, 2009 б, с. 136), бусин также найдено немного (Матеріальна та духовна культура, 2017, с. 80, рис. 232–234 а). Близкая картина наблюдается и на иных крупных поселениях рассматриваемой территории, т. е. все эти памятники сопровождаются, в основном, безынвентарными кладбищами. Видимо, в связи с этим фактором и на археологическом комплексе у с. Сидорово, где основная часть обнаруженных погребений не имела инвентаря, а инвентарный некрополь был изучен слабо, бусин также было выявлено немного.

Бусы. Среди бус, происходящих с территории Сидоровского археологического комплекса, абсолютно преобладают предме-

ты, выполненные из стекла или стеклянной пасты. Только одна бусина была сделана из сердолика (рис. 198: 4). Основная часть бусин была собрана в подъемном материале. Среди них многогранная пастовая бусинка розового цвета, инкрустированная белой извилистой линией, каплевидная бусина белого прозрачного стекла (рис. 198: 8) и круглая светло-зеленая бусина, выполненная из прозрачного стекла (рис. 198: 17) (Кравченко, Цимиданов, 2000, с. 28).

Из подъемного материала происходит и черная пастовая бусина с синими глазками в белой окантовке (рис. 198: 5). Бусы близкого типа выявлены и в археологических комплексах на рассматриваемом нами памятнике. Так, в погребении 169 (могильник 1) в группе предметов, находящихся за затылочными костями черепа покойника, присутствовала крупная черная пастовая бусина, инкрустированная желтыми глазками (рис. 86: 6). В хоз. яме 3 (раскоп 1) найдена голубая пастовая бусина с белыми глазками (рис. 198: 2). Группа вещей, происходящих из этого комплекса, позволяют датировать его в рамках 2-й пол. IX – нач. X вв. (Кравченко, Цимиданов, 2000, с. 5–6). Бусы указанного типа были широко распространены на памятниках салтово-маяцкой культуры (Артамонова, 1963, с. 55, 62–67; Плетнева, 1989, с. 115–121; Пьянков, 1990, с. 162, рис. 51: 31; 33, рис. 4). Их популярность в этот и более поздний период, вероятно, объясняется тем, что вплоть до недавнего времени они считались действенным средством, предохраняющим от сглаза. Еще одна полихромная бусинка была обнаружена в заполнении хоз. ямы № 2, раскопанной на городище в 1998 году. Она была сделана из белой стеклянной пасты и имела круглую в плане и уплощенную в поперечном сечении форму. От центра предмета радиально отходили белые, красные и черные полосы (рис. 198: 7). В указанной яме содержалось большое количество материала, в том числе фрагменты кувшина с плоской ручкой и костяная обойма с прочерченным изображением трилистника (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 2, рис. 2: 2–4). Все это свидетельствует в пользу датировки указанного комплекса периодом не ранее сер. IX века. Кроме вышеописанных находок в заполнении хоз. ямы 13 раскопа 9 была обнаружена половинка цилиндрической бусины из зеленого непрозрачного стекла (рис. 198: 6) (Кравченко, 2004 б, с. 13, рис. 36: 3). В целом же комплексы, в которых

были выявлены бусины, относятся к IX в. Так или иначе относить широкое распространение бус на данном памятнике именно к этому времени нет оснований в связи с тем, что в стратифицированных комплексах (которых немного) наиболее ранние сооружения содержат немногочисленный, маловыразительный материал.

Вставки. В подъемном материале на памятнике был найден бронзовый перстень, в жуковине крепилась вставка из стекла сиреневого цвета (рис. 198: 9) (Кравченко, 2003, с. 25, рис. 18: 5).

Фрагменты сосудов. Кроме описанных выше предметов на археологическом комплексе был найден ряд находок фрагментов стеклянных сосудов. Как и на других крупных памятниках салтово-маяцкой культуры, эти находки немногочисленны. Почти все они происходят из котлованов жилых и хозяйственных сооружений, расчищенных в центральной части поселения. Восстановить первоначальный облик предметов в большинстве случаев невозможно, что связано с характером находок, представляющих обломки хрупких тонкостенных сосудиков, которые обычно доходят в измельченном состоянии. Фрагменты стекла могли содержаться и в культурном слое городища, однако сильная поврежденность его поверхности многолетней распашкой почти полностью исключает возможность их сохранения.

Связать с определенными типами сосудов можно несколько фрагментов. Часть их была обнаружена на дне котлована помещения 10. Они располагались двумя группами, одна из которых находилась в центральной части котлована (рис. 198: 1), а вторая – у входа в хозяйственную яму, прилегающую к помещению с северной стороны (Кравченко, 2003, с. 7). Среди них были зафиксированы фрагмент ровного, возможно, оконного стекла (рис. 198: 10), полая ножка стопки из зеленого стекла (рис. 198: 12) и горлышко небольшого флакона из прозрачного белого стекла (рис. 198: 11). Прочие фрагменты представляли собой мелкие обломки стенок сосудов, толщина которых не превышала 1 мм. Вполне вероятно, часть их имела отношение к описанным выше предметам. Ножки, близкие по типу, фактуре и цвету, принадлежат стопкам, производившимся (по мнению А.И. Айбабина) в Юго-Западном Крыму (Айбабин, 1976, с. 27, 29). Отличием является то, что они не имели канала внутри. Подоб-

ные стопки известны на крымских памятниках хазарского времени, в частности в склепах Скалистинского могильника (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 38–39, рис. 22, 24). Судя по размерам, характеру стекла и профилировке, горлышко, выявленное в помещении 10, принадлежит флакону. Близкие аналоги ему имеются в катакомбах Дмитриевского могильника. Так, в кат. 26 и 108 были найдены целые такие сосудики, а в кат. 51 – горлышко от подобного флакона (Плетнева, 1989, с. 106, 109, рис. 17). Известны сосуды этого типа и среди материалов Красногоровского могильника (Аксенов, Михеев, 1998, с. 348, 352, рис. 2, 10). Для датировки наших находок представляется важным факт наличия на дне котлована постройки фрагментов кувшина с плоской ручкой (Кравченко, 2003, с. 8).

Интерес представляет группа фрагментов стеклянных сосудов, найденных в заполнении ямы, которая являлась частью хозяйственного помещения 14. Среди них фрагмент прозрачного оконного (?) стекла (рис. 198: 13), а также боковая часть сосуда из прозрачного белого стекла, украшенного расчлененным валиком (рис. 198: 15) (Кравченко, 2004, с. 8, рис. 10: 9). Кроме них в заполнении ямы был обнаружен кусок днища бокала зеленого цвета (рис. 198: 16) (Кравченко, 2004, рис. 10: 5), близкого крымским находкам (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 193–195, рис. 85: 26–27, 46, 2 и др.). Кроме вышеописанных материалов, в хоз. яме 17 раскопа 9 был обнаружен фрагмент венчика сосудика, орнаментированного тоненьким налепным валиком на шейке, который был изготовлен из светло-зеленого стекла (рис. 198: 14) (Кравченко, 2004, с. 14, рис. 10, 11). Судя по указанному фрагменту,

он принадлежал небольшому стеклянному кувшинчику или кружечке.

Прочие находки дошли в виде мелких фрагментов. Вполне вероятно, большинство их являлось обломками лампадок, стопок, небольших кувшинчиков или кружек. Все указанные фрагменты были выявлены при расчистке археологических комплексов. Так, ряд находок, представленных мелкими фрагментами сосудов открытого типа, сделанных из тонкого прозрачного стекла бирюзового цвета, был обнаружен в пределах раскопа 2 (хоз. яма 12, котлован помещения 2), сооружения которого относятся к позднему периоду истории памятника. В пользу этого свидетельствуют как планиграфические наблюдения и отсутствие стратиграфии, так и материал, встреченный в комплексах раскопа (фрагменты кувшинов с плоскими ручками, крышки с пестовидными ручками, кувшинчики с ойнохоевидным устьем, характерные типы амфор). Мелкий фрагмент стеклянного сосуда был найден в заполнении хоз. ямы 8 (раскоп 16). Среди прочих находок из этой ямы следует назвать фрагмент котла с внутренними ушками, фрагменты кувшинов с плоскими ручками, пестовидную ручку от крышки (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 10). Интерес представляет находка мелких фрагментов стеклянного сосудика в заполнении ямы, вырытой в дне котлована помещения 16. Указанные фрагменты имели толщину стенок до 1 мм и были изготовлены из прозрачного бесцветного стекла. Вместе с ним в яме находились фрагменты стенок кувшина с плоской ручкой, сероглиняной византийской амфоры и сильно потертая медная монета императора Льва V (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2010, с. 6–8).

§3.3. Изделия из кости и рога

Во время раскопок археологического комплекса у с. Сидорово была выявлена небольшая группа изделий из кости. Практически все эти находки зафиксированы при расчистке археологических комплексов. Основная часть их была найдена в раскопах 2, 7, 16, которые находились в пределах внутренней линии укреплений памятника и рядом с ней. Последнее не является свидетельством того, что костяные изделия локализируются именно на этом участке. Более вероятно, что концентрация находок в этой части поселения связана с тем, что именно здесь расположе-

на группа раскопов, которыми была вскрыта большая площадь.

Астрагалы. Среди находок абсолютно преобладают астрагалы. Они представлены костями двух видов – крупные (корова-лошадь) и мелкие (коза-овца). Часть астрагалов имеет заполированную поверхность и несет на себе прочерченные знаки или элементы орнамента, как правило, расположенные на щитке. Тем не менее имеется ряд костей, у которых орнаментом покрыта практически вся поверхность предмета. Иногда астрагалы со знаками несут на себе следы дополнитель-

ной обточкой, придающие им более правильную форму. На отдельных костях встречены просверленные отверстия, в которые заливался свинец с целью сделать астрагал более тяжелым (рис. 199: 9, 14).

В заполнении комплексов астрагалы встречались как группами, так и поодиночке. Одиночные предметы были зафиксированы на городище и на селище. В 1998 г. в заполнении хоз. ямы 2, находящейся к северу от внутренней линии укреплений на городище, было выявлено два астрагала, в том числе и овечий астрагал, который нес на щитке процарапанное тонким предметом изображение двойного двузубца (рис. 199: 1). Еще один астрагал с процарапанной на его щитке пентаграммой находился в заполнении хоз. ямы 1, расчищенной на эскарпе. При расчистке слоя заполнения помещения 3 был найден астрагал, на щитке которого была прочерчена фигура, напоминающая схематическое изображение парусника (рис. 199: 18). В хоз. яме 11 раскопа 2 обнаружен большой астрагал, покрытый зигзагообразными фигурами, прорезанными по всей его поверхности (рис. 199: 4). Овечий астрагал с процарапанным на щитке знаком в виде коленчатой фигуры находился в заполнении хозяйственной ямы 1 раскопа 7 (рис. 199: 10). Кроме этого, два овечьих астрагала были выявлены при расчистке котлована помещения 19. В одном из них было просверлено отверстие, а второй имел прочерченный на щитке рисунок в виде лесенки (рис. 199: 11). При выборке верхнего слоя раскопа 19 в квадрате Д-13 среди прочего материала был выявлен астрагал с прочерченными на щитке тремя фигурами, близкими по начертанию руническим знакам (рис. 199: 20).

Несмотря на то, что на селище 1 масштабных работ не производилось, здесь также были зафиксированы находки четырех овечьих астрагалов с прочерченными изображениями (рис. 199: 8, 15–17). Все они находились в заполнении котлована помещения 22 (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 15).

Скопления астрагалов, выявленные в заполнении хозяйственных ям, котлованов помещений и иногда в культурном слое памятника, рассматриваются в разделе, посвященном мировоззрению населения Сидоровского археологического комплекса. Здесь мы обращаем внимание только на скопления, в которых присутствовали астрагалы с рисунками. Одно из них было выявлено в хоз. яме 8 раскопа 7. В нижней части этой ямы была встречена

группа астрагалов, среди которых 4 предмета имели на щитках процарапанные изображения (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 269). Среди знаков крест (рис. 199: 3), плетенка (рис. 199: 12), абстрактная фигура на боковой поверхности астрагала (рис. 199: 13) и двойной двузубец (рис. 199: 19). Несколько астрагалов, несущих на себе прочерченные знаки, найдено в нижней части хоз. ямы 9, входившей в хозяйственное помещение 14 (Кравченко, 2004, с. 8). Среди них двойной квадрат (рис. 199: 5) и абстрактные фигуры, имеющие сходство с руническими знаками (рис. 199: 6–7).

В целом находки астрагалов на археологическом комплексе у с. Сидорово находят многочисленные параллели в материалах иных памятников салтово-маяцкой культуры. В частности, в Саркеле эти предметы также встречались как скоплениями, так и поодиночке (Флерова, 2001, с. 108). О многофункциональности астрагалов у народов тюркской группы неоднократно сообщалось авторами. Обзор работ по указанной проблематике содержится в книге В.Е. Флеровой (Флерова, 2001, с. 108–114), благодаря чему останавливаться подробно на этом вопросе здесь нет надобности.

Из знаков, зафиксированных на астрагалах Сидорово, особый интерес представляет двойной двузубец. На рассматриваемом нами памятнике этот знак встречен дважды. Одно изображение было процарапано на щитке астрагала, найденного в хозяйственной яме 2 (1998) (рис. 199: 1). Еще один астрагал с изображением двойного двузубца с боковым отростком (рис. 199: 19) входил в группу астрагалов, найденных в нижней части хоз. ямы 8 раскопа 7 (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 269, рис. 45: 3).

Указанный знак относится к числу очень древних символов, фиксирующихся еще в Древнем Иране (изображение аташдана?) и у сарматов. В эпоху Средневековья знаки такого типа уже использовались как родовые тамги (Артамонов, 1935, с. 95–96; Плетнева, 1962, с. 249, 251, рис. 4, 5). В.Е. Флерова считала, что знаки, в основе которых лежали тамги местного населения, воспринимались как знак покровителя рода или семьи и могли почитаться как священные. По ее мнению, строительные материалы с нанесенными на них такими тамгообразными знаками могли восприниматься в качестве закладных жертв (Флерова, 1997, с. 82). Так или иначе на памятниках

хазарского времени этот символ встречается достаточно часто. Он присутствует в лесостепных древностях (Плетнева, 1967, с. 127; 1989, с. 141, рис. 68–77; Винников, Сарапулкин, 2007, с. 329, рис. 5: 2; Винников, Плетнева, 1998, рис. 32А, 63, 19; Флерова, 1997, табл. I, 145–148). Известен он и в степной зоне. Здесь изображение двойного двузубца фигурирует на кирпичах Саркела, Семикаракорского городища, на стенах Хумаринского городища на Северном Кавказе (Артамонов, 1935, рис. 39, 154; Флерова, 1997, с. 50). Известен он в Крыму (Майко, 2005, рис. 1, 2) и в протоболгарских древностях Среднего Поволжья (Геннинг, Халиков, 1964, табл. V, 6; VI, 9). Встречается этот знак и на памятниках хазарского времени в среднем течении Северского Донца (Krasilnikov, 1990, p. 212, abb. 2, III b). Здесь, кроме обычного его употребления (в качестве клейм на днищах сосудов и граффити на астрагалах), зафиксировано присутствие рассматриваемой нами тамги на лицевой стороне рунического дирхема (рис. 212: 3). Указанная монета с легендой, выполненной знаками кубанского рунического письма, была подобрана на городище у с. Новоселовка Краснолиманского р-на Донецкой обл., которое находится на противоположной стороне реки от Сидоровского археологического комплекса (Кравченко, 2016 б). Наличие этого символа на монете свидетельствует в пользу того, что наряду с сакральным значением рассматриваемый нами знак мог представлять тамгу правителя.

Бытовые предметы из кости немногочисленны. В 2000 г. в верхнем слое раскопа 3 был обнаружен фрагмент *костяного игольника* (рис. 200: 5) (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 247). Ближайшие параллели ему мы видим в материалах Саркела (т. н. игольники I типа) (Флерова, 2001, с. 79–80, рис. 37: 1). Обломки от орнаментированных гравировкой костяных накладок или обоек были встречены еще в двух местах. Так, в 2011 г. на размытом отвале раскопа 7 был найден фрагмент полированной кости с прочерченным арочным орнаментом (рис. 200: 7). Арки расчленены поперечными прочерченными линиями. Подобная орнаментация была широко распространена в раннесредневековое время. Она известна как на костяных изделиях салтово-маяцкой культуры (Флерова, 2001, рис. 22: 1–2; 63: 9), так и далеко за пределами ее распространения (Седов, 1982, табл. LXIII, 8; Останина, 2011, с. 106, рис. 27: 18). Кроме этого на дне котлова-

на помещения 19 также был обнаружен фрагмент игольника, орнаментированный прочерченным рисунком (рис. 200: 6) (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 3, 12, рис. 42: 2, 3).

Костяная обойма. Интересна находка костяной обоймы с изображением трилистника. Рисунок прочерчен тонким острым предметом на ее поверхности (рис. 200: 2). Трилистник имеет раскрытую форму. Предмет был выявлен в заполнении хоз. ямы 2, раскопанной на городище в 1998 г. (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 2; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 247). Указанная обойма близка т. н. «горлышкам от бурдюков» или «реликвариям», отличаясь от них своей цилиндрической формой. Тонкие стенки, качественная полировка, четко прочерченное изображение показывают, что предмет был изготовлен человеком, имеющим опыт изготовления подобных изделий. Согласно содержащимся в данной яме материалам (фрагменты кувшинов с плоскими ручками) она относится к позднему этапу истории памятника, не ранее 2-й половины или конца IX в. (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 2). Стилистические особенности изображения такой датировке не противоречат (Фонякова, 2010, с. 99, рис. 25).

Орудия труда на археологическом комплексе у с. Сидорово представлены единичными находками. В придонной части помещения 5 было обнаружено шило (рис. 200: 1), изготовленное из пяточной кости животного. Из пяточной кости выполнен и крюк для плетения сетей (рис. 200: 3), выявленный на дне котлована помещения 21 (Кравченко, Петренко, Спинов, 2011, с. 15, рис. 42: 1). Кроме этого, в заполнении хоз. ямы 9 помещения 14 была найдена игла, сделанная из кости крупной рыбы (Кравченко, 2005, с. 211, рис. 7: 1). Игла слегка изогнута, имеет просверленное ушко в верхней своей части и продольный канал на вогнутой поверхности (рис. 200: 4). Назначение указанного предмета неясно.

Накладки лука. Интересная находка была обнаружена в помещении 5 у вала внутренней линии укреплений. В придонной части котлована среди прочих материалов (керамика, железный ключ, обломок бронзового крючка-застежки) были обнаружены костяные накладки на лук (рис. 201: 4–5). Накладки имеют подовальную форму со слегка выгнутой наружу верхней частью. На брюшке они покрыты насечками, выполненными острым предметом, которые служили для лучшего скрепления пластины с деревянной частью

лука. Указанные накладки находят аналоги на памятниках салтово-маяцкой культуры. Так, близкого типа накладки от лука были найдены на Сухогомольшанском городище (Михеев, 1985, с. 59, рис. 30: 1). Согласно устному замечанию Е.В. Круглова, накладки такого типа появляются в IX веке.

Кроме описанных выше находок, в ряде раскопов были выявлены *кости со следами обработки*. Их также немного. Так, залощенная кость ребра со следами обрезки была выявлена в заполнении хоз. ямы 2 (1998) (рис. 201: 6). Три фрагмента костей с заполированной поверхностью были найдены при расчистке помещения 15 (Кравченко, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2006, с. 5, рис. 10: 5–7). Вполне вероятно, что они являлись заготовками каких-то орудий. Группа подобных костей (ребер, имеющих следы полировки) была выявлена в комплексах раскопа 20, расположенного у въезда на городище. В заполнении хоз. ямы 2 раскопа 6 был обнаружен фрагмент челюсти животного со следами нарезок на поверхности (рис. 201: 8). Кости с нарезками на поверхности (рис. 201: 7) были выявлены в слое и в заполнении хоз. ямы 1 раскопа 18 на городище.

Острия. Кроме этого, на памятнике встречен ряд заготовок от т. н. «острий», выполненных из обрезков оленьих или лосиных рогов. Одно из них (рис. 201: 1) было найдено в 2003 г. культурном слое раскопа 10 (квадрат А-2, на глубине 0,3 м от современной поверхности). Еще один обрезок рога с прочерченным на боковой поверхности кружком с точкой в центре был выявлен в 2004 г. в заполнении хоз. ямы 9 раскопа 7 (рис. 201: 2).

Завершая описание предметов из кости, выявленных при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово, можно сказать следующее. Находки костяных изделий представляют немногочисленную в количественном отношении категорию материалов, представленную бытовыми предметами и единичными орудиями труда. Серий орудий, имеющих отношение к тому или иному виду ремесла, среди них нет. Исключением являются ребра с залощенной поверхностью, которые, наиболее вероятно, использовались в качестве лоцил при обработке кожи. Показательно, что среди находок практически полностью отсутствуют высококачественные изделия, являющиеся продукцией мастеров-профессионалов, типа предметов, выявленных при раскопках Саркела (Флерова, 2001), Маяков (Нахапетян, Шамрай, 1990) и других памятников салтово-маяцкой культуры Подонья (Михеев, 1985, с. 66–68). Более или менее к ним подходят игольники и обойма, найденная в хоз. яме 2 (1998), которые вполне могли попасть на рассматриваемый нами памятник с иных поселений, где указанные предметы производились. Показательным является и то, что среди находок на археологическом комплексе практически полностью отсутствуют отходы косторезного производства, а заготовки для изготовления предметов представлены единичными экземплярами. Все это свидетельствует о том, что на данном памятнике косторезное ремесло развито не было, а изготовление немногочисленных костяных предметов, которые требовались в быту, носило домашний характер.

§3.4. Изделия из металла

Первая относительно небольшая, но достаточно представительная коллекция металлических предметов была собрана на памятнике во время раскопок В.К. Михеева (Михеев, 1971, с. 8, 10, 13). Из них несколько вещей находились в заполнении археологических комплексов. Так, в засыпке рва, расчищенного в раскопе II, были найдены 2 железных наконечника стрел (рис. 207: 8, 24), которые автор относил к IX–X вв. (Михеев, 1971, с. 8, табл. VII, 3, 5; 1985, с. 20, рис. 17, 20–21). В культурном слое раскопа VI был найден железный боевой топорик, датированный В.К. Михеевым X–XIII вв. (Михеев, 1971, с. 10, табл. VII, 1) (рис. 208: 21). Основная же

часть находок экспедиции 1971 г. была поднята на поверхности Малого городища после сильного ливня. Среди них два наконечника стрел (рис. 207: 11, 18), железные ножи и их фрагменты (рис. 202: 21–26), обломок сверла (рис. 203: 11), перекрестие сабли (рис. 208: 34), пряжки (рис. 204: 9), втульчатое долото (рис. 203: 12), два серпа – целый и обломок (рис. 203: 14, 16), детали ларцов и сундуков, скобы, вилка (Михеев, 1971, с. 13, табл. VII, 2, 4, 6–8; VIII, 1–9, 11–13). Особый интерес представляет находка крупного лемеха (рис. 203: 13) и маленького железного наральника (Михеев, 1971, табл. IX, 9). Группа пред-

метов была выполнена из цветных металлов (Михеев, 1971, табл. VIII, 8–9, 14).

Небольшое количество металлических предметов было найдено в 1998 г., когда на городище производился сбор подъемного материала (Кравченко, Давыденко, 2001). Большинство же находок было обнаружено во время раскопок 2000–2004, 2006, 2009–2013 гг. Основная часть их происходит из подъемного материала. Небольшое количество предметов находилось в культурном слое и заполнении археологических комплексов. В целом металлические предметы с рассматриваемого нами памятника весьма разнообразны и подразделяются на две крупных группы: предметы из черных и цветных металлов.

Изделия из черных металлов

Представляют наиболее многочисленную категорию находок. В пределах памятника их находки распространены равномерно, что свидетельствует о том, что в быту жителей населенного пункта железные предметы не являлись редкостью и использовались представителями всех социальных слоев. По своему назначению эти вещи подразделяются на несколько групп: бытовые предметы, орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения, гири, а также скобы и гвозди, употреблявшиеся при строительных и ремонтных работах. Функциональное определение некоторых вещей затруднено из-за фрагментарности, плохой сохранности или иных факторов.

Ножи. Среди находок много ножей, абсолютное большинство которых представлено ножами с прямой спинкой и коротким плоским черешком, на котором ранее крепилась деревянная рукоять (рис. 202: 2–7, 9–16, 18–20, 22–26, 31). Лезвие ножа и черешок обычно находятся на одной оси. Достаточно часто лезвие отделено от рукояти небольшим упором (рис. 202: 1–7). Учитывая тот факт, что этот упор представлял собой пластину или приваренную к лезвию согнутую расплюсченную проволоку, можно предположить, что на большинстве ножей упор также присутствовал, но мог не сохраниться. Ножи отличаются друг от друга размерами, наличием или отсутствием упора при переходе от лезвия к рукояти и степенью сработанности лезвия. Один из них имеет достаточно крупные размеры (общая длина 19 см при длине лезвия 15 см) и дол на одной из сторон (рис. 202: 1). Вполне вероятно, он мог использоваться как боевой нож. В пользу такого вывода свидетельствует

и место находки предмета (раскоп 19, в заполнении рва).

Указанный тип ножей является преобладающим на памятниках салтово-маяцкой культуры (Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 90–99). Ножи других типов представлены небольшим количеством экземпляров. Два из них (рис. 202: 28–29) – это однолезвийные ножи с изогнутым черешком, что свидетельствует о том, что лезвие по отношению к рукояти располагалось под небольшим углом. Подобное расположение характерно для ножей, которые использовались при разделке туш. Еще один нож, который мог являться бритвой, имеет черешок, изогнутый в противоположную от лезвия сторону (рис. 202: 30). Особый интерес представляет нож, обнаруженный в подъемном материале во время раскопок памятника экспедицией В.К. Михеева. Он представляет собой длинную относительно широкую пластину, которая завершается коротким косо срезанным лезвием (рис. 202: 21). Подобного рода ножи и ныне применяются для разделки кожи. Два предмета представлены двулезвийными ножами с длинным узким черешком. Один из них фрагментирован, в связи с чем восстановить форму его лезвия трудно (рис. 202: 8). Второй нож имел листовидное плоское с одной стороны лезвие, напоминающее по внешнему виду лезвие дротика (рис. 202: 27). Тем не менее присутствие черешка с загнутым краем свидетельствует о том, что на него была насажена деревянная рукоять. Подобные ножи имели отношение к ремесленной деятельности. По своему виду они напоминают ножи, употребляемые гончарами при обработке сосудов.

Земледельческие орудия составляют компактную группу. Большинство их было обнаружено в 1971 г. во время работ В.К. Михеева. Среди них железный лемех с наваренными лезвиями по краям (рис. 203: 13) (Михеев, 1971, с. 13, табл. XX, 14), серп (рис. 203: 14) и обломок серпа (Михеев, 1971, VII) (рис. 229: 16). Еще один фрагмент серпа был обнаружен в 2011 г. (рис. 203: 15). Близкие по форме и размерам лемехи выявлены на городище Маяки и поселении Государев Яр (скопление 5) (Давыденко, Гаврилова, 2011, рис. 7: 6). Особый интерес представляет находка наральника малого размера, который В.К. Михеев вполне обоснованно считал вотивной железной моделью (Михеев, 1971, с. 13, табл. IX, 9). К сельскохозяйственным орудиям можно отнести и хомут от косы (рис.

206: 9), выявленный в подъемном материале на территории городища. В целом же орудий, связанных с сельскохозяйственной деятельностью, на археологическом комплексе у с. Сидорово очень мало. Особенно четко это видно при сравнении с многочисленными находками подобных предметов на соседнем городище у с. Маяки, а также с материалами, происходящими с некоторых окрестных поселений (Государев Яр, Выла и др.) (Давыденко, Гаврилова, 2011, с. 20–32). Для обработки земли могли применяться и некоторые виды тесел, часто встречающиеся на памятнике. Все они представлены т. н. теслами-мотыжками разных размеров. Только у одного тесла (рис. 203: 1) форма лезвия свидетельствует о том, что оно служило исключительно для обработки дерева. Близкую форму рабочей части и ныне имеют токарные резцы.

Орудия для обработки дерева на археологическом комплексе у с. Сидорово также немногочисленны. Кроме описанного выше тесла и сверла (рис. 203: 11) здесь были найдены топор, несколько лезвий от топориков (рис. 203: 5) и небольшой фрагмент пилы (рис. 203: 17). Таким образом, тесла-мотыжки в основной своей массе являлись орудиями для обработки земли или были полифункциональными. Для обработки земли служило и орудие с широким треугольным лезвием (7 см) и сомкнутой втулкой (рис. 203: 8), в которую вставлялась прямая деревянная рукоять. Большинство же тесел имеет разомкнутую втулку, в которую вставлялась прямая или коленчатая рукоять. Плоское, прямое или слегка наклоненное внутрь лезвие обычно слегка расширяется книзу. Изредка оно имеет прямоугольные в плане очертания. Ширина рабочей части у найденных на памятнике экземпляров колеблется от 2,5 до 7 см. (рис. 203: 1–4, 6, 9). Предположение о том, что эти орудия применялись при строительстве могильных сооружений, было выдвинуто еще в дореволюционное время (Покровский, 1905, с. 467, 470). Следы от лезвий таких тесел были зафиксированы на стенках погребальных камер в могильниках археологического комплекса у с. Сидорово (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118, 123). Кроме этого, на стенках могил имеются следы двузубого орудия, которое, наиболее вероятно, было подобно крупному двузубому теслу с заточенным внутренним краем, фрагмент которого был найден в подъемном материале (рис. 203: 7). Тесла такого типа могли использоваться при рытье и выравнивании

стенок ям, вырытых в тяжелом меловом или глинистом грунте. Кроме этого, на стенках могил были зафиксированы следы орудия с широким лезвием (11,5–12 см), ранее определяемого как топор (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 123). Скорее всего, это был заступ с железным наконечником, который как по своему виду, так и по размерам близок находкам на археологическом комплексе у с. Маяки (Михеев, 1985, рис. 19: 2–3; Лаптев, 2007, с. 15, рис. 4: 1–2; Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 10, рис. 25: 4; Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 31). В материалах Сидоровского комплекса орудий такого типа пока не найдено, что не значит, что их там не было. Кроме этого, среди находок присутствует крупное *проушиное тесло или мотыга* (рис. 203: 10), которое, наиболее вероятно, могли использовать при землеройных работах. Близкое по типу орудие, напоминающее кетмень, было обнаружено в кладе, выявленном в 1981 г. в устье Ложникова яра, на селище, входящем в состав археологического комплекса у с. Маяки (рис. 163).

Среди находок на памятнике имеется втульчатое долото (рис. 203: 12). Орудия этого типа могли применяться в качестве пешни, для пробивания тонкого льда (Михеев, 1985, с. 56), и как долота. Об использовании данных предметов именно в этом качестве свидетельствуют следы забитости на тыльной части втулки (Михеев, 1985, с. 71). Вполне возможно, их использовали не только для обработки дерева, но и для работ по камню.

Обращает на себя внимание небольшая группа маленьких клинообразных орудий. Их форма и наличие следов забитости на тыльной поверхности свидетельствуют о том, что эти орудия представляли собой *зубила* малого размера (рис. 206: 6–8). Учитывая малый угол заточки их рабочей поверхности, можно предположить, что при помощи указанных зубил производилась рубка каких-то мягких материалов. Они могли использоваться для работы с цветными металлами или в качестве клинышков для раскалывания костей.

Достаточно частой находкой на памятнике являются железные *шилья* разных размеров. Наряду с маленьким шильцем (рис. 206: 5), обнаружены достаточно крупные экземпляры (рис. 205: 36), предназначенные для грубых работ.

Выразительно выглядит группа железных предметов, употребляемых жителями поселения в качестве скрепляющего материала при

строительных и прочих работах. Это *гвозди, скобы, металлические скрепы* и проч. Гвоздей на поселении достаточно много, однако, учитывая специфику данной категории материала, установить, какие предметы имеют отношение к археологическому комплексу хазарского времени, а какие датируются более поздним периодом, вплоть до этнографической современности, не всегда можно. Среди средневековых гвоздей встречаются как крупные экземпляры (рис. 205: 32), так и небольшие, а иногда и совсем маленькие гвоздики (рис. 205: 34; 206: 20). Достаточно частыми являются находки П-образных скоб с заточенными концами (рис. 205: 37–43), которые применялись для усиления при скреплении небольших деревянных конструкций.

Отдельную группу составляют пластины с заклепками. На рассматриваемом нами памятнике они представлены двумя типами. Наиболее часто встречаются спаренные пластины шириной до 5–7 см, соединенные заклепками, располагающимися на их концах (рис. 206: 21, 22). Группа таких пластин была зафиксирована в 2003 г. в котловане помещения 10. Вдоль северной его стенки на полу были найдены железные гвозди (рис. 206: 20), которые лежали вдоль стены. Часть их находилась вдоль южной стенки котлована. Там же, несколько отступая от стен, вдоль северной и южной стенок котлована находились лежащие в ряд, параллельно друг другу, железные пластинки с двумя штырями-заклепками (рис. 206: 21). Длина полностью сохранившихся заклепок составляла до 4 см, что, по всей видимости, было связано с толщиной досок, которые скреплялись при помощи этих пластин. Судя по всему, описанные выше предметы были деталями конструкции щита, который, наиболее вероятно, представлял собой деревянный пол рассматриваемого нами помещения. Таким образом, указанные пластины использовались в качестве скреп, которыми соединялись деревянные доски. Аналоги им присутствуют на памятниках салтово-маяцкой культуры. Подобные пластины есть в материалах Кочетокского могильника (Свистун, 2012, илл. 6, 45–46). Еще одна группа таких пластин-скреп, однако иной – овальной или восьмиугольной формы (рис. 205: 44–45) – была зафиксирована в заполнении хоз. ямы 3 раскопа 18.

Небольшую группу предметов составляют *детали конской упряжи*. В подъемном материале на памятнике были встречены фрагмент стремени (рис. 204: 7), удила (рис. 204: 16) и

половинка удила (рис. 204: 6). К конской упряжи могли относиться крупные кольца, которые достаточно часто встречаются на памятнике (рис. 204: 12–15), и железные пряжки. Целые стремени и удила находились в составе клада железных вещей (2012 г.), описанного выше (рис. 167–168). По своему типу практически все эти находки датируются IX веком.

Исключение составляют двусоставные двухкольчатые удила (рис. 204: 16), аналоги которым встречены в памятниках более раннего времени. Близкого типа удила присутствуют в материалах Вознесенского комплекса (Рыбаков, 1950, рис. 3; Рашев, 2004, с. 232, табл. 71, 8). Мнения специалистов о датировке указанного объекта существенно расходятся. Так, исследователь памятника В.А. Гринченко (Гринченко, 1950, с. 42, 62), а вслед за ним ряд отечественных специалистов (Мацулевич, 1959, с. 184, 204–205; Сміленко, 1975, с. 116), датировали его кон. VII – нач. VIII вв. Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1950, с. 11) и С.А. Плетнева (Плетнева, 1967, с. 101–102) относили этот памятник к VIII веку. Несколько сужали эту датировку А.К. Амброз (1-я пол. VIII в.) и А.А. Тортика (1 четверть VIII в.) (Амброз, 1982, с. 220; Тортика, 2006, с. 61). Иной точки зрения придерживались западные авторы (Ч. Балинт, Р. Рашев), предлагавшие более раннюю датировку (1 половина VII в.). Болгарский исследователь Н. Хрисимов также датировал указанный памятник 20–30 гг. VII в., связывая его появление с вытеснением аваров на запад южнорусских степей правителем Великой Булгарии Кубрат-ханом (Хрисимов, 2009, с. 37–38). Не вдаваясь в детали дискуссии, укажем, что удила интересующего нас типа имеют широкую географию распространения. Они присутствуют на могильниках Волго-Камья, в частности – в захоронениях Бирского могильника (№№ 111 и 156) (Мажитов, 1968, с. 100, 107–108, табл. 28, 5; 29, 20). Зафиксированы они и в погр. 4 кургана 14 Новинковского II курганного могильника на Самарской Луке, который автор публикации относил к кон. VII – 1 пол. VIII вв. (Матвеева, 1997, с. 29, 66, 87, рис. 74: 6; 116: 2).

Пряжки являются достаточно частой находкой на рассматриваемом нами памятнике. Основная часть их представлена обыкновенными арочными пряжками (рис. 204: 1–4), которые могли использоваться как для поясов, так и для крепления ремней конской сбруи. В пользу этого свидетельствует присутствие таких пряжек в одних комплексах с деталями

конской упряжи (Кравченко, Шамрай, 2014, с. 185, илл. 3–4). Реже встречаются пряжки с трапециевидной рамкой (рис. 204: 9–11). Собственно, и те и другие имеют достаточно широкое распространение на памятниках хазарского времени. К числу относительно поздних предметов, по-видимому, относится и железная пряжка лировидной формы (рис. 204: 5), найденная в заполнении ямы 9 помещения 14. В памятниках хазарского времени такой тип пряжек встречается нечасто, да и появляется относительно поздно, не ранее IX века. Они известны в трупосожжениях IV этапа функционирования могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203, табл. 89, 59). Близкую форму имеют маленькие бронзовые пряжки более позднего времени, широко представленные как на древнерусских памятниках X–XI вв., так и в Степи (Седова, 1981, с. 144, рис. 56: 5). В частности, пряжка подобного типа была обнаружена в погребении могильника Белой Вежи вместе с византийской медной монетой, выпущенной в 1055 г. (Артамонова, 1963, с. 79, рис. 47: 10; 60). Известны они и в погребениях кочевников, обнаруженных на территории Венгрии.

Бытовые предметы достаточно многочисленны. Среди них выделяются кухонные принадлежности. Одной из находок является наконечник крюка для доставания мяса из котла (рис. 206: 15). Указанный предмет имеет втулку, в которую вставлялась деревянная рукоять. В подъемном материале на памятнике была обнаружена деталь железной витой рукояти еще одного крюка (рис. 206: 18). На городище была выявлена вилка с длинной витой ручкой (рис. 206: 17). В целом кухонные принадлежности этого типа имеют широкое распространение на памятниках салтово-маяцкой культуры (Михеев, 1985, рис. 37: 4, 9; Квитковский, 2011, с. 17–18, рис. 3, 6; 5: 1; Аксенов, Колода, 2017, с. 47, рис. 4, 7). Хорошая подборка их происходит с городища у с. Маяки (Михеев, 1985, рис. 37: 1–3, 5–8; Матеріальна та духовна культура, 2017, илл. 115–116). Один такой крюк был найден автором на посаде археологического комплекса у с. Новоселовка Краснолиманского р-на.

Кроме них, на Сидоровском комплексе встречена группа разнообразных **крючьев** (рис. 205: 18–21; 206: 11, 14), которые применялись в хозяйстве жителями памятника. Один крюк с широким плоским основанием найден в помещении 11 (рис. 206: 14). По своей форме он напоминает крючья от надо-

чайной цепи (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 86: 1). На памятниках, расположенных в среднем течении Северского Донца, цепи указанного типа пока не найдены, однако они хорошо представлены на археологических объектах лесостепной зоны, в частности в материалах кремационных могильников, расположенных в пределах Харьковской обл. (Свистун, 2012, с. 81, илл. 3).

Частой находкой на памятнике являются **детали ларцов**, которые были встречены как в подъемном материале, так и в заполнении археологических комплексов (рис. 205: 3–8). Большая часть находок представлена фрагментами небольших петель с вытянутым подтреугольным корпусом, завершающимся головкой округлой или луковицеобразной формы (Михеев, 1985, рис. 33: 4–6). С тыльной стороны у них имеется петля, при помощи которой навес крепился к деревянной основе сундучка (рис. 205: 3–6). Реконструкция ларца с такими петлями, происходящего с археологического комплекса у с. Маяки, представлена в работе В.К. Михеева (Михеев, 1985, рис. 33: 13). Интересны две больших петли, выявленные в слое раскопа 9 Сидоровского археологического комплекса (рис. 205: 1–2), которые являлись деталями достаточно крупного сундука. Среди находок присутствует витая ручка ларца (рис. 205: 17), также находящая аналоги на памятниках салтово-маяцкой культуры (Михеев, 1985, рис. 33: 1; Аксенов, 2004, рис. 1, 16).

Ларцы и сундучки рассматриваемого нами типа, вероятно, пользовались большим спросом у раннесредневекового населения как Восточной, так и Северной Европы. Близкого вида петли, врезные замки, ключи от ларцов и сундучков часто встречались в погребениях Бирки (Arbman, 1940, Abb. 101, 117, 177, Taff. 259, 262, 263). По времени своего бытования они были современны ларцам салтовских памятников²⁰. Вне сомнений, ларцы, найденные на территории Северной Европы, изготавливались в других центрах, чем близкие им предметы, встреченные на памятниках салтово-маяцкой культуры. В пользу этого свидетельствует иное крепление петель к основе, отличия в типах ключей, а соответственно и замков, несколько иная форма ручек сундучков и ларцов, найденных на этих территориях.

²⁰ Так, в погр. 639 могильника Бирка, в котором был выявлен один из таких ларцов, содержалась монета (обрезок аббасидского дирхема 180–190 г. х. – 796–805 гг.) (Arbman, 1940, p. 216, Abb. 174, 9, Taff. 138, 10).

Ключи от замков, выявленные на археологическом комплексе у с. Сидорово, относятся к нескольким типам. Первый представлен пластинчатыми ключами от *навесных замков*. Они имеют вид пластины или стержня с кольцевой или пластинчатой фигурной рабочей частью (рис. 205: 24–26). На тыльной стороне обычно присутствует колечко для подвешивания. Кроме них на памятнике была выявлена группа небольших ключиков с кольцевой головкой, тоненьким корпусом и выступающей узкой бородкой (рис. 205: 13–16). Указанный тип ключей, хорошо представленный в материалах Сидоровского комплекса, на салтовских памятниках встречается относительно редко. Близкие по типу ключи известны на соседнем городище у с. Маяки (Михеев, 1985, рис. 33: 12). Наиболее вероятно, они происходили от врезных замков, деталями которых являются фигурные пластины (рис. 205: 30–31), собранные на поверхности городища (Михеев, 1985, рис. 33: 11). Показательно, что большинство находок ключей этого типа было зафиксировано в археологических комплексах. Один из них (рис. 205: 13) лежал на полу помещения 16, другой – находился на дне котлована помещения 5 (рис. 205: 16) (Кравченко, 2001, с. 9). Еще один ключ (рис. 205: 16) был зафиксирован в придонной части хоз. ямы 1 (1998 г.). И лишь один такой ключик (рис. 205: 15) был выявлен в культурном слое раскопа 9.

Кроме ключей описанных выше типов, на памятнике встречены пластины с маленьким колечком на одной из сторон (рис. 205: 22–23). Не исключено, что они также могли являться рабочей частью ключей, предназначенных для открывания засовов. Засовы подобного типа с вырезами для вставления коленчатого ключа дожили до этнографической современности.

Находки навесных замков и их деталей на археологическом комплексе у с. Сидорово немногочисленны. За время раскопок здесь найдено всего четыре фрагмента от замков этого типа (рис. 205: 9–11). Количество их не идет ни в какое сравнение с материалами соседнего археологического комплекса у с. Маяки, на котором навесные замки являются частой находкой. В одном случае (рис. 205: 12) дужка замка была соединена с обрывком цепи. Подобные цепи разных размеров (от небольших цепочек до крупных каминных цепей) широко применялись населением салтово-маяцкой культуры и достаточно часто встречаются на памятниках. Характерной их

особенностью является восьмеркообразная форма звеньев. Вероятно, для крепления цепи с замком предназначалось и звено восьмеркообразной формы с тремя прикрепленными к нему петлями (рис. 206: 19), которые вбивались в дверь или стену.

Среди прочих находок следует упомянуть *небольшие железные пряжки*, вероятно, от одежды (рис. 204: 10–11, 14), и *оковки из черного и цветного металла*. Кроме них, на памятнике достаточно частыми находками являются фрагменты тонких железных пластин и обрывки листов меди (иногда с заклепками). Часть из них может являться обломками стенок медных или железных клепаных котлов. Аналоги им представлены в материалах поселения Государев Яр (Давыденко, Гаврилова, 2011, с. 22, рис. 3, 4, 7, 9; Колода, 2013, илл. 3, 7, 8, 11), а также на лесостепных памятниках. В частности они присутствуют на Сухогомольшанском (Аксенов, Михеев, 2006, с. 105, рис. 66: 4; 73: 1–4; Михеев, 1985, рис. 11, 15) и Кочетокском могильниках (Свистун, 2012, с. 81, илл. 6).

Среди находок имеется фрагментированная дужка (рис. 205: 27), которая вполне могла быть деталью *металлического котла* либо *деревянного ведра*. О наличии в хозяйстве жителей Сидоровского комплекса деревянных ведер свидетельствует находка на памятнике *железного ушка*, предназначавшегося для крепления рукоятки (рис. 205: 28). Ушки указанного типа не имели отверстий для крепления и просто вбивались в верхнюю часть ведра. Аналоги им имеются в материалах могильника Бирки, где они характеризуются как «Henkelhalter ohne Befestigungsvorrichtungen» – «держатель ручки без крепежных приспособлений» (Arbman, 1940, p. 234–235, Taff. 211, 1; 212, 11, 13; 280, 8).

Единичным экземпляром представлен *железный пинцет* (рис. 205: 33) найденный в слое раскопа 19, близ внутренней линии укреплений городища. Пинцеты относятся к числу распространенных находок на салтовских памятниках. Практически идентичный предмет был найден в слое Сухогомольшанского могильника (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 84: 17). Среди обломков прочих вещей встречено лезвие от пластинчатых ножниц (рис. 202: 32).

Интерес представляют два предмета, которые были обнаружены на территории городища. Один из них (рис. 206: 2), обнаруженный в подъемном материале на территории городища, имеет шилообразную форму. На сторо-

не, противоположной острию, присутствует небольшая шарообразная головка. Центральная часть корпуса украшена двумя кольцевыми орнаментальными поясками. Указанный предмет имеет сходство с одной из разновидностей *стилосов*. Данный тип представляет собой позднюю группу стилосов, характерную для древнерусских материалов XIV в. Близкого вида предмет был обнаружен на территории Неревского раскопа в Новгороде (Овчинникова, 2010, с. 119, рис. 3, 12). Вполне можно было бы предположить, что он попал на рассматриваемый нами памятник уже в то время, когда городище было заброшено, если бы не находка еще одного, не идентичного, но достаточно близкого ему, предмета. Он представляет собой острие с цельной железной рукоятью, конически сужающейся книзу (рис. 206: 3). В верхней ее части присутствует заполненная круглая площадка. В отличие от предыдущего предмет был найден в заполнении помещения 16. Нам представляется, что он тоже мог являться стилосом либо каким-либо иным специализированным инструментом.

Интерес представляет *железная заколка*, найденная в культурном слое раскопа 9. Она имеет вид металлического штыря круглой в поперечном сечении формы (длина – 16,8 см), завершающегося в верхней своей части волутообразной фигурой (ширина рожек – 2,5 см) (рис. 206: 1). Данный предмет близок по виду к «стилитообразным» остриям, представленным в раннесредневековых древностях лесостепного региона, где они встречены на Сухогомольшанском могильнике (урновое погребение № 103) (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 25: 20–21). В составе комплекса у с. Старая Покровка Харьковской обл. был зафиксирован нож с волутообразным навершием (Аксенов, Колода, 2017, с. 46, рис. 7: 4), характерный для более западных территорий, заселенных славянами (Мысько, Пивоваров, 2010). Стилитообразных предметов достаточно много в погребениях раннеболгарского времени на Средней Волге (Новинковском II, Рождественском III курганных могильниках, Шелехметском курганно-грунтовым могильнике и Мало-Рязанском одиночном погребении). Говоря о них, Г.И. Матвеева считала, что они могли использоваться в качестве булавок, которыми скалывалась верхняя одежда, либо для закалывания волос. Исследовательница выделяла два типа «стилитообразных» предметов: с пластинчатым корпусом (без заточки)

и имеющих в верхней части пластинчатый корпус, а в нижней – вид круглого штырька (Матвеева, 1997, с. 69, рис. 120). Заколками для одежды считал указанные стилитообразные предметы и В.С. Аксенов (Аксенов, Колода, 2017, с. 45). Вне сомнений, предмет из Сидорово представлял собой заколку. Тем не менее она отличалась от обоих типов, представленных у Г.И. Матвеевой, не только тем, что весь корпус сидоровской находки имеет вид штыря круглой в поперечном сечении формы, но и наличием в его нижней части конического утолщения. Наиболее вероятно, этот предмет являлся либо заколкой для волос, либо деталью головного убора, как булавки аскизской культуры (Кызласов, 2001, с. 157, рис. 2: 2). Прямых же аналогов ему пока найти не удалось.

Предметов вооружения немного, но они интересны. Большинство их представлено единичными находками. Так, выше писалось о том, что в 1971 г. между внутренней и внешней линиями укреплений городища был выявлен *боевой топорик* (рис. 208: 21). В последующие годы на памятнике найдено еще несколько обломков лезвий от топоров, назначение которых (боевые или хозяйственные) по данным фрагментам выяснить невозможно (рис. 203: 5). На городище в 1971 г. было подобрано *перекрестие сабли* (рис. 208: 34), находящее аналоги в древностях IX в. (Дмитриев, 2003, с. 204, табл. 90, 39–43). Несколько предметов, вероятно, являлись *деталью колчана*. Среди них железные петли (рис. 206: 13) и застежка (рис. 210: 16). Кроме этого, в подъемном материале на памятнике была выявлена цепочка, возможно являющаяся *деталью пояска* (рис. 206: 10), и *конский шип*, который, скорее всего, относится к более позднему времени – XIII–XIV вв. (рис. 205: 35).

В пределах городища найдено несколько подвесов от *кистений*. Один из них находился в заполнении помещения 5. Он имел вид чуть уплощенного шара со сквозным отверстием для ремня (рис. 208: 9). Подвесы такого типа встречены на соседнем Царином городище (Материальна та духовна культура, 2017, ілл. 71), а также в захоронении у шахты № 19 в г. Торез (Чистяково) (Тахтай, 1999, с. 161, таб. 1, 3). Еще один подвес для кистеня этого типа был найден в подъемном материале на юго-восточной окраине городища у внутренней линии укреплений (рис. 208: 6). От вышеописанного он отличался тем, что был изготовлен из свинца. Кроме них, на городище была

поднята уплощенная железная гирька с петлей в верхней части (рис. 208: 8). Она несколько меньше по размеру, но также могла использоваться в качестве подвеса для кистеня.

Интерес представляет группа *наконечников стрел*, которые были встречены как в культурном слое памятника, так и в отдельных комплексах. Показательным является то, что все обнаруженные в комплексах стрелы представлены разновидностями одного типа (рис. 207: 1–5, 7). Это небольшие трехлопастные наконечники с черешком, отделенным от лезвия упором (рис. 207: 1–5, 7–9, 19–22). Форма рабочей части колеблется от треугольной до овальной. Подобного типа наконечники являются частой находкой на памятниках хазарского времени и были широко распространены в евразийских степях в VIII–IX вв. (Медведев, 1966, табл. 13, 9, 10, 16).

В подъемном материале на памятнике были встречены наконечники иных типов. Среди них крупный трехлопастный наконечник с боевой частью, отделенной уступом, за которым следует черешок (рис. 207: 6) (Медведев, 1966, табл. 12, 15), а также группа наконечников с листовидным пером, ребром жесткости на спинке и уплощенным брюшком (рис. 207: 12–14). Все они находят аналоги на раннесредневековых памятниках Евразийских степей (Медведев, 1966, табл. 12, 37–38). Этим же периодом (IX в.) датируется черешковый наконечник с притупленной ромбической боевой головкой, прямоугольным в поперечном сечении вытянутым корпусом и черешком, отделенным от корпуса упором (рис. 207: 10). Близкий аналог ему имеется в материалах Новотроицкого городища (Медведев, 1966, табл. 14, 4). Наконечник с узкой массивной головкой, ромбической в поперечном сечении (рис. 207: 17) находит аналоги среди Поволжских материалов этого же времени (Медведев, 1966, табл. 14, 31). И, наконец, один из наконечников (рис. 207: 15) имеет ромбическое перо, утолщенное основание, отделенное упором от черешка (Медведев, 1966, табл. 13, 35). Несколько наконечников находятся в плохом состоянии и отнести их к какому-либо типу представляется затруднительным. Так или иначе все представленные на памятнике наконечники стрел относятся к типам, широко распространенным в пределах Евразийских степей в VIII–X вв. Особняком стоит втульчатый наконечник, свернутый из медной пластины, который был подобран на поверхности городища

(рис. 207: 23). По своим размерам и виду он вполне мог относиться к рассматриваемой категории материала. Нам представляется, что он также являлся наконечником стрелы, предназначенной для охоты на пушного зверя.

Особый интерес представляет группа предметов, имеющих отношение к воинской амуниции. Это три крупных бляхи, две из них происходят из закрытых комплексов. Вопрос о функциональном назначении этих предметов был поднят уже после первой находки, обнаруженной в заполнении хозяйственной ямы 9 раскопа 2 в 2000 году (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 248). По нашему мнению, указанные бляхи являются *умбонами от щитов*.

Умбон из хоз. ямы 9 раскопа 2 (рис. 208: 1) представлял круглую выпуклую бляху диаметром 15,6 см при высоте 4,6 см, по периметру которой имелось отогнутое под прямым углом узкое поле. На бляху сверху при помощи трех заклепок была прикреплена железная пластина круглой в плане формы с отверстием в центре, от которой радиально отходили три полосы. Материалы, содержащиеся в заполнении этой ямы, позволяют датировать ее периодом не ранее 2-й пол IX – нач. X в. (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 248–249, рис. 38: 5).

Второй умбон (рис. 208: 3) был обнаружен в 2004 г. в нижней части золистого заполнения помещения 14, датировка которого также укладывается в эти же хронологические рамки (Кравченко, 2005 а, с. 210). Он имел несколько иной тип, чем умбон 2000 года. Предмет представляет собой выпуклую круглую бляху, диаметр которой составлял 11 см. От ее верхней части отходит длинная прямая пластина с отверстием для крепления. Предмет сохранился не полностью, но есть все основания полагать, что первоначально таких пластин было не менее трех. Таким образом, в центральной части бляхи была расположена накладная фигура, имеющая три пластины, отходящие радиально от центра, которая была прикрепленная к ней при помощи заклепки. Две пластины были деформированы и обломаны, тем не менее их первоначальное положение четко читается.

По всей видимости, к этому же типу относилась и третья находка – фрагментированная бляха, выявленная в 2012 г. на валу внутренней линии укреплений, неподалеку от раскопа 18 (рис. 208: 2). Точный диаметр этого умбона по сохранившемуся фрагменту восстановить невозможно, тем не менее, судя по сохранив-

шейся части, он имел те же размеры, что и вышеописанный.

Умбоны на памятниках салтово-маяцкой культуры относятся к числу крайне редких находок. Так, умбоном могла быть железная бляха, выявленная в камере 1 (1911) на Верхнесалтовском могильнике (Бабенко, 1914, с. 449). Одна бляха, возможно, являющаяся центральной пластиной маленького щита, была обнаружена на Битицком городище вольтинцевской культуры. Еще один умбон был найден в яме, относящейся к древнерусскому слою Саркела – Белой Вежи (Сорокин, 1959, с. 191, рис. 31: 6; 33). Таким образом, учитывая редкость и немногочисленность подобных материалов, три находки на одном памятнике представляют интерес уже хотя бы потому, что для памятников салтово-маяцкой культуры подобные предметы вообще не характерны. Показательно, что все известные находки умбонов были встречены на памятниках, имевших культурные напластования X века. Судя по их форме и размерам, это были умбоны от круглого или подквадратного с заполученными углами щита, который мог использоваться как пешим, так и конным воином (Кирпичников, 1971, с. 35). В более позднее время умбоны с накладными пластинами, в конструкции которых, вероятно, проявляется связь с умбонами рассматриваемого нами типа, встречаются в материалах Верхнего Прикубанья. Один из таких предметов был обнаружен в курганном захоронении Яблоновского могильника, оставленного черными клобуками (Орлов, Моця, Покас, 1985, рис. 13, 14). Таким образом, находки с Сидоровского археологического комплекса, вполне вероятно, представляют собой один из самых ранних образцов таких умбонов. Тем не менее говорить о формировании этого типа умбонов именно на памятниках салтово-маяцкой культуры, вероятно, нельзя, т. к. все такие предметы пока что известны только на Сидоровском археологическом комплексе.

К деталям воинской амуниции относятся и две пластины от наборных доспехов, которые были подобраны в центральной части городища. Одна из них (рис. 208: 4) имеет пятиугольную форму. В ее центральной части присутствует продолговатое отверстие, в которое вставлялся ремень, крепивший пластину к основе. Второй предмет представлен обломком нижней части пластины от чешуйчатого панциря (рис. 208: 5). На сохранившемся фрагменте по боковым сторонам и сверху имеет-

ся по два небольших отверстия. Указанная находка имеет широкий круг аналогов в древностях Центральной Азии и Южной Сибири, где панцири с пластинами такого типа широко представлены в материалах древнетюркского времени (Худяков, 1986, с. 158–159, рис. 69; 100; Худяков, 1980, с. 119–123, табл. XL). Известны они в этом регионе и на памятниках последующих эпох (Худяков, 1991, рис. 32: 1–3; 40: 11; 42: 9; Бобров, Худяков, рис. 105–106).

Отдельную группу предметов составляют *гирьки*. Их найдено относительно немного, однако следует сказать, что находки вещей этой категории на памятниках хазарского времени в среднем течении р. Северский Донец вообще немногочисленны (Спинов, 2012, с. 26). Основная часть гирек, найденных на интересующей нас территории, происходит с Царина городища (археологического комплекса у с. Маяки). Во время исследований этого памятника, производимых В.К. Михеевым в 1963–1966, 1968 гг., была обнаружена всего одна бочёнковидная железная гирька (вес 96 г). Кроме нее здесь были выявлены детали весов: двое коромысел (бронзовое и железное) и медная чашечка (Михеев, 1985, с. 16, рис. 18: 7–9; Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 229). В дальнейшем, при проведении регулярных осмотров памятника, ряд гирек был собран А.В. Шамраем²¹: семь железных и три из меди, одна из которых имеет крупные размеры (Спинов, 2012, с. 52–53). Кроме них были найдены крупная железная гиря кубической формы, гиря от весов-безмена, идентичная находке из слоя Новгорода XI в. (Колчин, 1953, с. 165, рис. 137), и круглый железный слиток, которые относятся к золотоордынскому этапу истории городища (Кравченко, 2015, с. 452)²².

Значительное количество находок, связанных с торговой деятельностью жителей памятника, было обнаружено и на Сидоровском археологическом комплексе. К числу их относится *чашечка от весов* (рис. 208: 18) и 6 гирек, из которых одна изготовлена из цветного металла, а пять – из железа. Большинство этих гирек имеет боченковидную форму, характерную для рассматриваемого нами периода. Одна из них (рис. 208: 13)

²¹ Предметы хранятся в собрании Славянского краеведческого музея.

²² В каталоге приводятся 15 гирек, происходящих с археологического комплекса у с. Маяки (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 230–231).

была выявлена на полу котлована помещения 10. Эта гирька весила 138,05 г.²³ Две гирьки были выявлены в пахотном слое раскопа 16 (рис. 208: 10, 12). Одна из них, весом 84,35 г (рис. 208: 12), была изготовлена из железа. Вторая сделана из белой бронзы (рис. 208: 10). На ее поверхности набиты точки, обозначающие кратность. Количество точек – 21; вес данной гирьки составляет 57,37 г. Две гирьки были найдены в вырезке грунта у внутреннего рва городища. Одна из них имеет традиционную боченковидную форму и вес 57,57 г (рис. 208: 11). Вторая имела квадратную форму (рис. 208: 14). Вес этой гирьки составлял 14,12 г. По форме она аналогична гирьке, найденной на городище Маяки (Спинов, 2012, с. 27, фото 19, рис. 22), которая отличается от нее вдвое большим весом (28,92 г). Еще одна гирька, изготовленная из свинца, была выявлена в 2012 г. в подъемном материале на городище (рис. 208: 20). Предмет имеет кубическую форму и вес 9,42 грамма. Кроме описанных выше гирек на городище был выявлен ряд небольших предметов, выполненных из меди и свинца, которые В.В. Спинов определил как разновесы (Спинов, 2012, с. 28). К их числу относится слиток (5,19 г), обрубленный с одного края (помещение 16) (рис. 208: 15). У северного края раскопа 9 в подъемном материале был выявлен обточенный слиток меди круглой формы (вес 2,61 г) (рис. 208: 17). По своему весу указанный предмет близок к гирьке, опубликованной в статье Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1957, с. 248). В 2011 г. в раскопе 16 был обнаружен кусочек свинца, сформованный в форме тетраэдра (рис. 208: 16). Вес его составляет 1,76 г. Еще один предмет – кусочек свинца круглой формы (рис. 208: 17) (вес 1,33 г) – был обнаружен в 2011 г. в подъемном материале. В 2012 г. в срезке грунта у рва был выявлен слиток свинца прямоугольной формы весом 4,01 г (рис. 208: 19).

В целом количество находок в пределах рассматриваемой нами территории меньше, чем на крупных торговых центрах, находящихся в пределах Руси или Волжской Болгарии. Однако если сравнить площадь указанных памятников (особенно таких, как Биляр) с размерами донецких городищ, то количество находок, происходящих с них, будет вполне

сопоставимым. Таким образом, утверждение А.В. Комара о практически полном отсутствии в пределах рассматриваемого нами региона гирек, деталей весов, равно как и находок восточного и византийского стекла (см. выше) (Комар, 2010–2011, с. 135–136), не отвечает действительности.

Предметов христианского культа на памятнике найдено немного. Находки их представлены тремя металлическими крестами, два из которых сделаны из железа. Один из этих предметов (рис. 208: 35) был подобран В.К. Михеевым на территории городища в 1971 г. Еще один деформированный железный крест (рис. 208: 37) был выявлен у внутренней линии укреплений. Предмет находился в культурном слое раскопа 18 вместе с материалами хазарского времени (Кравченко, 2012б, с. 15, рис. 5 А). Подобная находка может свидетельствовать в пользу того, что оба этих предмета датируются хазарским временем (вероятно концом IX в. – началом X в.). Такая датировка подтверждается тем, что находки крестов этого типа представлены в крымских древностях как раннего, так и развитого Средневековья.

Отдельно стоит находка фрагментированного бронзового нательного креста (рис. 208: 36), аналоги которому имеются в древностях Руси X–XI вв. (Седова, 1981, с. 49–50, рис. 13: 2–4). Указанный фрагмент представлен разновидностью XI века. Центром распространения этих крестов был Новгород (Олейников, 2019, с. 328–329). Крест был найден в подъемном материале на городище в пределах внутренней линии укреплений памятника. В целом находки предметов христианского культа на памятниках хазарского времени в Донецком регионе немногочисленны (Аксенов, 2010; Аксенов, 2013). Тем не менее, несмотря на то, что указанная категория находок представлена всего несколькими предметами, она имеет большое значение, являясь свидетельством присутствия на Сидоровском археологическом комплексе христианского населения.

Изделия из цветных металлов

Встречались практически на всей площади памятника. Абсолютное большинство этих предметов было обнаружено в подъемном материале на городище и селище 1. Кроме этого, ряд вещей встречен в заполнении хозяйственных ям, рвов и котлованов построек. В целом указанная категория находок достаточно многочисленна. Значительная часть их – это

²³ Вес всех гирек определялся при помощи электронных весов CAMRY MODEL ЕНА-701 с точностью до 0,1 грамма.

обломки медных листов и пластин, представляющие фрагменты предметов, назначение которых ныне определить невозможно. Некоторые из них имели заклёпки из свернутого в трубочку и расклепанного медного листа. Часть их могла являться обрывками тонких стенок клепаных котлов, фрагментами обивки деревянных сосудов, шкатулок и иных бытовых предметов. Среди прочих находок выделяются детали поясной гарнитуры, бляшки от ремней конской сбруи, украшения, амулеты, бытовые предметы. Абсолютное большинство их было сделано из меди или бронзы. Предметы из серебра единичны.

Деталей поясной гарнитуры на интересующем нас памятнике было найдено относительно немного (рис. 208: 1–18, 20, 22–33). Основная часть находок происходит из подъемного материала. Тем не менее имеется несколько предметов, которые были обнаружены в заполнении археологических комплексов. Находки представлены бляшками, ременными пряжками, наконечниками поясов и ворворками.

Пряжек было выявлено 2 экземпляра. Одна из них (рис. 209: 4) была подобрана на городище В.В. Давыденко. Это треугольно-рамчатая пряжка с подвижным узким пятиугольным гладким щитком. В центральной части щитка имеется отверстие для крепления ремня. Пряжки близкого типа присутствовали в ранней группе катакомб (№№ 21, 98, 121) Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, с. 77, рис. 36: 4; 85), которую исследовательница датировала кон. VIII – сер. IX в. (Плетнева, 1967, с. 142). Вторая пряжка имеет неподвижную овальную рамку и щиток пятиугольной формы, лишенный орнамента (рис. 209: 3). По своей форме она близка пряжкам типов из катакомб т. н. промежуточной группы Дмитриевского могильника, которые С.А. Плетнева датировала сер. IX в. (Плетнева, 1967, с. 143). Близкие по типу пряжки имеются в материалах кат. 12 Старосалтовского могильника, который Аксенов относил к IX в. (Аксенов, 1999, с. 139).

Наконечники поясов, как и пряжки, были собраны на поверхности пахотного поля на городище. За время раскопок на памятнике было найдено три наконечника поясов. Два из них представлены целыми экземплярами (рис. 209: 7, 26) и один (рис. 209: 15) фрагментирован. Орнаментацию имеет только один из них (рис. 209: 7). На его внешней поверхности присутствуют литые грубые изображения раскрывшихся цветков лотоса. По своей

форме и характеру изображения он находит аналоги среди материалов из ранней группы катакомб Дмитриевского могильника (рис. 85, кат. 21). Кроме этого, на памятнике было подобрано еще два неорнаментированных наконечника (рис. 209: 15, 26). Один (рис. 209: 26) по своей форме имеет сходство с наконечником из Белой Вежи (Артамонова, 1963, рис. 47: 1), отличаясь от него наличием литых шпеньков, которые крепили его к основе.

К поясным наборам относится *группа бляшек* четырех- (рис. 209: 29, 30, 32) или пятиугольной формы (рис. 209: 25, 27, 33). Орнаментация встречена далеко не на всех предметах. Часть бляшек (рис. 209: 27, 30, 33) имеет гладкую полированную внешнюю поверхность. Некоторые украшены стилизованными изображениями трилистника (рис. 209: 5, 16, 23–24). Близкие аналоги отдельным бляшкам (рис. 209: 20, 28, 31) присутствуют в ранних захоронениях Саркела (Артамонова, 1963, рис. 15, 6). Основная часть этих предметов находит аналоги среди салтовской поясной гарнитуры IX в. (Плетнева, 1981 а, рис. 37; 1989, рис. 87; Аксенов, Хоружая, 2005, с. 210, рис. 10; Савченко, 1986, рис. 7, 14; Макарова, Плетнева, 2002).

Несколько бляшек имеют более крупные размеры. К их числу относится качественно изготовленная бляшка с изображением трилистника (рис. 209: 9), крупная бляшка с прорезью, украшенная растительным орнаментом (рис. 209: 17). В качестве нашивки на пояс или одежду могла использоваться и золотая круглая бляшка, украшенная четырьмя крестообразно расположенными изображениями трилистников (рис. 209: 2)²⁴. Предмет был изготовлен путем тиснения и имел по краям 4 отверстия для крепления к основе. Изображение близкого типа имеется на круглой медной бляшке из конского погребения 1 из Верхне-салтовского могильника, которое В.С. Аксенов датировал кон. VIII – нач. IX в. (Аксенов, 2005 а, с. 245–246, 249, рис. 2, 9).

Среди прочих находок на памятнике присутствуют «ворворка» (рис. 209: 6) и две бронзовые литые *прямоугольные рамки* (рис. 209: 8, 10). Предметы указанного типа являются частыми находками на памятниках салтово-маяцкой культуры. В погр. 4 могильника Серебрянское «печать», «ворворка» и такие же рамки находились у левого тазобе-

²⁴ Указанный предмет был подобран В.В. Давыденко на площадке селища 1. Нынешнее его местонахождение неизвестно.

дренного сустава погребенного. Авторами публикации предполагается, что они были положены в качестве подношения (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с. 338). Остается сожалеть, что в публикации материалов отсутствуют фотографии, на которых было бы видно взаимное расположение этих предметов после находки, т. к. реконструкция, предложенная на табл. II, 12 данной работы, выглядит не совсем убедительно.

Отдельно стоит крупная, достаточно толстая (до 2 мм) бляха, украшенная врезанным, сильно стилизованным изображением трилистника (рис. 209: 13). Аналогии указанному предмету найти не удалось. Наиболее вероятно, что он относился к украшению ремней конской сбруи. К украшению сбруйных ремней, вероятно, имели отношение и *две прямоугольных бляшки*, найденные в подъемном материале на памятнике. Одна из них, с квадратным отверстием в верхней части (рис. 209: 1), фрагментирована и деформирована. Вторая (рис. 209: 11) имеет прямоугольную форму и, пирамидально сужаясь, образует в верхней своей части плоский щиток, на котором присутствует диагональная прочерченная линия. На обеих бляшках имеются следы позолоты.

Кроме них к орнаментации сбруйных ремней относились две тонкие нашивные позолоченные бляхи (рис. 208: 22–23). Одна из них, имеющая форму, близкую к пятиугольной (рис. 208: 23), была найдена в подъемном материале на памятнике. Близкий аналог ей имеется в конском погребении 1 Верхнесалтовского могильника (Аксенов, 2005 а, рис. 2, 17). Вторая (рис. 208: 22) происходит из заполнения ямы в полу помещения 16. Подобные бляхи с одним или двумя отверстиями в верхней части являются частыми находками на памятниках хазарского времени.

Кроме этого, на памятнике найдено 4 бронзовых *застежки* со щитками четырех- или шестиугольной формы. На тыльной поверхности щитков присутствуют шпеньки, при помощи которых данные предметы крепились к основе. От нижней части щитков отходит изогнутый крюк с утолщением на конце (рис. 210: 20–23). В двух случаях щитки гладкие, лишённые орнаментации (рис. 210: 20, 22). В одном – щиток украшен двумя косыми перекрещенными линиями (рис. 210: 23). Один щиток имеет вид сильно стилизованного листа (рис. 210: 21).

Группа находок представлена *украшениями, амулетами и бытовыми предметами*. Украшений мало. Практически все они были обнаружены в подъемном материале, т. е. происходят из культурного слоя памятника. На городище была обнаружена медная пластинка вытянуто-пятиугольной формы, в нижней части которой была тиснением изображена цветкообразная фигура (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, рис. 45: 12). Вполне вероятно поздняя датировка этого предмета. Поздним периодом датируется и *бубенец с крестообразной прорезью* (рис. 210: 19). Еще один бубенец, описанный выше, был выявлен в захоронении 169 могильника I (рис. 86).

В пределах внутренней линии укрепления был найден упомянутый выше *медный перстень* с жуковиной, в которой находилась выпуклая вставка из стекла сиреневого цвета (рис. 210: 4). Перстни указанного типа имеют многочисленные аналоги в захоронениях 2-й пол. VIII – 1 пол. IX в. (Плетнева, 1981 а, с. 75, рис. 37: 6; Плетнева, 1989, с. 115; Аксенов, Михеев, 2006, с. 145) и широкую географию распространения (Аксенов, 2017 а, с. 48). Датировка их, по мнению С.А. Плетневой, укладывается в рамки 2-й пол. VIII – сер. IX вв. (Плетнева, 1967, с. 140, рис. 36; 1981 а, рис. 37: 6; 1989, с. 158, рис. 61)

Кроме этого, на памятнике были обнаружены фрагменты медных браслетов (рис. 210: 1–2) и *серьги* различных типов. Три из них представляют собой колечки, скрученные из медной проволоки, которые имели один или два заточенных конца, вставлявшихся в мочку уха (рис. 210: 7–9). Одна литая серьга имеет овальную форму. Она украшена тремя припаянными шариками, расположенными в нижней её части (рис. 210: 10). Еще один шарик находится в верхней части предмета, представляя своеобразный фиксатор, не позволяющий серьге проворачиваться. Указанный тип серег, датируемый С.А. Плетневой кон. VIII – 1 пол. IX в. (Плетнева, 1967, табл. 4, рис. 36), широко представлен на памятниках хазарского времени. Он присутствует в материалах лесостепных некрополей, таких как могильники Дмитриевский, Красная Горка (Аксенов, Михеев, 1998, с. 350, рис. 3, 5), Червоная Гусаровка (Аксенов, 2017а, рис. 7, 11 – погр. 22; 8, 25 – погр. 28). Серьги этого типа имеются в материалах Мандровского могильника в Поосколье (Винников, Сарапулкин, 2008,

рис. 47: 7), и на Нижнем Дону (Савченко, 1986, рис. 8, 18).

Еще одна серьга имеет в нижней части выступ в виде двух соединяющихся между собой выпуклых круглых пластин (рис. 210: 12). Она вполне может представлять собой как полностью сохранившееся изделие, так и являться частью составной серьги, которая могла иметь подвеску (Плетнева, 1989, рис. 57: 3; Савченко, 1986, рис. 21–26). Интерес представляет и фрагмент составной серьги, происходящий из раскопок В.К. Михеева, производимых на памятнике в 1971 г. Указанный фрагмент также был обнаружен в подъемном материале. По бокам эта серьга была украшена двумя литыми металлическими бусинками. В нижней части к ней, наиболее вероятно, крепилась подвеска (возможно, стеклянная или каменная бусинка). Серьги этого типа С.А. Плетнева относил к кон. VIII – 1 пол. IX в. (Плетнева, 1967, с. 137, рис. 36; 1989, рис. 57: 4). Аналоги им известны в материалах Дмитровского могильника (Плетнева, 1989, рис. 57: 4), Серебрянского могильника на Северском Донце (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, табл. III, 1), Лысогоровского могильника (Красильников, Красильникова, 2005, рис. 26) и на других памятниках. Пара таких серег находилась в захоронении, обнаруженном в 1976 г. А.И. Приваловым на археологическом комплексе Маяки (Гриб, Швецов, 2017, с. 33–35, ил. 4: 2). Вероятно, деталью серьги являлось найденное в пределах внутренней линии укреплений *золотое звено грушевидной в плане формы*, спаянное из тонкой проволоочки, расчлененной кольцевыми поперечными насечками (рис. 210: 5).

Как видим, основная часть находок серег происходила из подъемного материала. В составе комплекса была найдена всего одна серьга (рис. 210: 24). Предмет дошел в деформированном состоянии. Она представляла собой подобие колечка, свернутого из тонкой серебряной фольги. Указанная серьга находилась у черепа захоронения, выявленного в верхнем слое раскопа 5, которое относилось к последнему этапу существования археологического комплекса у с. Сидорово.

Среди прочих находок интерес представляет *туалетная коробочка* трапециевидной формы (рис. 210: 3), найденная в помещении 14 (заполнении ямы 9). Она состоит из двух одинаковых половинок, которые ранее соединялись между собой, вероятно, при помощи отверстия на горлышке. Судя по отпечатку,

на горлышке ранее имелась крышечка, ныне полностью разложившаяся. На обеих сторонах, в центральной части туалетной коробочки из помещения 14, имеется продавленное изображение Y-образной фигуры, стоящей на треугольной подставке, развернутой широким основанием вниз. Подставка расчленена двумя линиями, отходящими от боковых сторон треугольника и соединяющимися в центре нижней его стороны. Таким образом, изображение напоминает очень сильно стилизованный трилистник, развернутый лепестками вниз. Ближайший аналог указанному предмету происходит из кат. 154 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, с. 106, рис. 55).

При выборке хоз. ямы 4 раскопа 16 была обнаружена бронзовая *медная копоушка*, корпус которой выполнен в виде фигурки дракончика. На боковых поверхностях его присутствуют маленькие крылышки. В верхней части копоушки, во рту дракона, находилось кольцо, за которое предмет можно было подвесить (рис. 210: 14). Нижняя часть его представляла туалетную ложечку. Прямого аналога указанному предмету найти не удалось.

Особый интерес представляет *подвеска – выпуклая паяная бляшка или крышечка*, состоящая из центрального медальона с цветкообразной виньеткой, сканного пояска, который окаймляет этот медальон и внешнего пояска. Судя по остаткам позолоты и эмалей, центральная бляшка и внешний пояс имели покрытие синей эмалью, а сканной поясок ранее был позолочен. Вокруг цветкообразной виньетки имеется пять точек, нанесенных белой непрозрачной эмалью (рис. 211: 1). Предмет был найден за пределами внутренней линии укреплений памятника, на самой высокой точке городища. Именно в этом районе, судя по сообщениям местного населения, были обнаружены оба солида. Прямых аналогов указанному предмету найти не удалось. Он вполне мог быть как фрагментом какого-либо украшения, так и фигурной крышечкой от небольшого сосуда (может, чернильницы). Так или иначе этот предмет, вне сомнений, представляет собой импорт, наиболее вероятно, из Средиземноморского региона.

Амулетов найдено немного, однако эти находки представляются весьма важными. Выше указывалось, что при раскопках на территории памятника были обнаружены следы исполнения какой-то частью его населения языческих обрядов. Присутствие среди

находок амулетов, а также наличие на памятнике языческого некрополя является свидетельством того, что на нем проживала языческая община. Один из них имеет вид кольца с выступами, завершающегося в верхней части небольшой головкой (рис. 210: 18). Амулеты такого типа встречаются на памятниках салтово-маяцкой культуры, в том числе и в бассейне Северского Донца. Второй амулет (рис. 210: 17) представляет собой крестовидную подвеску. Рассматривать её в качестве христианского креста вряд ли можно. Наиболее вероятно, это все же языческий солярный амулет, форма которого могла развиваться из широко представленных на салтовских катакомбных некрополях «подвесок с соколиными головками», описанных С.А. Плетневой (Плетнева, 1967, с. 176; 1989, рис. 56). Вполне возможно, что трансформация формы указанной подвески в сторону сближения с христианским символом могла происходить под влиянием распространения христианских воззрений в среде населения салтово-маяцкой культуры.

Из прочих предметов следует указать на найденный в подъемном материале сильно разложившийся обломок ситечка, сделанный из тонкого медного листа (Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 36: 11). Еще один фрагмент такого же ситечка (также полностью разложившегося) был выявлен в нижней части хоз. ямы 9 раскопа 7 (Кравченко, 2004, с. 8). Как выглядели первоначально указанные предметы, по сохранившимся фрагментам установить невозможно.

Говоря о найденных на памятнике амулетах, нельзя не упомянуть о предмете, который, согласно сообщению сотрудника Славянского краеведческого музея А.В. Шамрай, был подобран в 2011 г. на поле в пределах внутренней линии укреплений Сидоровского городища²⁵.

²⁵ Кем конкретно был найден предмет (им самим или его знакомыми, среди которых имелись люди, выдававшие купленные на аукционных торгах материалы за находки с конкретных памятников, расположенных в рассматриваемом нами регионе), А.В. Шамрай не сообщил. По его свидетельству, в 2011 г. в Славянском районе было найдено две фигурки всадников разных типов (предметы находятся в собрании Славянского краеведческого музея). Кроме описанного выше артефакта, якобы происходившего с Сидоровского городища, имеется фигурка, снова по его же словам, найденная у подножия Царина городища (рис. 211: 3). Указанная фигурка относится к другому типу, находящему аналоги на памятниках X–XI вв., расположенных в пределах Болгарии (Тотев, Пелевина, 2009, с. 45, рис. 5, 26; 6). Известны они на

Он представляет собой фрагментированную *фигурку всадника*, отлитую в односторонней форме (рис. 211: 2). Всадник облачен в доспехи и конический шлем. Амуниция передана на лицевой стороне глубокими штрихами. Левой рукой всадник держит повод лошади. На интересующем нас экземпляре правая рука сохранилась частично. На других подвесках этого типа в отведенной назад правой руке всадник держит топор с длинной рукоятью. В опубликованных материалах салтово-маяцкой культуры и аланских древностях Северного Кавказа этот тип амулета отсутствует (Афанасьев, 1973, с. 36–38; Ковалевская, 1978, с. 111–120; Плетнева, 1989, с. 96, рис. 48; Флерова, 2001, с. 72–82; Албегова, Ковалевская, 2011, с. 277–295; Аксенов, 2016 и т. д.). К иному типу относится и амулет в виде фигурки всадника, выявленный в пределах распространения древностей балкано-дунайской культуры (Субботин, Черняков, 1982, с. 160–162, рис. 1: 1; Козлов, 2015, с. 214, рис. 97: 4). Это может быть связано как с более поздней датировкой вещи, подобных рассматриваемой находке (не ранее X в.), так и с иной территорией их распространения. Близкий сюжет (более детально и художественно проработанный) присутствует на подвесках к сбруйному ремню X–XII вв. из кат. 15 (1957 г.) у ст. Змейская в Северной Осетии (Кузнецов, 1961, с. 87–94; Габуев, 2005, с. 68, рис. 145). Абсолютно же идентичная фигурка была обнаружена в 1934 г. в кургане 5 у с. Челмужи на территории Карелии (тогда Карело-Финская ССР). По материалу, в том числе содержащимся в захоронении монетам, этот комплекс датируется XI в. (Археологические исследования, 1941, с. 14, табл. IV, 4, 13). Другие фигурки указанного типа представлены на аукционных торгах и в частных собраниях, большая часть которых локализуется в пределах территории Центральной Украины.

Кавказе (Албегова, Ковалевская, 2011, рис. 1, 23) и в Восточной Европе (в основном, в частных собраниях и на аукционных торгах). В статье, вышедшей в местном краеведческом издании, дается та же информация о месте находки указанных предметов, которая ранее сообщалась автору данной работы. С той разницей, что датой находки назван уже 2013, а не 2011 г. (Шамрай, Соловкин, Полтавец, 2015, с. 200–201, илл. 1). В каталоге же выставки, посвященной материалам Царина городища у с. Маяки, оба этих предмета помещены среди находок, обнаруженных на Царином городище (Материальна та духовна культура, 2017, с. 84, ил. 240).

Завершая описание металлических предметов, найденных при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово, следует сравнить их с находками с соседних памятников. Особенно это касается предметов из железа. Бросается в глаза то, что по отношению к некоторым близлежащим поселениям, даже таким небольшим, как поселение Государев Яр в Теплинском лесничестве, металлических предметов на Сидорово встречено гораздо меньше. Не говоря уже о расположенном неподалеку археологическом комплексе у с. Маяки, на котором только во время исследований, производимых В.К. Михеевым, было выявлено более 800 железных предметов (Михеев, 1968, с. 26). В дальнейшем с этого памятника была собрана огромная коллекция разнообразных металлических изделий (орудий труда, предметов вооружения, бытовых вещей, украшений), количество которых исчислялось многими сотнями экземпляров.

Часть этих сборов погибла (коллекция Н. Кириченко, жителя пос. Донецкий Славянского р-на); часть пополнила собрания Святогорского историко-архитектурного заповедника, Славянского краеведческого музея, а также ряд частных собраний и музеев. Таким образом, в количественном отношении и в плане разнообразия коллекция металлических изделий, происходящих с Сидоровского археологического комплекса, существенно уступает материалам Маяков. В то же время Маяки по своим размерам, да и по значению, вероятно, уступали Сидоровскому комплексу. Об этом свидетельствуют характер жилых сооружений, мощные оборонительные линии и некоторые вещевые находки, в частности, византийских солидов, которых на городище у с. Маяки не выявлено. Объяснение такому явлению, вероятно, кроется в различном назначении указанных поселений (Кравченко, 2009б, с. 140).

§3.5. Изделия из камня

Составляют немногочисленную категорию находок. Основная часть их представлена точильными камнями. Реже встречаются выточенные из камня грузики и пряслица. Из крупных предметов на памятнике были обнаружены зернотерка, два целых жернова от ручных мельниц и мелкие фрагменты от еще нескольких жерновов.

Точильные камни выявлены как в подъемном материале, так и в заполнении археологических комплексов. Это наиболее многочисленная категория каменных изделий. Подавляющее большинство их представлено обточенными плитками из плотного мелкозернистого железистого песчаника. Обычно они более или менее хорошо обработаны и сформированы в виде брусков (рис. 213: 8–9). Иногда же встречаются просто обработанные куски песчаника с выглаженной рабочей поверхностью, боковые грани которых грубо обточены (рис. 213: 10). Отдельной находкой является *абразив* из черного сланца (рис. 213: 1). Качественно обработанный со всех сторон предмет имеет в верхней части просверленное коническое отверстие для подвешивания к поясу.

Кроме абразивов на памятнике был встречен ряд каменных *грузиков* и *пряслиц*. Своими размерами и формой *пряслица* (рис. 213: 3–6) ничем не отличаются от идентичных изделий, выточенных из стенок керамических сосудов,

которые являются частой находкой на памятнике.

Грузила (рис. 213: 2, 7) встречаются гораздо реже. Они имеют большую толщину и цилиндрическую форму. Собственно, они также могли использоваться в ткацком деле, т. е. выполнять те же функции, что и пряслица. Характерная форма этих предметов свидетельствует, что, наиболее вероятно, основным их предназначением было использование в качестве грузов для рыболовецких сетей.

Часть этих предметов была изготовлена на месте. В пользу этого свидетельствует наличие заготовок, выточенных из местных пород камня (в основном, известняка) (рис. 213: 2, 6–7). Тем не менее на памятнике были зафиксированы и предметы явно привозные. Так, некоторые пряслица были выточены из серого шифера, выходы которого в рассматриваемом нами регионе как будто неизвестны (рис. 213: 3–5).

Крупных предметов из камня на памятнике было найдено мало. В 2009 г. в раскопе 14 был выявлен верхний камень *жернова*. Предмет был обнаружен в бровке раскопа на уровне 0,4 м от современной поверхности, что соответствует на этом участке памятника дневной поверхности хазарского времени. Жернов отличался малыми размерами. Диаметр камня составлял всего 31 см при толщине 5 см. Выреза под порхлицу на внутренней его

поверхности не было. Отверстие в центральной части бегунка имело диаметр 4 см. Кверху оно конически расширялось до 7 см. Коническое отверстие для крепления ручки, при помощи которой можно было вращать бегунок, имело диаметр 2,7 см. Внутренняя плоская часть камня была по всей поверхности покрыта точечной набивкой (рис. 213: 13). Связать указанную находку с каким-то определенным археологическим комплексом не удалось. Наиболее вероятно, жернов лежал на поверхности поселения рядом с постройками.

Еще один жернов был выявлен при раскопках могильника 3 (см. выше). Предмет также представлял собой верхнюю часть ручной мельницы. В пользу этого свидетельствует вырез под порхлицу на внутренней части камня и след от ручки на его внешней поверхности (рис. 214: 2). Жернов имел диаметр 39 см при толщине 5 см. Внутренняя поверхность камня была несколько вогнутой к центру, что характерно для жерновов позднего периода в рамках салтово-маяцкой культуры. Перепад между краями жернова и его центром составлял около 1 см. Кроме них в подъемном материале памятника было встречено еще несколько небольших фрагментов жерновов, которые использовались в качестве точильных камней.

В единственном экземпляре была встречена *зернотерка*. Предмет лежал в хозяй-

ственной яме, вырытой в северо-западном углу помещения 10 (рис. 119). Зернотерка имела прямоугольную форму. Во внутренней её части присутствовала глубокая выемка, поверхность которой была покрыта набивкой (рис. 214: 1).

Среди прочих находок на памятнике выделяются два предмета, изготовленные из раковин моллюсков (рис. 213: 11–12). Немногочисленность находок, вероятно, связана с их хрупкостью. Количество подобных находок может существенно увеличиться при продолжении раскопок инвентарного могильника памятника.

Один из предметов, найденный в подъемном материале, является подвеской, выточенной из макушки толстостенной двустворчатой раковины (рис. 213: 11). Особый интерес представляет «пуговица», изготовленная из стенки раковины-перловицы, обнаруженная при расчистке ямы в помещении 14 (рис. 213: 12). Предмет находит многочисленные аналоги на памятниках хазарского времени лесостепи (Афанасьев, 1993, с. 91, табл. 39; Плетнева, 1989, рис. 56; Аксенов, 1999; 2001; Флеров, 1984, рис. 13: 10–11; 20: 2–3) и в аланских материалах Северного Кавказа. По мнению В.С. Аксенова, подобные «пуговицы» могли использоваться в качестве амулетов (Аксенов, 2015, с. 68–79).

§3.6. Эпиграфика

Находки предметов (VIII–X вв.) с надписями в рассматриваемом нами регионе немногочисленны. В настоящее время на этой территории встречено четыре²⁶ таких предмета. Все они представляют собой образцы восточно-европейской руники. Арабоязычных, кириллических или греческих надписей хазарского времени в этом регионе пока что выявлено не было²⁷.

²⁶ Один из предметов, найденный В.К. Грибом в пределах Шахтерского р-на ДНР, ныне находится в публикации. Автор пользуется случаем поблагодарить В.К. Гриба за предоставленную информацию о факте находки.

²⁷ Если не считать фрагмент заполированной челюсти животного, найденный в придонной части котлована помещения 19 на археологическом комплексе у с. Сидорово. Сильно поврежденное изображение на его поверхности напоминает арабскую надпись «Аллах» (рис. 201: 9). К сожалению, сохранность настолько плохая, что определить, является ли данное изображение прочерченными или оно возникло в процессе естественного разрушения кости, проблематично.

Первый предмет с рунической надписью был обнаружен в 1976 г. на археологическом комплексе у с. Маяки С.И. Татариновым и А.Г. Копылом²⁸. Это был фрагмент амфоры, на поверхности которого была прочерчена надпись. С.Г. Кляшторный относил ее к восточноевропейской разновидности древнетюркского рунического письма, распространение которого связывал с протоболгарами (Кляшторный, 1979, с. 270, 275). И.Л. Кызласов отнес указанный образец (в Кроме этого, на археологическом комплексе у с. Сидорово была выявлена группа амфорных фрагментов с граффито. Часть рисунков представлена простыми прямыми линиями, прочерченными на поверхности сосудов. Встречаются изображения «решетки» (рис. 212: 4, 6). На одном из фрагментов присутствует прочерченный знак, напоминающий руну (рис. 212: 5). Выше упоминалось о присутствии знаков, похожих на рунические, и на некоторых астрагалах (рис. 199: 6, 7, 13).

²⁸ В настоящее время находится в ГЭ (Кызласов, 1994, с. 273).

приведенном в книге каталоге – К-9) к кубанскому руническому письму, которое он также связывал с протоболгарским населением (Кызласов, 1994, с. 273–274). В связи с тем, что руны были прочерчены на фрагменте уже обожженного тарного сосуда, надпись могли нанести на огромном территориальном промежутке: от места, где была изготовлена амфора (территория Крыма или Тамани), до городища Маяки, на котором указанный образец был найден. Не менее сложным представляется и вопрос о датировке этого предмета. Известные памятники кубанского рунического письма, к которым относится и надпись К-9, датируются в широких хронологических рамках (Кызласов, 1994, с. 265–276), поэтому указанная ручка амфоры в лучшем случае может быть датирована в рамках существования салтово-маяцкой культуры. Предмет был найден на территории могильника, который авторы раскопок относили к хазарскому времени (Копыл, Татаринцев, 1979; 1990, с. 53). Исследования, производимые на этом участке в 1988–1989 гг., внесли существенные коррективы. Было установлено, что здесь располагалось не менее трех некрополей, один из которых датировался золотоордынским временем (Кравченко, 1989, с. 55–57; Ходжайов, Швецов, 1992, с. 74–78; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 125–152). Верхний слой почвы на могильниках, с которого и происходит ручка с надписью, был насыщен материалом, смытым с площадки городища. Сам же археологический комплекс у с. Маяки функционировал в течение всей эпохи Средневековья (Михеев, 1985, с. 18; Кравченко, 1989, с. 55–57; 2000, с. 75–98).

Второй предмет, найденный на поселении, прилегающем к городищу у с. Новоселовка Краснолиманского р-на²⁹, представляет уникальный образец рунического дирхема (рис. 212: 3). Данный тип монеты пока представлен в единственном экземпляре, отличаясь от прочих рунических дирхемов отсутствием арабоязычных надписей. На лицевой стороне монеты изображена тамга в виде двойного двузубца. Обратная же несет рельефную надпись, выполненную рунами кубанского письма (Кравченко, 2016 б). Судя по прочим

²⁹ Предмет был обнаружен чёрными копателями. Учитывая важность указанной находки, автор подготовил её публикацию (Кравченко, 2016 б). Во время написания публикации, сообщающей о находке, монета находилась в частном собрании в г. Славянск Донецкой области.

находкам с указанной части памятника, предмет может датироваться IX в. В пользу такой датировки свидетельствует и логика развития монетного дела в Хазарии, от выпуск-подражаний до формирования собственного монетного типа (Быков, 1974; Кызласов, 2012, с. 238).

Предмет, выявленный на археологическом комплексе у с. Сидорово, был обнаружен в заполнении хозяйственной ямы 9 (глубина 2,94 м), которая являлась частью помещения 14. Он представляет собой острие, выполненное из оленьего рога. В нижней части его края подточены, в результате чего образовалось несколько неравных по размерам сглаженных граней, на поверхности которых заметны неглубоко прочерченные знаки (рис. 212: 1–2). Внешняя поверхность предмета первоначально была хорошо отполирована. В связи с тем, что полировка на гранях местами осыпалась, знаки не везде видны четко. Усложняет картину то, что некоторые знаки прочерчены неглубоко и небрежно, что затрудняет их идентификацию.

На одной из широких плоскостей рога изображена зигзагообразная линия (рис. 212: 1-а). Прилегающая к ней узкая грань занята группой из трех слабо различимых рунических знаков (рис. 212: 1-б). Среди них четко определяются знаки №№ 37 и 41, приведенные в таблице книги И.Л. Кызласова (Кызласов, 1994, табл. XXIII). Один знак виден плохо, и определить степень его схожести с какой-либо из известных рун представляется затруднительным.

Другая группа знаков расположена на внутренней, изогнутой поверхности рога. Крайние три знака, которые находятся на ровной плоскости, прочерчены четко и хорошо идентифицируются (рис. 212: 1-в). Одному из них (первому слева) прямых аналогов обнаружить не удалось. Два других находят прямое соответствие с №№ 37 и 41 (Кызласов, 1994, табл. XXIII). Чуть далее присутствует еще одна группа знаков, размещенная на изгибе рога. Все они имеют мелкие размеры и выполнены небрежно. Тем не менее среди них угадываются знаки, близкие №№ 26, 37, 48 (Кызласов, 1994, табл. XXIII), а также знаку, с которого начиналась надпись.

На второй боковой, широкой, поверхности рога сохранилась полировка, благодаря чему здесь виден целый ряд знаков (рис. 212: 1-г). Они выполнены очень небрежно, часть их напоминает простые царапины, однако среди

которых четко угадываются знаки №№ 26, 32, 28 (Кызласов, 1994, табл. XXIII). Чуть ниже основной группы расположена еще серия царепин или знаков, которые были прочерчены неглубоко, сохранились плохо и четкой идентификации не поддаются.

Несмотря на плохую сохранность, рассматриваемая нами находка очень интересна. В отличие от предметов с рунами, ранее найденных на этой территории, роговое изделие с Сидоровского городища происходит из закрытого комплекса, содержащего большое количество разнообразного материала, позволяющего датировать этот предмет (рис. 171: 4; 198: 13, 15–16; 204: 5; 208: 3; 210: 3; 213: 12). В целом, если смотреть на датировку наиболее поздних вещей, хронологические рамки указанного комплекса определяются концом IX – началом X века. В пользу такого вывода свидетельствует керамика из этого помещения: горшки отличаются жесткими линиями профиля (присутствие выраженных ребер при переходе к шейке сосуда, слабо выраженными закраинами на венчиках, наличие по периметру днищ горшков слабо выраженного кольцевого валика). В культурном плане основная часть предметов, найденных в помещении 14, представляет древности степного «болгарского» варианта салтово-маяцкой культуры с присутствием единичных сосудов (рис. 180: 3), по тесту, характеру орнаментации и профилировки близких горшкам, характерным для лесостепных территорий. Таким образом, помещение, в котором был обнаружен рог с рунами, функционировало в одно время с крупными мусульманскими некрополями, прилегающими к жилой части археологического комплекса у с. Сидорово. Наличие на них высокого процента погребений с четким выполнением основных требований мусульманской погребальной обрядности свидетельствует, что среди населения присутствовало значительное количество людей,

умевших читать Коран, а значит – владевших арабской письменностью. Таким образом, высказанное И.Л. Кызласовым предположение о возможности параллельного функционирования у населения салтово-маяцкой культуры нескольких видов письменности, в том числе и традиционного рунического письма, подтверждается находкой описанного выше предмета на археологическом комплексе у с. Сидорово, значительная часть населения которого была мусульманами.

Кубанская руника имеет довольно широкую географию и хронологию (Кызласов, 1994, с. 265–276). Наиболее поздний образец этого письма происходит с территории Волжской Болгарии и датируется XIII в., т. е. тем периодом, когда основная часть населения уже была мусульманами. Вполне возможно, что в этот период старая руническая письменность могла использоваться наряду с арабской, как письмо тайное, связанное с колдовством или магией. Подобная картина наблюдалась и на других территориях, в частности, у народов германской группы (Вебер, 2002, с. 108–114). Таким образом, предмет, найденный на Сидорово, вполне мог использоваться в обрядовой сфере. Свидетельством в пользу этого может являться факт наличия в хозяйственной яме, наряду с ним, фрагментов глиняных лепных фигурок, целого маленького лепного сосуда и фрагментов таких же горшочков-вотивов.

Сидоровская находка представляет интерес и в плане своей датировки. Она является самым поздним образцом евроазиатского рунического письма в Доно-Донецком регионе, который связывает между собой памятники евроазиатской руники хазарского времени Дона и Северского Донца, письменные памятники X в. с Хумаринского городища на Северном Кавказе и эпиграфические памятники более позднего периода, обнаруженные на территории Волжской Болгарии.

§3.7. Нумизматика

Монетные находки на памятниках салтово-маяцкой культуры в среднем течении Северского Донца немногочисленны. Сидоровский археологический комплекс не является исключением. За период проведения исследований памятника на нем было выявлено 33 монеты (табл. 4), одна из которых представлена статером боспорского царя Рескупорида V

и к рассматриваемому нами раннесредневековому памятнику отношения не имеет³⁰.

³⁰ При написании данного раздела учитывались только монеты, обнаруженные в процессе работы экспедиции, и несколько находок, сведения о которых были получены от достойных доверия информаторов. Прочие данные в связи с неоднократными попытками фальсификаций, производимых различными лицами, в счет не брались.

Практически все монеты были найдены в подъемном материале. Только одна из них – фоллис византийского императора Льва V (813–820) (Sear, 1972, p. 269, № 1636; Толстой, 1914, с. 1007), выявлена в заполнении ямы помещения 16. Две византийских монеты, найденные в 1995 и 1997 гг. местными жителями, представлены солидами. Они были подняты между внутренней и внешней линиями укреплений, на самой высокой части памятника, на небольшом расстоянии друг от друга. Одну из находок удалось сфотографировать. Она представляла собой обрезанный по кругу солид императоров Льва III и Константина V (рис. 216: 27). Монеты с такими повреждениями широко представлены в крымских древностях, что дало возможность В.В. Гурулевой высказать предположение, что подобным образом монета в Крыму портилась преднамеренно (Гурулева, 2004, с. 440). Второй солид относился к правлению императрицы Ирины³¹.

Большинство находок монет на Сидоровском археологическом комплексе представлены дирхемами Арабского халифата и их обрезками, выпущенными в кон. VIII в. Половинка аббасидского дирхема была подобрана на городище уже во время первых раскопок памятника (Михеев, 1971, с. 13, табл. XIV, 8). Еще один фрагмент дирхема (табл. 4, № 30), обнаруженный близ места расположения раскопа II В.К. Михеева, был передан автором А.И. Семенову. Наиболее вероятно, именно эта монета была опубликована Г.А. Федоровым-Давыдовым. Согласно его определению, «на нем можно было разобрать только дату 179/795–796 г. и плохо видное имя города ал-Мухаммадия» (Федоров-Давыдов, 2001, с. 99). В единичных экземплярах встречены обрезки омейядских дирхемов (рис. 216: 22, 24) и табаристанских полудрахм (рис. 216: 16, 26). Таким образом, выборка монет, происходящая с археологического комплекса у с. Сидорово, входит в круг материалов, связанных с первым этапом обращения восточной монеты на территории Северного Кавказа и южной части Доно-Донецкого региона (Кропоткин, 1978, с. 111–116). Если же касаться статистических данных, приве-

денных в работе И.В. Петрова, то указанная подборка близка материалам предлагаемого им 3 и 4 этапа обращения куфического дирхема на территории Подонья и Нижневолжского региона, которые относятся к периоду, укладываемому в хронологические рамки последней трети VIII в. (770–790 гг.) (Петров, 2014а, б, с. 29).

Начиная с 2000 г., во время проведения археологических работ, на памятнике были собраны 26 дирхемов и медный фельс, изображения на котором практически полностью стертые. Среди указанных монет всего три дирхема являлись целыми (рис. 216: 7, 12, 25), а остальные представлены обрезками. Подобная ситуация характерна для монетных находок не только рассматриваемого нами региона, но и для территорий, расположенных гораздо восточнее (Виноградов, Мамаев, Федоров-Давыдов, 1992).

На одном из целых дирхемов (рис. 216: 25) сохранились следы резки ножницами. Второй (рис. 216: 7; 217) нёс на реверсе, в верхней части легенды, рунический знак, прочерченный тонким инструментом. Состояние монет свидетельствует о том, что они находились в обращении продолжительный промежуток времени. Многие монеты деформированы. Практически все имеют многочисленные повреждения, потертости, следы ударов и надкусов. Близкого типа материалы присутствуют на салтовских памятниках лесостепи.

Картографирование находок показывает, что абсолютное большинство монет было обнаружено в пределах внутренней линии укреплений памятника. Благодаря этому уже в первых работах, посвященных исследованиям Сидоровского археологического комплекса, было выдвинуто предположение о том, что эти находки маркируют самую раннюю часть поселения (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 250). В последующие сезоны за пределами внутренней линии укреплений также было обнаружено немалое количество находок монет (Кравченко, 2012б, с. 23–24), однако подавляющее большинство их все же концентрируется в её пределах или в непосредственной от неё близости (рис. 215).

³¹ Монета известна только по сообщению информатора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, хочется остановиться на вопросах, связанных с историей региона в период существования рассматриваемого нами памятника. Выше указывалось, что археологический комплекс у с. Сидорово входит в группу городищ, расположенных в среднем течении Северского Донца. На левом берегу этой реки находятся многочисленные поселения, сопровождаемые грунтовыми некрополями, которые маркируют зону распространения памятников «болгарского» варианта салтово-маяцкой культуры. Только в среднем её течении их известно более четырех десятков (Красильников, 2010, с. 17). К западу и юго-западу от рассматриваемой нами территории крупные памятники салтово-маяцкой культуры исчезают и их сменяют небольшие поселения с относительно бедным археологическим материалом, которые тянутся вплоть до побережья Азовского моря.

Первичный анализ их был произведен в статье (Кравченко, 2013), основанной на материалах разведок³². Раскопки, проведенные на некоторых из них, свидетельствуют, что данные памятники весьма неоднородны. Изучение селищ, расположенных вдоль течения крупных степных рек (Кальмиус, Кальчик, Грузской Еланчик), практически не производилось. В связи с этим делать какие-либо выводы об их характере представляется

³² Согласно точке зрения, бытовавшей до недавнего времени (рядом исследователей она поддерживается и ныне), степные поселения, расположенные в зоне распространения т. н. «Приазовского» варианта салтово-маяцкой культуры, представляют собой остатки кочевий, оставленных кочевым или полукочевым населением степи. При работе с указанной выше статьей автор исходил именно из этого положения. В результате чего остался непонятным вопрос, почему все описанные выше памятники относятся исключительно к двум периодам истории Донецких степей – хазарскому и золотоордынскому времени, т. е. к тем периодам, когда эти степи входили в состав крупных государственных образований. А таких же кочевий, оставленных населением, которое вне всяких сомнений вело кочевой образ жизни (печенеги, торки, половцы), на рассматриваемом нами участке степи нет. Раскопки последних лет, производимые на некоторых объектах, находящихся на территории Северо-Восточного Приазовья и Донецкого Кряжа, позволили существенно откорректировать многие положения данной работы, а в отдельных случаях вообще с иной позиции посмотреть на поднятую в ней проблему.

преждевременным. В бассейне Северского Донца и на Азовском побережье находятся поселения, оставленные оседлым населением степей. Ярким примером таких памятников является группа археологических объектов у с. Обрыв Новоазовского р-на (Кравченко, 2018 а; 2019 а, с. 673). На степных просторах Донецкого Кряжа и в восточной части Приднепровской возвышенности расположены сезонные (весенне-летние) стойбища, связанные с отгонным скотоводством, которым занимались жители этих же поселений. Примерами памятников такого типа являются объекты у с. Грузское Добропольского р-на (Грузское 8) и с. Великая Шишовка Шахтерского района ДНР. Полоса сезонных пастушеских стойбищ простирается на запад относительно недалеко и обрывается на уровне рек: Казенный Торец, Волчья, Берда (рис. 218). Западная окраина области распространения описанных выше памятников лишена поселений. Находки в ее пределах представлены единичными фрагментами амфорной тары, вытянутыми вдоль русел рек и балок, которые являются свидетельством посещения этих мест населением степи во время выпаса скота. Далее на запад находки салтовских древностей исчезают. Вновь они появляются далеко к западу от рассматриваемой нами территории – на землях Степного Поднепровья, на памятниках которого необходимо остановиться отдельно.

Вопрос о наличии на территории Степного Поднепровья древностей салтовского круга неоднократно поднимался в литературе. В область распространения вариантов этой культуры включала указанный регион С.А. Плетнева (Плетнева, 1967, рис. 50; 2000, рис. 1-П). В статье М.Л. Швецова приводятся карты, на которых обозначены места находок древностей салтовского типа (Швецов, 1981). Дополняют этот список данные, приведенные у М.В. Ельникова (Ельников, 2011). О салтовских памятниках региона писал А.В. Комар, обоснованно предполагая, что:

- «группа нижнеднепровских салтовских погребений оказывается полностью оторванной от основного салтовского ареала»;

- население, оставившее эти материалы, на территории Степного Поднепровья постоянно не проживало;

- памятники, оставленные этим населением, этнически неоднородны (Комар, 2004, с. 88–91).

Описанная точка зрения представляется верной. Основную часть памятников «салтовского» круга на этой территории составляют единичные захоронения. Отдельные из них могли быть курганными (комплекс, выявленный у с. Софиевка Херсонской обл., в котором средневековое захоронение было выявлено рядом с погребениями эпохи бронзы) (Отрощенко, 1971, с. 11–12). Большая же часть их не имела курганных насыпей. Примером их являются погребение у с. Михайловка (Сымонович, 1962, с. 67, 69) и захоронение № 1156 могильника Мамай Сурка (Ельников, 2011, с. 46), представлявшие собой одиночные захоронения, которые находились среди могил грунтовых некрополей более позднего времени. В целом все эти памятники рассеяны на значительном расстоянии друг от друга и не образуют четко очерченной области.

Таким образом, цепь поселений, вытянутых вдоль Северского Донца, в том числе и группа расположенных здесь городищ, отмечает западную и северо-западную границу распространения памятников салтово-маяцкой культуры. Скорее всего, здесь же в сер. IX в. пролегла граница Хазарского каганата.

Западная граница Хазарии определяется историческими источниками недостаточно точно. Некоторые авторы считали, что территория каганата доходила до Среднего Днепра либо еще далее (перечень точек зрения см. Новосельцев, 1990, с. 199–201). Ставился вопрос о прямом управлении хазарами Киевом (Голб, Прицак, 1997, с. 62–64) и даже об основании этого города протобулгарами или хазарами. При этом границы как лесостепного «аланского», так и степного «болгарского» вариантов салтово-маяцкой культуры пролегают по Северскому Донцу (Афанасьев, 1993, рис. 1; Михеев, 1985, рис. 1; Krasilnikov, 1990, karte)³³. Подобные расхождения во мнении

³³ Юго-западная граница распространения памятников салтово-маяцкой культуры требует уточнения. Памятники на этой территории присутствуют, однако раскопкам они не подвергались, и говорить о характере расположенных здесь поселений нет возможности. Материалы, происходящие из района городов Новоазовска и окрестностей Мариуполя, свидетельствуют об оседлости проживавшего на этих памятниках населения. В любом варианте область распространения этих археологических объектов не выходит западнее р. Берда.

ях связаны с различной источниковой базой, которую использовали авторы, и с аморфностью границ средневековых государств, основанных кочевниками. В свое время, говоря о западных пределах Золотой Орды, Н.Д. Руссев указывал, что такие вопросы «следует решать в «узком» и «широком» смысле, т. е. различать территории непосредственно кочевий завоевателей и земли, платившие им дань» (Руссев, 1982, с. 44). Вероятно, то же можно сказать и о границах Хазарии. Кроме прочего, вероятно, надо учитывать, к какому этапу истории государства, которое существовало более 200 лет, относится рассматриваемая граница. Тем более что в продолжение этого периода международное и внутреннее положение каганата неоднократно менялось.

На территории Донецких степей наиболее ранние древности хазарского времени связаны с кочевым населением и представлены группой курганных захоронений, близких погребениям «соколовского» типа (Гриб, 2017, с. 320–321). К кочевникам относилось и курганное погребение у с. Новониколаевка Славянского р-на³⁴. Ранними являются захоронения Ждановского могильника (на территории г. Мариуполь), который авторы публикации считали грунтовым (Гриб, Швецов, 2016 б). Каких-либо сооружений над его захоронениями выявлено не было, однако следует учитывать, что погребения были найдены во время земляных работ. Вероятно, курганными были разрушенные погребения у старого кирпичного завода в г. Славянске (Кравченко, Шамрай, 2000), на шахте № 19 в г. Чистяково (Торез) (Тахтай, 1999) и на территории нынешнего г. Мариуполя (Кравченко, Кульбака, 2010).

Период, во время которого производилось заселение среднего течения Северского Донца оседлым населением, был для Хазарского государства относительно спокойным. После завершения войн с арабами политическая обстановка стабилизировалась. Хазарский каганат безраздельно господствовал в степях

³⁴ Указанный комплекс, представляющий классический курган с квадратным ровиком, был опубликован А.В. Евглевским как святилище хазарского времени. Публикация отличается рядом деталей, роднящих её с произведениями фантастического жанра (Евглевский, Кудлай, 2001, с. 377–392). Вполне возможно, что могила при раскопках этого кургана просто не была выявлена исследователями, что вполне могло случиться, если камера погребения была забита материковой глиной.

Восточной Европы и не имел серьезных противников. В это время на его территории наблюдается расцвет оседлой жизни, которая восстанавливается даже там, где оседлость была уничтожена военными катаклизмами предшествующего времени (Артамонов, 2001, с. 326–330). Таким образом, появление поселений в среднем течении Северского Донца являлось частью процесса, охватившего широкие просторы степей Доно-Донецкого региона. Вероятно, в связи с формированием здесь к концу VIII в. крупного массива оседлости для кочевников-протоболгар просто не осталось места. Эти процессы вызвали переход к оседлости ранее проживавшего здесь кочевого населения, сохранившего отгонное скотоводство в своем хозяйстве как пережиток прежней кочевой жизни.

Таким образом, в интересующем нас регионе густая сеть поселений появляется, вероятно, несколько позже, чем в лесостепной зоне. По крайней мере, столь ярких материалов 1-й половины или середины VIII в., какие были встречены в лесостепных некрополях, здесь практически нет. Участие в формировании новых населенных пунктов могло принять как пришлое население, так и прежде проживавшие на этих землях носители пеньковской культуры. При этом следует учитывать, что салтовские материалы были выявлены далеко не на всех пеньковских селищах.

Поселения появлялись в местах, удобных для хозяйственной деятельности: на речных террасах, участках близ впадения в Северский Донец его притоков, дюнообразных возвышениях, близ крупных старичных озер. Основная часть их была представлена неукрепленными селищами. Слабые оборонительные сооружения (частокол, лесные завалы), препятствующие набегу конницы, могли присутствовать лишь на некоторых памятниках, расположенных на площадках плато, с территории которых местность просматривалась на большое расстояние. Вполне возможно, что населенные пункты, появляющиеся на таких участках, изначально несли оборонительную функцию либо являлись местом нахождения знати и, таким образом, исполняли роль административных центров. При всем этом во время относительной политической стабильности серьезных оборонительных сооружений (рвов, валов, эскарпов) на первом этапе своей истории они, вероятно, не имели. В это время появляются первые поселения на территории Сидоровского археологического комплекса.

Одно из них, возможно, самое раннее, расположенное на плоской вершине холма, положило начало городищу.

В IX в. в жизни государства произошли серьезные изменения. В конце VIII или самом начале IX в.³⁵ в Хазарии в качестве государственной религии был принят иудаизм. Указанный шаг, вероятно, был воспринят враждебно широкими слоями населения, религией которых являлись язычество, ислам и христианство. По мнению М.И. Артамонова, принятие иудаизма в качестве господствующей религии дало толчок к серьезному внутреннему конфликту – «гражданской войне в Хазарии» (Артамонов, 2001, с. 433–444). С такой трактовкой этих событий не соглашался А.П. Новосельцев (Новосельцев, 1990, с. 132). Так или иначе внутренний конфликт, который имел место в 1-й трети IX в., привел к серьезным нарушениям в жизни государства. После подавления центральной властью своих противников на западную окраину каганата переселились потерпевшие поражение кавары, которые (возможно, часть их) нашли пристанище у мадьяр (Константин Багрянородный, 1991, с. 163, 394).

Мадьяры появляются на западных границах каганата в 20-х гг. IX в. Их переселение как будто было согласовано с каганом, союзником которого они являлись (Новосельцев, 1990, с. 207). Тем не менее вполне возможно, что для самого хазарского владыки, занятого в это время борьбой с недовольными подчиненными, союз с мадьярами был вынужденным (Артамонов, 2001, с. 459). Кочевые мадьяры ненадолго останавливаются в Леведии, место расположения которой не известно. Её локализуют и в Днепро-Донском междуречье (Новосельцев, 1990, с. 132, 207), и в верхнем либо среднем течении Северского Донца. По крайней мере, здесь на ряде протоболгарских некрополей фиксируются элементы, которые связывают с влиянием венгерской погребальной обрядности (Аксенов, Тортика, 2001, с. 202–203; Татаринев, Копыл, 1981, с. 307). Так или иначе мадьяры пробыли в её пределах всего 3 года (Константин Багрянородный, 1991, с. 159) и далее перемести-

³⁵ Д. Данлоп, ссылаясь на сообщения Иехуды Галеви, предполагал, что иудейская религия была принята хазарами в более раннее время, около 740 г. (Dunlop, 1972, p. 116–121). Детальный анализ этого вопроса проведен в книгах М.И. Артамонова (Артамонов, 2001, с. 359–385) и А.П. Новосельцева (Новосельцев, 1990, с. 149–151).

лись в Ателькузу, находившуюся в Днепро-Днестровском междуречье (Новосельцев, 1990, с. 207).

В период, когда происходили указанные события, на западной окраине каганата началось крепостное строительство. В 834–837 гг. при помощи византийцев на Среднем Дону был сооружен Саркел (Константин Багрянородный, 1991, с. 171, 173; Артамонов, 1958, с. 7; Новосельцев, 1990, с. 206). Мнения исследователей о причинах строительства этой крупной крепости расходятся. Так, М.И. Артамонов, а за ним и А.П. Новосельцев считали, что Саркел был построен для отражения опасности с запада. Эта опасность могла исходить не только от славян (Артамонов, 2001, с. 392–401; Новосельцев, 1990, с. 207–208). Опасность могли представлять и мятежные кавары, находившиеся на западных окраинах государства, и мадьяры, которые хоть и являлись союзниками, однако их надежность, вероятно, представлялась кагану проблематичной.

Несколько иной точки зрения придерживалась С.А. Плетнева, которая считала, что во время строительства Саркела опасности с запада еще не существовало. Эта крепость была поставлена для контроля за крупными торговыми путями на их пересечении. Согласно её мнению, «в 30-х гг. IX в., когда планировалось её сооружение, никакие внешние враги не могли грозить расположенной в центре большой населенной территории крепости». Таким образом, первоначальной задачей этого укрепленного пункта был контроль за путем, идущим по Дону (Плетнева, 1996, 142–156; 1997, 49–50).

Тем не менее точка зрения о том, что на западных окраинах государства в это время все же было беспокойно, вероятно, представляется реальной. Почти одновременно с описанным выше строительством начинается активное крепостное строительство в среднем течении Северского Донца, где на базе уже существующих крупных селищ формируется цепь укрепленных поселений. В это время увеличивается территория ряда населенных пунктов, строятся укрепления на археологическом комплексе у с. Маяки и наблюдается рост размеров археологического комплекса у с. Сидорово. Вероятно, именно в этот же период на ряде крупных поселений появляются мусульмане среднеазиатского происхождения. Нам представляется, что они были родственны выходцам из Хорезма, именуемым

восточными источниками «ал-арсийа», из которых состояла наемная гвардия хазарских правителей. Согласно данным средневековых источников, ал-арсийа или ал-ларисийа были мусульманами. Вполне вероятно, что использование этой этноконфессиональной группы могло быть более широким. Часть наемников могла оставаться в столице, а часть отправляться служить на опасные участки границ государства.

Особый интерес представляет характер расположения раннемусульманских некрополей на интересующей нас территории (Красильников, Красильникова 2005; Кравченко 2005 б; 2016 в; 2019 а). Эти могильники, выявленные на реках Северский Донец, Айдар и Деркул (рис. 218), были вытянуты вдоль границы лесостепи со степью, т. е. вдоль южной окраины области распространения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Материалы этого региона имеют существенное отличие от степных. В ряде работ исследователями обращалось внимание на то, что данная территория «в геополитическом отношении» представляла собой «отдельный самостоятельный регион Северо-Западной части Хазарии» (Афанасьев, 1993, с. 6; Тортика, 2006, с. 8–9; Аксенов, 2017 б, с. 17). Судя по опубликованным материалам, он формировался в более раннее время, чем степные поселения среднего течения р. Северский Донец. Находящиеся здесь могильники (катакомбные, кремационные, биритуальные) существенно отличаются от степных некрополей. Собственно, имеют отличия и ямные могильники, выделяющиеся на фоне памятников степной зоны богатым инвентарем, захоронениями воинов-всадников и массой иных деталей. В степной же зоне доминируют могильники «зливкинско-го» типа «с бедным инвентарем» и появляющиеся в более позднее время безынвентарные кладбища (Михеев, Копыл, 1989; Кравченко, 2004, б), среди которых четко определимы раннемусульманские некрополи. Единичные катакомбы, выявленные здесь (Красильников, 1991, с. 74–75, рис. 7), являются крайне редким исключением. Наблюдаются отличия и в вещественном материале, происходящем из лесостепных некрополей и поселений, и в крепостном строительстве, где используется совершенно иная традиция³⁶. Имеющихся в

³⁶ Ранее автором указывалось на факт присутствия в лесостепи некоторых материалов, связанных с функционированием Волжского пути,

настоящее время материалов недостаточно, чтобы дать однозначную трактовку указанному явлению. Так или иначе непонятно, существовала ли во 2-й пол. IX в. культурная (и политическая) связь между степными и лесостепными территориями, или описанные выше мусульманские некрополи фиксируют какую-то границу, появившуюся между бывшими владениями Хазарского каганата (Кравченко, 2019 а, с. 672). Не совсем ясным представляется и вопрос о том, в какое время лесостепные поселения хазарского времени были оставлены населением.

Вопрос о верованиях жителей Сидоровского археологического комплекса представляет интерес уже в связи с тем, что он связан с проблемой распространения единобожия среди населения Хазарии. Согласно письменным свидетельствам, монотеистические религии проникают в пределы каганата рано. Уже в VIII в. в Беленджере и Семендере имелись крупные христианские общины. Присутствовали они и на территории Крыма, входившего в зону влияния Византии. Современники повествуют о наличии в столице государства – Итиле, большого количества иудеев (Гаркави, 1874; Заходер, 1962, с. 163–167; Коковцов, 1932). Говоря о его населении, ал-Истахри сообщал, что только в свиту хазарского царя входило около 4000 человек. При этом

в частности саманидских дирхемов, которых нет в степном регионе (Кравченко, 2016 в; 2019 а, с. 672). Данный аргумент представляется не совсем удачным, т. к. в пределах значительной части лесостепной зоны находки монет на салтовских памятниках мало отличаются от материалов рассматриваемой нами территории (см. Лаптев, 2013, Аксенов, 2017 б, с. 20, но Колода, 2016, с. 383, 386). Ситуация с нумизматическими находками, на которую обращалось внимание (наличие саманидских монет и подражаний им), наблюдается несколько севернее, близ границ со славянами. Крупный клад, содержащий большое количество подражаний саманидским монетам, был обнаружен у с. Безлюдовка под Харьковом, на территории, пограничной с северянами (Колода, Лебедев, Енуков, с. 22–29). Он датируется 30-ми гг. X в. (Тортика, 2006, с. 462). Куда более интересным представляется факт появления крымских и таманских сосудов на степных поселениях в то время, когда они исчезают в лесостепи. Некоторые типы тарной посуды (напр., кувшины с плоскими ручками) вообще отсутствуют на памятниках лесостепного региона. Интересной представляется и находка на Новоселовском городище рунического дирхема (Кравченко, 2016 б), существенно отличающегося от лесостепных материалов, которые пытались связать с монетным делом Хазарии (Быков, 1974, с. 30–43; Кызласов, 2012).

мусульман и христиан было намного больше. «Хазары мусульмане, христиане и иудеи, и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс иудеи, а самый большой – мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его – иудеи» (Караулов, 1901, с. 43). Были иудеи и на Боспоре и Тамани, где проживание еврейских общин фиксируется с античности. Присутствуют они там и в раннесредневековое время, и в более поздний период (Феофан Исповедник, 1980, с. 60, 110, ссылка 261; Могаричев, 2008; Кашовская, Кашаев, 2010).

Близкая картина наблюдалась и с вопросом о распространении ислама. Мусульмане в большом количестве присутствовали среди населения хазарских городских центров. Источники IX–X вв. свидетельствуют о наличии в хазарских городах общин с элементами самоуправления, объединенных по религиозному признаку. Анализ этих сообщений посвящены многочисленные труды историков, наметивших основные этапы распространения единобожия среди населения Хазарского каганата (Хвольсон, 1869, с. 7, 56–58; Гаркави, 1874; Коковцов, 1913; 1932; Артамонов, 2001, с. 434–439, 560–561; Заходер, 1962, с. 145–167; Магомедов, 1983, с. 155–174; Быков, 1974, с. 75–86; Голб, Прицак, 1997 и др.). Тем не менее проблема и ныне представляется слабоизученной в связи с тем, что эти исторические данные слабо подтверждены археологическими материалами.

Так, при исследованиях крупных поселений в Северном Дагестане были выявлены остатки христианских храмов (Магомедов, 1983, с. 158–173). Однако вопрос об отношении этих поселений к остаткам конкретных хазарских центров, таких как Семендер, Белленджер и др., пока остается открытым (Артамонов, 2001, с. 528–533; Новосельцев, 1990, с. 122–134). Близкая ситуация наблюдается и с христианскими материалами Крыма, византийская принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений, а вот связь с хазарами далеко не всегда удается доказать с достаточной степенью достоверности. Сообщения восточных авторов о наличии в хазарских городах многочисленных мусульманских школ, мечетей наталкиваются на полное отсутствие следов распространения этой религии в археологических материалах тех территорий, которые являлись колыбелью Хазарии. Ситуация осложняется отсутствием в мусульманских захоронениях деталей одеж-

ды и инвентаря, что создает проблемы с датировкой некрополей, выявленных в Поволжье и на Северном Кавказе, т. е. в регионах, где ислам являлся господствующей религией на протяжении многих столетий. Более определенно можно говорить лишь об отдельных могильниках, находящихся за пределами основной территории Хазарии или на границах с ней (Кудрявцев, 1985; Халикова, 1986, с. 43–107; Гаджиев, Таймазов, Будаичиев, Абдулаев, Абиев, 2018; 2019).

Еще более сложная ситуация наблюдается с данными о распространении в каганате иудаизма. Основная часть сообщений об «иудейских хазарах» содержится в описаниях столицы этого государства – г. Итиль, точное место расположения которого неизвестно. Версия, что остатками Итиля является городище, расположенное в 43 км ниже Астрахани (у с. Самосделка Камызякского р-на Астраханской обл.), на котором относительно недавно начались исследования (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003; Зиливинская, Васильев, 2008), пока что является предметом дискуссии. В целом, археологических материалов, имеющих отношение к «иудейским хазарам» крайне мало. Некрополи с иудейским обрядом погребения пока не выявлены. Более того, не совсем ясно, как вообще должны выглядеть захоронения «иудейских хазар» (Флеров, 2002, с. 94–95). Таким образом, на основных территориях Хазарии по рассматриваемому нами вопросу мы пока что имеем многочисленные письменные свидетельства, слабо подтвержденные археологическими источниками.

Иная ситуация наблюдается в области распространения памятников салтово-маяцкой культуры. Исторические сообщения, повествующие об этих землях немногочисленны (Константин Багрянородный, 1991, с. 51–61, 171–173; Коковцов, 1932, с. 117–120), зато регион хорошо изучен в археологическом плане. Раскопки дали богатый материал: кроме поселений и городищ, исследовалось множество могильников, большинство которых было оставлено язычниками. Это создало впечатление, что в идеологии населения салтово-маяцкой культуры «безраздельно господствовало язычество» (Плетнева, 2000, с. 214–216; Флеров, 2002, с. 94–95).

Относительно недавно было обращено внимание на наличие в среднем течении Северского Донца безынвентарных некрополей, которые располагались близ крупных

населенных пунктов хазарского времени. Их появление исследователи связывали с процессом распространения среди населения салтово-маяцкой культуры единобожия (христианства, ислама) (Михеев, Копыл, 1989; Кравченко, 2004 б, с. 36–37). Влияние христианства прослеживается и к северу от рассматриваемой нами территории, в лесостепи, где в некоторых захоронениях на салтовских некрополях были обнаружены нательные крестики (Аксенов, Михеев 1996, с. 352, рис. 4, 17–18; Аксенов, 2013).

Ряд могильников содержит погребения по мусульманским канонам. Впервые о наличии таких кладбищ было заявлено после раскопок на археологическом комплексе у с. Маяки Славянского р-на Донецкой области (Копыл, Татаринов, 1979; 1990). Исследования К.И. Красильникова в Луганской обл. (Красильников, Красильникова, 2005, с. 210–212; Красильников, 2001, а, б; 2006, с. 299–328) и раскопки некрополей археологического комплекса у с. Сидорово (Кравченко, 2005б, с. 160–163, 169–170) подтвердили датировку этих кладбищ хазарским временем.

Могильники археологического комплекса у с. Сидорово, в сочетании с материалами, полученными при раскопках жилой его части, дают представление о жизни и верованиях жителей этого населенного пункта, который существовал в то время, когда современники сообщали о широком распространении мировых религий в крупных центрах Хазарии.

Население, проживавшее на Сидоровском археологическом комплексе, в этническом плане, вероятно, было очень пестрым. Антропологическое обследование материалов захоронений могильника 1, производимое И.Р. Газимзяновым, показало наличие среди погребенных нескольких групп (Газимзянов, 2013, с. 80–81)³⁷. В пользу полиэтничности населения рассматриваемого нами крупного населенного пункта свидетельствует присутствие различных традиций в домостроительстве. Наряду с классическими жилыми постройками, характерными для степной зоны, здесь присутствуют многочисленные лесостепные влияния, в том числе связанные с влиянием славянских традиций. Обращает внимание наличие на некрополях памятника элементов обрядности, характерных как для Среднеазиатского региона, так и для аланского и протоболгарского населения. При всем

³⁷ Детально об этом смотрите в статье И.Р. Газимзянова в Приложении.

этом катакомбных погребений, характерных для лесостепного региона, на данном памятнике нет.

Исследования свидетельствуют, что в IX – нач. X в. на территории населенного пункта проживало несколько общин, которые имели свои кладбища и, вероятно, были объединены по конфессиональному признаку. Две из них четко определяются по погребальной обрядности некрополей. Это мусульмане, которые хоронили своих умерших на могильниках 1 и 2, и язычники, присутствие которых маркируется могильником 4. Этот инвентарный некрополь, судя по находкам захоронений на территории современного населенного пункта, имел значительные размеры. По обрядности он близок могильникам «зливкинского» типа, которые обычно связывают с протоболгарским населением. С язычниками связана группа амулетов, найденных на поселении, а также ряд археологических комплексов, в которых зафиксированы следы исполнения жителями населенного пункта языческих обрядов (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 235–236; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 263, 265, 269, 273).

Нет сомнений, что на памятнике имела христианская община, что представляется вполне логичным в связи с наличием у жителей рассматриваемого нами поселения активных связей с территориями, принадлежавшими Византийской империи. О присутствии христиан на Сидоровском комплексе свидетельствуют находки предметов культа. Могильник с христианскими захоронениями не выявлен (что не обозначает, что его не было). Христианскими могут являться некоторые погребения могильника 3, на котором, в силу его специфики, хоронили представителей всех общин.

Особый интерес представляют раннемусульманские некрополи Сидоровского археологического комплекса. По своему типу они близки прочим раннемусульманским кладбищам рассматриваемого нами региона, выделяясь на их фоне стабильным обрядом захоронения с минимальным количеством отклонений от требований мусульманской погребальной обрядности. Крупные размеры этих некрополей и отсутствие костей свиньи в остеологическом материале, происходящем с жилой части памятника³⁸, свидетельствуют о том,

³⁸ Устное сообщение Г.Ш. Асылгараевой. Автор пользуется случаем поблагодарить Г.Ш. Асылгараеву

что мусульманская община, которая проживала на рассматриваемом нами поселении, играла в его жизни важную роль.

Таким образом, исследования археологического комплекса у с. Сидорово показывают, что в IX–X вв. здесь, как и в центральных регионах Хазарии, активно шел процесс внедрения в сознание населения монотеистических религий. Он имел сходство с теми процессами, которые были зафиксированы историческими источниками в крупных хазарских центрах, расположенных в Нижневолжском регионе и на Северном Кавказе. Вероятно, археологический комплекс у с. Сидорово пока что является единственным памятником, где свидетельства письменных источников о распространении единобожия в среде населения Хазарского каганата находят конкретное подтверждение археологическими материалами. Исключение представляют только иудеи, пребывание которых на рассматриваемом нами памятнике пока что не зафиксировано.

Большая роль, которую играла в жизни археологического комплекса у с. Сидорово мусульманская община, заставляет подробнее остановиться на её характеристике. Нам представляется, что мусульмане появляются на рассматриваемом нами поселении во 2-й пол. IX века. В связи с этим оба мусульманских некрополя прилегают к тем частям памятника, которые начали заселяться в этот период. Соображения о среднеазиатской локализации региона, откуда пришли в среднее течение р. Северский Донец первые мусульмане, приводились выше. Говоря о мусульманах, проживающих в центрах, расположенных на основной территории Хазарии, источники повествуют, что они входили в несколько социальных групп, крупнейшими из которых были ремесленники, торговцы и воины (Заходер, 1962, с. 159; Быков, 1974, с. 60–62). Считать, что на Сидоровском археологическом комплексе было по-другому, нет оснований. Попробуем рассмотреть, какая из этих групп на рассматриваемом нами поселении могла быть наиболее многочисленной и значимой.

В рассматриваемом нами регионе ведущим ремесленным центром был, вне всяких сомнений, археологический комплекс у с. Маяки, более известный как Царино городище. Маяки, вне сомнений, являлись крупнейшим центром, специализировавшимся на металлообработке, который обеспечивал за предоставленную информацию.

металлическими предметами как близлежащие поселения, так и значительные территории далеко за их пределами. Кроме следов черной металлургии и кузнечного ремесла на этом памятнике зафиксированы следы обработки меди и производства ювелирных изделий (Шамрай, Духин, 1997; Матеріальна та духовна культура, 2017). По сравнению с ним ремесленная деятельность населения Сидоровского комплекса представляется более чем скромной. За время исследований на памятнике было выявлено всего два комплекса, связанных с ремеслом, один из которых представляет сооружения гончарной мастерской (Кравченко, Давыденко, 2001). В ее горнах и ямах была найдена большая часть обнаруженных на памятнике гончарных клейм. Показательно, что клейма Сидоровского комплекса не отличаются особым разнообразием, и подавляющее большинство их представлено одним типом. Создается впечатление, что мастерская обеспечивала своей продукцией собственно Сидоровский комплекс и, возможно, его ближайшую округу.

Второй комплекс представлен кладом, в котором содержались железные кузнечные инструменты (две разновидности клещей и ножницы по металлу). Кроме этих находок, каких-либо иных материалов, связанных с кузнечным делом, на памятнике обнаружено не было. На поселении, большая часть площади которого в течение многих лет активно распаивалась, не выявлено криц, крупных скоплений шлаков, заготовок орудий и прочих следов деятельности кузнецов и металлургов, которые в избытке встречаются на соседнем крупном поселении у с. Маяки. То есть говорить на основании находки орудий кузнеца о широком развитии на памятнике кузнечного ремесла мы не можем. Находка клада с кузнечным инструментом свидетельствует лишь о том, что на Сидоровском археологическом комплексе существовала кузница, которая, наиболее вероятно, обеспечивала нужды жителей этого поселения. Скорее всего, она располагалась где-то в районе раскопа II 1971 г. Именно здесь В.К. Михеевым были обнаружены фрагменты железного шлака, пока единственные на данном памятнике.

О производстве ювелирных изделий и украшений говорить не приходится – до сих пор на поселении не выявлено ни одной литейной формы, да и сами украшения крайне немногочисленны. Можно было бы предположить присутствие на поселении медников, в пользу

чего свидетельствует наличие на памятнике обрезков медных листов с заклепками. Однако и они могут являться фрагментами медных сосудов, произведенных на стороне (возможно, в тех же Маяках).

Кроме этого, на памятнике было найдено много лоцил, сделанных из ручек амфор. Они встречаются как в подъемном материале, так и в комплексах на различных участках поселения. Тем не менее эта категория материала, как и пряслица, более свидетельствует о развитом домашнем производстве, чем о наличии в пределах населенного пункта специализированных мастеров-ремесленников.

Таким образом, на археологическом комплексе у с. Сидорово следов развитой ремесленной деятельности не было обнаружено. Создается впечатление, что основную часть продуктов ремесла жители получали из соседнего крупного поселения, которое находилось у нынешнего с. Маяки Славянского р-на.

Предметов, связанных с торговой деятельностью, выявлено гораздо больше. На памятнике обнаружено достаточно много монет, группа гирек и разновесов, чашечка от весов. Показательным является высокий процент находок привозной керамической посуды. К числу привозных предметов относятся немногочисленные бусы и фрагменты стеклянных сосудов. Таким образом, наличие торговой деятельности и, соответственно, торговцев, на памятнике отрицать нельзя. И тем не менее следует учитывать некоторые моменты. Практически вся привозная посуда на рассматриваемом нами поселении представлена амфорной тарой. Достаточно много тарных сосудов несут на себе следы вторичного использования. Так, на памятнике был выявлен ряд предметов, изготовленных из амфор. Среди них не только многочисленные лоцила и пряслица, которые делали из фрагментов этих сосудов, но и такие крупные предметы, как цедилка, ведро, лейки, для изготовления которых требовалось использовать целый сосуд. Особый интерес представляет находка в раскопе 16 импровизированного санузла, изготовленного из крупной амфоры с отбитой верхней частью и выбитым дном. Все это говорит о том, что значительное количество амфор с содержащимся в них продуктом не шло дальше, а использовалось жителями населенного пункта. Таким образом, наличие большого количества амфорной тары может свидетельствовать не только об активной торговой

деятельности, но и о том, что привозимый в этих амфорах продукт пользовался в среде населения большим спросом. Высокий же процент находок тарных сосудов, в том числе привезенных не только из Крыма и Тамани, но и из более отдаленных территорий, которые выделяют Сидоровский археологический комплекс из числа прочих памятников, расположенных в рассматриваемом нами регионе, указывает на уровень благосостояния его жителей.

Одной из наиболее значимых категорий мусульманского населения хазарских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа был воинский контингент. Исторические источники IX–X вв. сообщают о большом количестве мусульман-воинов, из которых состояла гвардия кагана. Согласно сообщениям современников, основой наемного войска служили мусульмане, выходцы из Хорезма, которых источники называют «ал-арсийа» или «ал-ларисийа». Вопрос об их этническом лице остается открытым. По мнению некоторых исследователей (Dunlop, 1972, p. 206, подстрочная ссылка № 197; Минорский, 1963, с. 193–194, текст, подстрочник), они были связаны с азиатской ветвью аланов-ассов. Б.Н. Заходер, соглашаясь, что корни этого народа лежат в иранской среде, тем не менее считал, что для доказательства связи «ал-арсийа» с аланами-ассами одного сходства этнонимов недостаточно (Заходер, 1962, с. 156). Как версию воспринимал это предположение и А.П. Новосельцев (Новосельцев, 1990, с. 120). По мнению М.И. Артамонова, указанная этническая группа имела иранское происхождение (Артамонов, 2001, с. 552–555).

Согласно сообщению ал-Истахри, наемное войско царя составляло 12000 человек (Караулов, 1901, с. 43). Меньшие цифры приводятся у ал-Масуди (Минорский, 1962, с. 194; Заходер, 1962, с. 155–157) и у Ибн Русте (Хвольсон, 1862, с. 18). В любом случае количество наемных воинов-мусульман было столь велико, что они могли оказывать влияние на политику хазарского царя (Новосельцев, 1990, с. 121–122).

Возвращаясь к рассматриваемым нами данным, обратим внимание на ряд деталей. Вещественный материал, найденный при раскопках памятника, не дает возможности определить количество воинов, находящихся в его пределах. Находки оружия и деталей артиллерии немногочисленны. При всем этом

характер укреплений городища все же говорит о том, что на этом памятнике должен был располагаться крупный гарнизон. Размеры укреплений впечатляют. По самым скромным подсчетам, только для того, чтобы выкопать основной ров внутренней линии, надо было быть вынуть более 4000 куб. м тяжелого глинистого грунта. Для выполнения только этих работ, по нынешним расчетам, потребовалось бы не менее 2000 человеко-дней. А кроме этого необходимо было вырыть вспомогательные рвы, предназначенные для установки палисада, произвести эскарпирование склонов, построить валы, возвести стены и выполнить прочие работы, связанные с крепостным строительством, не говоря уже о сооружении внешней линии укреплений, которая более чем в два раза превосходит по своим размерам внутреннюю линию. Огромный объем работ, связанных с сооружением укрепленного поселения, должен был иметь под собой достаточно серьезные основания, и эти работы ни в коем случае не производились бы в том случае, если бы на территории населенного пункта отсутствовал воинский контингент, способный эти укрепления защищать.

К сожалению, по количеству защитников крепостей Хазарии данных очень мало. Из зафиксированных археологически пунктов мы имеем информацию только по Саркелу, где Константин Багрянородный сообщает о том, что в Саркеле «крепости хазар... стоят 300 таксеотов, сменяемых ежегодно» (Константин Багрянородный, 1991, с. 171). По мнению комментаторов данного сообщения, под понятием «таксеоты» фигурировали наемные профессиональные воины (там же, с. 369). М.И. Артамонов также считал таксеотов наемниками, добавляя, что в данном случае это были тюркские кочевники, находившиеся «...в какой-то степени зависимости от хазар или просто поступавшие к ним на службу целыми родами и коленами со своими вождями во главе» (Артамонов, 1958, с. 26). По его мнению, они проживали в цитадели, в пределах которой жило и какое-то салтовское население. Причем если гарнизон ежегодно менялся, то местное население оставалось постоянным и, возможно, находилось «на одинаковых с ним правах» (Артамонов, 1958, с. 37). Таким образом, основой охраны указанной кирпичной крепости являлся упомянутый выше гарнизон наемников со вспомогательным войском из местных жителей. Периметр

кирпичных стен Саркела составлял около 600 метров (Артамонов, 1958, с. 14; Плетнева, 1996, с. 17), и для этой крепости на война-профессионала приходилось 2 погонных метра крепостной стены. Выше указывалось, что стены донецких городищ хазарского времени, вероятнее всего, были дерево-земляными. В связи с этим представляется интересным провести сравнение описанных выше данных со сведениями о гарнизонах крепостей, которые существовали в среднем течении Северского Донца в период заселения края в XVII веке. Показательно, что они также имели деревянные и дерево-земляные стены. Несмотря на огромный хронологический разрыв между Саркелом и этими крепостями, количество воинов в них по отношению к периметру укреплений представляется близким.

Так, в 1666 г. в городке Маяцком (периметр стен 185 сажень³⁹) проживало 136 человек (Пирко, 2001, с. 78). В 1668 г. в этом же городке, периметр стен которого в это время составлял уже 205 сажень, находилось 137 человек гарнизона (Багалеи, 1886, с. 64–65). В крепости Тор (1684 г.) периметр самого укрепления составлял 167 сажень (не менее 350 м), при гарнизоне 151 человек (Багалеи, 1886, с. 120–122). Общее же количество людей, служивших в Торе в этом году, составляло 201 человек (Пирко, 1995, с. 8–10). По всей видимости, часть людей обслуживала не саму крепость, а прилегающие к ней дороги (Пирко, 2001, с. 10). В свете вышесказанного особый интерес представляют данные челобитной 1690 года. В ней жители Тора (Соленый, нынешний г. Славянск) жаловались, что держать вновь отстроенный после разгрома город не с кем в связи с тем, что «...осталось в Соленом жителей русских черкасс 50 чел. не болши...» (Багалеи, 1890, с. 156). Т. е. одного человека на 7 погонных метров крепостной стены было

явно недостаточно для полноценной защиты крепости. Вне сомнений, в каждой из описанных выше крепостей, кроме гарнизона, находились жители, которые при необходимости также могли принимать участие в обороне населенного пункта в случае его осады. Тем не менее основная роль все же принадлежала гарнизону, состоявшему из профессиональных воинов. Именно они составляли ядро обороны, остальные же жители, принимающие в ней участие, по-видимому, играли вспомогательную роль.

Как видим, количество людей в крепостных гарнизонах и периметр охраняемых ими стен находились в близком соотношении. По приведенным выше данным (учитывая возможные погрешности при вычислении периметра стен, тот фактор, что часть воинов могла быть задействована на обслуживании прилегающих к основной крепости оборонительных объектов) у нас получается, что для нормального функционирования подобного рода укреплений требовалось наличие как минимум одного воина на 2–3 погонных метра стены. Учитывая то, что периметр внутренней линии укреплений городища у с. Сидорово составляет около 1,2–1,3 км, а внешней линии – около 2,5 км, следует сказать, что расположенный на городище гарнизон должен был быть весьма значительным в количественном отношении.

Перечисленное выше свидетельствует, что мусульманское население археологического комплекса у с. Сидорово могло относиться к двум социальным группам: воинам и торговцам. Ремесленников следует сразу же исключить, т. к. следов занятия ремеслом у жителей Сидоровского комплекса было обнаружено мало. Более того, выше указывалось, что на памятнике весьма мало находок, которые свидетельствовали бы и о занятии населения земледелием. При всем этом ям, которые могли являться хранилищами для зерна, на данном памятнике выявлено достаточно много. Создается впечатление, что этот населенный пункт более занимался потреблением, чем производством. Таким образом, представляется наиболее вероятным, что изначально сидоровские мусульмане в своей основе представляли воинский контингент. Какая-то часть их могла заниматься торговой деятельностью. Однако, учитывая то, что основная часть торговых связей рассматриваемого нами поселения была сконцентрирована на территории Крыма и Тамани, т. е. на землях,

³⁹ На русских землях применялось множество разных сажень, размеры которых существенно варьировали, длина стен крепости могла составлять и 436 м (если употреблялась распространенная в XVII в. «казенная» трехаршинная сажень – 2,13 м), и чуть более 500 м (если применялась четырехаршинная сажень). В статье, посвященной фортификации Маяцкой крепости, указан несколько больший размер (540 м) (Давыденко, Пирко, 2007, с. 79). Вероятно, эта цифра была получена при обмере площадки холма, на которой располагалась крепость. Вне сомнений, размер самого укрепления был несколько меньше. Поэтому нам представляется, что при обмерах использовалась трехаршинная «казенная» сажень.

находящихся в зоне политического и идеологического влияния Византии, вполне можно предположить, что торговой деятельностью на Сидоровском археологическом комплексе могло заниматься и христианское население.

Во второй половине IX в. политическая обстановка усложнилась. В Поднепровье идет процесс формирования Древнерусского государства. В 852 г. летопись говорит о походе русских дружин на Царьград и о начале «Земли Русской» (ПСРЛ, т. 1, с. 7). В 60-х гг. IX в., после захвата Киева князьями Аскольдом и Диром, были освобождены от хазарской дани поляне (ПСРЛ, Т. 1, с. 9; Т. 2, с. 11–12). В 882 г. Киев был взят новгородским князем Олегом, что ознаменовало появление на карте Восточной Европы Древней Руси – крупного государственного образования, которое сразу же вступило в борьбу с Хазарией за власть над восточнославянскими племенами. Уже в 884–885 гг. Олег берет под контроль северян и радимичей, которые прежде платили дань хазарам (ПСРЛ, т. 1, с. 10; т. 2, с. 13–14).

Серьезные перемены произошли в это время и в степной зоне. Во второй половине IX в. степи Северного Причерноморья заняли печенеги, которые вытеснили мадьяр и к 80-м гг. этого столетия стали полными хозяевами этих земель. В своем трактате «Об управлении Империей» Константин Багрянородный неоднократно упоминает об этом народе как о важнейшем факторе международной политики в регионе, который способен влиять на благополучие всех окрестных государств. По мнению С.А. Плетневой, печенеги вторглись в пределы Хазарского каганата, уничтожая все на своем пути. В результате чего западные территории каганата во время их нашествия подверглись сильному разорению, а ряд поселений прекратил существование (Плетнева, 1981 а, с. 65).

Свидетельства, приводимые историческими источниками, показывают, что в I пол. X в. у каганата осталась лишь тень от бывшего могущества. Хасдай ибн Шафрут при попытке получить сведения о Хазарском государстве столкнулся с неожиданными трудностями. Отправка письма хазарскому царю через Константинополь завершилась неудачей. Посол, просидевший полгода в столице Византии, был отослан назад. В качестве причины указывалось, что народы, находящиеся между Византией и Хазарией, находятся в «раздоре друг с другом». В результате письма было отправлено вокруг: через Г-б-лимов

(Хорватов?), Х-н-г-рин (Венгров), страны Рус и Б-л-гар (Гаркави, 1874, с. 106–108; Коковцов, 1932, с. 64–66). О международном положении хазар в этот период свидетельствуют данные, приводимые в труде Константина Багрянородного, который указывает, что воевать с хазарами могут узы, аланы, черные булгары, печенеги (Константин Багрянородный, 1991, с. 29, 51, 53). То есть к сер. X в. (а возможно, и в более раннее время) против хазар могли воевать практически все народы, которые ранее им подчинялись. Таким образом, сведения об обширных землях и многочисленных народах, подвластных хазарам, которые были сообщены царем Иосифом Хасдаю ибн Шафруту (Коковцов, 1932, с. 98–102), наиболее вероятно, являлись воспоминаниями о далеких, давно ушедших, временах. На западной окраине государства в начале X в. власть хазар сохранялась разве что в Саркеле и на Тамани (Коковцов, 1932, с. 118). Возможно, в среднем течении Северского Донца также мог находиться какой-нибудь самостоятельный или полусамостоятельный анклав.

В этот период наблюдается резкий рост размеров Сидоровского археологического комплекса, укрупнение которого могло быть связано с перемещением сюда жителей из окрестных неукрепленных поселений. С усложнением политической обстановки и расширением территории памятника была связана попытка строительства новой (внешней) линии укреплений. Указанная оборонительная линия должна была защитить не только городище, но и селище 1 (Большое городище), прилегающее к нему с северной стороны. Учитывая то, что на площадке селища каких-либо следов укреплений зафиксировано не было, можно предположить, что эта часть линии обороны осталась недостроенной в связи с прекращением жизни на рассматриваемом нами населенном пункте.

Вопрос о причинах гибели поселений хазарского времени на западных окраинах Хазарского каганата изучен слабо. Если при исследованиях памятников в лесостепной зоне не было выявлено каких-либо следов их военного разгрома, то раскопки крупных городищ в среднем течении р. Северский Донец дают иную картину. О ряде памятников, расположенных на этой территории, в связи со слабой их изученностью каких-либо данных нет. Тем не менее присутствие следов пожаров и захоронений в произвольных позах на двух крупнейших поселениях региона свидетель-

ствуется, что прекращению жизни на городищах салтово-маяцкой культуры в среднем течении Северского Донца, предшествовали активные боевые действия.

Так, явные следы того, что укрепленный населенный пункт хазарского времени прекратил свое существование в результате сильного пожара, прослеживаются на археологическом комплексе, расположенном у с. Маяки. В слое памятника были зафиксированы многочисленные предметы и сосуды, подвергшиеся воздействию высокой температуры, и был выявлен ряд скелетов, положение которых указывало на то, что они не были погребены (Михеев, Копыл, 1989, с. 53; Михеев, 1985, с. 18). «Костяки со свободной ориентацией, в вытянутом положении на спине, в скорченной позе на правом или левом боку и с различным положением рук, были выявлены не только на нижнем посаде, но и на территории городища: в развале внутренней стороны оборонительной линии, на северной и западной окраинах, а также в разрезах размытых водой оврагов или на склонах городища...» (Михеев, 1985, с. 18). У некоторых скелетов был нарушен анатомический порядок расположения костей. Часть их вообще отсутствовала. Последнее свидетельствовало в пользу того, что останки длительное время лежали на поверхности непогребенными и кости могли быть растащены дикими животными. В 1998 г. на входящем в комплекс поселении был выявлен детский скелет, лежавший в горелом заполнении очага. Отопительное сооружение было устроено во вкопанном в землю крупном груболепном пифосе с выбитым дном. Скелет ребенка лежал на слое углей в сильно скорченном положении, однако следов огня на костях обнаружено не было (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 3–4). Выше писалось о скелете взрослого человека, выявленном в заполнении хозяйственной ямы на этом же селище (Кравченко, Швецов, 1990). Судя по его положению, умерший был сброшен в яму. По свидетельствам Н.В. Сибилёва и В.К. Михеева, на распаханной площадке городища читалась группа зольников, содержащих материалы хазарского периода его истории (Михеев, 1968, с. 2–3). Как представляется, они являются остатками сгоревших усадеб. Во время исследований 2008 г., производимых на одном из таких зольников, была выявлена группа хозяйственных ям с обгорелыми стенками и скоплением углей на дне, а также котлован постройки, имеющей следы

сильного пожара. Термическое воздействие было настолько сильным, что находящиеся в помещении железные предметы были пережжены и рассыпались, а керамические сосуды подверглись деформации. Некоторые были ошлакованы (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 9–12). В целом материалы раскопок городища у с. Маяки свидетельствуют в пользу того, что прекращение существования указанного памятника было связано с разгромом. Следствием этого является поистине огромное количество всевозможных находок на городище, происходящих из культурного слоя и комплексов сгоревшего поселения. Подобная картина наблюдается на некоторых древнерусских городках, погибших в огне пожаров во время монголо-татарского нашествия (Гончаров, 1950).

На Сидорово наблюдается несколько иная ситуация. В отличие от соседних Маяков, городище, видимо, пережило осаду, но разгрому не подвергалось. Здесь имеется специальное кладбище (могильник 3), расположенное в пределах линии укреплений. На собственно городище все погребения такого типа не лежат в произвольных позах, как на Маяках. Они похоронены. Однако их захоронение производилось в спешке, о чем свидетельствует малая глубина залегания скелетов, расположение их между остатков построек и хозяйственных сооружений памятника. Тем не менее эти убитые были погребены, иногда в соответствии с канонами веры, которой следовал умерший. Даже вне линий укреплений убитые были захоронены, хотя и на скорую руку (помещение 11).

Из 27 построек, раскопанных на городище и селище 1, ни одна не несет следов сильного пожара, прослеженного на сооружениях городища Маяки. Создается впечатление, что археологический комплекс у с. Сидорово не подвергся разгрому, а был организованно оставлен. Население покинуло его, собрав все, что можно было увезти. В связи с этим на археологическом комплексе у с. Сидорово, крупнейшем из поселений рассматриваемого региона, находок изделий из металлов, целых бытовых предметов, орудий труда и тем более оружия было найдено намного меньше, чем на соседнем Царином городище у с. Маяки. Прекращение жизни на этих крупных поселениях, вероятно, были связаны с одним и тем же событием, которое положило конец существованию памятников салтово-маяцкой культуры в рассматриваемом нами регионе.

Вопрос, кто разгромил донецкую группу городищ, является достаточно сложным в связи с тем, что исторические источники содержат мало данных о бурных событиях, положивших конец Хазарскому каганату. События же, происходящие в Доно-Донецком регионе, в них вообще отражены слабо. Обычно у исследователей фигурируют две версии: а) печенежский погром; б) походы князя Святослава (Артамонов, 2001, с. 583–587, 592–593; Плетнева, 1981 а, с. 65). Обе эти версии представляются жизнеспособными.

По мнению С.А. Плетневой, значительная часть степных поселений была разорена кочевниками еще в нач. X в. (Плетнева, 1997, с. 51). О походах печенегов на интересующей нас территории данных в исторических источниках не имеется. Да и о восточной политике Святослава, если таковая проводилась во время правления этого князя, мы знаем не намного больше (Сахаров, 1982). Источники сообщают о походе 964 г. на вятичей, которые платили дань хазарам. По мнению А.П. Новосельцева, Святослав в этом году не имел успеха в борьбе с ними. Возможно, это было связано с враждебной позицией хазар, что послужило причиной нового похода (Новосельцев, 1990, с. 220). В 965 г. Святослав двинулся на хазар, воевал с ними и взял Белую Вежу (Саркел). Под тем же годом летопись сообщает о войне князя с ясами (возможно, донскими), а затем о его походе на касогов, которые проживали на Северо-Западном Кавказе. По мнению Т.М. Калининой, войско Святослава могло появиться на Дону, спустившись по Днепру к границам Хазарии, а далее, пройдя через степь, подойти к Саркелу (Калинина, 1976, с. 100). В этом случае Святослав должен был обойти стороной укрепленные поселения, расположенные в среднем течении Северского Донца (рис. 218). В следующем 966 г. Святослав вновь отправился в поход на вятичей и покорил их. Чуть позже, в 968/969 г., по свидетельству Ибн-Хаукаля, дружины русов разгромили Нижнее Поволжье и хазарские города на Северном Кавказе, результатом чего явилась гибель Хазарского каганата (Калинина, 1976, с. 100–101). Сам Святослав в этом походе участия не принимал. Уже в 967 г. он находился в Дунайской Болгарии «емля дань на Грецах». В 968 г. он на короткое время возвратился в Киев, отбил набег печенегов и, похоронив свою мать, Ольгу, вновь отправился в Болгарию (ПСРЛ, т.

2, с. 42–44). Трудно сказать, действовали русы, громившие Поволжье, по его приказу, или это были какие-то самостоятельные дружины. Собственно, совсем непонятно, сколько вообще в это время было походов, и какое количество дружин русов находилось на хазарских землях (Новосельцев, 1990, с. 211–219). Вне сомнений, возвращаясь с Северного Кавказа или Дона, войско Святослава могло разорить городки, расположенные на Северском Донце, если они к этому времени ещё не были разорены кем-либо другим.

Археологических артефактов, имеющих отношение к этому вопросу, на рассматриваемых нами городищах крайне мало. Среди материалов отсутствуют находки, которые можно связать с печенегами. Очень небольшое количество материалов находит параллели в северных древностях. Так, согласно дневникам Н.В. Сибилёва за 1931–1932 гг., неподалеку от Сидоровского комплекса, между селами Пришиб и Татьянавка Славянского р-на, был обнаружен меч X в. (Сибилёв, дневник 1931–32 гг., с. 43–44; Сибилёв, 1950, с. 102, рис. 4: 1–4). В дальнейшем фрагмент этого меча был опубликован В.Н. Дедовым и М.Л. Швецовым (Дедов, Швецов, 1987, с. 262–263, рис. 1)⁴⁰. На Маяках найдены характерные железные шаровидные гирьки, обтянутые медной пластиной, и фрагмент навершия еще одного меча того же времени (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, рис. 27: 10). На Сидоровском комплексе подобран описанный выше обломок креста, который тем не менее датируется более поздним периодом. В целом же все указанные предметы могли принадлежать как дружинникам Святослава, так и проезжим купцам русского происхож-

⁴⁰ Авторы заметки считали находку верхней части клинка с рукоятью фрагментом еще одного меча. При этом она была обнаружена в том районе, где в дальнейшем нашли еще ряд материалов, происходящих из Святогорского музея Н.В. Сибилёва, разоренного во время Великой Отечественной войны. У фрагмента, публикуемого авторами, наблюдается полная схожесть с мечом из-под с. Пришиб, хранившимся в довоенное время в музее Н.В. Сибилёва. Она настолько сильна, что представляется маловероятным, чтобы две таких, крайне редких для данного региона, находки могли быть обнаружены на расстоянии 3–4 км друг от друга. В заметке указаны прочие предметы, найденные вместе с мечом: «железная пряжка, стремя и наконечник копья». В статье Н.В. Сибилёва 1950 г. указано о находке погребения с мечом (целым), с которым находились *стрема, бронзовая пряжка* и наконечник копья (Сибилёв, 1950, с. 102, рис. 4: 1–4).

дения. Таким образом, на основании материалов, имеющих в данный момент, говорить о том, кто конкретно разорил донецкие городища, мы не можем. Это вполне могли быть и печенеги, и русы Святослава. Наиболее же вероятным представляется, что ко времени походов этого князя укрепленные поселения среднего течения Северского Донца уже лежали в руинах. Не следует исключать и вариант, что донецкие городища могли погибнуть в нач. X в. во время каких-то внутренних конфликтов, сопровождавших процесс распада хазарского государства.

Гибель Хазарского каганата привела к существенным изменениям в регионе, прилегающем к среднему течению Северского Донца. Прекратили существование укрепленные поселения, возникшие здесь в хазарское время. Исчезли крупные центры, такие как Маяки, Сидоровское, Новоселовское и Кировское городища. Резко уменьшилось количество неукрепленных поселений. Значительная часть оседлого населения, которая избежала гибели во время военных событий кон. IX – сер. X вв., вероятно, покинула эту территорию. Маршрут их миграций мог быть различным. Какая-то его часть могла отправиться на запад, в пределы земель, занятых памятниками балкано-дунайской культуры. На расположенных здесь поселениях следы салтовского влияния настолько ощутимы, что некоторое время саму балкано-дунайскую культуру рассматривали как вариант салтовской (Плетнева, 1981 б, с. 75).

Судьба мусульман, проживавших в среднем течении Северского Донца, сложилась по-иному. Возвращаться в разоренные центральные области Хазарии у них, вероятно, не было возможности, а может быть и смысла. Учитывая данные хазарско-еврейской переписки и сообщения Константина Багрянородного, на южном пути, ведущем к центру Хазарского государства, находилось множество враждебных народов, которые вряд ли пропустили бы через свою территорию группы переселенцев, в числе которых могли быть не только воины, но и старики, женщины и дети. Кроме всего этого, длительное, более чем полувековое, проживание этого населения в близких контактах с протоболгарами должно было повлиять на их этнический облик. Скорее всего, это коснулось и языковых отличий, если ранее таковые у них были. В связи с этим наиболее реальным было направление миграции на северо-восток,

в пределы Средней Волги, где в это время формировалось сильное государство, население которого имело этническое и языковое сходство с переселенцами. Ко времени миграции на Средней Волге присутствовало и влияние ислама. Именно в связи с этим обстоятельством в 922 г. в пределах Волжской Булгарии появился Ибн-Фадлан, посол халифа ал-Муктадира, в отчетной «Записке» которого было зафиксировано присутствие на этих землях мусульманских общин. Показательным является то, что волжские мусульмане во время службы произносили икаму дважды, что являлось признаком того, что они исповедовали характерный для Средней Азии ислам ханифитского толка (Ковалевский, 1956, с. 133–134, 199). Кем были эти мусульмане: местными жителями, принявшими ислам под влиянием хорезмийских купцов и проповедников, или переселенцами, недавно пришедшими из среднего течения Северского Донца, вероятно, навсегда останется загадкой.

Указанную миграцию С.А. Плетнева определила как «четвертую и последнюю волну болгарских и родственных им этносов на территории Восточной Европы», которая принесла в Волжскую Болгарию «многие производственные и земледельческие навыки, освоенные ими в Хазарском каганате» (Плетнева, 1997, с. 52). С этой миграцией связаны археологические материалы, встреченные на территории Волжской Булгарии, которые свидетельствуют о перемещении на Среднюю Волгу из области распространения салтовомаяцкой культуры каких-то групп населения. Керамика салтовского облика зафиксирована в нижних слоях практически всех крупных болгарских центров. Так, фрагменты сосудов, по профилировке, характеру орнаментации, тесту и обжигу имеющих сходство с материалами поселений салтово-маяцкой культуры Донецко-Донского региона, присутствуют в VI слое Болгарского городища (Фахрутдинов, 1987, с. 51–53). Имеются они в материалах Биляра (Кокорина, 1976, с. 212, 218–227) и других пунктах, расположенных на территории Волго-Камья (Хлебникова, 1984, с. 98–101, 130–131). Вполне возможно, с переселенцами четвертой волны, пришедшими из Донецко-Донского региона, была принесена на болгарские памятники характерная керамическая форма – крышки с пестовидными ручками, окончательное формирование которой завершилось уже на землях Волжской Булгарии.

Вопрос о том, каким путем эти переселенцы могли добраться на Среднюю Волгу, также не изучен. Вряд ли ими был использован путь, идущий в Волжскую Булгарию из южнорусских земель, функционирование которого прослеживается с IX века (Моця, Халиков, 1997). Чтобы попасть на него, требовалось пересечь просторы лесостепи, а далее пройти через земли, заселенные славянами, часть которых (северяне) с 884 г. уже платила дань русским князьям и принимала участие в их походах. Таким образом, проживающее на этих землях население вряд ли было друженственно переселенцам.

Наиболее вероятным представляется путь, который более или менее четко фиксируется в золотоордынское время. О функционировании его и в более ранний период свидетельствует характер расположения городищ в среднем течении Северского Донца⁴¹. Указанный путь отводился от дороги, которая шла с Крыма (в XVII в. она называлась Муравской дорогой) (КБЧ, 1950, с. 60–67, 69, 70, 72, 74, 77). Далее он шел через среднее течение Северского Донца и, отклоняясь на восток, направлялся к Волго-Донской переправе (Кравченко, 2019б, с. 124), откуда можно было подняться вверх по Волге (рис. 218).

Не прервались окончательно традиции оседлой жизни и в среднем течении Северского Донца, где сохранилась часть населения, проживавшего здесь в VIII–X вв. Некоторые поселения хазарского времени продолжили существовать, уменьшившись в размерах. Одно из них занимало часть территории археологического комплекса у с. Маяки (Кравченко 2000; Кравченко, 2009а). Оно находилось неподалеку от брода через реку.

Территория Сидоровского археологического комплекса запустела, однако неподалеку от него появилась группа из двух малых поселений. Еще одно такое же поселение располагалось у с. Пришиб Славянского р-на, выше по течению реки. Эта группа поселений была

привязана к крупному броду через р. Северский Донец, находившемуся у с. Пришиб.

В целом же в XI–XIII вв. на Северском Донце существовала серия небольших селищ, на которых проживало пестрое в этническом плане население. Обычным местом их строительства были береговые террасы близ переправ. Большинство этих объектов появляется на местах старых поселений салтово-маяцкой культуры, что свидетельствовало о преемственности между ними. Показательно, что в рассматриваемом нами регионе указанные поселения присутствуют только на Северском Донце или на территориях, непосредственно граничащих с ним (на дюнах и террасах у старичных озер, расположенных на левом его берегу). В степи памятники этого типа неизвестны. Подобного рода поселения имеются на территории лесостепи (Харьковская обл. Украины), в Луганской области (Ключнев 1998) и Ростовской области РФ (Масловский 1997, с. 146–147, 151). Таким образом, указанные поселения возникают на пути, связывающем русские земли со степными анклавами, каковыми были Белая Вежа и Тмутаракань.

Материальная культура рассматриваемых памятников несет на себе признаки влияния древнерусской культурной традиции, особенно четко прослеживающиеся в керамическом комплексе этих поселений. Среди керамики присутствует поливная посуда, близкая древнерусским образцам, а также гончарные клейма на днищах сосудов, содержащие монограммы, выполненные буквами греческого или, что наиболее вероятно, кириллического письма (Кравченко, 2000, рис. 9: 1–2; Кравченко, 2009 а, с. 259, рис. 3: 2). Керамика с надписями относится к крайне редким находкам на русских землях, где она обычно встречается в местах проживания «средневековой русской аристократии» (Коваль, 2019, с. 207–208, рис. 1, 2). Наличие подобных находок далеко в степи, на берегах Северского Донца является свидетельством присутствия в среде проживавшего здесь в XI–XIV вв. населения людей, которые владели грамотой.

Анализ жилых и хозяйственных сооружений, расчищенных на этих памятниках, свидетельствует о сильном влиянии степных традиций (Кравченко 2000, с. 77–96; Кравченко, 2009а, с. 248–250, 256–261). К числу их, вероятно, следует отнести и то, что на этих селищах полностью отсутствуют следы занятия их жителей земледелием, которое составляло основу хозяйства славян и Древ-

⁴¹ Все крупные памятники VIII–X вв. и XIII–XIV вв., расположенные в пределах рассматриваемого нами региона, размещаются попарно, неподалеку от крупных переправ через Северский Донец. Наличие этих переправ, которые находятся в стороне от основных степных дорог XVI–XVII вв., свидетельствует о существовании каких-то дорог, ориентированных по линии запад – восток, которые в эпоху раннего, развитого Средневековья и Нового времени основными уже не являлись (Кравченко, 2016в, с. 289).

ней Руси. Место его занимают рыболовство, игравшее в жизни населения огромную роль, охота и, вероятно, придомное скотоводство. В конфессиональном плане указанное население являлось христианами греческого обряда. В пользу этого свидетельствуют христианские некрополи, выявленные на Нижнем Дону (Масловский 1997, с. 143–152), и могильник Зливки-2 в среднем течении Северского Донца (Швецов, 1991). В двух могилах этого кладбища, прилегавшего к небольшому поселению, были выявлены парчовые воротники византийского производства (Швецов 1991,

с. 117, рис. VI, 6). Последнее свидетельствует о наличии в среде степного населения людей, занимавших высокое социальное положение. Указанные поселения функционируют в продолжение всего позднекочевнического периода и золотоордынского времени, сосуществуя с памятниками, широко представленными на территории Золотой Орды. Более того, в золотоордынское время некоторые из этих селищ увеличиваются в размерах и рядом с ними вырастают крупные золотоордынские центры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Стекланные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. ХЛІ. 1976. С. 27–30.

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua* 1999. №2. С. 137–149.

Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // ДА. 2001. №1–2. С. 62–78.

Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхнесалтовском и Рубежанском катакомбных могильниках // РА. 2002а. №3. С. 98–114.

Аксенов В.С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // Хазарский альманах. Т.1. / Отв. ред. В.В. Михеева. Харьков: Каравелла, 2002б. С. 6–17.

Аксенов В.С. К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3. / Отв. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004. С. 204–212.

Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005а. С. 245–260.

Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005б. С. 357–368.

Аксенов В.С. Складной посуд с алано-болгарских похоронь хозарского часу бассейну Сіверського Дінця // Хазарский альманах. Т.6. / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2007. С. 7–25.

Аксенов В.С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу о распространении христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. Вып.4. / Отв. ред. Н.М. Куковальская. К.-Судак: Горобец, 2010. С. 354–364.

Аксенов В.С. Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. / упоряд. Г. Є. Свистун. Харків: Вид. Савчук О.О., 2013. С. 15–21.

Аксенов В.С. Пуговицы из раковин моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. Т.13. / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М.: Пробел-2000, 2015. С. 65–81.

Аксенов В.С. Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника: типология и хронология // Хазарский альманах. Т.14. / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М., 2016. С. 15–37.

Аксенов В.С. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Червоная Гусаровка на Северском Донце. Харьков, 2017а. 140 с.

Аксенов В.С. К вопросу о единстве носителей кремационного обряда салтовского времени Подонцовья и Северо-Западного Кавказа // Хазарский альманах. Т.15. / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М., 2017 б. С. 17–36.

Аксенов В.С., Колода В.В. Богатый вещевой комплекс близ Старой Покровки на Харьковщине // Хазарский альманах. Т.15. / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М., 2017. С. 37–57.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина. Самара, 1998. С. 344–357.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Складной посуд с похоронь салтівського могильника Червона Гусарівка на Харківщині // Археологія. 2000. №4. С. 55–58.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогольшанский могильник VIII-X вв.» / Хазарский альманах. Т.5. / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2006. 308 с.

Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII-X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. С. 191–218.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.) // Хазарский альманах. Т.4. / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонового университета, 2005. С. 199–215.

Албегова З.Х., Ковалевская В.Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. М.: ИА РАН, 2011. С. 277–295.

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели М.: Наука, 1982. С. 204–222.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 7. / Отв. ред. М. Я. Сюзюмов. Свердловск, 1971. С. 81–101.

Апареева Е.К., Красильников К.И. Славянские признаки у праболгар Среднедонечья // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. Мат.[І] Всеукр. наук. конф. Луганськ, 8-9 лютого 2001 г./ ред.. В.Ф.Литвиненко [и др.]; Східноукраїнський національний університет. Кафедра історії і українознавства. - Луганськ: Вид.: СНУ, 2001. С. 297–301.

Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции) / ИГАИМК. Вып. 131. Л.: ОГИЗ, 1935. 118 с.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. Вып.62. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.

Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Омега, 2001. 688 с.

Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА Вып.109. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963. С. 9–209.

Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Под ред. Гольмстен В.В. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941. 327 с.

Атавин А.Г. Средневековые погребения из Фанагории // СА. 1986.№1. С. 262–266.

Афанасьев Г.Е. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // СГЭ. Вып. XXXVI. Л., 1973. С. 36–39.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. / Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987. 200 с.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.

Бабенко В.А. Древние памятники Хозарской культуры в сел. Верхнем Салтове // Труды XV Археологического съезда. Т.1. М., 1914. С. 446–464.

Багалец Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковская и отчасти Курская и Воронежская губ.) в XVI-XVIII столетии Т.1. Харьков: Тип. К.П.Счасни, 1886. 358 с.

Багалец Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Т. 2. Харьков: Тип. К.П.Счасни, Сумская улица, дом № 1-й. 1890. 433 с.

Багалец Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Труды XII АС. Т.1. Москва, 1905. С. 1–97.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлении восточных славян. Л., Наука, 1983. 191 с.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.: Наук. думка, 1990а. 168 с.

Баранов И.А. Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII-X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ. 1990б. С. 72–100.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV- первая половина XVIII в.) / *Historia militaris*. СПб: Изд. Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т.III. / Под ред. А. С. Тверитиновой. М.: Наука, 1974. С. 26–70.

Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии / Отв. ред. В.Н. Башилов. М.: Наука, 1986. С. 182–195.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья Т.3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд. ДонНУ. С. 83–122.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К.: Наукова думка, 1993. 201 с.

Вебер Э. Руническое искусство. СПб: Евразия, 2002. 160 с.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1991. 192 с.

Винников А.З. Жилища и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984 а. С. 95–135

Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1984 б. 192 с.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1998. 216 с.

Винников А.З., Сарapulкин В.А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры лесостепного Поосколья // Проблемы на прабългарската история и култура. Вып. 4-1. / Отв. ред. Рашо Рашев. София: Национальный археологический институт с музеем при Болгарской академии наук, 2007. С. 313–332.

Винников А.З., Сарapulкин В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1979. С. 63–86

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., Федоров-Давыдов Г.А. Клад куфических монет из Ножай Юрта (Чечено-Ингушетия) // РА. 1992. №2. С. 274–278.

Волков И.В. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году. Тез. докл. К семинару. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1989. С. 7–11.

Волков И.В. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд. Азовского музея-заповедника, 2008. С. 478–496.

Высла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце // Археологический альманах №11. / Под ред. А.В. Колесника. Донецк: Бытсервис, 2002. 153 с.

Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I—II веков: Каталог выставки. М.: ГМИНВ, 2005. 74 с.

Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.К. Открытие и исследование раннемусульманского некрополя в Дербенте // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2018. С. 422–425.

Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.К. Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб-ал-Абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. №1(63). С. 202–226.

Галкин Л.Л. Керамические горны золотоордынского Азака // СА. 1975. №1. С. 252–259.

Гавриутхин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып.3. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.

Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика материалов раннесредневекового мусульманского некрополя у с.Сидорово (Украина, Донецкая область) // Международная научная конференция «Население России с древнейших времен до наших дней». Донские антропологические чтения. Ростов-на-Дону, 2013. С. 79–81.

Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб, 1874. 162 с.

Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 200 с.

Голб Н., Прицак О. Еврейско-хазарские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 239 с.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на в Изюмском уезде Харьковской губернии // Труды XII АС. Т.1. Москва, 1905. С. 226–314.

Гончаров В.К. Райковецкое городище. К.: Изд. АН УССР, 1950. 149 с.

Гриб В.К. Подкуртанное погребение хазарского времени из Северо-Восточного Приазовья // Археологические записки. Вып.9. / Гл. редактор В.Я.Кияшко. Ростов-на-Дону, 2017. С. 314–327.

Гриб В.К. О находках глиняных фигурок на раннесредневековом поселении в Северо-Восточном Приазовье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд. ОГПУ, 2019. С. 160–169.

Гриб В.К., Кравченко Э.Е., Кучугура Л.И. История и материалы одной экспедиции на Донце // Святогірський альманах 2014. Донецьк, 2014. С. 64–96.

Гриб В.К., Швецов М.Л. О некоторых «степных привычках» жителей раннесредневекового поселения «Бердянское-2» (Северо-Восточное Приазовье) // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь». Донецк, 2016 а. С. 203–204.

Гриб В.К., Швецов М.Л. Грунтовой могильник Ждановский – памятник раннесредневекового времени в Северном Приазовье // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. М., «Авторская книга». 2016 б. С. 150–170.

Гриб В.К., Швецов М.Л. Новые материалы из старых архивов // Святогірський альманах 2017. Харків: Вид. Федорко, 2017. С. 30–50.

Гончаров В.К. Райковецкое городище. К.: Изд. АН УССР, 1950. 142 с.

Грінченко В.А. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т.III. К.: Вид. АН УССР, 1950. С. 37–63.

Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннее средневековье. Некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества // Арон Гуревич. Избранные труды. Норвежское общество / Отв. ред. П.М. Аркадьев. М: Традиция, 2009. С. 410–430.

Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. Вып. I. / Глав. ред. Н.М.Куковальская. К.-Судак: Академперіодика, 2004. С. 430–441.

Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: Духовная культура. Домонгольский период X – нач. XIII вв. Казань: Таткнигоиздат, 1990. 190 с.

Давыденко В.В., Кузин-Лосев В.И. Находки из разрушенного могильника эпохи бронзы у села Сидорова Донецкой области // Проблемы археологии и архитектуры. Т.1. Донецк, Макеевка, 2001. С. 64–65.

Давыденко В.В., Пирко В.А. Маяцкая крепость – первый укрепленный погранично – сторожевой пункт XVII в. на правом берегу Северского Донца (фортификация и планировка). // Святогірський альманах 2007. Донецк: Вид. «Донбас», ООО «РА Ваш імідж». 2007. С. 76–95.

Давыденко В.В., Гаврилова А.Н. Новый комплекс раннего средневековья «Государев Яр» в Святогорье // Святогірський альманах 2011. Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2011. С. 20–31.

Дадашов О.С., Татаринцев С.И. Бахмутский край и хазарский каганат. Артемовск: Центр памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Бахмутское региональное отделение, 2009. 59 с.

Дедов В.Н., Швецов М.Л. Находка древнерусского меча в Донбассе // СА. 1987. №1. С. 262–263.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей IV–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Приазовье и Закавказье в IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И.Макарова, С.А.Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 200–206.

Довженко В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воїнь. К.: Наукова думка, 1966. 147 с.

Евглевский А.В., Кудлай Ю.В. Культурный комплекс хазарского времени на р. Сухой Торлец: опыт междисциплинарного исследования. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. С. 375–394.

Егоров В.Л. Историческая география городов Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

Екимова В.В. Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // Керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ IV. М.: АН СССР, 1959. С. 343–378.

Ельников М.В. Салтово-маяцкая керамика из Степного Поднепровья и Северо-Западного Приазовья // Керамика Хазарского каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье. Тез. докл. Международного научного семинара. Г. Ялта (16–20 октября 2011 г.). Симферополь, 2011. С. 44–47.

Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* (Самара, 14-17 ноября 1995 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 353–368.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. Т.1. М.: Изд. Восточной литературы, 1962. 278 с.

Зеленко С.М. Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* / Гол. ред. М.И. Гладких. К.: Стилос, 2001. С. 82–92.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.* Т.II. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 224–226.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII-X вв. с сельской округи Боспора // *Археология и история Боспора.* Т-III. Керчь, 1999. С. 185–212.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии М.: Наука, 1978. 128 с.

Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.* 1975 г./ Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1976. С. 90–101.

Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. 471 с.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Из книги путей и царств Абу-Исхака Ибрагим-ибн-Мухаммеда ал-Фарисия ал-Истахрия, известного под именем ал-Керхия // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 1–73.

Кашовская Н.В., Кашаев С.В. Иудаизм на Боспоре: археологический аспект // *Хазары: миф и история* / Ред.-сост. Е. Э. Носенко-Штейн М.-Иерусалим: Гешарим, 2010. С. 283–304.

Квитковский В.И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое I (основные этапы исследования) // *Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині.* Вип.1 Харків: Вид. Савчук О.О., 2011. – С.14-20.

Квитковский В.И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I // *Салтово-маяцка археологічна культура. Проблеми та дослідження.* Вип.2. Харків: Вид. Савчук О.О., 2012. С. 26–29.

Кёйпер Ф. Труды по ведийской мифологии. М.: ГРВЛ, Наука, 1986. 196 с.

Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X – середина XIX в. (Европейская часть СССР). М.: Наука, 1983. с. 128 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е-1-36. Л.: Наука, 1973. 111 с.

Китаб-ал-джанаиз / Отв. за выпуск Валиулла хазрат Ягъкуб. Казань: Иман, 1998. 49 с.

Ключнев М.Я. Поселение периода развитого средневековья у с. Нижнетеплое Луганской области // *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологической конференции.* Ростов-на Дону, 1998. С. 124–125.

Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // *СА.* 1979. №1. С. 270–275.

Книга Большому чертежу. / Под ред. К. Н. Сербиной. М. – Л.: АН СССР, 1950. 232 с.

Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1982. 196 с.

Коваль Ю.Г., Колесник А.В. Каменный век Сидоровского городища // *Святогірський альманах* 2011. Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2011. С. 32–40.

Коваль В.Ю. Надписи на средневековых русских сосудах, выполненные до их обжига // *Звучат лишь письмена. К юбилею Альбины Александровны Мединцевой* / Отв. ред. В. Ю. Коваль М.: ИА РАН, 2019. С. 200–209.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков: Харьковск. книжное издательство, 1956. 347 с.

Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы* / Отв. ред. В.И. Козенкова. М.: Наука, 1978. С. 111–119.

Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI веков н.э.: Балкано-Дунайская культура. Казань; СПб.; Кишинев, 2015. 323 с.

Коковцов П.К. Новый документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913 Новая серия, Ч. XLVIII, отд. II. СПб, Сенатская типография, 1913 С. 150–172.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке Л.: АН СССР, 1932. 134 с.

Кокорина Н.А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1867–1971 гг.) // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 212–227.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань: Институт истории, 2002. 383 с.

Колесник А.В., Давыденко В.В., Шамрай А.В. Археологическое краеведение Донбасса (А.И. Абрамов. Штрихи к портрету) // Святогірський альманах 2010. Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2010. С. 29–36.

Колесник А.В. Новые региональные типы памятников археологии Донбасса // Святогірський альманах 2013. Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2013. С. 29–37.

Колода В.В. Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. С. 219–232.

Колода В.В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // Хазарский альманах. Т.1. / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: Каравелла. 2002. С. 69–78.

Колода В.В. Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // Салтово-маяцька археологічна культура / Проблеми та дослідження. Вип.2. / Гол. ред. Свистун Г.Є. Харків: Видавець Савчук О.О., 2012. С. 30–36.

Колода В.В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. / Гол. Ред. Г. Є. Свистун. Харків: Вид. Савчук О.О., 2013. С. 73–81.

Колода В.В. Раннесредневековые восточные монеты городища Мохнач и его округа // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 382–391.

Колода В.В., Колода Т.А. Гончарное производство салтовского ремесленного центра в урочище Роганина // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 117–119.

Колода В.В., Колода Т.А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // Хазарский альманах Т.8. / Гл. ред. Н.Н. Олейник. Харьков-Киев: Каравелла, 2008. С. 203–215.

Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования / Археология евразийских степей. Вып. 18. / Гл. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество, 2014. С. 6–160.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси / МИА Вып.32. М.: Изд. АН СССР, 1953. 257 с.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua 1999. №2. С. 111–136.

Комар А.В. Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть III-IV. (12 – 16 сентября, 2004 г.) К.; Судак: Академперіодика, 2004. С.87–91.

Комар А.В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах. Т.9. / Гл. ред. Н.Н. Олейник. Харьков: ФОП Шейнина О.В., 2010-2011. С. 131–184.

Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древнейшие источники по истории народов СССР / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Копыл А.Г., Татаринцев С.И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1979. №1. С. 267–269.

Копыл А.Г., Татаринцев С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1990. С. 52–71.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. 352 с.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе (Донецк, 19–21 апреля 1989 г.). Тез. докл. Донецк, 1989. С. 55–57.

Кравченко Э.Е. Новые данные о Святогорском монастыре // Нові сторінки з історії Донбасу. Кн. 1. / Гол. ред. З.Г.Лихолобова. Донецьк: ДонНУ, 1992. С. 18–25.

Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. 1998. №7. С. 113–140.

Кравченко Э.Е. Памятники оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2000. С. 75–100.

Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т.3. / Отв. ред. В.К. Михеев. К.-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004 а. С. 242–276.

Кравченко Э.Е. Безы Inventарные могильники западной окраины Хазарии (к вопросу о распространении в каганате многоатеистических религий) // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике (3–5 февраля 2004 г., Москва). Ч.1. М., 2004 б. С. 24–39.

Кравченко Э.Е. Исследование хозяйственного объекта на археологическом комплексе у с. Сидорово в среднем течении Северского Донца // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Слов'янськ: Печатный двор, 2005 а. С. 208–222.

Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005 б. С. 153–186.

Кравченко Э.Е. Донецкие степи в золотоордынское время (отражение особенностей истории региона в керамическом комплексе его памятников) // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. докл. II международной научной конференции. Ялта, 2007. С. 66–73.

Кравченко Э.Е. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.) / Донские древности. Вып. 10. / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009 а. С. 242–263.

Кравченко Э.Е. Два археологических комплекса в среднем течении Северского Донца (сравнительная характеристика) // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы / Под ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2009 б. С. 136–147.

Кравченко Э.Е. Постройки археологического комплекса у с. Сидорово (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах. 2011. №25. С. 270–296.

Кравченко Э.Е. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец // Исследования по средневековой археологии Евразии / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ, 2012 а. С. 142–153.

Кравченко Э.Е. Исследования линии укреплений археологического комплекса у с. Сидорово в 2012 г. // Святогірський альманах 2012. / Гол. Ред. П.В. Добров. Донецк: Вид. «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2012 б. С. 12–25.

Кравченко Э.Е. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье) // Археологический альманах. 2013. №30. С. 278–302.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев: StratumPlus, 2015. С. 407–474.

Кравченко Э.Е. Средневековые археологические памятники Северного Приазовья (перспективы исследования) // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь». Донецк: Ноулидж, 2016а. С. 209–210.

Кравченко Э.Е. Предмет с рунами из Новоселовского городища (среднее течение Северского Донца) // Степи Восточной Европы в средние века / Отв. ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016б. С. 223–238.

Кравченко Э.Е. Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII–XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова (Ялта, 8 – 12 ноября 2016 г.) / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus, 2016в. С. 287–289.

Кравченко Э.Е. Поселение у с. Обрыв – новый средневековый памятник на азовском побережье в Донбассе // Археология Евразийских степей. 2018а. №4. С. 88–92.

Кравченко Э.Е. Оборонительные сооружения археологического комплекса у с. Сидорово // Поволжская археология. 2018б. №2. С. 10–32.

Кравченко Э.Е. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2. / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Кишинев: Stratum Plus, 2019 а. С. 669–690.

Кравченко Э.Е. Азак и поселения Донецкого края (о связях двух регионов в золотоордынского время) // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции Азов, (14-18 октября 2019 г. Азов). Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2019б. С. 121–124.

Кравченко Э.Е., Спинов В.В. Предметы импорта с Сидоровского городища // Святогірський альманах 2013. Донецк: Вид. «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2013. С. 38–51.

Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами на территории Донецкой области // ДА. 2000. № 3-4. С. 70–82.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. С. 233–302.

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001-2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 261–356.

Кравченко Э.Е., Петренко А.Н. Постройки Сидоровского комплекса хазарского времени (по материалам раскопок 2010 г.) // Святогірський альманах 2010. / Гол. Ред. П.В. Добров. Донецк: Вид. «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2010. С. 37–48.

Кравченко Э.Е., Кульбака В.К. Погребение хазарского времени из Мариуполя // Хазары: миф и история. / Ред.-сост. Е. Э. Носенко-Штейн М.-Иерусалим: Гешарим, 2010. С. 275–282.

Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Спинов В.В. Исследования средневекового комплекса в с. Сидорово (Донецкая обл.) на Северском Донце в 2011 г. // Святогірський альманах 2011 а. Донецьк: Вид. «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011 а. С. 50–58.

Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. О группе комплексов с Царина городища (среднее течение Северского Донца) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої 10-й річниці надання Святогірському Успенському монастиреві статусу Лаври (2004), 170-річчю відновлення Святогірського Успенського монастиря (1844), 80-річчю створення краєзнавчого музею М.В.Сібільовим у Святогірську (1934). 25-26 вересня 2014 року м. Святогірськ. Донецьк: ТОВ «Східний видавничий дім», Ваш імідж, 2014. С. 183–192.

Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С. 267–278.

Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. №3. С. 48–60.

Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое // Проблеми на прабългарската история и култура. Т.2. (трета международна среща по прабългарска археология – 1990 г. в Шумен). София: Аргес. 1991. С. 62–81.

Красильников К.И. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita antiqua 1999. №2. С. 170–177.

Красильников К.И. Археологические свидетельства азиатского этноса в степном Подонцовье в раннем средневековье // V сходознавчі читання А.Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. (10-12 жовтня 2001 р.) К., 2001а. С. 91–92.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – нач.Х вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001б. С. 303–322.

Красильников К.И. Новое к этнической теме степного варианта Салтовской культуры (по результатам работ на Лысогоровском могильнике в 2004 г.) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип.5. / Гол. ред. Санжаров С.М. Луганск: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2006. С. 299–328.

Красильников К.И. Этнокультурные признаки населения степей Хазарской периферии (к вопросу об идентификации) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т.II. / Отв. ред. Т. Г. Емельяненко, В. В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2010. С. 16–32.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 187–244.

Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. С. 323–332.

Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 111–118.

Кудрявцев А.А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. М. М. Маммаев. Махачкала: ДагФАН, 1985. С. 125–146.

Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957) // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т.1. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953-1957 гг. / Ред. Е.И.Крупнов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. С. 62–135.

Кусаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI-XII вв. у станицы Змейской (по раскопкам 1953 г.) // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т.1. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953-1957 гг. / Ред. Е.И.Крупнов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. С. 51–61.

Кулжинский Г. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии // Святые Горы в исторических описаниях прошлых веков. Святогорск: Свято-Успенская Святогорская Лавра, 2005. С. 105–247.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 327 с.

Кызласов И.Л. О свадебном наряде средневековых хакасов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Самара, 14-18 марта 2000 г.) Т.1. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2001. С. 152–168.

Кызласов И.Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Корневский. М.: Таус, 2012. С. 226–244.

Лантев А.А. Средневековые оковки заступов на Харьковщине // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков: Мачулин, 2007. С. 12–20.

Лантев А.А. Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. / упр-яд. Г. Є. Свистун. Харків: Вид. Савчук О.О., 2013. С. 88–96.

Лантев О.О., Аксьонов В.С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. №4. С. 95–109.

Ларенок П.А. Баклажки в собрании Ростовского и Азовского краеведческих музеев // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Вып. 11. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1993. С. 130–137.

Локтюшев С.А. Научно-ценные ранне-исторические памятники, выявленные археологическими раскопками в Ворошиловградской области // Краєзнавчі записки. Вип. V. / Відповід. ред. В.В.Отрощенко. Луганськ: Изд-во: ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. С. 299–300.

Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы Саркела-Белой Вежи // МИА. Вып.75. М. – Л.: АН СССР, 1959. С. 307–332.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА Вып. 62. М. – Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983. 225 с.

Майко В.В. К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор Юго-Восточного Крыма // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. / Гол. ред. М.И. Гладких. К.: Стілос, 2001. С. 118–122.

Майко В.В. К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар Таврики VIII-X вв. // Хазарский альманах. Т.4. / Гл. ред. В.К. Михеев. К.-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2005. С. 234–243.

Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – 1-й пол. X вв. в Юго-Восточном Крыму // Хазарский альманах Т.8. / Гл. ред. Н.Н. Олейник. Харьков-К.: Каравелла, 2009. С. 237–263.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

Макарова Т.И., Плетнева С.А. К вопросу о растительном орнаменте в металлопластике Хазарского каганата // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Тр. ГИМ. Вып. 135. / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М., 2002. С. 107–114.

Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. К.: Наукова думка, 1988. 147 с.

Масловский А.Н. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского краеведческого музея, 1997. С. 143–153.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.

Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII-XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки. Автори укладачі Дєдов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. Київ: Вид. САМ. 2017. 95 с.

Мацулевич Л.А. Войсковой знак V в. // Византийский временник. 1959. Т.16. С. 183–205.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 266 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел. VIII-XIV вв. / САИ Е1-36. М.: Наука, 1966. 181 с.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Изд. ХГУ, 1985. 147 с.

Михеев В.К., Копыл А.Г. Средневековые поселения и могильники Подонцовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. научно-практического семинара. Донецк, 1989. С. 50–53.

Міхеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. Вип.9. / Від. Ред. В.Д. Баран. К.: Наукова думка, 1973. С. 90–99.

Могаричев Ю.М. Новые материалы по истории еврейской диаспоры позднеантичного – раннесредневекового Боспора // Хазарский альманах Т.8. / Гл. ред. Н.Н. Олейник Харьков-Киев: Каравелла, 2009. С. 265–276.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар-Киев: пути, связи, судьбы. К.: РИЦ ИА НАНУ, 1997. 191 с.

Мысько Ю.В., Пивоваров С.В. Находки ножей с волотообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2010. №5. С. 309–315.

Нахапетян В.Е. О назначении знаков на астрагалах // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1989. С. 73–88.

Нахапетян В., Шамрай А. Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието // Археология. 1990. Кн.2. София. С. 41–45.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. М.: Наука, 1990. 262 с.

Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского левобережья // Сто лет черняховской культуре / Библиотека Vita antiqua / Глав. ред. д.і.н., проф. Г.І.Гладких. К.: «Товариство археології та антропології» при содействии Национальной Комиссии Украины по делам ЮНЕСКО, 1999. С. 26–38.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX-XIV вв.: история и археология. / Отв. ред. П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1985. С. 30–62.

Овчинникова Б.Б. Из истории письменных принадлежностей средневекового Новгорода: писала // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т.П. / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносов, 2010. С. 114–123.

Олейников О.М. Нателные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь письменна. К юбилею Альбины Александровны Мединцевой. / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2019. С. 323–351.

Останина Т. Поломский II могильник Красная Горка // FU. 2011. № 12-13. С. 40–155.

Отрощенко В.В. Разведки левого берега Каховского водохранилища // Археологические исследования на Украине в 1968 г. / Отв. ред. Отв. ред. П. П. Толочко. К.: Наукова думка, 1971. С. 10–13.

Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-X ст. // Археологія. 1983. №43. С. 75–87.

Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика / Отв. ред. П. П. Толочко. К.: Наукова Думка, 1991. С. 64 – 100.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. / Гол. ред. М.И. Гладких. К.: Стілоос, 2001. С. 52–81.

Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс в раскопе по ул.Комсомольской // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. С. 160–224.

Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 13. Подонский и Нижневолжский денежный рынок VIII в. [Монеты]) // Успехи современного естествознания. 2014 а. № 10. С. 30–33.

Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 14. Подонский и Нижневолжский денежный рынок VIII в. [Анализ]) // Успехи современного естествознания. 2014 б. № 10. С. 28–30.

Пирко В.А. История Донецкого края в документах и материалах. Донецк, 1995. 66 с.

Пирко В.О. Джерела до історії населених пунктів Донеччини XVI-XVIII ст. // Укладач В.О.Пірко. Донецьк, 2001. 103 с.

Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА Вып.75. М. – Л.: АН СССР, 1959. С. 212–272.

Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. 1962. № 3. С. 241–251.

Плетнева С.А. Керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1963. С. 5–72.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА Вып.142. М.: Наука, 1967. 209 с.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981а. С. 62–75.

Плетнева С.А. Балкано-дунайская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981б. С. 75–77.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 286 с.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1995. С. 271–397.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.-Иерусалим: Гешарим, 2000. 239 с.

Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый» путь. Воронеж: Изд. Воронежского государственного университета, 1996. 167 с.

Плетнева С.А. Древние болгары в Восточноевропейских степях. // ТА. 1997. №1. С. 32–63.

Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. №3. С. 279–298.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII Археологического съезда. Т.1. М., 1905. С.465–491.

Пошивайло О. Етнографія українського гончарства. К.: Молодь, 1993. 394 с.

ПСРЛ Т. 1. Полное собрание русских летописей, изданной Археографическою комиссиею. Т.1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб, 1846. 267 с.

ПСРЛ Т. 2. Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб, 1871. 616 с.

Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани / Ред. А.М.Ждановский, И.И.Марченко. Краснодар: Изд-во: Краснодарский комитет ВООПИК, 1990. С. 158–165.

Рашев Р. Прабългарите през V-VII в. София: Фабер, 2004. 348 с.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 169 с.

Руссев Н.Д. О западных границах Золотой Орды // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье / Отв. ред. А. В. Гудкова. К.: Наукова думка, 1982. С. 40–55.

Рыбаков Б.А. Уличи // КСИА. XXXV. М.-Л., 1950. С. 3–17.

Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала «Б» Северного района Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. X. / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь, 1999. С. 312–329.

Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. / Отв. ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. 238 с.

Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. / упоряд. Г. Є. Свистун. Харків: Вид. Савчук О.О., 2012. С. 79–84.

Свистун Г.Е. Типология салтово-маяцких лесостепных городищ на современном этапе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.12. Хазарское время. / Гл. ред. А.В.Евглевский. Донецк: Изд. ДонНУ, 2014. С. 51–102.

Седова М.В. Ювелирные украшения древнего Новгорода X-XV вв. М., Наука, 1981. 196 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 326 с.

Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Вып. 2. / Под ред. М. И. Артамонова и Л. С. Клейна. Л.: ЛГУ, 1978. С. 180–183.

Семенов А.И. О датирующих способностях византийских солидов VII-VIII вв. // Тез докл. Второй кубанской археологической конференции. Краснодар, 1993.

Семенов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. К.: Вид. АН УССР, 1952. Т.III. - С. 271–284.

Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Самара, 14-17 ноября 1995 г.) / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 66–83.

Сибилёв Н.В. Древности Изюмщины. Вып. 1. Альбом рисунков И.Ф. Гончаренко. Изюм: Изюмський округовий музей, 1926. 10 с., 42 л.

Сибилёв Н.В. Старовинності Ізюмщини. Вип. 4. Ізюм: Ізюмський окружний музей, 1930. С.28; Табл.84.

Сибільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сіверського // Археологія, Вип. IV. - К.: Вид. АН УССР, 1950. С. 99–114.

Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди у степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). К.: Наукова думка, 1975. 208 с.

Смиленко А.Т. Керамическая мастерская IX в. на левобережье дельты Дуная // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 73–78.

Сорокин С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. Вып.75. / Труды Волго-Донской экспедиции. М.-Л.: АН СССР, 1959. Т.2. С. 135–199.

Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1963. С. 134–174.

Спесивцев В.Ф. Находки в Райгородке // Труды XII АС. Т.1, Москва, 1905. С. 153–156.

Спинов В.В. Гирьки и разновесы Сидоровского и Маяцкого археологических комплексов в среднем течении р. Северский Донец // Святогірський альманах 2012. . / Гол. Ред. П.В. Добров. Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2012. С. 26–54.

Субботин Л.В., Черняков И.Т. Бронзовые амулеты салтово-маяцкой культуры из Левобережья Нижнего Дуная // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье / Отв. ред. А. В. Гудкова. К.: Наукова думка, 1982. С. 160–168.

Сымонович Э.А. Кочевническое погребение у села Михайловки // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 67–69.

Тарабанов В.А. Поселение салтово-маяцкой культуры на правобережье Кубани близ ст. Васюринской // Историко-археологический альманах. Вып. 3. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М.: ИА РАН, 1997. С. 74–80.

Татаринов С.И., Копыл А.Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. №1. С. 300–307.

Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарского времени из окрестности г. Чистяково Сталинской области // Vita antiqua. 1999. №2. С. 160–169.

Тесленко И.Б. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. / Гол. ред. М.И. Гладких. К.: СтилоС, 2001. С. 123–129.

- Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. IX. Петроград, 1914. 72 с.
- Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков: Харьковская Государственная академия культуры, 2006. 555 с.
- Тотев Б., Пелевина О.* Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и Дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд. ДонНУ, 2009. Т.7. С. 43–60.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек, общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Усачук А.Н., Панасюк Н.В.* Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы // Вестник РУДН. 2014. №4. С. 34–46.
- Фахрутдинов Р.Г.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.
- Федоров-Давыдов Г.А.* О болгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР // СА. 1957. №1. С. 247–248.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд. Московского университета, 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Монгольское завоевание и Золотая Орда. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР Вып. 18 / Отв. ред. С.А. Плетнева М.: Наука, 1981. С. 229–236.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Тр. ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом Музее. Нумизматический сборник. Часть XIV. М., 2001. С. 89–100
- Феофан Исповедник.* Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980. С. 17–144.
- Филарет (Гумилевский Д.Г.)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. Харьков: Райдер-Сага, 2004. Т.1. 364 с.
- Флеров В.С.* О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет. 1979. С. 94–102.
- Флеров В.С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище / Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 142–199.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V-VIII вв. Обряд обезвреживания погребенных / Труды Клино-Ярской экспедиции. I. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.
- Флеров В.С.* Иудаизм в Хазарии: - где и что искать? // Хазары. Тезисы Второго Международного colloquium. М., 2002. С. 93–96.
- Флеров В.С.* «Города»? Археологический аспект проблемы // Тюркские народы в древности и средневековье / Тюркологический сборник 2003-2004. / Под. ред. С.Г. Кляшторного. М.: Восточная литература, 2005. С. 312–349.
- Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 176 с.
- Флерова В.Е.* Резная кость Юго-Востока Европы IX-XII века. СПб.: Алетейа, 2001. 352 с.
- Фонякова Н.А.* Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII-X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань: Институт истории АН РТ, 2010. 168 с.
- Халиков А.Х.* История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.
- Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – начала XIII в. Казань: Изд. Казанского университета, 1986. 160 с.
- Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий Волжских Булгар. М.: Наука, 1978. 204 с.
- Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн Даста. СПб, 1869. 199 с.
- Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 266 с.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: Наука, 1984. 240 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. / Отв. Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII–XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тез. докл. Международного научного семинара. Донецк, 1992. С. 74–78.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В.Евглевский Донецк: Изд. ДонНУ, 2012. С. 125–192.

Хозин С.Р. Гунно-сарматское поселение Святогорск X в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах, 2007. / Гол. Ред. П.В. Добров. Донецк: Донбасс; ООО «РА Ваш імідж», 2007. С. 69–74.

Хрисимов Н. Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд. ДонНУ, 2009. С. 9–42.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 267 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. 2001. №10. 2001. С. 215–248.

Чернигова Н.В. Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса // Вісник Харківського державного університету. 1998. №413. Історія. Вип.30. С. 52–58.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 328 с. *Шамрай А., Духін О.* Ювелірні центри на Сіверському Дінці // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Київ 22-24 квітня 1997 року. Наукові матеріали / Київ. ун-т ім. Тараса Шевченка, Каф. археології та музеєзнавства [ред. кол. Андрощук Ф.О. та ін. ; упоряд. Піоро В.І.]. Київ: Вид.-поліграф. центр «Київський університет», 1997. С. 135–138.

Шамрай А.В., Соловкин А.А., Полтавец С.М. Культ всадника и коня в культуре населения Подонцовья в хазарський период // Святогірський альманах 2015. / Гол. Ред. П.В. Добров. Донецк: Вид. «Донбас», ООО «РА Ваш імідж» С. 200–204.

Швецов М.Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья / Отв. ред. И. И. Артеменко. К.: Наукова думка, 1981. С. 96–101.

Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. Т.2. (трета международна среща по прабългарска археология – 1990 г. в Шумен). София: Аргес. 1991. С. 109–123.

Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынть А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. С. 333–346.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. 462 с.

Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. №4. С. 158–173.

Шрамко А.Б. Древности Северского Донца. Х.: Изд. ХГУ, 1962. 404 с.

Яблонский Л.Т., Герасимова М.М., Рудь Н.М. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 253 с.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т.-1. К.: Наукова думка, 1990. 578 с.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. 254 с.

Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. Вып. XV. / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Наука, 1951. С. 325–344.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. М.: Наука, 1979. 164 с.

Яшаева Т.Ю. Раннесредневековые поселения в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове. // Херсонесский сборник. Вып. X. / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь, 1999. С. 349–360.

Arbman H. 1940. *Birka I Die Gräber*. Uppsala.

Dunlop D.M. 1972. *The history of the jewish Khazars*. New York: Schocken books.

Kozlov V.I. Die Keramik der Siedlungen der Balkano-Donau-Kultur im 8-10. Jh. am der Meeresküste des Flussinnenlandes Dnester-Donau. // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 1990, 171–192.

Krasilnikov K.I. Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur am nördlichen Mittelauf des Donec. // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 1990, 193–244.

Parchomenko O.V. Die Keramik der Saltovo-Kultur am oberen Lauf des Don. // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 1990, 291–312.

Semenov A.I. 1994. New evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) hoard of the century ad Byzantine and arab gold coins. In *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg.

Flörov V.S. Einige arten der polijerten Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 1990, 113–135.

Sear D.R. 1974. *Byzantine coins and their values* London, Seaby.

ОТЧЕТЫ

Горбов В.Н., Усачук А.Н., Гриб В.К. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1989 г. // НА ИА НАНУ №1989/75.

Колесник А.В., Подобед В.А., Дедов В.Н., Литвиненко Р.А. О работах археологической экспедиции ЭТО "Фонд" при Донецком отделении Украинского фонда культуры в 1989 г. // НА ИА НАНУ №1989/239.

Колесник А.В., Кравченко Э.Е., Гусев О.А. Отчет о раскопках средневекового могильника в с. Сидорово Славянского района Донецкой области. // НА АИ НАНУ, №1996/74.

Колесник А.В., Кравченко Э.Е. Отчет о исследованиях Сидоровского средневекового могильника в 1997 г. // НА АИ НАНУ. №1997/65.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологических спасательных исследованиях на памятнике Царино городище в 1990 году // НА ИА НАНУ 1990/188.

Таблица 1.

Данные по погребальному обряду могильника 1 археологического комплекса у с. Сидорово¹

№ п/п	№ раскопа	Яма			Ориентация могил			Перекрытие				Возраст		Гроб-рама	Положение погребённого						Доп. информация							
		с заплечками	с прямыми стенками	подобой	З	СЗ	ЮЗ	продольное	поперечное	продольно-поперечное	шатровое	взрослый	ребёнок		на спине	на правом боку	на левом боку	скелет нарушен	вверх	на правом боку		на левом боку						
1	дорога						ЮЗ																				Разрушено дорогой	
2	дорога	+?				+																						
3	дорога	+2				+																						
4	дорога	+2				+																						
5	PI	+2				+																						
6	PI	+2				+																						
7	PI	+2				+																						
8	PI	+2				+																						
9	дорога	+2				+																						
10	PI						+																					
11	дорога	+3				+																						
12	дорога	+2				+																						
13	дорога	+3									+																	
14	дорога	+2									+																	
15	PI	+2					+																					
16	PI	+2				+																						
17	PI	?				+																						
18	PI	+2				+																						
19	PI	+4				+																						

¹ Примечание к таблицам о данных погребального обряда: заплечки - +2, 3, 4 – наличие вдоль 2, 3, 4 сторон могилы; 3-СЗ+ - СЗ ориентировка; ребенок-взрослый - + подросток; на спине-на правом боку + - полуразворот на правый бок.

Таблица 1.

Данные по погребальному обряду могильника 1 археологического комплекса у с. Сидорово¹ (продолжение)

№ п/п	№ раскопа	Яма			Ориентация могил				Перекрытие				Возраст		Гроб-рама	Положение погребённого				Положение черепа			Инвентарь	Доп. информация											
		с захпечками	с прямыми стенками	подбой	З	СЗ	ЮЗ	продольное	поперечное	продольно-поперечное	шатровое	взрослый	ребёнок	на спине		на правом боку	на левом боку	скелет нарушен	вверх	на правом боку	на левом боку														
46	PIV																																		
47	PIV	+				+							+																						
48	PIV	+				+							+																						
49	PIV	+2				+																													
50	PIV	+2				+																													
51	PIV	+2				+																													
52	PIV	+3				+																													
53	PIV	+4				+																													
54	PIV	+3				+																											Подсыпка под черепом		
55	PIV	+3				+								+																		Череп уложен на материковый уступ			
56	PIV	+4				+																										Череп уложен на материковый уступ			
57	PIV																																		
58	PIV																																		
59	PIV	+2																																	
60	PIV	+						+																											
61	PIV	+						+																											

¹ Примечание к таблицам о данных погребального обряда: заплечики - +2, 3, 4 – наличие вдоль 2, 3, 4 сторон могилы; 3-СЗ+ - СЗ ориентировка; ребенок-взрослый - + подросток; на спине-на правом боку + - полуразворот на правый бок.

Таблица 1.

Данные по погребальному обряду могильника 1 археологического комплекса у с. Сидорово¹ (продолжение)

№ п/п	№ раскопа	Яма			Ориентация могил				Перекрытие				Возраст		Гроб-рама	Положение погребённого				Положение черепа			Инвентарь	Доп. информация				
		с заплечиками	с прямыми стенками	подбой	з	сз	юз	продольное	поперечное	продольно-поперечное	шатровое	взрослый	ребёнок	на спине		на правом боку	на левом боку	скелет нарушен	вверх	на правом боку	на левом боку							
89	РП	+2				+																						
90	РП	+3				+																						Подсыпка под черепом
91	РП	+3				+																						
92	РП	+2				+																						
93	РП		+			+							+					+									Пространство вокруг рамы заполнено уграмбованным грунтом.	
94	РП					+							+					+									Череп уложен на материковый уступ	
95	РП	+?				+																						
96	РП	+2				+																						
97	РП	+2				+																						
98	РП	+2				+																						
99	РП дорога	+2				+																						
100	РП дорога	+2				+																						Череп уложен на материковый уступ
101	РП	+2				+																						
102	дорога	+2				+																						
103	дорога	+2				+																						Подсыпка под черепом

¹ Примечание к таблицам о данных погребального обряда: заплечики - +2, 3, 4 – наличие вдоль 2, 3, 4 сторон могилы; 3-СЗ+ - СЗ ориентировка; ребенок-взрослый - + подросток; на спине-на правом боку + - полуразворот на правый бок.

104	дорога	+2																								Череп уложен на материковый уступ
105	дорога	+2							+																	Подсыпка под черепом
106	дорога	+2							+																	Череп уложен на материковый уступ
107	дорога	+2							+																	Череп уложен на материковый уступ
108	дорога	+2							+			+														Череп уложен на материковый уступ
109	дорога	+?							+																	
110	рп	+2								+																
111	дорога	+2																								Под головой плоская меловая плитка
112	дорога	+2																								Череп уложен на материковый уступ
113	дорога	+2																								
114	дорога	+2																								Череп смещен В головах материковый уступ
115	дорога	+2																								
116	дорога	+?																								
117	дорога	+?																								
118	дорога	+?																								
119	дорога	+?																								
120	дорога	+?																								
121	дорога	+																								
122	дорога	+4																								
123	дорога	+?																								
124	дорога	+2																								Череп уложен на материковый уступ

Таблица 1.

Данные по погребальному обряду могильника 1 археологического комплекса у с. Сидорово¹ (продолжение)

№ п/п	№ раскопа	Яма			Ориентация могил		Перекрытие			Возраст		Гроб-рама	Положение погребённого						Доп. информация		
		с заплатами	с прямыми стенками	подбой	З	ЮЗ	продольное	поперечное	продольно-поперечное	патровое	взрослый		ребёнок	на спине	на правом боку	на левом боку	скелет нарушен	вверх		на правом боку	на левом боку
125	дорога	+3			+	ЮЗ					+		+					+		на левом боку	
126	дорога	+2			+					+			+					+			
127	дорога	+2			+		+						+					+			Часть костей смещена. В головах материковый уступ
128	дорога	+2			+						+			+				+			Череп уложен на материковый уступ
129	дорога	+2			+						+										
130	дорога	+2			+						+		+					+			Часть костей смещена Череп уложен на материковый уступ
131	дорога	?			+						+			+							
132	дорога	+4			+						+										
133	дорога	+2			+						+		+					+			
134	дорога	+			+						+										
135	дорога				+						+		+					+			В заполнении фрагмент кувшина СМК череп лежит на подсыпке
136	дорога	?																			Уничтожено размывом
137	дорога	+?			+									+							
138	РШ	+4			+						+			+							

¹ Примечание к таблицам о данных погребального обряда: заплечики - +2, 3, 4 – наличие вдоль 2, 3, 4 сторон могилы; 3-СЗ+ - 3СЗ ориентировка; ребенок-взрослый - + подросток; на спине-на правом боку + - полуразворот на правый бок.

179	P11(2003)	+2																						Череп уложен на материковый уступ
180	P11(2003)	+3																						Череп уложен на материковый уступ
181	P11(2003)	+2																						Подсыпка под черепом
182	P11(2003)																							
183	P11(2003)	?																						
184	P11(2003)	?																						
185	P11(2003)	+3																						
186	P11(2003)	+4																						
187	P11(2003)	+																						
188	P11(2003)	+2																						
189	P11(2003)	+2																						
179	P11(2003)	+2																						Череп уложен на материковый уступ
180	P11(2003)	+3																						Череп уложен на материковый уступ
181	P11(2003)	+2																						Подсыпка под черепом
182	P11(2003)																							
183	P11(2003)	?																						
184	P11(2003)	?																						
185	P11(2003)	+3																						
186	P11(2003)	+4																						
187	P11(2003)	+																						
188	P11(2003)	+2																						
189	P11(2003)	+2																						
190	P11(2003)	+2																						Череп уложен на материковый уступ
																								Между костей таза вертикально с небольшим наклоном стоял оселок. Справа у нижних ребер мелкий фрагмент медного предмета

Таблица 3.

Данные погребального обряда могильника 3 археологического комплекса у с. Сидорово

№ п/п	№ раскопа	Яма			Ориентация могил		Перекрытие			Возраст		Гроб рама	Положение погребённого				Положение череп			Инвентарь	Доп. информация					
		с заплатами	С прямыми стенками	подбой	з	ЗЗ	ЗЗ	продольное	поперечное	продольно-поперечное	шатровое		взрослый	ребёнок	на спине	на правом боку	на левом боку	скелет нарушен	вверх			на правом боку	на левом боку			
1	P1(1971)	?	?	?	?	+					+		+	на спине	на правом боку	на левом боку	скелет нарушен	вверх	на правом боку	на левом боку						
2	P1(1971)	?	?	?		+					+															
3	P1(1971)	?	?	?							+			+												
4	P1(1971)	?	?	?	?	+								+												
5	P1(1971)		+			+									+											
6	P1(1971)	?	?	?		+								+												
7	P1(1971)	?	?	?										+												
8	P1(1971)	?	?	?		+								+												
9	P19(2013)		+												+											
10	P19(2013)		+												+											
11	P19(2013)		+												+											
12	P19(2013)	+?													+											
13	P19(2013)		+												+											
14	P19(2013)	+				+								+												
15	P19(2013)		+												+											На уровне дневной поверхности над захоронением жернов

Таблица 4.

Сведения о находках монет на территории археологического комплекса у с. Сидорово

№ П/П	Фондовые номера	Наименование	Целый/фрагмент	Химический состав металла	Вес в граммах
1	Кп 125069 Н 1131	Дирхем	Обрезан в кружок	-	1,33
2	Кп 125068 Н 1130	Дирхем	½ часть	-	1,739
3	Кп 125065 Н 1129	Дирхем	½ часть	-	1,218
4	Кп 125064 Н 1128	Дирхем	½ часть	-	1,35
5	Кп 125063 Н 1127	Дирхем	½ часть	-	1,255
6	Кп 125062 Н 1126	Дирхем	½ часть	-	1,343
7	Кп 125060 Н 1125	Дирхем	Целый на №7 над верхней строкой процарапан рунический знак (?)	-	2,834
8	Кп 122976 Н 1091	Дирхем	½ часть	Ag 982,4; Cu 0,98; Pb 0,55; Fe 0,23	1,527
9	Кп 122974 Н 1089	Дирхем	½ часть дирхема, обрезанного в кружок	Ag 966,6; Cu 2,92; Pb 0,43	0,881
10	Кп 125053 Н 1123	Дирхем	½ часть	-	1,383
11	Кп 125061 Н 1124	Дирхем	½ часть	-	1,076
12	Кп 122978 Н 1093	Дирхем	Целый	Ag 959,5; Cu 3,21; Pb 0,84	2,93
13	Кп 122977 Н 1092	Дирхем	½ часть	Ag 994,4; Au 0,11; Cu 0,1; Pb 0,15	1,297
14	Кп 124295 Н 1119	Дирхем	½ часть	-	1,549
15	Кп 122975 Н 1090	Дирхем	¼ часть	Ag 833,4; Cu 12,71; Pb 1,92; Fe 1,76	0,378
16	Кп 115937 Н 1074	Полудрахма	½ часть	-	1,000
17	Кп 126239 Н 1143	Дирхем	½ часть	-	1,44
18	Кп 126255 Н 1144	Дирхем	½ часть	-	1,69
19	Кп 126259 Н 1145	Дирхем	1/3 часть	-	1,21
20	Кп 126261 Н 1146	Дирхем	½ часть	-	1,36
21	Кп 126262 Н 1147	Дирхем	½ часть	-	1,25
22	-	Дирхем	¼ часть	-	0,48
23	-	Дирхем	½ часть	-	1,58
24	-	Дирхем	½ часть	-	1,48

25	-	Дирхем	Целый	-	2,92
26	Монета в фондах музея не найдена	Полудрахма	½ часть	-	-
27	Продан находчиками частному лицу. Нынешнее место нахождения не известно	Солид императоров Льва III и Константина V	Обрезанный по кругу	?	?
28	Продан находчиками частному лицу. Нынешнее место нахождения не известно	Солид императрицы Ирины	?	?	?
29		Фельс куфический ?	Поверхность монеты сильно истерта		
30	Был передан А.И.Семенову.	Дирхем	Приблизительно ¼ часть		
31	КП	Фоллис императора Льва V	Поверхность монеты потерта до глянцевого блеска		
32	Найден В.К.Михеевым в 1971 г. Упоминается в Отчете на с.13, Табл. XIV, 8	Дирхем	½ часть		
33	КП	Статер императора Рескупорида V	Поверхность монеты истерта		

Рис. 1. Вид с Теплинского городища на левый берег Северского Донца.

Рис. 2. Вид на левый берег Северского Донца со Святых гор.

Рис. 3. Пойма реки Северский Донец с городища Осиянская Гора.

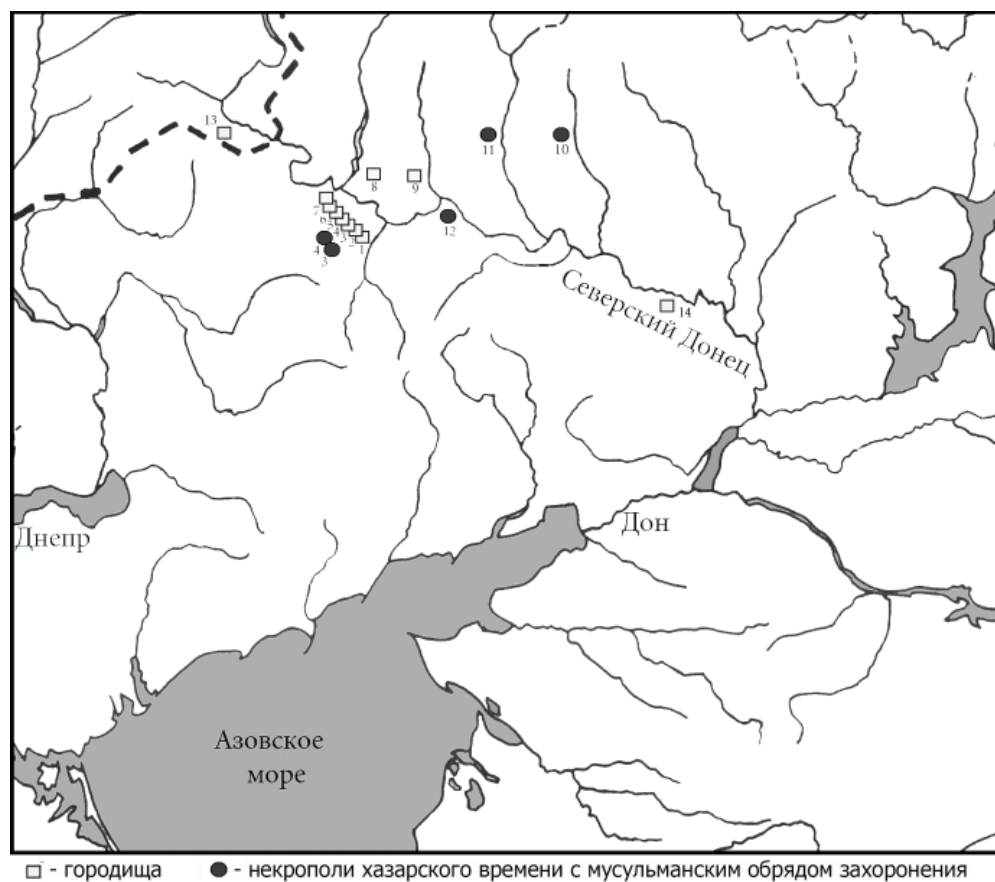

Рис. 4. Схема расположения городищ и раннемусульманских некрополей в среднем течении Северского Донца. 1-Райгородок, 2-Осиянская Гора, 3-Маяки, 4-Сидорово, 5-Татьяновка, 6-Святогорское, 7-Теплинское, 8-Новоселовка, 9-Кировское, 10-Новолымаревка, 11-Лысогоровка, 12-Платоновка, 13-Сухая Гомольша, 14-Каменск-Шахтинский.

Рис. 5. А.И.Абрамов с женой В.Г.Абрамовой.
50-60-е гг. XX века

Рис. 7. Н.В.Сибилёв

Но в Дзюльге день обвал на улице
Заслывали пухом.

1961 г. 18 Марта. На Дзюльге улице,
около произошёл обвал. Там Дзюльге
Амфору-Камары как и другие вещи.
Я писал об этом в Киевской Академии
Археологии. Писал в газету Комсомольской
Кубани. Но... Виделому дни
Зачерненные Камары выкопаны к 1961-
12 в в. Мало кого интересовало.

Уви пишуше что изложил Археолог
Н.В. Сибилёв описал Марковское горо-
диче в урочище Царёво/Ясново!
На месте этого городища, как его
называли Марковское «Царёво»
были сады Царёвских друзей села
Марки воены 1920 годов. Эти сады
вырубались. Земля обкапалась.
Каждый год после весенних паводков
друзья находили различные
предметы: горшки, ковши, медные
из Миталла и Квеши. Монеты.

Рис. 6. Письмо А.И.Абрамова директору ДКМ
Г.А.Гусинскому от 10.03.1962 г.

Рис. 8. Раскопки курганов у с. Сидорово в 1936 г. По мнению Л.И.Кучугуры, Г.Г.Афендик – человек в шинели.

Рис. 9. Вид площадки Сидоровского городища с юго-запада. Фото сделано во время проведения раскопок 1936 г.

Рис. 10. Письмо директора Донецкого краеведческого музея Г.А.Гусинского А.И.Абрамову. 10.03.1962 г.

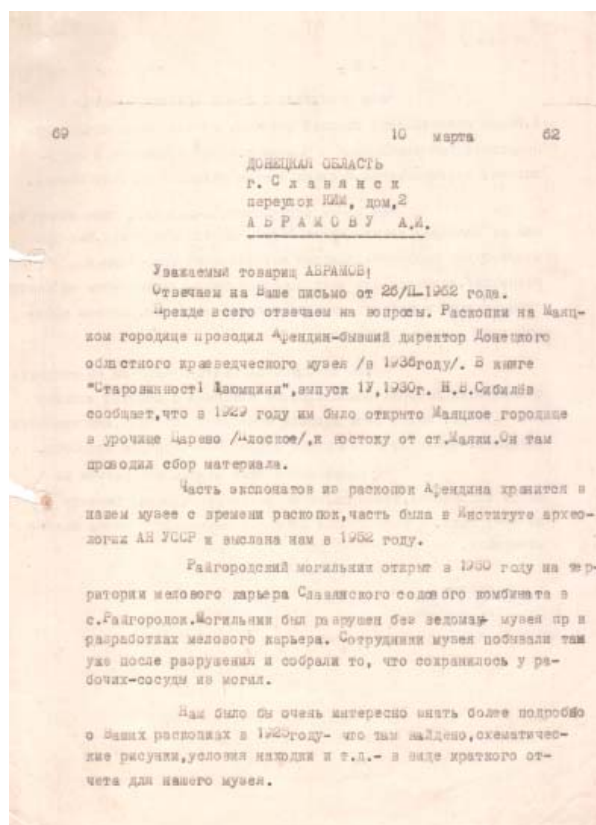

Рис. 11. Вид Сидоровского городища с юга. Рисунок Г.Г.Афендика 1936 г.

Рис. 12. С.А.Плетнева.

Рис. 13. В.К.Михеев

Рис. 14. В.В.Давыденко (слева) и А.В.Колесник. Сидоровский археологический комплекс. 2013 год.

Рис. 15. Вид старой части с. Сидорово

Рис. 16. Сосуд эпохи раннего железного века в культурном слое раскопа 9

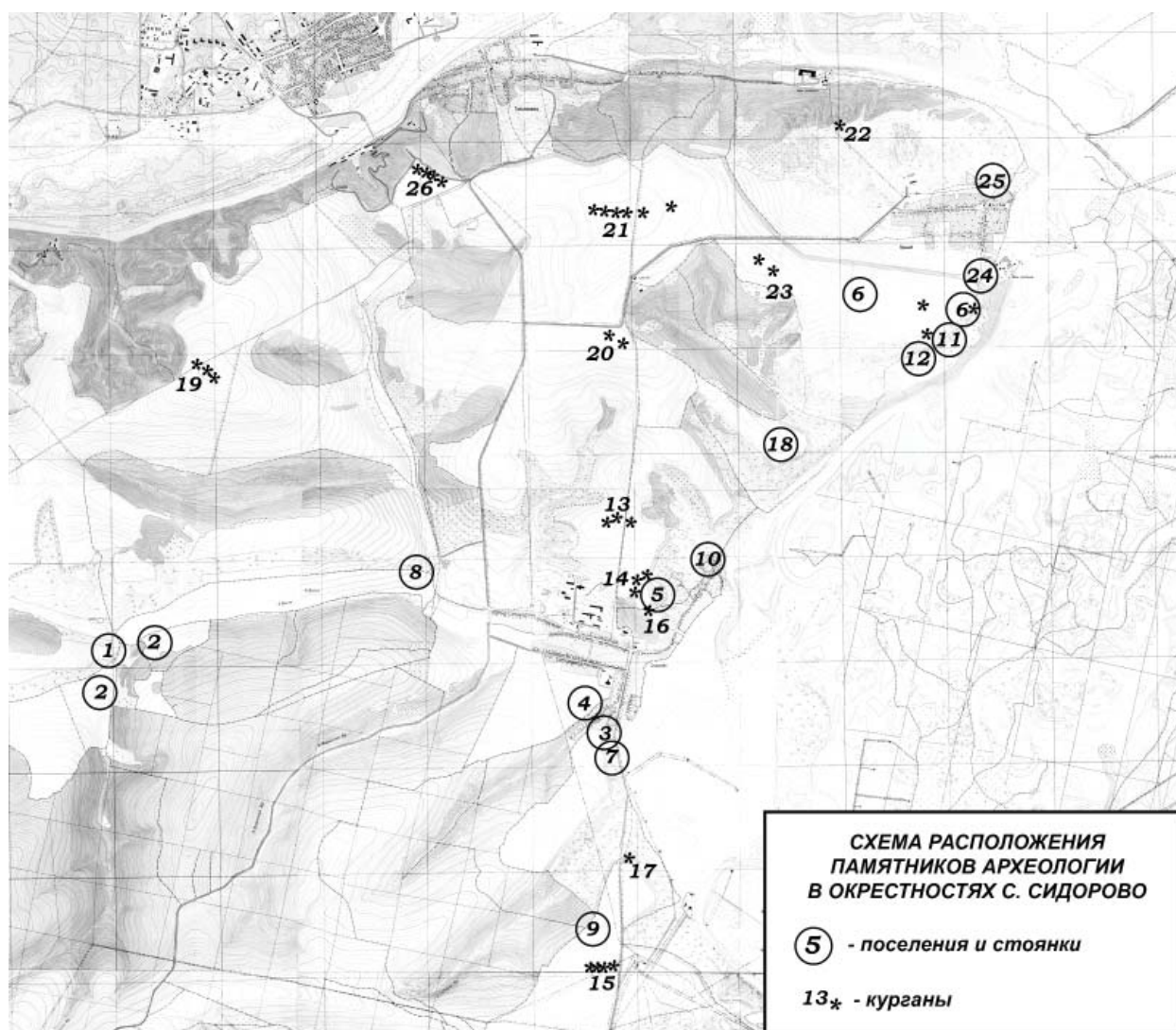

Рис. 17. Археологические памятники окрестностей с. Сидорова.

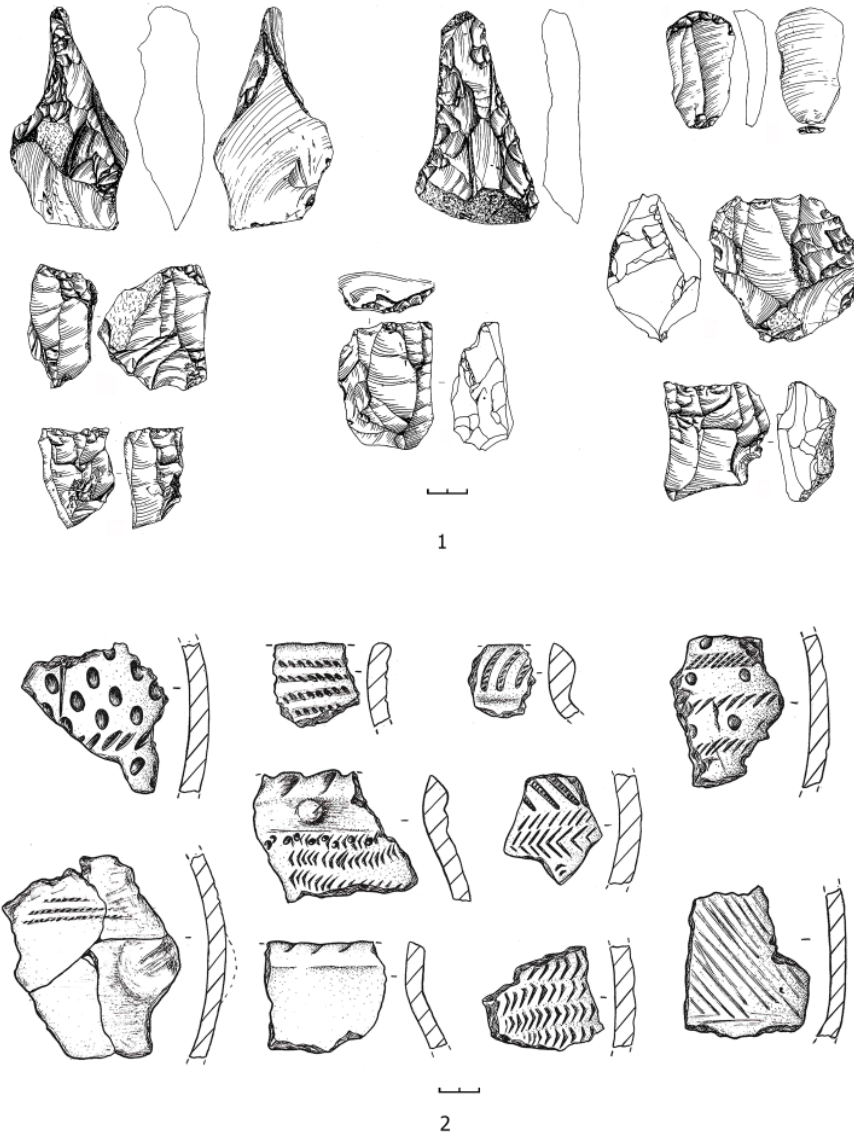

Рис. 18. Артефакты из ранних памятников, расположенных в пределах археологического комплекса у с. Сидорово: 1 - кремневые изделия со стоянки зимовниковской культуры (раскопы 5, 7); 2 - керамика днепродонецкой культуры (раскопы 9-10)

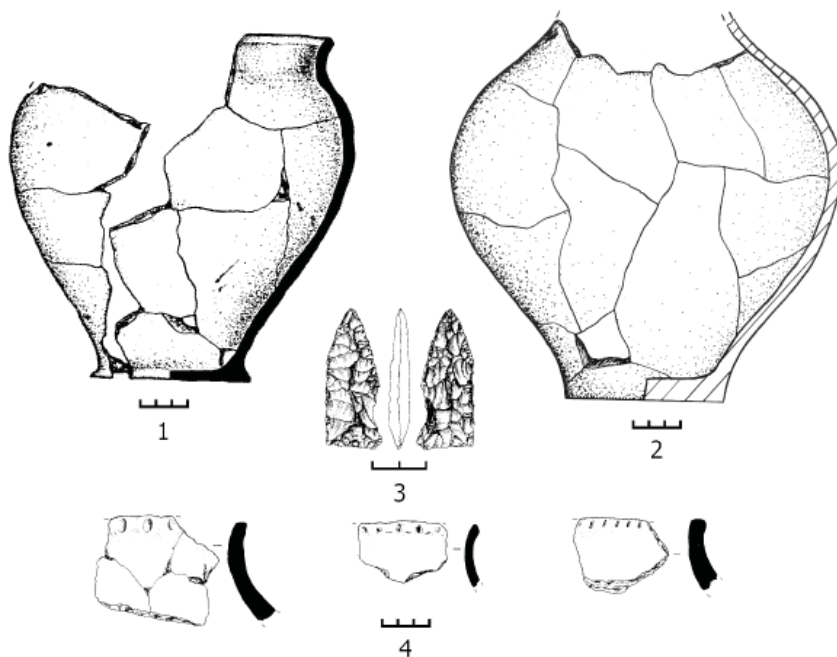

Рис. 19. Материалы эпохи бронзы и раннего железа с территории археологического комплекса у с. Сидорово (раскоп 9).

Рис. 20. Сидоровский комплекс. Вид с востока (из поймы)

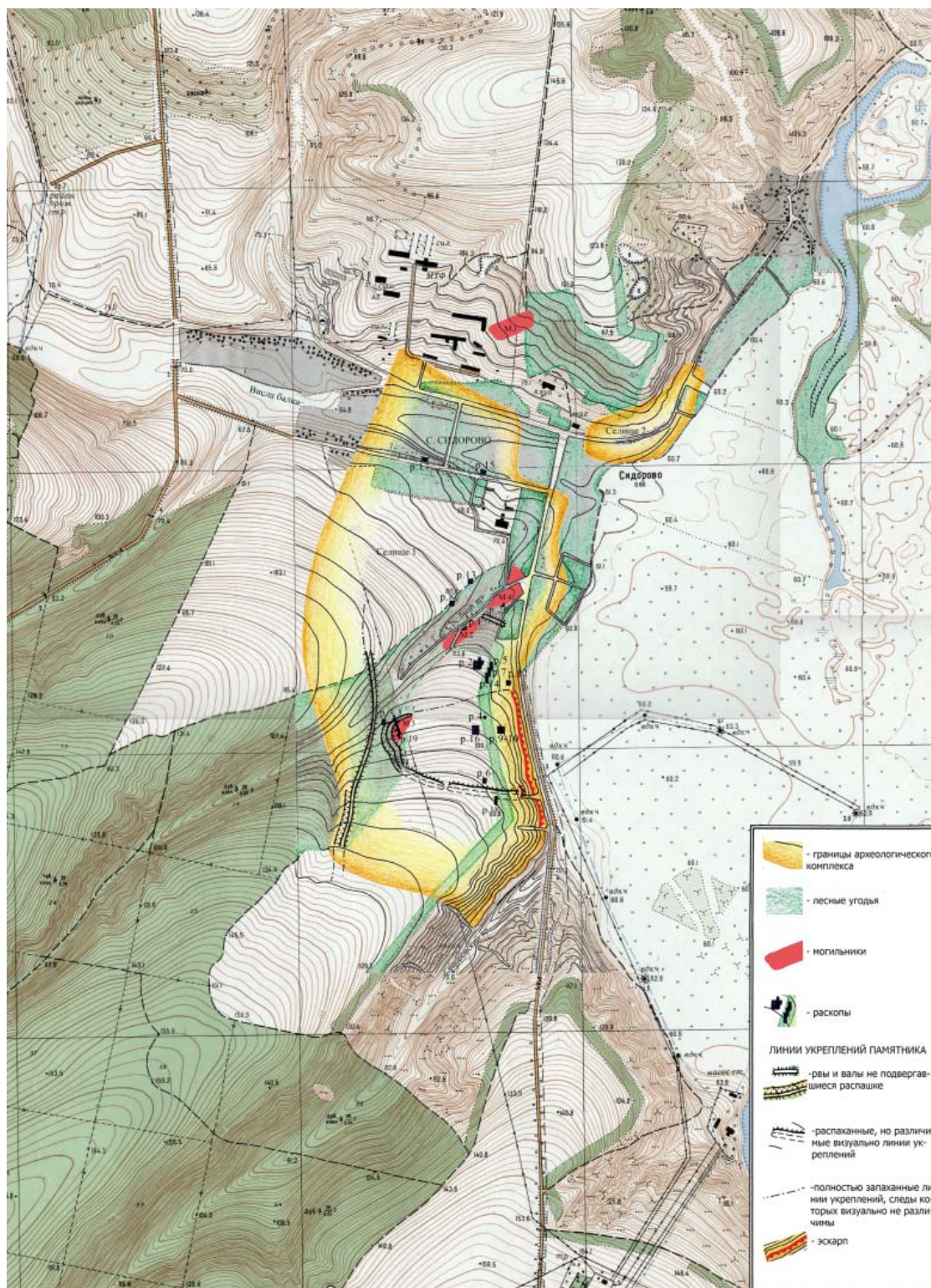

Рис.21. План археологического комплекса у с. Сидорово с местами расположения раскопов 2000-2004, 2006, 2009-2013 гг.

Рис. 22. Сидоровский яр

Рис. 23. Высла Балка. Вид сверху. На переднем плане западная окраина с. Сидорово.

Рис. 24. Вид Сидоровского городища во время половодья

Рис. 25. Восточный склон Сидоровского городища. Место, где начинается эскарп.

Рис. 26. Вид с городища на заливной луг

Рис. 27. Фото Сидоровского городища сверху

Рис. 28. Вид с юго-восточной окраины городищенского холма на осушенное озеро.
Справа виден край Сидоровского яра

Рис. 29. Урочище Макартет. Вид с юго-западной части Сидоровского городища.

Рис. 30. Фото эскарпов памятника

Рис. 31. Вид с могильника 1 на территорию археологического комплекса. На переднем плане селище 1 (2).
Далее, за Средним Яром – собственно городище (1).

Рис. 32. Вид с городища на селище 2

Рис. 33. Могильники 1-2. Дальняя стрелка – территория могильника 1; ближняя стрелка показывает территорию могильника 2.

Рис. 34. Место расположения могильника 3. На переднем плане, слева, заплывший раскоп I (1971 г.)

Рис. 35. Работы на раскопе 20 (2013 г.), в восточной части которого были выявлены захоронения могильника 4.

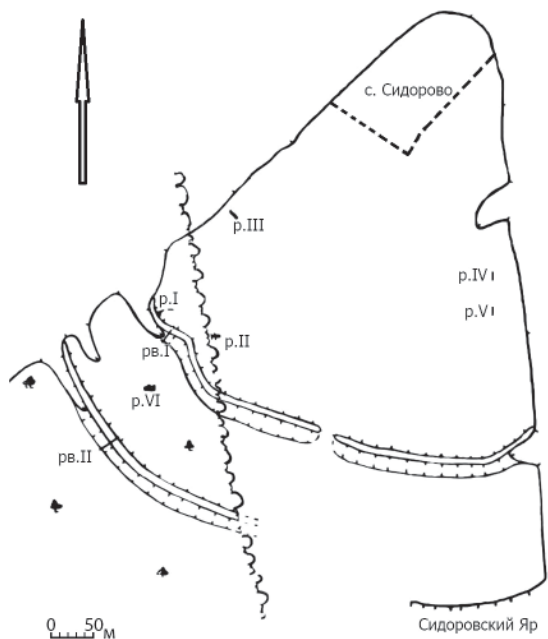

Рис. 36. План Малого Сидоровского городища, составленный В.К.Михеевым, с раскопами 1971 г. (по В.К.Михеев, 1971, Табл. II, 1; 2- Раскоп VI 1971 г. (по В.К.Михеев, 1971, Табл. IV, 1).

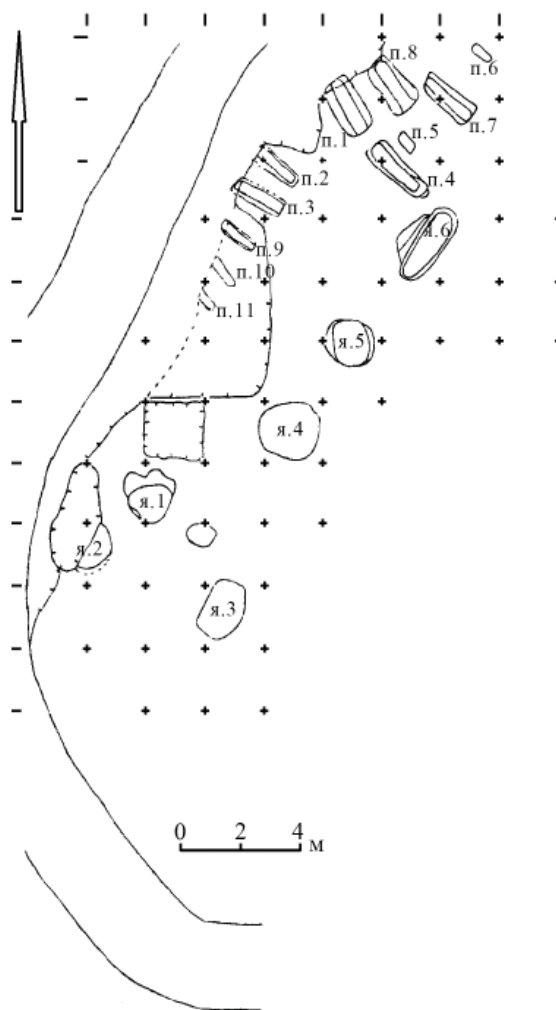
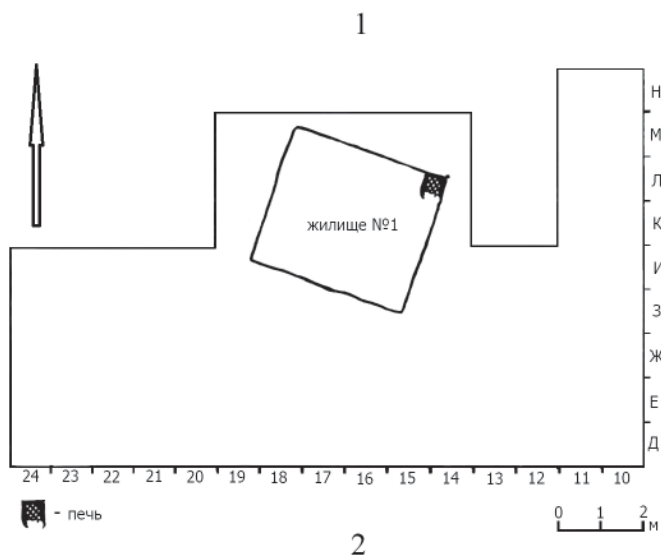

Рис. 37. Раскоп 1 (2000 г.).

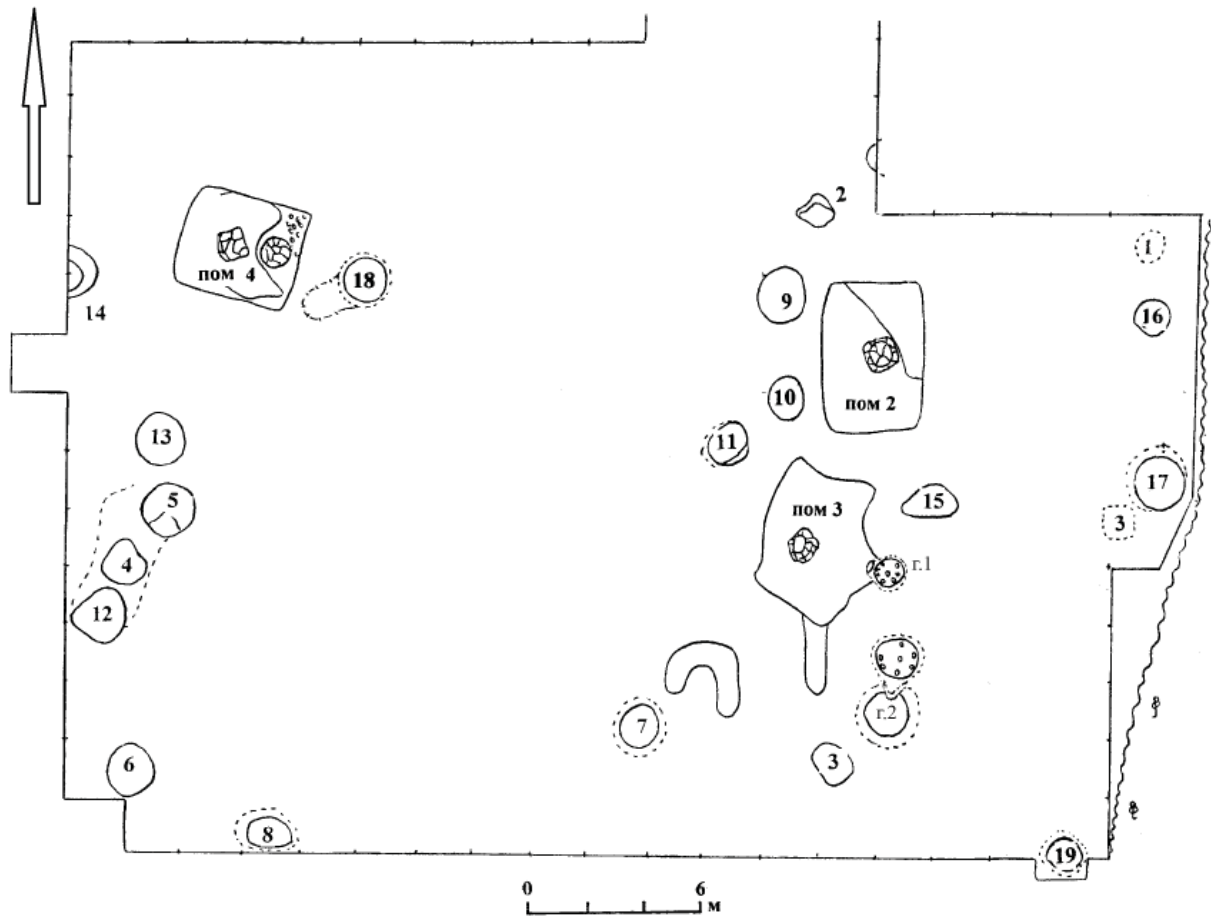

Рис. 38. Общий план раскопа 2 (2000 г.)

Рис. 39. Начало работ на раскопе 2 (2000 г.).

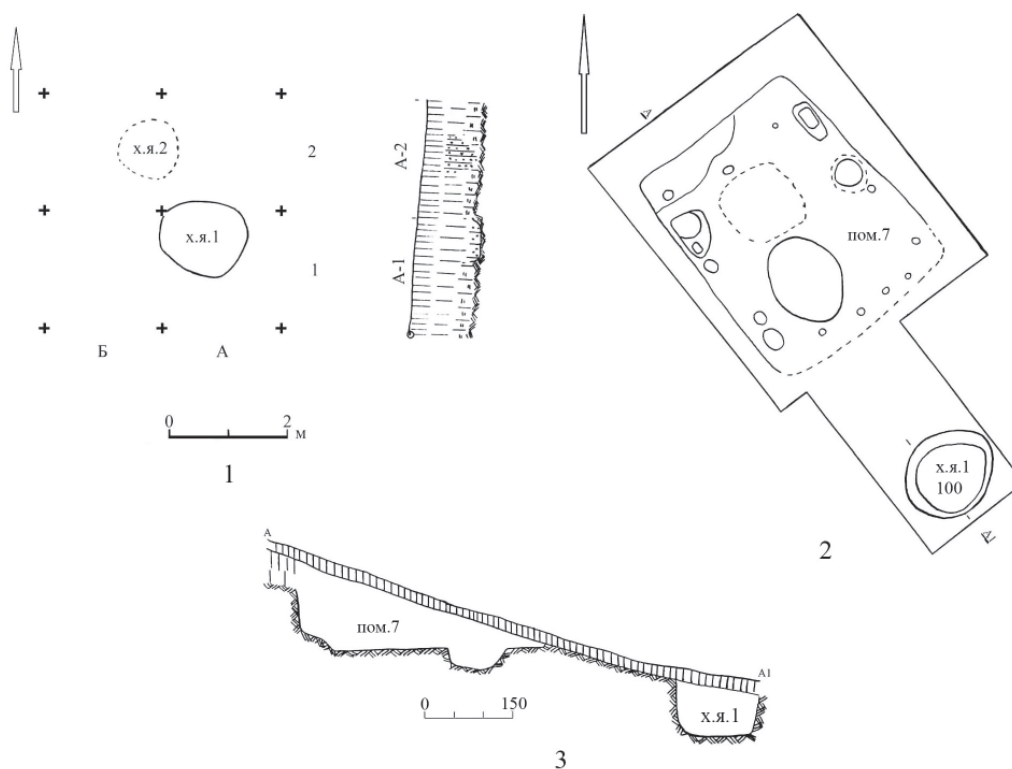
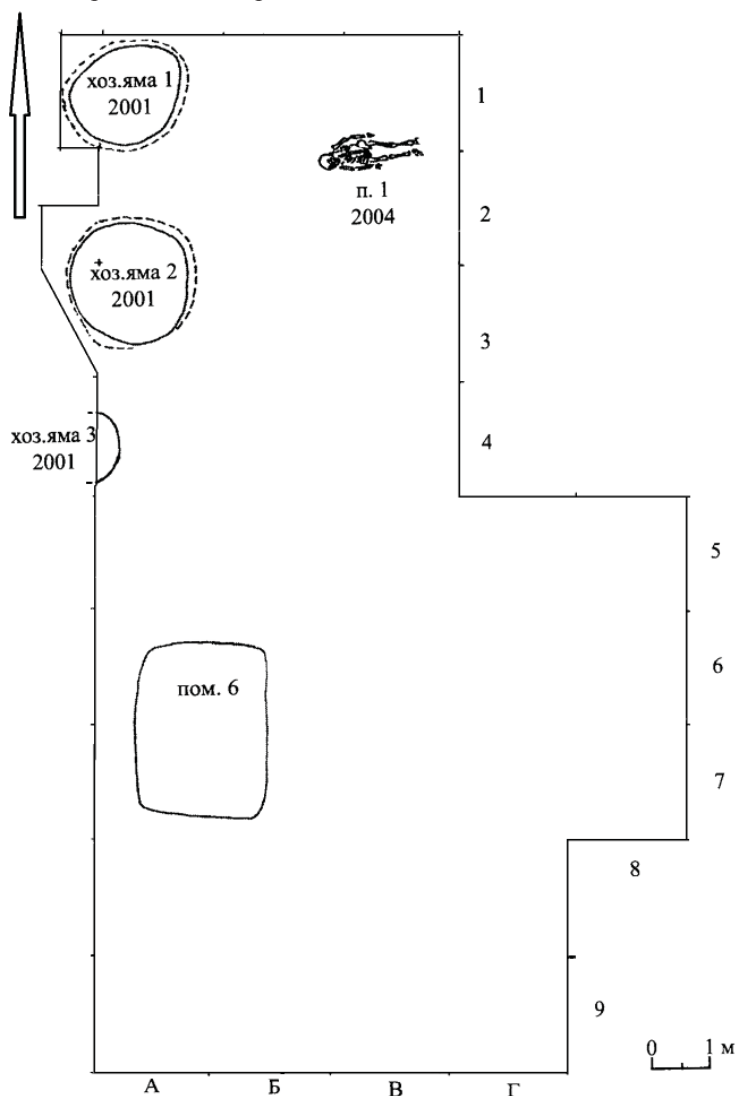

Рис. 40. 1 Общий план раскопа 4; 2-3 раскоп 8.

Рис. 41. Раскоп 5 (2001-2002 гг.).
Общий план

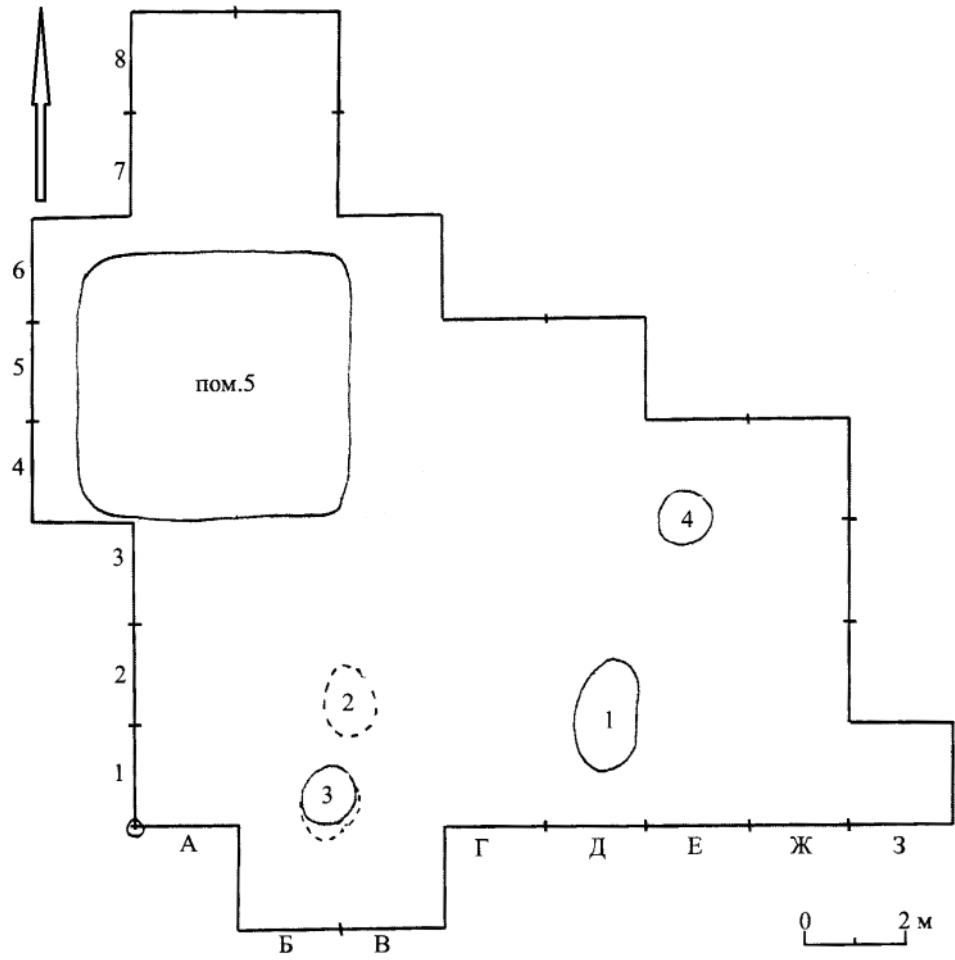

Рис. 42. Общий план раскопа 6 (2001 г.)

Рис. 43. Заполнение котлована помещения 5 в раскопе 6 (2001).

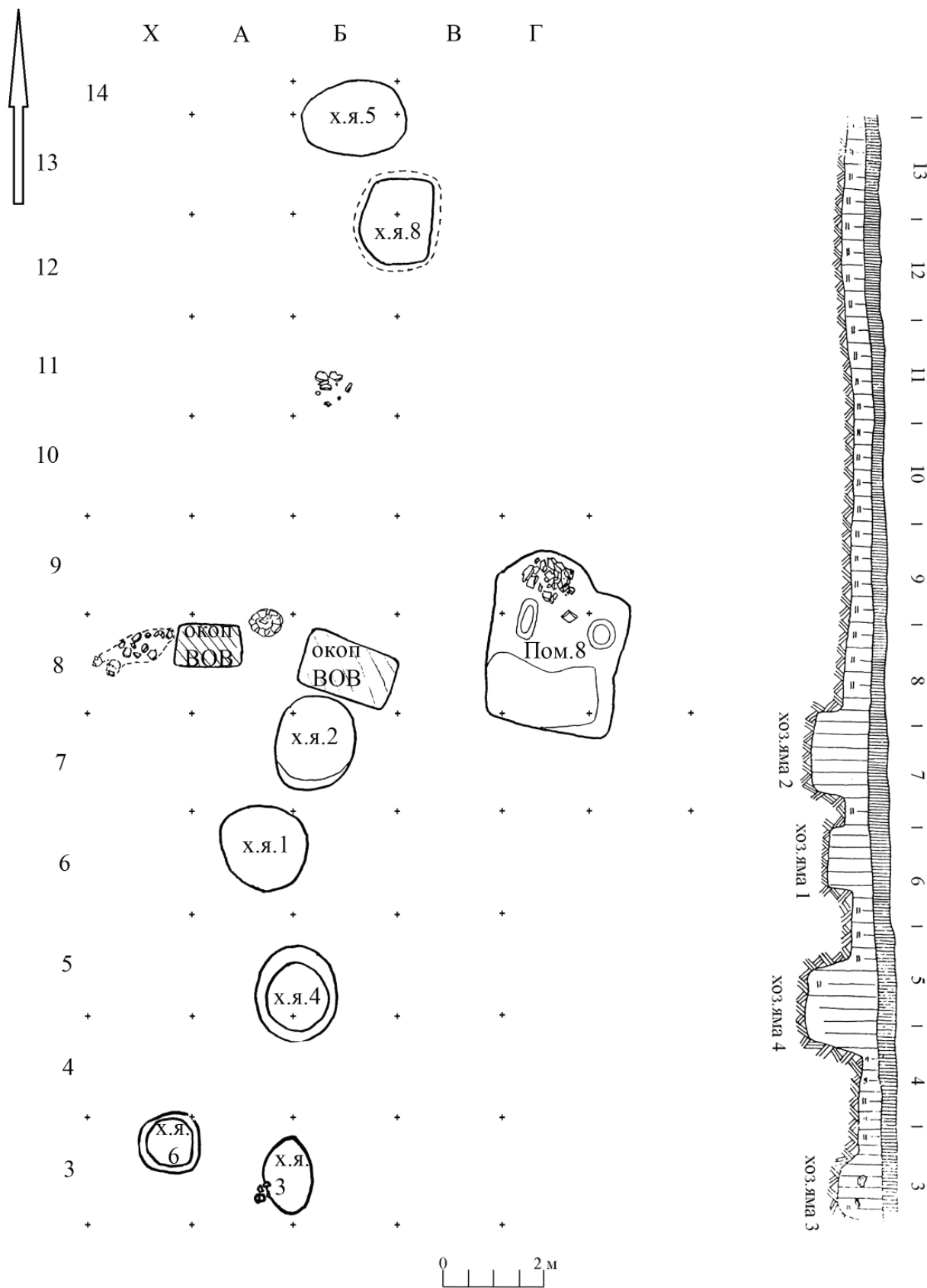

Рис. 44. Общий план раскопа 7 (2002 г.) и разрез по восточной бровке квадратов линии А.

Рис. 45. Вид на раскоп 8 (2002 г.) с раскопа 1 (2000 г.).

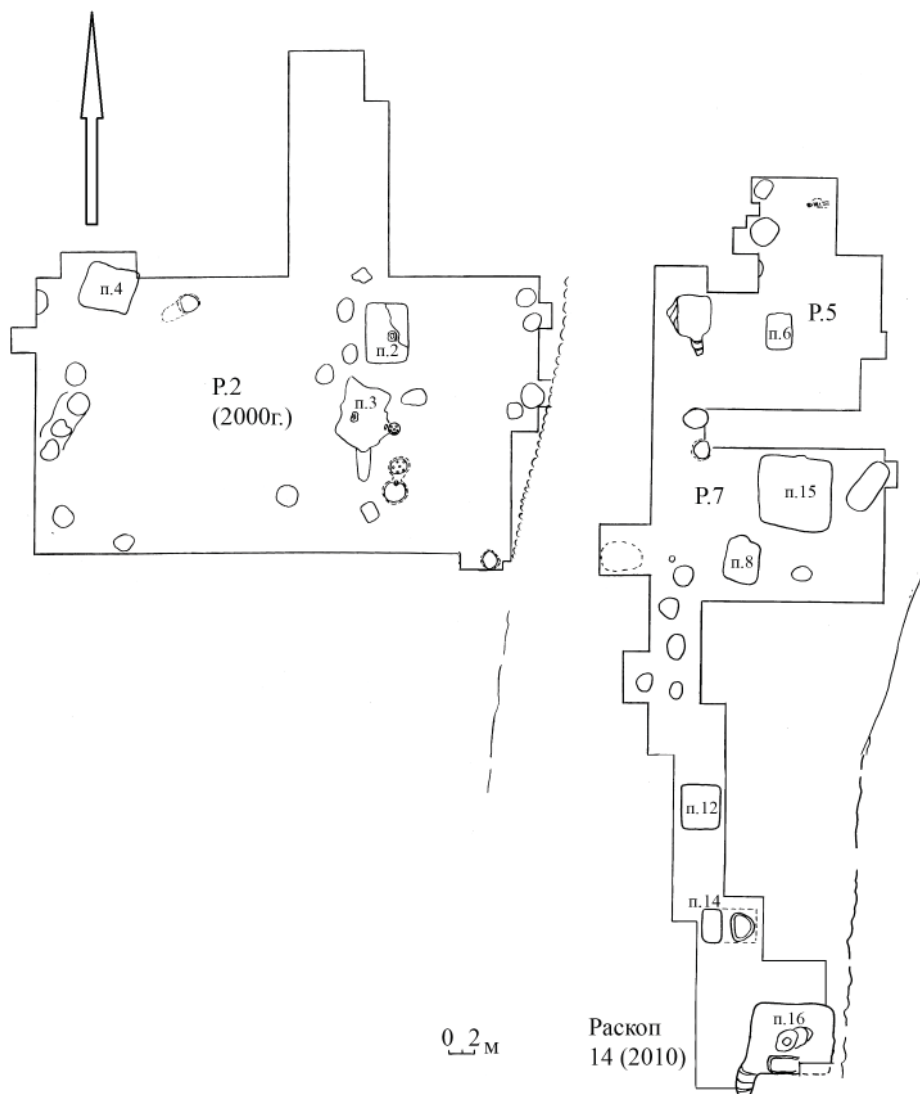

Рис. 46. Общий план раскопов 2, 5, 7, 14.

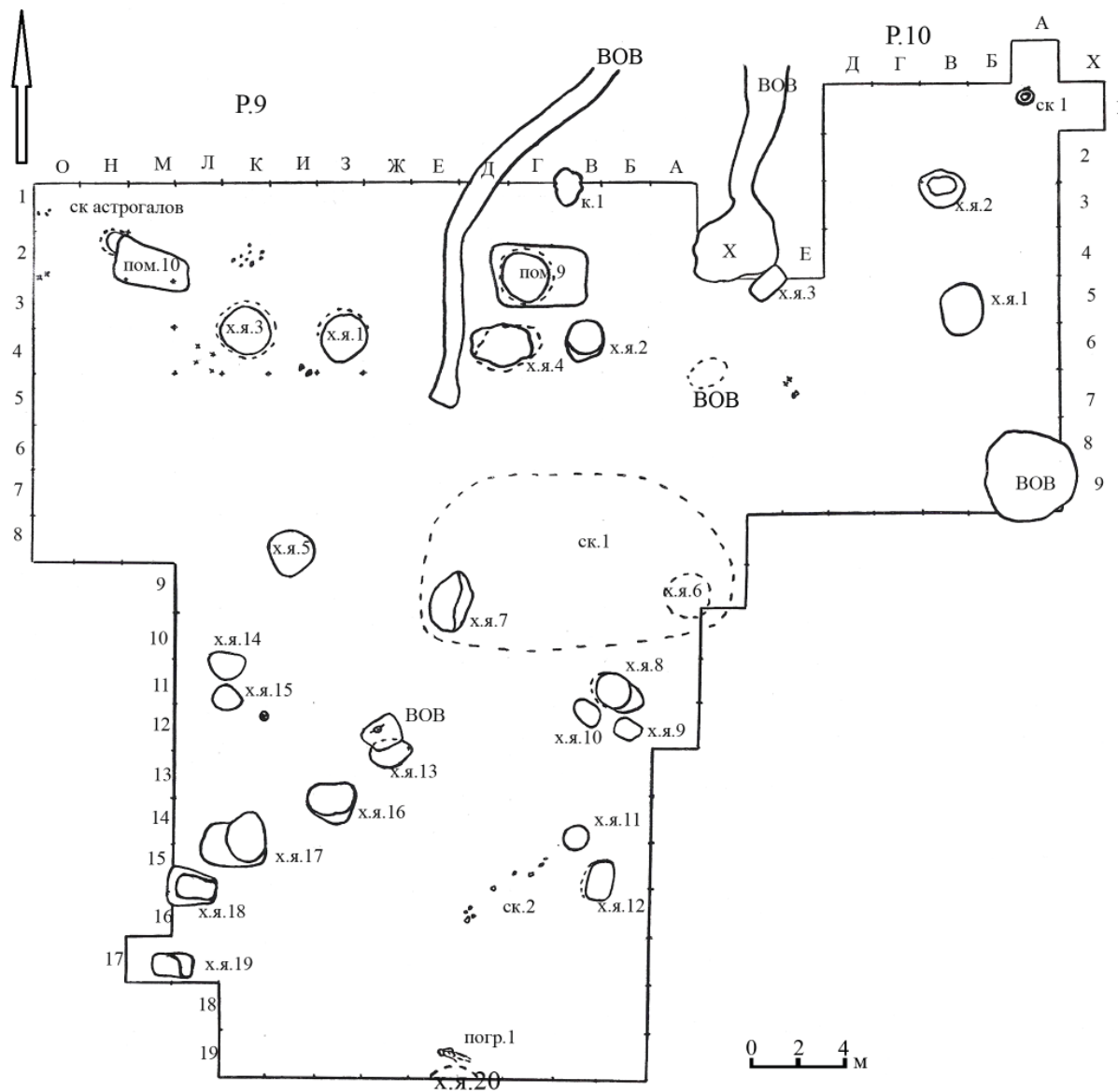

Рис. 47. Общий план раскопов 9-10 (2003-2004 гг.)

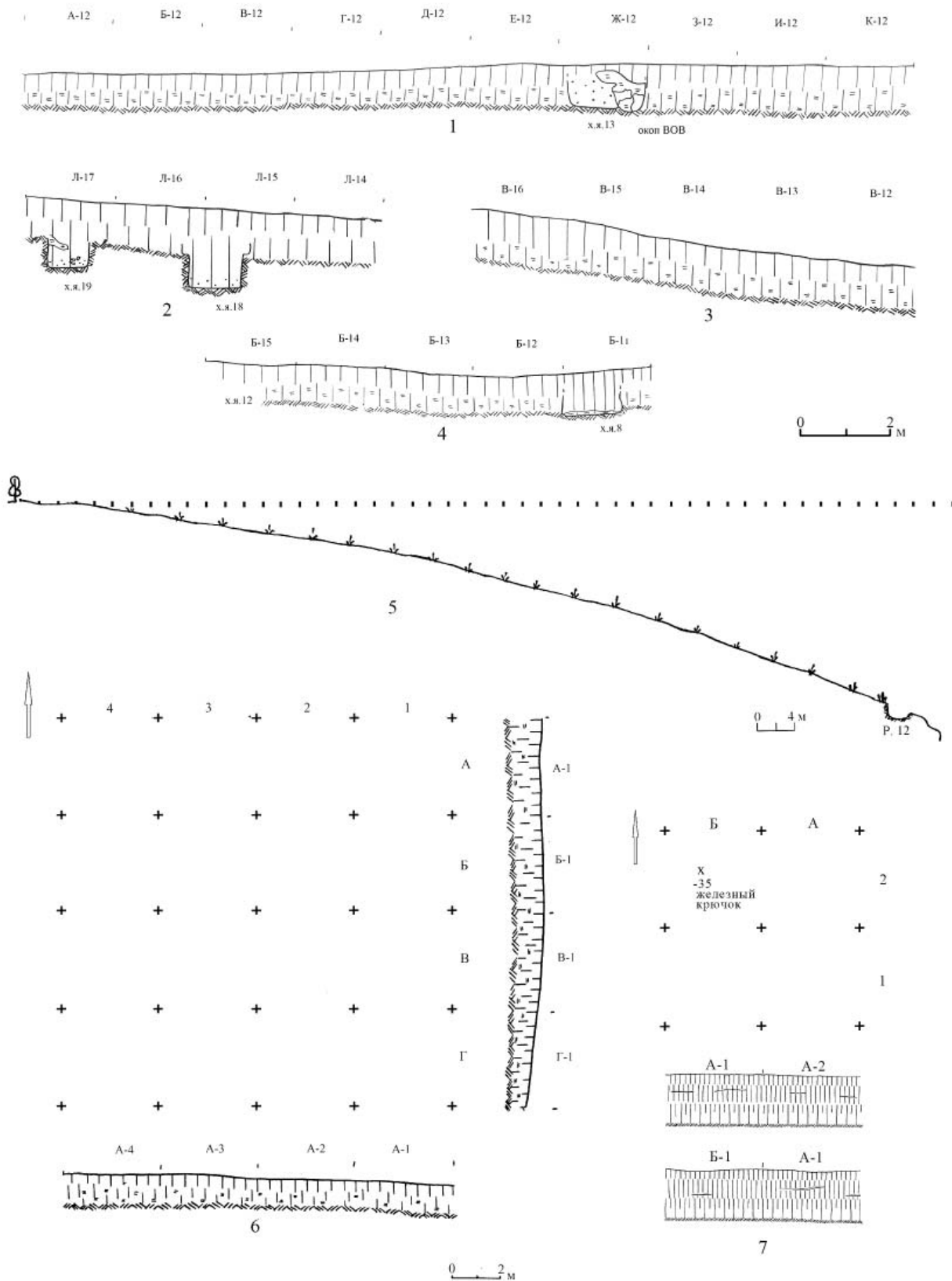

Рис. 48. Бровки раскопа 9 (2004г.). 1-южная бровка квадратов линии 12; 2-западная бровка квадратов линии Л (14-17); 3-восточная бровка квадратов линии В (12-16); 4-восточная бровка квадратов линии Б (11-15); 5-разрез восточного склона холма Малого городища к северу от начала линии эскарп; справа внизу место расположения раскопа 12; слева сверху значком «дерево» обозначена лесозащитная полоса, в которой находятся раскопы 5, 7, 14; 6-раскоп 13, общий план и разрезы бровок; 7-общий план и разрезы раскопа 15 (2010).

Рис. 49. Хозяйственные сооружения в юго-западной части раскопа 9 (2004).

Рис. 50. Расчистка помещения 11 в раскопе 12 (2003 г.)

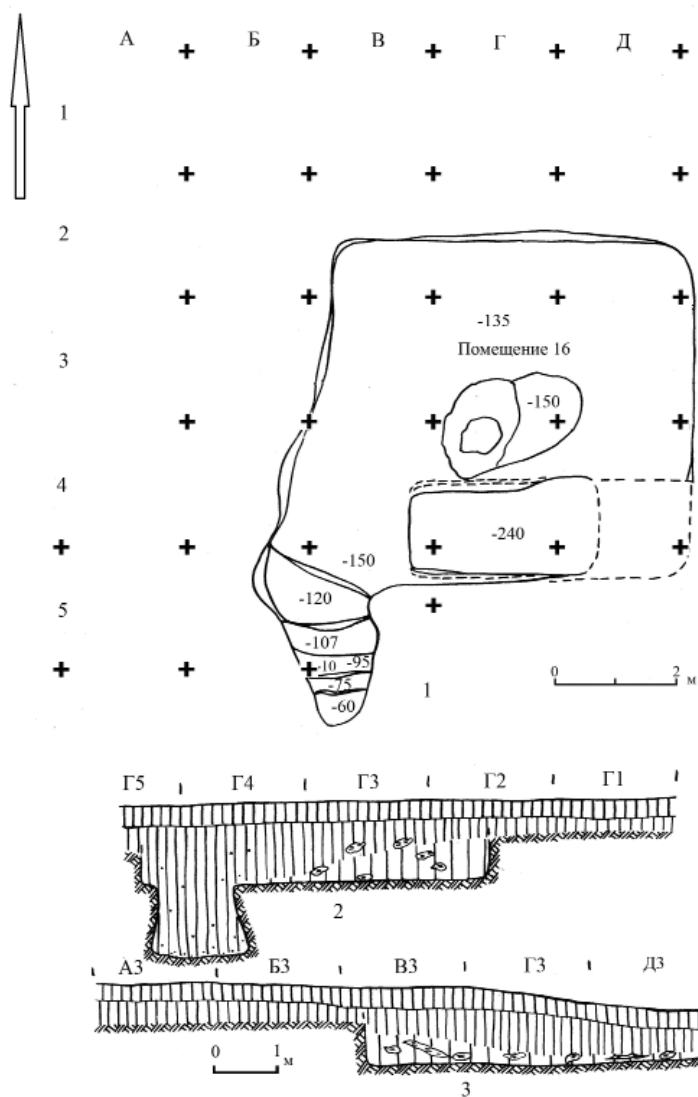

Рис. 51. 1-общий план раскопа 14 (2009) и разрезы: 2-западная бровка квадратов линии Г; 3-северная бровка квадратов линии З.

Рис. 52. Раскоп 16 (2010 г.). Вид сверху.

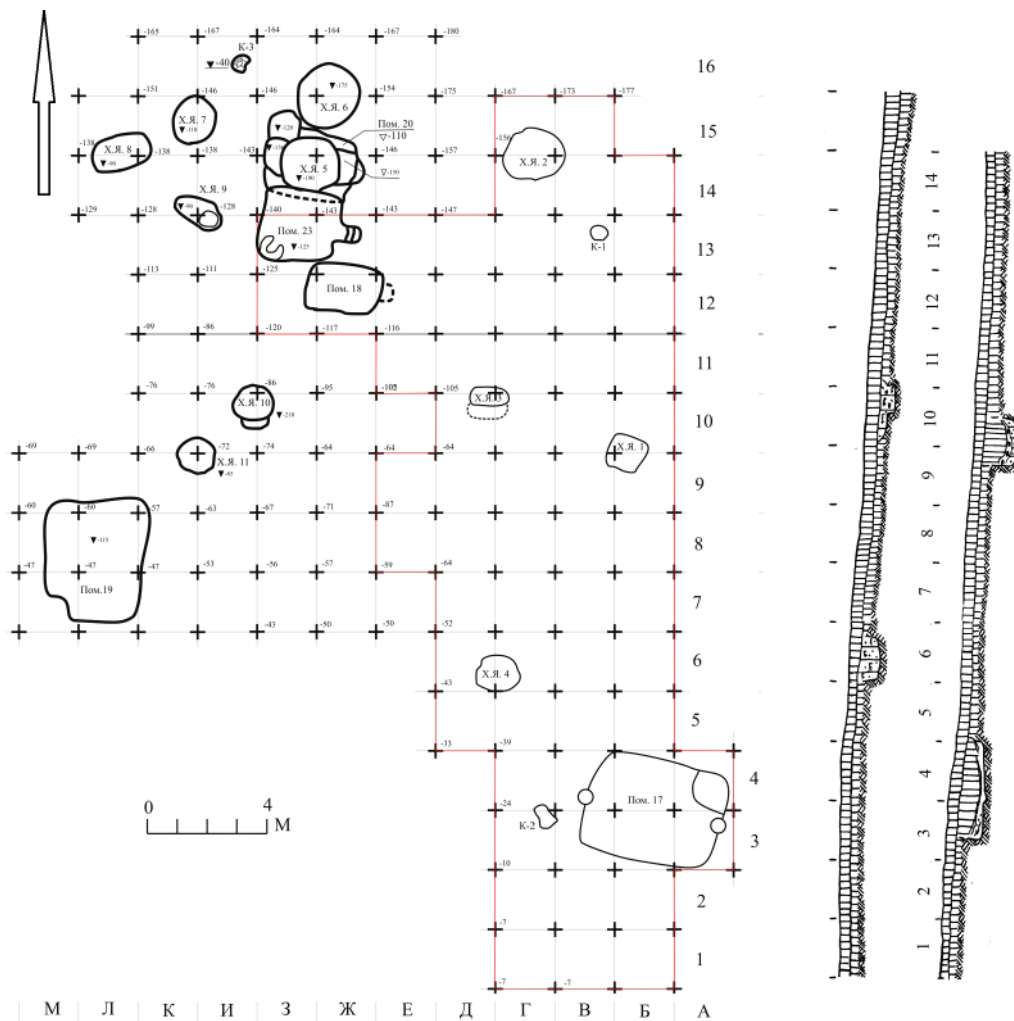

Рис. 53. Раскоп 16 (2010-2011). Общий план и разрезы бровок (западная бровка квадратов линии Б и западная бровка квадратов линии Г).

Рис. 54. Вид намытого слоя на бровках в северо-восточной части раскопа 16.

Рис. 55. Фото группы стратифицированных комплексов в северной части раскопа 16. Вид с юго-запада. Стрелками обозначены границы котлована помещения 20, которое является наиболее ранним сооружением на этом участке.

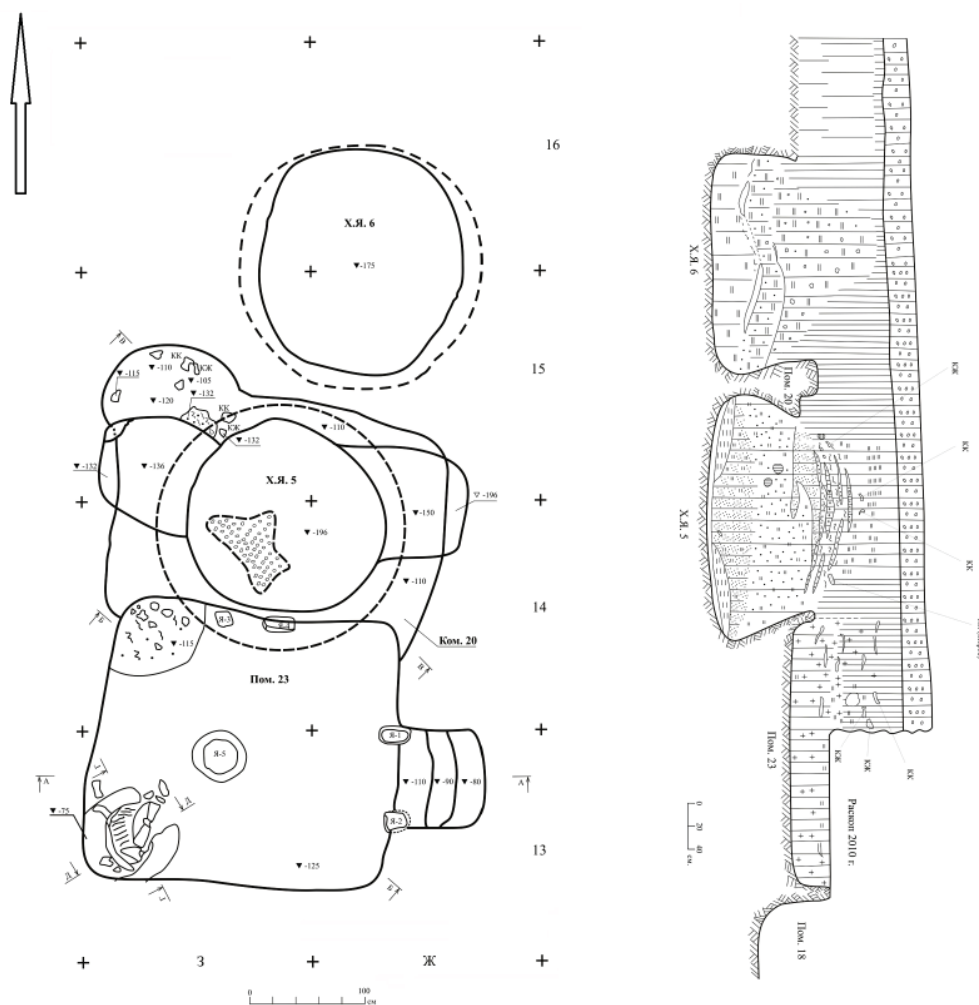

Рис. 56. План стратифицированных комплексов в северной части раскопа 16. Разрез их по восточной бровке квадратов линии 3.

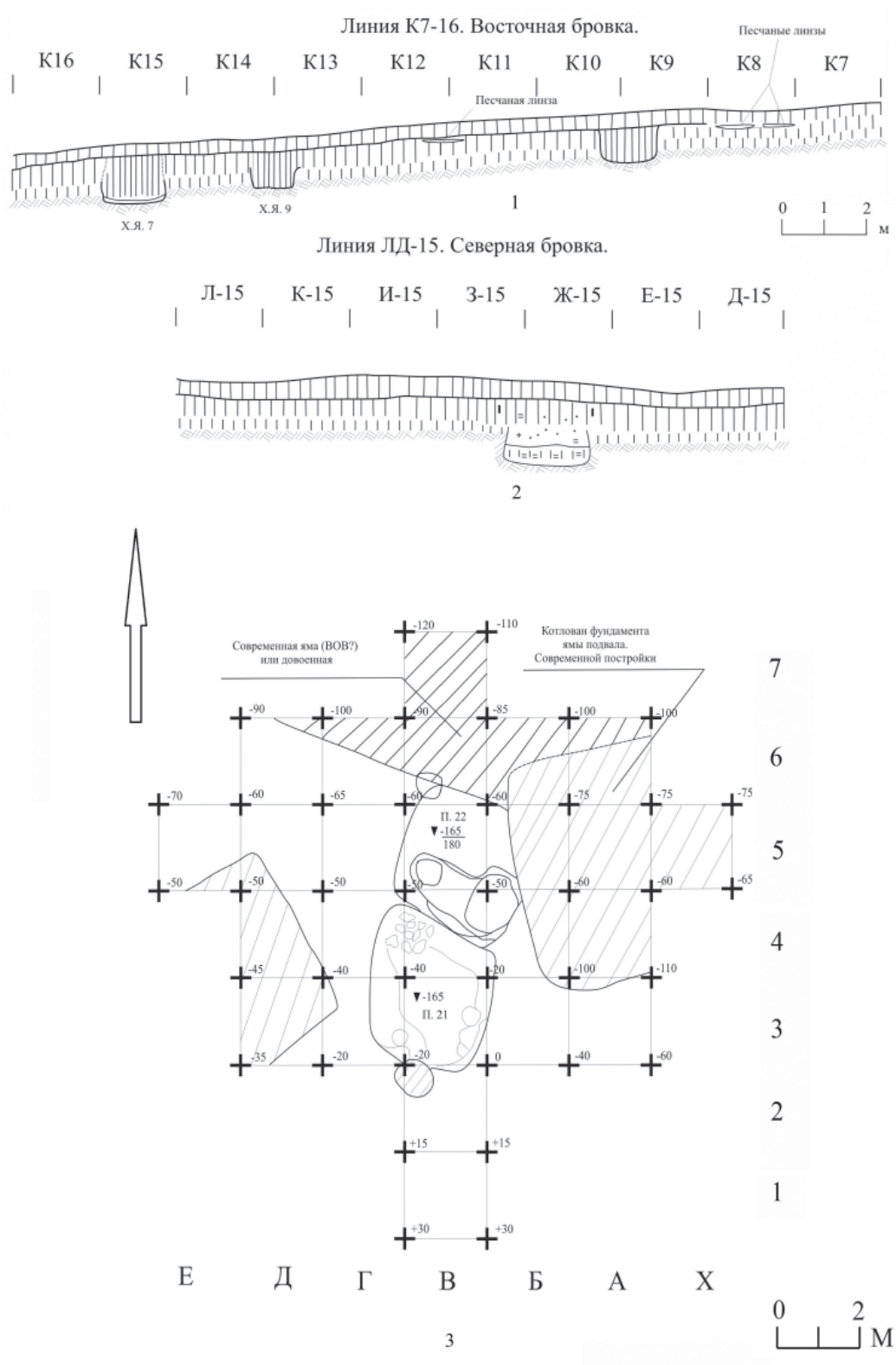

Рис. 57. 1-2-разрезы бровок раскопа 16; 3-общий план раскопа 17. (2011).

Рис. 58. Котлованы стратифицированных построек в раскопе 17 (2011).

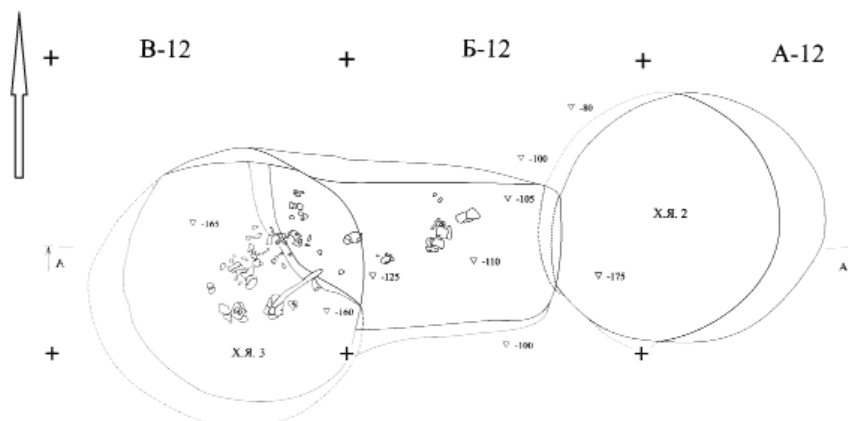

Рис. 59. Хозяйственные ямы 2 и 3 раскопа 18 со стратиграфией. План и разрез.

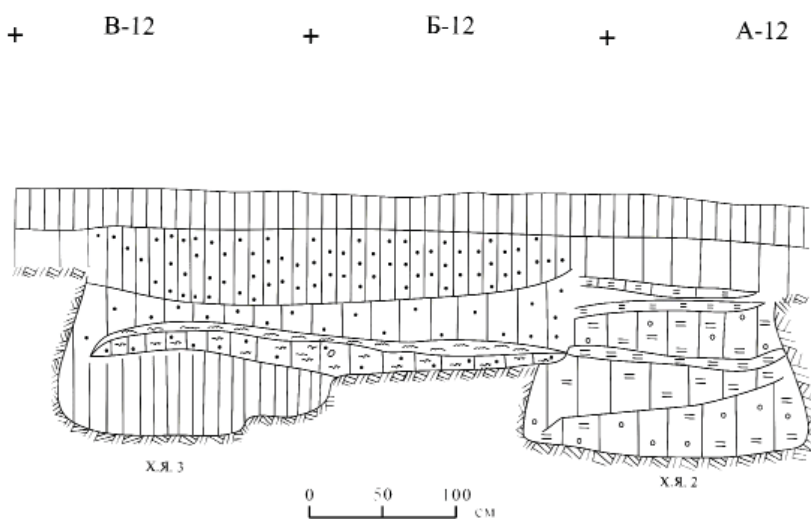

Рис. 60. Помещение 24, выявленное в южной части раскопа 19.

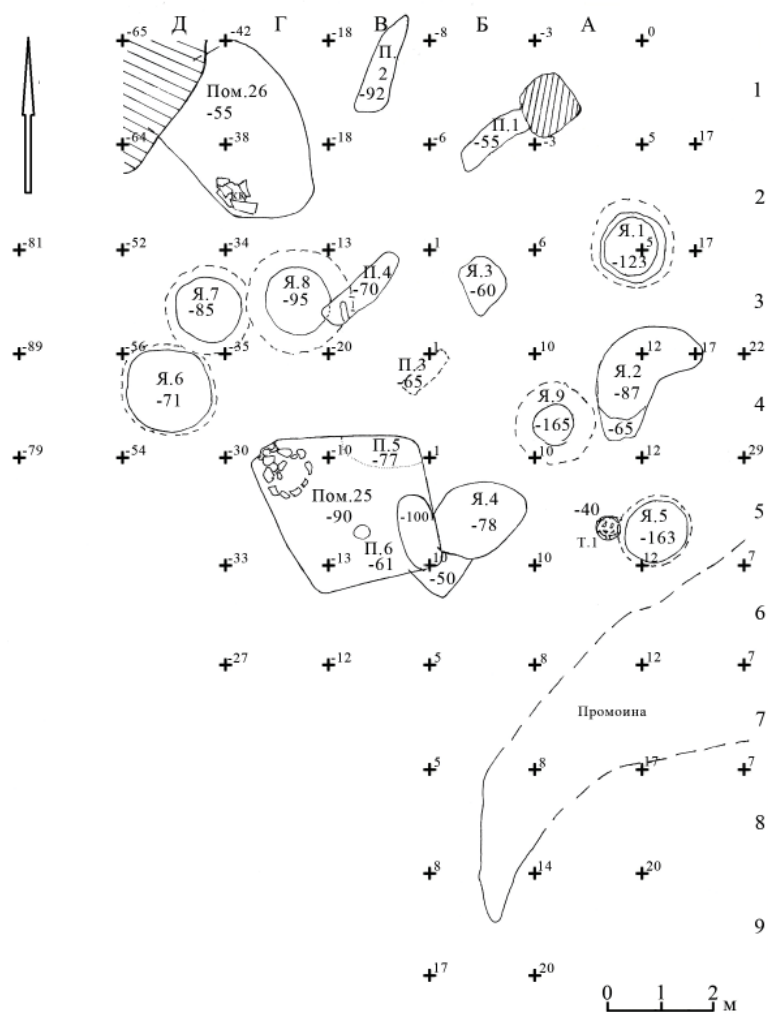

Рис. 61. Общий план раскопа 20 (2013).

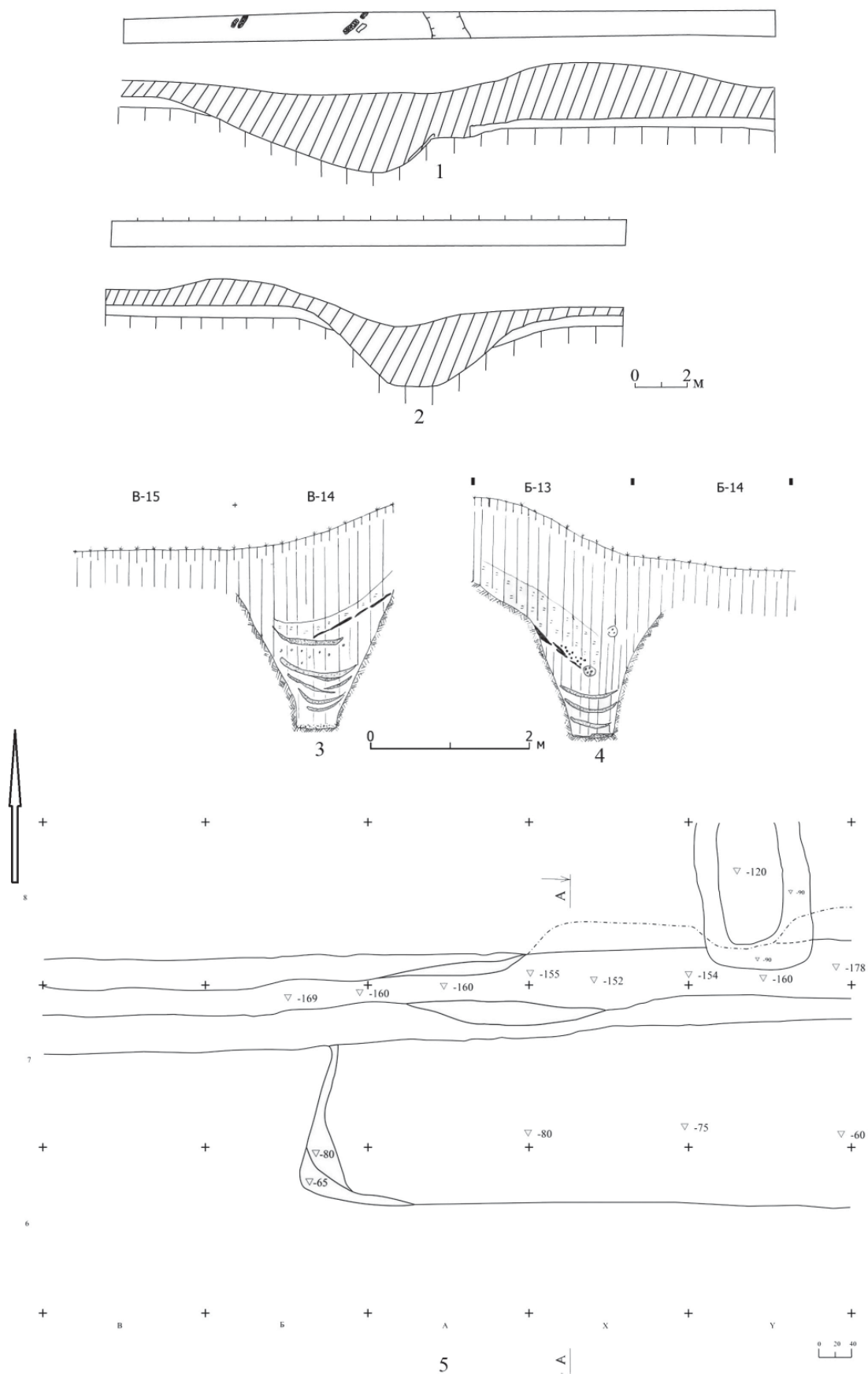

Рис. 62. 1-2-разрезы линий укреплений PB1 (1) и PB2 (2) по отчету В.К.Михеева 1971 г. (Михеев, 1971, Т.VI, 1); 3-4-разрезы рва внутренней линии укреплений в раскопе 19: 3-северо-восточная бровка линии квадратов В, 4-юго-западная бровка линии квадратов Б; 5- центральная часть раскопа 18 с оборонительными сооружениями.

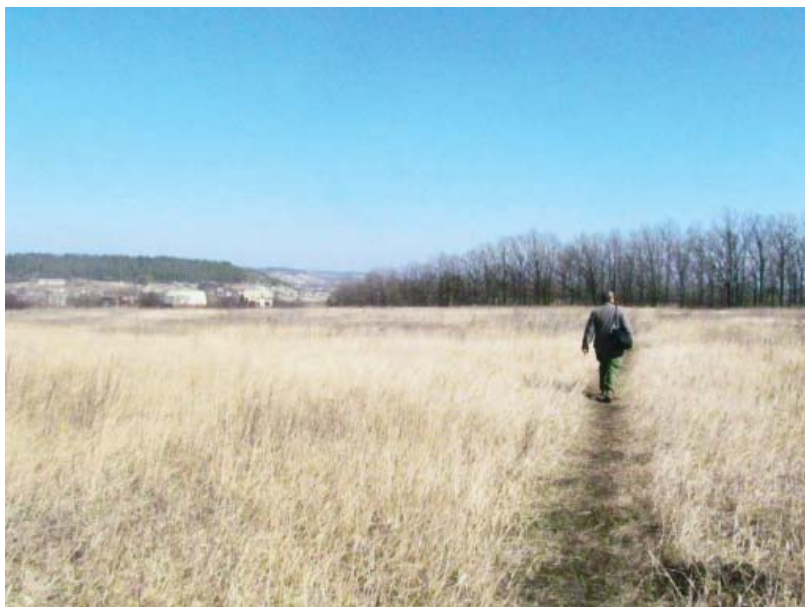

Рис. 63. Вид участка плато Малого городища, на которой находился ров и северный вал внутренней линии укреплений. Дорожка приблизительно соответствует месту нахождения этой линии

Рис. 64. Северо-восточный край Малого Городища. На переднем плане балка, от которой начинается ступенчатый эскарп. Справа от балки виден карьер, к которому был прирезан раскоп 12.

Рис. 65. Вал, в южной части въезда на городище

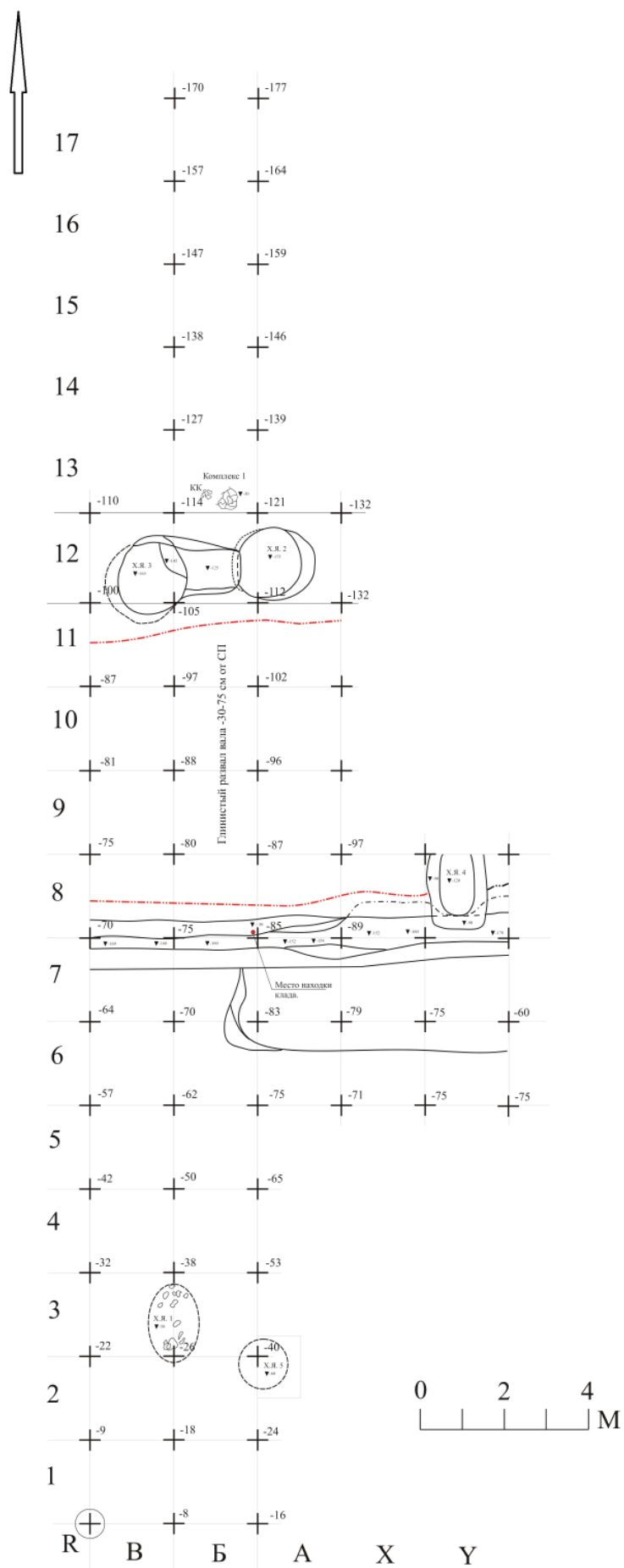

Рис. 66. Раскоп 18 (2012). Общий план

Рис. 67. Ров в раскопе 18. Вид с востока.

Рис. 68. Разрез рва в западной части раскопа

Рис. 69. Ров и срезка грунта в центральной части раскопа 18. Вид с запада.

Рис. 70. Разрез рва в восточной части раскопа 18.

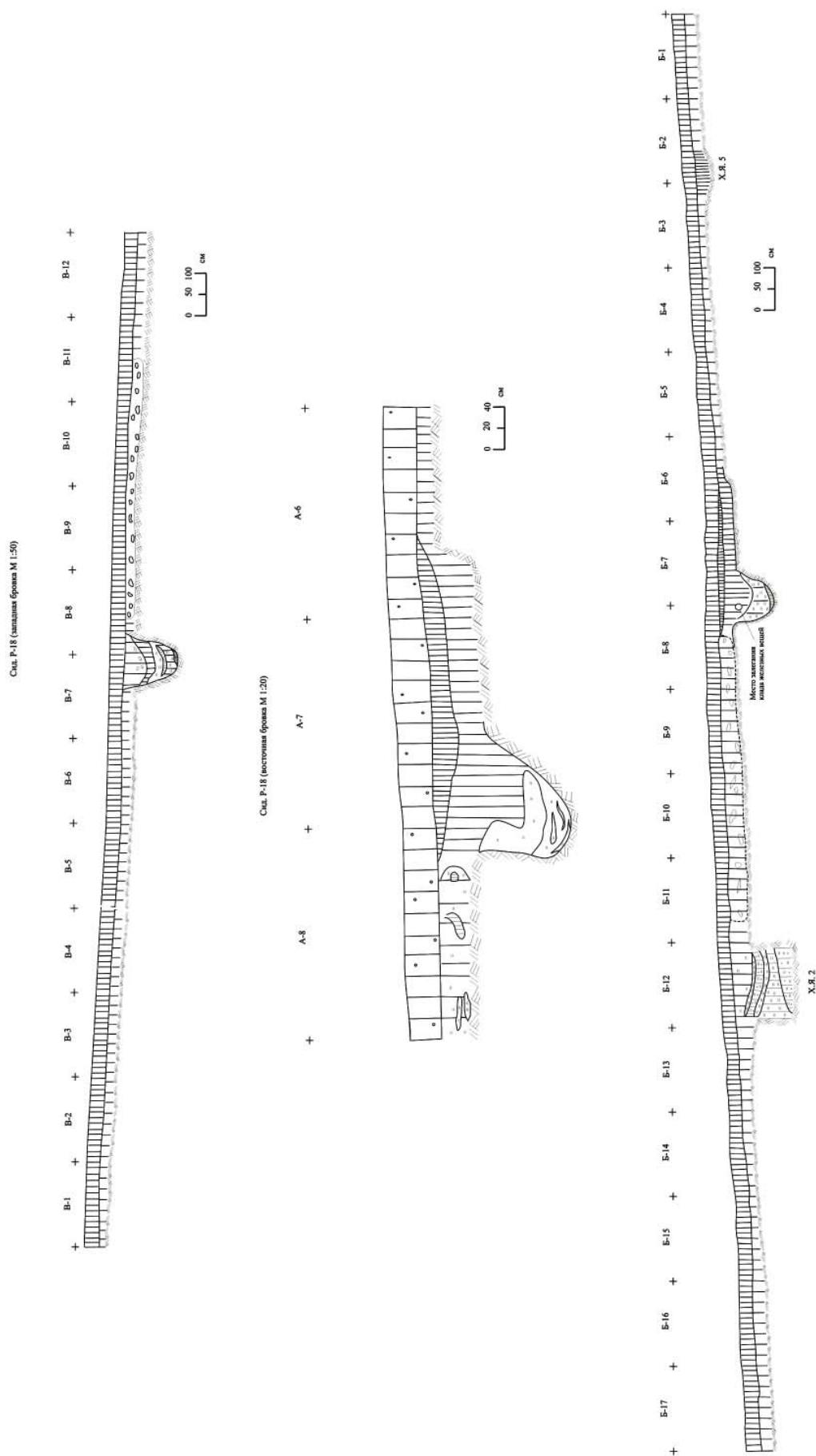

Рис. 71. Разрезы бровок на раскопе 18 (2012).

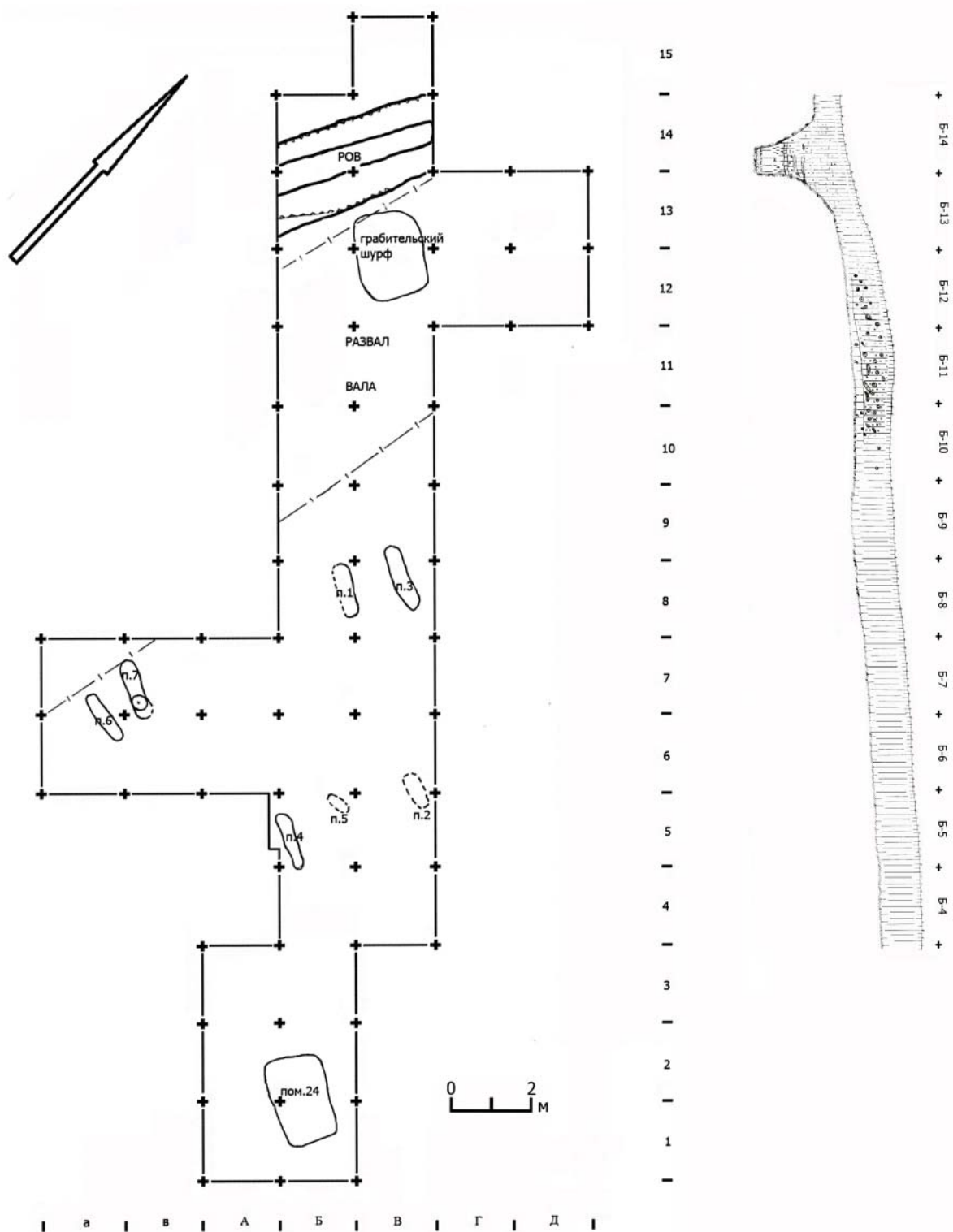

Рис. 72. Общий план раскопа 19. Разрез по восточной бровке линии квадратов Б.

Рис. 73. Участок вала внутренней линии укреплений, сохранившийся на площадке городища, к северо-востоку от раскопа 18.

Рис. 74. Уступ на восточном склоне городища к востоку от раскопа 18.

Рис. 75. Работы на раскопе 19 (2013). На переднем плане А.Н. Петренко производит расчистку пом.24.

Рис. 76. Остатки горелого дерева в заполнении рва внутренней линии укреплений. Раскоп 19 (2013).

Рис. 77. Раскоп 19 (2013). Разрез рва (западная бровка квадратов Б 13-14).

Рис. 78. Разрез рва и вала. Раскоп 19. Восточная бровка квадратов В 12-15.

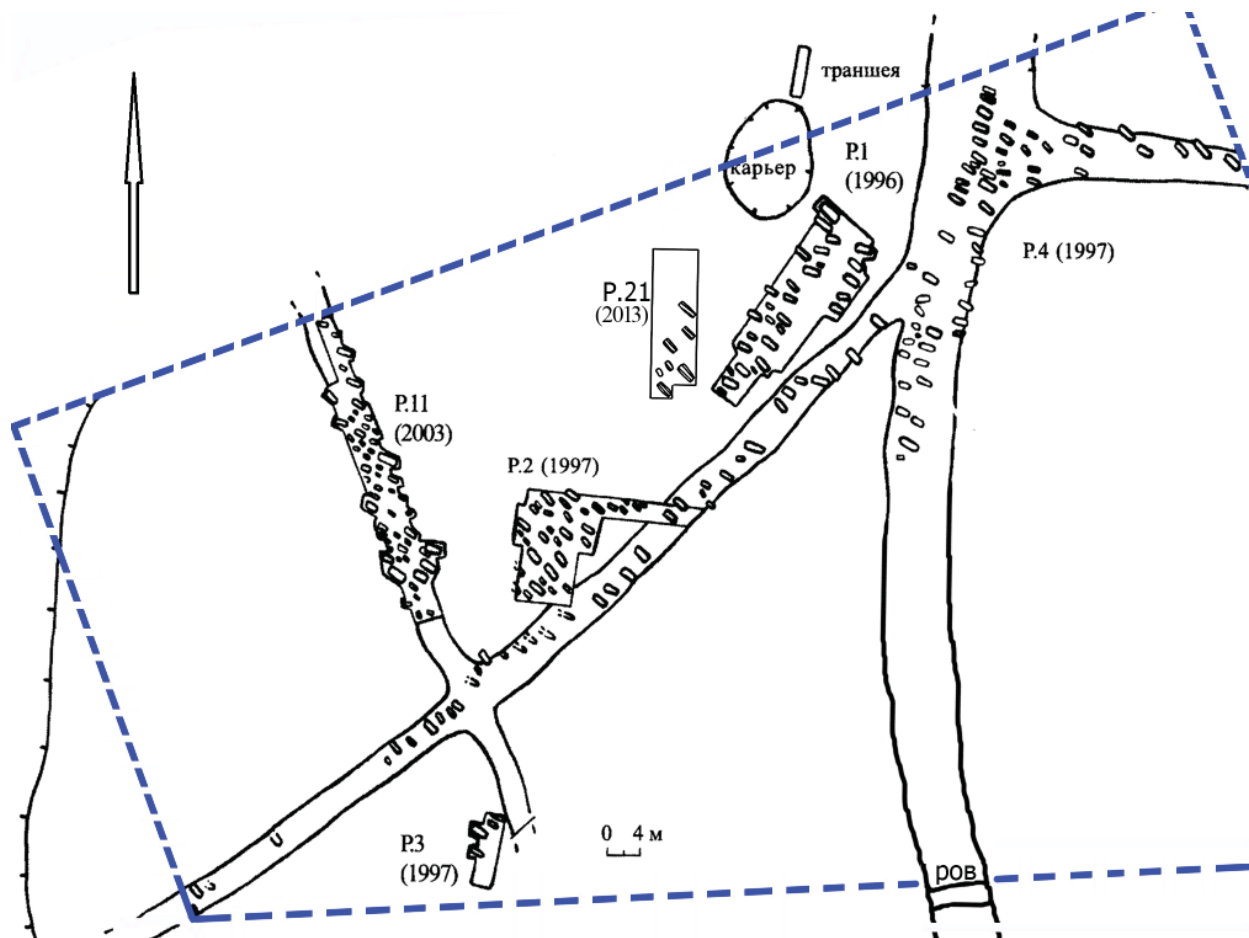

Рис. 79. Общий план могильника 1 Сидоровского археологического комплекса с раскопами.

Рис. 80. Сидорово. Могильник 1. Размытые захоронения на грунтовой дороге, идущей к хозяйственному двору (1997 г.)

Рис. 81. Разрез рва в юго-восточной части некрополя.

Рис. 82. Раскоп 21 на могильнике 1. Видна граница распространения захоронений.

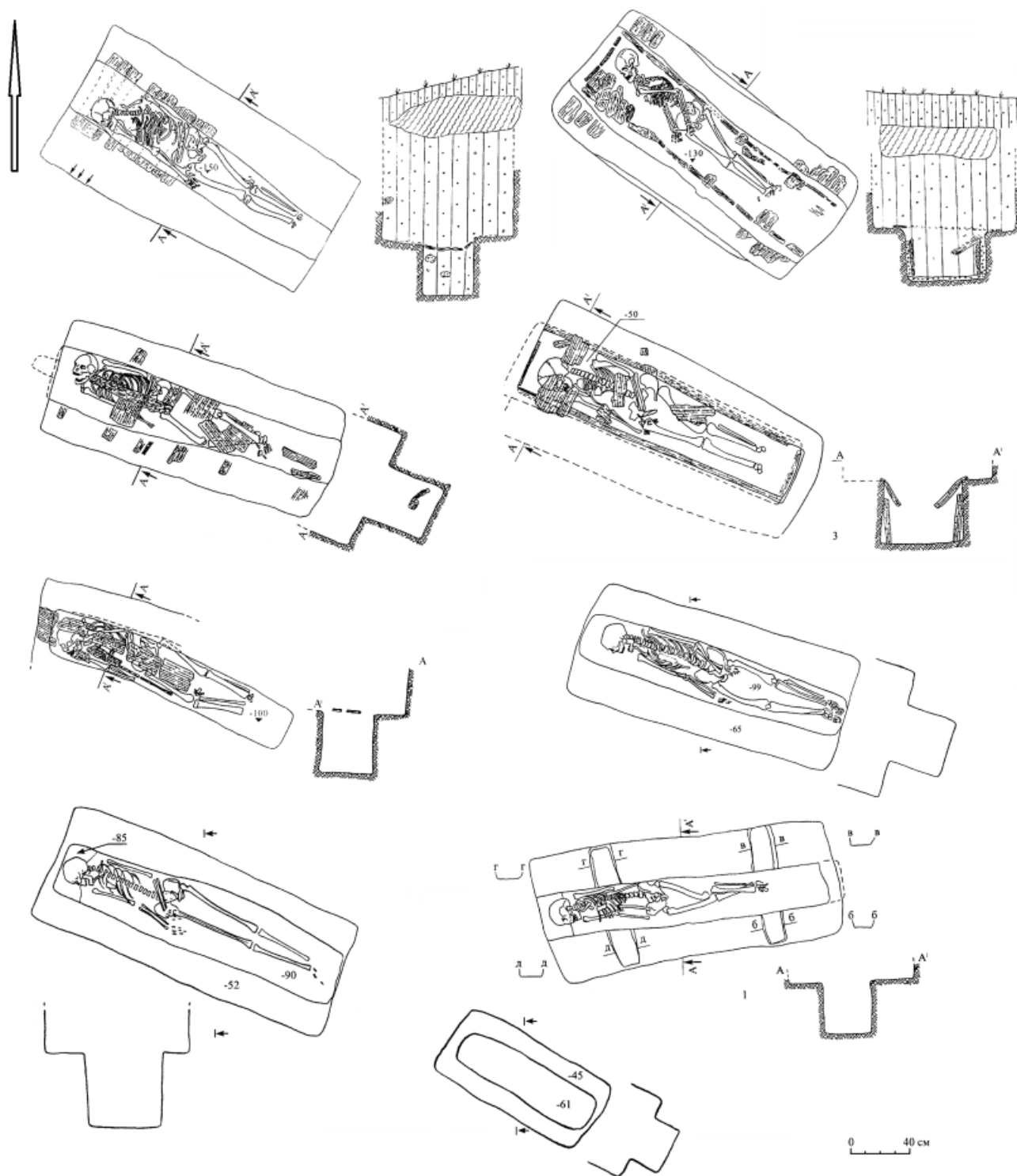

Рис. 83. Захоронения раннемусульманского могильника 1 Сидоровского археологического комплекса

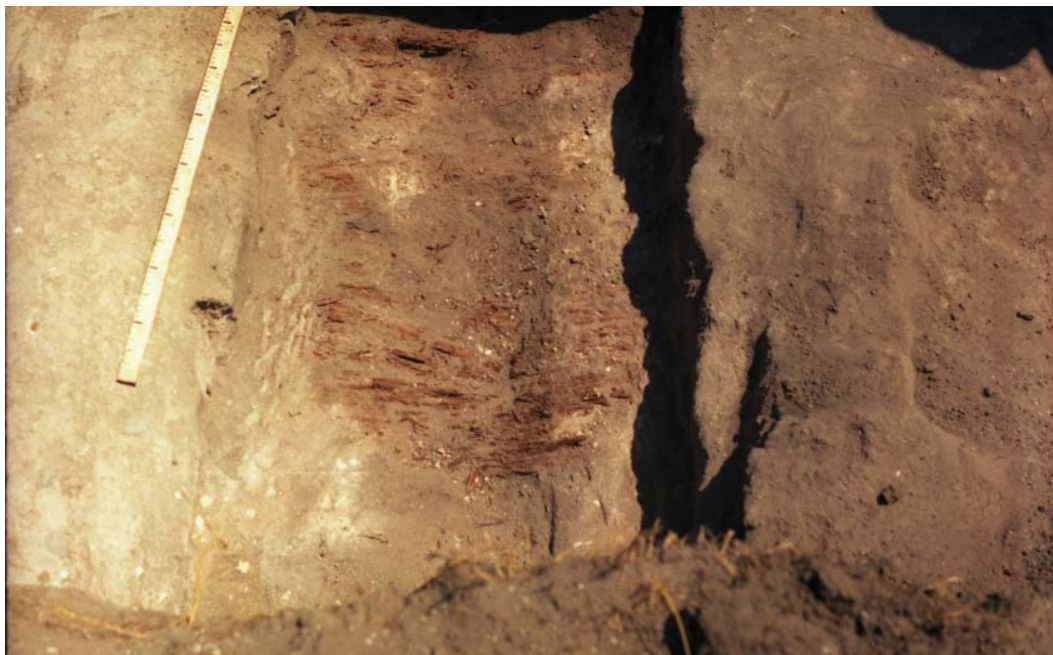

Рис. 84. Сидорово. Могильник 1. Деревянное перекрытие захоронения. Поперечные плашки.

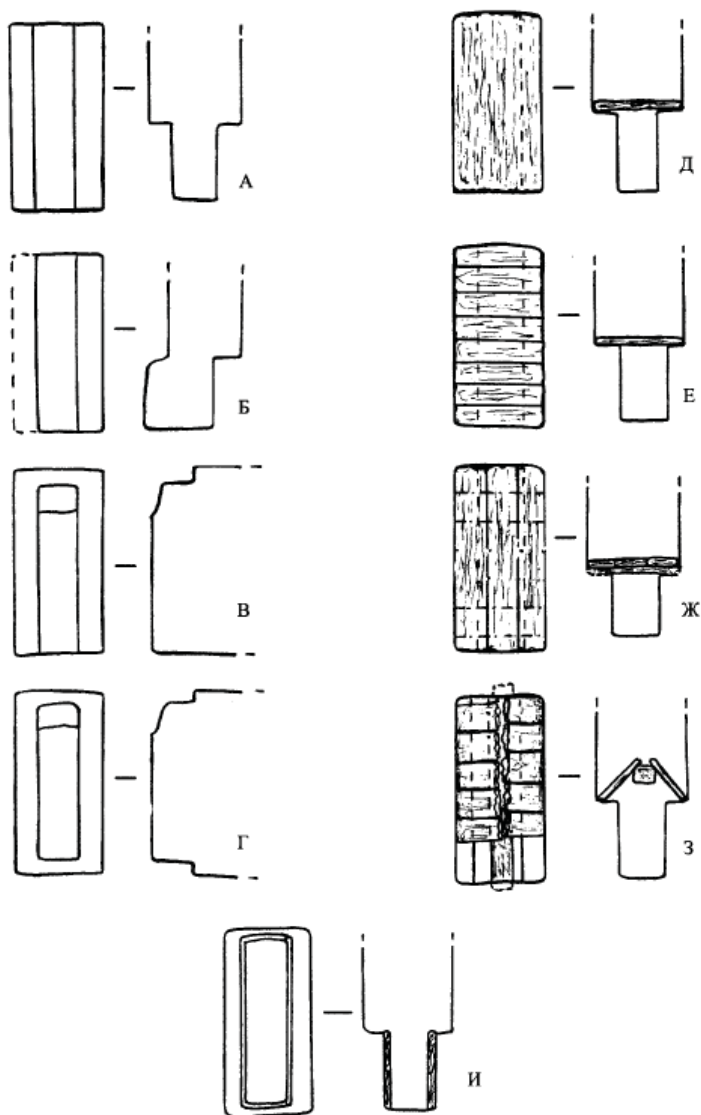

Рис. 85. Типы погребальных ям и перекрытий мусульманских могил Сидоровского комплекса. А-Г – погребальные сооружения: А-яма с заплечиками; Б-подбой; В-заплечики вдоль трех стенок ямы; Г-заплечики вдоль четырех стенок ямы.

Д-З – виды перекрытий: Д- продольные доски; Е - поперечные плашки; Ж- продольные доски на поперечных плашках; З – шатровое. И-ямы с гробовищами

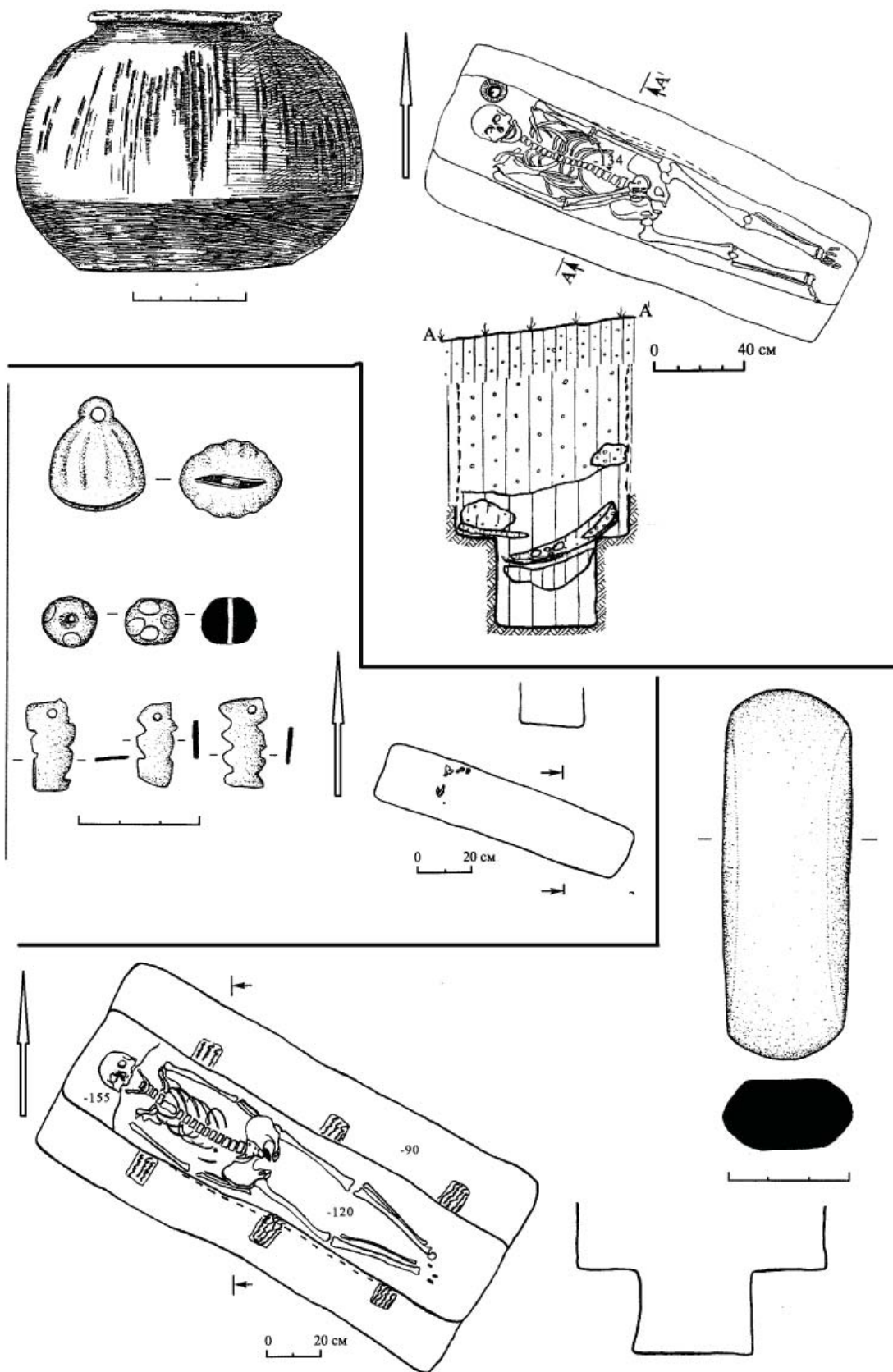

Рис. 86. Инвентарные захоронения могильника 1

Рис. 87. Погребение 28 могильника 1 археологического комплекса у с. Сидорово

Рис. 88. Погребение 105. Покойник уложен на бок

Рис. 89. Погребение 106 могильника 1

Рис. 90. Погребение 210. Лицо покойника развернуто к северу.

Рис. 91. Погребение 213. Полуразворот на правый бок

Рис. 92. Погребение 212. Покойник был уложен лицом кверху

Рис. 93. Погребение 212. Меловая подсыпка (подушка) под черепом погребенного.

Рис. 94. Погребение 16 с разрушенной верхней частью скелета

Рис. 95. Погребение 209. По положению костей скелета видно, что покойник подвергался пеленанию

Рис. 96. Могильник 3. Погребение 10(2) раскопа 19

Рис. 97. Могильник 3. Погребение 11 (3)

Рис. 98. Погребение 12 (4) раскопа 19.

Рис. 100. Могильник 3. Погребение 14 (6)

Рис. 99. Жернов от ручной мельницы над погребением 14 (6). Судя по уровню залегания, он лежал на уровне древней дневной поверхности.

Рис. 101. Могильник 3. Погребение 15 (7). Произведено с соблюдением мусульманских канонов

Рис. 102. Погребение 1 могильника 4

Рис. 103. Погребение 2 могильника 4. Ноги в коленных суставах были связаны

Рис. 104. Погребение 4 могильника 4. Голова погребенного просела в хозяйственную яму 8

Рис. 105. Керамика из захоронений могильника 4. 1-2 – погр.1; 3-4 – погр.2; 5-6 – погр.3; 7-8 – погр.4.

Рис. 106. Погребение в хозяйственной яме 1 раскопа 7 (2002)

Рис. 107. Котлован пом.25 с находящимися в его засыпке захоронениями 5 и 6

Рис. 108. Раскоп 20, пом.25. Фото погребения 5. Хорошо виден уровень пола постройки и уровень, на каком по отношению к нему залегает погребение

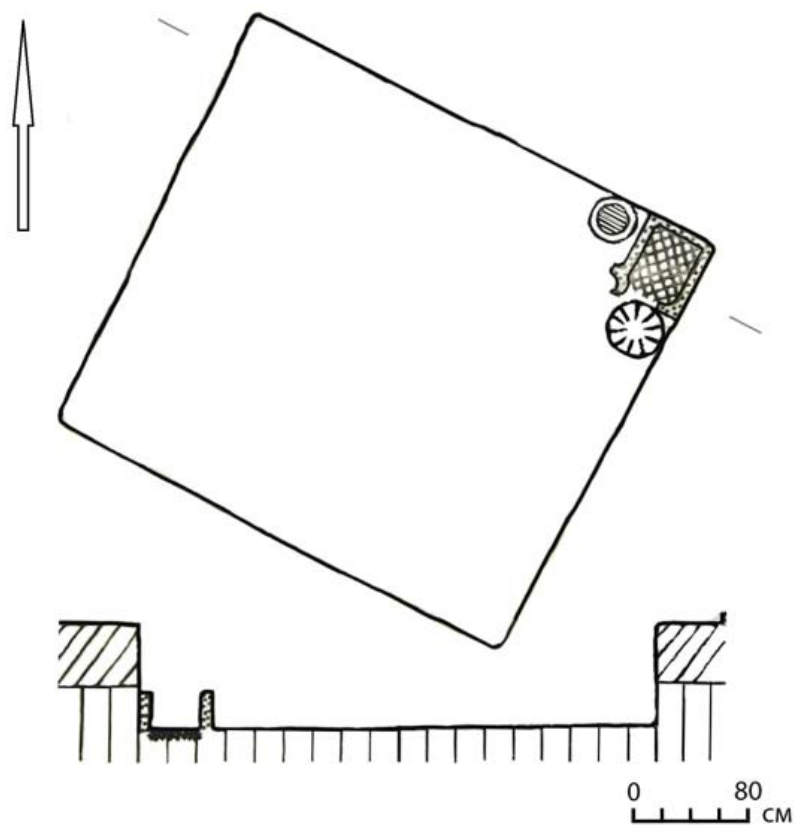
Рис. 109. Помещение 11 с погребением

Рис. 110. Захоронение в слое раскопа 5 (2001).

Рис. 111. Мусульманское погребение в слое раскопа 9.

1

2

Рис. 112. 1-план помещения, раскопанного В.К.Михеевым в 1971 г. (по Михеев В.К., 1971, Табл.V, 1); 2- горн 1 в помещении 3.

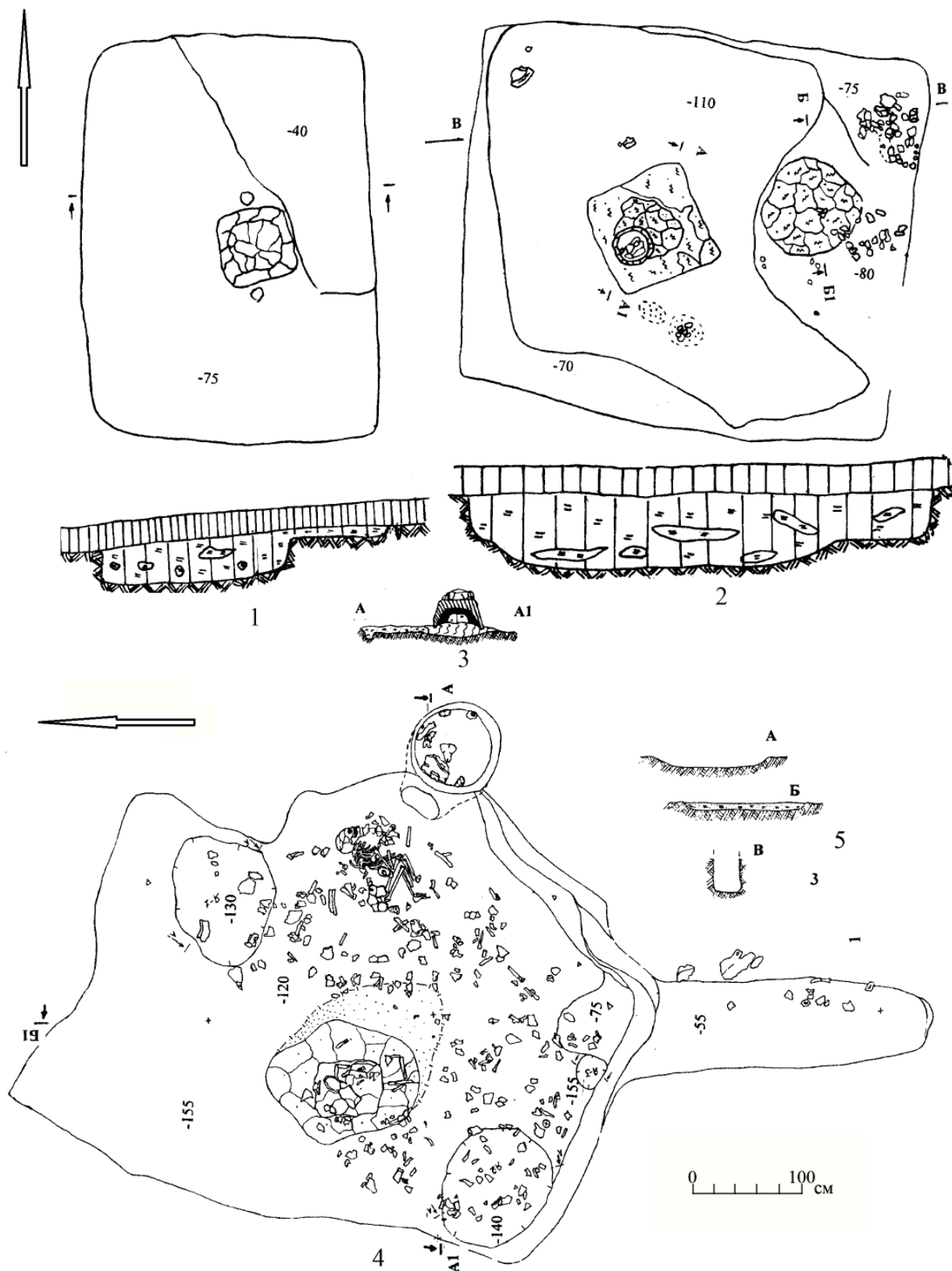

Рис. 113. Постройки Сидоровского комплекса. 1-пом.2; 2-пом.4; 3-разрез очага пом.4; 4-пом.3; 5-разрезы очага и ям пом.3.

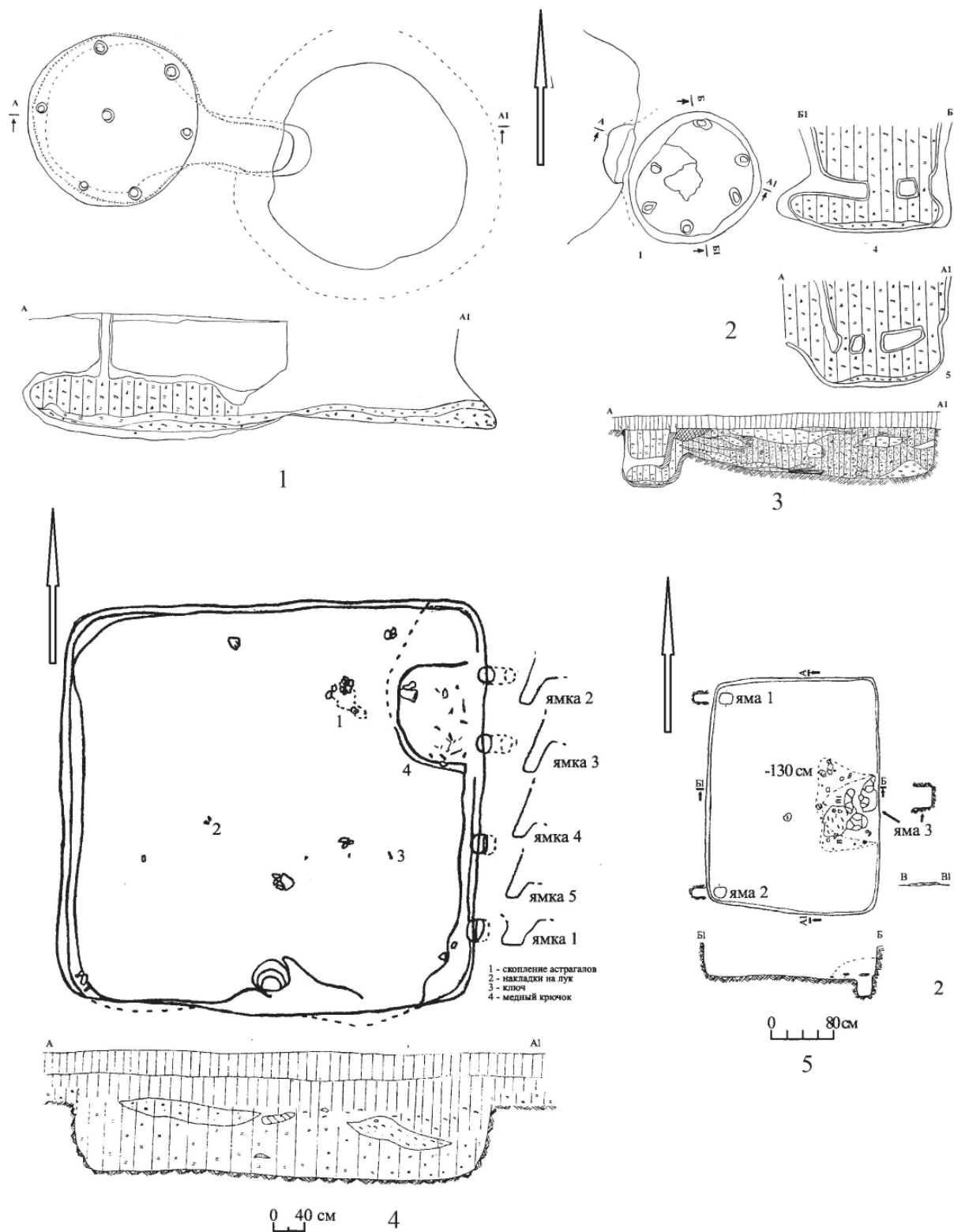

Рис. 114. Постройки и горны гончарной мастерской археологического комплекса у с. Сидорово. 1-горн 2; 2-горн 1; 3-разрез помещения 3 с горном; 4-пом.5; 5-пом.6.

Рис. 115. Помещение 5.

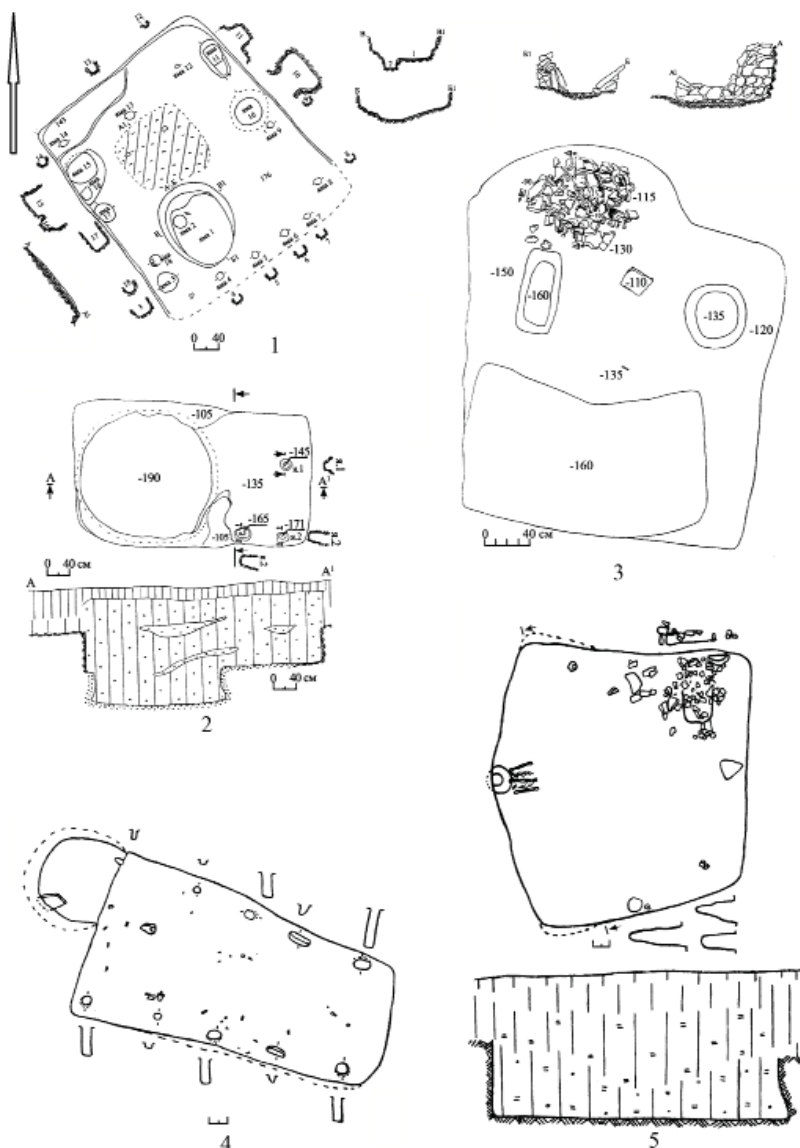

Рис. 116. Котлованы построек археологического комплекса у с. Сидорово. 1-пом. 7; 2-пом. 9; 3-пом. 8; 4-пом.10; 5-пом. 11

Рис. 117. Помещение 8.

Рис. 118. Помещение 7. Видны ямки от стены из жердей у выхода котлована на древнюю дневную поверхность.

Рис. 119. Помещение 10.

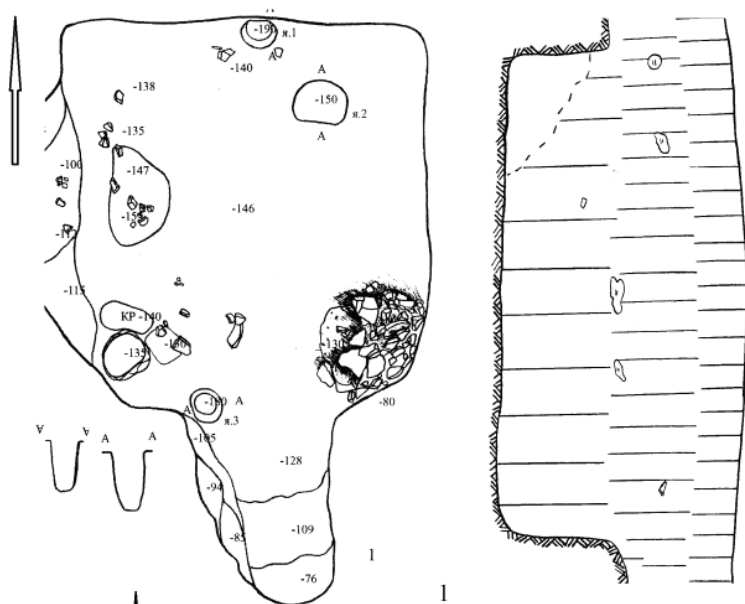

Рис. 120. Полуземлянки Сидоровского комплекса.
1-пом.13; 2-пом.12.

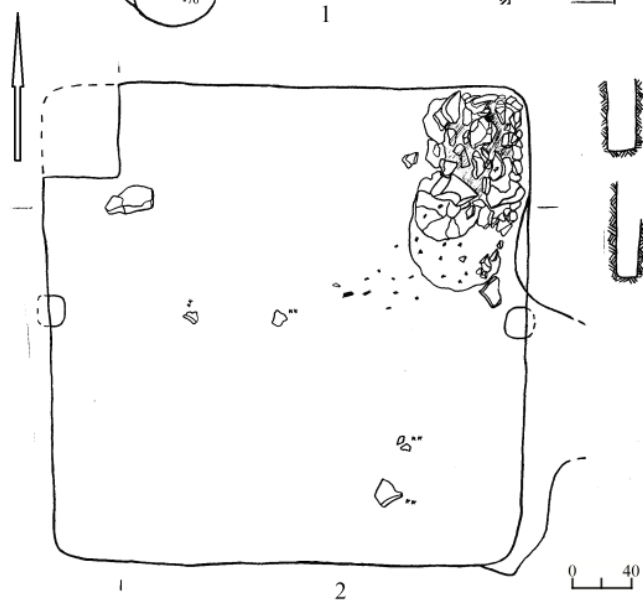
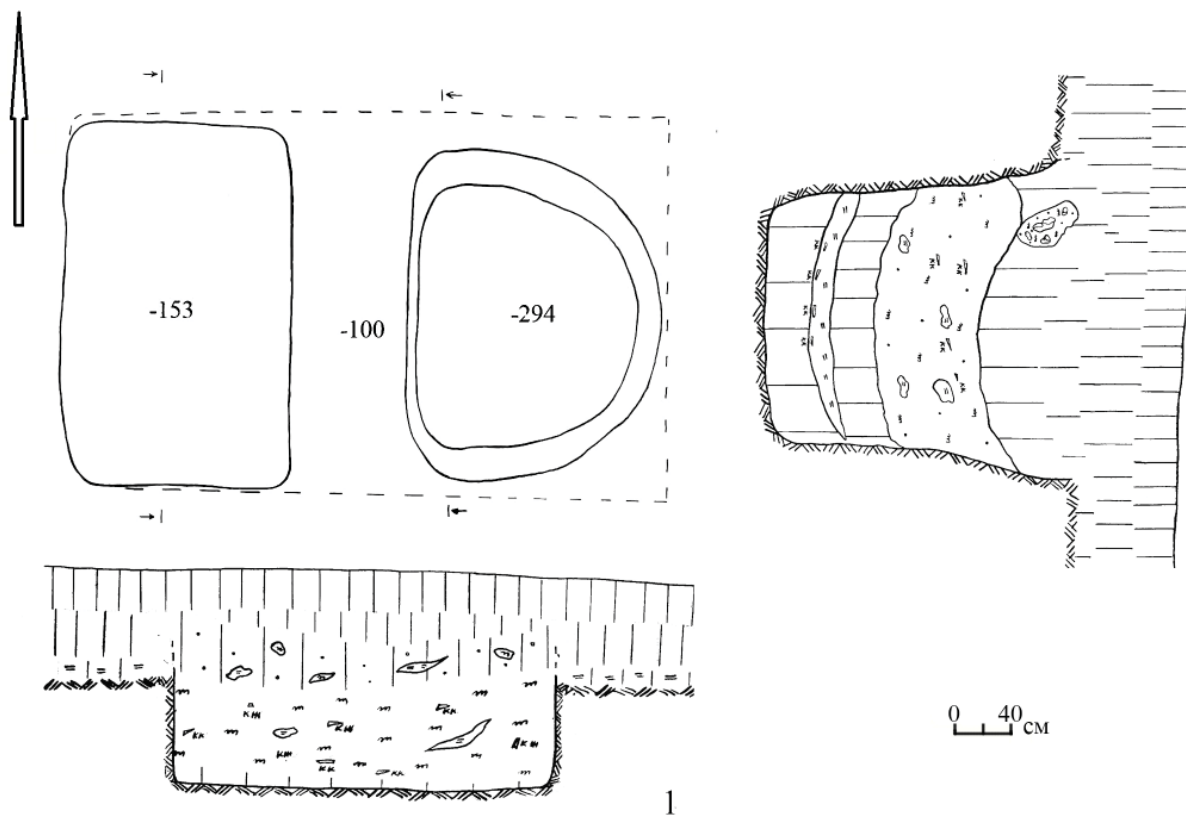

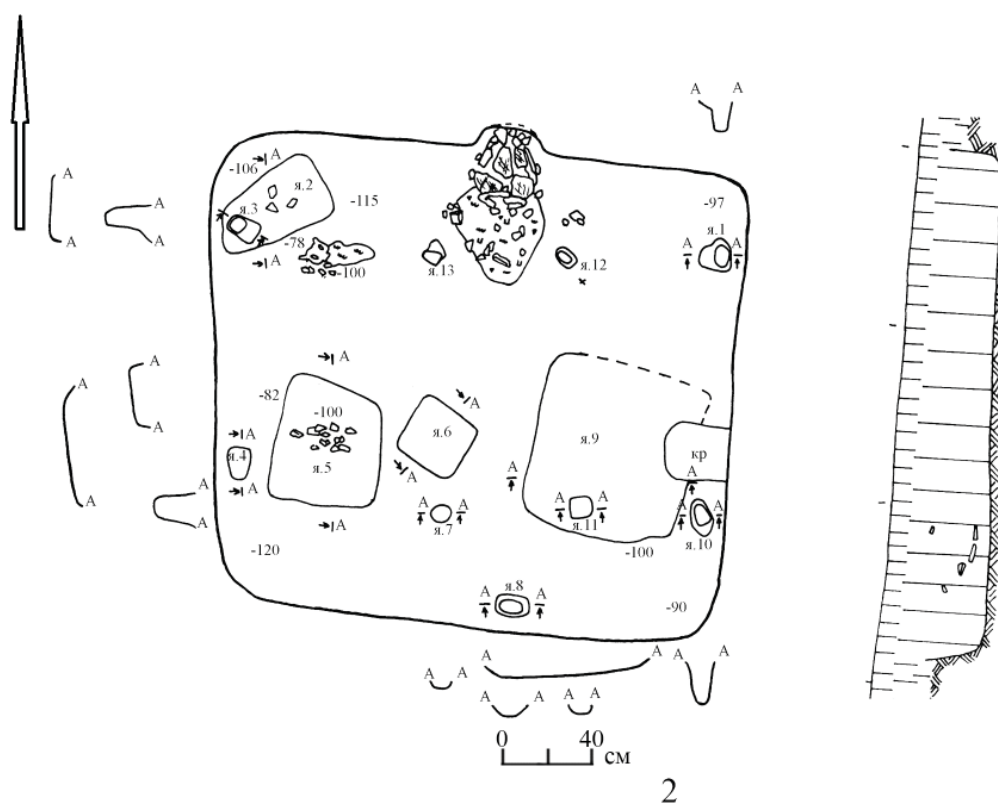
Рис. 121. Помещение 12.

Рис. 122. Печь-каменка помещения 13.

1

2

Рис. 123. Постройки Сидоровского археологического комплекса. 1-пом.14; 2-пом.15.

Рис. 124. Помещение 15. Вид с северо-востока.

Рис. 125. Отопительное сооружение помещения 15. Вмурованный в стену пифос, который использовался в качестве печи.

Рис. 126. Помещение 16. Вид с северо-восточного угла раскопа.

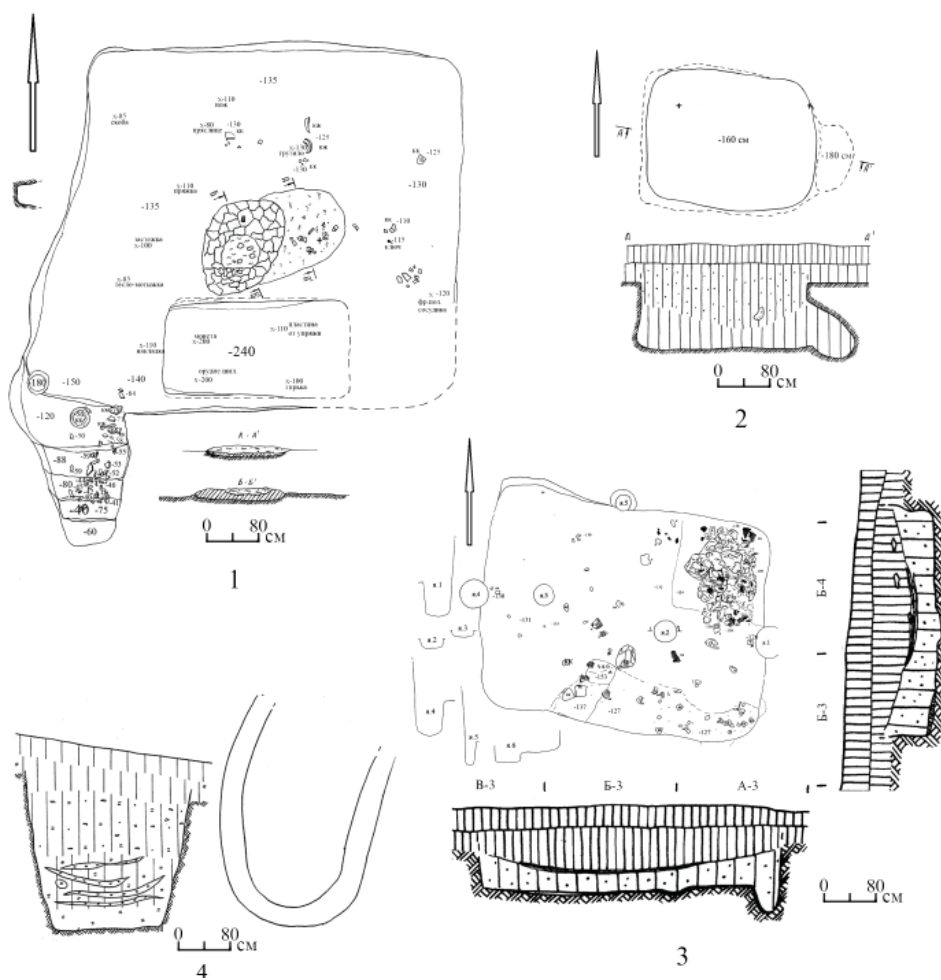

Рис. 127. Комплексы выявленные при раскопках памятника у с. Сидорова. 1-пом.16; 2-пом.18; 3-пом.17; 4-хоз. яма 7 раскопа 7.

Рис. 128. Хозяйственное помещение 18.

Рис. 129. Помещение 19. Вид с юга.

Рис. 130. Развал печи помещения 19.

Рис. 131. Пом.17. Вид с запада.

Рис. 132. Печь-каменка в помещении 17

Рис. 133. Помещение 23. Вид с запада

Рис. 134. Глинобитная печь помещения 23.

Рис. 135. Печь-каменка помещения 25.

Рис. 136. Хозяйственные ямы 5 и 6 раскопа 16 (2011).

Рис. 137. Раскоп 20. Хозяйственная яма 5

Рис. 138. Раскоп 20. Хозяйственная яма 6.

Рис. 139. Раскоп 20. Хозяйственная яма 7. На борке хорошо читается профиль верхней части ямы.

Рис. 140. Раскоп 20. Хозяйственная яма 8. Видна стратиграфия: погребение 4 прорезало хозяйственную яму.

Рис. 141. Раскоп 20. Хозяйственные ямы 7-8 и погребение 4.

Рис. 142. Хозяйственная яма в помещении 9

Рис. 143. 1-раскоп 9, хоз. яма 18; 2-р.16, хоз. яма 9; 3-р.9, хоз. яма 17; 4-р.16, хоз. яма 11

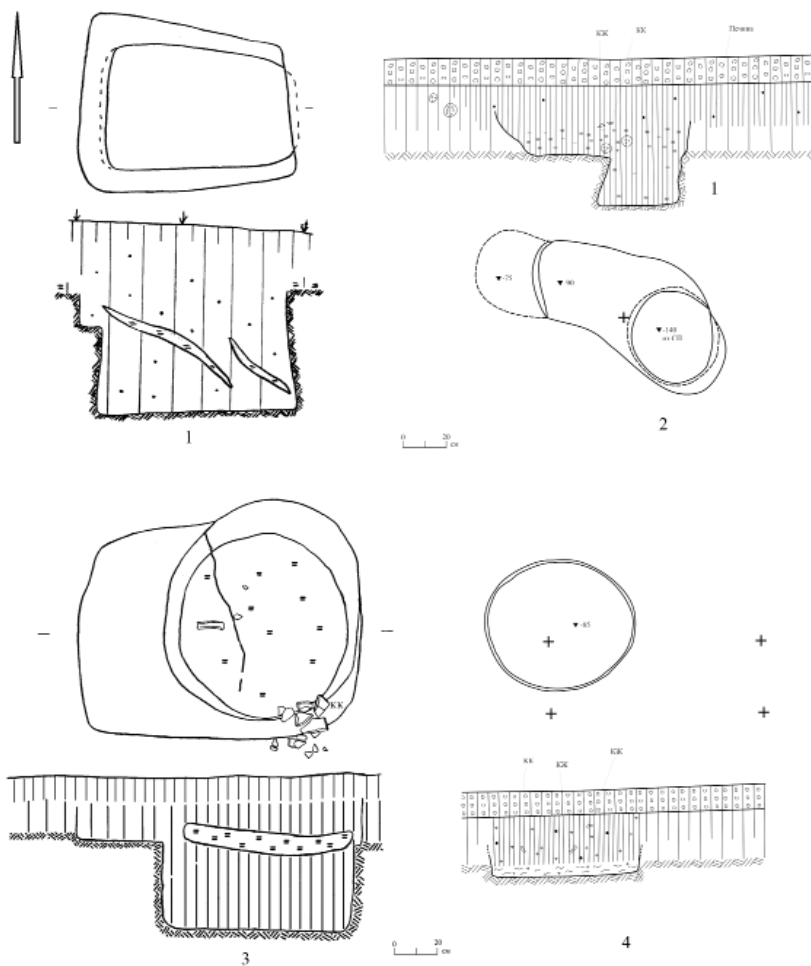

Рис. 144. Раскоп 16. Хозяйственная яма 9.

Рис. 145. Раскоп 16. Хозяйственная яма 2.

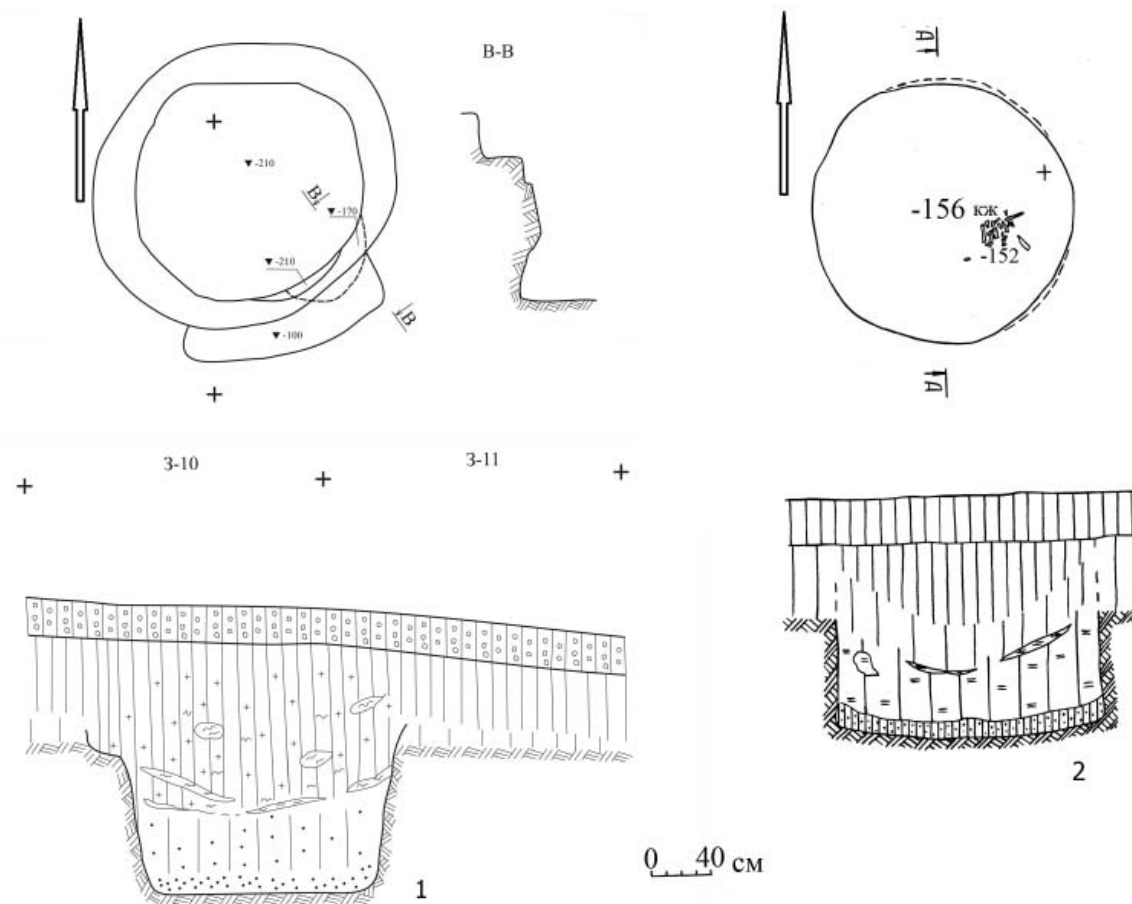

Рис. 146. Раскоп 16. Хоз.ямы. Планы и разрезы. 1-хоз.яма 10; 2-хоз.яма 2

Рис. 147. Раскоп 9. Хозяйственная яма 17. Разрез.

Рис. 148. Прямоугольная яма в помещении 16.

Рис. 149. Раскоп 16. Яма 1.

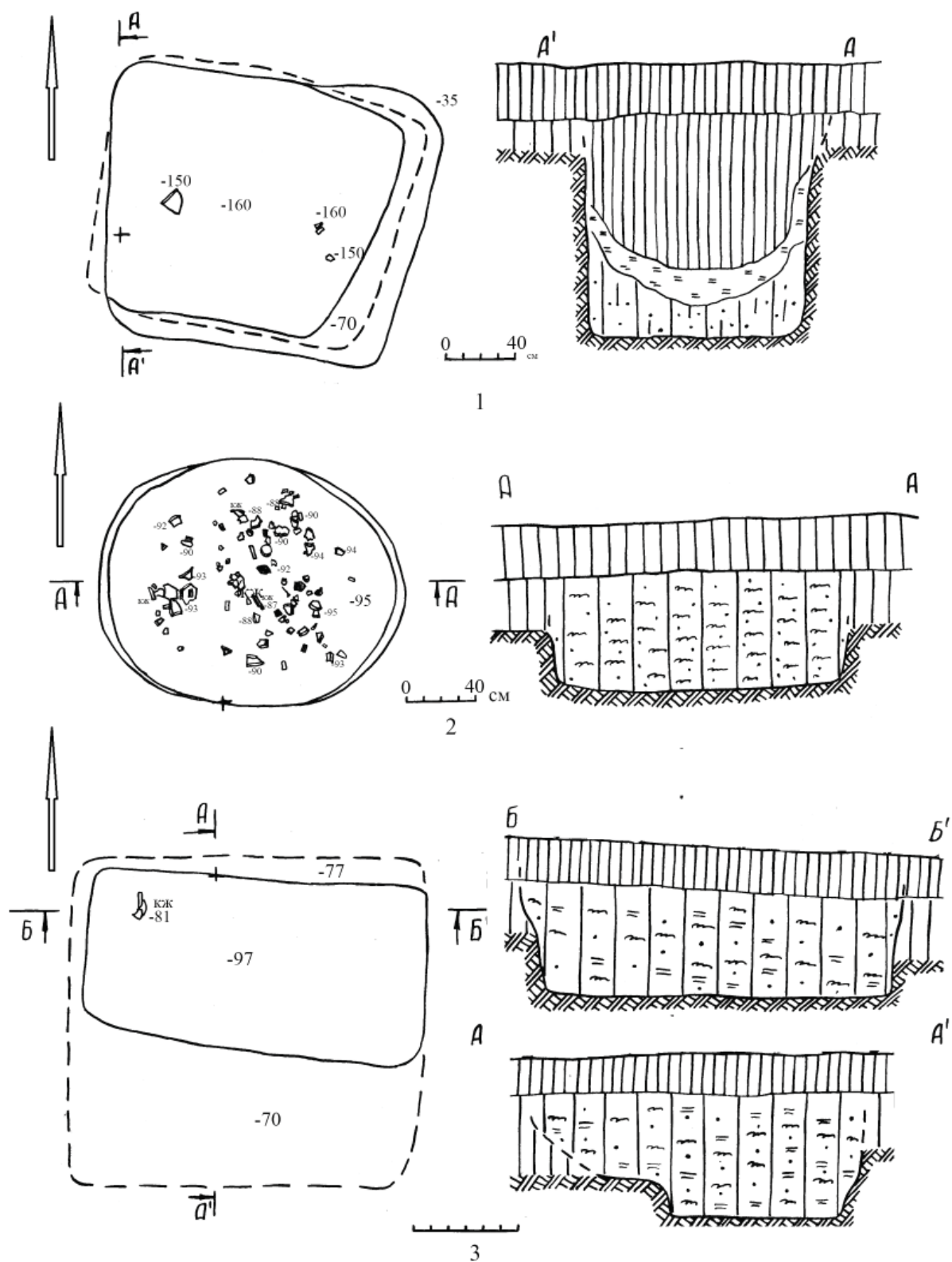

Рис. 150. Хозяйственные ямы раскопа 16: 1-яма 1; 2-яма 4; 3-яма 3.

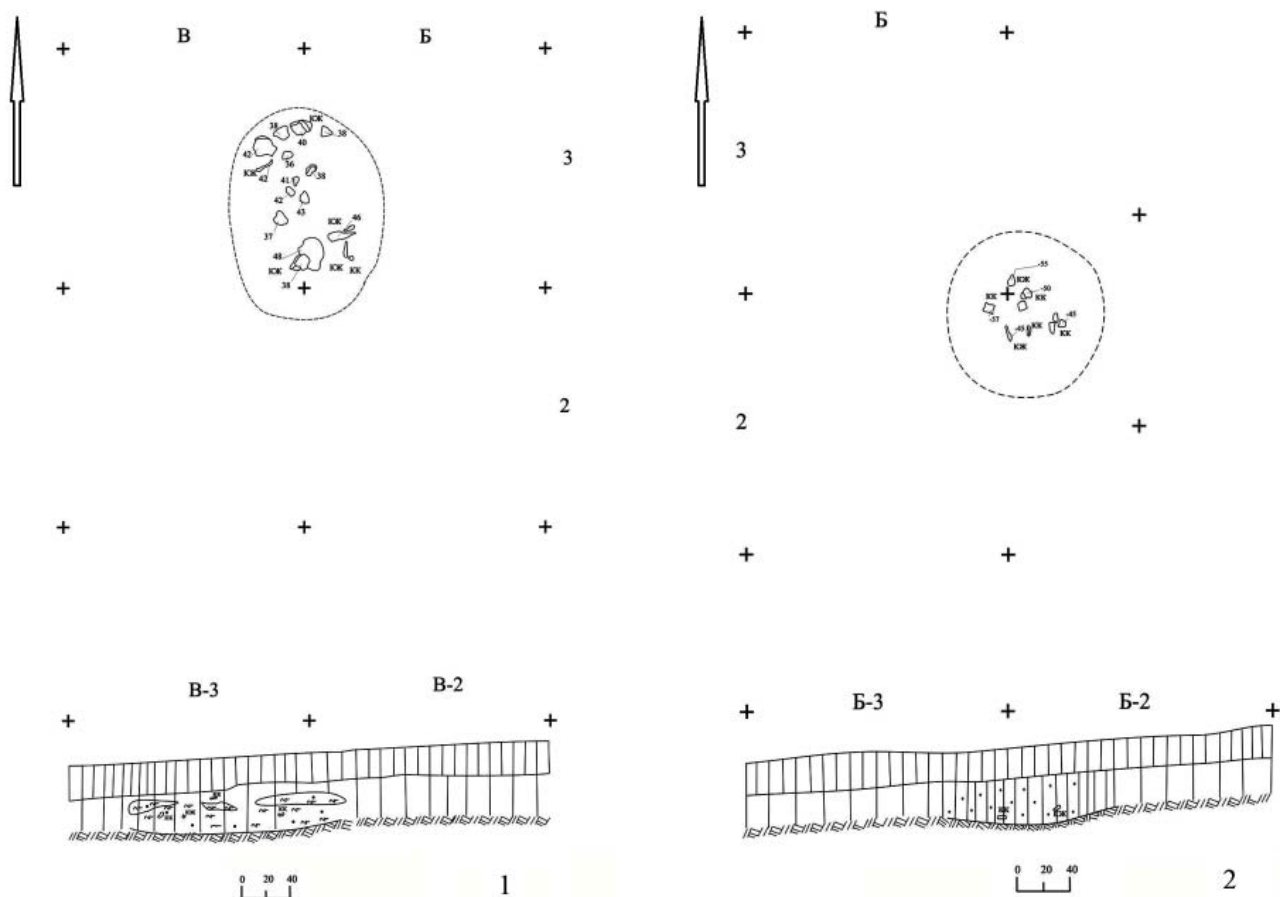

Рис. 151. Раскоп 18. 1-план и разрез хозяймы 1; 2-план и разрез хозяймы 5

Рис. 152. Раскоп 16. Хозяйственная яма 3

Рис. 153. Раскоп 16. Хозяйственная яма 4.

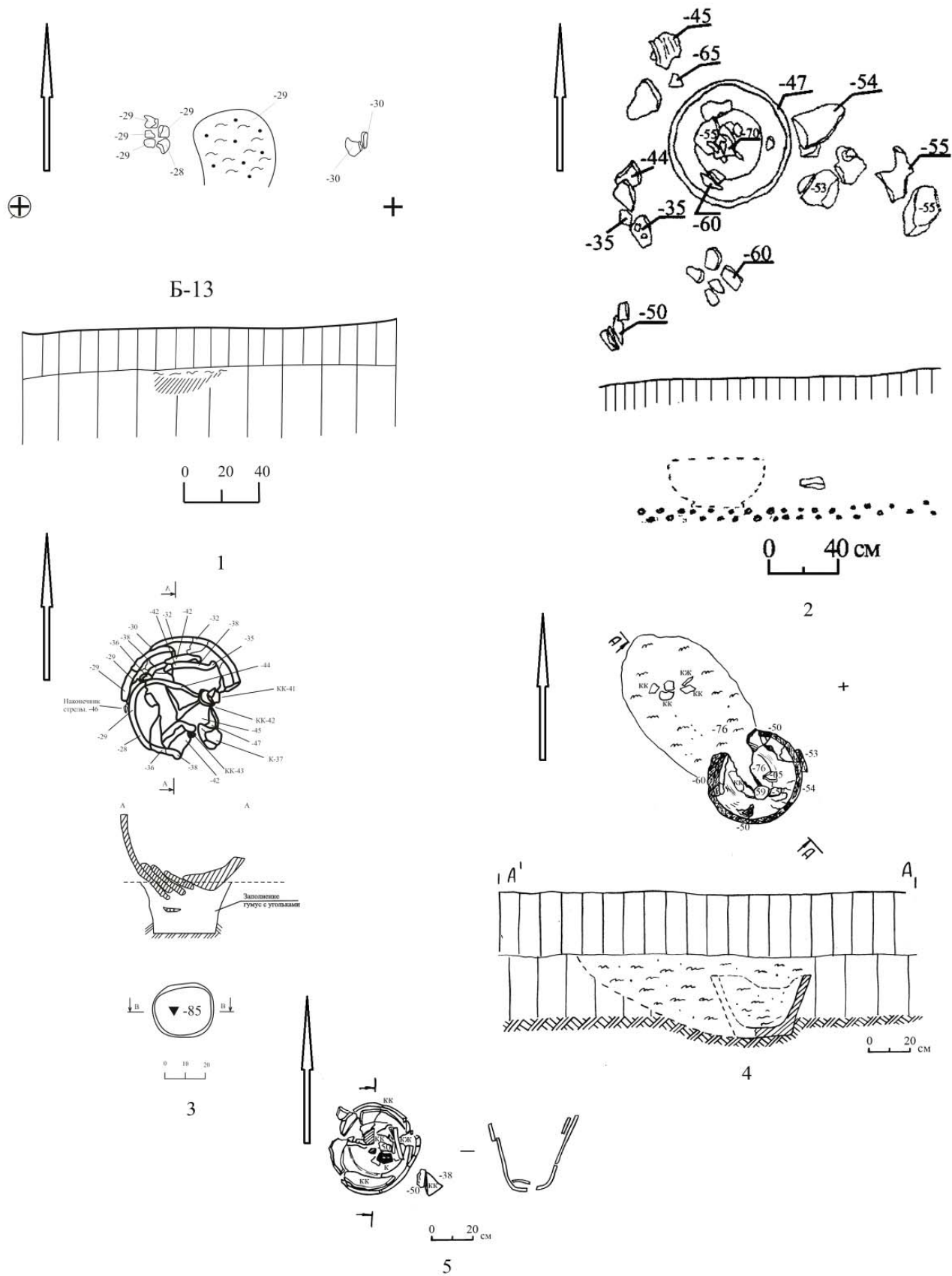

Рис. 154. 1-кострище раскопа 18; 2- скопление 1 в раскопе 10 (2003); 3-раскоп 16, комплекс 3; 4-комплекс 2 р. 16; 5-комплекс 1 р. 16.

Рис. 155. Фото комплекса 3. Раскоп 16.

Рис. 156. Раскоп 7. Нижняя часть пифоса в кв. X-8-9.

Рис. 157. Фото скопления 1 в раскопе 10 (2003)

Рис. 158. Раскоп 16. Комплекс 1

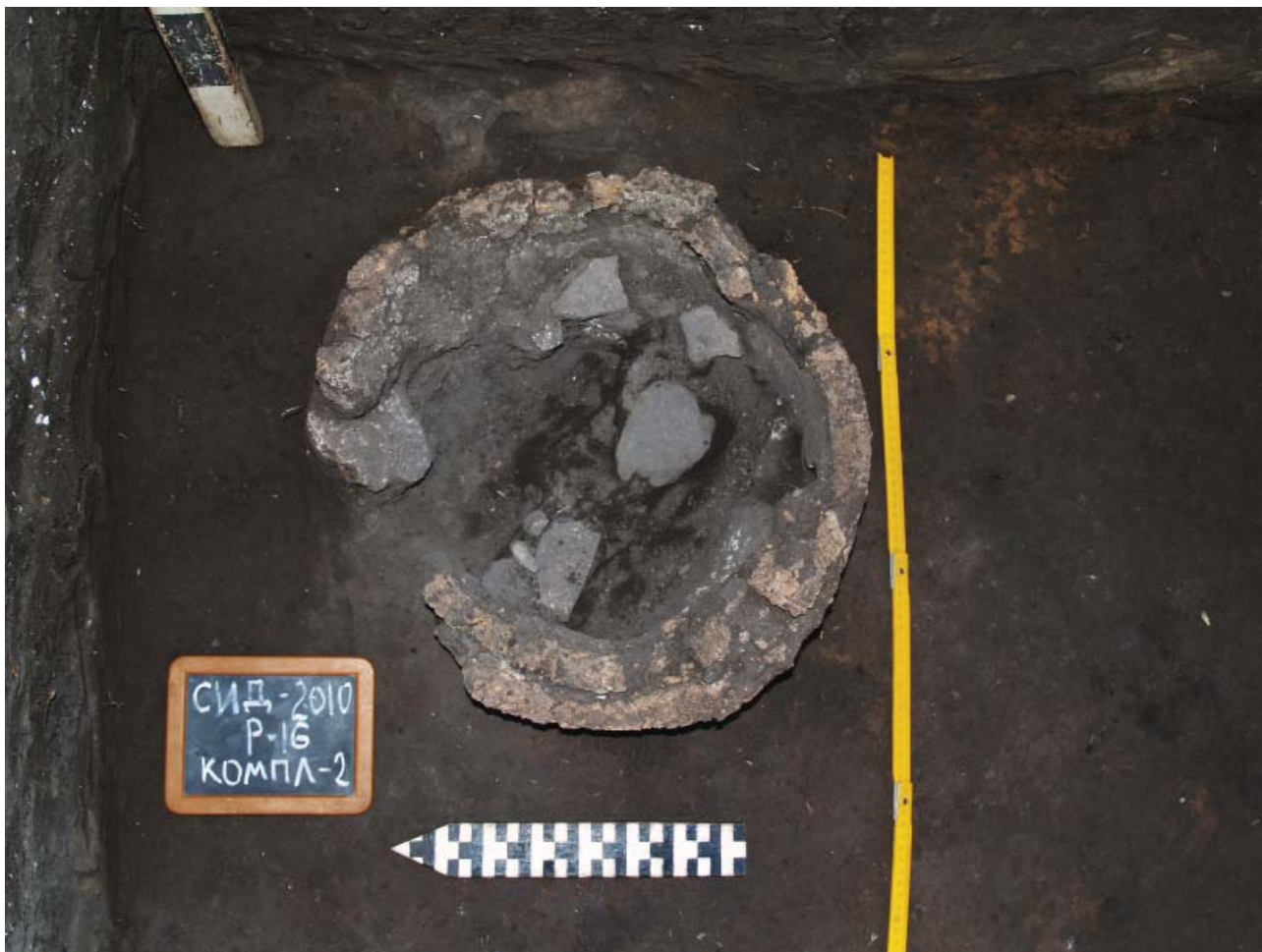

Рис. 159. Фото нижней части пифоса из комплекса 2

Рис. 160. Перевернутый вверх дном сосуд на очаге пом.4. Раскоп 2 (2000).

Рис. 161. Раскоп 2. Помещение 4. Внутренняя поверхность сосуда, который стоял на очаге постройки.

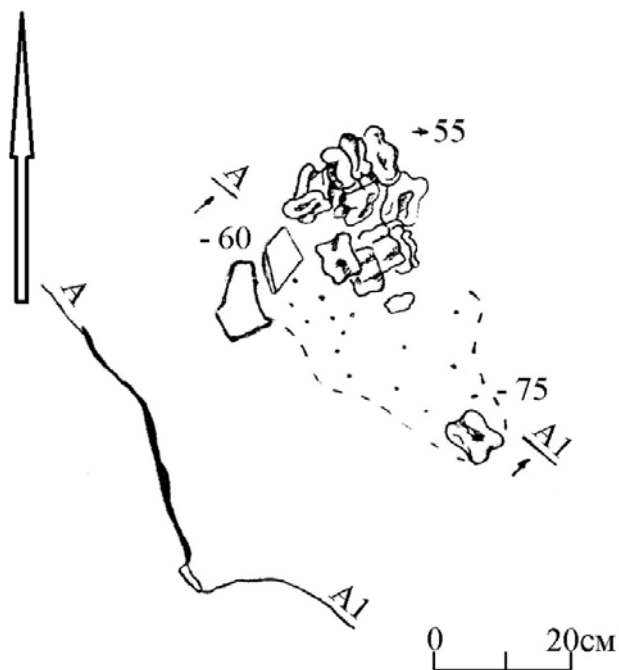

Рис. 162. Скопление астрагалов в заполнении помещения 5.

Рис. 163. Фото предметов из «клада» 1981 г., найденного на Маяцком археологическом комплексе.

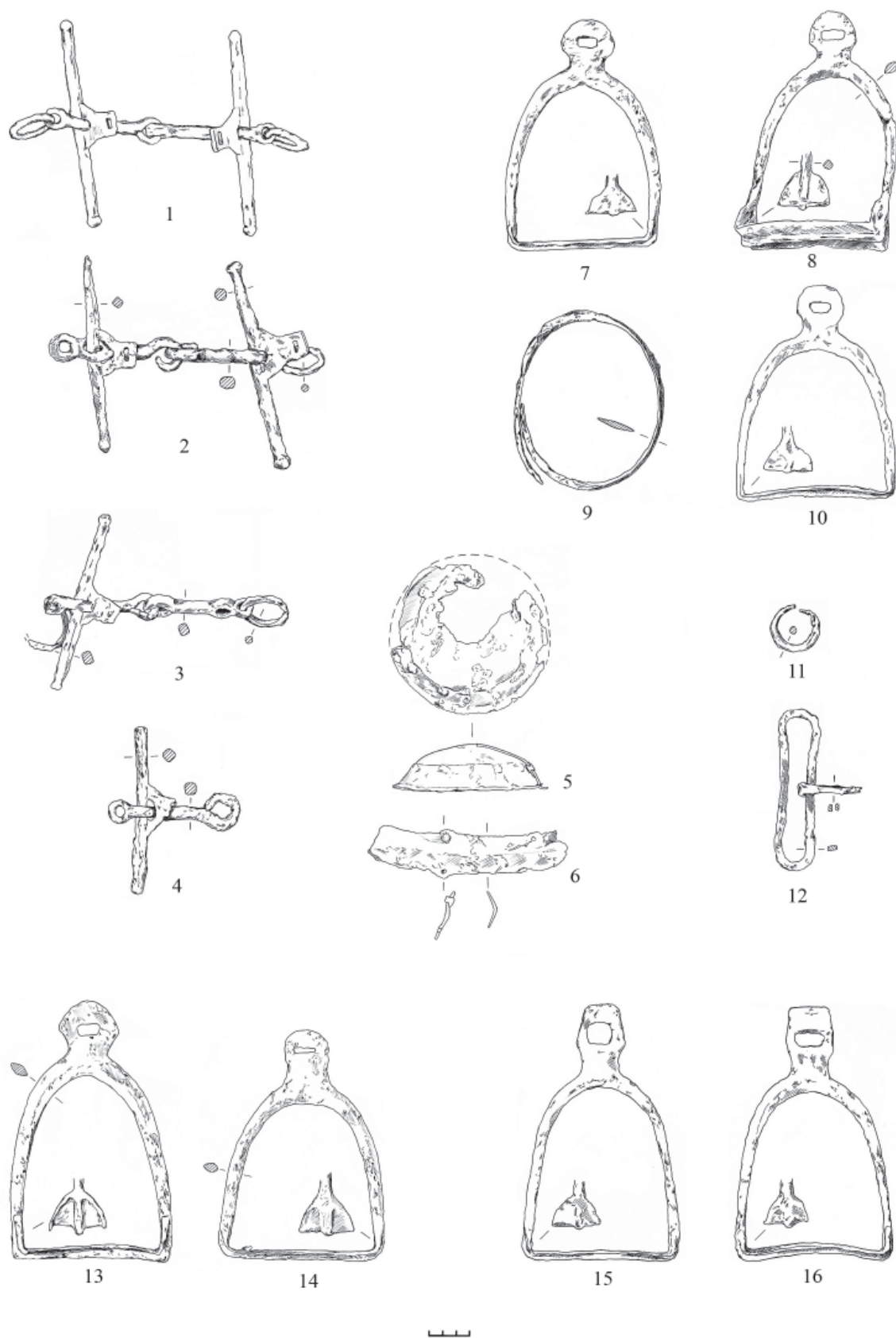

Рис. 164. Детали конской упряжи из «клада» у г. Николаевка

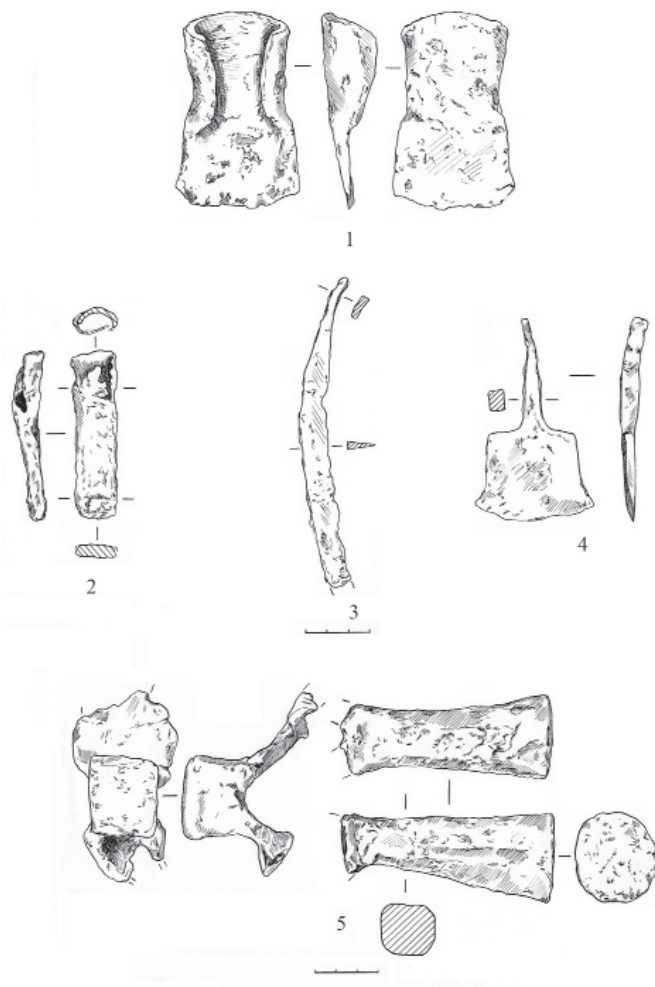
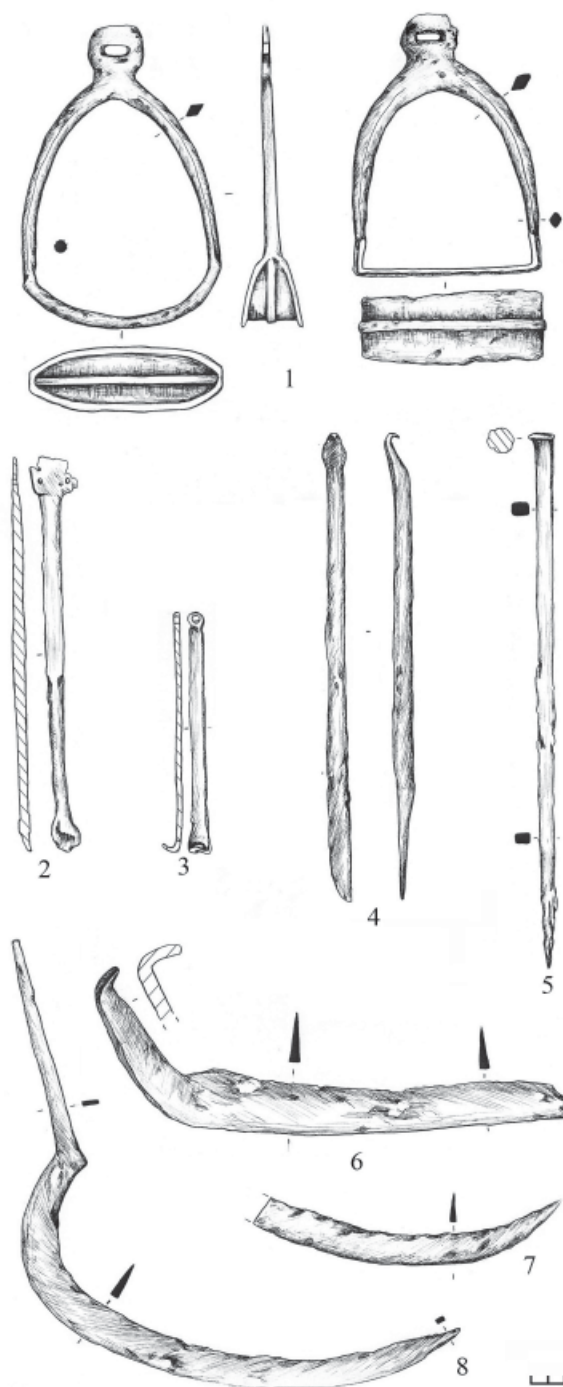
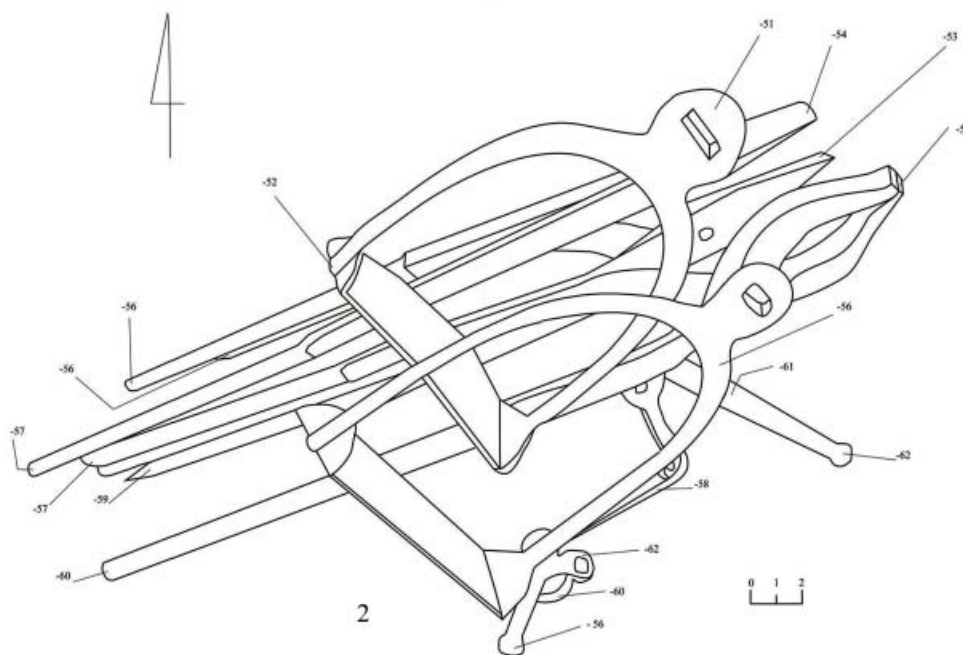

Рис. 165. Предметы из «клада» у г. Николаевка

Рис. 166. Предметы «клада» из
Теплинского леса

1

2

Рис. 167. Клад с Сидоровского городища. Фото (1) и чертеж (2) клада

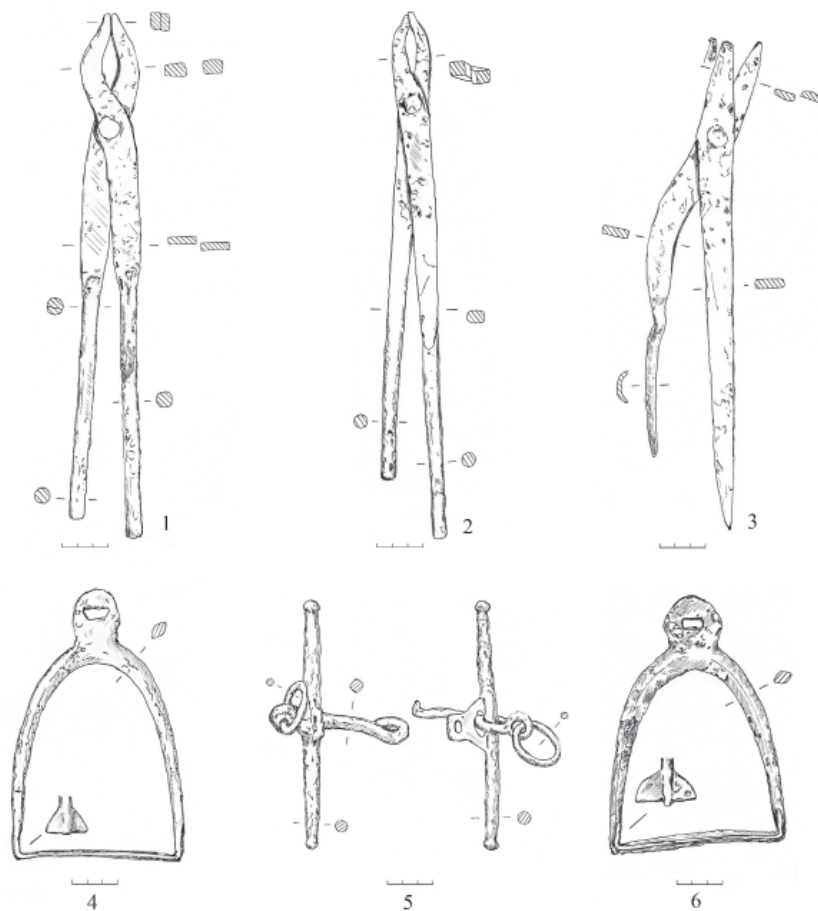
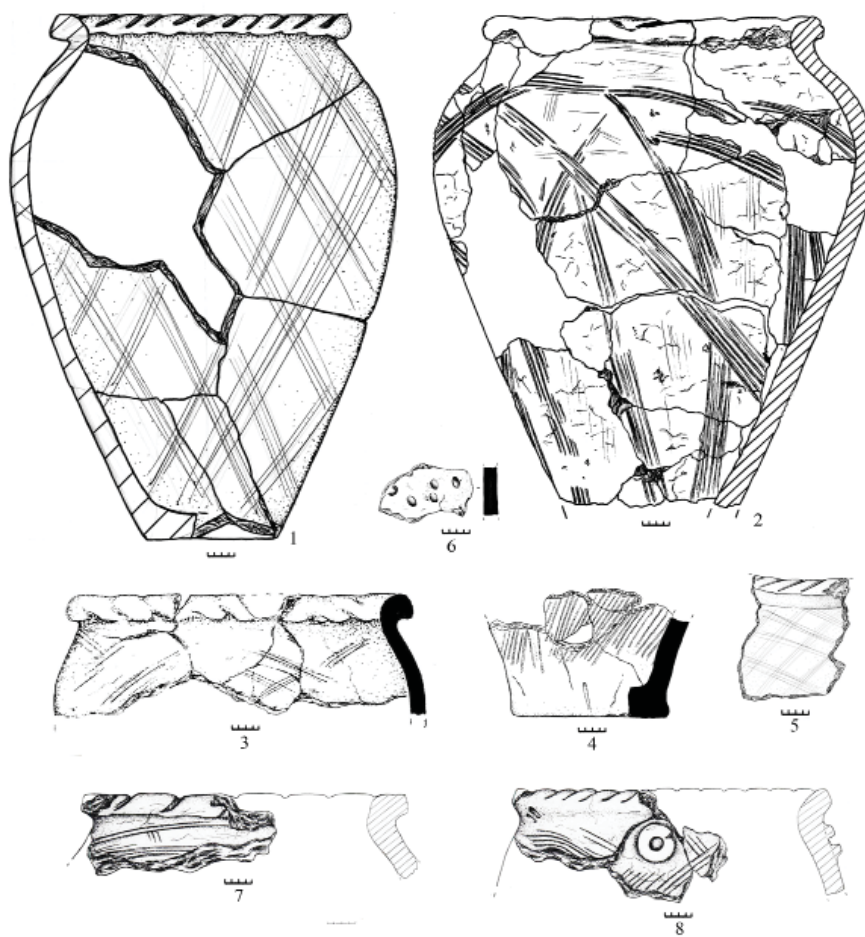
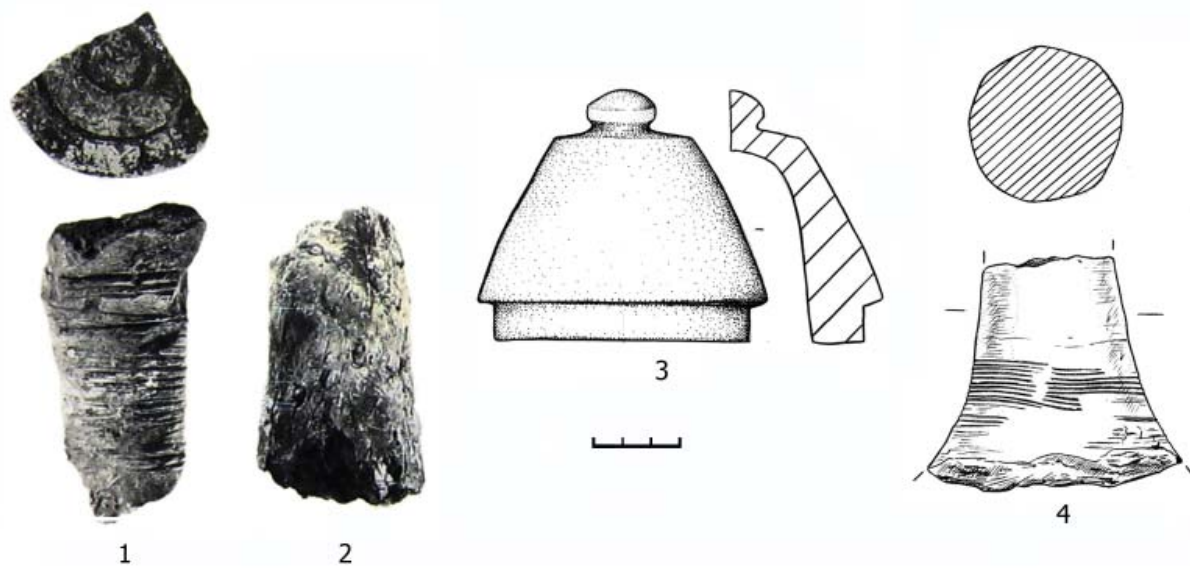

Рис. 168. Предметы из клада с Сидоровского городища

Рис. 169. Груболепные пифосы с Сидоровского археологического комплекса. 1-пом.15; 2-р.16, комплекс 3; 3-р.5, х.я. 1; 4-р.2, пом.4, очаг; 5-р.7, х.я.7, 6-р6, 7-8 – пом.3.

5

Рис. 170. Археологический комплекс у с. Сидорово. Лепная керамика. Крышки: 1-2-Михеев, 1971, П.М.;3-р.7, пом.15; 4-р.16, х.я.8; 5-фото заполнения р.18, х.я. 3. На переднем плане – фрагмент необожженной жаровни квадратной или прямоугольной формы.

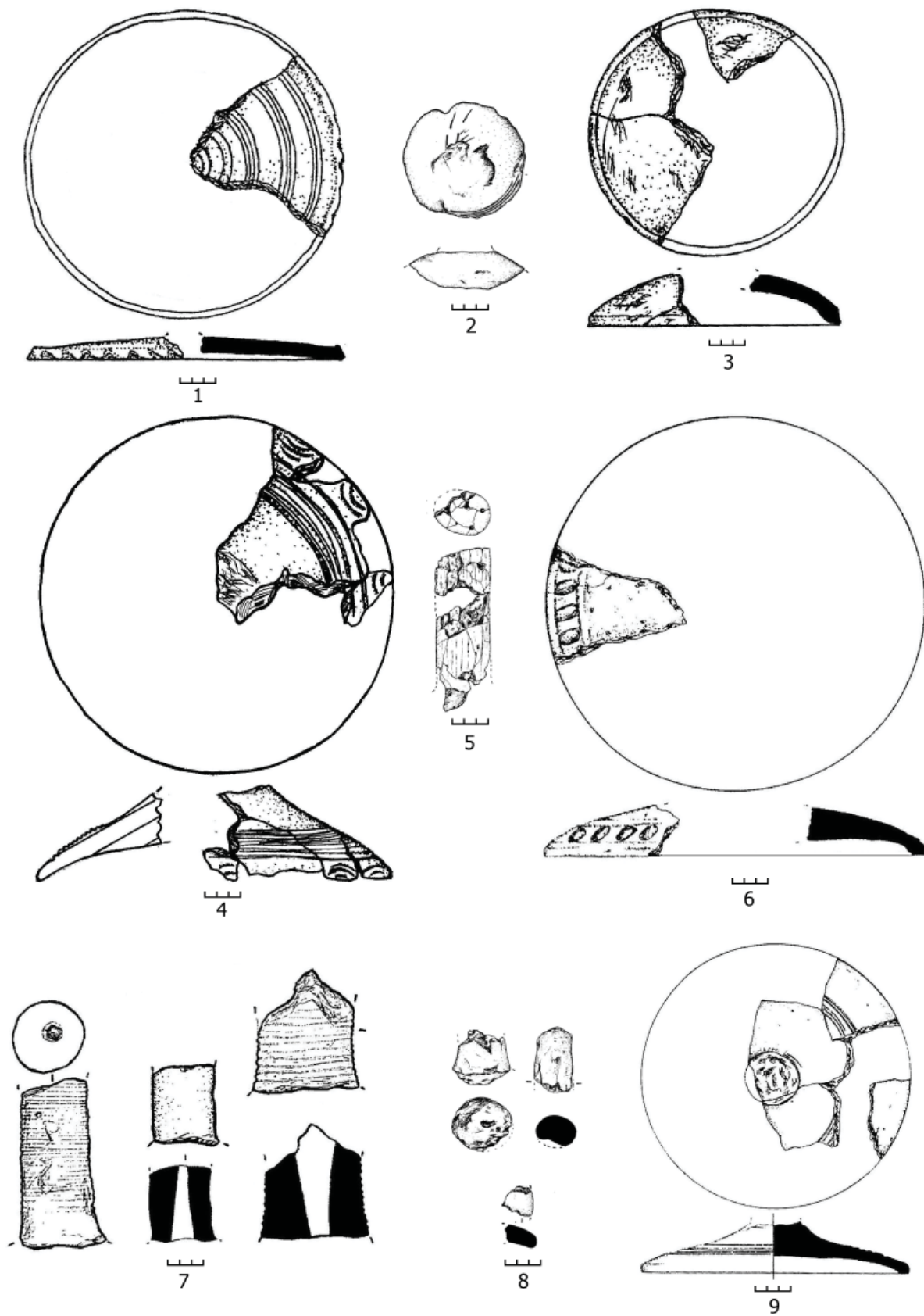

Рис. 171. Крышки с пестовидными ручками. 1-2, 6-7-П.М.; 3-р.2, пом.3; 4-р.7, пом.14; 5, 8-р.2, горн 2; 9-р.6, х.я.2, пом.5.

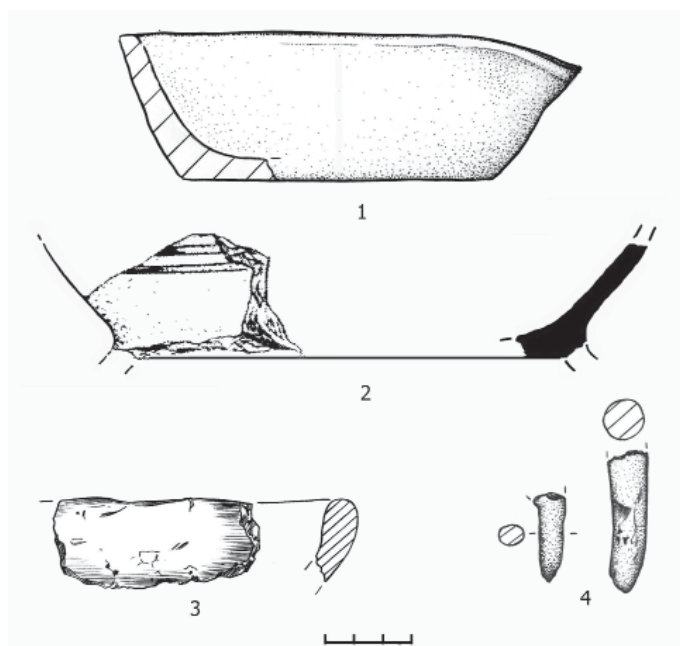

Рис. 172. Керамика Сидоровского археологического комплекса. 1-3 светильники; 4-фрагменты мелкой пластики.
1-р.7, х.я.7; 2-р.6, пом.5; 3-р.16, пом.20; 4-р.7, х.я.9.

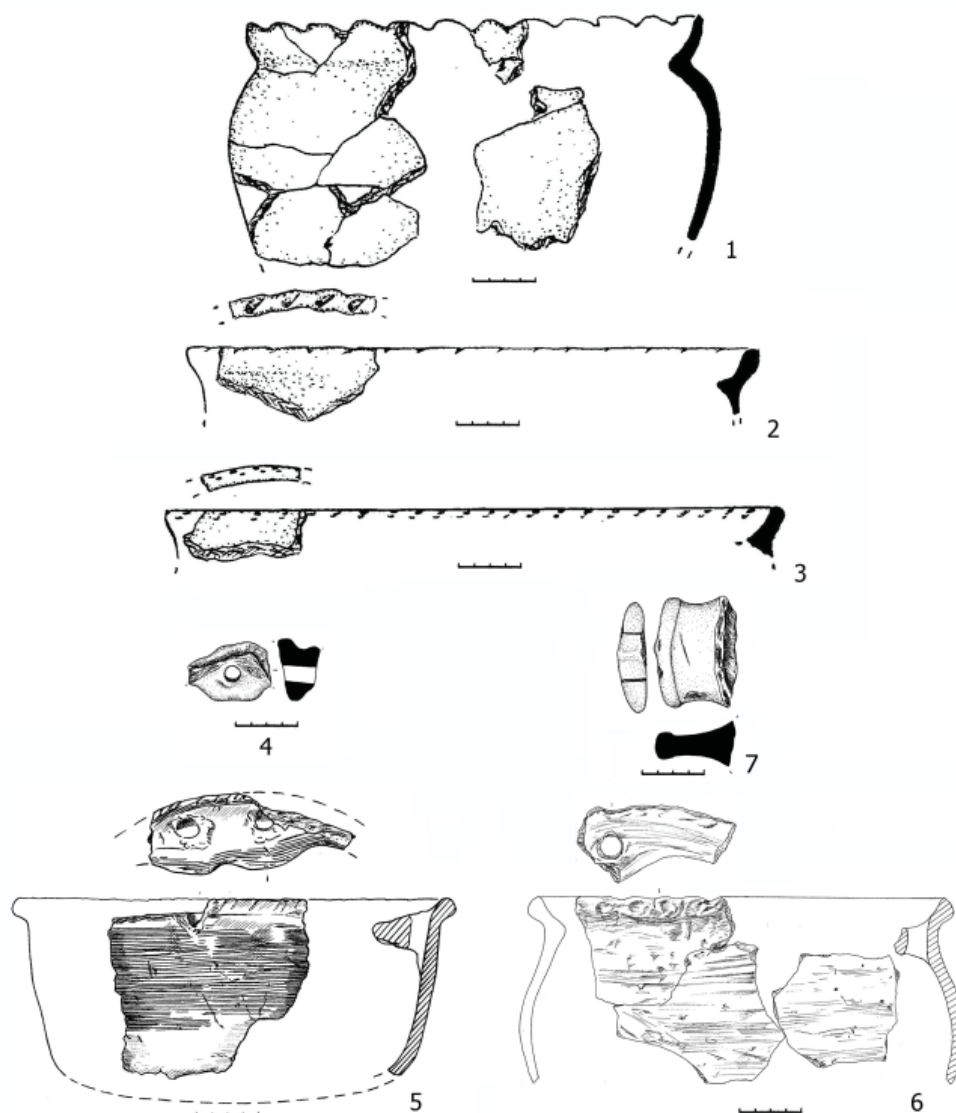

Рис. 173. Фрагменты котлов с внутренними ушками с территории Сидоровского археологического комплекса.
1-р.1, хоз. яма 2; 2-р.2, хоз. яма 12; 3-р.2, хоз. яма 9; 4-П.М.; 5-р.16, хоз. яма 8; 6-р.20, пом.26

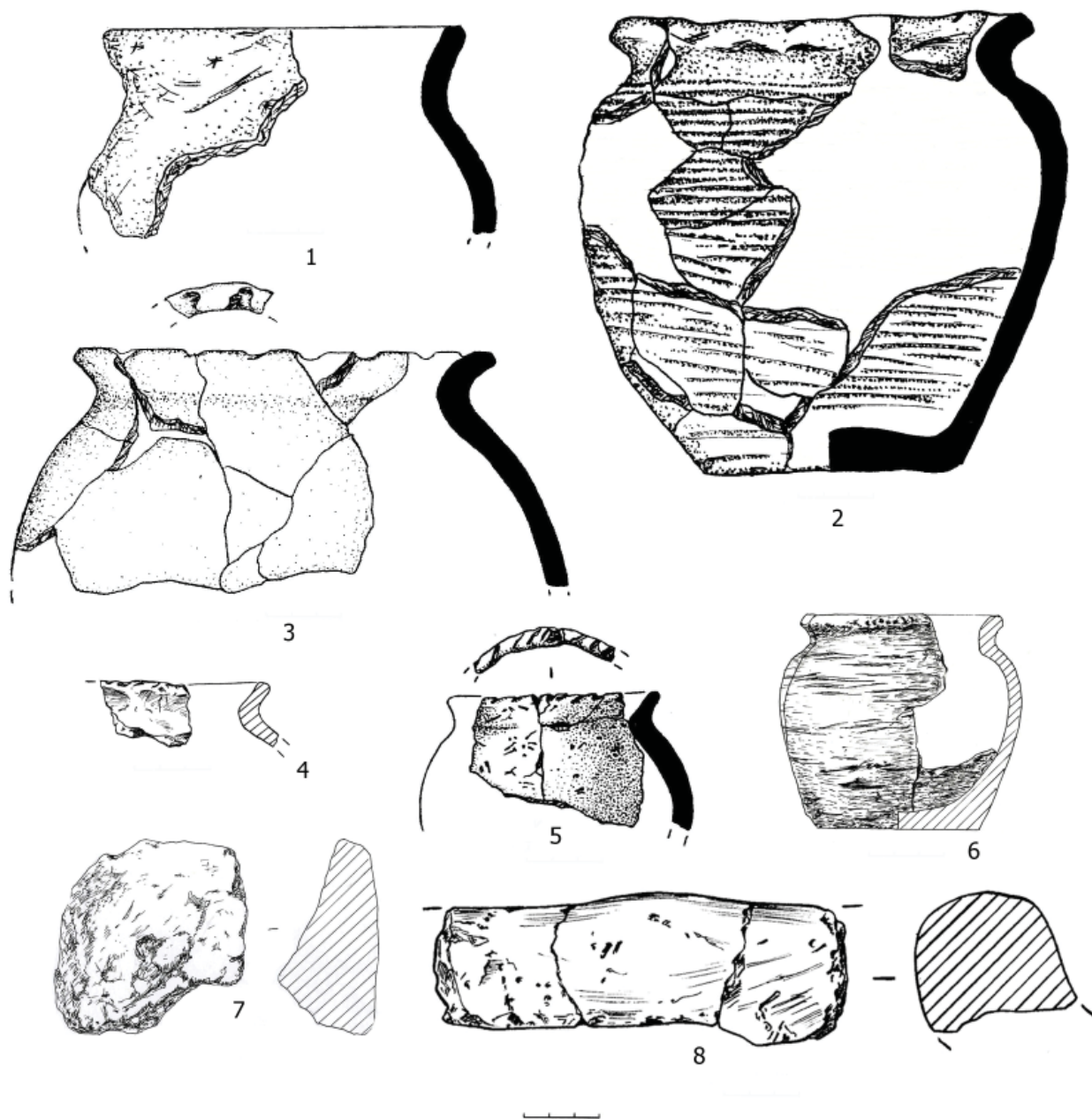

Рис. 174. Фрагменты лепных сосудов с археологического комплекса у с. Сидорова. 1-6 – горшки; 7-8 – фрагменты жаровень. 1-р.2, пом.3; 2-р.3, верхний слой; 3-р.7, х.я.5; 4-р.17, пом.22; 5-х.я.2 (1998 г.); 6-р.20, пом.26; 7-р.18, X-8, -20-40; 8-р.17, пом.21.

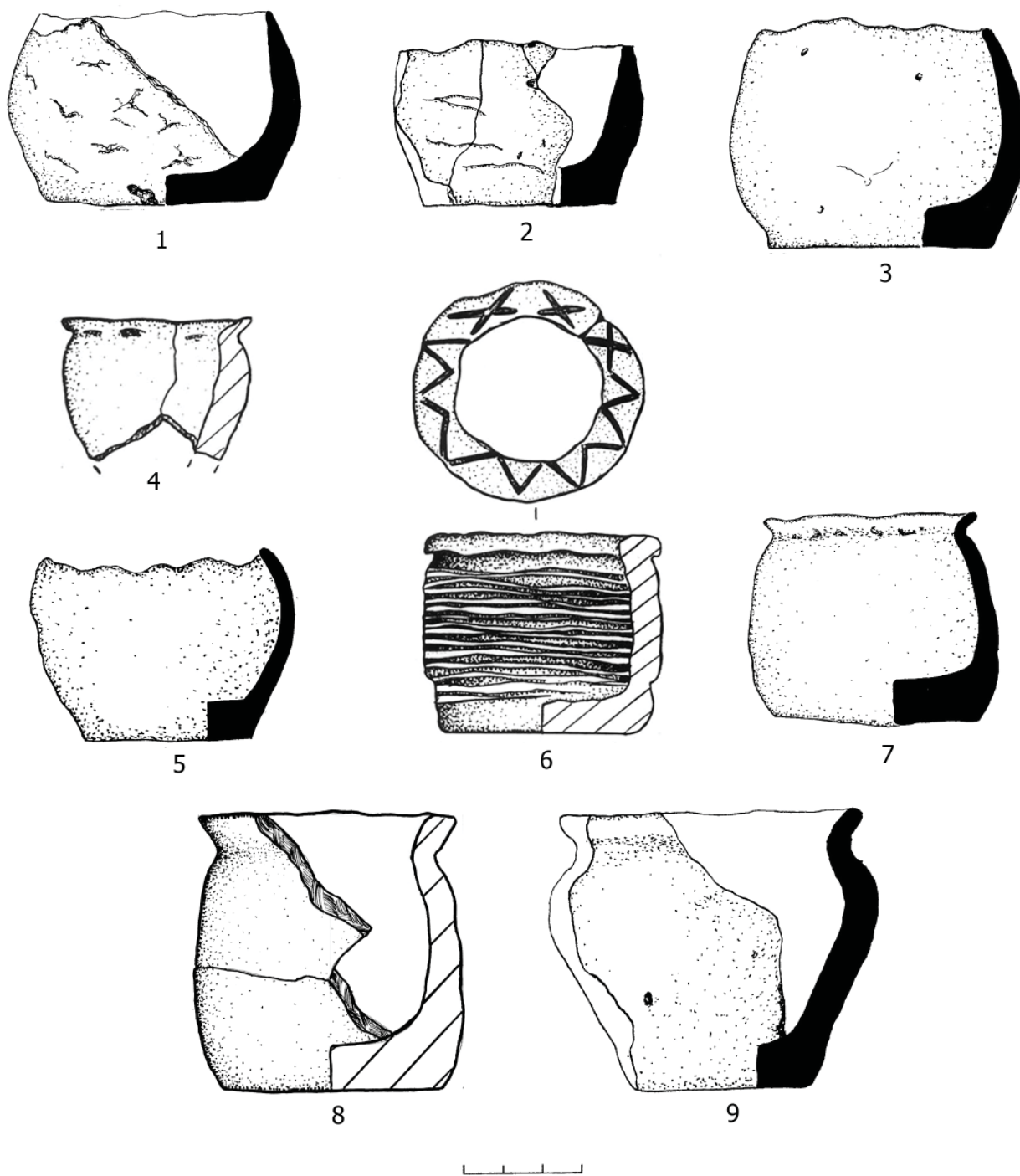

Рис. 175. Лепные сосудики с археологического комплекса у с. Сидорово. 1-х.я.2 у эскарпа; 2-р.2, х.я.11; 3-р.1, х.я.6; 4, 6-р.7, х.я.9; 5, 9-р.2. пом.3; 7-р.2, х.я.7, 8-р.7, пом.15.

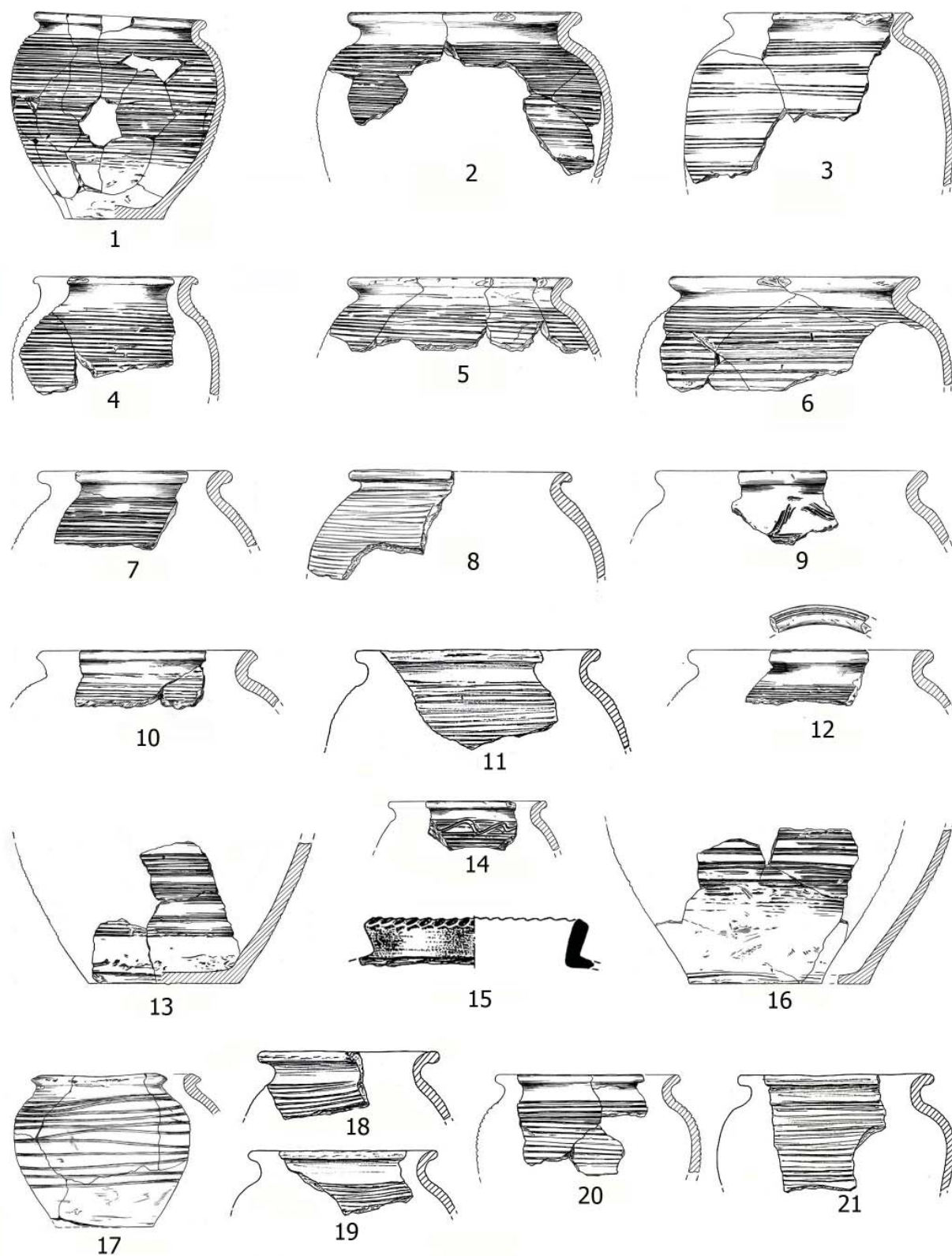

Рис. 176. Гончарные горшки археологического комплекса у с. Сидорово. 1, 3, 7, 9, 12, 20-р.16, пом.17; 2, 5-6, 10, 13, 16-17-р.16, х.я.4; 4-р.14, пом.16; 8-р.20, х.я.6; 11-р.20, В-9, 0-20; 14-р.16, пом.18; 15-хоз. яма 2 (1998); 18-19; 21-р.20, х.я.2.

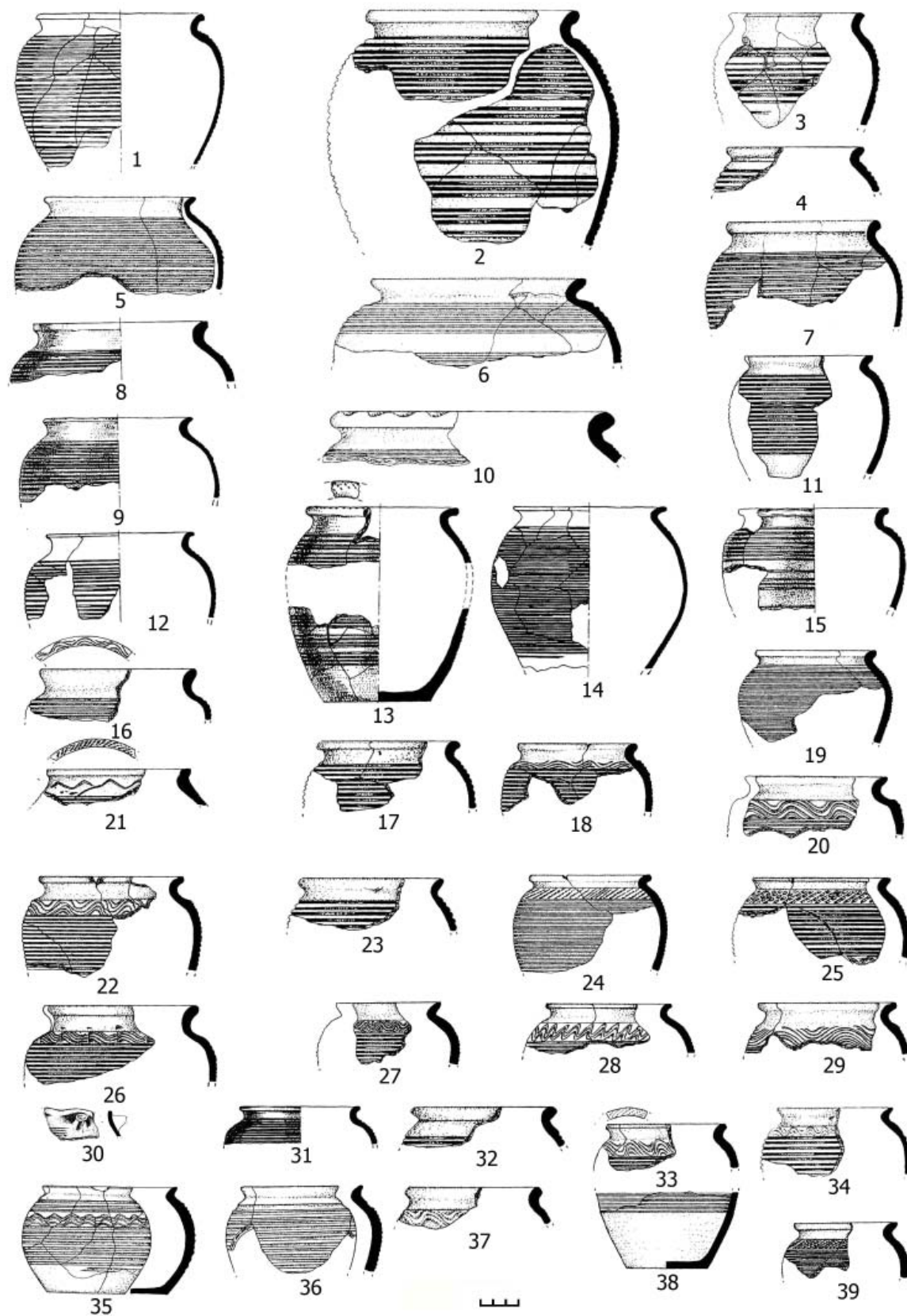

Рис. 177. Гончарные горшки с археологического комплекса у с. Сидорова. 1, 8-9, 12, 14-15, 31-х.я. 2(1998 г.); 2, 22-23, 29-р.1, х.я.6; 3-р.2, пом.4; 5-р.2, х.я.2; 7-р.1, х.я.4; 11, 26-р.2, х.я. 11; 13-х.я. 3(1998 г.); 16-р.1, верхний слой; 17-р.2, х.я. 2; 30-р.2, х.я.9; 4, 6, 10, 18-21, 24-25, 27-28, 32-36, 38-39-р.2, пом.3; 37-р.2, пом.3, горн 1.

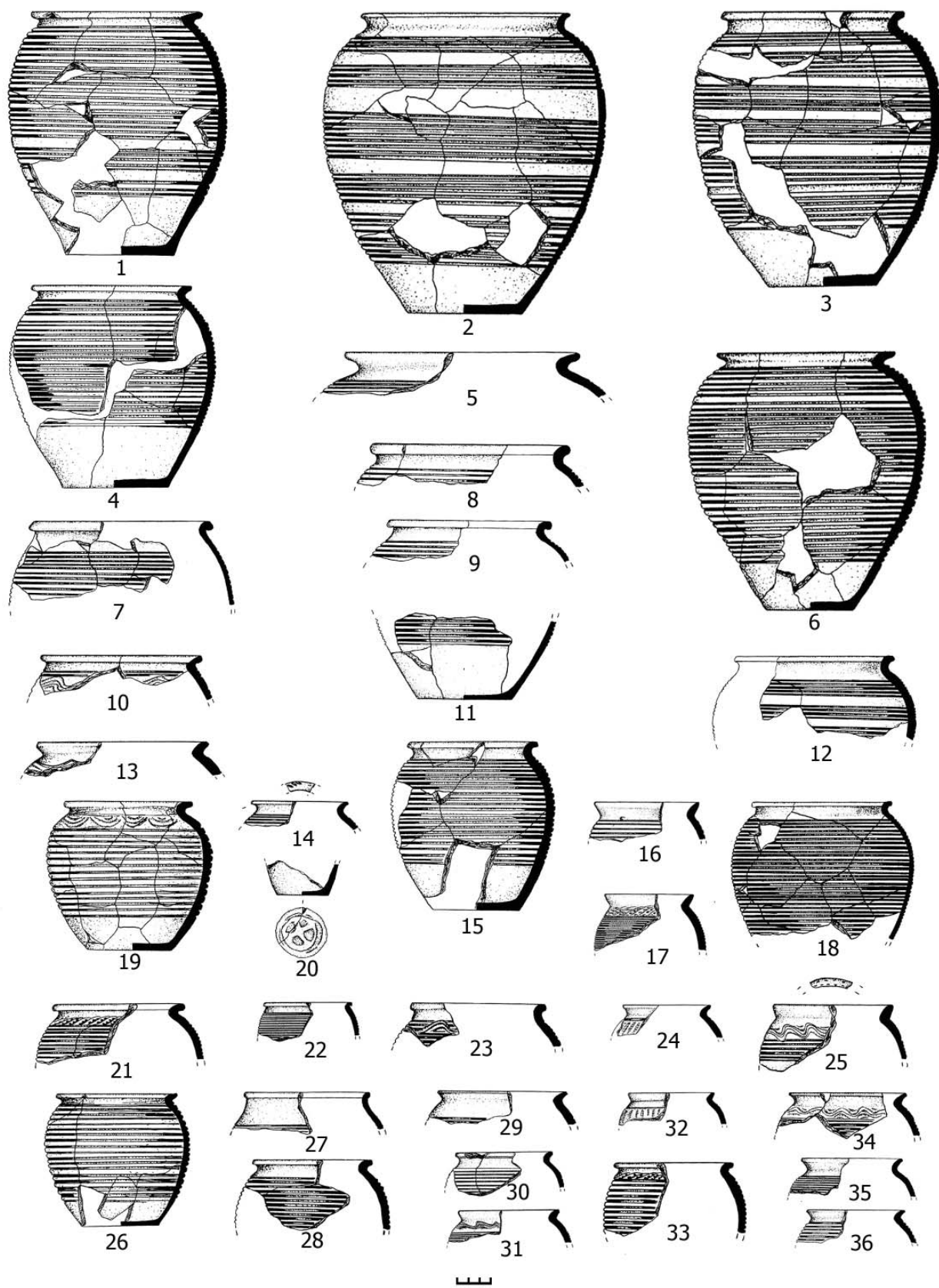

Рис. 178. Гончарные горшки с Сидорова. 1, 3, 6, 15, 19-р.7, х.я.4; 2, 17,34-35-р.7, х.я.1; 4-; 8-р.10, А-3-4, -20-40; 10, 13, 21, 22, 24, 28, 32-33-р.7, х.я.8; 14-р.8, пом.7; 16, 26, 30-р.7, х.я.2; 5 7, 9, 11-12, 18-р.12, пом.11; 20, 29, 31, 36-р.7, х.я.5, 8; 23-р.8, пом.7; 25-р.9, П.М.; 27-р.7, х.я.5.

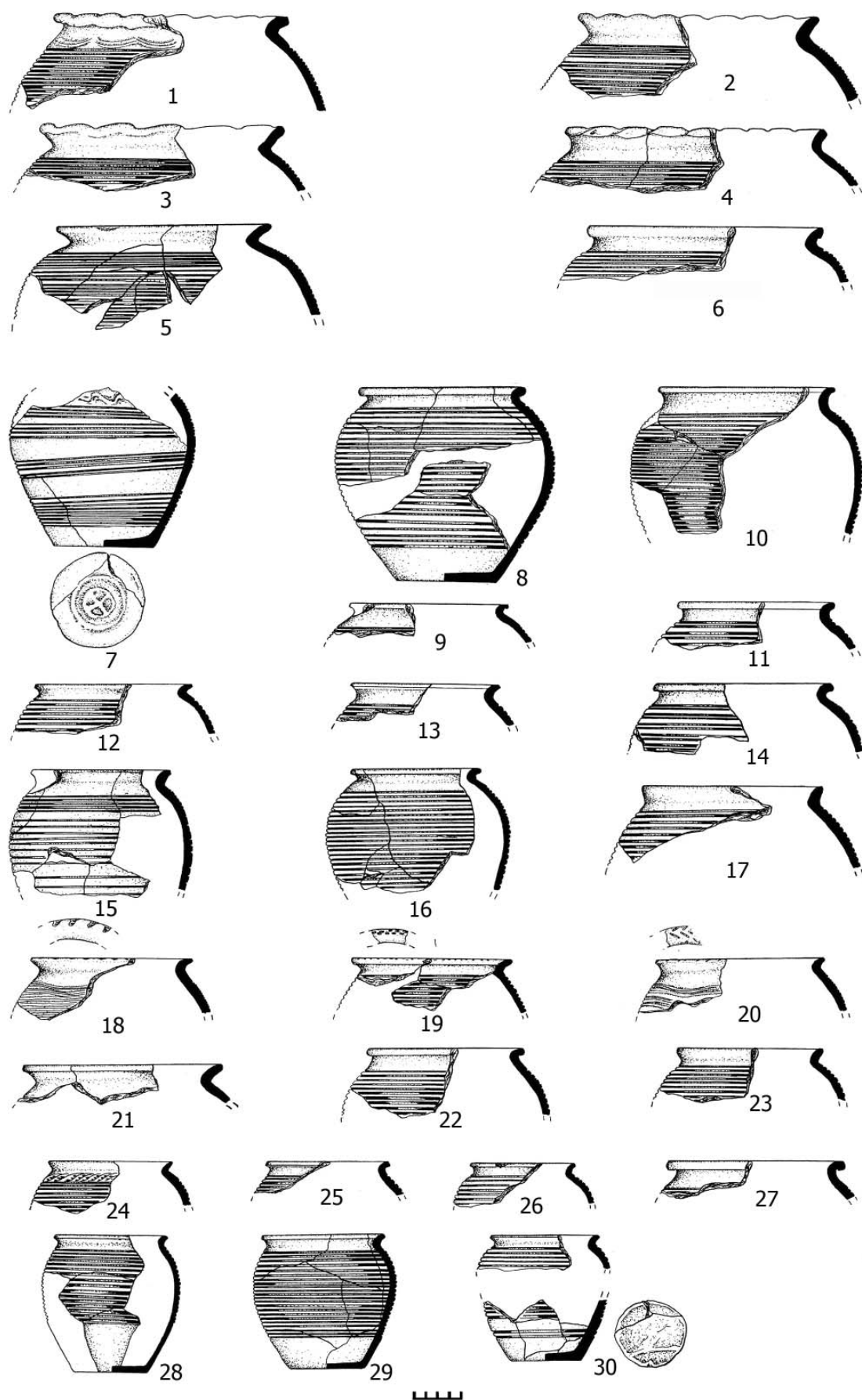

Рис. 179. Горшки Сидоровского археологического комплекса. 1, 26, 28-29-р.7, х.я.5; 2, 4-7, 9, 14, 17-18, 21, 24-25, 27, 30-р.7, х.я.8; 3, 16-р.7, х.я.2; 8, 10-р.7, х.я. 1; 11-13-р.7, х.я.4; 15, 19-20, 22-23-р.8, пом.7.

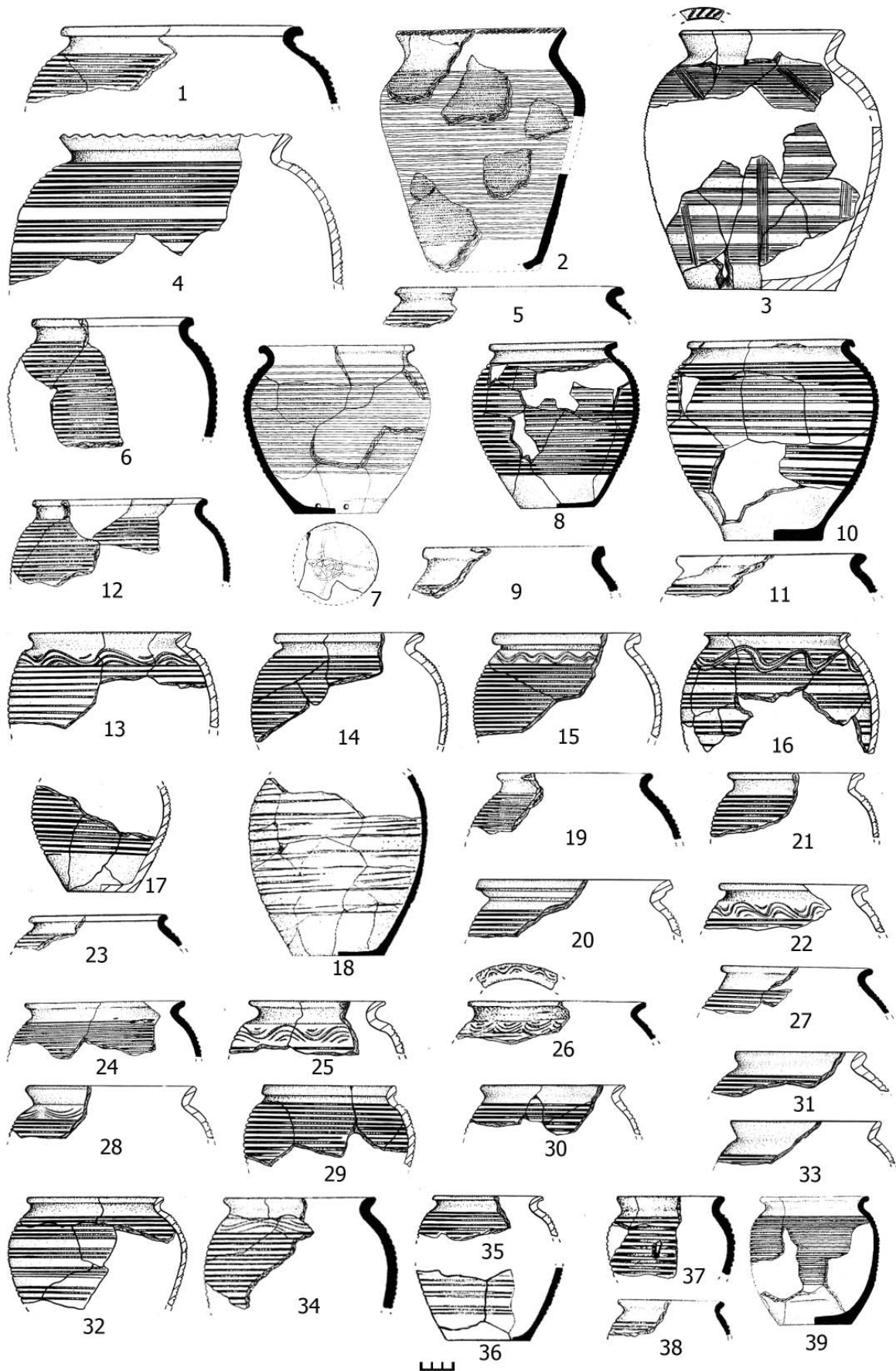

Рис. 180. Гончарные сосуды Сидоровского археологического комплекса (горшки). 1, 6, 19, 23-24, 36-х.я.1 на эскарпе; 2-р.1, х.я.2; 3, 13, 15, 17, 20-22, 25-р.7, х.я. 9; 4, 28-31, 33-р.7, пом.15; 5, 9, 11, 38-р.6, -20-40; 7-р.1, х.я. 3; 8-р.10, х.я. 3; 10-р.9, х.я. 6; 14, 35-р.7, пом.14; 16-р.9, х.я.12; 18, 26-р.6, х.я. 1; 27-р.12, пом.11; 32-р.9, х.я.8; 34-р.2, хоз. яма 1; 37-р.6, х.я.1; 39-р.2, пом.4.

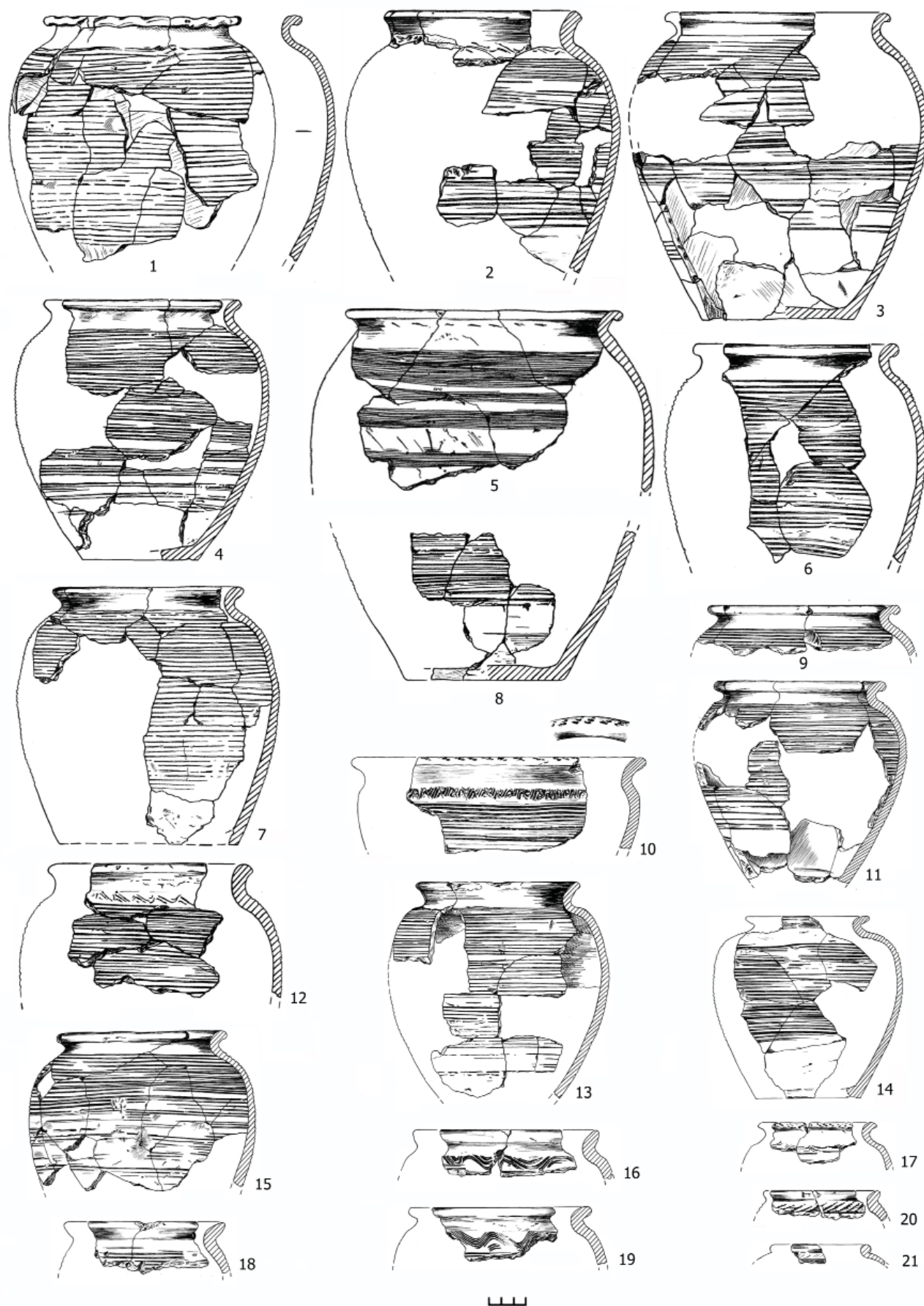

Рис. 181. Гончарные горшки раскопов 16-17 Сидоровского археологического комплекса. 1-р.16, пом.23; 2-5, 7-8, 12-14, 17, 21-р.17, пом.22; 6, 9, 15-16, 18-20, -р.16, пом.19; 10-р.17, пом.21; 11-р.16, х.я.8.

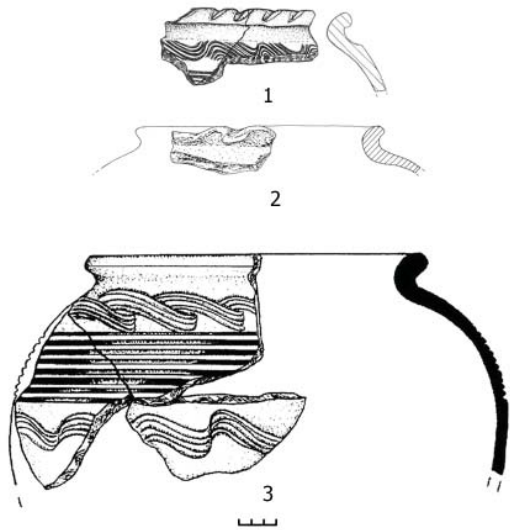
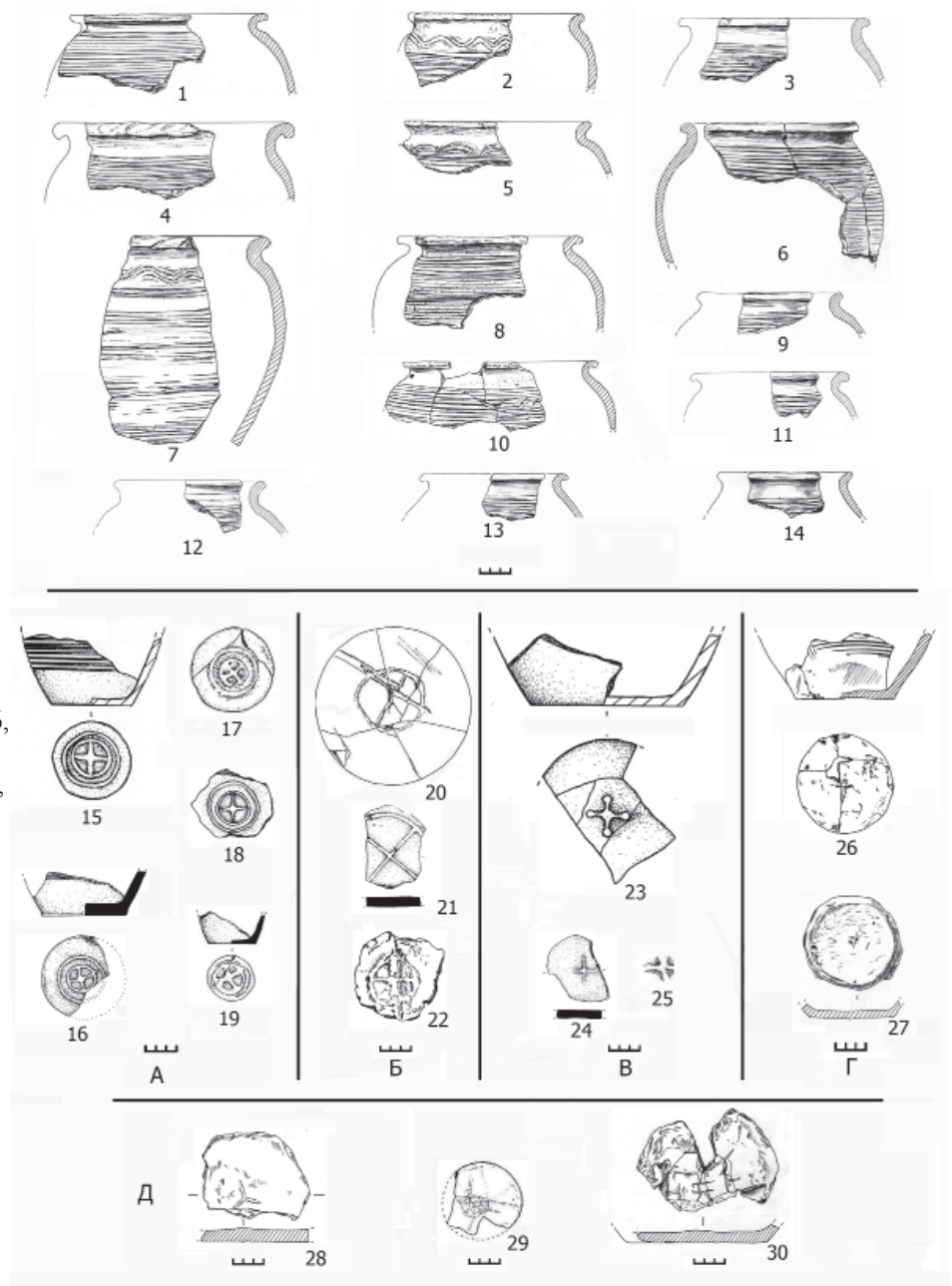

Рис. 182. Фрагменты горшковидных корчаг с археологического комплекса у с. Сидорова. 1-р.7, пом.13; 2-р.20, хоз. яма 2; 3-р.9, хоз. яма 6 - скопление 1.

Рис. 183. Гончарные горшки раскопов 18, 20 (1-14). Клейма на днищах сосудов Сидоровского археологического комплекса (15-30). А, Б, В, Г, Д – группы клейм.

1, 8-р.20, х.я.6; 2, 14-р.20, х.я.2; 3, 12-р.18, Б-3(-20-40); 4-р.20, В-9 (-20-40); 5-р.20, Д-1 (-20-40); 6, 9, 13-р.18, х.я.3; 7-р.20, х.я.1; 10-р.20, х.я.3; 11-р.18, В-9 (-20-40); 15-р.7, пом.15; 16-р.2, пом.3; 17-р.7, х.я.8; 18-р.7, х.я.9; 19-р.7, х.я.5, 8; 20-р.20, погр.3; 21, 24-П.М.; 22-р.16, пом.19; 23-р.9, х.я.10; 25-р.16, х.я.1; 26, 28-р.17, пом.22; 27-р.18, В-8 (-20-40); 29-р.1, х.я.3; 30-р.14, пом.16.

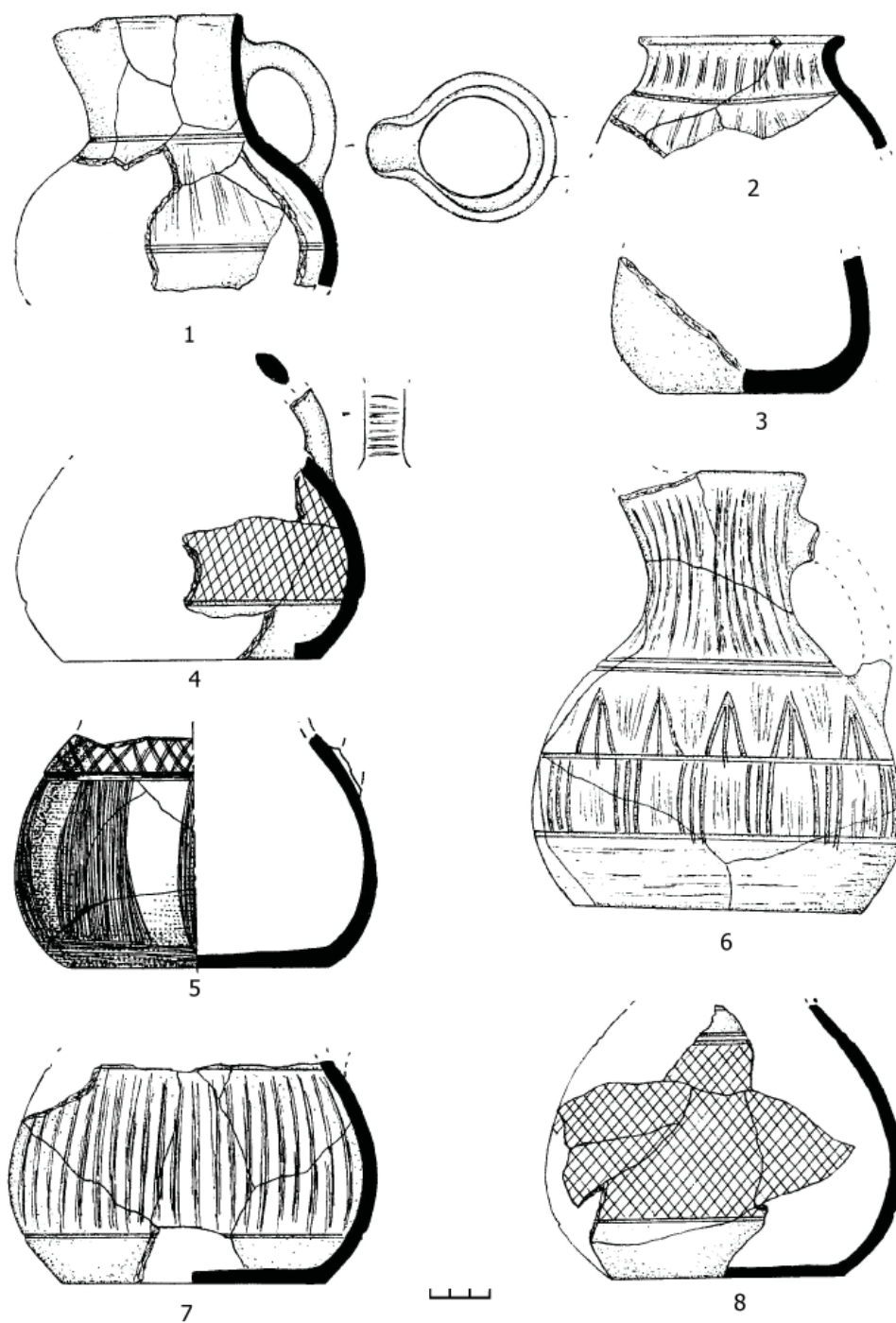

Рис. 184. Сосуды малых форм, украшенные лощеным орнаментом. 1, 3-4, 8-р.2, пом.3; 2-р.2, хоз. яма 7; 5-хоз. яма 3 (1998 г.); 6-р.2, хоз. яма 1; 7-р.1, хоз. яма 3.

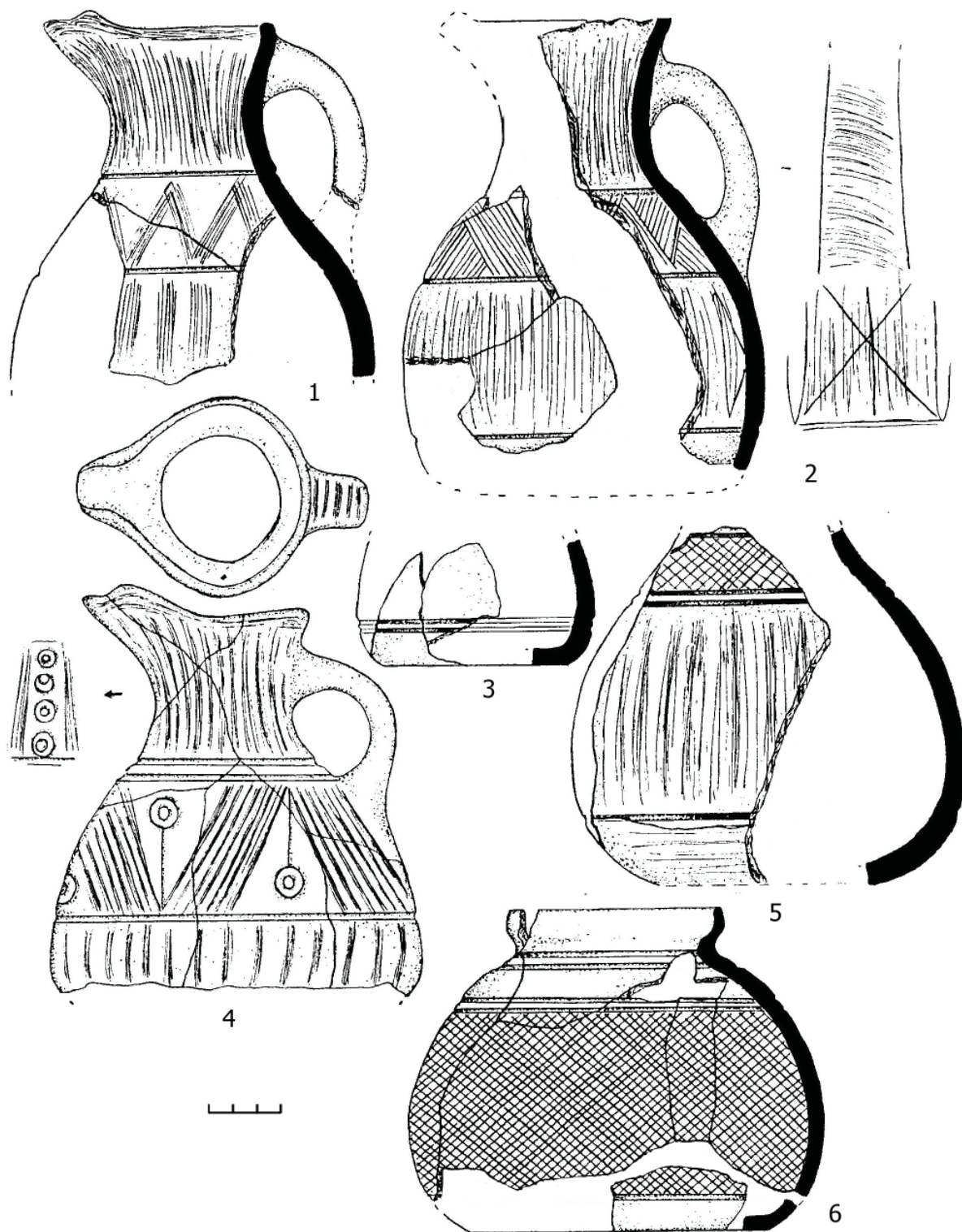

Рис. 185. Кувшины и кубышки с археологического комплекса у с. Сидорово. 1-хоз. яма 2 на эскарпе; 2, 6-пом.3; 3-р.2, хоз. яма 1; 4-р.2, хоз. яма 17; 5-р.1, хоз. яма 3.

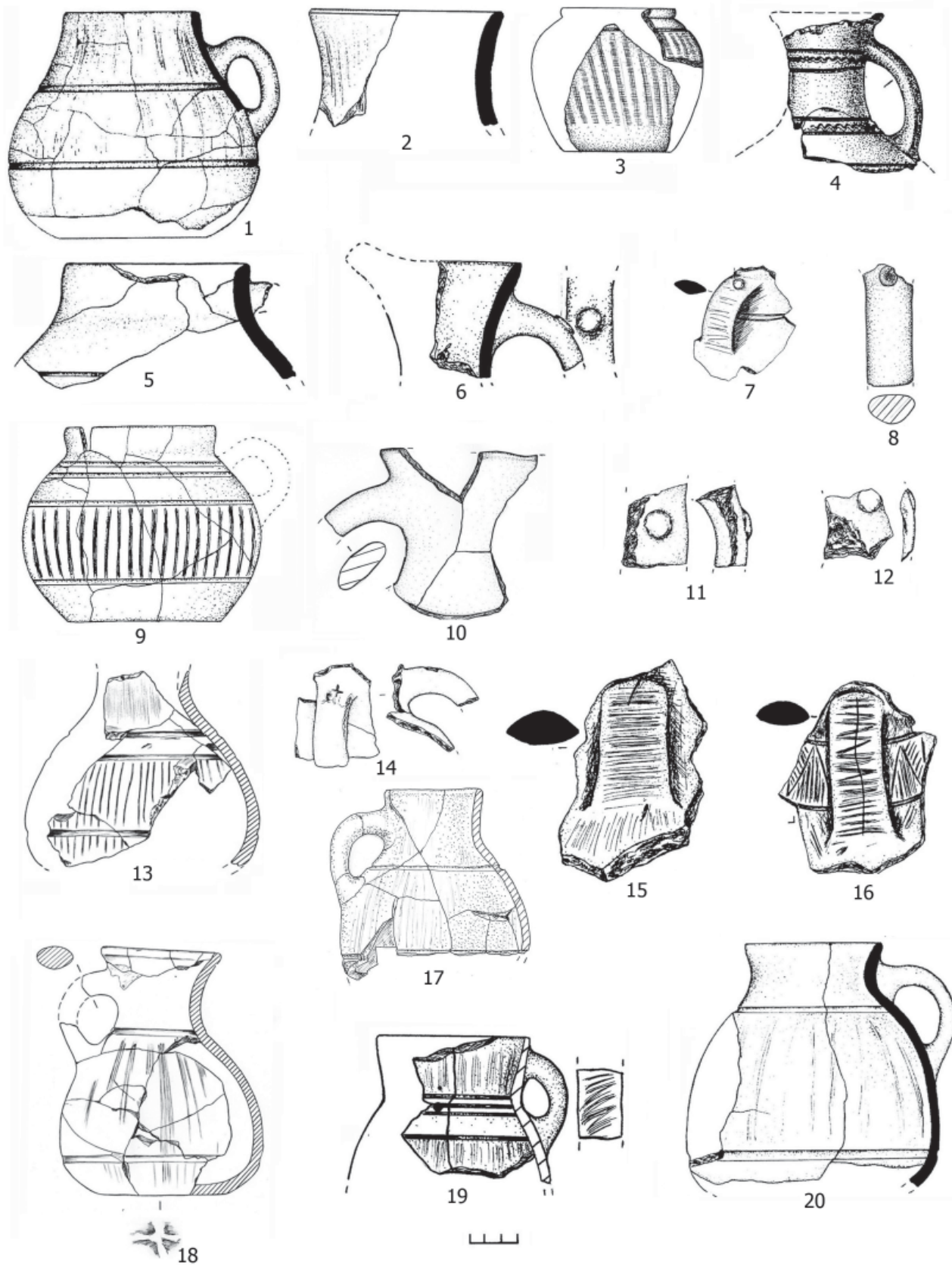

Рис. 186. Сосуды, украшенные лошением с археологического комплекса у с. Сидорово. 1-р.6, хоз. яма 1; 2-р.9, Л-6 (-40-50); 3-р.7, пом.13; 4- хоз. яма 1 (1998 г.); 5-р.12, пом.11; 6-ПМ; 7, 11-12-ПМ; 8-р.9, хоз. яма 16; 9-р.2, пом.3, дно, горн 2; 10-р.7, хоз. яма 7; 13-р.17, пом.21; 14-р.9, слой; 15-16-р.2, хоз. яма 1; 17-р.12, пом.11; 18-р.16, хоз. яма 1; 19-р.9, хоз. яма 13; 20-р.9, хоз. яма 7.

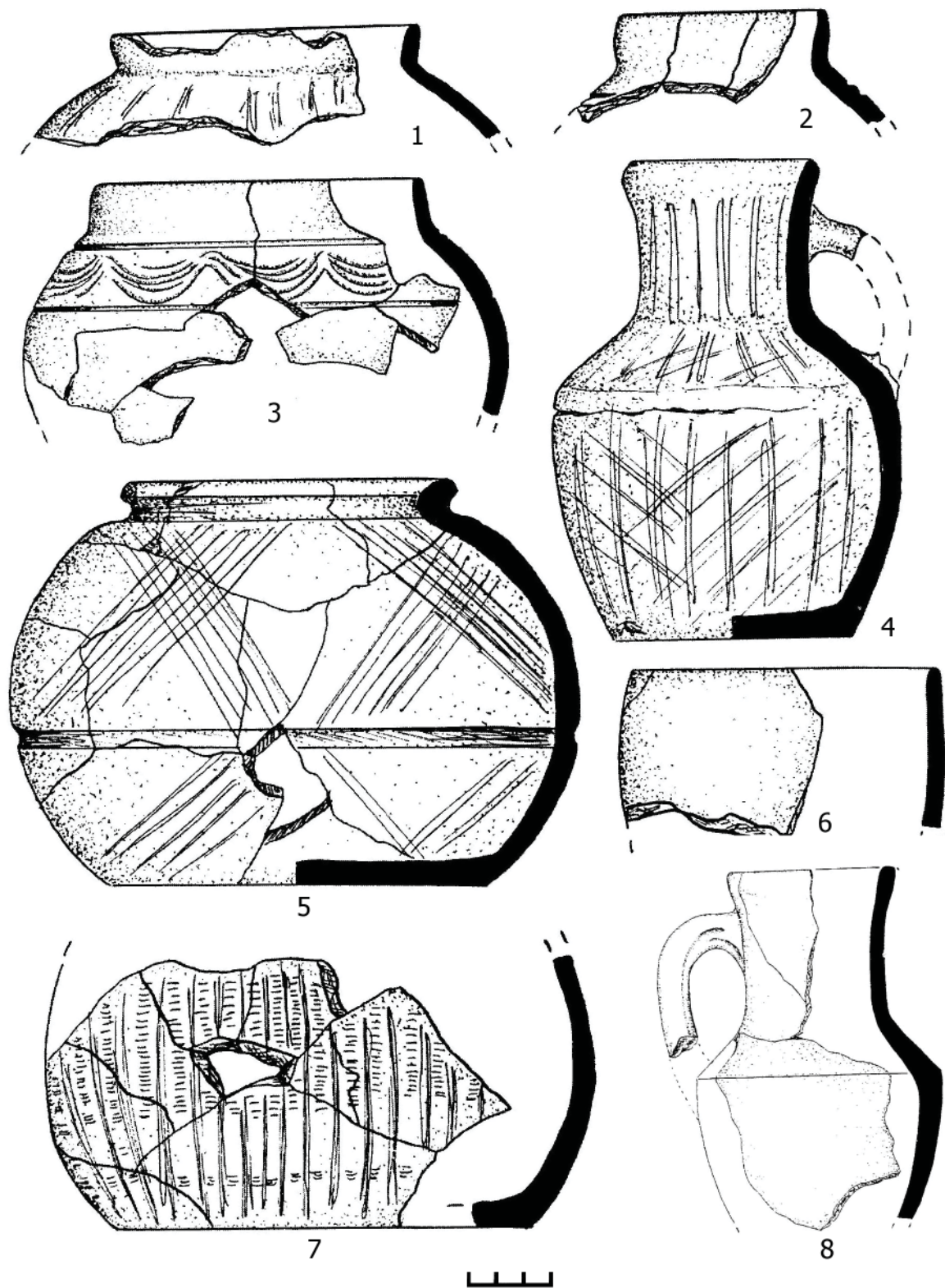

Рис. 187. Лощеная керамика Сидоровского комплекса. 1, 6-р.7, хоз. яма 8; 2, 7-р.7, хоз. яма 1; 3-р.7, пом.8; 4-р.7, хоз. яма 5; 5-р.7, хоз. яма 4; 8-р.1, хоз. яма 6.

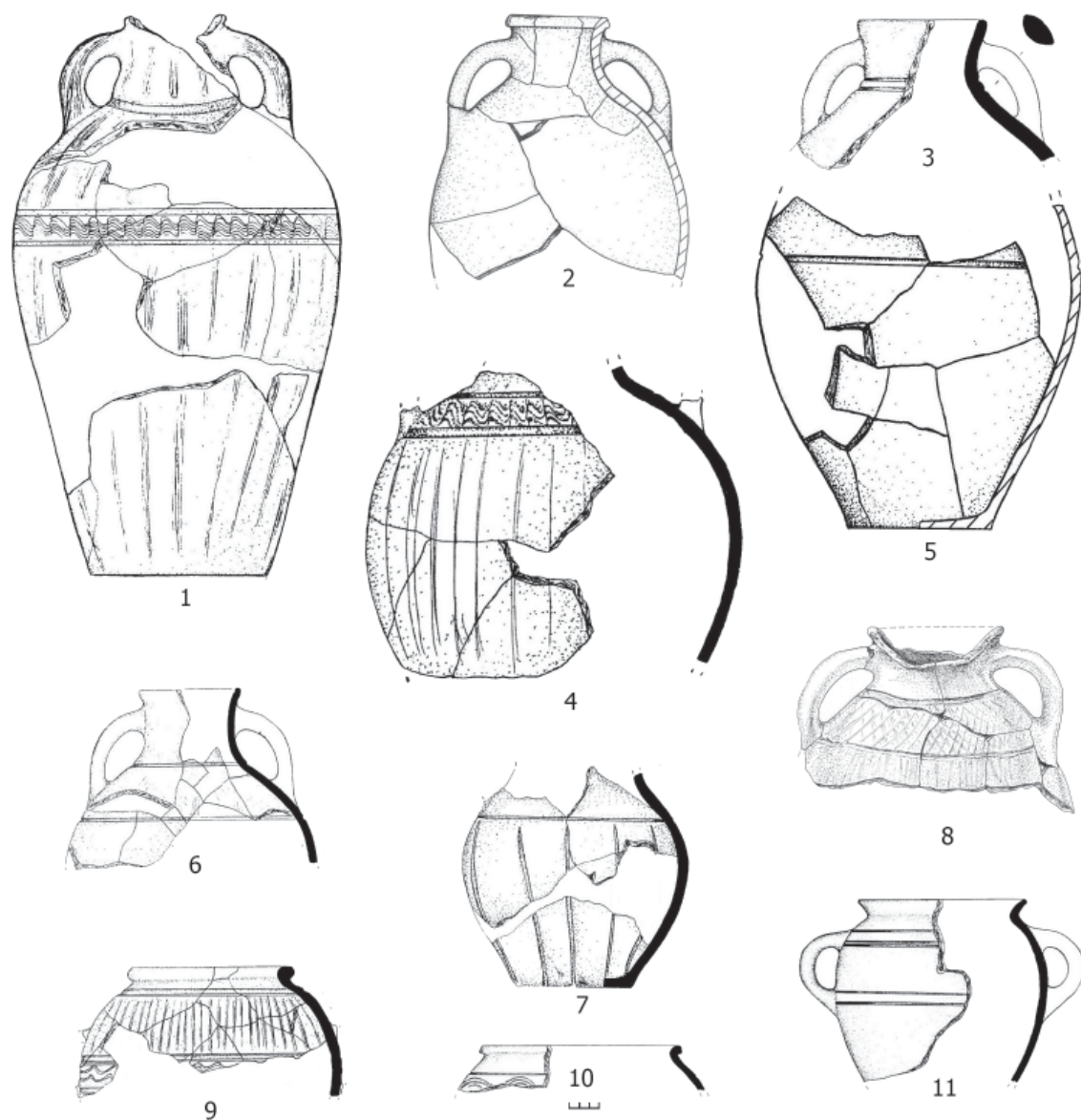
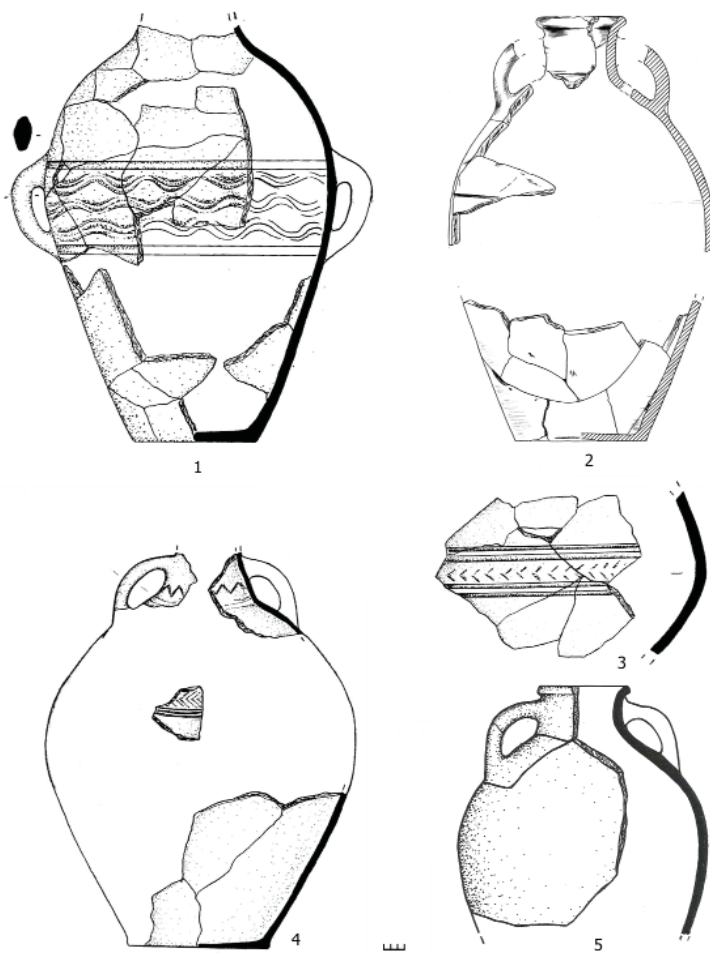

Рис. 188. Керамика с лощением. Археологический комплекс у с. Сидорово. 1-хоз. яма 2 на эскарпе; 2-р.7, пом.13; 3-р.5, хоз. яма 1; 4-р.2, хоз. яма 1; 5-р.9, К-15 (-20-30); 6-р.1, хоз. яма 3; 7-р.2, хоз. яма 1; 8-р.20, хоз. яма 6; 9-р.2, пом.3; 10-р.12, пом.11; 11-р.9, хоз. яма 5.

Рис. 189. Трехручный кувшин из заполнения хоз. ямы в помещении 16.

Рис. 190. Крупные тарные сосуды (двухручные и трехручные кувшины) с археологического комплекса у с. Сидорово. 1-трехручный кувшин р.2, пом.4 и р.1, хоз. яма 3; 2-двухручный кувшин р.14, пом. 16; 3-р.9, хоз. яма 6, скопление 1; 4-раскоп 10, скопление 1; 5-р.9, хоз. яма 8.

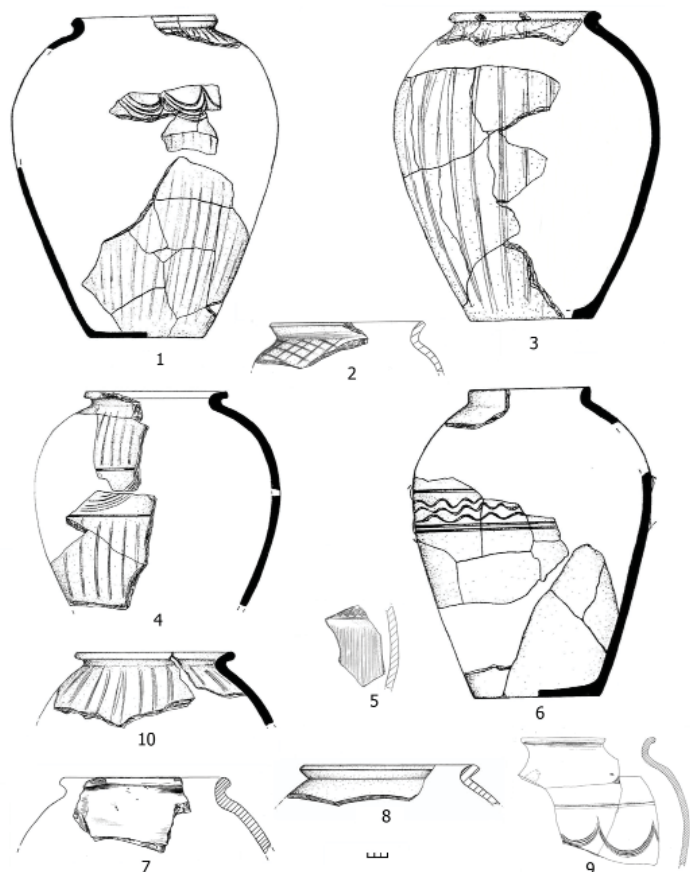
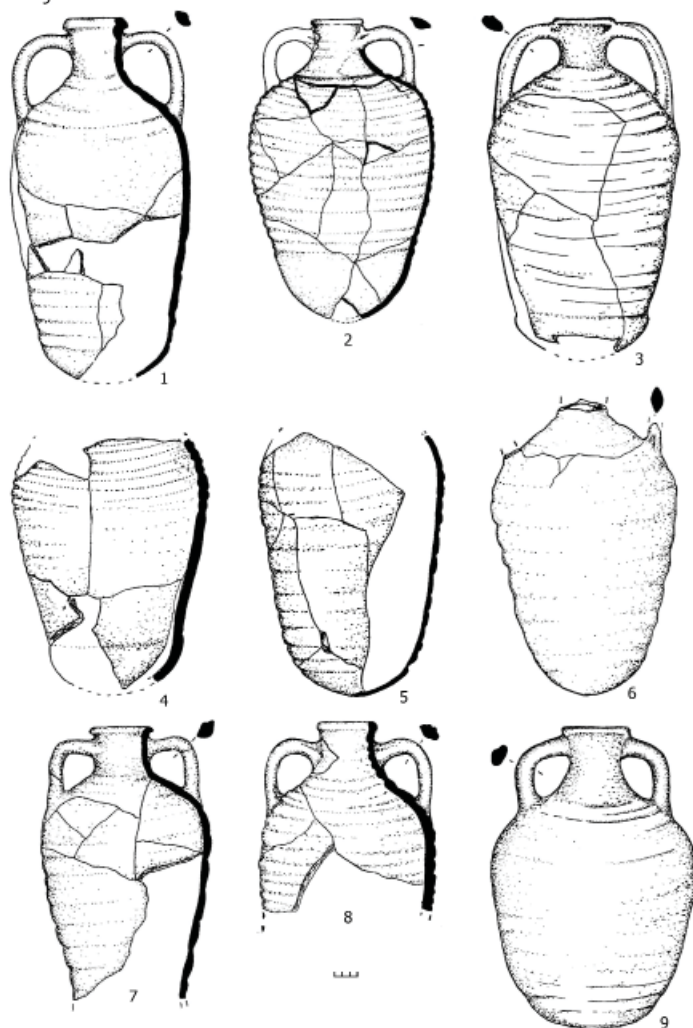

Рис. 191. Фрагменты гончарных серолощенных пифосов (1, 3-4, 6, 9) и корчаг (2, 7-10). 1-р.9, хоз. яма 6, скопление 1; 2-пом.14; 3-хоз. яма 2 (1998 г.); 4, 10-р.7, хоз. яма 4; 5-р.7, пом.13; 6-р.12, пом.11; 7-р.17, пом.21; 8-р.7, пом.15; 9-р.20, хоз. яма 6.

Рис. 192. Причерноморские амфоры археологического комплекса у с. Сидорово. 1-р.2, пом.3; 2-р.2, пом.3, дно; горн 2; 3, 5, 9-хоз. яма 2 на эскарпе; 4- склон Среднего Яра; 6-р.7-хоз. яма 2; 7-р.7, хоз. яма 4; 8-р.2, хоз. яма 4.

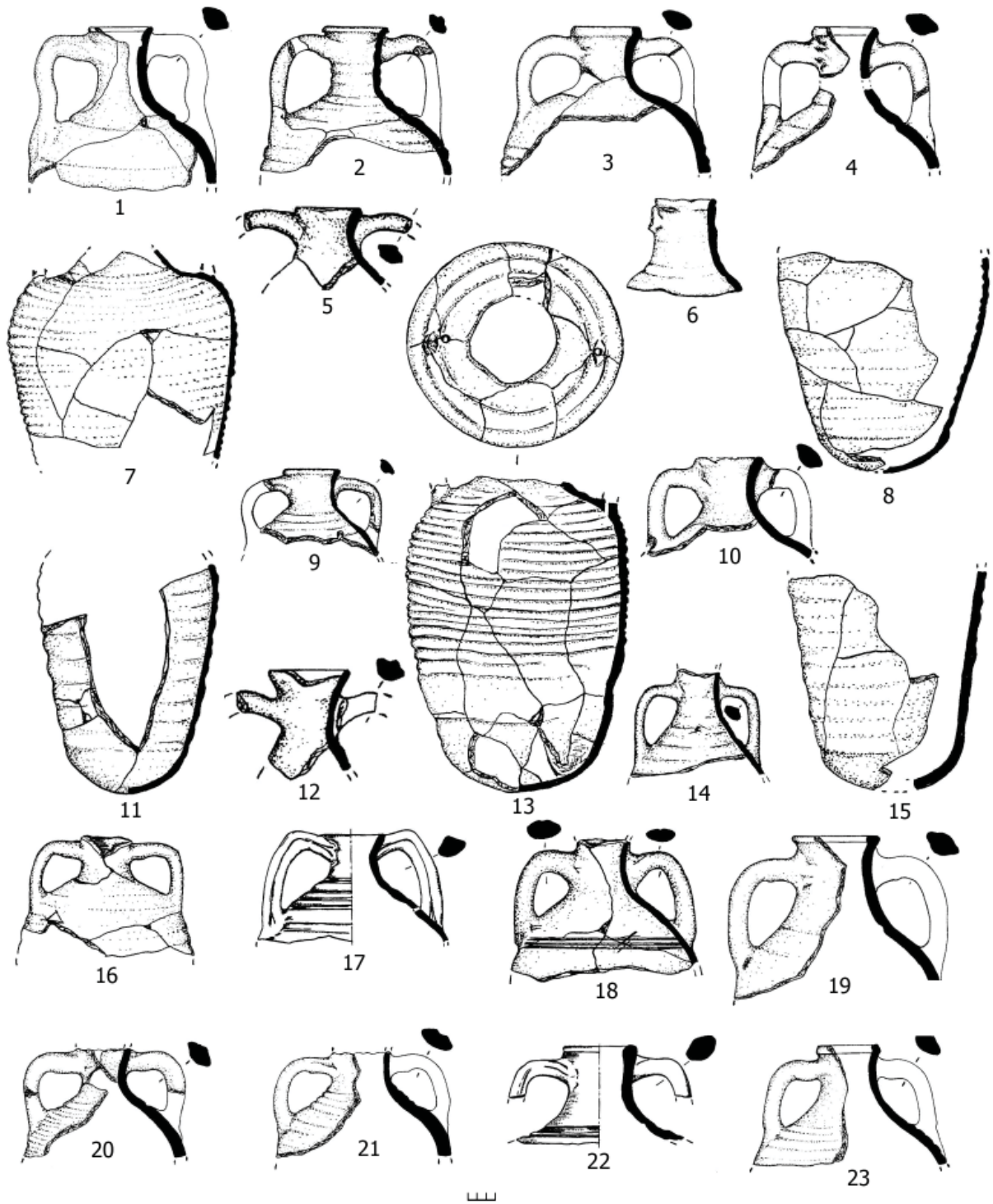

Рис. 193. Сидоровский комплекс. Фрагменты причерноморских амфор и изделия из них (6, 13). 1-хоз. яма 2 на эскарпе; 2-р.7, хоз. яма 2; 3-р.1, хоз. яма 6; 4-пом.3, р.2, хоз. яма 1; 5, 11-12, 14-р.7, хоз. яма 4; 6, 15, 20-пом.3; 7-р.1, хоз. яма 6; 8-р.2, хоз. яма 4; 9-р.7, хоз. яма 5; 10-р.2, хоз. яма 11; 13-р.1, хоз. яма 3; 16-ПМ; 17, 22-хоз. яма 2 (1998); 18, р.7, хоз. яма 8; 19, р.2, горн 1; 21, 23-р.2, хоз. яма 1.

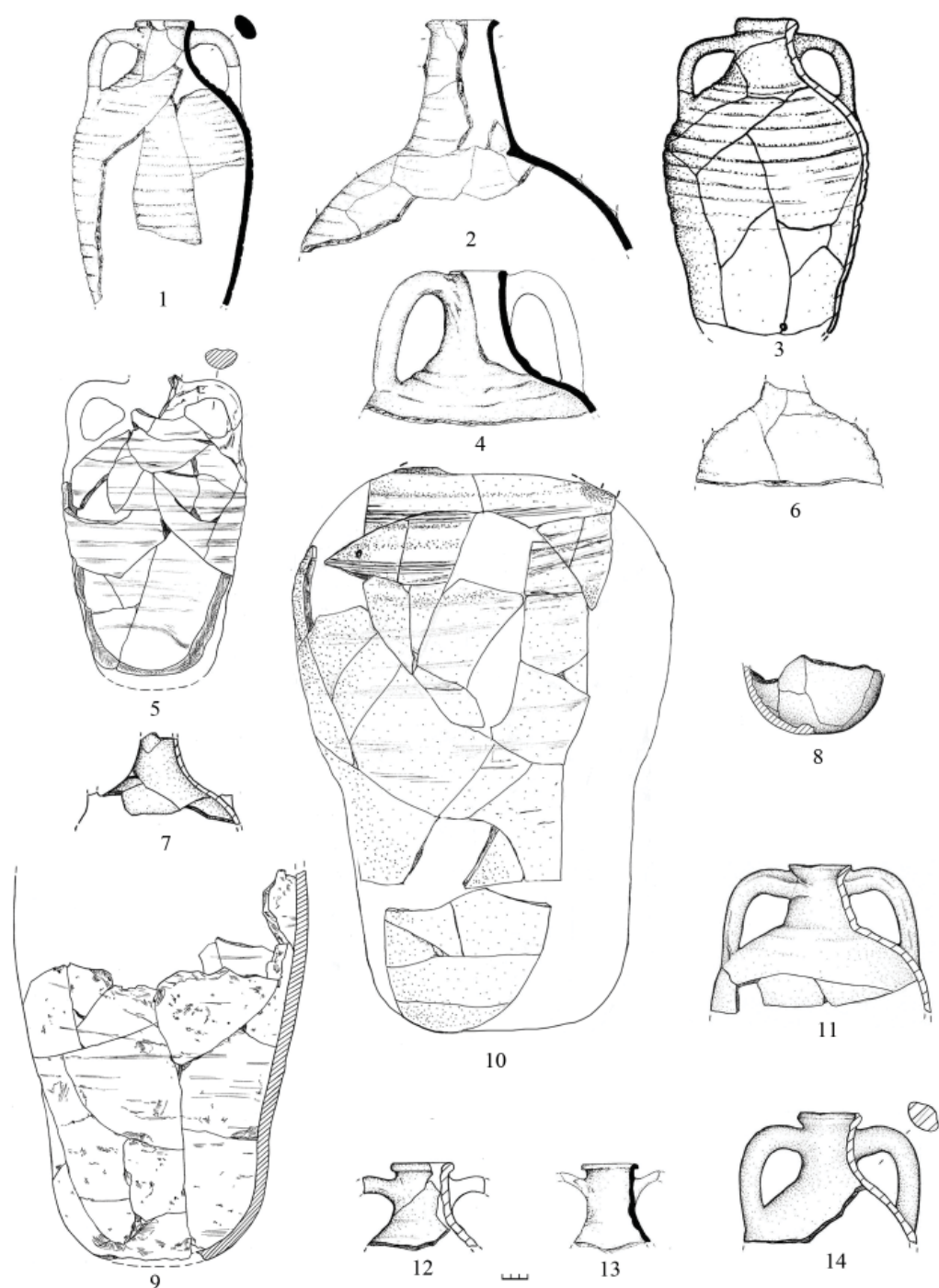

Рис. 194. Амфорная тара и изделия из амфор (3, 9) из раскопок Сидоровского археологического комплекса. 1-р.6, хоз. яма 1; 2, 4, 13-р.6, пом.5; 3-р.9, хоз. яма 8; 5-р.14, пом.16; 6-хоз. яма 1 на эскарпе; 7-р.7, пом.14; 8-р.9, хоз. яма 8; 9-р.16, комп.1; 10-р.19 пом.24; 11-р.7, хоз. яма 7; 12-р.7, хоз. яма 9. 14-р.7, пом.15.

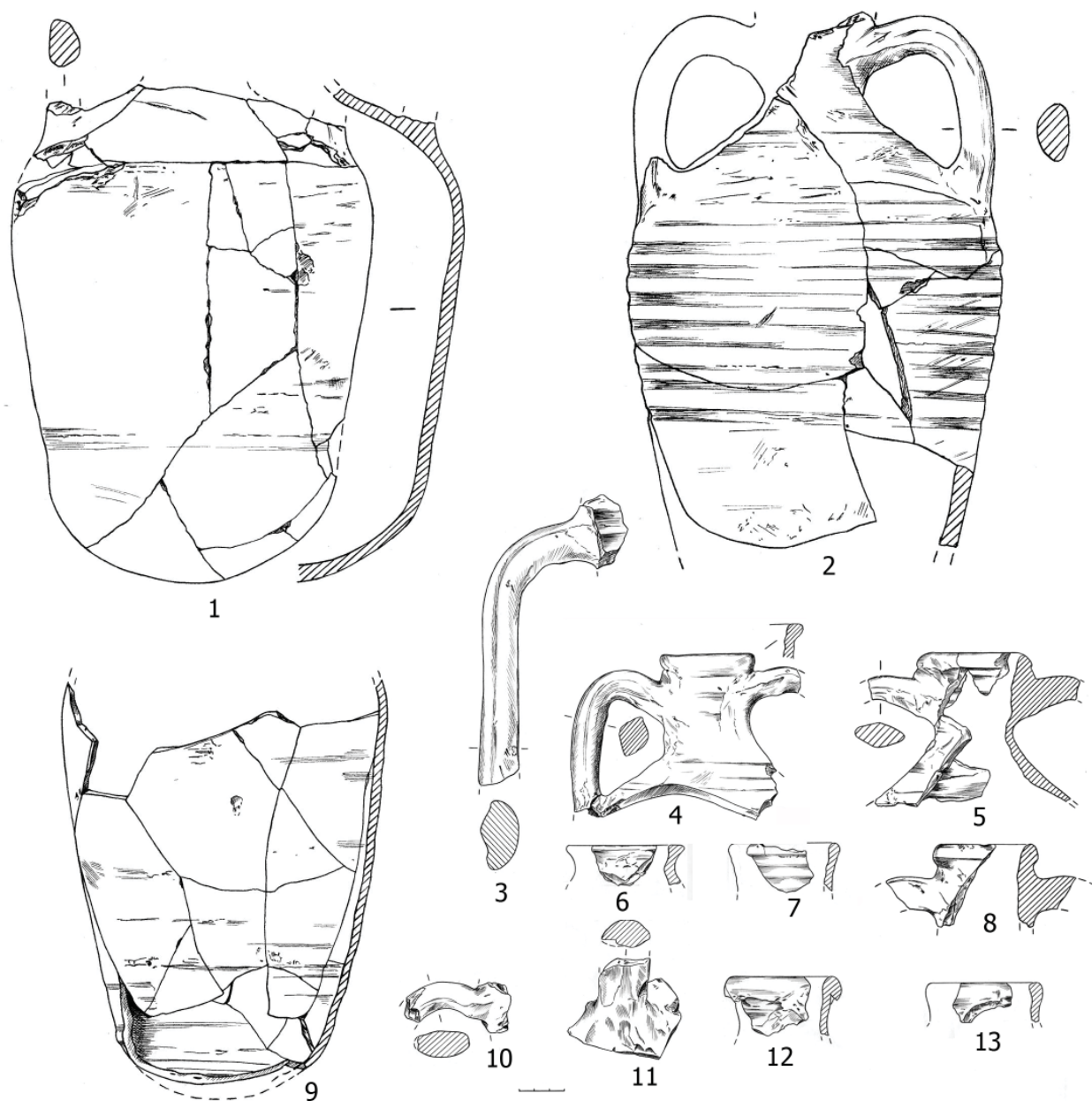

Рис. 195. Археологический комплекс Сидорово. Амфоры и их фрагменты. 1-р.17, пом.22; 2, 9-р.16, пом.19; 4-р.16, хоз. яма 9; 5, 8-р.16, хоз. яма 11; 3, 6-7, 10-13-фрагменты желтоглинянных амфор из р.14, пом.16.

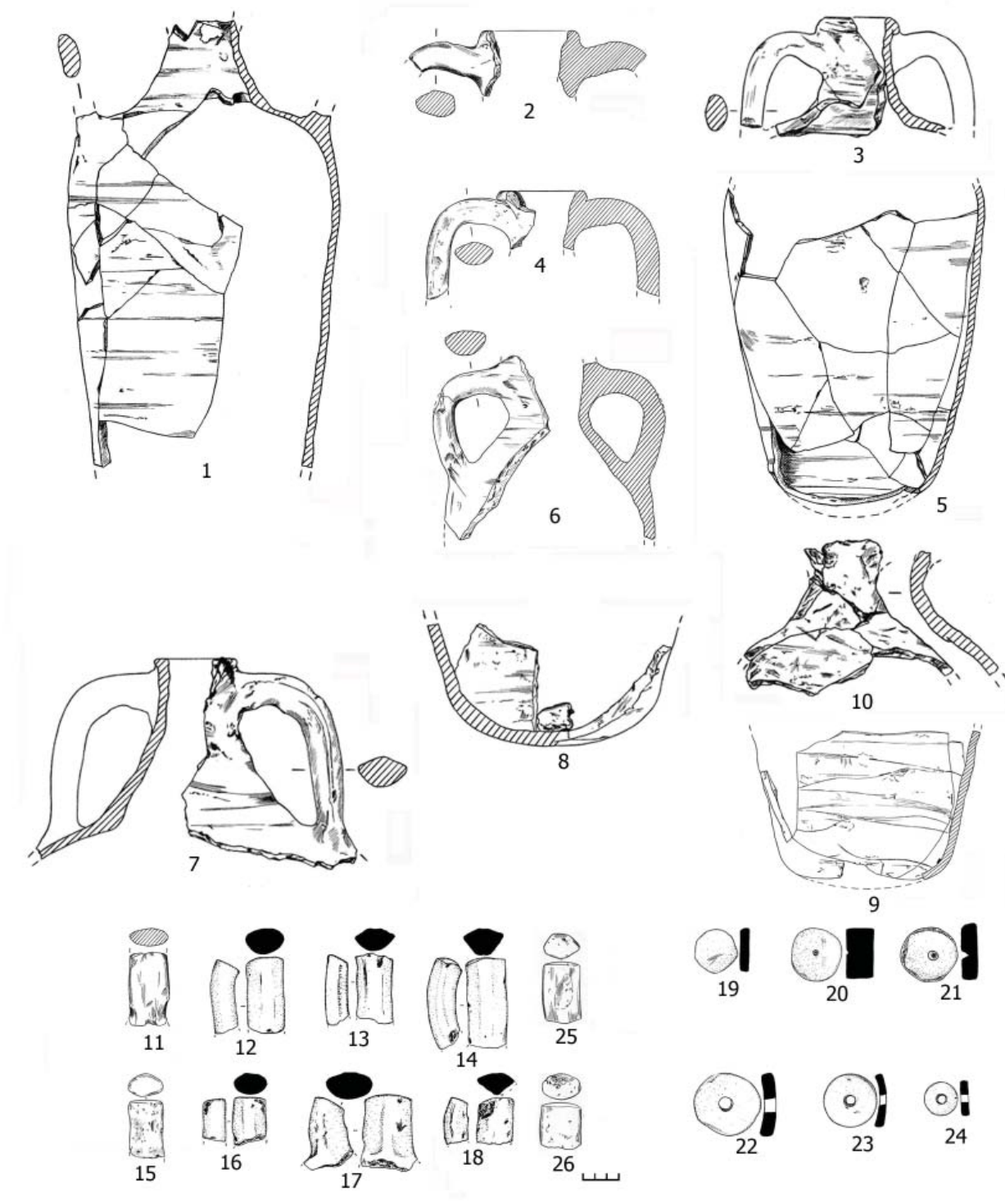

Рис. 196. Фрагменты амфор (1-10) и изделия из них (11-25). 1, 3, 7-8, 10-р.17, пом.22; 2-р.16, хоз. яма 10; 4-р.16, хоз. яма 5; 5-6, 15-р.16, пом 19; 9-р.16, хоз. яма 6; р.16, хоз. яма 8; 12-13, 16-26-ПМ; 14-пом.3.

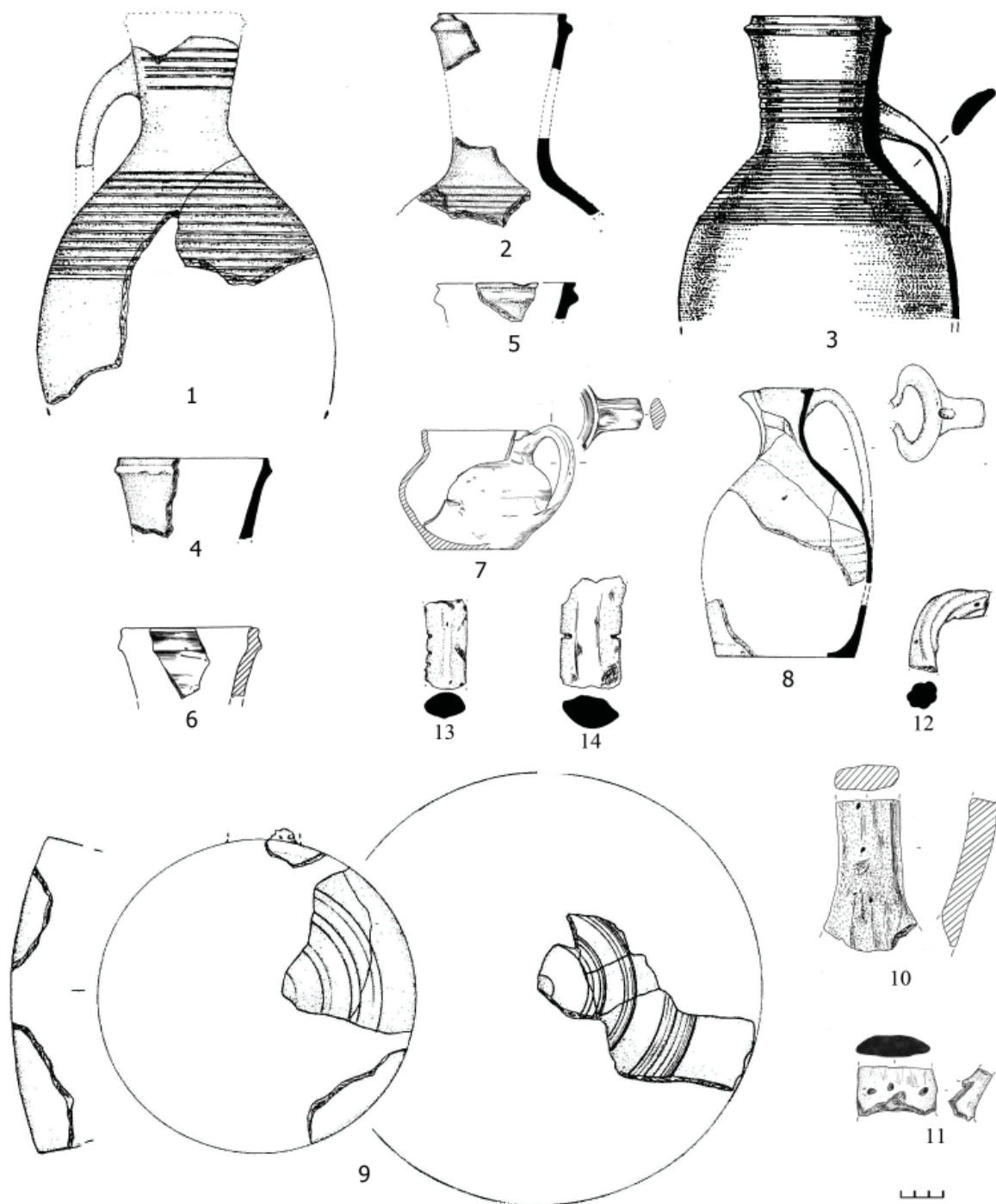

Рис. 197. Фрагменты привозной керамики с археологического комплекса у с. Сидорово. 1-р.1, хоз. яма 6; 2, 5-р.2, пом.3, дно; 3-хоз. яма 2 (1998); 4-р.2, хоз. яма 4; 6-р.16, хоз. яма 11; 7-р.16, пом.19; 8-р.2, хоз. яма 4; 9-раскоп 9, скопление 1; 10-р. 19, основание вала; 11-14 – ПМ.

1

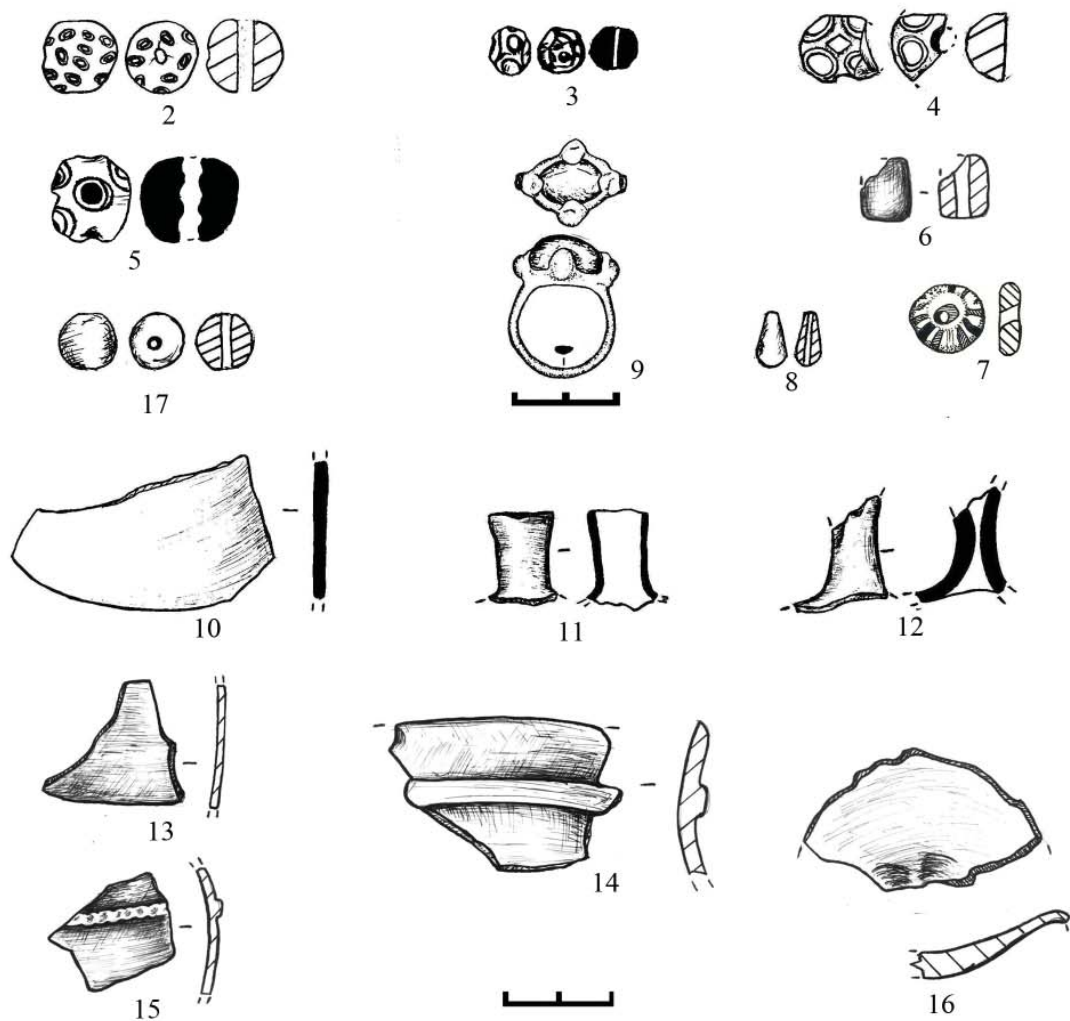

Рис. 198. Стекланные предметы из раскопок Сидоровского археологического комплекса. 1-фрагменты стекланных предметов на полу котлована пом.10; 2-р.1, хоз. яма 3; 3-5, 8-9, 17-ПМ; 6-р.9, хоз. яма 13; 7-хоз. яма 2 (1998); 10-12 – р.9, пом.10; 13, 15-16 – хоз. яма 9, пом.14; 14-р.9, хоз. яма 17.

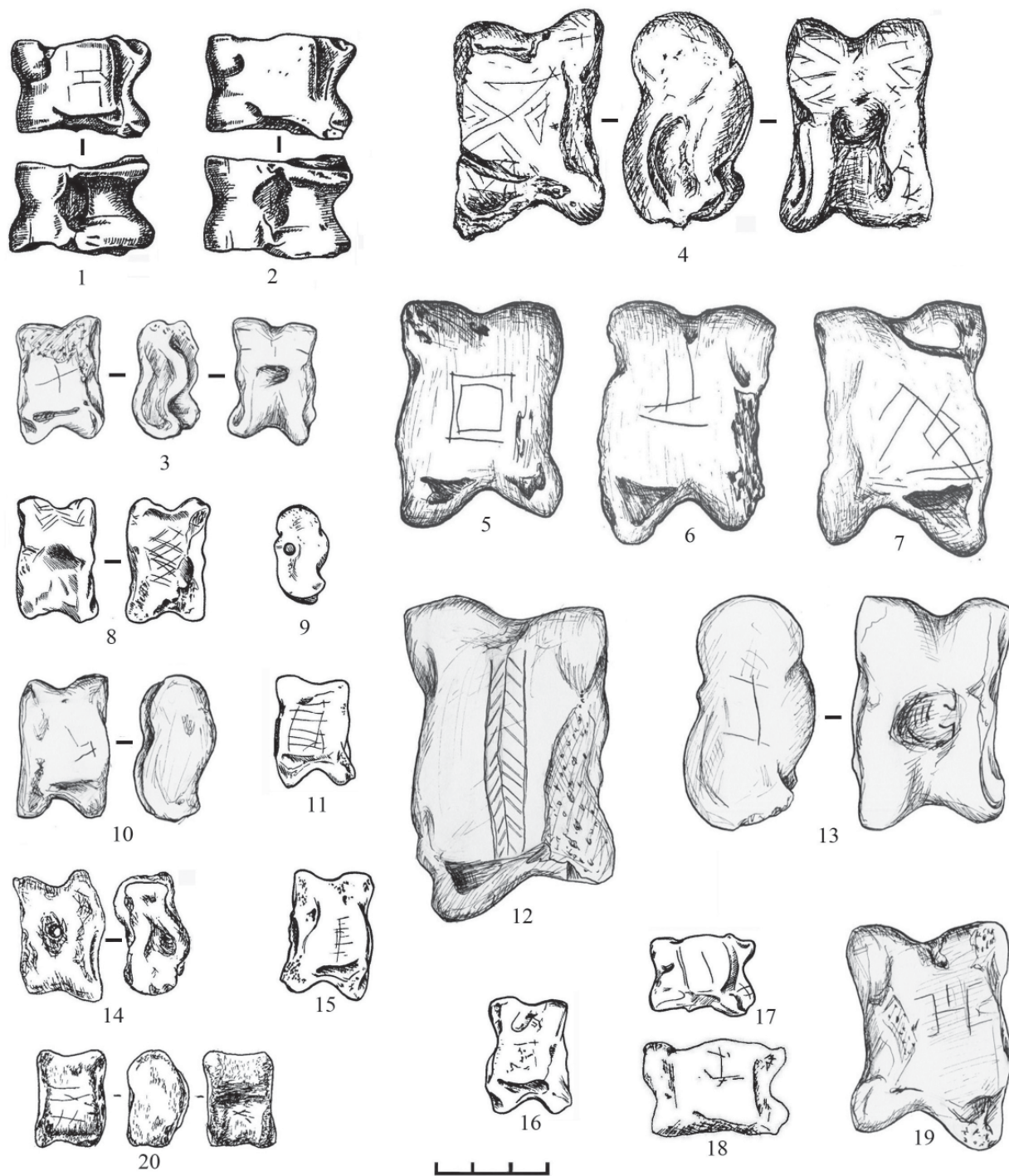

Рис. 199. Археологический комплекс у с. Сидорово. Астргалы с рисунками. 1-2 – хоз. яма 2 (1998); 3, 12-13, 19-р.7, хоз. яма 8; 4-р.2, хоз. яма 11; 5-7 – р.7, хоз. яма 9; 8, 15-17-р.17, пом. 22; 9, 11-р.16, пом.19; 10-р.7, хоз. яма 1; 14-ПМ; 18-р.2, пом.3; 20-р.19, Д-13 (-40).

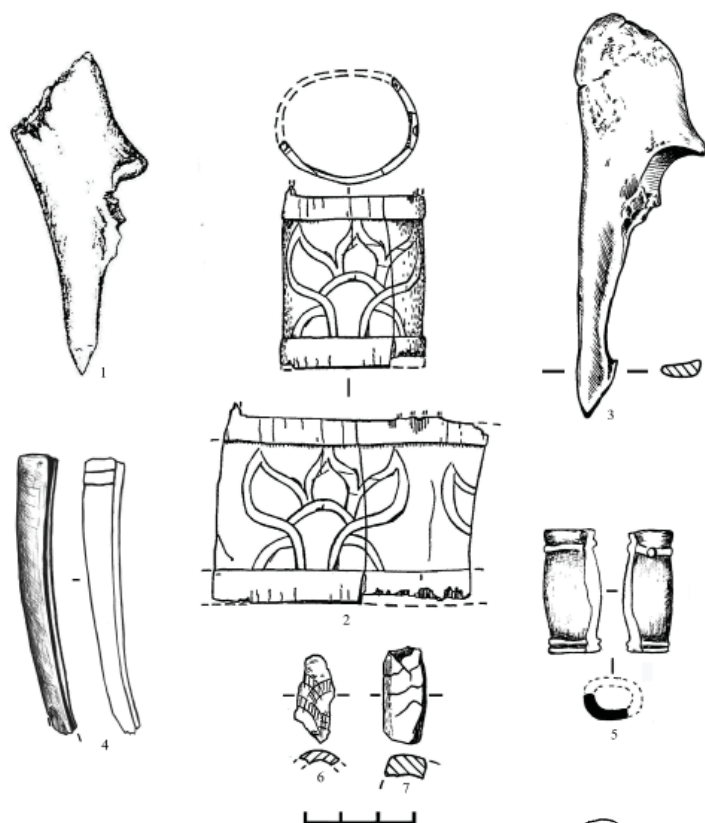
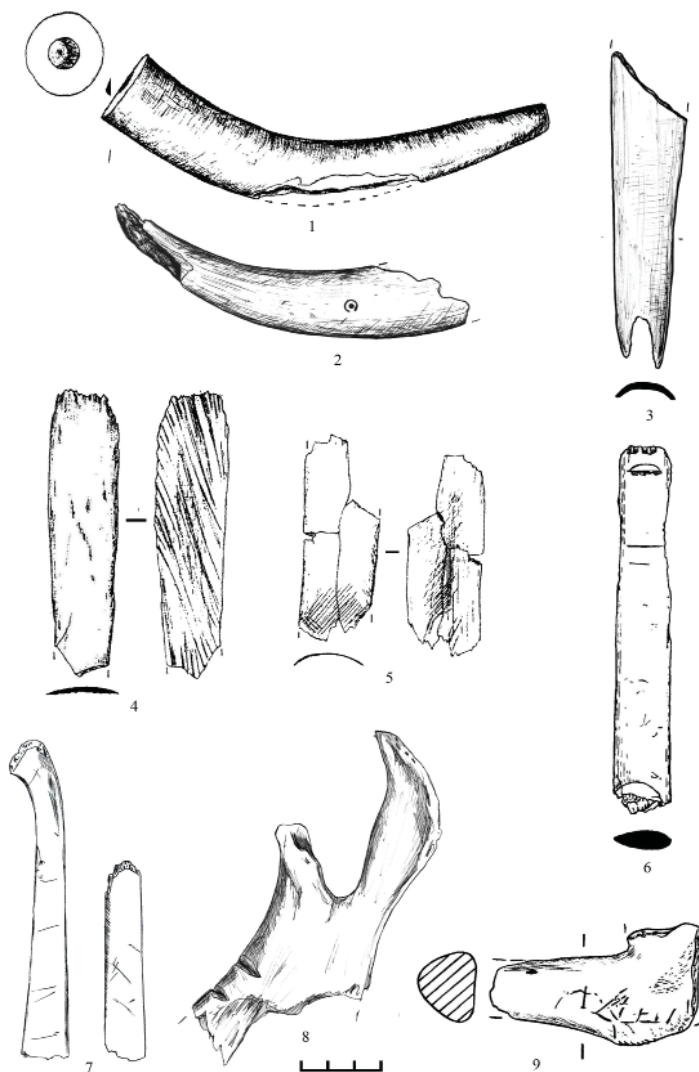

Рис. 200. Костяные изделия с археологического комплекса у с. Сидорово.

1-пом.5; 2-хоз. яма 2 (1998); 3-пом.21;
4-пом.14, хоз. яма 9; 5-р.3, верхний слой;
6-пом.19; 7-р.7, отвал.

Рис. 201. Археологический комплекс Сидорово. Изделия из кости и рога. 1-р.10, А-2 -30; 2-р.7, хоз. яма 9; 3-пом.15; 4-5-пом.5; 6-хоз. яма 2 (1998); 7-хоз. яма 1 и слой р.18; 8-р.6, хоз. яма 2; 9-пом.19.

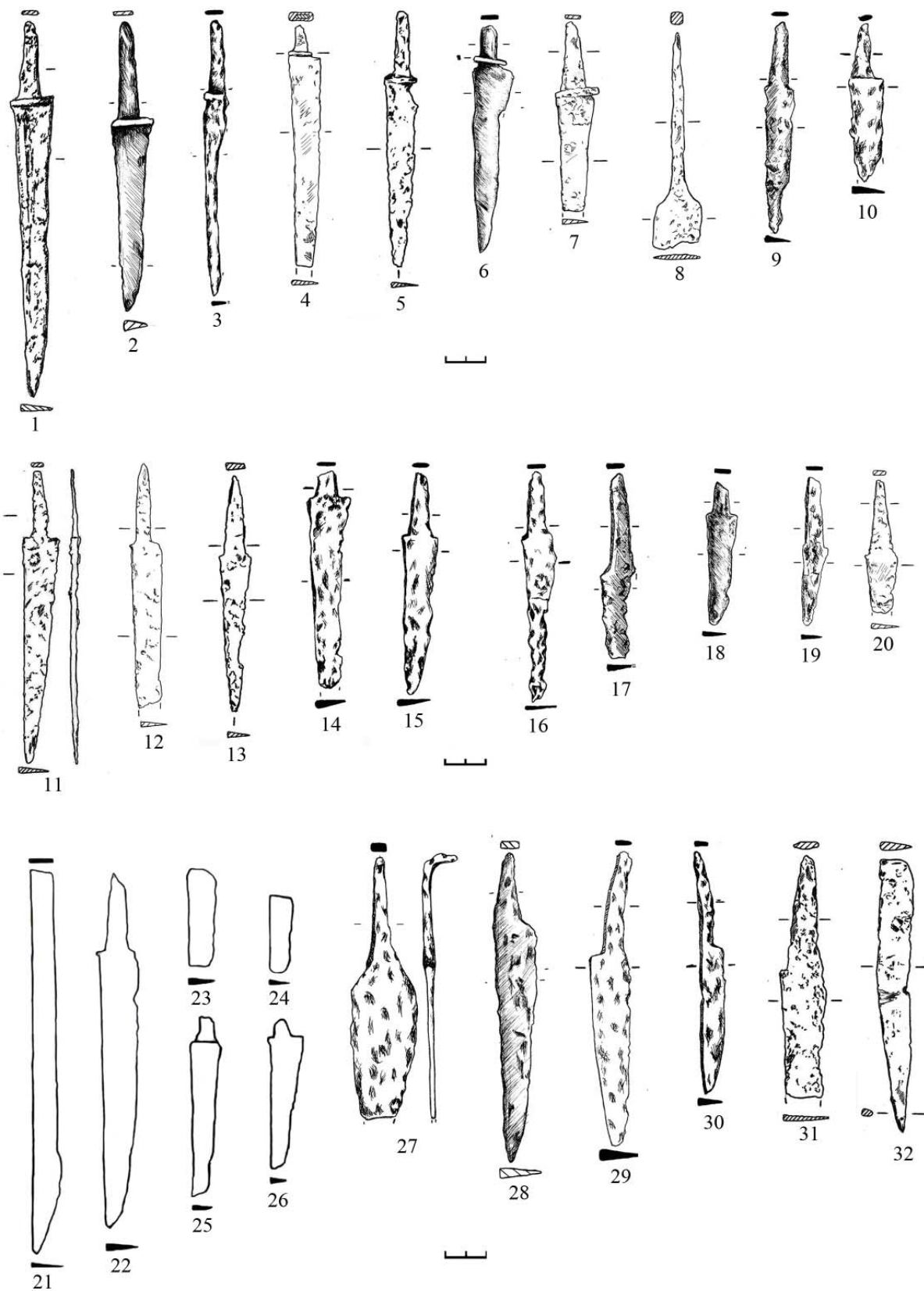

Рис. 202. Ножи с территории Сидоровского археологического комплекса. 1-р.19, заполнение рва; 2-р.9, К-18 (-30); 5-пом.19; 6-р.10, Е-7; 7-р.18, вырезка грунта у рва; 9-р.6, пом.5; 4, 8, 11-р.16, хоз. яма 4; 12-р.18, хоз. яма 1; 13-р.16, хоз. яма 10; 17-р.6, хоз. яма 1; 18-р.10, Е-8; 19-пом.7; 21-26-ПМ на поле (1971 г.); 28-р.2, хоз. яма 9; 29-р.2, верхний слой; 3, 10, 14-16, 20, 27, 30-32-ПМ.

Рис. 203. Железные орудия труда с археологического комплекса у с. Сидорово. 1-р.10, хоз. яма 3; 3-р.10, верхний слой; 5-; 6-пом.16; 17-р.16, хоз. яма 7; 2, 4-5, 7-16-ПМ. 12-14, 16 по Михеев В.К, 1971.

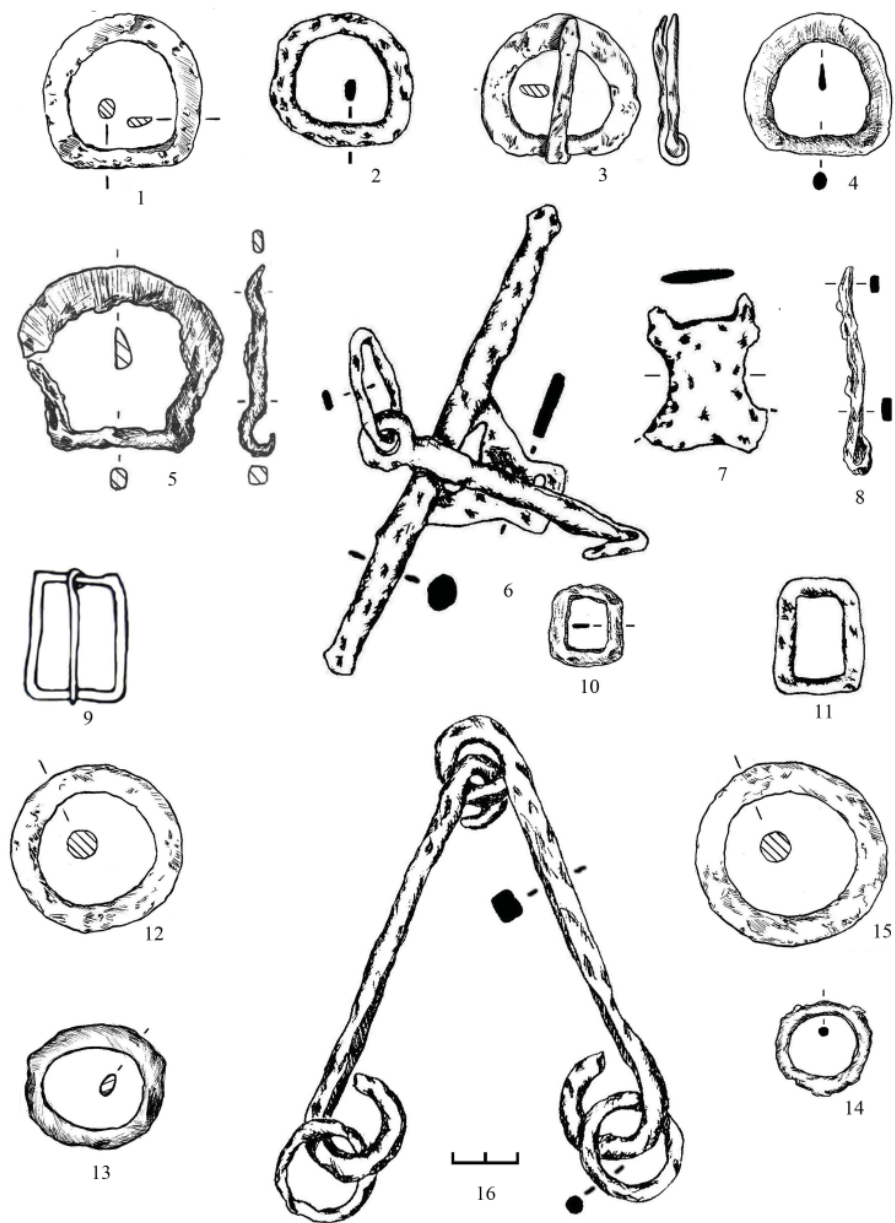

Рис. 204. Элементы конской сбруи и железные пряжки с Сидоровского археологического комплекса. 3-р.14, пом.16; 4-р.9, М-6 (-20-40); 5-р.7, хоз. яма 9, пом.14; 8-р.7, пом.8; 13-р.7, Б-14 (-20); 14-р.9, пом.10; 1-2, 6-7, 9-12, 15-16-ПМ. 9- по Михеев В.К., 1971.

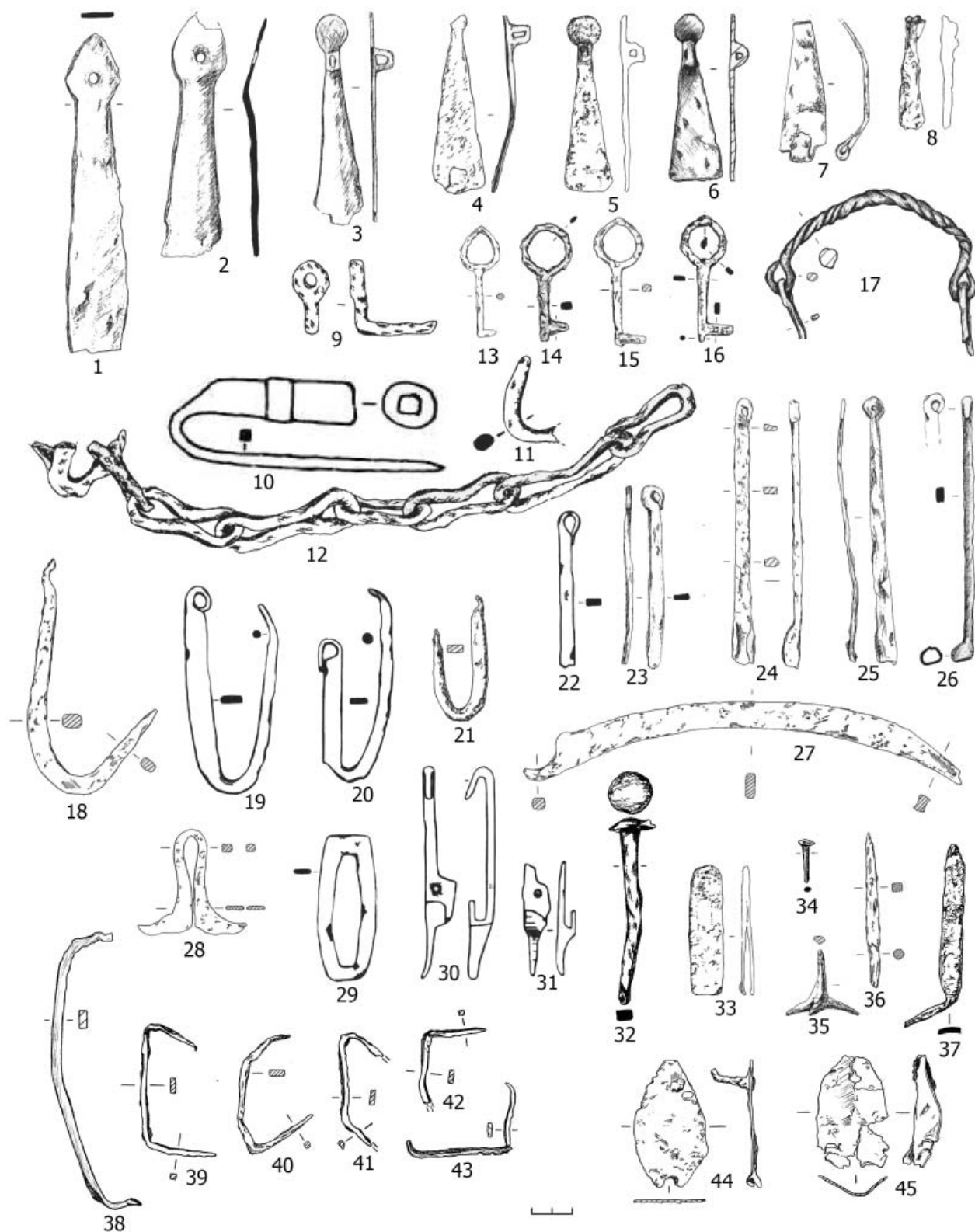

Рис. 205. Железные предметы с территории археологического комплекса у с. Сидорово. 10, 19-20, 29-31 – по Михеев, 1971. 1-2-р.9, И-4; 3-р.9, К-6; 5-р.20, хоз. яма 2; 6-р.9, хоз. яма 12; 8-р.20, хоз. яма 4; 13-пом.16; 15, 40, р.16, Ж-13 (20-40); 14-р.6, пом.5; 16-хоз. яма 1 (1998); 18-р.15; 21-р.19, слой; 23-р.7, хоз. яма 2; 25-р.7, пом.8; 26-р.10 верхний слой; 33- р.19, В-8 (-30); 36-пом.17; 37-р.20, слой; 38-р.7, Б-14; 39-р.16, хоз. яма 6; 41-р.16, хоз. яма 7; 42-р.16, хоз. яма 10; 43-р.7, пом.14; 44-45-р.18, хоз. яма 3. 4, 7, 9-12, 17, 19-20, 22, 24, 27-32, 34-35 – ПМ.

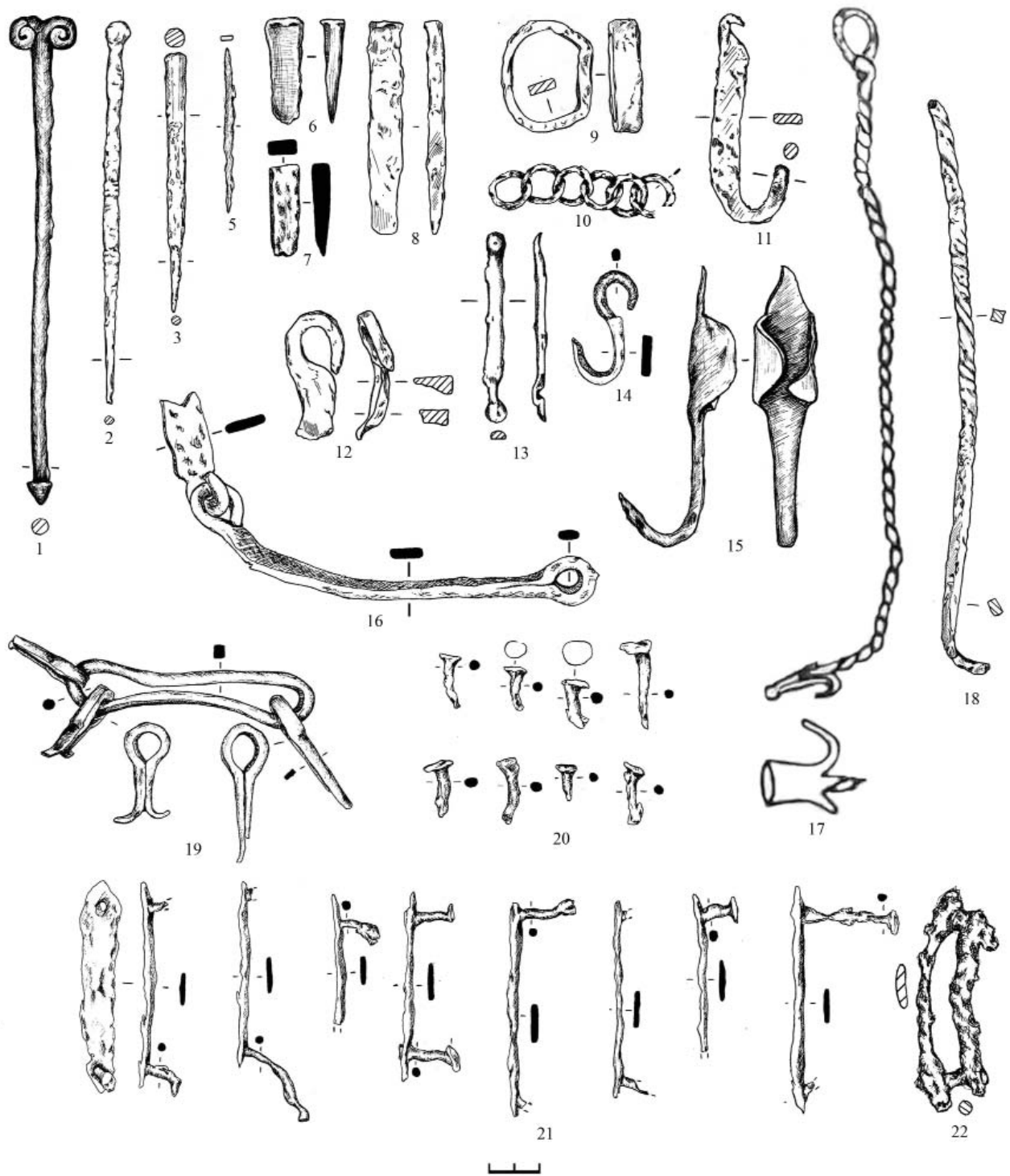

Рис. 206. Железные предметы с Сидорова. 1-р.9, Д-10 (-50); 3-пом.16; 5-р.7, пом.13; 6-р.9 3-14 (-20); 7-пом.19; 8-пом.18; 11-р.16, хоз. яма 5; 13-р.16, хоз. яма 10; 14-пом.11; 15-р.9, К-17 (-30-40); 19-р.9, Л-6; 20-21-пом.10; 22- 17-ПМ (по Михеев, 1971); 2, 9-10, 12, 16, 18-ПМ.

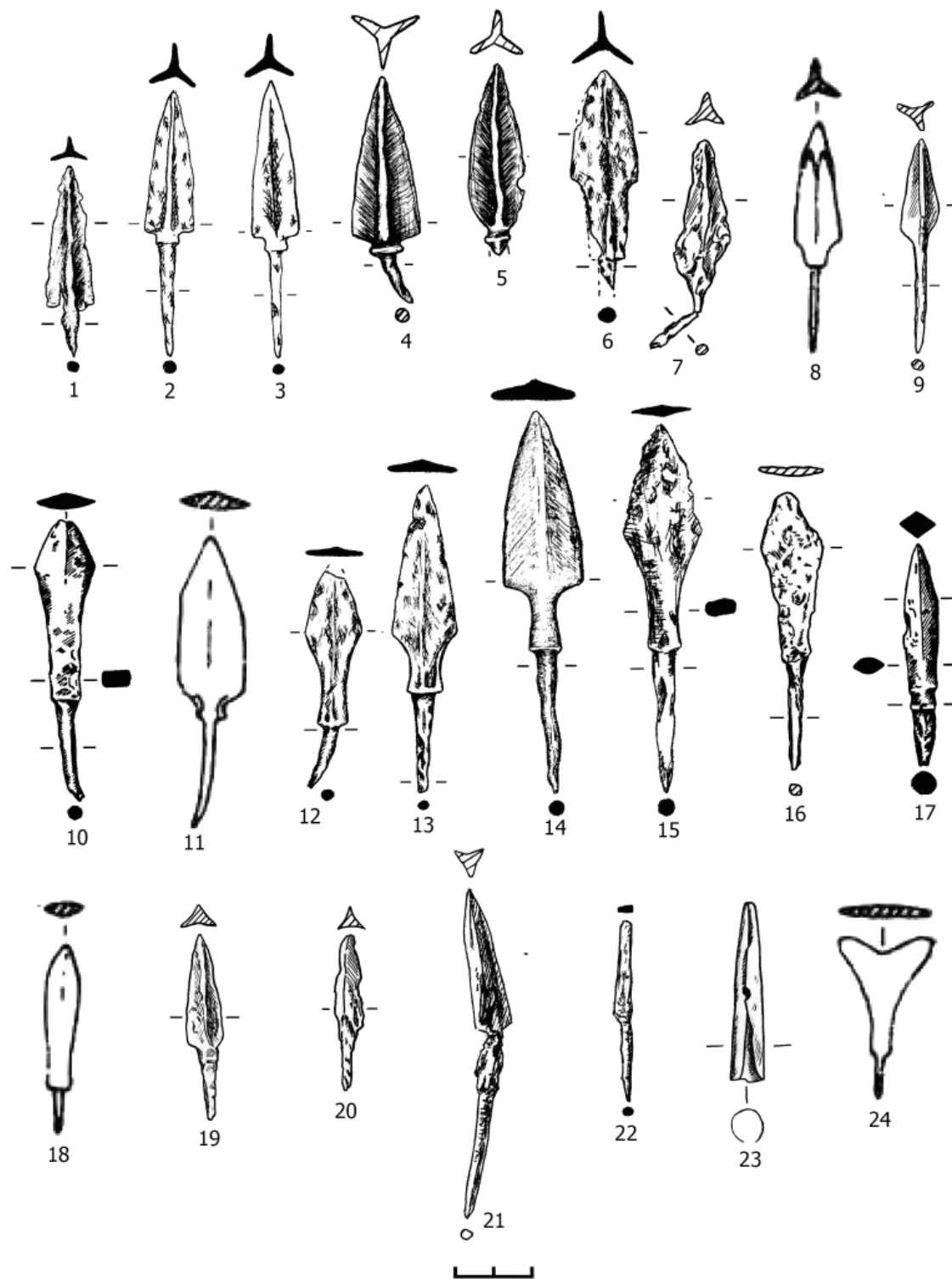

Рис. 207. Наконечники стрел с территории археологического комплекса у с. Сидорова. 8, 11, 18, 24 – по В.К.Михеев, 1971. 1-пом.10; 2-р.3, слой; 3-р.2, хоз. яма 7; 4-пом.12; 5-р.9, Б-11 (-40); 7-р.16, комп.3; 8, 24-р. р.П, заполнение рва; 14-р.9, Д-5; 15-Средний Яр; 6, 9-13, 16-20-24-ПМ.

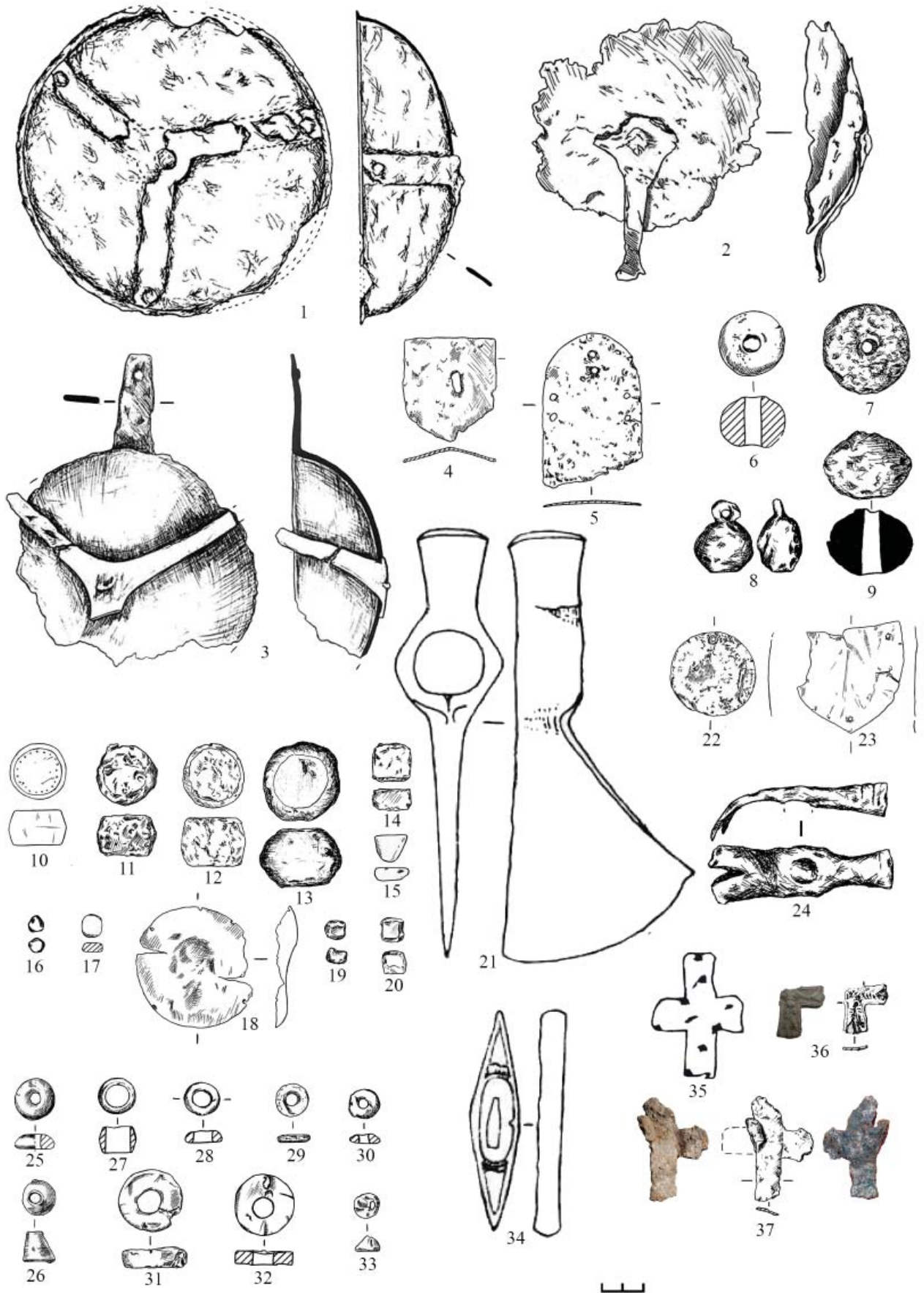

Рис. 208. Металлические предметы из Сидоровского археологического комплекса. 21, 34-35 (по Михеев В.К., 1985). 1-р.2, хоз. яма 9; 3-пом.14; 9-р.6, пом.5; 10, 12-р.16, слой; 13-пом.10; 14-р.18, срезка у рта; 15, 22-пом.16; 27-р.16, хоз. яма 5; 37- р.18, слой;; 2, 4-6, 8, 16-20, 23-26, 28-36-ПМ.

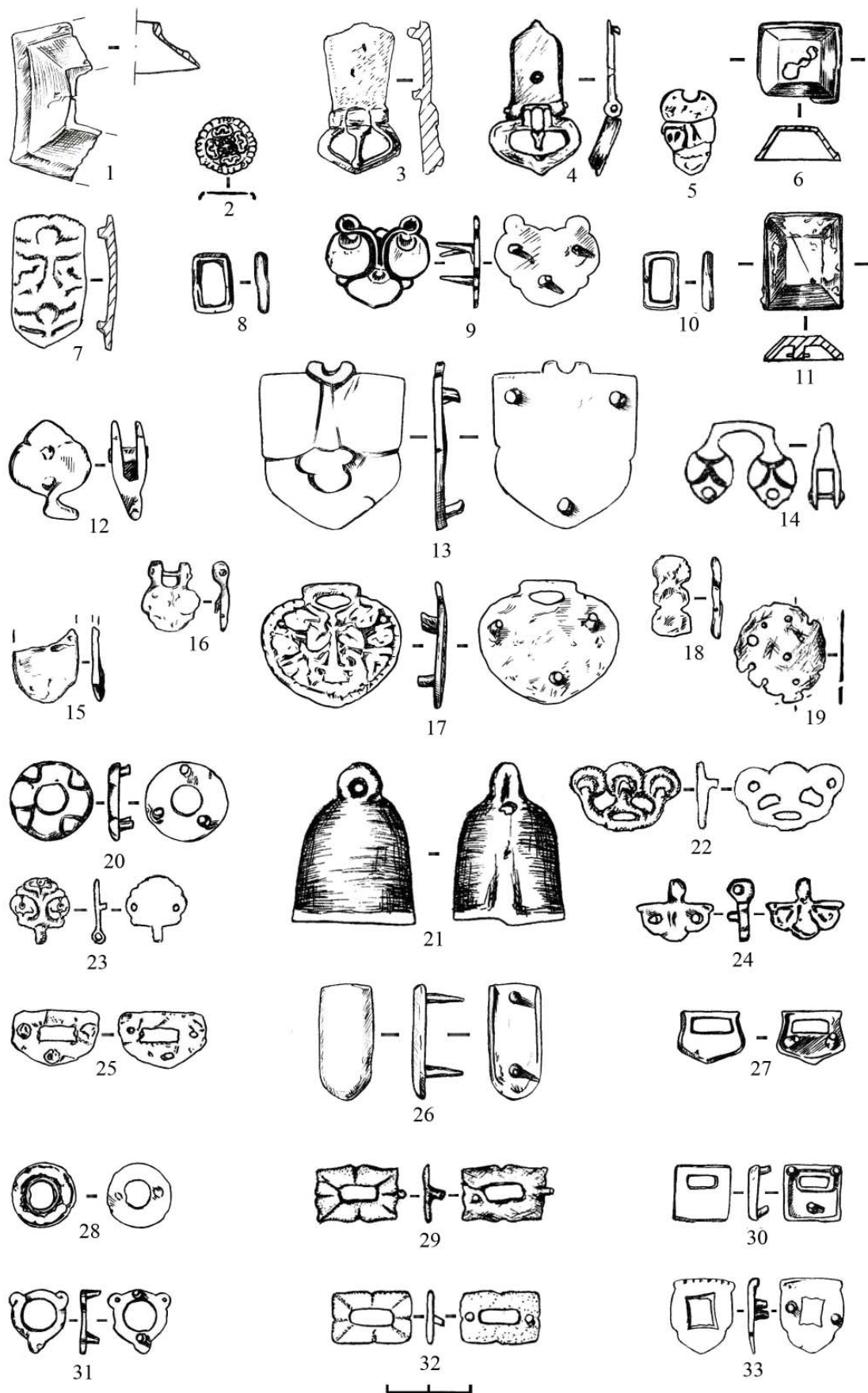

Рис. 209. Археологический комплекс у с. Сидорово. Детали поясной гарнитуры и ботало. 5, 17-18, 24-р.16, верхний слой; 16-р.18 вырезка грунта у рва; 28-пом.16; 1-4, 6-15, 19-23, 25-33-ПМ.(14 – по В.К.Михеев, 1985).

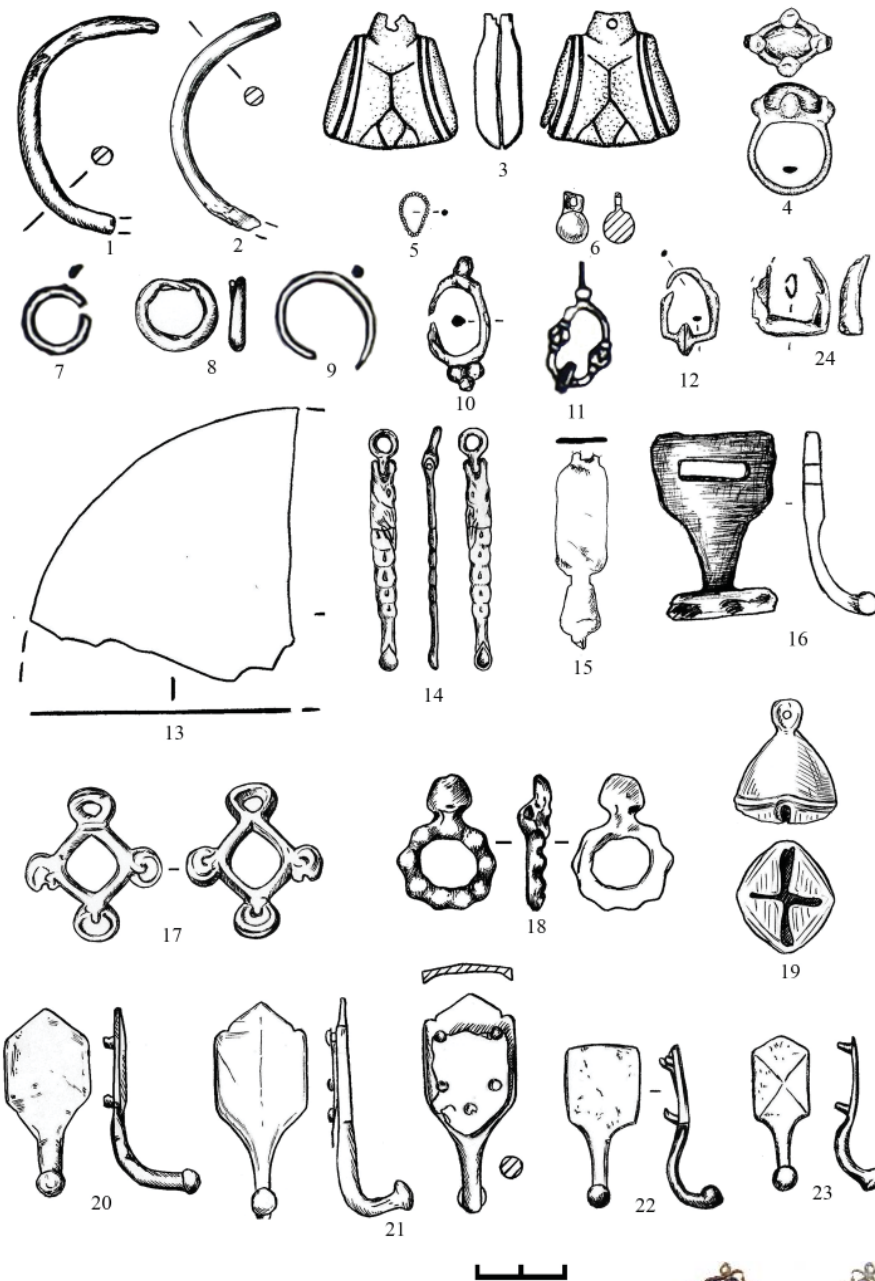
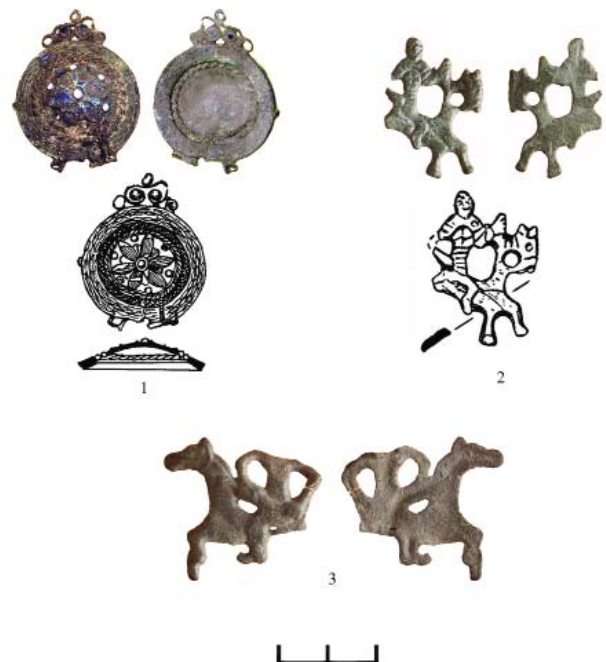

Рис. 210. Археологический комплекс у с. Сидорово. Предметы из цветных металлов. 3-р.7, хоз. яма 9; 14-р.16, хоз. яма 4; 16-р.9, К-12 (-20); 20-пом.16; 21-р.16, верхний слой; 24-р.5, погр1; 1-2, 4-13, 15, 17-19, 22, 23.

Рис. 211. 1-бляха с археологического комплекса у с. Сидорово. 2-3-фигурки всадников из материалов А.В.Шамрая (с. Сидорово и с. Маяки).

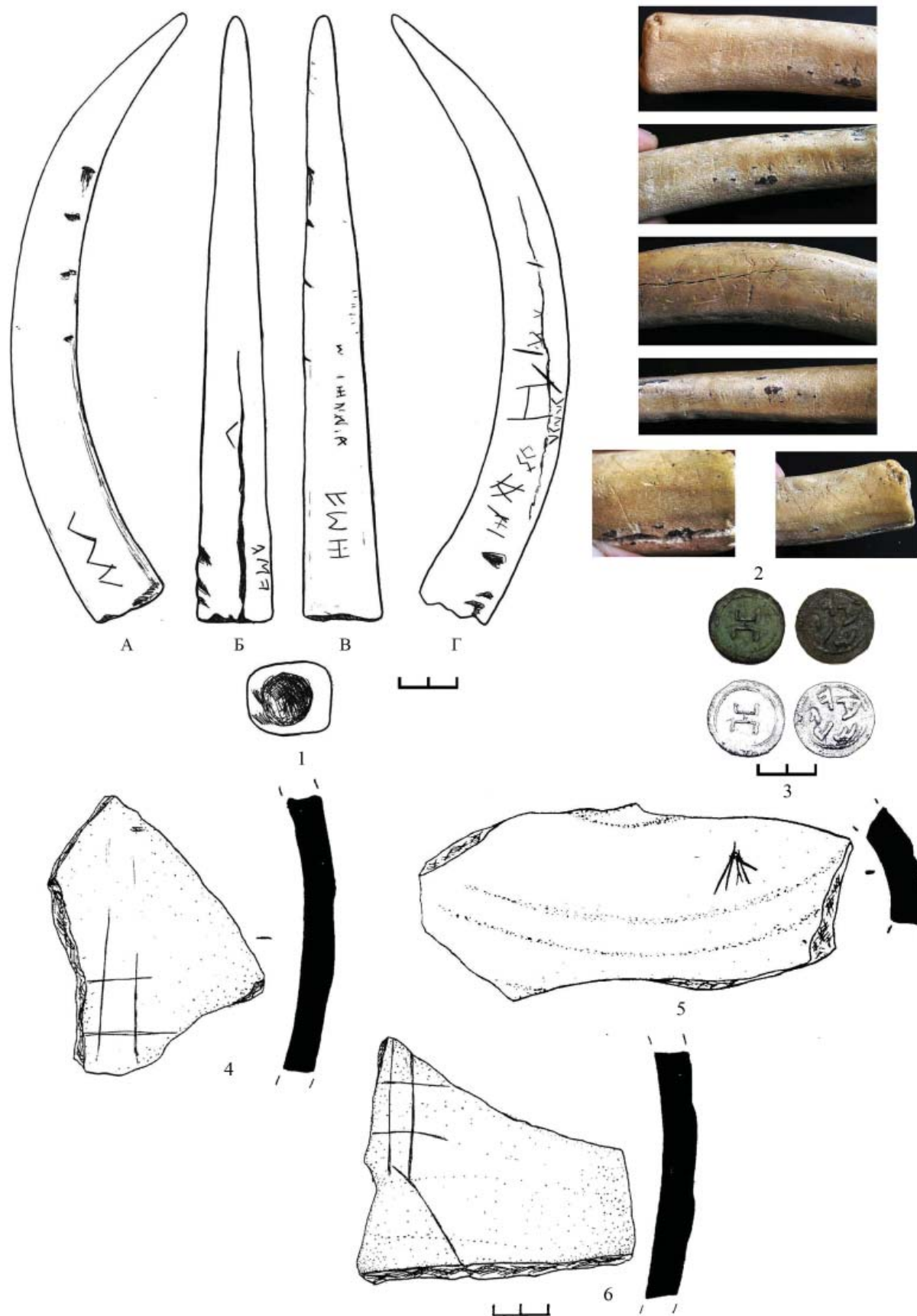

Рис. 212. Фрагменты керамики с прочерченными знаками (4-6); рунический дирхем из с. Новоселовка Краснолиманского р-на (3) и рог с рунической надписью с археологического комплекса у с. Сидорово.

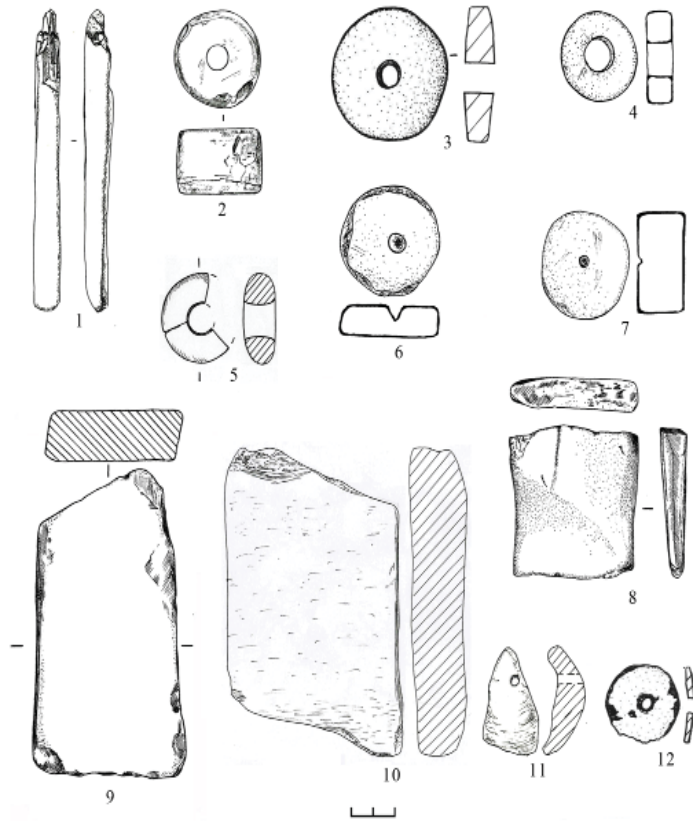
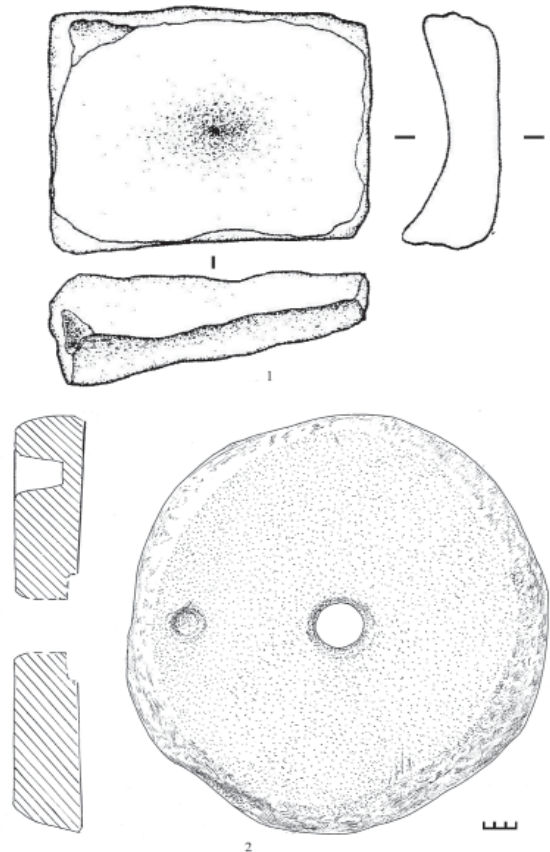

Рис. 213. Археологический комплекс Сидорово. Предметы из камня (1-10) и раковины (11-12). 1, 4, 6-7, 11-ПМ; 2-р. 18, В-7 (-20-40); 3-; 5 – пом.16; 8-р. 16, хоз. яма 6; 9-р.16, пом.19; 10-А-12 (20-40); 3, 12-пом.14; 13-р. 14.

Рис. 214. Каменные изделия с Сидоровского археологического комплекса. 1 – зернотерка из пом. 10; верхняя часть жернова из р.19 (лежал над погр.7 могильника 3).

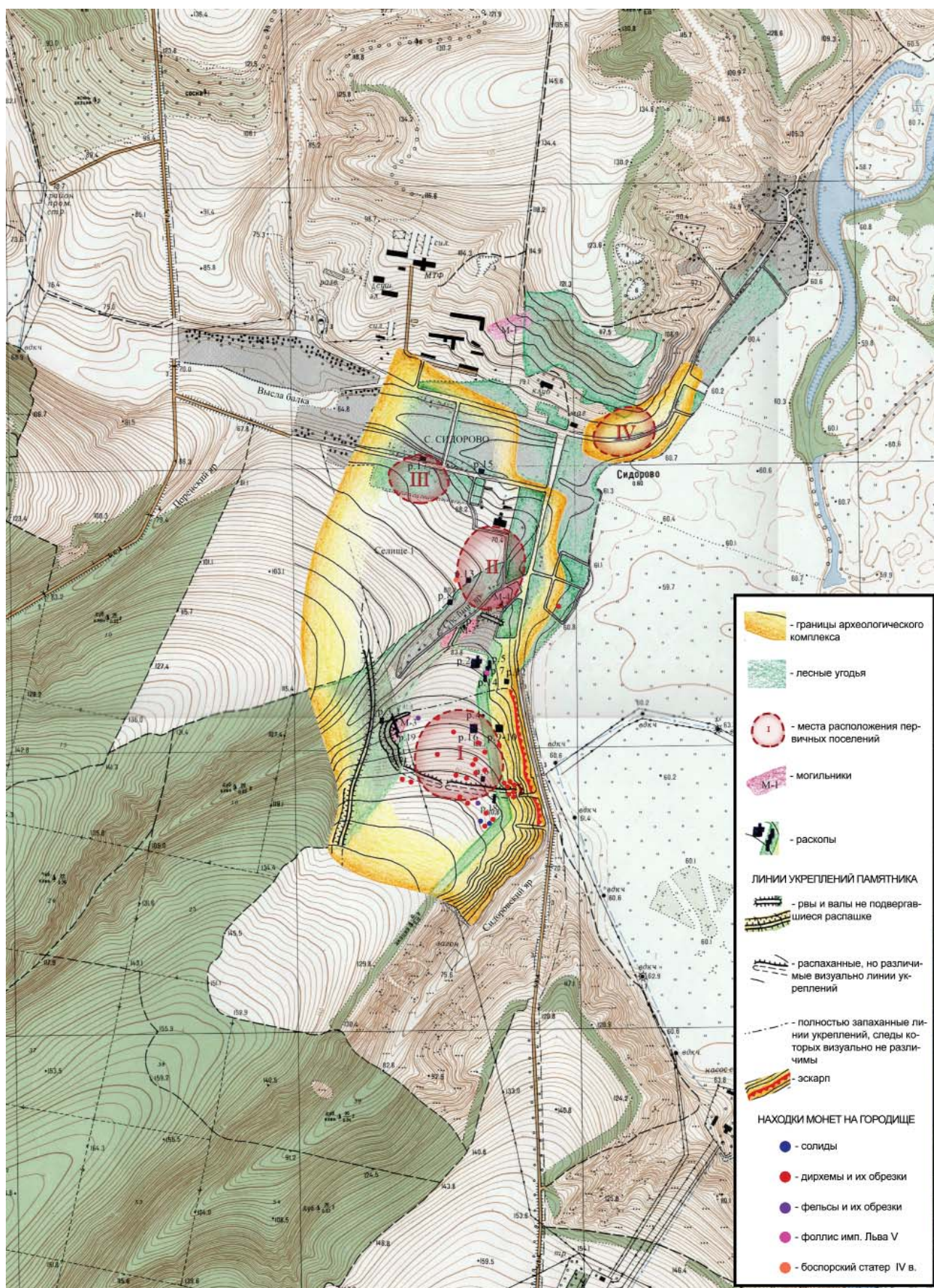

Рис. 215. Археологический комплекс у с. Сидорово. Схема памятника с обозначением мест находок монет и мест расположения первичных поселений.

Рис. 216. Монеты, выявленные в пределах археологического комплекса у с. Сидорово. 1-26 – серебро; 27 – золото; 28 – медь.

Рис. 217. Рунический знак, процарапанный на дирхеме

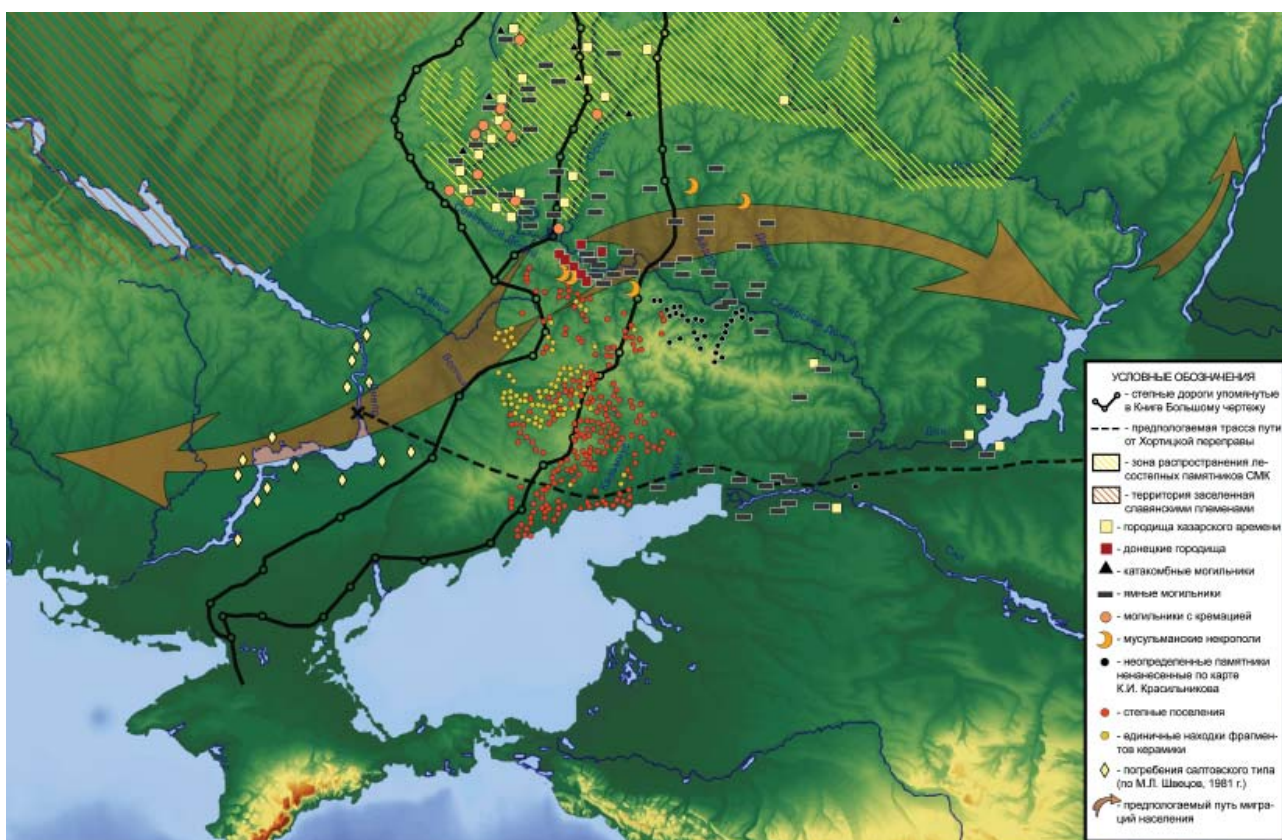

Рис. 218. Схема распространения памятников салтово-маяцкой культуры Донецкого региона.

Summary

Е.Е. Kravchenko

Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River

A group of medieval fortified settlements, most of which correspond to the Khazar period, is located on the southern border of the buffer zone between the steppe and forest-steppe in the middle course of the Seversky Donets river. The largest of them is an archaeological complex near Sidorovo village in the Slavianskiy district of Donetsk Oblast. It consists of a settlement, 2 villages and at least 4 necropolises. The total area of the monument exceeds 120 hectares. The archaeological site was studied during 13 field seasons (1996-97; 2000-2004, 2006, 2009-2013). A total of about 6500 sq. m. (4600 sq. m. in the settlement and about 1900 sq. m. at burial grounds) were excavated over this period. In the residential part of the monument, the excavations included the pits of 27 dugouts for residential and household use, the remains of two ground structures, 95 household pits, a group of ground structures (bathrooms, ground ovens, smokehouses), a hoard of iron articles, and individual burials. More specific information about the monument's fortification was obtained, and sectional views of its moats and ramparts were prepared, which have allowed to form an overview of the nature of its fortifications. A total of 244 burials were excavated at the necropolis. The obtained material reflects not only the historical and cultural situation at this archeological site, but also gives an insight into the processes which have taken place in the territory of the vast region.

The settlement is the basis of the complex. It featured two fortification lines dating back to different time periods, with the inner line being the earlier one. The eastern slope of the settlement was fortified by a stepped escarpment, making it more difficult to access the settlement from the floodplain. The inner fortification line consisted of two rows of moats and ramparts, and had a perimeter of 1.2-1.3 km. The outer row was a picket fence. The inner moat was up to 2.2-2.4 meters in depth. The perimeter of outer fortification line was at least 2.5 km. Study results indicate that the line was not completed. The settlement had two parallel wooden walls, and the space between them was backfilled with soil. Thus, the fortifications of early medieval settlements in the middle course of the Seversky

Donets were similar to the fortifications of towns which appeared in this territory in the 2nd half of the 17th century.

The necropolises of the monument are represented by four burial grounds. There were probably more of them, and not all cemeteries have been identified. Two largest necropolises (No. 1 and No. 2) contained Muslim burials. Burial ground 3, stretched along ramparts of the fortification line, appeared during battles, when it was not possible to bury the deceased at cemeteries outside the walls. Burial ground 4 has contained pagan burials similar to the "Zlivka" type which are attributed to the Proto-Bolgar population.

A group of burials identified in the residential part of the monument is represented by the burials of people who died in battles and graves associated either with pagan rites or criminals and other social outcasts.

Structures at the settlement are represented by residential and household buildings which are characterized by their significant diversity. The remains of two ground structures and 27 dugouts were excavated during the studies. Of particular interest are the buildings embedded into the slope, which are dwellings of a combined type featuring the elements of dugouts and ground structures with a pole or pillar wall structure. Certain dugouts had large dimensions (up to 36 sq. m). The main heating facilities were stone stoves and open hearths which were often accompanied by an additional structure - "komelyok", which is a fired pit with hot coals placed inside. The original heating structure (an oven composed of a big vessel embedded into the wall) was revealed in room 14.

One of the dugouts with a wall kiln was a production complex – the room of a pottery with another kiln located nearby. The typological variety of buildings of the Sidorov's complex indicates that inhabitants used various building traditions accounted for by the complex ethnic composition of the site's population.

During the studies, a total of 97 household pits were excavated at the settlement. They can be subdivided into 5 groups in terms of a number of attributes (shape, depth, dimensions, type of filling) associated with differences

in their functional purpose. Pits with a bell-shaped expansion at the bottom were used for grain storage, and three of them (cylindrical, rectangular pits and cooler pits) were probably used as cellars. A group of shallow pits were common dump wells.

Also, a number of land-based household complexes was identified, which were represented by the remains of open hearths, bathrooms resembling Central Asian "toshna", stoves made of the lower parts of large storage vessels. In one case, a primitive smokehouse made of a stucco pithos fragment was identified.

A large number of physical materials have been discovered in the course of the studies of the archaeological complex. The finds include ceramics, coins, and items made of stone, bones, horn, glass, ferrous and non-ferrous metals. These items describe the lifestyle and activities of the site's population and allow to compare the obtained information with materials from other synchronous monuments located in other adjacent territories. Individual categories (ceramics, coins, imported goods) allow to trace the directions of trade and cultural links of the region's population.

The most common and numerous category of physical materials is ceramics of local manufacture and imported ceramic storage vessels, which amount to 35-40% of the total number of the site's ceramic items. Imported products include small quantities of glass (fragments of flasks, vials, stacks, window glass). A small group is represented by items made of bone, horn and shells. Of particular interest is an elk horn fragment with a runic inscription on the surface. The inscription is made by runes known as "kuban" writing.

A substantial portion of metal products is represented by household items. The particularly noteworthy finds include a stylus, a group of weights, a scale cup and coins indicating that the settlement's population engaged in trade. A small number of implements and almost no blanks were discovered, which implies that craft activity was not widely spread among the inhabitants of the settlement.

The armaments are represented by arrowheads, flail heads, a saber guard, bone overlays of a bow, a battleaxe and axe fragments. Of special interest are the discovered shield umbons, which are extremely rarely encountered at the monuments of the Saltovo-Mayaki culture. The presence of three such items at the Sidorov complex is unique.

The aforesaid material leads to a conclusion that the settlement was founded at the end of the 8th century. At the early stages, it represented 3 or 4 small settlements located at a small distance from each other. In the mid-9th century, within the framework of a fortification of the western border of Khazar Khaganate, a fortress was built on the basis of one of them, after which the settlement began to grow. In this period, Central Asian Muslims representing the military class appeared at the site. Ethnically, they were probably close to the Khorezm Muslims referred to in historical publications. During this period, several communities existed at the settlement, which were united by religion: Muslims, Christians and pagans, with the leading role among them played by the Muslim community.

A new period of construction activity began in the late 9th century and was caused by a migration of Pecheneg nomads to South Russian steppes. An external hazard gave rise to a relocation of the population of the surrounding unfortified settlements to a large settlement. In this period the archaeological complex reached its maximum size. The territory between the previous settlements was developed, and an attempt was made to construct a new line of fortifications. Its purpose was to create a single line of defense, which was intended for protection of the settlement and a large adjacent village. This construction was interrupted by events which resulted in a termination of Saltovo settlements in the region. According to the available materials, the archaeological complex near Sidorovo village was not vandalized, but abandoned in an orderly fashion.

The demise of Khazar Khaganate led to significant changes in the middle course of the Seversky Donets river. The settlements ceased to exist. The number of villages decreased sharply. A major portion of the settled population left the territory. Their migration routes varied. Some of them has migrated to the west into the territories accommodating the monuments of Balkan-Danube culture. The Muslims who lived in the middle course of the Seversky Donets river most probably migrated to the Middle Volga. They brought their previously acquired craft and farming skills to the emerging Volga Bulgaria, and probably increased the influence of Islam in this area. The Saltovo ceramics is discovered in the lower layers of almost all major Bolgar centers.

The tradition of settled life did not brake down completely in the middle course of the Seversky

Donets river, where a portion of the population remained, which lived there in the 8th-10th centuries. Certain settlements continued to exist, having decreased in size. Their chain, stretched out along the Seversky Donets river, marks a route linking the Russian lands with steppe enclaves in Belaya Vezha and Tmutarakan. The material culture of the monuments bears the traces of the influence of the ancient Russian cultural traditions, most clearly visible in the ceramics of these settlements. An analysis of the residential and household structures indicates a strong influence of steppe traditions. These include a

total absence of any traces of agricultural activity practiced by the population of their inhabitants, which was replaced with fishing, which played a major role in their lifestyle, along with hunting and probably household cattle breeding. In terms of confession, the population was Greek Christian. The settlements continued to operate throughout the late nomadic and Golden Horde periods coexisting with the monuments widely represented in the territory of the Golden Horde. Some of these settlements were increasing in size, and large Golden Horde centers emerged in their vicinity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Эдуард Евгеньевич, старший научный сотрудник, Донецкий Республиканский краеведческий музей (г. Донецк, Украина); sidae@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kravchenko Eduard E. Donetsk Museum of Local History. Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; sidae@mail.ru

REFERENCES

- Aibabin, A. I. 1976 In *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 41. Leningrad: The State Hermitage Publ. 27–30 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2001. In *Vita antiqua*. 2, 137–149 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2001. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* 1–2, 62–78 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2002a. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 3, 98–114 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2002b. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kharkiv: "Karavella" Publ., 6–17 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2004. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev-Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 202–212 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2005a. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 245–260 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2005b. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 357–368 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2007. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 6. "International Solomon University" Publ., 7–25 (in Ukrainian).
- Aksenov, V. S. 2010. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)*. 4. Kiev, Sudak: "TOV Gorobets" Publ., 354–364 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2013. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 3. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 15–21 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2015. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 13. Moscow: "Probel-2000" Publ., 65–81 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2016. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 14. Moscow. 15–37. (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2017. *Mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury u s. Chervonnaia Gusarovka na Severskom Dontse (Burial Mound of Saltovo-Mayaki Culture near Chervonnaya Gusarovka Village on the Seversky Donets)*. Khar'kiv (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2017b. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 15. Moscow. 17–36. (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2017b. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 15. Moscow. 37–57. (in Russian).
- Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 344–357 (in Russian).
- Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 2000. In *Arkheologiia (Archaeology)* (4), 55–58 (in Ukrainian).
- Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 2006. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 5. Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 7–25 (in Russian).
- Aksenov, V. S., Tortika, A. A. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 191–218 (in Russian).
- Aksenov, V. S., Khoruzhaia, M. V. 2004. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev-Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 199–215 (in Russian).
- Albegova, Z. Kh., Kovalevskaya, V. B. 2011. In Mamaev, Kh. M. (ed.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 277–295 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1982. In Ambroz, A. K., Erdeli, I. F. (eds.). *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov (Antiquities of the Migration period in 5th - 8th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 204–222 (in Russian).

Antonova, I. A., Danilenko, V. N., Ivashuta, L. P., Kadeev, V. I., Romanchuk, A. I. 1971. In Syuzumov, M. Ya. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages) 7*. Sverdlovsk: Ural State University, 81–100 (in Russian).

Apareeva, E. K., Krasil'nikov, K. I. 2001. In Litvinenko, V. F. (ed.). *Aktual'ni problemi vitchiznianoï i vsesvitn'oi istorii (Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії)*. Lugansk, 297–301 (in Russian).

Armarchuk, E. A. 2006. *Konskaia upriazh' iz mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X–XIII vv. (Horse Harness from the Burial Mounds of the North-Eastern Black Sea Region dated the 10th–13th cc.)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Artamonov, M. I. 1935. *Srednevekovye poseleniia na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoi ekspeditsii (Medieval Settlements on the Lower Don River: Based on the Materials of North Caucasian Expedition)*. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 131. Leningrad: "OGIZ" Publ. (in Russian).

Artamonov, M. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

Artamonov M. I. 2001. *Istoriia Khazar (History of the Khazars)*. Saint Petersburg: "Omrga" Publ. (in Russian).

Artamonova, O. A. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 109. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 9–209 (in Russian).

In Golmsten, V. V. (ed.). 1941. *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological Investigations in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian)

Atavin, A. G. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 262–266 (in Russian).

Afanasyev, G. E. 1973. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 36. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. 36–39 (in Russian).

Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Afanasyev, G. E. 1993. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniia basseina Srednego Dona (The Alans of the Don River: social structures of the Alans, Asi and Burtas from the Middle Don area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Babenko, V. A. 1914. In *Trudy XV Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 15th Archaeological Congress)*. I. Moscow, 446–464 (in Russian).

Bagalei, D. I. 1886. *Materialy dlia istorii kolonizatsii i byta stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva (Khar'kovskaia i otchasti Kurskaia i Voronezhskaia gub.) v XVI-XVIII stoletii (Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковская и отчасти Курская и Воронежская губ.) в XVI-XVIII столетии)*. Kharkiv (in Russian).

Bagalei, D. I. 1890. *Materialy dlia istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoi i otchasti Kurskoi i Voronezhskoi gubernii (Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний)*. Kharkiv (in Russian).

Bagalei, D. I. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12nd Archaeological Congress)*. I. Moscow, 1–97 (in Russian).

Baiburin, A. K. 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavlenii vostochnykh slavian (Жилище в обрядах и представлении восточных славян)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Baranov, I. A. 1990a. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura) (Tauris in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Baranov, I. A. 1990b. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoi Evrope (Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 72–100 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early*

Modern Time (15th - first half of 18th cc.). Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Bykov, A. A. 1974. In Tveritina, A. S. (ed.). *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy* (Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы). 3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasil'eva, G. P. 1986. In Basilov, V. N. (ed.). *Drevnie obriady, verovaniia i kul'ty narodov Srednei Azii* (Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии). Moscow: "Nauka" Publ., 182–195 (in Russian).

Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu., Zilivinskaya, E. D. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia* (The Cuman-Golden Horde Period). Donetsk: Donetsk National University, 83–122 (in Russian).

Veimarn, E. V., Aibabin, A. I. *Skalistinskii mogil'nik* (Скалистинский могильник). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Veber, E. 2002. *Runicheskoe iskusstvo* (Руническое искусство). Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Afanas'eva, F. E. 1991. *Kul'tovye komplekсы Maiackogo selishcha* (Культовые комплексы Маяцкого селища). Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 1984. In Pletneva, S. A. (ed.). *Maiatskoe gorodishche* (Mayaki Fortified Settlement). Moscow: "Nauka" Publ., 95–135 (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 1984. *Slavianskie kurgany Lesostepnogo Dona* (Славянские курганы Лесостепного Дона). Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Pletneva, S. A. 1998. *Na severnykh rubezhakh Hazarskogo kaganata. Mayatskoe posele-nie* (On the Northern Borders of Khazar Kaganate. Mayaki Settlement). Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Sarapulkin, V. A. 2007. In Rashev, R. (ed.). *Problemi na prablgarskata i kultura* (Issues of proto-Bulgarian history and culture) 4-1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 313–332 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Sarapulkin, V. A. 2008. *Bolgary v Pooskol'e* (Mandrovskii mogil'nik) (Болгары в Поосколье (Мандровский могильник)). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Vinogradov, V. B., Mamaev, Kh. M. 1979. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Arkheologiya i voprosy etnicheskoj istorii Severnogo Kavkaza* (Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа). Grozny, 63–86 (in Russian).

Vinogradov, V. B., Mamaev, Kh. M., Fedorov-Davydov, G. A. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) 2, 274–278 (in Russian).

Volkov, I. V. 1989. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region). Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 7–11 (in Russian).

Volkov, I. V. 2008. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region) 23. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 478–496 (in Russian).

In Kolesnik, A. V. (ed.). 2002. *Vysla Balka – pozdnepaleoliticheskii pamiatnik na Severskom Donce* (Высла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце). Series: *Arkheologicheskii al'manakh* (Archaeological almanac) 11. Donetsk: "Donbass" Publ. (in Russian).

Gabuev, T. A. 2005. *Alansky vsadnik. Sokrovishcha kniaziei I–XII vekov* (Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков). Moscow: *The State Museum of Oriental Art* (in Russian).

Gadzhiev, M. S., Taimazov, A. I., Budaichiev, A. L., Abdulaev, A. M., Abiev, A. K. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza»* (The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages – XXX Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus). Karachay-Cherkess State University Publ., 422–425 (in Russian).

Gadzhiev, M. S., taimazov, A. I., Budaichiev, A. L., abdulaev, A. M., Abiev, A. K. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) 63 (1). 202–226 (in Russian).

Galkin, L. L. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 252–259 (in Russian).

Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 1996. In Afanasyev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst* (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context). Series: Rannesla-

vianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (The World of the early Slavs. The Archaeology of the Slavs and Their Neighbours) 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gazimzianov, I. P. 2013. In *Naselenie Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* (Население России с древнейших времен до наших дней). Rostov-on-Don, 79–81 (in Russian).

Garkavi, A. Ya. 1874. *Skazaniia evreiskikh pisatelei o khazarakh i Khazarском царстве* (Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik)* (Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Golb, N., Pritsak, O. 1997. *Evreisko-khazarские документы X века* (Еврейско-хазарские документы X века). Moscow; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda* (Proceedings of the 12nd Archaeological Congress). I. Moscow, 226–314 (in Russian).

Goncharov, V. K. 1950. *Raikovetskoe gorodishche (Raikovetskoe Settlement)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).

Grib, V. K. 2017. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 9. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 314–327 (in Russian).

Grib, V. K. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 160–169 (in Russian).

Grib, V. K., Kravcheko, E. E., Kuchugura, L. I. 2014. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2014. Donetsk, 64–96 (in Russian).

Grib, V. K., Shvetsov, M. L. 2016a. In *Okhrana, vosstanovlenie i izuchenie stepnykh ekosistem v XXI veke (Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке)*. Donetsk, 203–204 (in Russian).

Grib, V. K., Shvetsov, M. L. 2016. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati S.A. Pletnevoi (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection dedicated to the Memory of S.A. Pletneva)*. Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ. 150–170. (in Russian).

Grib, V. K., Shvetsov, M. L. 2017. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2017. Donetsk, 30–50 (in Russian).

Grinchenko, V. A. 1950. In *Arkheologiia (Archaeology)* III, 37–63 (in Russian).

Gurevich, A. Ya. 2009. In Arkad'ev, P. M. (ed.). *Aron Gurevich. Izbrannye Trudy. Norvezhskoe obshchestvo (Арон Гуревич. Избранные труды. Норвежское общество)*. Moscow: "Traditsiia" Publ., 410–430 (in Russian).

Guruleva, V. V. 2004. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)*. 1. Kiev, Sudak: "Akademperiodika" Publ., 430–441 (in Russian).

Davletshin, G. M. 1990. *Volzhskaia Bulgariia: Duhovnaia kul'tura. Domongol'skii period X – nach. XIII vv. (Волжская Булгария: Духовная культура. Домонгольский период X – нач. XIII вв.)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Davydenko, V. V., Kuzin-Losev, V. I. 2001. *Problemy arkheologii i arkhitektury (Проблемы археологии и архитектуры)* 1. Donetsk, Makeevka, 64–65 (in Russian).

Davydenko, V. V., Pirko, V. A. 2007. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2007. Donetsk: "Donbas" Publ., 76–95 (in Russian).

Davydenko, V. V., Gavrilova, A. N. 2011. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2011. Donetsk: "Donbas" Publ., 20–31 (in Russian).

Dadashov, O. S., Tatarinov, S. I. 2009. *Bahmutskii krai i khazarский kaganat (Бахмутский край и хазарский каганат)*. Artemovsk: Center of Monument Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Bakhmut Regional Branch (in Russian).

Dedov, V. N., Shetsov, M. L. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 262–263 (in Russian).

Dmitriev, A. V. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Kрым, Severo-Vostochnoe Priazov'e i Zakavkaz'e v IV-XIII vv. (Крым, Северо-Восточное Приазовье и Закавказье в IV-XIII вв.)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–206 (in Russian).

Dovzhenok, V. Y., Goncharov, V. K., Yura, R. O. 1966. *Davn'orus'ke misto Voin' (Давньоруське місто Воїнь)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Evglevskii, A. V., Kudlai, Yu. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 375–394 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia gorodov Zolotoi Ordy v XIII-XIV vv. (Историческая география городов Золотой Орды в XIII-XIV вв.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ekimova, V. V. 1989. In Vorob'eva, M. G. *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkeologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 343–378 (in Russian).

El'nikov, M. V. 2011. *Keramika Khazarskogo kaganata (VII-X vv.) i problema identifikatsii bolgarskoi keramiki v stranakh Prichernomor'ia i Povolzh'e. Tez. dokl. Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara. G. Yalta (16-20 oktiabria 2011 g.) (Керамика Хазарского каганата (VII-X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье. Тез. докл. Международного научного семинара. Г. Ялта (16-20 октября 2011 г.))*. Simferopol, 44–47 (in Russian).

Zhironkina, O. Yu., Tsitkovskaya, Yu. I. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 353–368 (in Russian).

Zakhoder, B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX-X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Zelenko, S. M. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed. in chief). *Morska torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor'ii (Maritime Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Stilos" Publ., 82–92 (in Russian).

Zilivinskaya E. D., Vasiliev D. V. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkeologicheskogo sezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal) II*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 224–226. (in Russian).

Zin'ko, V. N., Ponomarev, L. Yu. 1999. In *Arkeologiya i istoriya Bospora (Археология и история Боспора) III*, 185–212 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bolgar Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kalinina, T. M. 1976. In Pashuto, V. T. (ed.). *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia 1975 g. (The oldest States on the territory of the USSR. Materials and Research 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 90–101 (in Russian).

Kaloev, B. A. 2004. *Osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (Осетины. Историко-этнографическое исследование)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Karaulov, N. A. 1901. In *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа) 29*, 1–73 (in Russian).

Kashovskaya, N. V., Kashaev, S. V. 2010. In Nosenko-Shtein, E. E. (comp.). *Khazary: mifi i istoriya (Хазары: миф и история)*. Moscow; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 283–304 (in Russian).

Kvitkovsky, V. I. 2012. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkeologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 1. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 14–20 (in Russian).

Kvitkovsky, V. I. 2012. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkeologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 2. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 26–29 (in Russian).

Keiper, F. 1986. *Trudy po vediiskoi mifologii (Труды по ведийской мифологии)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Kirikov, S. V. 1983. *Chelovek i priroda stepnoi zony. Konets X – seredina XIX v. (Evropeiskaia chast' SSSR.) (Человек и природа степной зоны. Конец X – середина XIX в. (Европейская часть СССР).)* Moscow: "nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th – 13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1–36. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Valiulla khazrat Yagkub 1998. *Kitab-al-dzhanaiz (Китаб-ал-джанауз)*. Kazan: "Iman" Publ. (in Russian).

Klyuchnev, M. Ya. 1998. In *Problemy arkheologii Yugo-Vostochnoy Evropy. VII Donskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Issues of Archaeology of South-Eastern Europe. 7th Don Archaeological Conference)*. Rostov-na-Donu: "Institut "Otkrytoe obshchestvo"" Publ. 124–125 (in Russian).

Kliashturnyi, S. G. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 270–275 (in Russian).

Serbina, K. N. (ed.). 1950. *Kniga Bol'shomu chertezhu (Книга Большому чертежу)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kobychev, V. P. 1982. *Poseleniia i zhilishche narodov Severnogo Kavkaza (Поселения и жилище народов Северного Кавказа)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Koval, Yu. G., Kolesnik, A. V. 2011. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2011. Donetsk: "Donbas" Publ., 32–40 (in Russian).

Koval, Yu. G. 2019. In Koval, V. Yu. (ed.). *Zvuchat lish' pis'mena. K iubileiu Al'biny Aleksandrovny Medyntsevoi (Звучат лишь письма. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 200–209 (in Russian).

Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

Kavalevskaya, V. B. 1978. In Kozenkova, V. I. (ed.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 111–119 (in Russian).

Kozlov, I. V. 2015. *Naselenie stepnogo mezhdurech'ia Dunaia i Dnestra kontsa VIII – nachala XI vekov n.e.: Balkano-Dunaiskaia kul'tura (Population of the Danube-Dniester Steppes in Late 8th – Early 11th Centuries: Balkan-Danube Culture)*. Kazan; Saint Petersburg; Kishinev (in Russian)

Kokovtsov, P.K. 1913. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Журнал Министерства народного просвещения)*. XLVIII, 150–172 (in Russian).

Kokovtsov, P. K. 1932. *Evreisko-khazarskaia perepiska v X veke (Еврейско-хазарская переписка в X веке)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kokorkina, N. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 212–227 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kolesnik, A. V., Davydenko, V. V., Shamrai, A. V. 2010. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2010. Donetsk: "Donbas" Publ., 29–36 (in Russian).

Kolesnik, A. V. 2013. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2013. Donetsk: "Donbas" Publ., 29–37 (in Russian).

Koloda, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 219–232 (in Russian).

Koloda, V. V. 2002. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kiev-Kharkiv: "Karavalla" Publ., 69–78 (in Russian).

Koloda, V. V. 2012. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 2. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 30–36 (in Russian).

Koloda, V. V. 2013. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 3. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 73–81 (in Russian).

Koloda, V. V. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 382–391 (in Russian).

Koloda, V. V., Koloda, T. A. 2000. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologiya i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii (Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий)*. Donetsk, 117–119 (in Russian).

Koloda, V. V., Koloda, T. A. 2008. In Oleinik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 8. Kiev-Kharkiv: "Karavalla" Publ. 203–215 (in Russian).

Koloda, V. V., Lebedev, V. P., Enukov, V. V. 2014. In Petrov, P. N. (ed.). *Bezliudovskii klad X v.: materialy i issledovaniia (Bezlyudovskiy Hoard of 10th century: Materials and Studies)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 18. Kazan: "Otechestvo" Publ., 6–160 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v Drevney Rusi (domongol'skiy period) (Ferrous Metallurgy and Metalworking in Ancient Russia (Pre-Mongol Period))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Komar, A. V. 1999. In *Vita antiqua*. 2, 111–136 (in Russian).

Komar, A. V. 2004. In Kukovalskaya, N. M. (ed.). *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy II Sudakskoy konferentsii (The Black Sea Area, Crimea and Rus in History and Culture. Proceedings of the 2nd Sudak Conference)* 3-4. Kiev-Sudak: "Akademperiodika" Publ., 87–91 (in Russian).

Komar, A. V. 2010-2011. In Oleynik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 9. Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 131–184 (in Russian).

Konstantin Bagrianorodnyi. *Ob upravlenii imperiei (Constantine Porphyrogenitus. On the Administration of the Empire)*. 1991. In Litavrin, G. G., Novosel'tseva, A. P. (eds.). *Drevneishie istochniki po istorii narodov SSSR (Ancient Sources on the History of the Peoples of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kopyl, A. G., Tatarinov, S. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 267–269 (in Russian).

Kopyl, A. G., Tatarinov, S. I. 1990. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoi Evrope (Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoi Evrope)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 52–71 (in Russian).

Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologicheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).

Kravchenko, E. E. 1989. *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse)*. Donetsk, 55–57 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 1992. In Likhoblova, Z. G. (ed.). *Novi storinki z istorii Donbassu (Novi storinki z istorii Donbassu)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 18–25 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Gusev, O. A., Davydenko, V. V. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 7. 113–140 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 75–100 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2004a. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev-Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 242–276 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2004b. In *Materialy Odinnadtsatoi Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Mezhdisciplinarnoi konferentsii po iudaike (g. Moskva, 3–5 fevralia 2004 g.) (Materialy Odinnadtsatoi Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Mezhdisciplinarnoi konferentsii po iudaike (3–5 fevralia 2004 g., Moskva))* 1. Moscow, 24–39 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2005. In *Problemy zberezheniia i vikoristanniia kul'turnoi spadshchini v Ukraini (Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage in Ukraine)*. Slovyansk: "Pechatnyi dvor" Publ., 208–222 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2005b. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 153–186 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Yalta: "Kopi-Tsentr" Publ., 66–73 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: *Antiquities of the Don* 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 242–263 (in Russian).

Kravchenko, E. E. . 2009. In Rudenko, K. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы)*. Kazan: “Shkola” Publ., 136–147 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2011. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* (25). 270–296 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: “Shkola” Publ., 142–153 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2012b. In Dobrov, P. V. (ed.). *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2012. Donetsk: “Donbas” Publ., 12–25 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 30. 278–302 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 407–474 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2016a. In *Okhrana, vosstanovlenie i izuchenie stepnykh ekosistem v XXI veke (Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке)*. Donetsk, 209–210 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 287–289 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2018a. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 88–92 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2018b. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 10–32 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 669–690 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 121–124 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Spinov, V. V. 2013. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2013. Donetsk: “Donbas” Publ., 38–51 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Shamrai, A. V. 2003. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* 3–4, 70–82 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 233–302 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Miroschnichenko, V. V., Petrenko, A. N., Davydenko, V. V. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 261–356 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N. 2010. In Dobrov, P. V. (ed.). *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2010. Donetsk: “Donbas” Publ., 37–48 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Kul'baka, V. K. 2010. In Nosenko-Shtein, E. E. (comp.). *Khazary: mifi i istoriia (Хазары: миф и история)*. Moscow; Jerusalem: “Gesharim” Publ., 275–282 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Spinov, V. V. 2011a. In *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac)* 2011. Donetsk: “Donbas” Publ., 50–58 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Shamrai, A. V. 2014. In *Problemy zberezheniia i vikoristanniia kul'turnoi spadshchini v Ukraini (Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage in Ukraine)*. Donetsk: “Vash imidzh” Publ., 183–192 (in Russian).

Krasil'nikov, K. I. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 267–278 (in Russian).

Krasil'nikov, K. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 48–60 (in Russian).

Krasil'nikov, K. I. 1991. In *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of the Proto-Bolgar History and Culture)* 2. Sofia: “Agres” Publ., 62–81 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 1999. In *Vita antiqua* (2), 170–177 (in Ukrainian).

Krasilnikov, K. I. 2001a. In *Vshodnoznavchi chitannia A.Krims'kogo. Tezi dopovidei mizhnarodnoi naukovoï konferentsii. (10-12 zhovtnja 2001 r.) (V shtodnoznavchi chytannia A.Krim's'kogo. Tezi dopovidei mizhnarodnoi naukovoï konferentsii. (10-12 zhovtnja 2001 r.))*. Kiev, 91–92 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2001b. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 303–322 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2006. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine) 5*, 299–328 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2010. In Mochalova, V. V. (ed.). *Nauchnye trudy po iudaïke. Materialy XVII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaïke (Scientific Works on Jewish Studies. Materials of the 17th Annual International Conference on Jewish Studies) II*. Moscow: “Probel-2000” Publ., 16–32 (in Russian).

Krasilnikov, K. I., Krasilnikova, L. I. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 187–244 (in Russian).

Krasilnikova, L. I. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 323–332 (in Russian).

Kropotkin, V. V. 1978. In Nikolaeva, T. V. (ed.). *Drevniaia Rus i slaviane (Drevnïia Rus' i slaviane)*. Moscow: “Nauka” Publ., 111–118 (in Russian).

Kudryavtsev, A. A. 1985. In Mamaev, M. M. (ed.). *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza (Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza)*. Makhachkala, 125–146 (in Russian).

Kuznetsov, V. A. 1961. *Materialy po arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii (Materials of the Archaeology and Ancient History of North Osetia)*. Ordzhonikidze: Publishing Office of the Publications Department under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 62–135 (in Russian).

Kussaeva, S. S. 1961. *Materialy po arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii (Materials of the Archaeology and Ancient History of North Osetia)*. Ordzhonikidze: Publishing Office of the Publications Department under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 51–61 (in Russian).

Kulzhinsky, G. 2005. *Sviatye Gory v istoricheskikh opisaniïakh proshlykh vekov (Sviatye Gory v istoricheskikh opisaniïakh proshlykh vekov)*. Svyatogorsk, 105–247 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepei (Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepei)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evrazijskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 152–168 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2012. In Munchaev, R. M., Korenevsky, S. N. (eds.). *Problemy arkheologii Kavkaza (Problemy arkheologii Kavkaza)*. Moscow: “Taus” Publ., 226–244 (in Russian).

Laptev, A. A. 2007. In *Kharkovskiy arkheologicheskii sbornik (Kharkiv Archaeological Collection) 5*, 12–20 (in Russian).

Laptev, A. A. 2013. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 3. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 88–96 (in Russian).

Laptev, A. A., Aksenov, V. S. 2012. In *Arkheologiya (Archaeology) 4*. 95–109 (in Ukrainian).

Larenok, P. A. 1993. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 godu (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region) 11*. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 130–137 (in Russian).

Loktyushev, S. A. 2009. In Otroshchenko, V. V. (ed.). *Kraeznavchi zapiski (Notes on Local History) 5*. Lugansk: “Virtual'naia real'nost'” Publ., 299–300 (in Russian).

L'vova, Z. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 75*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 307–332 (in Russian).

Lyapushkin, I. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 85–150 (in Russian).

Magomedov, M. G. 1983. *Obrazovanie Khazarskogo kaganata (Образование Хазарского каганата)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Maiko, V. V. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed. in chief). *Morska torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor' (Maritime Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev: “Stilos” Publ., 118–122 (in Russian).

Maiko, V. V. 2005. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 4. Kiev-Kharkiv: “International Solomon University” Publ., 234–243 (in Russian).

Maiko, V. V., Gavrilov, A. V., Gukin, V. D. 2009. In Olenik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 8. Kiev-Kharkiv: “Karavella” Publ., 237–263 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Ufa: “Nauka” Publ. (in Russian).

Makarova, T. I., Pletneva, S. A. 2002. In Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: State Historical Museum, 107–114 (in Russian).

Maksimov, E. V., Petrashenko, V. A. 1988. *Slavianskie pamiatniki u s. Monastyrek na Srednem Dnepre (Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Maslovsky, A. N. 1997. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 godu (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region)* 14. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 143–153 (in Russian).

Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'nik rannikh bulgar na Samarskoï Luke (Могильники ранних болгар на Самарской Луке)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Dedov, V. N., Shamray, A. V., Solovkin, O. O. (comp.). *Material'na ta dukhovna kul'tura naseleunia Podinciv'ia v period seredn'ovichchia VIII-XIV st. na prikladi gorodishcha «Tsarine» (Maiats'ke) (Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII-XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке))*. Kiev: “SAM” Publ. (in Ukrainian).

Matsulevich, L. A. 1959. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* 16, 183–205 (in Russian).

Minorsky, V. F. 1963. *Istoriia Shirvana i Derbenda X-XI vekov (История Ширвана и Дербенда X-XI веков)*. Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: Kharkiv State University (in Russian).

Mikheev, V. K., Kopyl, A. G. 1989. *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе)*. Donetsk, 50–53 (in Russian).

Mikheev, V. K., Stepans'ka, P. B., Fomin, L. D. 1973. In Baran, V. D. (ed.). *Arkheologiia (Archaeology)* 9. Kiev: “Naukova Dumka” Publ., 90–99 (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. 2009. In Olenik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 8. Kiev-Kharkiv: “Karavella” Publ., 265–276 (in Russian).

Motsia, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Put' iz Bulgara v Kiev: puti, sviazi, sud'by (Journey from Bolgar to Kiev: Routes, Links and Fates)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Mysko, Yu. V., Pivovarov, S. V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 5. 309–315 (in Russian).

Nakhapetyam, V. E. 1989. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (Ранние болгары в Восточной Европе)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Nakhapetyam, V., Shamrai, A. In *Arkheologiia (Archaeology)* 2, 41–45 (in Bulgarian).

Novosel'tsev, A. P. 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii narodov Vostochnoi Evropy i Severnogo Kavkaza (Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Oblomsky, A. M. 1999. In Levada, M. E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoi kul'ture (The Hundredth Anniversary of Chernyakhov Culture)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 26–38 (in Russian).

Orlov, R. S., Motsya, A. P., Pokas, P. M. 1985. In Tolochko, P. P. (ed.). *Zemli Yuzhnoi Rusi IX-XIV vv.: istoriia i arkhologiiia (Southern Russian Lands in the 9th-14th cc.: history and archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 30–62 (in Russian).

Ovchinnikova, B. B. 2010. In Nosov, E. N., Beletskii, S. V. (ed.). *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран)* II. Moscow: "Lomonosov" Publ., 114–123 (in Russian).

Oleinikov, O. M. 2019. In Koval, V. Yu. (ed.). *Zvuchat lish' pis'mena. K iubileiu Al'biny Aleksandrovny Medyntsevoi (Звучат лишь письма. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 323–351 (in Russian).

Ostanina, T., 2011. In *Finno-Ugrica* (12-13), 40–155 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1971. In Tolochko, P. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1968 g. (Археологические исследования на Украине в 1968 г.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 10–13 (in Russian).

Parkhomenko, O. V. 1983. In *Arkheologiiia (Archaeology)* 43, 75–87 (in Russian).

Parshina, E. A. 1991. In Tolochko (ed.). *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Tauris)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 64 – 100 (in Russian).

Parshina, E. A., Teslenko, I. B., Zelenko, S. M. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed. in chief). *Morska torgivlia v Pivnichnomy Prichornomor' (Maritime Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Stilos" Publ., 52–81 (in Russian).

Perevochnikov, V. I. 1990. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 godu (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region)* 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 160–224 (in Russian).

Petrov, I. V. 2014a. In *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia (Успехи современного естествознания)* 10, 30–33 (in Russian).

Petrov, I. V. 2014b. In *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia (Успехи современного естествознания)* 10, 28–30 (in Russian).

Pirko, V. A. 1995. *Istoriia Doneckogo kraia v dokumentakh i materialakh (История Донецкого края в документах и материалах)*. Donetsk (in Russian).

Pirko, V. A. 2001. *Dzherela do istorii naselenikh punktiv Donechchini XVI-XVIII st. (Джерела до історії населених пунктів Донеччини XVI-XVIII ст.)*. Donetsk (in Ukrainian).

Pletneva, S. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 212–272 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 241–251 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1963. In Rybakov, B. A. (ed.). *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and Glass of Ancient Tmutarakan)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–72 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1981a. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62–75 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1981b. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 75–77 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarском pogranič'e. Dmitrievskii arkhologičeskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1995. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (4). 271–397 (in Russian).

Pletneva, S. A. 2000. *Očerki khazarской arkhologii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moskva; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i shelkovyi put' (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

- Pletneva, S. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* (1), 32–63 (in Russian).
- Pletneva, S. A., Nikolaenko, A. G. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 279–298 (in Russian).
- Pokrovsky, A. M. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo sezda (Proceedings of the 12nd All-Russia Archaeological Congress)* I. Moscow, 465–491 (in Russian).
- Poshivailo, O. 1993. *Etnografiiia ukrains'kogo goncharstva (Етнографія українського гончарства)*. Kiev: “Molod” Publ. (in Ukrainian).
- Lavrent'evskaia i Troitskaia letopisi (Laurentian and Trinity Chronicles)*. 1846. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 1. Saint Petersburg. (in Russian).
- Letopis po Ipat'evskomu spisku. (Летопись по Ипатскому списку)*. 1871. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 2. Saint Petersburg. (in Russian).
- P'yankov, A. V. 1990. In Zhdanovsky, A. M., Marchenko, I. I. (eds.). *Drevnie pamiatniki Kubani (Древние памятники Кубани)*. Krasnodar: All-Union Society for Conservation of Historical and Cultural Sites, Krasnodar Section, 158–165 (in Russian).
- Rashev, R. 2004. *Prablgarite prez V-VII v. (Прабългарите през V-VII в.)*. Sofia: “Faber” Publ. (in Bulgarian).
- Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiiskogo Khersona (Amphoras from Byzantine Kherson Complexes)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Russev, N. D. 1982. In Gudkova, A. V. (ed.). *Pamiatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 40–55 (in Russian)
- Rybakov, B. A. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 35. 3–17 (in Russian).
- Ryzhova, S. G., Sedikova, L. V. 1999. In Zolotarev, M. I. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. X. Sevastopol. 312–329. (in Russian).
- Savcheko, E. I. 1986. In Kamenetskii, I. S. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh. Вып. 1: Drevnosti Severnogo Kavkaza (Archaeological Discoveries at New Building Sites. Iss. 1. Antiquities of the North Caucasus)*. Moscow: “Nauka” Publ., 70–101 (in Russian).
- Sakharov, A. N. 1982. *Diplomatiiia Sviatoslava (Дипломатия Святослава)*. Moscow: “Mezhdunarodnye otnosheniia” Publ. (in Russian).
- Svistun, G. E. 2012. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. 2. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 79–84 (in Russian).
- Svistun, G. E. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 12. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 51–102 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye ukrasheniia drevnego Novgoroda X-XV vv. (Ювелирные украшения древнего Новгорода X-XV вв.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. (Eastern Slavs in 6th–13th Centuries)*. Series: *Archaeology of the USSR* 14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E., Shalobudov, V. N. 1995. In Artamonov, M. I., Klein, L. S. (eds.). *Problemy arkheologii (Archaeological Issues)*. Leningrad: Leningrad State university, 180–183 (in Russian).
- Semenov, A. I. 1993. *Tez dokl. Vtoroi kubanskoi arkheologicheskoi konferentsii (Тез докл. Второй кубанской археологической конференции)*. Krasnodar (in Russian).
- Semenov-Zuser S. A. 1952. In *Arkheologichni pam'iatki URSS (Археологічні пам'ятки УРСР)* 3, 271–284 (in Ukrainian).
- Semykin, Yu. A. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiiia n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 66–83 (in Russian).
- Sibilev, N. V. 1926. *Drevnosti Iziumshchiny (Antiquities of the Izium Region)* 1. Izium (in Russian).
- Sibilev, N. V. 1930. *Starovinnosti Iziumshchiny (Antiquities of the Izium Region)* 4. Izium (in Ukrainian).
- Sibilev, M. V. 1950. In *Arkheologiya (Archaeology)* IV, 99–114 (in Russian).

Smilenko, A. T. 1975. *Sloviani ta ikh susidi u stepovomu Podniprovi (II-XIII st.) (Словяни та їх сусіди у степовому Подніпрові (II-XIII ст.))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Smilenko, A. T. 1988. In Timoshchuk, B. A. (ed.). *Drevnosti slavian i Rusi (Древности славян и Руси)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sorokin, S. S. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 135–199 (in Russian).

Sorokina, N. P. 1963. In Rybakov, B. A. (ed.). *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and Glass of Ancient Tmutarakan)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 134–174 (in Russian).

Spesivtsev, V. F. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12nd Archaeological Congress)*. I. Moscow, 153–156 (in Russian).

Spinov, V. V. 2012. In Dobrov, P. V. (ed.). *Sviatogirs'kkii al'manakh (Svyatogirsky Almanac) 2012*. Donetsk: "Donbas" Publ., 26–54 (in Russian).

Subbotin, L. V., Chernyakov, I. T. 1982. In Gudkova, A. V. (ed.). *Pamiatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 160–168 (in Russian).

Symonovich, E. A. 1962. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 87. 67–69 (in Russian).

Tarabanov, V. A. 1997. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istorikoarkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 3. Armavir; Moscow, 74–80 (in Russian).

Tatarinov, S. I., Kopyl, A. G. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 300–307 (in Russian).

Takhtai, A. K. 1999. In *Vita antiqua*. 2, 160–169 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.-in-chief). *Morska torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor' (Maritime Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Stilos" Publ., 123–129 (in Russian).

Tolstoy, I. I. 1914. *Vizantiiskii monety (Византийские монеты)*. IX. Petrograd (in Russian).

Tortika, A. A. 2006. *Severo-Zapadnaia Khazariia v kontekste istorii Vostochnoi Evropy (Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы)*. Kharkiv: Kharkiv State Academy of Culture (in Russian).

Totev, B., Pelevina, O. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarское время (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 43–60 (in Russian).

Gemuev, I. N. (ed.). 1989. *Traditsionnoe mirovovzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Chelovek, obshchestvo (Traditional Philosophy of the Turks from Southern Siberia. Man, society)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Usachuk, A. N., Panasyuk, N. V. 2014. In *Vestnik RUDN. Serii: Istorii Rossii (RUDN Journal of Russian History)* 4. 34–46 (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 247–248 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229–236 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. In *Numizmatika v istoricheskom muzee (Numismatics in Historical Museum)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 115. Moscow: State Historical Museum, 89–100 (in Russian).

Theophanes Confessor. 1980. In Chichurov, I. S. (ed.). *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia (Византийские исторические сочинения)*. Moscow: "Nauka" Publ., 17–144 (in Russian).

Filaret (Gumilevskii, D. G.). 2004. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kharkovskoi eparkhii (Историко-статистическое описание Харьковской епархии)* 1. Kharkiv: "Rayder-Saga" Publ. (in Russian).

Flerov, V. S. 1979. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Arkheologiia i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza (Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа)*. Grozhny, 94–102 (in Russian).

Flerov, V. S. 1984. In Pletneva, S. A. (ed.). *Maiatskoe gorodishche (Mayaki Fortified Settlement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142–199 (in Russian).

Flerov, V. S. 2000. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V-VIII vv. Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh (Аланы Центрального Предкавказья V-VIII вв. Обряд обезвреживания погребенных)*. Moscow: "Polimedia" Publ. (in Russian).

Flerov, V. S. 2002. In Petrukhin, V. Ya., Fedorchuk, A. M. (ed.). *Khazary (Khazars)*. Moscow, 93–96 (in Russian).

Flerov, V. S. 2009. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Tjurkologicheskii sbornik 2003–2004: Tjurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e (Collected Papers on Turkic Studies 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 312–349 (in Russian).

Flerova, V. E. 1997. *Graffiti Khazarii (Граффити Хазарии)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian)

Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolektsii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).

Fonyakova, N. A. 2010. *Prikladnoe iskusstvo Khazarii vtoroi poloviny VIII-X vv. po materialam khudozhestvennoi metalloobrabotki (Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII-X вв. по материалам художественной металлообработки)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–56 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Khakimzyanov, F. S. 1978. *Iazyk epitafii Volzhskikh Bulgar (Язык эпитафий Волжских Булгар)*. Moscow; "Nauka" Publ. (in Russian).

Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Khismatullin, A. A., Kriukova, V. Yu. 1997. *Smert' i pokhoronnyi obriad v islame i zoroastrizme (Death and Funerary Rite in Islam and Zoroastrianism)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102. (in Russian).

Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L. 1992. In *Stepi Vostochnoi Evropy vo vzaimosviazi Vostoka i Zapada v srednevekov'e (Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье)*. Donetsk, 74–78 (in Russian).

Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhayova, G. K., Fritzen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 125–192 (in Russian).

Khozin, S. R. 2007. In Dobrov, P. V. (ed.). *Sviatogirskii al'manakh (Svyatogirsky Almanac) 2007*. Donetsk: "Donbas" Publ., 69–74 (in Russian).

Khrisimov, N. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 9–42 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'no-aziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tsimidanov, V. V. 2001. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 10. Donetsk: "Bytservis" Publ., 270–296 (in Russian).
- Chernigova, N. V. 1998. In *Visnik Harkivs'kogo derzhavnogo universitetu, seria: Istoria (The journal of Kharkiv State University, series: History)* 413 (30), 52–58. (in Russian).
- Chkhaidze, V. N. 2008. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove (Tamatarkha. Early Medieval Town on the Taman Peninsula)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
- Shamray, A., Dukhin, O. 1997. In Pioro, V. I. (ed.). *V Mizhnarodna arkheologichna konferentsiia studentiv ta molodikh vchenikh (V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених)*. Kiev: Kiev University, 135–138 (in Russian).
- Shamrai, A. V., Solovkin, A. A., Poltavets, S. M. 2015. In Dobrov, P. V. (ed.). *Sviatogirs'kii al'manakh (Svyatogirsky Almanac) 2015*. Donetsk: "Donbas" Publ., 200–204 (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 1981. In Artemenko, I. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Podneprov'ia (Древности Среднего Поднепровья)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 96–106 (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 1991. In *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of the Proto-Bolgar History and Culture)* 2. Sofia: "Agres" Publ., 109–123 (in Russian).
- Shvetsov, M. L., Sanzharov, S. N., Pryn', A. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 333–346 (in Russian).
- Shihaidov, A. R., 1984. *Epigraficheskie pamiatniki Dagestana X-XVII vv. kak istoricheskii istochnik (Epigraphic Monuments of Dagestan of the 10th–17th Centuries as a Historical Source)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shepko, L. G. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 158–173 (in Russian).
- Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Donetsa. (Antiques of the Seversky Donets region)*. Khar'kov: "Izd-vo Khar'kovskogo Trudovogo znameni Gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kova" Publ. (in Russian).
- Yablonskii, L. T., Gerasimova, M. M., Rud', N. M., 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Yavornitsky, D. I. 1990. *Istoriia zaporozhskikh kazakov (История запорожских казаков)* 1. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Yagodin, V. N., Khozhaiov, T. K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana (Некрополь древнего Миздахкана)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Yakobson, A. L. 1951. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (15), 325–344 (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Yashaeva, T. Yu. 1999. In Zolotarev, M. I. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. X. Sevastopol. 349–360. (in Russian).
- Arbman H. 1940. *Birka I Die Gräber*. Uppsala.
- Dunlop, D. M. 1972. *The history of the jewish Khazars*. New York: Schocken books (in English).
- Kozlov, V. I. 1990. In *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten* (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 171–192 (in German).
- Krasilnikov, K. I. 1990. In *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten* (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 193–244 (in German).
- Parchomenko, O. V. 1990. In *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten* (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 291–312 (in German).
- Semenov, A. I. 1994. In *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg (in Russian).
- Flörov, V. S. 1990. In *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten* (Hg. Cs. Balint) *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapest, 113–135 (in German).
- Sear, D. R. 1974. *Byzantine coins and their values* London, Seaby (in English).

REPORTS

Gorbov, V. N., Usachuk, A. N., Grib, V. K. 1989. *Otchet o polevykh issledovaniakh Novoazovskoi ekspeditsii v 1989 g. (Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1989 г.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/75 (in Russian).

Kolesnik, A. V., Podoped, V. A., Dedov, V. N., Litvinenko, R. A. 1989. *O robotakh arkheologicheskoi ekspeditsii ETO "Fond" pri Donetsk otdelenii Ukrainського фонда kul'tury v 1989 g. (О работах археологической экспедиции ЭТО "Фонд" при Донецком отделении Украинского фонда культуры в 1989 г.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/239 (in Russian).

Kolesnik, A. V., Kravchenko, E. E., Gusev, O. A. 1996. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo mogil'nika v s. Sidorovo Slavianskogo raiona Donetskoi oblasti (Отчет о раскопках средневекового могильника в с. Сидорово Славянского района Донецкой области)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1996/74 (in Russian).

Kolesnik, A. V., Kravchenko, E. E. 1997. *Otchet o issledovaniakh Sidorovskogo srednevekovogo mogil'nika v 1997 g. (Отчет о исследованиях Сидоровского средневекового могильника в 1997 г.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1997/65 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Shvetsov, M. L. 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh spasatel'nykh issledovaniakh na pamiatnike Tsarino gorodishche (Отчет об археологических спасательных исследованиях на памятнике Царино городище)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1990/188 (in Russian).